ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

For th Year

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

3rd book

ТОМЪ II.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul
at Birmingham, Eng.

ОБРЫВЪ

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Райскій считалъ себя не новѣйшимъ, т. е. не молодымъ, но отнюдь не отсталымъ человѣкомъ. Онъ открыто заявлялъ, что вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его «черепашій» шагъ, самъ онъ не спѣшилъ укладывать себя всего въ какое-нибудь, едва обозначившееся десятилѣтіе, дешево отрекаясь, и отъ завѣщанныхъ исторіею, добытыхъ наукой, и еще болѣе отъ выработанныхъ собственной жизнію убѣжденій, наблюденій и опытовъ, въ виду едва занявшейся зари quasi-новыхъ идей, болѣе или менѣе блестящихъ или остроумныхъ ипотезъ, на которыя бросается жадная юность. Онъ ссылался на свои лѣта, говоря, что для него наступила пора выжиданія и осторожности; тамъ, гдѣ не увлекала его фантазія, онъ терпѣливо шелъ за вѣкомъ. Его занималъ общій ходъ и развитіе идей, побѣды науки, но онъ выжидалъ результатовъ, не дѣлая pas de géants, не спѣша креститься въ новую вѣру, предлагающую всевозможныя умозрѣнія и часто невозможные опыты. Онъ привѣтствовалъ смѣлые шаги искусства, рукоплескалъ новымъ откровеніямъ и открытіямъ, видоизмѣняющимъ, но не ломающимъ жизнь, праздновалъ естественное, но не насильственное рожденіе новыхъ ея требованій, какъ празд-

---

*) См. выше, янв. 5—137.

новалъ весну съ новой зеленью, не провожая безплодной и неблагодарной враждой отходящаго порядка и отживающихъ началъ, вѣря въ ихъ историческую неизбѣжность и неопровержимую, преемственную связь съ «новой весенней зеленью», какъ бы она нова и ярко-зелена ни была.

Отъ этого, бросая въ горячемъ спорѣ бомбу въ лагерь неуступчивой старины, въ деспотизмъ своеволія, жадность плантаторовъ, отыскивая въ людяхъ людей, исповѣдуя и проповѣдуя человѣчность, онъ добродушно и снисходительно воевалъ съ бабушкой, видя, что, подъ старыми, заученными правилами, таился здравый смыслъ и житейская мудрость и лежали сѣмена тѣхъ началъ, что̀ безусловно присвоивала себѣ новая жизнь, но что̀ было только завалено уродливыми формами и наростами въ старой.

Открытіе въ Вѣрѣ смѣлости ума, свободы духа, жажды чего-то новаго — сначала изумило, потомъ ослѣпило двойной силой красоты—внѣшней и внутренней, а наконецъ отчасти напугало его, послѣ отреченія ея отъ «мудрости». «Не мудрая дѣва», сказала она, и вздрогнула. «Мудреная», рѣшилъ онъ и задумался надъ этимъ.

Да, это не простодушный ребенокъ, какъ Мареинька, и не «барышня». Ей тѣсно и неловко въ этой устарѣвшей, искусственной формѣ, въ которую такъ долго отливался складъ ума, нравы, образованіе и все воспитаніе дѣвушки до замужества. Она чувствовала условную ложь этой формы и отдѣлалась отъ нея, добиваясь правды. Въ ней много именно того, чего онъ напрасно искалъ въ Наташѣ, въ Бѣловодовой: спирта, задатковъ самобытности, своеобразія ума, характера—всѣхъ тѣхъ силъ, изъ которыхъ должна сложиться самостоятельная, настоящая женщина, и дать направленіе своей и чужой жизни, многимъ жизнямъ, освѣтить и согрѣть цѣлый кругъ, куда поставитъ ее судьба. Она пока младенецъ, но съ титанической силой: надо только, чтобъ сила эта правильно развилась и разумно направилась. Онъ положилъ бы всю свою силу, чтобы помочь ей найти искомое, бросилъ бы сѣмена своихъ знаній, опытовъ и наблюденій на такую благодарную и богатую почву: это опять не миражъ, это подвигъ очеловѣчиванія, долгъ, къ которому мы всѣ призваны и безъ котораго немыслимъ никакой прогрессъ.

Но какія капитальныя препятствія встрѣтились ему — одно: она отталкиваетъ его, прячется, уходитъ въ свои права, за свою дѣвическую стѣну, стало быть... не хочетъ. А между тѣмъ она недовольна своимъ положеніемъ, рвется изъ него, стало быть нуждается въ другомъ воздухѣ, другой пищѣ, другихъ людяхъ. Кто же ей дастъ новую пищу и воздухъ? гдѣ люди?

Онъ по родству—близкое ей лицо, онъ одинъ, и случайно, и по праву, можетъ и долженъ быть для нея этимъ авторитетомъ. И бабушка писала, что назначаетъ ему эту роль. Вѣра умна, но онъ опытнѣе ея и знаетъ жизнь. Онъ можетъ остеречь ее отъ грубыхъ ошибокъ, научить распознавать ложь и истину, онъ будетъ работать, какъ мыслитель и какъ художникъ; этой жаждѣ свободы дастъ пищу: идеи добра, правды, и какъ художникъ вызоветъ въ ней внутреннюю красоту на свѣтъ! Онъ угадалъ бы ея судьбу, ея урокъ жизни и... и... вмѣстѣ бы исполнилъ его»! Вотъ чего ему все хочется: «вмѣстѣ»! Отъ этого желанія онъ не можетъ отдѣлаться, стало быть не можетъ дѣйствовать безкорыстно: и это есть второе препятствіе.

Третье препятствіе еще правда въ туманѣ, гадательное, но есть уже въ виду, и оно самое капитальное: это — пока подозрѣніе, что кто-нибудь уже предупредилъ его, кому-нибудь она ввѣрила угадывать свою судьбу, исполнять урокъ жизни «вмѣстѣ». «Вотъ что скверно: это хуже всего»! говорилъ онъ и рѣшалъ, что ему даже, не дожидаясь объясненія и подтвержденія догадки объ этомъ третьемъ препятствіи, о «двойникѣ», слѣдуетъ бѣжать безъ оглядки, а не набиваться ей на дружбу.

Простительно какому-нибудь Викентьеву напустить на себя обманъ, а ему ли, прожженному опытами, не знать, что всѣ любовныя мечты, слезы, всѣ нѣжныя чувства — суть только цвѣты, подъ которыми прячутся нимфа и сатиръ?...

Послѣдствія всего этого извѣстны, все это исчезаетъ, не оставляя по себѣ слѣда, если нимфа и сатиръ не превращаются въ людей, т. е. въ мужа и жену, или въ друзей на всю жизнь.

«Нимфа моя не хочетъ избрать меня сатиромъ,—заключилъ онъ со вздохомъ,—слѣдовательно нѣтъ надежды и на метаморфозу въ мужа и жену, на счастье, на долгій путь! А съ красотой ея я справлюсь: мнѣ она все равно, что ничего»...

Утромъ онъ чувствовалъ себя всегда бодрѣе и мужественнѣе для всякой борьбы: утро приноситъ съ собой силу, цѣлый запасъ надеждъ, мыслей и намѣреній на весь день: человѣкъ упорнѣе налегаетъ на трудъ, мужественнѣе несетъ тяжесть жизни. И Райскій развлекался отъ мысли о Вѣрѣ, съ утра его манили въ разныя стороны летучія мысли, свѣжесть утра, встрѣчи въ домашнемъ гнѣздѣ, новыя лица, поле, газета, новая книга, или глава изъ собственнаго романа. Вечеромъ только начинается все прожитое днемъ сжиматься въ одинъ узелъ, и у кого сознательно, у кого безсознательно, подводится итогъ «злобѣ дня». Вотъ тутъ Райскій повѣрялъ себя, что̀ улетало изъ накопившагося въ день запаса мыслей, желаній, ощущеній, встрѣчъ

и лицъ. Оказывалось, что улетало все — и съ нимъ оставалась только Вѣра. Онъ съ досадой вертѣлся въ постели и засыпалъ— все съ одной мыслью и просыпался съ нею же. «Нужна дѣятельность», рѣшилъ онъ—и за неимѣніемъ «дѣла», бросался въ «миражи»: ѣздилъ съ бабушкой на сѣнокосъ, въ овсы, ходилъ по полямъ, посѣщалъ съ Мароинькой деревню, вникалъ въ нужды мужиковъ; и развлекался также: былъ за Волгой, въ Колчинѣ, у матери Викентьева, ѣздилъ съ Маркомъ удить рыбу, оба поругались опять и надоѣли одинъ другому, ходилъ на охоту—и въ самомъ дѣлѣ развлекся. «Вотъ и хорошо: поработаю еще надъ собой и исполню данное Вѣрѣ обѣщаніе»,—думалъ онъ и не видалъ ее дня по три. Ей носили кофе въ ея комнату; онъ иногда не обѣдалъ дома, и все шло какъ нельзя лучше. Онъ даже замѣтилъ гдѣ-то въ слободѣ хорошенькую женскую головку и мимоѣздомъ однажды поклонился ей, она засмѣялась и не спряталась. Онъ узналъ, что она дочь какого-то смотрителя, онъ и не добирался—смотрителя чего, такъ какъ у насъ смотрителей множество. Онъ замѣтилъ только, что этотъ смотритель не смотрѣлъ за своей дочерью, потому что головка, какъ онъ увидѣлъ потомъ, улыбалась и другимъ прохожимъ. Онъ посылалъ ей рукой поцѣлуй и получилъ въ отвѣтъ милый поклонъ. Раза два онъ уже подъѣзжалъ верхомъ къ ея окну и заговорилъ съ ней, доложивъ ей, какъ она хороша, какъ онъ по уши влюбленъ въ нее. «Да вы все вре-те, протяжно говорила она: такъ я вамъ и повѣрила! Мужчины извѣстно — подлецы»!

— Будто всѣ?

— Извѣстное дѣло — мужчины! Сколько у меня перебывало— знаю я ихъ! Не надуете! проваливайте!

Долго развлекала его эта, опытомъ добытая «мудрость» мѣщанки.

Чтобы уже довершить надъ собой побѣду, — о которой онъ, надо правду сказать, хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, не спрашивая себя только, что̀ кроется подъ этимъ рвеніемъ: искреннее ли намѣреніе оставить Вѣру въ покоѣ и уѣхать, или угодить ей, принести «жертву», быть «великодушнымъ», — онъ обѣщалъ бабушкѣ поѣхать съ ней съ визитами, и даже согласился появиться среди ея городскихъ гостей, которые пріѣдутъ въ воскресенье «на пирогъ».

II.

Въ воскресенье онъ засталъ много народу въ парадной гостиной Татьяны Марковны. Все сіяло тамъ. Чехлы съ мебели, обитой малиновымъ штофомъ, были сняты; фамильнымъ портретамъ Яковъ протеръ мокрой тряпкой глаза—и они смотрѣли острѣе, нежели въ будни. Полы натерли воскомъ. Яковъ былъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, а Егорка, Петрушка и новый, только-что изъ деревни взятый въ лакеи Степка, не умѣвшій стоять прямо на ногахъ, одѣты были въ старые, не по росту каждому, ливрейные фраки, отъ которыхъ несло затхлостью кладовой. Ровно въ полдень въ залѣ и гостиной накурили шипучимъ куревомъ, съ запахомъ какого-то сладкаго соуса.

Сама Бережкова, въ шелковомъ платьѣ, въ чепцѣ на затылкѣ и въ шали, сидѣла на диванѣ. Около нея, полукружіемъ въ креслахъ, по порядку сидѣли гости. На первомъ мѣстѣ Нилъ Андреевичъ Тычковъ, во фракѣ, со звѣздой, важный старикъ, съ сросшимися бровями, съ большимъ расплывшимся лицемъ, съ подбородкомъ, глубоко уходившимъ въ галстухъ, съ величавой благосклонностью въ рѣчи, съ чувствомъ достоинства въ каждомъ движеніи. Потомъ неизмѣнно скромный и вѣжливый Титъ Никонычъ, тоже во фракѣ, со взглядомъ обожанія къ бабушкѣ, съ улыбкой ко всѣмъ; священникъ, въ шелковой рясѣ и съ вышитымъ широкимъ поясомъ, совѣтники Палаты, гарнизонный полковникъ, толстый, коротенькій, съ налившимся кровью лицомъ и глазами, такъ что, глядя на него, дѣлалось «за человѣка страшно», двѣ-три барыни изъ города, нѣсколько шепчущихся въ углу молодыхъ чиновниковъ и нѣсколько неподросшихъ дѣвицъ, знакомыхъ Марѳиньки, робко смотрящихъ, крѣпко жмущихъ другъ у друга красныя, вспотѣвшія отъ робости руки, и безпрестанно краснѣющихъ. Наконецъ какой-то ближайшій къ городу помѣщикъ, съ тремя сыновьями-подростками, пріѣхавшій съ визитами въ городъ. Эти сыновья—гордость и счастье отца, напоминали собой негодовалыхъ собакъ крупной породы, у которыхъ ужъ лапы и голова выросли, а тѣло еще не сложилось, уши болтаются на лбу и хвостишко не доросъ до полу. Скачутъ они вездѣ безъ толку и сами не сладятъ съ длинными, не по росту, безобразными лапами; не узнаютъ своихъ отъ чужихъ, лаютъ на роднаго отца и готовы сжевать брошенную мочалку или ухо роднаго брата, если попадется въ зубы. Отецъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь изъ гостей рекомендовалъ этихъ четырнадцати-

лѣтнихъ чадъ, млѣя отъ будущихъ своихъ надеждъ, разсказывалъ подробности о ихъ рожденіи и воспитаніи, какія у кого способности, про остроту, проказы, и просилъ проэкзаменовать ихъ, поговорить съ ними по-французски.

Ихъ, какъ малолѣтнихъ, усадили было въ укромный уголокъ, и они, съ юными и глупыми физіономіями, смотрѣли полуразиня ротъ на всѣхъ, какъ молодые желтоносые воронята, которые, сидя въ гнѣздѣ, безпрестанно раскрываютъ рты, въ ожиданіи корма. Ноги не умѣщались подъ стуломъ, а хватали на середину комнаты, путались между собой и мѣшали ходить. Имъ велѣно быть скромными, говорить тихо́, а изъ утробы четырнадцатилѣтняго птенца, вмѣсто шепота, раздавался громовый басъ; велѣлъ отецъ сидѣть чинно, держать ручки на брюшкѣ, а на этихъ, еще тоненькихъ «ручкахъ», ужъ отросли громадные, угловатые кулаки. Не знали, бѣдные, куда дѣться, какъ сжаться, краснѣли, пыхтѣли и потѣли, пока Татьяна Марковна, частію изъ жалости, частію отъ того, что отъ нихъ въ комнатѣ было, и тѣсно и душно, и «пахло севрюгой», какъ тихонько выразилась она Марѳинькѣ, не выпустила ихъ въ садъ, гдѣ они, почувствовавъ себя на свободѣ, начали бѣгать и скакать, только прутья отъ кустовъ полетѣли въ стороны, въ ожиданіи, пока позовутъ завтракать.

Райскій вошелъ въ гостиную послѣ всѣхъ, когда уже скушали пирогъ и приступили къ какому-то соусу. Онъ почувствовалъ себя въ томъ положеніи, въ какомъ чувствуетъ себя пріѣзжій актеръ, первый разъ являясь на провинціальную сцену, предшествуемый толками и слухами. Все вдругъ смолкло и перестало жевать и все устремило вниманіе на него.

— Внукъ мой, отъ племянницы моей, покойной Сонички!— сказала Татьяна Марковна, рекомендуя его, хотя всѣ очень хорошо знали, кто онъ такой. Кое-кто привсталъ и поклонился, Нилъ Андреичъ благосклонно смотрѣлъ, ожидая, что онъ подойдетъ къ нему, барыни жеманно начали передергиваться и мелькомъ взглядывать въ зеркало. Молодые чиновники въ углу, завтракавшіе стоя, съ тарелками въ рукахъ, переступили съ ноги на ногу; дѣвицы неистово покраснѣли и стиснули другъ другу, какъ въ большой опасности, руки; четырнадцатилѣтніе птенцы, присмирѣвшіе въ ожиданіи корма, вдругъ вытянули отъ стѣны до оконъ и быстро съ шумомъ повезли назадъ свои скороспѣлыя ноги и выронили изъ рукъ картузы.

Райскій сдѣлалъ всѣмъ полупоклонъ и сѣлъ подлѣ бабушки, прямо на диванъ. Общее движеніе.

— Экъ, плюхнулъ куда!—шепнулъ одинъ молодой чиновникъ другому: а его превосходительство глядитъ на него...

— Вотъ Нилъ Андреичъ — сказала бабушка — давно желалъ тебя видѣть... («онъ — *его превосходительство* — не забудь») шепнула она.

— Кто эта барынька: — какіе славные зубы и пышная грудь? — тихо спросилъ Райскій бабушку.

— Стыдъ, стыдъ, Борисъ Павлычъ: горю! — шептала она.—Вотъ, Нилъ Андреичъ,—сказала она: Борюшка давно желалъ представиться вамъ...

Райскій открылъ было ротъ, чтобъ сказать что-то, но Татьяна Марковна наступила ему на ногу.

— Что же не удостоили посѣтить старика: я добрымъ людямъ радъ! — произнесъ добродушно Нилъ Андреичъ. — Да вѣдь съ нами скучно, не любятъ насъ нынѣшніе: — такъ ли? Вы вѣдь изъ новыхъ? Скажите-ка правду.

— Я не раздѣляю людей ни на новыхъ, ни на старыхъ, — сказалъ Райскій, принимаясь за пирогъ.

— А ты погоди ѣсть, поговори съ нимъ, — шептала бабушка: — успѣешь.

— Я буду и ѣсть и говорить — сказалъ вслухъ Райскій. Бабушка сконфузилась и сердито отвернула плечо.

— Не мѣшайте ему, матушка: — сказалъ Нилъ Андреичъ — на здоровье, народъ молодой! Такъ какъ же вы понимаете и принимаете людей, батюшка? — обратился онъ къ Райскому: — это любопытно.

— А смотря по тому, какое они впечатлѣніе на меня сдѣлаютъ, такъ и принимаю, — сказалъ Райскій.

— Похвально! люблю за правду! Ну, какъ вы, напримѣръ, меня понимаете?

— Я васъ боюсь.

Нилъ Андреичъ съ удовольствіемъ засмѣялся.

— Чего же, скажите? Я позволяю говорить откровенно! — сказалъ онъ.

— Чего боюсь? — вотъ видите...

— «ваше превосходительство» — подсказала бабушка, но Райскій не слушалъ.

— Вы, говорятъ, журите всѣхъ: кому-то голову намылили, что у обѣдни не былъ, — бабушка сказывала...

Татьяна Марковна такъ и не вспомнилась: она даже сняла чепецъ и положила подлѣ себя: ей вдругъ стало жарко.

— Что ты, что ты, Борисъ Павлычъ — на меня!... останавливала она.

— Не мѣшайте, не мѣшайте, матушка! слава Богу, что вы

сказали про меня: я люблю, когда обо мнѣ правду говорятъ! — вмѣшался Нилъ Андреичъ.

Но бабушка была ужъ сама не своя: она не рада была, что затѣяла позвать гостей.

— Точно, журю: помнишь? — сказалъ онъ, обратясь къ дверямъ, гдѣ толпились чиновники.

— Точно такъ, ваше превосходительство! проворно отвѣчалъ одинъ, выставивъ ногу впередъ и заложивъ руки назадъ: меня однажды...

— А за что?

— Былъ одѣтъ пестро.

— Да, въ воскресенье пожаловалъ ко мнѣ отъ обѣдни: за это спасибо — да ужъ одолжилъ! Вмѣсто фрака, какой-то сюртучокъ на отлетѣ...

— Не этакій ли, что̀ на мнѣ? спросилъ Райскій.

— Да, почти: панталоны клѣтчатые, жилетъ полосатый — шутъ шутомъ!

— А тебя журилъ! обратился онъ къ другому.

— Былъ грѣхъ, ваше превосходительство, говорилъ тотъ скромно склоняя и гладя рукой голову.

— А за что?

— За папеньку тогда...

— Да, вздумалъ отца корить: у старика слабость — пьетъ. А онъ его усовѣщивать, отца-то, деньги у него отобралъ! Вотъ и пожурилъ: и чтожъ, спросите ихъ: благодарны мнѣ же!

Чиновники, при этой похвалѣ, отъ удовольствія переступили съ ноги на ногу и облизали языкомъ губы.

— Я спрашиваю васъ: къ добру или къ худу? А послушаешь: «Все старое не хорошо: и сами старики глупы, пора ихъ долой!» продолжалъ Тычковъ: дай волю — они бы и того... готовы насъ всѣхъ за живо похоронить, а сами сѣли бы на наше мѣсто—вотъ вотъ вѣдь къ чему все клонится! Какъ это по-французски есть и поговорка такая, Наталья Ивановна?» обратился онъ къ одной барынѣ.

— «Ote-toi de là, pour que je m'y mette»... сказала она.

— Ну, да, вотъ чего имъ хочется, этимъ умникамъ въ кургузыхъ одѣяніяхъ! А какъ эти одѣянія называются по-французски, Наталья Ивановна? спросилъ онъ, обратясь опять къ барынѣ и поглядывая на жакетку Райскаго. «Я не знаю!» сказала она съ притворной скромностью.

— Ой, знаешь, матушка! лукаво замѣтилъ Нилъ Андреичъ— погрозя пальцемъ: только при всѣхъ стыдишься сказать. За это хвалю!

— Такъ изволите видѣть: лишь замѣчу въ молодомъ человѣкѣ этакую прыть, продолжалъ онъ, обращаясь къ Райскому: — дескать «я самъ уменъ, никого и знать не хочу» — и пожурю, и пожурю, не прогнѣвайтесь!

— Точно что не къ добру это все новое ведетъ — сказалъ помѣщикъ: вотъ хоть бы венгерцы и поляки бунтуютъ: — отъ чего это? Все вотъ отъ этихъ новыхъ правилъ!

— Вы думаете? спросилъ Райскій.

— Да-съ, я такъ полагаю: — желалъ бы знать ваше мнѣніе... сказалъ помѣщикъ, подсаживаясь поближе къ Райскому: — мы вѣкъ свой въ деревнѣ, ничего не знаемъ: поэтому и лестно послушать просвѣщеннаго человѣка...

Райскій съ ироніей поклонился слегка.

— А то прочитаешь въ газетахъ, напримѣръ, вотъ хоть бы вчера читалъ я, что шведскій король посѣтилъ городъ Христіанію, кажется: и не знаешь, чтò этому за причина?

— А вамъ это интересно знать? спросилъ Райскій.

— Зачѣмъ же пишутъ объ этомъ, если королю не было особой причины посѣтить Христіанію...

— Не было ли тамъ большого пожара: этого не пишутъ? спросилъ Райскій.

Помѣщикъ, Иванъ Петровичъ, сдѣлалъ большіе глаза.

— Нѣтъ, о пожарѣ не пишутъ, а сказано только, что его величество посѣтилъ народное собраніе.

Титъ Никонычъ и совѣтникъ палаты переглянулись и усмѣхнулись. Послѣ этого замолчали.

— Еще я хотѣлъ спросить вотъ что-съ, началъ тотъ же гость: — теперь во Франціи воцарился Наполеонъ...

— Такъ что же?

— Вѣдь онъ насильно воцарился...

— Какъ насильно: его выбрали...

— Да что это за выборы! говорятъ, подсылали солдатъ принуждать, подкупали... Помилуйте, какіе это выборы: курамъ на смѣхъ!

— Если отчасти и насильно, такъ что же съ нимъ дѣлать? съ любопытствомъ спросилъ Райскій, заинтересовавшись этимъ деревенскимъ политикомъ.

— Какъ же это терпятъ всѣ, не вооружатся противъ него?

— Попробуй! перебилъ Нилъ Андреичъ: — ну-ка: какъ?

— Собрать бы со всѣхъ государствъ армію, да и пойти, какъ на покойнаго Банапарта... Тогда былъ священный союзъ...

— Вы бы представили планъ кампаніи, замѣтилъ Райскій: можетъ быть и приняли бы...

— Куда мнѣ! скромно возразилъ гость: я только такъ, изъ любопытства... Вотъ теперь я хотѣлъ спросить еще васъ... продолжалъ онъ, обращаясь къ Райскому.

— Почему же меня?

— Вы столичный житель, тамъ живете у источника, такъ сказать... не то, что мы, деревенскіе... Я хотѣлъ спросить: теперь турки издревле притѣсняютъ христіанъ, жгутъ, рѣжутъ, а женщинъ... того...

— Ну, смотри, Иванъ Петровичъ, ты договоришься до чего нибудь... вонъ ужъ, Настасья Петровна покраснѣла... вмѣшался Нилъ Андреичъ.

— Что вы, ваше превосходительство... отъ чего мнѣ краснѣть? я и не слыхала, что̀ говорятъ... сказала бойко одна барыня, жеманно поправляя шаль.

— Плутовка! говорилъ Нилъ Андреичъ, грозя ей пальцемъ: что, батюшка, — обратился онъ къ священнику: — не жаловалась ли она вамъ на исповѣди на мужа, что онъ...

— Ахъ, что вы, ваше превосходительство! торопливо перебила дама.

— То-то, то-то! Ну чтожъ, Иванъ Петровичъ: какъ тамъ турки женщинъ притѣсняютъ? что̀ ты прочиталъ объ этомъ: вонъ Настасья Петровна хочетъ знать? Только смотри, не махни въ Турцію, Настасья Петровна!

Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда кончитъ Нилъ Андреичъ, и опять обратился къ Райскому, къ которому, какъ съ ножемъ, приступалъ съ вопросами.

— Такъ я вотъ хотѣлъ спросить васъ: отъ чего это не уймутъ турокъ?...

— Женщины-то за нихъ очень заступаются! шутилъ благосклонно Нилъ Андреичъ: — вонъ она — первая... — Онъ указалъ на ту же барыню.

— Ахъ, Татьяна Марковна... что это его превосходительство для праздника нынче?.. Она притворно конфузилась.

— Я вотъ хотѣлъ спросить васъ, отъ чего это всѣ не возстанутъ на турокъ, — приставалъ Иванъ Петровичъ къ Райскому — и не освободятъ Гроба Господня?

— Я, признаюсь вамъ, мало думалъ объ этомъ, — сказалъ Райскій: — но теперь обращу особенное вниманіе, и если вы мнѣ сообщите ваши соображенія, то я всячески готовъ содѣйствовать къ разрѣшенію восточнаго вопроса...

— Вотъ позвольте къ слову спросить, живо возразилъ гость: вы изволили сказать *«восточный вопросъ»*: и въ газетахъ поминутно пишутъ *восточный вопросъ:* какой это *восточный вопросъ?*

— Да вотъ тотъ самый, что̀ вы мнѣ сдѣлали сейчасъ о туркахъ.

— Такъ... задумчиво сказалъ онъ.—Да вопроса никакого нѣтъ.

— Теперь все «вопросы» пошли! сиплымъ голосомъ вмѣшался полнокровный полковникъ: — изъ Петербурга я получилъ письмо отъ нашего бывшаго полкового адъютанта: и тотъ пишетъ, что теперь всѣхъ занимаетъ «вопросъ» о перемѣнѣ формы въ арміи...

Замолчали.

— Или, напримѣръ, Ирландія! началъ Иванъ Петровичъ съ новымъ одушевленіемъ, помолчавъ: пишутъ, страна бѣдная, ѣсть нечего, картофель одинъ, и тотъ часто не годится для пищи...

— Ну-съ, такъ что же?

— Ирландія въ подданствѣ у Англіи, а Англія страна богатая: такихъ помѣщиковъ, какъ тамъ, нигдѣ нѣтъ. Отъ чего теперича у нихъ не взять хоть половину хлѣба, скота, да и не отдать туда въ Ирландію?

— Что̀ это, братъ, ты проповѣдуешь: бунтъ? вдругъ сказалъ Нилъ Андреичъ.

— Какой бунтъ, ваше превосходительство... я только изъ любопытства...

— Ну, если въ Вяткѣ или Перми голодъ, а у тебя возьмутъ половину хлѣба даромъ, да туда?..

— Какъ это можно! Мы — совсѣмъ другое дѣло...

— Ну, какъ услышатъ тебя мужики? напиралъ Нилъ Андреичъ, а? тогда что?

— Ну, не дай Боже, сказалъ помѣщикъ...

— Сохрани Боже! сказала и Татьяна Марковна.

— Они и теперь, еще ничего не видя, навострили уши! продолжалъ Нилъ Андреичъ.

— А что? съ испугомъ спросила Бережкова.

— Да вонъ, о волѣ иногда заговариваютъ. Губернаторъ получилъ донесеніе, что въ селѣ у Мамыщева не покойно...

— Сохрани Богъ! сказали опять и помѣщикъ и Татьяна Марковна.

— Правду, правду говоритъ его превосходительство! замѣтилъ помѣщикъ. — Дай только волю! дай только имъ свободу, ну и пошли въ кабакъ, да за балалайку; нарѣжется и претъ мимо тебя, и шапки не ломаетъ!

— Начинается-то не съ мужиковъ, говорилъ Нилъ Андреичъ, косясь на Райскаго — а потомъ зло, какъ эпидемія, разольется повсюду. Сначала молодецъ ко всенощной перестанетъ ходить, «скучно, дескать», а потомъ найдетъ, что по начальству въ празд-

никъ ѣздить лишнее: «это, говоритъ, «холопство», а послѣ въ неприличной одеждѣ на службу явится, да еще бороду отроститъ, (онъ опять покосился на Райскаго)—и дальше, и дальше,—и дай волю, онъ тебѣ въ тихомолку доложитъ потомъ, что и Бога-то въ небѣ нѣтъ, что и молиться-то некому...

Въ залѣ сдѣлалось общее движеніе.

— Да, да, это правда: былъ у сосѣда такой учитель, да еще подивитесь, батюшка, изъ семинаріи! сказалъ помѣщикъ, обратясь къ священнику. — Смирно такъ шло все сначала, шепталъ, шепталъ, кто его знаетъ что̀, старшимъ дѣтямъ — только однажды дѣвочка, сестра его, матери и проговорись: «Бога, говоритъ нѣтъ, Никита Сергѣичъ отъ кого-то слышалъ». Его къ допросу: «какъ Бога нѣтъ: какъ такъ?» Отецъ къ архіерею ѣздилъ: перебрали тогда всю семинарію...

— Да, помню, сказалъ священникъ: — нашли запрещенныя книги.

— Ну, вотъ видите!

— Скажите на милость, обратился опять Иванъ Петровичъ къ Райскому: отъ чего это все волнуются народы?

— Какіе народы?

— Да вотъ хоть бы индѣйцы: вѣдь это канальи все, не христіане, сволочь, ходятъ голые, и пьяницы горькіе: а страна, говорятъ, богатѣйшая, ананасы, какъ огурцы ростутъ... Чего имъ еще надо?

Райскій молчалъ. На него находила уже хандра. «Какой гнусный порокъ—эта славянская добродѣтель — гостепріимство! подумалъ онъ — какихъ уродовъ не встрѣтишь у бабушки!» И прочіе молчали, отъ лѣни говорить послѣ сытнаго завтрака. Говорилъ за всѣхъ Иванъ Петровичъ.

— А вотъ теперь Амуръ тамъ взяли у китайцевъ. Тоже страна богатая—чай у насъ будетъ свой, некупленный: выгодно и пріятно... началъ онъ опять свое.

— Ну, братъ, Иванъ Петровичъ, всю воду въ рѣшетѣ не переносишь..... замѣтилъ Тычковъ.

— Я только изъ любопытства! сказалъ помѣщикъ: хотѣлъ съ ними наговориться, они въ столицѣ живутъ.... Теперь опять пишутъ, что римскій папа.....

Въ это время изъ залы съ шумомъ появилась Полина Карповна, въ кисейномъ платьѣ, съ широкими рукавами, такъ что ея полныя, бѣлыя руки видны были почти до плечъ. За ней шелъ кадетъ.

— Какая жара! Bonjur, bonjur — говорила она, кивая на всѣ стороны, и сѣла на диванъ, подлѣ Райскаго.

— Тутъ намъ тѣсно! сказалъ Райскій и пересѣлъ на стулъ рядомъ.

— Non, non, ne vous dérangez pas — удерживала она, но не удержала. «Какая скука!» успѣла она шепнуть ему: у васъ такъ много гостей, а я хотѣла бы видѣть васъ одного....

— Зачѣмъ? спросилъ онъ вслухъ: дѣло есть?

— Да, дѣло! съ улыбкой и шепотомъ старалась она говорить.

— Какое-же?

— А портретъ?

— Портретъ, какой портретъ?

— А мой: вы обѣщали рисовать: забыли? — ingrat!

— А! Далила Карповна! протяжно воскликнулъ Нилъ Андреичъ, здравствуйте, какъ поживаете?

— Здравствуйте, сухо сказала она, стараясь отвернуться отъ него.

— Чтожъ не подарите меня нѣжнымъ взглядомъ? продолжалъ тотъ: — дайте полюбоваться лебединой шейкой....

Въ толпѣ у дверей послышался смѣхъ, дамы тоже улыбались.

— Грубіянъ: — сейчасъ глупость скажетъ!... шептала она Райскому.

— Что брезгаешь старымъ: а какъ посватаюсь? Чѣмъ не женихъ—или старъ? Генеральша будете....

— Не льщюсь этой почестью.... сказала она, не глядя на него. — «Bonjur, Наталья Ивановна: гдѣ вы купили такую миленькую шляпку: у M-me Pichet?

— Это мужъ изъ Москвы выписалъ, сказала Наталья Ивановна, робко взглянувъ на Райскаго — сюрпризъ....

— Очень, очень мило!

— Да взгляните же на меня — право посватаюсь: приставалъ Нилъ Андреичъ: — мнѣ нужна хозяйка въ домѣ, скромная, не кокетка, не баловница, не охотница до нарядовъ.... чтобы на другого мужчину, кромѣ меня, и глазомъ не повела.... Ну, а вы у насъ вѣдь примѣръ....

Полина Карповна будто не слыхала, она обмахивалась вѣеромъ и старалась заговорить съ Райскимъ.

— Вы у насъ, продолжалъ неумолимый Нилъ Андреичъ — образецъ матерямъ и дочерямъ: въ церкви стоите, съ образа глазъ не отводите, по сторонамъ не взглянете, молодыхъ мужчинъ не замѣчаете....

Смѣхъ у дверей раздался громче, и дамы гримасничали, чтобы скрыть улыбки.

Татьяна Марковна постаралась было замять атаку Нила

Андреича на ея гостью. — Пирога скушайте, Полина Карповна — я вамъ положу! сказала она.

— Merci, merci, нѣтъ, я только-что завтракала, отговаривалась она.

Но это не помогло. Нилъ Андреичъ возобновилъ нападеніе.

— А одѣваетесь монахиней: на показъ плечъ и рукъ не выставляете.... ведете себя сообразно вашимъ почтеннымъ лѣтамъ.... говорилъ онъ.

— Что это вы ко мнѣ привязались! сказала Полина Карповна: «est-il bête, grossier?» обратилась она къ Райскому.

— Да, да — парлеву франсе.... сказалъ Тычковъ: — жениться, сударыня, хочу, вотъ и привязался: — а мы съ вами пара!

— Едва-ли вамъ найдется кто подъ пару! отозвалась Крицкая, не глядя на него.

— А какъ же не пара, позвольте-ка: я былъ еще коллежскимъ ассесоромъ, когда вы выходили за-мужъ за покойнаго Иванъ Егорыча. А этому будетъ....

— Какая жара — on étouffe ici: allons au jardin! Мишель, дайте мантилью.... обратилась она къ кадету.

Въ эту минуту показалась Вѣра. Всѣ встали, окружили ее и разговоръ принялъ другое направленіе. Райскому надоѣла вся эта сцена и эти люди, онъ собирался уже уйти, но съ приходомъ Вѣры у него заговорила такая сильная «дружба», что онъ остался, какъ пригвожденный къ стулу. Вѣра мелькомъ оглядѣла общество, кое-гдѣ сказала двѣ, три фразы, пожала руки нѣкоторымъ дѣвицамъ, которыя уперли глаза въ ея платье и пелеринку, равнодушно улыбнулась дамамъ и сѣла на стулъ у печки. Чиновники охорашивались, Нилъ Андреичъ съ удовольствіемъ чмокнулъ ее въ руку, дѣвицы не спускали съ нея глазъ. Мареинька не сидѣла на мѣстѣ: она то нальетъ вина кому-нибудь, то поподчуетъ закуской, или старается занять разговоромъ своихъ пріятельницъ.

— Вѣра Васильевна! сказалъ Нилъ Андреичъ: заступитесь вы, красавица моя, за меня.

— Развѣ васъ обижаютъ?

— Какъ-же не обижаютъ! Далила.... нѣтъ — Пелагея Карповна.

— Impértinent! громкимъ шепотомъ сказала Крицкая, поднимаясь съ мѣста и направляясь къ двери.

— Куда, Полина Карповна? а пирога? Мареинька, удержи! Полина Карповна! останавливала Татьяна Марковна.

— Нѣтъ, нѣтъ, Татьяна Марковна: я всегда рада и благодарна вамъ — уже въ залѣ говорила Крицкая: но съ такимъ

грубіяномъ никогда не буду, ни у васъ, нигдѣ.... Если-бъ покойный мужъ былъ живъ, онъ бы не смѣлъ....

—Ну, не сердитесь на старика: — онъ не отъ злого сердца; онъ почтенный такой....

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу, пустите — я пріѣду въ другой разъ, безъ него.... Она уѣхала въ слезахъ, глубоко обиженная.

Въ гостиной всѣ были въ веселомъ расположеніи духа, и Нилъ Андреичъ, съ величавою улыбкой, принималъ общій смѣхъ одобренія. Не смѣялся только Райскій, да Вѣра. Какъ ни комична была Полина Карповна, грубость нравовъ этой толпы и выходка старика возмутили его. Онъ угрюмо молчалъ, покачивая ногой.

— Чтò, прогнѣвалась, уѣхала? говорилъ Нилъ Андреичъ, когда Татьяна Марковна, видимо озабоченная этой сценой, воротилась и молча сѣла на свое мѣсто.

— Ничего, скушаетъ на здоровье! продолжалъ старикъ: не ходи раздѣтая при людяхъ: здѣсь не баня!

Дамы потупили глаза, дѣвицы сильно покраснѣли и свирѣпо стиснули другъ другу руки.

— Да не вертись по сторонамъ въ церкви, не таскай за собой молодыхъ ребятъ.... Что, Иванъ Иванычъ: ты, бывало, у ней безвыходно жилъ! Какъ теперь: все еще ходишь? строго спросилъ онъ у какого-то юноши.

— Отсталъ давно, ваше превосходительство: надоѣло комплименты говорить.

— То-то отсталъ! Какой примѣръ для молодыхъ женщинъ и дѣвицъ! А вѣдь ей давно за сорокъ! Ходитъ въ розовомъ, бантики да ленточки.... Какъ не пожурить! Видите-ли, — обратился онъ къ Райскому, — что я страшенъ только для порока, а вы боитесь меня! Кто это вамъ наговорилъ на меня страхи?

— Кто? Да Маркъ, сказалъ Райскій.

Общее движеніе. Нѣкоторые вздрогнули.

— Какой такой Маркъ? нахмуривъ брови, спросилъ Тычковъ.

— Маркъ Волоховъ, вотъ чтò присланъ сюда на житье.

— Это тотъ разбойникъ? Да развѣ вы знаетесь съ нимъ?

— Мы пріятели.

— Пріятели? съ изумленіемъ произнесъ старикъ и посвисталъ— Татьяна Марковна, чтò я слышу?

— Не вѣрьте ему, Нилъ Андреичъ, — онъ самъ не знаетъ, чтó говоритъ.... начала бабушка.—Какой онъ тебѣ пріятель....

— Чтò вы, бабушка: да не онъ ли у меня ужиналъ и ночевалъ? Не вы ли велѣли ему постлать мягкую постель?

— Борисъ Павлычъ! помилосердуй, помолчи! неистово шептала бабушка. Но было уже поздно. Тычковъ вскинулъ изумлен-

ныя очи на Татьяну Марковну, дамы глядѣли на нее съ состраданіемъ, мужчины разинули рты, дѣвицы прижались другъ къ другу. У Вѣры отъ улыбки задрожалъ подбородокъ: она съ наслажденіемъ глядѣла на всѣхъ, и дружескимъ взглядомъ благодарила Райскаго за это нечаянное наслажденіе, а Мареинька спряталась за бабушку.

— Чтó я слышу! съ изумленіемъ произнесъ Нилъ Андреичъ:— и вы впустили этого Варраву подъ свой кровъ!

— Не я, Нилъ Андреичъ, а Борюшка привелъ его ночью: я и не знала, кто тамъ у него спитъ!

— Такъ вы съ нимъ по ночамъ шатаетесь! обратился онъ къ Райскому.—А знаете ли вы, что онъ подозрительный человѣкъ, врагъ правительства, отверженецъ церкви и общества?

— Какой ужасъ! сказали дамы.

— Онъ-то и отрекомендовалъ вамъ меня? допрашивалъ Нилъ Андреичъ.

— Да, онъ.

— Что же, онъ меня звѣремъ изобразилъ: что я глотаю людей?...

— Нѣтъ, не глотаете, а позволяете себѣ по какому-то праву оскорблять ихъ.

— И вы повѣрили?

— До нынѣшняго дня—нѣтъ.

— А нынче?

— А нынче вѣрю.

Общій ужасъ и изумленіе. Нѣкоторые чиновники тихонько вышли въ залу и оттуда слушали, чтò будетъ дальше.

— Чтò такъ? съ изумленіемъ и высокомѣрно спросилъ Тычковъ, нахмуривъ брови. — Почему?

— А потому что вы сейчасъ оскорбили женщину.

— Слышите, Татьяна Марковна!

— Борюшка! Борисъ Павлычъ! унимала она.

— Эту.... эту старую модницу, прельстительницу, вѣтренницу.... говорилъ Нилъ Андреичъ.

— Что вамъ за дѣло до нея, и кто вамъ далъ право быть судьей чужихъ пороковъ?

— А вы, молодой человѣкъ, по какому праву смѣете мнѣ дѣлать выговоры? Вы знаете-ли, что я пятьдесятъ лѣтъ на службѣ и ни одинъ министръ не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія?...

— По какому праву? А по такому, что вы оскорбили женщину въ моемъ домѣ, и еслибъ я допустилъ это, то былъ бы жалкая дрянь. Вы этого не понимаете, тѣмъ хуже для васъ....

— Если вы принимаете у себя такую женщину, про которую

весь городъ знаетъ, что она легкомысленна, вѣтренна, не по лѣтамъ молодится, не исполняетъ обязанностей въ отношеніи къ семейству...

— Ну, такъ что же?

— А то, что и вы, вотъ и Татьяна Марковна, стоите того, чтобъ пожурить васъ обоихъ. Да, да, давно я хотѣлъ сказать вамъ, матушка.... вы ее принимаете у себя....

— Ну, вѣтренность, легкомысліе, кокетство — еще не важныя преступленія, — сказалъ Райскій: — а вотъ про васъ тоже весь городъ знаетъ, что вы взятками награбили кучу денегъ, да обобрали и заперли въ сумасшедшій домъ родную племянницу,— однакоже, и бабушка, и я пустили васъ, а вѣдь это важнѣе кокетства! Вотъ за это пожурите насъ!

Сцена невообразимаго ужаса между присутствующими. Дамы встали и кучей направились въ залу, не простясь съ Татьяной Марковной; за ними толпой, какъ овцы, бросились дѣвицы, и всѣ уѣхали. Бабушка указала Мароинькѣ и Вѣрѣ дверь. Мароинька ушла, а Вѣра осталась.

Нилъ Андреичъ поблѣднѣлъ.

— Кто, кто передалъ *тебѣ* эти слухи, говори! Этотъ разбойникъ Маркъ! Сейчасъ ѣду къ губернатору! Татьяна Марковна, или мы не знакомы съ вами, или чтобъ нога этого молодца (онъ указалъ на Райскаго) у васъ въ домѣ никогда не была! Не то я упеку и его, и весь домъ, и васъ, въ двадцать четыре часа, куда воронъ костей не занашивалъ....

Тычковъ задыхался отъ злости и не зналъ самъ, что̀ говорилъ.

— Кто, кто ему это сказалъ—я хочу знать, кто.... говори!... хрипѣлъ онъ.

Татьяна Марковна вдругъ встала съ мѣста.

— Полно тебѣ вздоръ молоть, Нилъ Андреичъ! Смотри, ты багровый совсѣмъ сталъ: того и гляди, лопнешь отъ злости. Выпей лучше воды! Какой секретъ: кто сказалъ! Да я сказала, и сказала правду! прибавила она.—Весь городъ это знаетъ!

— Татьяна Марковна! какъ!... заревѣлъ-было Нилъ Андреичъ.

— Меня шестьдесятъ-пять лѣтъ Татьяной Марковной зовутъ. Ну, что́—«какъ!» И по дѣломъ тебѣ! Что ты лаешься на всѣхъ: напалъ, въ самомъ дѣлѣ, въ чужомъ домѣ на женщину— хозяинъ остановилъ тебя — не по-дворянски поступаешь....

— Да какъ вы мнѣ смѣете это говорить! заревѣлъ опять Тычковъ.

Райскій бросился-было къ нему, но бабушка остановила его

такимъ повелительнымъ жестомъ, что онъ окаменѣлъ и ждалъ, что̀ будетъ. Она вдругъ выпрямилась, надѣла чепецъ и, завернувшись въ шаль, подступила къ Нилу Андреичу. Райскій съ удивленіемъ глядѣлъ на бабушку. Она, а не Нилъ Андреичъ, приковала его вниманіе къ себѣ. Она вдругъ выросла въ фигуру, полную величія, такъ что даже и на него напала робость.

— Ты кто? сказала она: ничтожный приказный, parvenu — и ты смѣешь кричать на женщину, и еще на столбовую дворянку! Зазнался: урока хочешь! Я дамъ тебѣ одинъ разъ навсегда: будешь помнить! Ты забылъ, что, бывало, въ молодости, когда ты приносилъ бумаги изъ Палаты къ моему отцу, ты при мнѣ сѣсть не смѣлъ и по праздникамъ получалъ не разъ изъ моихъ рукъ подарки. Да еслибъ ты еще былъ честенъ, такъ никто бы тебя и не корилъ этимъ, а ты наворовалъ денегъ — внукъ мой правду сказалъ — и тутъ, по слабости, терпѣли тебя, и молчать бы тебѣ, да каяться подъ конецъ за темную жизнь. А ты не унимаешься: раздулся отъ гордости, а гордость — пьяный порокъ, наводитъ забвеніе. Отрезвись же, встань и поклонись: передъ тобой стоитъ Татьяна Марковна Бережкова! Вотъ, видишь, здѣсь мой внукъ, Борисъ Павлычъ Райскій: не удержи я его, онъ бы сбросилъ тебя съ крыльца, но я не хочу, чтобъ онъ маралъ о тебя руки — съ тебя довольно и лакеевъ. У меня есть защитникъ, а найди ты себѣ! «Люди!» крикнула она, хлопнувъ въ ладони, выпрямившись во весь ростъ и сверкая глазами. Она походила на портретъ одной изъ величавыхъ женщинъ въ ея родѣ, висѣвшій тутъ же на стѣнѣ.

Тычковъ ворочалъ одурѣлыми глазами.

— Я въ Петербургъ напишу — городъ въ опасности! торопливо говорилъ онъ, поспѣшно уходя и сгорбившись подъ ея сверкающимъ взглядомъ, не смѣя оглянуться назадъ.

Онъ ушелъ, а Татьяна Марковна все еще стояла въ своей позѣ, съ глазами, сверкающими гнѣвомъ, передергивая на себѣ, отъ волненія, шаль. Райскій очнулся отъ изумленія и робко подошелъ къ ней, какъ-будто не узнавая ее, видя въ ней не бабушку, а другую, незнакомую ему до тѣхъ поръ женщину.

— Напрасно вы требовали должной вамъ дани, поклона, отъ этого пня, сказалъ онъ: онъ не понялъ вашего величія. Примите отъ меня этотъ поклонъ, не какъ бабушка отъ внука, а какъ женщина отъ мужчины. Я удивляюсь Татьянѣ Марковнѣ, лучшей изъ женщинъ, и кланяюсь ея женскому достоинству.

Онъ поцѣловалъ у ней руку.

— Принимаю, Борисъ Павлычъ, твой поклонъ, какъ большую честь — и не даромъ принимаю — я его заслуживаю. А вотъ

и тебѣ, за твой честный поступокъ, мой поцѣлуй — не отъ бабушки, а отъ женщины....

Она поцѣловала въ щеку.

Въ эту же минуту кто-то поцѣловалъ его въ другую щеку.

— А это отъ другой женщины, тихо сказала Вѣра, цѣлуя его, и быстро ускользнула въ дверь.

«Ахъ!» страстно сдѣлалъ Райскій, протягивая вслѣдъ ей руку.

— Мы съ ней не сговаривались, а обѣ поняли тебя. Мы съ ней мало говоримъ, а похожи другъ на друга! сказала Татьяна Марковна.

— Бабушка! вы необыкновенная женщина! сказалъ Райскій, глядя на нее съ восторгомъ, какъ-будто въ первый только разъ увидѣлъ ее.

— А ты уродъ, только хорошій уродъ! сказала она, сильно трепля его по плечу.—Поди же, съѣзди къ губернатору и разскажи по правдѣ, какъ было дѣло, чтобъ тотъ не наплелъ вздору, а я поѣду къ Полинѣ Карповнѣ и попрошу у ней извиненія.

III.

Нила Андреевича почти сняли съ дрожекъ, когда онъ воротился домой. Экономка его терла ему виски уксусомъ, на животъ поставила горчишники и «ругательски ругала» Татьяну Марковну.

Но домашнія средства не успокоили старика. Онъ ждалъ, что завтра завернетъ къ нему губернаторъ узнать, какъ было дѣло, и выразитъ участіе, а онъ предложитъ ему выслать Райскаго изъ города, какъ безпокойнаго человѣка, а Бережкову обязать подпиской не принимать у себя Волохова. Но прошло три дня: ни губернаторъ, ни вице-губернаторъ, ни совѣтники не завернули къ нему. Начать жалобу самому, раскапывать старыя воспоминанія—онъ почему-то не счелъ удобнымъ. Прежній губернаторъ, старикъ Пафнутьевъ, при которомъ даже дамы не садились въ гостяхъ, прежде нежели онъ не сядетъ самъ, взыскалъ бы съ виновныхъ за одно неуваженіе къ рангу; но нынѣшній губернаторъ къ этому равнодушенъ. Онъ даже не замѣчаетъ, какъ одѣваются у него чиновники, самъ ходитъ въ старомъ сюртукѣ и заботится только, чтобъ «въ Петербургъ никакихъ исторій не доходило».

Ждалъ Нилъ Андреевичъ Тычковъ, что зайдетъ кто-нибудь изъ его бывшихъ подчиненныхъ, молодыхъ чиновниковъ, чтобъ разспросить, что̀ дѣлается въ непріятельскомъ лагерѣ. Но

никто не являлся. Онъ снизошелъ до того, что самъ, будто гуляя, зашелъ дома въ два и получилъ отказъ. Лакеи смотрѣли на него какъ-то любопытно. «Плохо дѣло», думалъ онъ и засѣлъ дома. Въ воскресенье онъ послалъ за докторомъ, который лечилъ и въ губернаторскомъ домѣ и въ Малиновкѣ. Докторъ старался не смотрѣть на Нила Андреевича, а если смотрѣлъ, то также, какъ и лакеи, «любопытно». Онъ торопился, и когда Тычковъ предложилъ ему позавтракать, онъ сказалъ, что званъ на «фриштикъ» къ Бережковой, у которой будетъ и его превосходительство, и всѣ, и что онъ видѣлъ, какъ архіерей прямо изъ собора уже поѣхалъ къ ней, и потому спѣшитъ.... И уѣхалъ, прописавъ Нилу Андреичу діэту и покой.

«Суета суетъ!» произнесъ, вздохнувъ всѣмъ животомъ своимъ, Тычковъ и поникнулъ головой. Онъ понялъ, что авторитетъ его провалился навсегда, что онъ былъ послѣдній могиканъ, послѣдній изъ генераловъ Тычковыхъ!

И другіе, прежніе подчиненные его, еще недавно облизывавшіеся отъ его похвалы, вдругъ будто прозрѣли и поняли «правду» въ поступкѣ Райскаго, краснѣя за напрасность своего долговременнаго поклоненія фальшивому пугалѣ-авторитету. Они всѣ перебывали съ визитомъ у Райскаго.

Въ краткомъ очеркѣ изобразилъ его и Райскій въ программѣ своего романа, и самъ не зналъ, зачѣмъ. «Подъ руку попался, какъ Опенкинъ», говорилъ онъ, дописывая послѣднюю строку и не предвидя ему болѣе роли между своими героями.

Райскій дня три былъ подъ вліяніемъ воскреснаго завтрака. Внезапное превращеніе Татьяны Марковны изъ бабушки и гостепріимной хозяйки въ львицу поразило его. Ея сверкающіе глаза, гордая поза, честность, прямота, здравый смыслъ, вдругъ прорвавшіеся сквозь предразсудки и лѣнивыя привычки — не выходили у него изъ головы. Онъ натянулъ холстъ и сдѣлалъ удачный очеркъ ея фигуры, съ намѣреніемъ уловить на полотно ея позу, гнѣвъ, величавость, и поставить въ галлерею фамильныхъ портретовъ.

Онъ, если можно, полюбилъ ее еще больше. Она тоже еще ласковѣе прежняго поглядывала на него, хотя видно было, что внутренно она не мало озабочена была сама своей «прытью», какъ говорила она, и старалась молча переработать въ себѣ это «противорѣчіе съ собой», какъ называлъ Райскій. Уважать человѣка сорокъ лѣтъ, называть его «серьезнымъ», «почтеннымъ», побаиваться его суда, пугать имъ другихъ — и вдругъ въ одну минуту выгнать его вонъ! Она не раскаявалась въ своемъ поступкѣ, находя его справедливымъ, но задумывалась прежде всего о томъ, что сорокъ лѣтъ она добровольно терпѣла ложь, и что внукъ

ея.... былъ.... правъ. Этого она ни за что не скажетъ ему: молодъ онъ, пожалуй, зазнается, а она покажетъ ему вниманіе иначе, по своему, не ставя себя въ затруднительное положеніе передъ внукомъ и не давая ему торжества. Вотъ отчего она ласковѣе смотрѣла на Райскаго и про себя уважала его больше прежняго.

Но все же ей было неловко — не отъ одного только внутренняго «противорѣчія съ собой», а просто отъ того, что вышла исторія у ней въ домѣ, что выгнала человѣка стараго, «почтен... нѣтъ, «серьезнаго», со «звѣздой»...

Она вздыхала, но воротить прежняго не желала, а хотѣла бы только, чтобъ это событіе отодвинулось лѣтъ за десять назадъ, превратилось бы какимъ-нибудь чудомъ въ давно-прошедшее и забылось совсѣмъ.

Внезапный поцѣлуй Вѣры взволновалъ Райскаго больше всего. Онъ чуть не заплакалъ отъ умиленія и основалъ-было на немъ дальнія надежды, полагая, что простой случай, неприготовленная сцена, гдѣ онъ нечаянно высказался просто, со стороны честности и приличія, повели къ тому, чего онъ добивался медленнымъ и труднымъ путемъ: къ сближенію. Но онъ ошибся. Поцѣлуй не повелъ ни къ какому сближенію. Это была такая же неожиданная искра сочувствія Вѣры къ его поступку, какъ неожиданъ былъ самъ поступокъ. Блеснула какая-то молнія въ ней и погасла. Конечно, молнію эту вызвала хорошая черта, но она и не сомнѣвалась въ достоинствѣ его характера, она только не хотѣла сближенія тѣснѣе, какъ онъ желалъ, и не давала ему никакихъ другихъ, кромѣ самыхъ ограниченныхъ правъ на свое вниманіе.

Онъ держалъ крѣпко слово: не ходилъ къ ней; видѣлся съ ней только за обѣдомъ, мало говорилъ и вовсе не преслѣдовалъ. «Поговорю съ ней раза два, окончательно разрѣшу себѣ задачу, какъ было и съ Бѣловодовой, и съ Мароинькой, и по обыкновенію разочаруюсь — потомъ уѣду»! рѣшилъ онъ.

— Егоръ! сказалъ онъ: ты осмотри чемоданъ, цѣлъ ли замокъ и ремни — я недолго здѣсь останусь.

Въ домѣ было тихо, вотъ ужъ и двѣ недѣли прошли со времени пари съ Маркомъ, а Борисъ Павлычъ не влюбленъ, не бѣснуется, не дѣлаетъ глупостей, и въ теченіи дня рѣшительно забываетъ о Вѣрѣ, только вечеромъ и утромъ она является въ головѣ, какъ по зову. Онъ старался, и успѣвалъ, не показывать ей, что еще занятъ ею. Ему даже хотѣлось бы стереть и память объ увлеченіи, которое онъ неосторожно и смѣшно высказалъ. «Вотъ ужъ до чего я дошелъ? стыжусь своего идола — значитъ побѣда

близка!» радовался онъ про себя, хотя ловилъ и уличалъ себя въ томъ, что припоминаетъ малѣйшую подробность о ней: видитъ, не глядя, какъ она войдетъ, что̀ скажетъ, почему молчитъ, какъ взглянетъ. «Все это пустое, миражъ, миражъ! говорилъ онъ: анализъ коснулся впечатлѣнія — и его нѣтъ!»

Онъ занялся портретомъ Татьяны Марковны и программой романа, которая приняла значительный объемъ. Онъ набросалъ первую встрѣчу съ Вѣрой, свое впечатлѣніе, вставилъ туда, въ видѣ аксессуаровъ, всѣ лица, пейзажи Волги, фотографію съ своего имѣнія — и мало по малу оживлялся. Его «миражъ» сталъ облекаться въ плоть. Передъ нимъ носилась тайна созданія. Онъ сталъ веселъ, развязенъ, и раза два гулялъ съ Вѣрой, какъ съ посторонней, милой, умной собесѣдницей, и сыпалъ передъ ней, безъ умысла и желанія добиваться чего-нибудь, весь свой запасъ мыслей, знаній, анекдотовъ, бурно игралъ фантазіей, разливался въ шуткахъ, или въ задумчивыхъ догадкахъ развивалъ свое міросозерцаніе, — словомъ, жилъ тихою, но пріятною жизнью, ничего не требуя, ничего ей не навязывая. Онъ съ удовольствіемъ примѣтилъ, что она перестала бояться его, довѣрялась ему, не запиралась отъ него на ключъ, не уходила изъ сада, видя, что онъ, пробывъ съ ней нѣсколько минутъ, уходилъ самъ; просила смѣло у него книгъ, и даже приходила за ними сама къ нему въ комнату, а онъ, давая требуемую книгу, не удерживалъ ее, не напрашивался въ «руководители мысли», не спрашивалъ о прочитанномъ, а она сама иногда говорила ему о своемъ впечатлѣніи. Они послѣобѣденные часы нерѣдко просиживали вдвоемъ у бабушки — и Вѣра не скучала, слушая его, даже иногда улыбалась его шуткамъ. А иногда случалось, что она, вдругъ не дослушавъ конца страницы, не кончивъ разговора, слегка извинялась и уходила — неизвѣстно куда, и возвращалась черезъ часъ, черезъ два, или вовсе не возвращалась къ нему — онъ не спрашивалъ. Его отвлекали, кромѣ его труда, нѣкоторыя знакомства въ городѣ, которыя онъ успѣлъ сдѣлать. Иногда онъ обѣдывалъ у губернатора, даже былъ съ Маѳинькой и съ Вѣрой на загородномъ лѣтнемъ праздникѣ у откупщика, но къ сожалѣнію Татьяны Марковны, не плѣнился его дочерью, сухо отвѣтивъ на ея вопросы о ней, что она «барышня».

Вѣра была невозмутимо равнодушна къ нему: вотъ въ чемъ онъ убѣдился и чему покорялся, по необходимости. Хотя онъ сдѣлалъ успѣхи въ ея довѣріи и дружбѣ, но эта дружба была еще отрицательная, и довѣріе ея состояло только въ томъ, что она не боялась больше неприличнаго шпіонства его за собой.

У ней сильно задрожалъ отъ улыбки подбородокъ, когда онъ самъ остроумно сравнилъ себя съ выздоровѣвшимъ съумасшедшимъ, котораго уже не боятся оставлять одного, не запираютъ оконъ въ его комнатѣ, даютъ ему ножъ и вилку за обѣдомъ, даже позволяютъ самому бриться—но все еще у всѣхъ въ домѣ памятны недавнія сцены неистовства, и потому внутренно никто не поручится, что въ одно прекрасное утро онъ не выскочитъ изъ окна, или не перерѣжетъ себѣ горла.

Дружба ея не дошла еще до того, чтобъ она повѣрила ему что̀-нибудь, если не тайны свои, такъ хоть обратилась бы къ его мнѣнію, къ авторитету его опытности въ чемъ-нибудь, къ его дружбѣ, наконецъ сказала бы ему, что̀ ее занимаетъ, кто ей нравится, кто нѣтъ. Никакой искренней своей мысли не высказала она, не обнаружила желанія, кромѣ одного, которое высказала категорически — это быть свободной, т. е. чтобы ее оставляли самой себѣ, не замѣчали за ней, забыли бы о ея существованіи. «Ну, вотъ—это исполнено теперь: что-жъ дальше? уже-ли такъ все и будетъ?» говорилъ онъ. «Надо поосторожнѣе справиться!..» Онъ добился, что она стала звать его братомъ, а не кузеномъ, но на *ты* не переходила, говоря, что *ты*, само по себѣ, безъ всякихъ правъ, уполномочиваетъ на многое, чего той или другой сторонѣ иногда не хочется, порождаетъ короткость, даже иногда стѣсняетъ ненужной, и часто нераздѣленной, другой стороной, дружбой.

— Ну, довольна ты мной? сказалъ онъ однажды послѣ чаю, когда они остались одни.

— Что такое, чѣмъ? спросила она, взглянувъ на него съ любопытствомъ.

— Какъ чѣмъ? съ изумленіемъ повторилъ онъ: а перемѣной во мнѣ?

— Перемѣной?

— Да! Прошу покорно! Я работалъ, смирялъ свои взгляды, желанія, молчалъ, не замѣчалъ тебя: чего мнѣ это стоило! А она и не замѣтила! Вѣдь я испытываю себя, а она... Вотъ и награда!

— Я думала, вы и забыли объ этомъ! сказала она равнодушно.

— А ты забыла?

— Да, и это награда и есть.

Онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Хороша награда! сказалъ онъ: забыла!

— Да, я забыла, что вы мнѣ надоѣдали и вижу въ васъ теперь то, чѣмъ вамъ слѣдовало быть сначала, какъ вы пріѣхали.

— И только?

— Чего-же вы хотите?

— А дружба?

— Это дружба и есть. Я очень дружна съ вами...

«Э! такъ нельзя, нѣтъ!..» горячился онъ про себя — и тутъ-же самъ себя внутренно уличилъ, что онъ проситъ у Вѣры «на водку» за то, что поступалъ «справедливо».

— Хороша дружба: я ничего не знаю о тебѣ, — ты ничего мнѣ не повѣряешь, никакой сообщительности — какъ чужая... замѣтилъ онъ.

— Я ничего никому не говорю: ни бабушкѣ, ни Марѳинькѣ....

— Это правда: бабушка, Марѳинька — милыя, добрыя существа, но между ними и тобой цѣлая бездна... а между мною и тобой много общаго...

— Да, я забыла, что я «мудрая», сказала она насмѣшливо.

— Ты развитая: у тебя не молчитъ умъ, и если сердце еще не заговорило, то ужъ трепещетъ ожиданіемъ... Я это вижу...

— Чтò же вы видите?

— Что ты будто прячешься и прячешь чтò-то... Богъ тебя знаетъ!

— Пусть же Онъ одинъ и знаетъ, чтó у меня!

— Ты — характеръ, Вѣра!

— Что-жъ, это порокъ?

— Рѣдкое достоинство — если характеръ, а не претензія на него.

Она слегка пожала плечами, какъ бы не удостоивая отвѣчать.

— И у тебя нѣтъ потребности высказаться передъ кѣмъ-нибудь, раздѣлить свою мысль, провѣрить чужимъ умомъ или опытомъ какое-нибудь темное пятно въ жизни, туманное явленіе, загадку? А вѣдь для тебя много новаго...

— Нѣтъ, братъ, пока нѣтъ желанія, а если будетъ, можетъ быть, я тогда и приду къ вамъ...

— Помни же, Вѣра, что у тебя есть братъ, другъ, который готовъ все для тебя сдѣлать, даже принести жертвы....

— За что вы будете приносить ихъ?

— За то, что — ты такъ.... «прекрасна» хотѣлось сказать, но она смотрѣла на него строго. — За то, что ты такъ... умна, своебразна.... и притомъ мнѣ такъ хочется, договорилъ онъ.

— А если мнѣ не хочется?

— Ну, значитъ, нѣтъ дружбы.

— Да неужели дружба такое корыстное чувство, и другъ

только цѣнится потому, что сдѣлалъ то или другое? Развѣ нельзя такъ любить другъ друга: за характеръ, за умъ? Еслибъ я любила кого-нибудь, я бы даже избѣгала одолжать его или одолжаться....

— Отъ чего?

— Я ужъ сказала однажды, отъ чего: чтобъ не испортить дружбы. Равенства не будетъ, друзья связаны будутъ не чувствомъ, а одолженіемъ, оно вмѣшается—и одинъ станетъ выше, другой ниже: гдѣ же свобода?

— Какая ты красная, Вѣра: вездѣ свобода! Кто это нажужжалъ тебѣ про эту свободу?... Это видно какой-то диллетантъ свободы! Этакъ нельзя попросить другъ у друга сигары, или поднять тебѣ вотъ этотъ платокъ, что̀ ты уронила подъ ноги, не сдѣлавшись крѣпостнымъ рабомъ! Берегись: отъ свободы до рабства, какъ отъ разумнаго до нелѣпаго—одинъ шагъ! Кто это внушилъ тебѣ?

— Никто, сказала она зѣвая и вставая съ мѣста.

— Я не надоѣлъ тебѣ, Вѣра? спросилъ онъ торопливо: пожалуйста не прими этого за допытыванье, за допросъ; не ставь всякаго лыка въ строку. Это простой разговоръ....

— Я настолько «мудра», братъ, чтобъ отличить бѣлое отъ чернаго: и я съ удовольствіемъ говорю съ вами, и если вамъ не скучно, приходите сегодня вечеромъ опять ко мнѣ, или въ садъ: мы будемъ продолжать....

Онъ чуть не вспрыгнулъ отъ радости.

— Милая Вѣра! сказалъ онъ.

— Только, я боюсь, что не умѣю занять васъ: я все молчу, вамъ приходится говорить одному.

— Нѣтъ, нѣтъ—будь такою, какая ты есть и какою хочешь быть....

— Вы позволяете, братецъ?

— Не смѣйся, ейбогу, я не шучу....

— Ну, и побожились еще, какъ Викентьевъ.... теперь ужъ надо помнить слово—«До вечера».

IV.

И вечеромъ ничего больше не добился Райскій. Онъ говорилъ, мечталъ, вспыхивалъ въ одно мгновеніе отъ ея бархатныхъ, темнокарихъ глазъ и тотчасъ же угасалъ отъ равнодушнаго взгляда ихъ. Передъ нимъ было прекрасное явленіе, съ задатками такого сильнаго, мечтательнаго, безумнаго сча-

стья, но оно было недоступно ему: онъ лишенъ былъ права, не только выражать желанія, даже глядѣть на нее иначе, какъ на сестру, или какъ глядятъ на чужую, незнакомую женщину. Оно такъ и должно быть: онъ уже согласился съ этимъ. Еслибъ это отчужденіе налагалось на него только чистотой дѣвической скромности, безсознательно, невѣдающею зла невинностью, какъ было съ Мареинькой, онъ бы скорѣе успокоился, уваживъ безусловно святость невѣдѣнія. Но у Вѣры нѣтъ этой безсознательности: въ ней проглядываетъ и проговаривается, если не опытъ (и конечно не опытъ: онъ былъ убѣжденъ въ этомъ), если не знаніе, то явное предчувствіе опыта и знанія, и она—не невѣдѣніемъ, а гордостью отразила его нескромный взглядъ и желаніе нравиться ей. Стало быть она уже знаетъ, что̀ значитъ страстный взглядъ, влеченіе къ красотѣ, къ чему это ведетъ, и когда, и почему поклоненіе можетъ быть оскорбительно. Она какъ-нибудь угадала или услѣдила перспективу впечатлѣній, борьбу чувствъ и предузнаетъ ходъ и, можетъ быть, драму страсти, и понимаетъ, какъ глубоко входитъ эта драма въ жизнь женщины.

Эта преждевременная чуткость не есть непремѣнно плодъ опытности. Предвидѣнія и предчувствія будущихъ шаговъ жизни даются острымъ и наблюдательнымъ умамъ вообще, женскимъ въ особенности, часто безъ опыта, предтечей которому у тонкихъ натуръ служитъ инстинктъ. Онъ готовитъ ихъ къ опыту по какимъ-то намекамъ, непонятнымъ для наивныхъ натуръ, но явнымъ для открытыхъ, острыхъ глазъ, которые способны, при блескѣ молніи, разрѣзавшей тучи, схватить весь рисунокъ освѣщенной мѣстности и удержать въ памяти. А у Вѣры именно такіе глаза: она броситъ всего одинъ взглядъ на толпу, въ церкви, на улицѣ, и сейчасъ увидитъ, кого ей нужно, та̀кже однимъ взглядомъ и на Волгѣ она замѣтитъ, и судно, и лодку въ другомъ мѣстѣ, и пасущихся лошадей на островѣ, и бурлаковъ на баркѣ, и чайку, и дымокъ изъ трубы въ дальней деревушкѣ. И умъ, кажется, у ней былъ такой же быстрый, ничего не пропускающій, какъ глаза. Не все, конечно, знаетъ Вѣра въ игрѣ или борьбѣ сердечныхъ движеній, но однако же она, какъ по всему видно, понимаетъ, что тамъ таится цѣлая область радостей, горя, что умъ, самолюбіе, стыдливость, нѣга участвуютъ въ этомъ вихрѣ и волнуютъ человѣка. Инстинктъ у ней шелъ далеко впередъ опыта. Вотъ объ этомъ и хотѣлось бы поговорить Райскому съ ней, допытаться, почему ей этотъ міръ волненій какъ будто знакомъ, отъ чего она такъ сознательно гордо и упрямо отвергаетъ его поклоненіе. Но она и вида не пока-

зываетъ, что замѣчаетъ его желаніе проникнуть ея тайны, и если у него вырвется намекъ—она молчитъ, если въ книгѣ идетъ рѣчь объ этомъ, она слушаетъ равнодушно, какъ Райскій голосомъ ни напираетъ на томъ мѣстѣ.

У него, отъ напряженныхъ усилій разгадать и обратить Вѣру въ жизни («а не отъ любви» думалъ онъ), накипало на сердцѣ, нервы раздражались опять, онъ становился ѣдокъ и золъ. Тогда пропадала веселость, надоѣдалъ трудъ, не помогали развлеченія. «Это не опытъ, а пытка!» говорилъ онъ въ такіе мрачные дни и боязливо спрашивалъ себя, къ чему ведетъ вся эта тактика и откуда она у него проистекаетъ? И совѣстно было ему по временамъ, когда онъ трезво оглядывался вокругъ, какъ это онъ довелъ себя до такой подчиненной роли передъ дѣвочкой, которая мудритъ надъ нимъ, какъ надъ школьникомъ, подсмѣивается и платитъ за всю его дружбу безнадежнымъ равнодушіемъ? Онъ опять подкарауливалъ въ себѣ подозрительные взгляды, которые бросалъ на Вѣру, разъ или два онъ спрашивалъ у Марины, дома ли барышня, и однажды, не заставши ее въ домѣ, полдня просидѣлъ у обрыва и, не дождавшись, пошелъ къ ней и спросилъ, гдѣ она была, стараясь сдѣлать вопросъ небрежно. «Была тамъ, на берегу, на Волгѣ», еще небрежнѣе отвѣчала она. Онъ только хотѣлъ уличить ее, что онъ тамъ караулилъ и что ея не было, но удержался, за то у него вырвался взглядъ изумленія и былъ ею замѣченъ. Но она даже не дала себѣ труда объясниться, отъ чего вышло противорѣчіе и какимъ путемъ она воротилась съ берега. Но она была тамъ, или гдѣ-нибудь далеко, потому что была немного утомлена, надѣла, воротясь, вмѣсто ботинокъ, туфли, вмѣсто платья, блузу, и руки у ней были нѣсколько горячи.

Онъ однако продолжалъ работать надъ собой, чтобы окончательно завоевать спокойствіе, опять ѣздилъ по городу, опять заговаривалъ съ смотрительской дочерью и предавался необузданному веселью отъ ея отвѣтовъ. Даже иногда вновь пытался возбудить въ Мареинькѣ какую-нибудь искру поэтическаго, нѣсколько мечтательнаго, нѣсколько бурнаго чувства, не къ себѣ, нѣтъ, а только повѣять на нее какимъ-нибудь свѣжимъ и новымъ воздухомъ жизни, но все отскакивало отъ этой ясной, чистой и тихой натуры. Иногда онъ какъ будто и расшевелитъ ее, она согласится съ нимъ, выслушаетъ задумчиво, если онъ скажетъ ей что-нибудь «умное или мудреное», а черезъ пять минутъ слышишь ея голосъ гдѣ-нибудь вверху уже поетъ: «Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя», или рисуетъ она букетъ цвѣтовъ, семейство голубей, портретъ съ своего кота, а не то,

примолкнетъ, сидя гдѣ-нибудь, и читаетъ книжку «съ веселымъ окончаніемъ», или же болтаетъ неумолкаемо и споритъ съ Викентьевымъ.

Протянулась еще недѣля, и скоро долженъ исполниться мѣсяцъ глупому предсказанію Марка, а Райскій чувствовалъ себя свободнымъ «отъ любви». Въ любовь свою онъ не вѣрилъ и относилъ все къ раздраженію воображенія и любопытства. Случалось даже, что по нѣскольку дней не бывало и раздраженія, и Вѣра являлась ему безразлично съ Мареинькой: обѣ казались парой прелестныхъ институтокъ на выпускѣ, съ институтскими тайнами, обожаніемъ, со всею мечтательною теоріею и взглядами на жизнь, какія только устанавливаются въ головѣ институтки — впредь до опыта, который и перевернетъ все вверхъ дномъ. Вѣра приходила, уходила, онъ замѣчалъ это, но не вздрагивалъ, не волновался, не добивался ея взгляда, слова, и, вставши однажды утромъ, почувствовалъ себя совершенно твердымъ, т. е. равнодушнымъ и свободнымъ, не только отъ желанія добиваться чего-нибудь отъ Вѣры, даже отъ желанія пріобрѣтать ея дружбу. «Я совсѣмъ теперь холоденъ и покоенъ, и могу, по уговору, объявить наконецъ ей, что я готовъ, опытъ конченъ — я ей другъ, такой, какихъ множество у всѣхъ. А на дняхъ и уѣду. Да: надо еще повидаться съ «Варравой» и стащить съ него послѣдніе панталоны: «не держи пари!»

Онъ мимоходомъ подтвердилъ Егоркѣ, чтобы тотъ принесъ чемоданъ съ чердака и приготовилъ къ отъѣзду.

Онъ пошелъ къ Леонтью справиться, гдѣ въ настоящую минуту витаетъ Маркъ, и засталъ ихъ обоихъ за завтракомъ.

— Знаете что̀, сказалъ Маркъ, глядя на него: — вы могли бы сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, еслибъ были посмѣлѣе.

— То-есть, еслибъ у меня хватило смѣлости подстрѣлить кого-нибудь, или разбить ночью трактиръ, отвѣчалъ Райскій.

— Ну, гдѣ вамъ разбить ночью трактиръ! Да и не нужно — у бабушки вѣчный трактиръ. Нѣтъ, спасибо и на томъ, что выгнали изъ дома старую свинью. Говорятъ, вдвоемъ съ бабушкой: молодцы!

— Почемъ вы знаете?

— Весь городъ говоритъ! Хорошо! Я ужъ хотѣлъ къ вамъ съ почтеніемъ идти, да вдругъ, слышу, вы съ губернаторомъ связались, зазвали къ себѣ и ходили передъ нимъ съ той же бабушкой на заднихъ лапахъ! Вотъ это скверно! А я было думалъ, что вы и его затѣмъ позвали, чтобъ спихнуть съ крыльца!

— Это называется, кажется, «гражданское мужество»? сказалъ Райскій.

— Да ужъ не знаю, какое, а только я вамъ какъ-нибудь покажу обращикъ этого мужества. Вотъ тутъ что-то часто сталъ ѣздить мимо нашихъ огородовъ полиціймейстеръ: это, должно быть, его превосходительство изволитъ безпокоиться и подсылаетъ узнавать о моемъ здоровьи, о моихъ удовольствіяхъ: ну, хорошо же!.. Теперь я воспитываю пару бульдоговъ: еще недѣли не прошло, какъ они у меня, а ужъ на огородахъ у насъ ни одной кошки не осталось..... Я ихъ посажу теперь на чердакъ, въ темноту, а когда полковникъ, или его свита, изволятъ пожаловать, такъ мои птенцы и вырвутся... нечаянно, конечно...

— Ну, я пришелъ съ вами проститься — скоро ѣду! сказалъ Райскій.

— Вы, ѣдете? съ изумленіемъ спросилъ Маркъ.

— А что?

— Мнѣ нужно бы сказать вамъ нѣсколько словъ... тихо и серьезно сказалъ онъ.

Райскій въ свою очередь съ удивленіемъ поглядѣлъ на него.

— Что̀ вамъ: говорите! сказалъ онъ: — не денегъ ли опять?

— Пожалуй, и денегъ опять — да теперь не о деньгахъ рѣчь: послѣ, я къ вамъ зайду, теперь нельзя...

Онъ кивнулъ на жену Козлова, сидѣвшую тутъ, давая знать, что при ней не хочетъ говорить.

Леонтій всплеснулъ руками, услыхавъ объ отъѣздѣ Райскаго; жена его надулась.

— Какъ же, кто васъ пуститъ? шептала она: — хороши: такъ-то помните свою Улиньку? Ни разу безъ мужа не пришли ко мнѣ... Она взяла его за руку и долго держала, глядя на него съ печальной насмѣшкой.

— А деньги принесли? спросилъ Маркъ: — триста рублей пари?

Райскій иронически поглядывалъ на него.

— Ну, что же, панталоны гдѣ? сказалъ онъ.

— Я не шучу, давайте триста рублей.

— За что? Я не влюбленъ, какъ видите.

— Нѣтъ, я вижу, что вы по уши влюблены.

— Какъ же это вы видите?

— Да такъ: по рожѣ.

— Смотрите же: мѣсяцъ прошелъ — и пари кончено. Мнѣ вашихъ панталонъ не нужно — я ихъ вамъ дарю, въ придачу къ пальто.

— Какъ-же это ты... ѣдешь!.. съ горестью говорилъ Козловъ: — а книги?

— Какія книги?

— А эти, твои, — вотъ онѣ, всѣ цѣлы, вотъ по каталогу, въ порядкѣ...

— Вѣдь я тебѣ подарилъ ихъ.

— Да полно шутить, скажи, куда ихъ?..

— Прощайте, мнѣ некогда, съ книгами не приставай, сожгу, сказалъ Райскій. — Ну, мудрецъ, по рожамъ узнающій влюбленныхъ — прощайте! Не знаю, встрѣтимся ли опять...

— Деньги подайте — это безчестно не отдавать, говорилъ Маркъ: — я вижу любовь: она, какъ корь, еще не вышла наружу, но скоро высыпитъ... Вонъ, лице ужъ красное! Какая досада, что я срокъ назначилъ! Отъ собственной глупости потерялъ триста рублей!

— Прощайте!

— Вы не уѣдете, сказалъ Маркъ.

— Я еще зайду къ тебѣ, Козловъ... я на той недѣлѣ ѣду, обратился Райскій къ Леонтью.

— Ну, такъ не уѣдете, повторилъ Маркъ.

— А что-жъ твой романъ? спросилъ Леонтій: — вѣдь ты хотѣлъ его кончить здѣсь.

— Я ужъ у конца — только привести въ порядокъ, въ Петербургѣ займусь.

— И романа не кончите, ни живого, ни бумажнаго! замѣтилъ Маркъ.

Райскій живо обернулся къ нему, хотѣлъ что̀-то сказать, но отвернулся съ досадой и ушелъ.

— Отчего жъ ты думаешь, что романа не кончитъ? спросилъ Леонтій Марка.

— Гдѣ ему! съ язвительнымъ смѣхомъ отвѣчалъ Маркъ: — онъ неудачникъ!

V.

Райскій пошелъ домой, чтобъ поскорѣе объясниться съ Вѣрой, но не въ томъ уже смыслѣ, какъ было положено между ними. Побѣда надъ собой была до того вѣрна, что онъ стыдился прошедшей слабости и ему хотѣлось немного отомстить Вѣрѣ за то, что она поставила его въ это положеніе. Онъ дорогой придумалъ до десяти редакцій послѣдняго разговора съ ней: и тутъ опять воображеніе стало рисовать ему, какъ онъ явится ей въ новомъ, неожиданномъ образѣ, смѣлый, насмѣшливый, свободный отъ всякихъ надеждъ, нечувствительный къ ея красотѣ, какъ она удивится, можетъ быть... опечалится! Нако-

нецъ, онъ остановился на одной редакціи разговора, дружеской, но учтиво-покровительственной и, въ результатѣ, совершенно равнодушной. У него даже мелькнула мысль передать ей, конечно, въ приличной и доступной ей степени и формѣ, всю длинную исповѣдь своихъ увлеченій, поставить на невѣдомую ей высоту Бѣловодову, облить ее блескомъ красоты, женскаго достоинства, такъ, чтобы бѣдная Вѣра почувствовала себя просто Сандрильоной передъ ней, и потомъ повѣдать о томъ, какъ и эта красота жила только недѣлю въ его воображеніи. Онъ хотѣлъ осыпать жаркими похвалами Мареиньку и въ заключеніе упомянуть вскользь и о Вѣрѣ, благосклонно отозваться о ея красотѣ, о своемъ легкомъ увлеченіи, и всѣхъ ихъ поставить на одну доску, выдвинувъ напередъ другихъ, а Вѣру оставивъ въ тѣни, на заднемъ планѣ. Онъ трепеталъ отъ радости, создавъ въ воображеніи цѣлую картину — сцену ея и своего положенія, ея смущенія, сожалѣній, которыя, можетъ быть, онъ забросилъ ей въ сердце и которыхъ она еще теперь не сознаетъ, но сознàетъ, когда его не будетъ около. Онъ такъ цѣликомъ и хотѣлъ внести эту картину-сцену въ свой проектъ и ею закончить романъ, набросивъ на свои отношенія съ Вѣрой таинственный полу-покровъ: онъ уѣзжаетъ непонятый, неоцѣненный ею, съ презрѣніемъ къ любви и ко всему тому, чтò нагромоздили на это простое и несложное дѣло люди, а она останется съ жаломъ — не любви, а предчувствія ея въ будущемъ, и съ сожалѣніемъ объ утратѣ, съ туманными тревогами сердца, со слезами, и потомъ вѣчной, тихой тоской до замужества — съ совѣтникомъ палаты! Оно не совсѣмъ такъ, но вѣдь романъ — не дѣйствительность, и эти отступленія отъ истины онъ называлъ «литературными пріемами». У него даже духъ занимался отъ предчувствія, какъ это будетъ эффектно, и въ дѣйствительности, и въ романѣ.

Онъ сдѣлалъ гримасу, встрѣтивши бабушку, уже слышавшую отъ Егорки, что баринъ велѣлъ осмотрѣть чемоданъ и приготовить къ слѣдующей недѣлѣ бѣлье и платье. Новость облетѣла весь домъ. Всѣ видѣли, какъ Егорка потащилъ чемоданъ въ сарай смести съ него пыль и паутину, но дорòгой предварительно успѣлъ надѣть его на голову мимошедшей Анюткѣ, отчего та уронила кастрюльку со сливками, а онъ захихикалъ и скрылся. Бабушка была поражена неожиданною вѣстью.

— Это ты чтò затѣялъ, Борюшка? приступила-было она къ нему и осыпала его упреками, закидала вопросами — но онъ отдѣлался отъ нея и пошелъ къ Вѣрѣ.

Тихо, съ замирающимъ отъ нетерпѣнія сердцемъ предстать въ новомъ видѣ, пробрался онъ до ея комнаты, неслышно дошелъ по ковру къ ней. Она сидѣла за столомъ, опершись на него локтями и разбирая какое-то письмо, на простой синей бумагѣ, написанное, какъ онъ мелькомъ замѣтилъ, безпорядочными строками, и запечатанное бурымъ сургучемъ.

— Вѣра! сказалъ онъ тихо.

Она вздрогнула отъ испуга такъ, что и онъ задрожалъ. Въ это же мгновеніе рука ея съ письмомъ быстро опустилась въ карманъ.

Оба они неподвижно глядѣли другъ на друга.

— Извини, ты занята? сказалъ онъ, пятясь отъ нея, но не уходя.

Она молчала и мало по малу приходила отъ испуга въ себя, не спуская съ него глазъ и все стоя, какъ встала съ мѣста, не вынимая руки изъ кармана.

— Письмо? говорилъ онъ, глядя на карманъ. Она глубже опустила туда руку. У него въ одну минуту возникли подозрѣнія на счетъ Вѣры, мелькнуло въ головѣ и то, какъ она недавно обманула его, сказавъ, что была на Волгѣ, а сама очевидно тамъ не была. «Что это такое!» со страхомъ подумалъ онъ.

— Должно быть интересное письмо и большой секретъ! съ принужденной улыбкой сказалъ онъ.—Ты такъ быстро спрятала.

Она сѣла на диванъ и продолжала глядѣть на него уже равнодушно.

«Нѣтъ, ужъ теперь не надуешь этимъ равнодушіемъ!» подумалъ онъ.

— Покажи письмо... сказалъ онъ шутливо, не твердымъ отъ волненія голосомъ.

Она съ удивленіемъ взглянула на него и плотнѣе прижала руку къ карману.

— Не покажешь?

Она покачала головой.—Зачѣмъ? спросила потомъ.

— Разумѣется, мнѣ не нужно: что̀ интереснаго въ чужомъ письмѣ? Но докажи, что ты довѣряешь мнѣ и что въ самомъ дѣлѣ дружна со мной. Ты видишь, я равнодушенъ къ тебѣ. Я шелъ успокоить тебя, посмѣяться надъ твоей осторожностью и надъ своимъ увлеченіемъ. Погляди на меня: таковъ-ли я, какъ былъ?... («ахъ, чортъ возьми, это письмо изъ головы нейдетъ!» думалъ между тѣмъ самъ.)

Она поглядѣла на него, точно ли онъ равнодушенъ. Лицо, пожалуй, и равнодушно, но голосомъ онъ какъ будто проситъ милостыню.

— Не покажешь? Ну, Богъ съ тобой! полупечально сказалъ онъ. — Я пойду.

Онъ обернулся къ дверямъ.

— Постойте, сказала она. Потомъ пошарила немного рукой въ карманѣ, вынула письмо и подала ему. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны и взглянулъ на подпись: Pauline Kritzki.

— Это не то письмо, сказалъ онъ, подавая его назадъ.

— А развѣ вы видѣли другое? спросила она сухо.

Онъ боялся признаться, что видѣлъ, чтобъ опять не уличила она его въ шпіонствѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ.

— Ну, такъ читайте.

«Ma belle, charmante, divine Вѣра Васильевна!» начиналось письмо: «я въ восторгѣ, становлюсь на колѣна передъ вашимъ милымъ, благороднымъ, прекраснымъ братомъ! Онъ отмстилъ за меня, я торжествую и плàчу отъ радости. Онъ былъ великъ! Скажите ему, что онъ мой рыцарь навсегда, что я его вѣчная, послушная раба! Ахъ, какъ я его уважаю.... сказала бы.... слово вертится на языкѣ, — но не смѣю.... Почему не смѣть? Да, я его люблю, нѣтъ, боготворю! — Всѣ мужчины должны пасть на колѣни передъ нимъ!!....»

Райскій отдалъ-было письмо назадъ.

— Нѣтъ, продолжайте, сказала Вѣра: тамъ есть просьба до васъ.

Райскій пропустилъ нѣсколько строкъ и читалъ дальше.

«Упросите, умолите вашего брата — онъ васъ обожаетъ, о не защищайтесь — я замѣтила его страстные взгляды.... Боже, зачѣмъ я не на вашемъ мѣстѣ!... Упросите его, душечка Вѣра Васильевна, сдѣлать мой портретъ — онъ обѣщалъ: Богъ съ нимъ съ портретомъ, но чтобъ мнѣ быть только съ артистомъ, видѣть его, любоваться имъ, говорить, дышать съ нимъ однимъ воздухомъ! Я чувствую, ахъ, я чувствую... Ma pauvre tête, je deviens folle! Je compte sur vous, ma belle et bonne amie, et j'attends la réponse...»

— Что-жъ отвѣчать ей? спросила Вѣра, когда Райскій положилъ письмо на столъ. Онъ молчалъ, не слыхавъ вопроса, все думая, отъ кого другое письмо и отъ чего она его прячетъ?

— Написать, что вы согласны? спросила опять Вѣра.

— Боже, сохрани — ни зàчто! опомнившись съ досадой сказалъ Райскій.

— Какъ же быть: она хочетъ «дышать съ вами однимъ воздухомъ...» — У ней задрожалъ подбородокъ.

— Чортъ съ ней, я задохнусь въ этомъ воздухѣ.

— А еслибъ я васъ попросила? сказала она грудным шепотомъ, кокетливо поглядѣвъ на него.

Сердце у него перевернулось.

— Ты? зачѣмъ тебѣ это нужно? спросилъ онъ.

— Такъ, мнѣ хочется сдѣлать ей что-нибудь пріятное... сказала она, но не прибавила, что она хваталась за это средство, чтобъ хоть немного отучить Райскаго отъ себя. Она знала, что Полина Карповна вцѣпится въ него и не скоро выпуститъ его изъ рукъ.

— Ты примешь за знакъ дружбы, если я исполню это?

Она кивнула головой.

— Но вѣдь это жертва?

— Вы напрашивались на нихъ: вотъ одна....

— Ты требуешь? сказалъ онъ, наступая на нее.

— Не надо, не надо, я ничего не требую—торопливо прибавила она, испугавшись и отступая.

— Вотъ ужъ и испугалась моей жертвы! Хорошо, изволь: принеси и ты двѣ маленькія жертвы, чтобъ не обязываться мной. Вѣдь ты не допускаешь въ дружбѣ одолженій: видишь, я вхожу въ твою теорію, мы будемъ квиты.

Она вопросительно глядѣла на него.

— Первое, будь при сеансахъ и ты: а то я съ перваго же раза убѣгу отъ нея: согласна?

Она, нéхотя, задумчиво кивнула головой. Ей ужъ не хотѣлось отъ него этого одолженія, когда хитрость ея не удалась и ей самой приходилось сидѣть вмѣстѣ съ ними.

— Во-вторыхъ.... сказалъ онъ и остановился, а она ждала съ любопытствомъ... Покажи другое письмо?

— Какое?

— Чтò быстро спрятала въ карманъ.

— Тамъ нѣтъ.

— Есть: вонъ, я вижу, оно оттопыривается!

Она опять опустила руку въ карманъ.

— Вы сказали, что не видали другого письма: я вамъ показала одно.—Чего вамъ еще?

— Этого письма ты не спрятала бы съ такимъ испугомъ. Покажешь?

— Вы опять за свое: сказала она съ упрекомъ, перебирая рукой въ карманѣ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ шумѣла бумага.

— Ну, не надо—я пошутилъ: только, ради Бога, не принимай этого за деспотизмъ, за шпіонство, а просто за любопытство. А впрочемъ, Богъ съ тобой и съ твоими секретами! сказалъ онъ, вставая, чтобъ уйти.

— Никакихъ секретовъ нѣтъ, сухо отвѣчала она.

— Знаешь ли, что я ѣду скоро? вдругъ сказалъ онъ.

— Знаю, слышала—только правда-ли?

— Почему-жъ ты сомнѣваешься?

Она молчала, опустивъ глаза.

— Ты довольна? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала она тихо.

— Отъ чего-же? съ уныніемъ спросилъ онъ и подошелъ къ ней.

— Отъ чего?

Она подумала, подумала, потомъ опустила руку въ карманъ, достала и другое письмо, пробѣжала его глазами, взяла перо, тщательно вымарала нѣкоторыя слова и строки въ разныхъ мѣстахъ и подала ему: «Я ужъ вамъ говорила—отъ чего: вотъ еще—прочтите! сказала она и опустила руку опять въ карманъ.

Онъ погрузился въ чтеніе. А она стала смотрѣть въ окно.

Письмо было написано мелкимъ женскимъ почеркомъ. Райскій читалъ: «Я кругомъ виновата, милая Наташа....

— Кто это Наташа?

— Жена священника, моя подруга по пансіону.

— А, попадья!—Такъ это ты пишешь: ахъ, это любопытно! сказалъ Райскій, и даже потеръ колѣнки одна о другую отъ предстоящаго удовольствія, и погрузился въ чтеніе.

«Я кругомъ виновата, милая Наташа, что не писала къ тебѣ по возвращеніи домой: по обыкновенію, лѣнилась, а кромѣ того были и другія причины, о которыхъ ты сейчасъ узнаешь. Главную изъ нихъ ты знаешь—это.... (тутъ три слова были зачеркнуты)... и что̀ иногда не на шутку тревожитъ меня. Но объ этомъ наговоримся при свиданіи. Другая причина—пріѣздъ нашего родственника, Бориса Павловича Райскаго. Онъ живетъ теперь съ нами, и на бѣду мою, почти не выходитъ изъ дома, такъ что я недѣли двѣ только и дѣлала, что пряталась отъ него. Какую бездну ума, разныхъ знаній, блеска, талантовъ, и вмѣстѣ шума, или «жизни», какъ говоритъ онъ, привезъ онъ съ собой, и всѣмъ этимъ взбудоражилъ весь домъ, начиная съ насъ, т. е. бабушки, Мареиньки, меня—и до Мареинькиныхъ птицъ! Можетъ быть, это заняло бы и меня прежде, а теперь, ты знаешь, какъ это для меня неловко, несносно... А онъ, пріѣхавши въ свое помѣстье, вообразилъ, что не только оно, но и все, что̀ въ немъ живетъ—его собственность. На правахъ какого-то родства, котораго и назвать даже нельзя, и еще потому, что онъ видѣлъ насъ маленькихъ, онъ поступаетъ съ нами, какъ съ дѣтьми, или какъ съ пансіонерками. Я прячусь, прячусь, и едва достигла

того, что онъ не видитъ, какъ я сплю, о чемъ мечтаю, чего надѣюсь и жду. Я отъ этого преслѣдованія чуть не захворала, не видалась *ни съ кѣмъ*, не писала *ни къ кому*, и даже къ тебѣ, и чувствовала себя точно въ тюрьмѣ. Онъ какъ будто играетъ, можетъ быть, даже нéхотя, со мной. Сегодня холоденъ, равнодушенъ, а завтра опять глаза у него блестятъ, и я его боюсь, какъ боятся сумасшедшихъ. Хуже всего тò, что онъ самъ не знаетъ себя, и потому нельзя положиться на его намѣренія и обѣщанія: сегодня рѣшится на одно, а завтра сдѣлаетъ другое. Онъ «нервозенъ, впечатлителенъ и страстенъ»: такъ онъ говоритъ про себя — и — это, кажется, вѣрно. Онъ не актеръ, не притворяется: для этого онъ слишкомъ уменъ и образованъ, и при томъ честенъ. «Такая натура!» оправдывается онъ. Онъ какой-то артистъ: все рисуетъ, пишетъ, фантазируетъ на фортепіано (и очень мило), бредитъ искуствомъ, но, кажется, какъ и мы грѣшные, ничего не дѣлаетъ и чуть ли не всю жизнь проводитъ въ томъ, что «поклоняется красотѣ,» какъ онъ говоритъ: просто влюбчивъ по нашему, какъ, помнишь, Дашенька Сѣмечкина, которая была однажды заочно влюблена въ испанскаго принца, увидѣвши портретъ его въ нѣмецкомъ календарѣ, и не пропускала никого, даже настройщика Киша? Но у него есть доброта, благородство, справедливость, веселость, свобода мыслей: только все это выражается порывами, и отъ того не знаешь, какъ съ нимъ держать себя. Теперь онъ ищетъ моей дружбы, но я дружбы его боюсь, боюсь всего отъ него, боюсь, боюсь..... (тутъ было зачеркнуто цѣлыхъ три строки). Ахъ, еслибъ онъ уѣхалъ отсюда! Страшно и подумать, если онъ когда-нибудь..... (опять зачеркнуто нѣсколько словъ). А мнѣ одно нужно: покой! И докторъ говоритъ, что я нервная, что меня надо беречь, не раздражать, и слава Богу, что онъ натвердилъ это бабушкѣ: меня оставляютъ въ покоѣ. Мнѣ не хотѣлось бы выходить изъ моего круга, который я очертила около себя: никто не переходитъ за эту черту, я такъ поставила себя, и въ этомъ весь мой покой, все мое счастіе. Если Райскій какъ нибудь перешагнетъ эту черту, тогда мнѣ останется одно: бѣжать отсюда! Легко сказать — бѣжать, а куда! Мнѣ вмѣстѣ и совѣстно: онъ такъ милъ, добръ ко мнѣ, къ сестрѣ — осыпаетъ насъ дружбой, ласками, и еще хочетъ подарить этотъ уголокъ..... этотъ рай, гдѣ я узнала, что живу, не прозябаю... Совѣстно, зачѣмъ онъ расточаетъ эти незаслуженныя ласки, зачѣмъ такъ старается блистать передо мною и хлопочетъ возбудить во мнѣ нѣжное чувство, хотя я лишила его всякой надежды на это. Ахъ, еслибъ онъ зналъ, какъ напрасно все!...

«Ну, теперь скажу тебѣ кое-что о томъ...»

Письмо оканчивалось этой строкой. Райскій дочиталъ и все глядѣлъ на строки, чего-то ожидая еще, стараясь прочесть за строками. Въ письмѣ о самой Вѣрѣ не было почти ничего: она оставалась въ тѣни, а освѣщенъ одинъ онъ — и какъ ярко! Онъ все думалъ надъ письмомъ, оглядывая его со всѣхъ четырехъ сторонъ. Потомъ вдругъ очнулся.

— Это опять не то письмо: тò на синей бумагѣ написано! — рѣзко сказалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ:—а это на бѣлой...

Но Вѣры ужъ не было въ комнатѣ.

VI.

Райскій пришелъ къ себѣ и началъ съ того, что списалъ письмо Вѣры слово въ слово въ свою программу, какъ матеріалъ для ея характеристики. Потомъ онъ погрузился въ глубокое раздумье, не о томъ, чтò она писала о немъ самомъ: онъ не обидѣлся ея строгими отзывами и сравненіемъ его съ какой-то влюбчивой Дашенькой («что она смыслитъ въ художественной натурѣ!» подумалъ онъ). Его поглотили соображенія о томъ, что письмо это было отвѣтомъ на его вопросъ: рада ли она его отъѣзду? Ему теперь дѣла не было, будетъ ли отъ этого хорошо Вѣрѣ, или нѣтъ, что онъ уѣдетъ, и ему не хотѣлось уже приносить этой жертвы. Лишь только червь сомнѣнія вползъ къ нему въ душу, имъ овладѣлъ грубый эгоизмъ: *я* выступило впередъ и требовало жертвъ себѣ. И все раздумывалъ онъ: отъ кого другое письмо? Онъ задумчиво ходилъ цѣлый день, машинально обѣдалъ, не говорилъ съ бабушкой и Марѳинькой, ушелъ отъ ея гостей, не сказавши ни слова, велѣлъ Егоркѣ вынести чемоданъ опять на чердакъ и ничего не дѣлалъ. Съ мыслью о письмѣ и сама Вѣра засіяла опять и приняла въ его воображеніи образъ какого-то таинственнаго, могучаго, облеченнаго въ красоту зла, и тѣмъ еще сильнѣе и язвительнѣе казалась эта красота. Онъ сталъ чувствовать въ себѣ припадки ревности, перебиралъ всѣхъ, кто былъ вхожъ въ домъ, освѣдомлялся осторожно у Марѳиньки и бабушки, къ кому всѣ онѣ пишутъ и кто пишетъ къ нимъ. «Да кто пишетъ: ко мнѣ никто, — сказала бабушка, — а къ Марѳинькѣ недавно изъ лавки купецъ письмо прислалъ...»

— Это, бабушка, не письмо, а счетъ за шерсть, за узоры: я забирала у него.

— А къ Вѣрочкѣ купецъ не присылалъ?—спросилъ Райскій.

— И къ ней присылалъ: она для попадьи забирала...

— Не на синей ли бумагѣ?

— Да, на синей: вы почемъ знаете? Онъ все на синей бумагѣ пишетъ.

Онъ не отвѣчалъ. Ему стало было легче.

«А зачѣмъ же прятать его?» вдругъ шевельнулась опять и опять пошла на цѣлый день грызть забота. «Да что мнѣ за дѣло, чортъ возьми, вѣдь не влюбленъ же я въ эту статую!»—думалъ онъ, вдругъ останавливаясь на дорожкѣ и ворочая одурѣлыми глазами вокругъ. «Вонъ гдѣ гнѣздится змѣя!»—думалъ опять, глядя злобно на ея окно съ отдувающейся занавѣской. «Пойду прочь, а то еще подумаетъ, что занимаюсь ею... дрянь!»—ворчалъ онъ вслухъ, а ноги сами направлялись уже къ ея крыльцу. Но не хватило духу отворить дверь, и онъ торопливо вернулся къ себѣ, облокотился на столъ локтями и просидѣлъ такъ до вечера. «Что я теперь буду дѣлать съ романомъ? — размышлялъ онъ;—хотѣлъ закончить, а вотъ теперь въ сторону бросило, и опять не видать конца!» Онъ швырнулъ тетради въ уголъ. Все прочее вылетѣло опять изъ головы: бабушкины гости, Маркъ, Леонтій, окружающая идиллія—пропали изъ глазъ; одна Вѣра стояла на пьедесталѣ, освѣщаемая блескомъ солнца и сіяющая въ мраморномъ равнодушіи, повелительнымъ жестомъ запрещающая ему приближаться, и онъ закрывалъ глаза передъ ней, клонилъ голову и мысленно говорилъ: «Вѣра, Вѣра, пощади меня, смотри я убитъ твоей ядовитой красотой: никто никогда не язвилъ меня...» и т. д. То являлась она въ полумракѣ, какъ настоящая Ночь, съ звѣзднымъ блескомъ, съ злой улыбкой, съ таинственнымъ, нѣжнымъ шепотомъ къ кому-то и съ насмѣшливой угрозой ему, блещущая и исчезающая, то трепетная, робкая, то смѣлая и злая!

Ночью онъ не спалъ, днемъ ни съ кѣмъ не говорилъ, мало ѣлъ, и даже похудѣлъ немного — и все отъ такихъ пустяковъ, отъ ничтожнаго вопроса: отъ кого письмо?

Скажи она, вотъ отъ такого-то, или отъ такой-то, и кончено дѣло, онъ и спокоенъ. Стало быть, въ немъ теперь возилось неугомонное, раздраженное любопытство — и больше ничего. Удовлетвори она этому любопытству, тревога и пройдетъ. Въ этомъ и вся тайна.

«Надо узнать отъ кого письмо, во что бы то ни стало,—рѣшилъ онъ, а то меня лихорадка бьетъ. Только лишь узнаю, какъ успокоюсь и уѣду!» сказалъ онъ и пошелъ къ ней тотчасъ послѣ чаю. Ея не было дома. Марина сказала, что барышня надѣла шляпку, мантилью, взяла зонтикъ и ушла. «Куда?» «Богъ ихъ знаетъ,—отвѣчала та: гуляютъ гдѣ нибудь, вѣдь онѣ

не говорятъ, куда идутъ.» «Никогда?» — «Никогда, и спрашивать не велятъ: гнѣваются!»

И за обѣдомъ ея не было. Новый ужасъ.

— Гдѣ Вѣра? — спросилъ Райскій у бабушки.

Бабушка только нахмурилась, но ничего не сказала. Онъ къ Марѳинькѣ.

— Не знаю, братецъ: я видѣла давича изъ окна, что она въ деревню пошла.

— Гдѣ же она обѣдаетъ?

— Молока у мужиковъ спроситъ, или послѣ придетъ, у Марины чего-нибудь спроситъ поѣсть.

— Все не по-людски — ворчала про себя бабушка! своенравная — въ мать! Дались имъ какіе-то нервы! И докторъ тоже все о нервахъ твердитъ. «Не трогайте, не перечьте, берегите!» А онѣ отъ нервъ и куролесятъ!

— Что же вы не спросите, куда она ходитъ одна? — спросилъ Райскій.

— Какъ можно спросить: прогнѣваются! — иронически замѣтила Татьяна Марковна, — на три дня запрутся у себя. Бабушка не смѣй рта разинуть!

— Куда-жъ это она одна?.. тихо говорилъ Райскій.

— Она у насъ все одна ходитъ, — отвѣчала Марѳинька.

— А ты?

— Какъ можно: я боюсь.

— Чего?

— Мало ли чего: змѣй, лягушекъ, собакъ, большихъ свиней, воровъ, мертвецовъ... Арины боюсь.

— Какой Арины?

— Дурочка у насъ есть.

— А Вѣра?

— Ничего не боится: даже въ церковь на ночь заприте ее, и то не боится.

— А ты бы спросила ее завтра, Марѳинька, гдѣ она была.

— Разсердится!

— Всѣ боятся, прошу покорно!

На другой день опять она ушла съ утра и вернулась вечеромъ. Райскій просто не зналъ, что дѣлать отъ тоски и неизвѣстности. Онъ караулилъ ее въ саду, въ полѣ, ходилъ по деревнѣ, спрашивалъ даже у мужиковъ, не видали ли ее, заглядывалъ къ нимъ въ избы, забывъ объ уговорѣ не слѣдить за ней.

Уже становилось темно, когда онъ, блуждая между деревьями, вдругъ увидѣлъ ее пробирающеюся сквозь чащу кустовъ и де-

ревьевъ росшихъ по обрыву. Онъ весь задрожалъ и бросился къ ней, такъ что и она вздрогнула и остановилась.

— Кто тутъ? — спросила она.

— Это... ты... Вѣра?...

— Да, я: а что?

— А тебя по всему дому искали, не знали, куда ты дѣлась?

— Кто? — нахмурившись спросила она.

— Бабушка и Марѳинька очень безпокоились.

— Что это имъ вздумалось: никогда не безпокоились, а сегодня?.. Вы бы имъ сказали, что напрасно, что я никого не прошу безпокоиться обо мнѣ.

— И... я тоже самъ...

— Вы? покорно благодарю: зачѣмъ?

— Но вѣдь легко можетъ случиться что нибудь...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ... бѣда какая нибудь: мало ли случаевъ. Пьяный народъ шатается, змѣи, воры, собаки, свиньи, мертвецы... шутливо прибавилъ Райскій, припомнивъ всѣ страхи Марѳиньки: —могутъ испугать...

— Вотъ я только васъ и испугалась теперь, — сказала она: а тамъ ни воровъ, ни мертвецовъ нѣтъ...

Она указала на обрывъ.

— До бѣды недалеко, иногда такъ легко погибнуть человѣку... замѣтилъ онъ.

— Ну, когда я стану погибать, такъ передъ тѣмъ попрошу у васъ или у бабушки позволенія, — сказала она и пошла.

«Гордое твореніе»!—прошепталъ онъ.—На одну минуту, Вѣра, въ слухъ прибавилъ потомъ:—я виноватъ, не возвратилъ тебѣ письма къ попадьѣ. Вотъ оно. Все хотѣлъ самъ отдать, да тебя не было.

Она взяла письмо и положила въ карманъ.

— А то, другое, которое тамъ? — ласково, но съ дрожью въ голосѣ, спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Какое тò и гдѣ тамъ?

— Другое, синее письмо: въ карманѣ?

У него сердце замирало, онъ ждалъ отвѣта.

Она выворотила на изнанку карманъ.

— Ахъ, ужъ нѣтъ! — сказалъ Райскій: отъ кого бы оно могло быть?

— Тò?... А отъ попадьи ко мнѣ — сказала она помолчавъ. —Я на него и отвѣчала.

— Отъ попадьи! — почти закричалъ онъ на весь садъ.

— Да, конечно! — подтвердила она равнодушно и ушла.

— Отъ попадьи! — повторилъ онъ, и у него гора съ плечъ свалилась.—А я бился, бился, а ларчикъ открывался просто! Отъ попадьи! Въ самомъ дѣлѣ: въ одномъ карманѣ и письмо и отвѣтъ на него! это ясно! Не показывала она мнѣ: тоже понятно: кто покажетъ чужое письмо, съ чужими секретами?... Разумѣется, разумѣется! И давно бы сказала: охота мучить! Какой мгновенный переходъ однако отъ этой глупой тоски, отъ раздраженія къ спокойствію! Вотъ и опять тишина во всемъ организмѣ, — гармонія! Боже, какой чудный вечеръ! Какое блестящее небо — какъ воздухъ тепелъ, какъ хорошо! Какъ я здоровъ и глубоко покоенъ! Теперь все узналъ, нечего мнѣ больше дѣлать: черезъ два дня уѣду! Егоръ! — закричалъ онъ по двору.

— Чего изволите? — изъ окна людской спросилъ голосъ.

— Завтра пораньше принеси чемоданъ съ чердака!

— Слушаю-съ.

Онъ мгновенно сталъ здоровъ, веселъ, побѣжалъ въ домъ, попросилъ ѣсть, наговорилъ бабушкѣ съ три короба, разсмѣшилъ пять разъ Мароиньку и обрадовалъ бабушку, наѣвшись за три дня.

— Ну, вотъ слава Богу! три дня ходилъ, какъ убитый, а теперь опять дымъ коромысломъ пошелъ!... А что Вѣра: видѣлъ ты ее? спросила Татьяна Марковна.

— Письмо отъ попадьи! — вдругъ брякнулъ Райскій.

— Какое письмо? — сказали обѣ, Мароинька и бабушка.

— А тò, чтò на синей бумагѣ, о которомъ я недавно спрашивалъ.

Онъ выспался за всѣ три ночи, удивляясь, какъ просто было подобрать этотъ ключъ, а онъ бился трое сутокъ! «Да вѣдь всѣ простыя догадки даются съ трудомъ: вонъ и Колумбъ просто открылъ Америку»... И остановился, самъ дивясь своему сравненію.

Утромъ онъ всталъ бодрый, веселый, трепещущій силой, нѣгой, надеждами—и отъ чего все это? Отъ того, что письмо было отъ попадьи! Онъ проворно сѣлъ за свои тетради, набросалъ свои мученія, сомнѣнія, и какъ они разрѣшились. У него лились замѣтки, эскизы, сцены, рѣчи. Онъ вспомнилъ о письмѣ Вѣры, хотѣлъ прочесть опять, что она писала о немъ къ попадьѣ, и схватилъ снятую имъ копію съ ея письма.

Онъ жадно пробѣгалъ его, съ улыбкой задумался надъ нельстивымъ, крупнымъ очеркомъ подъ перомъ Вѣры самаго себя, съ легкимъ вздохомъ перечелъ ту строку, гдѣ говорилось, что нѣтъ ему надежды на ея нѣжное чувство, съ печалью читалъ о своей докучливости, но на сердцѣ у него было покойно: тогда

какъ вчера—Боже мой! Какая тревога! «Что-жъ, уѣду, — сказалъ онъ: дамъ ей покой, свободу. Это гордое, непобѣдимое сердце—и мнѣ дѣлать тутъ нечего: мы оба другъ къ другу равнодушны!» Онъ опять пробѣгалъ разсѣянно строки, и вдругъ глаза у него раскрылись широко, онъ поблѣднѣлъ, перечитавъ:

«Не видалась *ни съ кѣмъ* и не писала *ни къ кому*, даже въ тебѣ»...

— *Ни съ кѣмъ* и *ни къ кому* — подчеркнуто! шепталъ онъ, ворочая глазами вокругъ, губы у него задрожали: «тутъ есть *кто-то*, съ *кѣмъ* она видится, къ *кому* пишетъ! Боже мой! Письмо на синей бумагѣ было—не отъ попадьи!» сказалъ онъ въ ужасѣ. Судорога опять прошла внутри его, онъ легъ на диванъ, хватаясь за голову.

VII.

На другой день, часовъ въ десять утра, кто-то постучалъ къ нему въ комнату. Онъ, блѣдный, угрюмый, отворилъ дверь и остолбенѣлъ. Передъ нимъ стояли Вѣра и Полина Карповна, послѣдняя въ палевомъ газовомъ платьѣ, точно въ туманѣ, съ полуоткрытою грудью, съ короткими рукавами, вся въ цвѣтахъ, въ лентахъ, въ кудряхъ: она походила на тѣхъ бѣленькихъ, мелкихъ пудельковъ, которыхъ стригутъ, завиваютъ и убираютъ въ ленточки, ошейники и бантики, ихъ нѣжныя хозяйки, или собачьи фокусники.

Райскій съ ужасомъ поглядѣлъ на нее, потомъ мрачно взглянулъ на Вѣру, потомъ опять на нее. А Крицкая, съ нѣжными до влажности губами, глядѣла на него молча, впустивъ въ него глубокій взглядъ, и отъ переполнявшаго ее экстаза, а также отчасти отъ жара, оттаяла немного, какъ конфетка, называемая «помадой».

Всѣ молчали.

— Я у ногъ вашихъ, сказала наконецъ сдержаннымъ шепотомъ Крицкая.

— Что̀ вамъ угодно? спросилъ онъ свирѣпо.

— У ногъ вашихъ! повторяла она:—вашъ рыцарскій поступокъ... Я не могу вспомнить, не могу выразить...

Она поднесла платокъ къ глазамъ.

— Вѣра, что̀ это значитъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ онъ.

Вѣра — ни слова, только подбородокъ у ней дрожалъ.

— Ничего, ничего—простите, торопливо заговорила Полина Карповна: vos moments sont précieux: я готова.

— Я писала къ Полинѣ Карповнѣ, что вы согласны сдѣлать ея портретъ, сказала наконецъ Вѣра.

— Ахъ! вырвалось у Райскаго. Онъ сильно потеръ лобъ. «До того-ли мнѣ!» проскрежеталъ онъ про себя.—Пойдемте, сейчасъ начну! рѣшительно сказалъ потомъ: тамъ въ залѣ подождите меня!

— Хорошо, хорошо, прикажите и мы... Allons, chère Вѣра Васильевна! торопливо говорила Крицкая, уводя Вѣру.

Онъ бы безъ церемоніи отдѣлался отъ Полины Карповны, еслибъ при сеансахъ не присутствовала Вѣра. Въ этомъ тотчасъ же сознался себѣ Райскій, какъ только онѣ ушли. Онъ хотя и былъ возмущенъ недовѣріемъ Вѣры, почти ея враждой къ себѣ, взволнованъ загадочнымъ письмомъ, опять будто ненавидѣлъ ее; между тѣмъ дорожилъ всякими пятью минутами, чтобы быть съ ней. Теперь еще его жгло желаніе добиться, отъ кого письмо. Онъ досталъ изъ угла натянутый на рамку холстъ, который готовилъ давно для портрета Вѣры, взялъ краски, палитру. Молча пришелъ онъ въ залу, угрюмо, односложными словами, велѣлъ Василисѣ дать какихъ-нибудь занавѣсокъ, чтобъ закрыть окна, и оставилъ только одно; мелькомъ изъ-подлобья взглянулъ раза два на Крицкую, поставилъ ей кресло и сѣлъ самъ.

— Скажите, какъ мнѣ сѣсть, посадите меня!.. говорила она съ покорной нѣжностью.

— Какъ хотите, только сидите смирно, не говорите ничего, мѣшать будете! отрывисто отвѣчалъ онъ.

— Не дышу!... шепотомъ сказала она и склонила голову нѣжно на бокъ, полузакрыла глаза и сдѣлала сладкую улыбку.

«У, какая противная рожа! шевельнулось у Райскаго въ душѣ: вотъ постой, я тебя изображу!»

Онъ безъ церемоніи почти вывелъ бабушку и Марѳиньку, которыя пришли было поглядѣть. Егорка, видя, что баринъ началъ писать «патретъ», пришелъ было спросить, не отнести-ли чемоданъ опять на чердакъ. Райскій, молча, показалъ ему кулакъ.

Борисъ началъ чертить мѣломъ контуръ головы, все злобнѣе и злобнѣе глядя на «противную рожу», и такъ крѣпко нажималъ мѣлъ, что куски его летѣли въ стороны. Вѣра сидѣла у двери, тыкала иглой лоскутокъ какого-то кружева и частенько зѣвала, только когда взглядывала на лице Полины Карповны, у ней дрожалъ подбородокъ и шевелились губы, чтобы сдержать улыбку.

— Suis-je bien comme-ça? шепотомъ спросила Крицкая у Вѣры.

— Oh, oui, tout-à-fait bien! сказала Вѣра.

Райскій сдѣлалъ движеніе досады.

— Не дышу! пролепетала съ испугомъ Полина Карповна и замерла въ своей позѣ.

Райскій сдѣлалъ контуръ, взялъ палитру и косясь непріязненно на Крицкую, началъ подмалевывать глаза, носъ...

«Всѣ забыли твою красоту, черномазая старуха, думалъ онъ, кромѣ тебя: и въ этомъ твоя мука!»

Она, замѣтивъ, что онъ смотритъ на нее, старалась слаще улыбнуться.

Минутъ черезъ двадцать, отъ напряженія сидѣть смирно и не дышать, что̀ она почти буквально исполняла, у ней на лбу выступили крупныя капли, какъ бѣлая смородина, и на вискахъ кудри немного подмокли.

— Жарко! шепнула она. Но Райскій неумолимо мазалъ кистью, строго взглядывая на нее. Прошло еще четверть часа.

— Un verre d'eau! шептала Крицкая едва слышно.

— Погодите, нельзя! строго замѣтилъ Райскій:—вотъ губы кончу.

Полина Карповна перемогла себя, услыхавъ, что рисуютъ ея улыбку. Она, періодически, отрывисто и тяжело дышала, такъ что и грудь увлажилась у ней, а пошевельнуться она боялась. А Райскій мазалъ, да мазалъ, какъ будто не замѣчалъ.

— Полина Карповна устала, замѣтила Вѣра. Райскій молчалъ. У Крицкой одна губа подалась немного внизъ, какъ она ни старалась удержать ее на мѣстѣ. Изъ груди сталъ исходить легкій свистъ.

Райскій только знаетъ, что мажетъ. Она ужъ раза два пошамкала губами и двѣ-три капли со лба у ней упали на руки.

— Погодите еще немного, сказалъ Райскій.

— Не дышу! почти свистнула Полина Карповна.

Райскій самъ усталъ, но его терзала злоба и онъ не чувствовалъ ни усталости, ни состраданія къ своей жертвѣ. Прошло пять минутъ.

— Охъ, охъ—je n'en puis plus—охъ, охъ! начала Крицкая, падая со стула. Райскій и Вѣра бросились къ ней и посадили ее на диванъ. Принесли воды, вѣеръ, одеколону—и Вѣра помогала ей оправиться. Крицкая вышла въ садъ, а Райскій остался съ Вѣрой. Онъ быстро и злобно взглянулъ на нее.

— Письмо не отъ попадьи! прошипѣлъ онъ. Вѣра отвѣчала ему тоже взглядомъ быстрымъ, какъ молнія, потомъ остановила на немъ глаза, и взглядъ измѣнился, сталъ прозрачный, точно стеклянный, «русалочный...»

— Вѣра, Вѣра! сказалъ онъ тихо, съ сухими губами, взявъ ее за руки — у тебя нѣтъ довѣрія ко мнѣ!

— Ахъ, пустите меня! съ нетерпѣніемъ сказала она, отнимая руки: какое довѣріе, въ чемъ и за чѣмъ оно вамъ! — Она пошла къ Полинѣ Карповнѣ.

«Да — она права: за чѣмъ ей довѣрять мнѣ? А мнѣ-то какъ оно нужно, Боже мой! чтобъ унять раздраженіе, узнать тайну (а тайна есть!) и уѣхать! Не узнавши кто она, что̀ она — не могу уѣхать!»

— Егоръ! сказалъ онъ вышедши въ переднюю: отнеси пока чемоданъ опять на чердакъ.

Онъ порисовалъ еще съ полчаса Крицкую, потомъ назначилъ слѣдующій сеансъ черезъ день и предался съ прежнимъ жаромъ неотвязному вопросу все объ одномъ: отъ кого письмо? Узнать и уѣхать — вотъ все, чего онъ добивался. Тутъ хуже всего тайна: отъ нея вся боль!

Онъ подозрительно смотрѣлъ на бабушку, на Мариньку, на Тита Никоныча, на Марину, пуще всего на Марину, какъ на повѣренную и ближайшую фрейлину Вѣры, но та пресмыкалась по двору взадъ и впередъ, какъ ящерица, скользя бедромъ, то съ юбками и утюгомъ, то спасалась отъ побоевъ Савелья — съ воемъ, или съ внезапной, широкой улыбкой во все лицо, и какъ избѣгала брошеннаго мужемъ въ слѣдъ ей кирпича или полѣна, такъ избѣгала и вопросовъ Райскаго. Она воротила лицо въ сторону, завидя его, потупляла свои желтые, безстыжіе глаза и смотрѣла, какъ бы шмыгнуть мимо его въ сторону. «Должно быть, эта бестія все знаетъ!» думалъ онъ, но распросамъ боялся давать ходъ: гадко это ему самому было, и остерегался упрека въ «шпіонствѣ».

Онъ далъ слово такъ торжественно работать надъ собой, быть другомъ въ простомъ смыслѣ слова. Взялъ двѣ недѣли сроку! Боже! что̀ дѣлать! какую глупую муку нажилъ, безъ любви, безъ страсти: только одни какія-то добровольныя страданія, безъ наслажденій! И вдругъ окажется, что онъ, небрежный, свободный и гордый (онъ думалъ, что онъ гордый!) любитъ ее, что даже у него это и «по рожѣ видно», какъ, по своему, цинически замѣтилъ эта проницательная шельма, Маркъ!

И въ то же время, среди этой борьбы, сердце у него замирало отъ предчувствія страсти: онъ вздрагивалъ отъ роскоши грядущихъ ощущеній, съ любовью прислушивался къ отдаленному рокотанью грома и все думалъ, какъ бы хорошо разыгралась страсть въ душѣ, какимъ бы огнемъ очистила застой жизни и какимъ благотворнымъ дождемъ напоила бы это засохшее поле, все это быліе, которымъ

поросло его существованіе. Чтò искуство, чтò самая слава передъ этими сладкими бурями! Чтò всѣ эти дымно-горькіе удушливые газы политическихъ и соціальныхъ бурь, гдѣ бродятъ однѣ идеи, за которыми жадно гонится молодая толпа, укладывая туда силы, безъ огня, безъ трепета нервъ? Это головныя страсти — игра холодныхъ самолюбій, идеи безъ красоты, безъ палящихъ наслажденій, безъ мукъ... часто не свои, а вычитанныя, скопированныя! «Нѣтъ, я хочу обыкновенной, жизненной и животной страсти, со всей ея классической грозой. Да, страсти, страсти»!... оралъ онъ, несясь по саду и впивая свѣжій воздухъ. Но Вѣра не даетъ ее ему: это не льститъ даже ея самолюбію!

Надежда быть близкимъ къ Вѣрѣ питалась въ немъ не однимъ только самолюбіемъ: у него не было нахальной претензіи насильно втереться въ сердце, какъ бываетъ у многихъ писанныхъ красавцевъ и крѣпкихъ, тупоголовыхъ мужчинъ — и чѣмъ бы ни было — добиться успѣха. Была робкая, слѣпая надежда, что онъ можетъ сдѣлать на нее впечатлѣніе, и пропала. Но когда онъ прочиталъ письмо Вѣры къ пріятельницѣ, у него, невидимо и незамѣтно даже для него самого, подогрѣлась эта надежда. Она тамъ сознавалась, что въ немъ, въ Райскомъ, было что-то (и умъ, и много талантовъ, блеска, шума или «жизни»), «чтó, *можетъ быть*, въ другое время заняло бы ее, а не теперь...» Вотъ это *можетъ быть*, никогда и ни въ какомъ отчаянномъ положеніи насъ не оставляющее, и ввергнуло Райскаго, если еще не въ самую тучу страсти, то уже въ ея жаркую атмосферу, изъ которой счастливо спасаются только сильные, и въ самомъ дѣлѣ «гордые» характеры.

Да, надежда въ немъ была, надежда на взаимность, на сближеніе, на чтò-нибудь, чего еще онъ самъ не зналъ хорошенько, но уже чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ ему все труднѣе становится вырваться изъ этой жаркой и обаятельной атмосферы. Не недѣлю, а мѣсяцъ назадъ, или передъ пріѣздомъ Вѣры, или тотчасъ послѣ перваго свиданія съ ней, надо было спасаться ему, уѣхать, а теперь, ужъ едва-ли прійдется Егоркѣ стаскивать опять чемоданъ съ чердака!

«Или страсть подай мнѣ, вопилъ онъ безсонный, ворочаясь въ мягкихъ пуховикáхъ бабушки въ жаркія лѣтнія ночи: — страсть полную, въ которой я могъ бы погибнуть:—я готовъ— но съ тѣмъ, чтобы упиться и захлебнуться ею, или скажи рѣшительно, отъ кого письмо и кого ты любишь, давно-ли любишь, невозвратно-ли любишь—тогда я и успокоюсь, и вылечусь. Вылечиваетъ безнадежность»!

А пока глупая надежда слѣпо шепчетъ: «не отчаявайся, не

бойся ея суровости: она молода; если бы кто-нибудь и успѣлъ предупредить тебя, то развѣ недавно — чувство не могло упрочиться здѣсь, въ домѣ, подъ десятками наблюдающихъ за ней глазъ, при этихъ наростáхъ предразсудковъ, страховъ, старой бабушкиной морали. Погоди, ты вытѣснишь впечатлѣніе, и тогда...» и т. д. — до тѣхъ поръ недугъ не пройдетъ!

«Пойду къ ней, не могу больше!» рѣшилъ онъ однажды въ сумерки. «Скажу ей все, все... и что̀ скажетъ она—такъ пусть и будетъ. Или вылечусь, или... погибну»!

VIII.

На этотъ разъ онъ постучался къ ней въ дверь.

— Кто тамъ? спросила она.

— Это я, говорилъ онъ робко, просовывая голову въ дверь: можно войти?

Она сидѣла у окна съ книгой, но книга, повидимому, мало занимала ее: она была разсѣянна, или задумчива. Вмѣсто отвѣта, она подвинула Райскому другой стулъ.

— Сегодня не такъ жарко, хорошо! сказалъ онъ.

— Да, я ходила на Волгу: тамъ даже свѣжо, замѣтила она. — Видно погода хочетъ измѣниться. — И замолчали.

— Что это такъ трезвонили сегодня у Спаса? спросилъ онъ: — праздникъ, что-ли, завтра?

— Не знаю, а что?

— Такъ: звонъ не далъ мнѣ спать, и мухи тоже. Какая ихъ пропасть у бабушки въ домѣ: отъ чего это?

— Я думаю отъ того, что варенье варятъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! То-то я все замѣчаю, что Пашутка поминутно бѣгаетъ куда-то и облизывается... Да и у всѣхъ въ дѣвичьей, и у Мареиньки тоже, рты черные... Ты не любишь варенья, Вѣра?

Она покачала головой.

— Вчера Егоръ отнесъ вашъ чемоданъ на чердакъ, я видѣла, сказала она, помолчавъ.

— Да, а что?

— Такъ...

— Ты хочешь спросить, ѣду-ли я и скоро-ли...

— Нѣтъ, я такъ только...

— Не запирайся, Вѣра, чтожъ, это естественно. На этотъ вопросъ я скажу тебѣ, что это отъ тебя зависитъ.

— Опять отъ меня?

— Да, отъ тебя: и ты это знаешь.

Она глядѣла равнодушно въ окно.

— Вы мнѣ приписываете много значенія, сказала она.

— Ну, а если это такъ, что̀ бы ты сдѣлала?

— Для меня собственно—я бы ничего не сдѣлала, а еслибъ это нужно было для васъ, я бы сдѣлала такъ, какъ вамъ счастливѣе, удобнѣе, покойнѣе, веселѣе...

— Постой, ты смѣшиваешь понятія; надо раздѣлить по родамъ и категоріямъ: «удобнѣе и покойнѣе» съ одной стороны и «веселѣе и счастливѣе» съ другой. Теперь и рѣшай.

— Вамъ надо рѣшать, что̀ вамъ больше нравится.

— Я замѣтилъ, что ты уклончива, никогда съ разу не выскажешь мысли или желанія, а сначала обойдешь кругомъ. Я не воленъ въ выборѣ, Вѣра, ты рѣши за меня, и что̀ ты дашь, то и возьму. Обо мнѣ забудь, говори только за себя и для себя.

— Вы не послушаетесь: поэтому нечего и говорить.

— Почему ты такъ думаешь?

— Въ который разъ Егорка таскаетъ чемоданъ съ чердака внизъ и обратно? спросила она вмѣсто отвѣта.

— Ну, такъ ты рѣшительно хочешь, чтобъ я уѣхалъ?

Она молчала.

— Скажи—да, и я завтра уѣду.

Она посмотрѣла на него, потомъ отвернулась къ окну.

— Я не вѣрю вамъ, сказала она.

— Попробуй, скажи—и можетъ быть, увѣруешь.

— Ну, если такъ, уѣзжайте! вдругъ выговорила она.

— Изволь... подавляя вздохъ, проговорилъ онъ. — Мнѣ тяжело, почти невозможно уѣхать, но такъ какъ тебѣ тяжело, что я здѣсь... («можетъ быть она скажетъ: *нѣтъ, не тяжело*», думалъ онъ и медлилъ), то...

— То и уѣзжайте! повторила она, вставъ съ мѣста и подойдя къ окну.

— Уѣду, не гони, съ принужденной улыбкой сказалъ онъ:— но ты можешь облегчить мнѣ тяжесть, и даже ускорить этотъ отъѣздъ...

— Какъ?

— Это отъ тебя зависитъ, повторяю опять.

— Говорите, что надо дѣлать: «жертвы» приносить? Я даже готова сама принести вашъ чемоданъ съ чердака.

Онъ не отвѣчалъ на ея насмѣшку.

— Что же?

— Скажи, во-первыхъ, любишь ли ты кого-нибудь?..

Она живо обернулась къ нему и съ изумленіемъ взглянула на него.

— И отъ кого, во-вторыхъ, было письмо на синей бумагѣ: оно не отъ попадьи! поспѣшилъ онъ договорить.

— Зачѣмъ это вамъ нужно знать для вашего отъѣзда? спросила она, дѣлая большіе глаза.

— Я объясню тебѣ, Вѣра: но чтобъ понять мое объясненіе, не надо такъ удивляться, а терпѣливо выслушать и потомъ призвать весь твой умъ...

— Это что̀-нибудь очень умное, мудреное?

— Нужна доброта, участіе, дружба, которою было ты такъ польстила мнѣ и которую опять за что̀-то отняла...

— Я плачу дружбой за дружбу, братъ, сказала она мягче.

— А развѣ у меня нѣтъ дружбы къ тебѣ?

Она отрицательно покачала головой.

— Что̀ же такое во мнѣ: ты видишь, что я тебѣ не чужой, не по одному родству...

— Это не дружба...

— Ну, такъ любовь!

— Мнѣ ея не надо: я не раздѣляю ее...

— Знаю—и вотъ я и хочу объяснить, какъ ты одна можешь сдѣлать, чтобъ ея не было и во мнѣ!

— Кажется, я все для этого сдѣлала...

— На оборотъ: ты не могла сдѣлать лучше, еслибъ хотѣла любви отъ меня. Ты гордо оттолкнула меня и этимъ раздражила самолюбіе, потомъ окружила себя тайнами и раздражила любопытство. Красота твоя, умъ, характеръ сдѣлали остальное — и вотъ передъ тобой влюбленный въ тебя до безумія! Я бы съ наслажденіемъ бросился въ пучину страсти и отдался бы потоку: я искалъ этого, мечталъ о страсти и заплатилъ бы за нее остальною жизнью, но ты не хотѣла, не хочешь... да?

Онъ съ боку заглядывалъ ей въ лицо.

— Не хочу, сказала она покойно и рѣшительно.

— Ну, я боролся что̀ было силъ во мнѣ,—ты сама видѣла—хватался за всякое средство, чтобъ переработать эту любовь въ дружбу, но лишь пуще увѣровалъ въ невозможность дружбы къ молодой, прекрасной женщинѣ—и теперь только вижу два выхода изъ этого положенія...

Онъ остановился на минуту.

— Одинъ ты заперла мнѣ: это взаимность, продолжалъ онъ.—Страсть разрѣшается путемъ уступокъ, счастья, и обращается тамъ, смотря по обстоятельствамъ, во что̀ хочешь: въ дружбу, пожалуй, въ глубокую, святую, неизмѣнную любовь — я ей не

вѣрю — но во что̀ бы ни было, во всякомъ случаѣ, въ удовлетвореніе, въ покой... Ты отнимаешь у меня всякую надежду... на это счастье... да?

Онъ опять подвинулся къ ея лицу, глядя ей пытливо въ глаза. Она утвердительно кивнула головой.

— Да, всякую, повторила она.

— Ну... сказалъ онъ—чтобъ вынуть боль безнадежности, или убить совсѣмъ надежду, надо...

— Что?

— Сдѣлать то̀, что́ я сказалъ сейчасъ, т. е. признаться, что ты любишь, и сказать, отъ кого письмо на синей бумагѣ!

— А если я не сдѣлаю ни того, ни другого? спросила она гордо, обернувшись къ нему отъ окна.

— Пуще всего—безъ гордости, безъ пренебреженія—съ живостью прибавилъ онъ: это все противорѣчія, которыя только раздражаютъ страсть, а я пришелъ къ тебѣ съ надеждой, что если ты не можешь раздѣлить моей сумасшедшей мечты, такъ по крайней мѣрѣ не откажешь мнѣ въ простомъ дружескомъ участіи, даже поможешь мнѣ. Но я съ ужасомъ замѣчаю, что ты зла, Вѣра...

— А вы эгоистъ, Борисъ Павловичъ! у васъ вдругъ родилась какая-то фантазія — и я должна дѣлить ее, лечить, облегчать:—да что̀ мнѣ за дѣло до васъ, какъ вамъ до меня? Я требую у васъ одного—покоя—я имѣю на него право—я свободна, какъ вѣтеръ, никому не принадлежу, никого не боюсь...

— И я былъ свободенъ и гордъ еще недѣли двѣ назадъ — а вотъ теперь и не гордъ, и не свободенъ, и боюсь тебя.

Она съ пренебреженіемъ взглянула на него и слегка пожала плечами.

— Погоди казнить меня этими взглядами—не случилось бы съ тобой того же! говорилъ онъ почти про себя.

— Я не боюсь, не случится!

— И дѣти тоже не боятся, и на угрозы няньки «волкомъ», храбро лепечутъ: «а я его убью»! И ты, какъ дитя храбра, и какъ дитя же, будешь безпомощна, когда придетъ твой часъ....

— Никого не боюсь, повторила она,—и этого вашего волка—страсти, тоже! Не стращайте напрасно: вы напустили на себя, и мнѣ даже васъ не жаль!

— Ты злая! А еслибъ я сдѣлался боленъ горячкой? Бабушка и Мароинька пришли бы ко мнѣ, ходили бы за мной, старались бы облегчить. Ужели бы ты осталась равнодушной и не заглянула бы ко мнѣ, не спросила бы....

— Это другое дѣло: больной....

— А я развѣ здоровъ? развѣ я не боленъ, и боленъ еще тобой....

— Виновата ли я въ этомъ?

— Ты тоже бы не виновата была, еслибъ меня прохватилъ холодный вѣтеръ на Волгѣ и я бы слегъ въ горячкѣ?

— Тамъ есть средства, лекарства....

— И тутъ есть: я тебѣ указываю одно вѣрное. Я не шучу: только безнадежность можетъ задушить зародышъ страсти....

— Развѣ я не отнимаю у васъ всякую надежду? Я васъ никогда не буду любить, я вамъ сказала.

— Можетъ быть, но дѣло въ томъ, что я не вѣрю тебѣ: или если и повѣрю, такъ на одинъ день, а тамъ опять родятся надежды. Страсть умретъ, когда самый предметъ ея умретъ т. е. перестанетъ раздражать....

— Не могу же я принести вамъ этой «жертвы», братъ: умереть!

— И не надо: ты скажи, любишь ли ты и отъ кого письмо: это будетъ все равно, что ты умерла для меня.

Онъ говорилъ горячо и серьезно. Она задумалась и боролась повидимому съ собой, оборачиваясь къ окну и обратно отъ окна къ нему.

— Хорошо, сказала она понижая голосъ и медлила. — Я.... люблю.... другого....

— Кого? вдругъ вскрикнулъ онъ, вскочивъ со стула.

— Что же вы испугались? Вы сами этого хотѣли: успокойтесь и уѣзжайте: теперь вы знаете.

— Кого? повторилъ онъ, не слушая ее.

— Что за дѣло до имени!

— Имя, имя? Кто писалъ письмо? говорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Никто! Я выдумала, я никого не люблю, письмо отъ попадьи! равнодушно сказала она, глядя на него, какъ онъ въ волненіи глядѣлъ на нее воспаленными глазами, и ея глаза мало по малу теряли свой темный бархатный отливъ, свѣтлѣли и наконецъ стали прозрачны. Изъ нихъ пропала мысль, все что̀ въ ней происходило, и прочесть въ нихъ было нечего.

— Говори, ради Бога, не оставляй меня на этомъ обрывѣ: правду, одну правду—и я выкарабкаюсь, малѣйшая ложь — и я упаду.

— Послушайте, братъ: не играете ли вы со мной въ какую-то тонкую игру?...

— Ей-богу, не знаю: если это игра, такъ она похожа на ту, когда человѣкъ ставитъ послѣдній грошъ на карту, а другой ру-

кой щупаетъ пистолетъ въ карманѣ. Дай руку, пощупай сердце, пульсъ, и скажи, какъ называется эта игра? Хочешь прекратить пытку: скажи всю правду — и страсти нѣтъ, я покоенъ, буду самъ смѣяться съ тобой и уѣзжаю завтра же. Я шелъ, чтобъ сказать тебѣ это....

— Вы не только эгоистъ, но вы и деспотъ, братъ: я лишь открыла ротъ, сказала, что люблю—чтобъ испытать васъ, а вы— посмотрите, что̀ съ вами сдѣлалось: грозно сдвинули брови и приступили къ допросу. Вы, развитой умъ, homme blasé, grand coeur, рыцарь свободы—стыдитесь! Нѣтъ, я вижу, вы не годитесь и въ друзья. Ну, если я люблю: — рѣшительно прибавила она, понижая голосъ и закрывая окно — тогда что́?

— Ничего! сказалъ онъ покойнымъ голосомъ.

Она глядѣла на него съ удивленіемъ: въ самомъ дѣлѣ—ничего.

— Ты видишь дѣйствіе довѣрія, сказалъ онъ: я покоенъ, во мнѣ все молчитъ, надежды всѣ, какъ мухи, умираютъ....

— Ну, положимъ, я.... люблю, — понизивъ еще голосъ, начала она.

— Возьми свое *положимъ* назадъ: подъ нимъ кроется сомнѣніе, а подъ сомнѣніемъ опять надежда.

— Ну, хорошо, я люблю....

— Кого? сильнымъ шопотомъ спросилъ онъ.

— Опять имя!

— Да, нужно имя — и тогда только я успокоюсь и уѣду. Иначе я не повѣрю, до тѣхъ поръ не повѣрю, пока будетъ тайна....

— Мареинька все пересказала мнѣ, какъ вы проповѣдывали ей свободу любви, совѣтовали не слушаться бабушки, а теперь сами хуже бабушки. Требуете чужихъ тайнъ....

— Я ничего не требую, Вѣра: я прошу только дать мнѣ уѣхать спокойно: вотъ все! Будь проклятъ, кто стѣснитъ твою свободу....

— Сами себя проклинаете: зачѣмъ вамъ имя? Еслибъ бабушка стала безпокоиться объ этомъ, это понятно: она боялась бы, чтобъ я не полюбила какого-нибудь «недостойнаго», по ея мнѣнію, человѣка. А вы—проповѣдникъ!...

— Развѣ я запретилъ бы тебѣ любить кого-нибудь: еслибъ ты выбрала хоть.... Нила Андреевича: — мнѣ все равно! Мнѣ нужно имя, чтобъ только убѣдиться въ истинѣ и охладѣть. Я знаю, мнѣ сейчасъ сдѣлается скучно и я уѣду....

Она глубоко задумалась.

— Развѣ страсть оправдываетъ всякій выборъ?... тихо сказала она.

— Всякій, Вѣра. И тебѣ повторю тоже, что́ сказалъ Мареинькѣ: люби, не спрашиваясь ни кого, достоинъ ли онъ, нѣтъ ли—и смѣло иди....

— А недавно еще въ саду вы остерегали меня отъ гибели!...

— Отъ воровъ и отъ собакъ,—а не отъ страсти.

— И я могу любить, кого хочу? будто шутя говорила она:—не спрашиваясь....

— Ни бабушки, ни общественнаго мнѣнія....

— Ни васъ?...

— Меня меньше всего: я готовъ способствовать, раздувать твою страсть.... Видишь, ты ждала моего великодушія: вотъ оно! Выбери меня своимъ повѣреннымъ — и я толкну тебя самъ въ этотъ огонь....

Она украдкой взглянула на него.

— Имя, Вѣра—того счастливца?...

— Хорошо, хорошо—послѣ когда-нибудь, когда....

— Когда уѣду? Ахъ, еслибъ мнѣ страсть! сказалъ онъ, глядя жаркими глазами на Вѣру и взявъ ее за руки. У него опять зашумѣло въ головѣ, какъ у пьянаго.—Послушай Вѣра, есть еще выходъ изъ моего положенія, заговорилъ онъ горячо:—я боялся намекнуть на него — ты такъ строга: дай мнѣ страсть! ты можешь это сдѣлать. Забудь свою любовь.... если она еще новая, недавняя любовь—и... Нѣтъ, нѣтъ, не качай головой—это вздоръ, знаю. Ну, просто, не гони меня, дай мнѣ иногда быть съ тобой, слышать тебя, наслаждаться и мучиться, лишь бы не спать, а жить, я точно деревянный теперь! Вездѣ сонъ, тупая тоска, цѣли нѣтъ, искусство не дается мнѣ, я ничего для него не дѣлаю. Всякое, такъ-называемое, «серьезное дѣло», мнѣ кажется до крайности пошло и мелко. Я бы хотѣлъ разыграть остальную жизнь во что́-нибудь, въ какой-нибудь необыкновенный громадный трудъ, но я на это не способенъ,—не приготовленъ: нѣтъ у насъ дѣла! Или, чтобъ она разлетѣлась фейерверкомъ, страстью! Въ тебѣ все есть, чтобъ зажечь бурю, ты ужъ зажгла ее: еще одна искра, признакъ кокетства, обманъ и.... я начну жить....

— А я что̀ же буду дѣлать, сказала она: любоваться на эту горячку, не раздѣляя ее? Вы бредите, Борисъ Павлычъ.

— Что тебѣ за дѣло, Вѣра, не отвѣчай мнѣ, но и не отталкивай, оставь меня. Я чувствую, что не только при взглядѣ твоемъ, но лишь — кто-нибудь случайно назоветъ тебя — меня бросаетъ въ жаръ и холодъ....

— Чѣмъ же это кончится? не безъ любопытства спросила она.

— Не знаю. Можетъ быть, съ ума сойду, брошусь въ Волгу, или умру.... Нѣтъ, я живучъ — ничего не будетъ, но пройдетъ полгода, можетъ быть, годъ—и я буду жить.... Дай, Вѣра, дай мнѣ страсть.... дай это счастье!...—У него даже губы и языкъ пересохли.

— Странная просьба, братъ, дать горячку! Я не вѣрю страсти—что́ такое страсть? Счастье, говорятъ, въ глубокой, сильной любви....

— Ложь, ложь! перебилъ онъ.

— Любовь—ложь?

— Да, эта «святая, глубокая, возвышенная любовь»—ложь! Это сочиненный, придуманный призракъ, который возникаетъ на могилѣ страсти. Это люди придумали, какъ они придумали казенную палату, питейныя конторы, моды, карточную игру, балы! Возвышенная любовь—это мундиръ, въ который хотятъ нарядить страсть, но она безпрестанно лѣзетъ вонъ и рветъ его. Природа вложила только страсть въ живые организмы, другого она ничего не даетъ. Любовь—одна, нѣтъ двухъ любвей! Возьми самое вялое созданье, студень какую-нибудь, вонъ купчиху изъ слободы, вонъ самаго благонамѣреннаго и приличнаго чиновника, предсѣдателя,—кого хочешь: всѣ непремѣнно чувствовали, кто разъ, кто больше,—смотря по темпераменту, кто тонко, кто грубо, животно—смотря по воспитанію, но всѣ испытали раздраженіе страсти въ жизни, судорогу, ея муки и боли, это самозабвеніе, эту другую жизнь среди жизни, эту хмѣльную игру силъ.... это блаженство!...

Онъ остановился.

— Ну? съ нетерпѣніемъ сдѣлала она.

— Ну, продолжалъ онъ бурно, едва успѣвая говорить:—на остывшій слѣдъ этой огненной полосы, этой молніи жизни, ложится потомъ покой, улыбка отдыха отъ сладкой бури, благодарное воспоминаніе къ прошлому, тишина! И эту-то тишину, этотъ слѣдъ люди и назвали—святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорѣла и потухла.... Видишь ли, Вѣра, какъ прекрасна страсть, что даже одинъ слѣдъ ея кладетъ яркую печать на всю жизнь, и люди не рѣшаются сознаться въ правдѣ—т. е. что любви уже нѣтъ, что они были въ чаду, не замѣтили, прозѣвали ее, упиваясь, и что потомъ вся жизнь ихъ окрашена въ тѣ великолѣпные цвѣта, которыми горѣла страсть.... Эта окраска—и есть и любовь, и дружба, и та крѣпкая связь, которая держитъ людей вмѣстѣ иногда всю жизнь.... Нѣтъ, ничто въ жизни не даетъ такого блаженства, никакая слава, никакое щекотанье самолюбія, никакія богатства Шехерезады, ни даже творческая сила, ни-

что.... одна страсть! Хотѣла ли бы ты испытать такую страсть, Вѣра?

Она задумчиво слушала его.

— Да, если она такова, какъ вы ее описываете, если столько счастья въ ней....

Она вздрогнула и быстро отворила окно.

— Страсть — это постоянный хмѣль, безъ грубой тяжести опьяненія — продолжалъ онъ: это вѣчные цвѣты подъ ногами. Передъ тобой — идолъ, которому хочется молиться, умирать за него. Тебѣ на голову валятся каменья, а ты въ страсти думаешь, что летятъ розы на тебя, скрежетъ зубовъ будешь принимать за музыку, удары отъ дорогой руки покажутся нѣжнѣе ласкъ матери. Заботы, дрязги жизни, все исчезнетъ — одно безконечное торжество наполняетъ тебя — одно счастье глядѣть вотъ такъ.... на тебя.... (Онъ подошелъ къ ней) — взять за руку (онъ взялъ за руку) и чувствовать огонь и силу, трепетъ въ организмѣ....

Она опять вздрогнула и онъ тоже.

— Вѣра, мнѣ не далеко отъ этого состоянія: еще одинъ ласковый взглядъ, пожатіе руки — и я живу, блаженствую.... Скажи, что́ мнѣ дѣлать?

Она молчала.

— Вѣра!

Она медленно опомнилась отъ задумчивости, съ которою слушала его, обернулась къ нему, ласково, почти нѣжно взяла его за руку и груднымъ шепотомъ, съ мольбой, сказала:

— Уѣзжайте отсюда!

Онъ всталъ, какъ раненый.

— Ты злая, Вѣра. Хорошо—такъ скажи имя?

— Имя? Какое? съ удивленіемъ, совсѣмъ очнувшись, повторила она.

— И отъ кого письмо на синей бумагѣ? прибавилъ онъ.

Она оглядѣла его насмѣшливо съ ногъ до головы.

— Я никого не люблю, сказала она громко, я выдумала— такъ, отъ скуки....

— А письмо?

— Отъ попадьи, — проговорила она съ ироніей.

— И больше ничего не скажешь?

— Скажу все тоже.

— Что?

— Уѣзжайте!

— Такъ не уѣду же, — холодно сказалъ онъ.

Она продолжительно поглядѣла на него.

— Ваша воля: вы у себя! отвѣчала она и съ покорной ироніей

склонила голову. — А теперь, извините меня, мнѣ хочется пораньше встать, — ласково, почти съ улыбкой, прибавила она.

«Гонитъ!» съ горечью подумалъ онъ и не зналъ, что сказать, какъ вдругъ кто-то взялся за ручку замка снаружи.

IX.

— Кто тамъ? — спросили оба.

Дверь отворилась и показалось задумчивое лице Василисы.

— Это я, — тихо сказала она: вы здѣсь, Борисъ Павловичъ? Васъ спрашиваютъ, пожалуйте поскорѣй, людей въ прихожей никого нѣтъ. Яковъ ко всенощной пошелъ, а Егорку за рыбой на Волгу послали... Я одна тамъ съ Пашуткой.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Жандаръ отъ губернатора: проситъ губернаторъ пожаловать, если можно, теперь къ нему, а если нельзя, такъ завтра пораньше: нужно, говоритъ, очень...

— Что такое тамъ? — съ удивленіемъ сказалъ Райскій, — ну, хорошо, скажи — буду...

— Пожалуйте поскорѣе, — упрашивала Василиса: тамъ еще вотъ этотъ гость пришелъ...

— Кто еще?

— Да вотъ... взлызастый такой...

— Какой «взлызастый»?

— Вотъ что̀, слышь, плетьми будутъ сѣчь.... Въ залѣ разсѣлся, ждетъ васъ, а барыня съ Мареой Васильевной еще не воротились изъ города....

— Что это, Василиса, ты не спросила, какъ его зовутъ...

— Сказывалъ онъ, да забыла.

Райскій и Вѣра съ недоумѣніемъ поглядѣли другъ на друга.

— Чортъ знаетъ, какой-нибудь гость изъ города — какая тоска!

— Нѣтъ, это вотъ этотъ, что ночевалъ пьяный у васъ...

— Маркъ Волоховъ, что ли?

Вѣра сдѣлала какое-то движеніе.

— Подите скорѣй — узнайте зачѣмъ онъ? — торопливо сказала она.

— Чего ты испугалась? — замѣтилъ Райскій: вѣдь онъ не собака, не мертвецъ, не воръ, а такъ, безпутный бродяга...

— Идите, идите, — въ тревогѣ говорила Вѣра, не слушая его. — Это любопытно....

— Скорѣе, Борисъ Павлычъ, пожалуйте, — торопила и Василиса: — мы съ Пашуткой заперлись отъ него на ключъ.

— Это зачѣмъ?

— Боимся.

— Чего?

— Такъ, боимся. Я ужъ изъ окна вылѣзла на дворикъ и перелѣзла сюда. Какъ бы онъ тамъ не стянулъ чего-нибудь!

Райскій засмѣялся и пошелъ съ ней. Онъ отпустилъ жандарма, сказавши, что пріѣдетъ черезъ часъ, потомъ пошелъ къ Марку и привелъ его въ свою комнату.

— Что̀, ночевать пришли?—спросилъ онъ Волохова. Онъ ужъ съ нимъ говорилъ не иначе, какъ иронически. Но на этотъ разъ у Марка было озабоченное лице. Однако, когда принесли свѣчи, и онъ взглянулъ на взволнованное лицо Райскаго, то засмѣялся, по своему, съ холодной злостью.

— Ну, вотъ, а я думалъ, что вы ужъ уѣхали! — сказалъ онъ насмѣшливо.

— Еще успѣю, — небрежно замѣтилъ Райскій.

— Нѣтъ, ужъ теперь поздно: вонъ какіе у васъ глаза!

— А что̀ глаза, ничего? — говорилъ Райскій, глядясь въ зеркало.

— И похудѣли — корь ужъ выступаетъ.

— Полноте вздоръ говорить, — отвѣчалъ Райскій, стараясь не глядѣть на него:—скажите лучше, зачѣмъ вы пришли опять къ ночи?

— Вѣдь я ночная птица: днемъ за мной ужъ очень ухаживаютъ. Меньше позора на домъ бабушки. Славная старуха — выгнала Тычкова!

Онъ опять вдругъ сдѣлался серьезенъ.

— Я къ вамъ за дѣломъ, — сказалъ онъ.

— У васъ дѣло? — замѣтилъ Райскій: это любопытно.

— Да, больше, нежели у васъ. Вотъ видите: я былъ нынче въ полиціи, т. е. не самъ конечно, съ визитомъ, частный приставъ пригласилъ, и даже подвезъ на парѣ сѣрыхъ лошадей.

— Это зачѣмъ: случилось что-нибудь?

— Пустяки: я тутъ кое-кому книги раздавалъ.

— Какія книги? Мои, что̀ у Леонтья брали?

— И ихъ, и другія еще — вотъ тутъ написано, какія.

Онъ подалъ ему бумажку.

— Кому же вы раздавали?

— Всѣмъ: больше всего молодежи: изъ семинаріи брали, изъ гимназіи — учитель одинъ...

— Развѣ у нихъ нечего читать?

— Какъ нечего: вонъ Козловъ читаетъ пятый годъ Саллюстія, Ксенофонта, Гомера—одинъ годъ съ начала до конца, а другой отъ конца до начала — всѣ прокисли было здѣсь... Въ гимназіи плѣсень завелась.

— Развѣ новыхъ книгъ нѣтъ у нихъ?

— Есть: вонъ другой оселъ, словесникъ, угощаетъ ихъ, то Карамзинымъ, то Пушкинымъ: мозги-то у нихъ у всѣхъ прѣсные.

— Такъ вы посолить захотѣли — чѣмъ же, посмотримъ!

— Охъ, какъ важно произнесли: «посмотримъ»! живой Нилъ Андреичъ: зачѣмъ вы его прогнали?

Райскій пробѣжалъ бумажку и уставилъ на Марка глаза.

— Ну, что̀ вы выпучили на меня глаза?

— Вы имъ давали эти книги?

— Да, а что̀?

Райскій продолжалъ съ изумленіемъ глядѣть на Марка.

— Эти книги молодымъ людямъ! прошепталъ онъ.

— Да вы, кажется, въ Бога вѣруете? спросилъ Маркъ.

Райскій все глядѣлъ на него.

— Не были ли вы сегодня у всенощной? спросилъ опять лодно Маркъ.

— А если былъ?

— Ну, такъ немудрено, что вы можете влюбиться и плакать... Плакали, или нѣтъ еще?

— Я не спрашиваю васъ, вѣруете ли вы: если вы ужъ не увѣровали въ полковаго командира въ полку, въ ректора въ университетѣ, а теперь отрицаете губернатора и полицію — такія очевидности, то гдѣ вамъ увѣровать въ Бога!—сказалъ Райскій.— Обратимся къ предмету вашего посѣщенія: какое вы дѣло имѣете до меня?

— Вотъ видите: одинъ мальчишка, стряпчаго сынъ, не понялъ чего-то по-французски въ одной книгѣ и показалъ матери, та отцу, а отецъ къ прокурору. Тотъ слыхалъ имя автора и поднялъ бунтъ — донесъ губернатору. Мальчишка было заперся, его выпороли — онъ подъ розгой и сказалъ, что книгу взялъ у меня. Ну, меня сегодня къ допросу....

— Что же вы?

— Что̀ я?—сказалъ онъ, съ улыбкой глядя на Райскаго.— Меня спросили, чьи книги, откуда я взялъ...

— Ну?

— Ну, я сказалъ, что.... у васъ, что однѣ вы привезли съ собой, а другія я нашелъ въ вашей библіотекѣ—вонъ Вольтера...

— Покорно благодарю: зачѣмъ же вы мнѣ сдѣлали эту честь?

— Потому что съ тѣхъ поръ, какъ вы вытолкали Тычкова, я считаю васъ не совсѣмъ пропащимъ человѣкомъ.

— Вы бы прежде спросили, позволю ли я — и честно ли это?

— Я — безъ позволенія. А честно ли это, или нѣтъ — объ этомъ послѣ. Что̀ такое честность, по вашему? — спросилъ онъ, нахмурившись.

— Объ этомъ тоже — послѣ, а только я не позволю этого.

— Это ни честно, ни нечестно, а полезно для меня...

— И вредно мнѣ — славная логика!

— Вотъ я до логики-то и добираюсь, — сказалъ Маркъ — только боюсь: не двѣ ли логики у насъ?...

— И не двѣ ли честности? — прибавилъ Райскій.

— Вамъ ничего не сдѣлаютъ: вы въ милости у его превосходительства, — продолжалъ Маркъ, да и притомъ не высланы сюда на житье. А меня за это упекутъ куда-нибудь въ третье мѣсто: въ двухъ ужъ я былъ. Мнѣ бы все равно въ другое время, а теперь... задумчиво прибавилъ онъ — мнѣ бы хотѣлось остаться здѣсь... на неопредѣленное время...

— Ну-съ? — холодно сдѣлалъ Райскій. — Еще что?

— Еще ничего. Я хотѣлъ только разсказать вамъ, что̀ я сдѣлалъ, и спросить, хотите взять на себя, или нѣтъ?

— А если не хочу? и не хочу!

— Ну, нечего дѣлать: скажу на Козлова. Онъ совсѣмъ заплеснѣвѣлъ: пусть посидитъ на гауптвахтѣ, а потомъ опять примется за грековъ...

— Нѣтъ, ужъ не примется, когда лишатъ мѣста и куска хлѣба.

— Пожалуй что и такъ... не логично! Такъ ужъ лучше скажите вы на себя.

— Во имя чего вы требуете отъ меня этой услуги? Что̀ вы мнѣ?

— Во имя того же, во имя чего занялъ у васъ деньги, т. е. мнѣ нужны онѣ, а у васъ есть. И тутъ тоже: вы возьмете на себя, вамъ ничего не сдѣлаютъ, а меня упекутъ — надѣюсь, это логика.

— А если на меня упадетъ непріятность?

— Какая? Нилъ Андреичъ разбойникомъ назоветъ, губернаторъ донесетъ и васъ возьмутъ на замѣчаніе... Перестанемте холопствовать: пока будемъ бояться, до тѣхъ поръ не вразумимъ губернаторовъ...

— Однако сами боитесь сказать на себя.

— Не боюсь, а теперь не хочу уѣхать отсюда.

— Отъ чего?

— Ну такъ, не хочу. Послѣ я пойду самъ и скажу, что книги мои. Если потомъ вы какое-нибудь преступленіе сдѣлаете, скажите на меня: я возьму на себя...

— Какъ же это брать на себя: странной услуги требуете вы! говорилъ Райскій въ раздумьѣ.

— А вы вотъ что: попробуйте. Если дѣло приметъ очень серьезный оборотъ, чего, сознайтесь сами, быть не можетъ, тогда ужъ нечего дѣлать — скажите на меня. Экая досада! — ворчалъ Маркъ. — Этотъ мальчишка все испортилъ. А ужъ тутъ было принялись шевелиться...

— Я сейчасъ къ губернатору ѣду, — сказалъ Райскій: онъ присылалъ. Прощайте.

— А! присылалъ!

— Что̀ же мнѣ дѣлать, что̀ говорить?

— Губернаторъ замнетъ исторію, если вы назоветесь героемъ: онъ не любитъ ничего доводить до Петербурга. А со мной нельзя: я подъ надзоромъ, и онъ обязанъ каждый мѣсяцъ доносить туда, здоровъ ли я и каково поживаю? А впрочемъ дѣлайте, какъ хотите! равнодушно заключилъ Маркъ. — Пойдемте, и мнѣ пора!

— Куда же вы — вотъ двери...

— Нѣтъ, дойдемте до вашего сада, я тамъ по горѣ сойду, мнѣ надо туда... Я подожду на островѣ у рыбака, чѣмъ это кончится.

У обрыва Маркъ исчезъ въ кустахъ, а Райскій поѣхалъ къ губернатору и воротился отъ него часу во второмъ ночи. Хотя онъ поздно легъ, но всталъ рано, чтобы передать Вѣрѣ о случившемся. Окна ея были плотно закрыты занавѣсками. «Спитъ» — подумалъ онъ и пошелъ въ садъ. Онъ цѣлый часъ ходилъ взадъ и впередъ по дорожкѣ, ожидая, когда отдернется лиловая занавѣска. Но прошло полчаса, часъ, а занавѣска не отдергивалась. Онъ ждалъ, не пройдетъ ли Марина по двору, но и Марины не видать. Вскорѣ у бабушки въ спальнѣ поднялась стора, зашипѣлъ въ сѣняхъ самоваръ, голуби и воробьи начали слетаться къ тому мѣсту, гдѣ привыкли получать отъ Маѳиньки кормъ. Захлопали двери, пошли по двору кучера, лакеи, а занавѣска все не шевелилась. Наконецъ Улита показалась въ подвалахъ, бабы и дѣвки поползли по двору, только Марины нѣтъ. Блѣдный и мрачный Савелій показался на порогѣ своей коморки и тупо смотрѣлъ на дворъ.

— Савелій! — кликнулъ Райскій.

Савелій разстановистыми шагами подошелъ къ нему.

— Скажи Маринѣ, чтобъ она сейчасъ дала мнѣ знать, когда встанетъ и одѣнется Вѣра Васильевна.

— Марины нѣтъ! — нѣсколько поживѣе обыкновеннаго сказалъ Савелій.

— Какъ нѣтъ, гдѣ она?

— Уѣхала еще на зарѣ проводить барышню за Волгу, къ попадьѣ.

— Какую барышню: Вѣру Васильевну?

— Точно такъ.

Онъ остолбенѣлъ и почти съ ужасомъ глядѣлъ на Савелья.

— На чемъ же онѣ поѣхали, съ кѣмъ? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Прохоръ ихъ завсегда возитъ въ бричкѣ, на буланой лошади.

Райскій молчалъ.

— Къ вечеру вернутся, прибавилъ Савелій.

— Вернутся, ты думаешь, сегодня? — живо спросилъ Райскій.

— Точно такъ-съ, Прохоръ съ лошадью, и Марина тоже. Они проводятъ барышню, а сами въ тотъ же день назадъ.

Райскій смотрѣлъ во всѣ глаза на Савелья и не видалъ его. Долго еще стояли они другъ противъ друга.

— Еще ничего не прикажете? — медленно спросилъ Савелій.

— А? что? да: очнулся Райскій — ты... тоже ждешь Марину?

— Сгинуть бы ей, проклятой! мрачно сказалъ Савелій.

— Зачѣмъ ты бьешь ее? Я давно хотѣлъ посовѣтовать, чтобъ ты пересталъ, Савелій.

— Я не бью теперь больше.

— Давно-ли?

— Вотъ теперь, какъ смирно эту недѣлю живетъ, такъ и....

Складки стали прилежно работать у него на лбу, помогая мысли.

— Ступай — мнѣ больше ничего не надо — только не бей, пожалуйста, Марину — дай ей полную свободу: и тебѣ, и ей лучше будетъ.... сказалъ Райскій.

Онъ пошелъ съ поникшей головой домой, съ тоской глядя на окна Вѣры, а Савелій потупился, не надѣвая шапку, дивясь послѣднимъ словамъ Райскаго.

«Тоже страсть»! думалъ Райскій. «Бѣдный Савелій! бѣдный — и я!»

X.

Съ отъѣздомъ Вѣры, Райскаго охватилъ ужасъ одиночества. Онъ чувствовалъ себя сиротой, какъ будто цѣлый міръ опустѣлъ и онъ очутился въ какой-то безплодной пустынѣ, не замѣчая, что эта пустыня вся въ зелени, цвѣтахъ, не чувствуя, что его лелѣетъ и грѣетъ природа, блистающая лучшей, жаркой порой лѣта. Домовитость Татьяны Марковны и порханье Марѳиньки, ея пѣніе, живая болтовня съ веселымъ, бодрымъ, скачущимъ Викентьевымъ, иногда пріѣздъ гостей, появленіе карикатурной Полины Карповны, бурливаго Опенкина, визиты хорошо одѣтыхъ и причесанныхъ барынь, молодыхъ щеголей—онъ не замѣчалъ ничего. Ни весело, ни скучно, ни тепло, ни холодно ему было отъ всѣхъ этихъ лицъ и явленій. Онъ видѣлъ только одно, что лиловая занавѣска не колышется, что сторы спущены въ окнахъ, что любимая скамья стоитъ пустая, что нѣтъ Вѣры — и какъ будто ничего и никого нѣтъ: точно весь домъ, вся окрестность вымерли. Онъ не хотѣлъ любить Вѣру, да и нельзя, еслибъ хотѣлъ: у него отняты всѣ права, всѣ надежды. Ея нѣжнѣйшая мольба, обращенная къ нему — была — «уѣхать поскорѣй» — а онъ былъ занятъ, полонъ ею, одною ею, и ничѣмъ больше.

Даже красота ея, кажется, потеряла свою силу надъ нимъ; его влекла къ ней какая-то другая сила. Онъ чувствовалъ, что связанъ съ ней, не теплыми и много-обѣщающими надеждами, не трепетомъ нервъ, а какою-то враждебною, разжигающею мозгъ болью, какими-то посторонними, даже противорѣчащими любви связями. Его мучила теперь тайна: какъ она, пропадая куда-то на глазахъ у всѣхъ, въ виду, изъ дома, изъ сада, потомъ появляется вновь, будто со дна Волги вынырнувшей русалкой, съ свѣтлыми, прозрачными глазами, съ печатью непроницаемости и обмана на лицѣ, съ ложью на языкѣ, чуть не въ вѣнкѣ изъ водяныхъ порослей на головѣ, какъ настоящая русалка. И какой опасной, безотрадной красотой блеститъ тогда ему въ глаза эта сіяющая, таинственная ночь!

Но еслибъ еще только одно это: а она въ половину открыла ему, что любитъ, что есть кто-то тутъ около, кѣмъ полна ея жизнь, и этотъ уголокъ, и прекрасны эти деревья, это небо, эта Волга. Но открывъ на минуту завѣтную дверь, она вдругъ своенравно захлопнула ее и неожиданно исчезла, увезя съ собой ключи отъ всѣхъ тайнъ: и отъ своего характера, и отъ своей любви, и всей сферы своихъ понятій, чувствъ, всей жизни, которою живетъ—все увезла! Передъ нимъ опять одна замкнутая дверь!

— Всѣ ключи увезла! съ досадой сказалъ онъ въ разговорѣ о Вѣрѣ съ бабушкой про себя. Но Татьяна Марковна услыхала и вся встрепенулась.

— Какіе ключи увезла? въ тревогѣ спросила она.

Онъ молчалъ.

— Говори: приставала она и начала шарить въ карманахъ у себя, потомъ въ шкатулкѣ. — Какіе такіе ключи: кажется, у меня всѣ! Марѳинька, поди сюда: какіе ключи изволила увезти съ собой Вѣра Васильевна?

— Я не знаю, бабушка: она никакихъ никогда не увозитъ, развѣ отъ своего письменнаго стола.

— Вотъ Борюшка говоритъ, что увезла. Посмотри-ка у себя и у Василисы спроси: всѣ-ли ключи дома: не захватили-ли какъ-нибудь съ той вертушкой, Мариной, отъ которой-нибудь кладовой—поди скорѣй! Да что ты таишься, Борисъ Павловичъ, говори, какіе ключи увезла она: видѣлъ, что-ли, ты ихъ?

— Да, съ злостью сказалъ онъ: видѣлъ: показала, да и спрятала опять....

— Да какіе они: съ бородкой, или вотъ этакіе.... Она показала ему ключъ.

— Ключи отъ своего ума, сердца, характера, отъ мыслей и тайнъ — вотъ какіе!

У бабушки отлегло отъ сердца.

— Вонъ онъ чтó! сказала бабушка и задумалась, потомъ вздохнула.—Да, въ этой твоей аллегоріи есть и правда. Этихъ ключей она не оставляетъ никому. А лучше, еслибъ и они висѣли на поясѣ у бабушки!

— А что?

— Да такъ.

— Скажите мнѣ, бабушка, чтó такое Вѣра? вдругъ спросилъ Райскій, подсѣвши къ Татьянѣ Марковнѣ.

— Ты самъ видишь: чтò тебѣ еще говорить? Чтò видишь, то и есть.

— Да я ничего не вижу.

— И никто не видитъ: свой умъ, видишь ли, и своя воля выше всего. И бабушка не смѣй спросить ни о чемъ: «нѣтъ да нѣтъ ничего, не знаю, да не вѣдаю». На рукахъ у меня родилась, вѣкъ со мной, а я не знаю, чтó у ней на умѣ, чтò она любитъ, чтò нѣтъ. Если и больна, такъ не узнаешь ее: ни пожалуется, ни лекарства не спроситъ, а только пуще молчитъ. Не лѣнива, а ничего не дѣлаетъ: ни шить, ни по канвѣ, ни музыки не любитъ, ни въ гости не ѣздитъ — такъ, уродилась такая! Я не видала, чтобы она засмѣялась отъ души, или заплакала бы.

Если и разсмѣется, такъ прячетъ улыбку, точно грѣхъ какой. А чуть что́ не по ней, разстроена чѣмъ-нибудь, сейчасъ въ свою башню спрячется и переживетъ тамъ и горе, и радость — одна. Вотъ что!

— Что-жъ, это хорошо: свой характеръ, своя воля — это самостоятельность. Дай Богъ!

— Вотъ, «дай Богъ!» дѣвушкѣ — своя воля! Ты не натолкуй ей еще этого, Борисъ Павлычъ, серьезно прошу тебя! Уменъ ты, и добрый, и честный: ты дѣвочкамъ, конечно, желаешь добра, а иногда брякнешь вдругъ — Богъ тебя вѣдаетъ что̀!

— Что-же такое и кому я брякалъ, бабушка?

— Какъ кому: Мареинькѣ совѣтовалъ любить, не спросясь бабушки: самъ посуди, хорошо ли это? Я даже не ожидала отъ тебя! Если ты самъ вышелъ изъ повиновенія у меня, зачѣмъ же смущать бѣдную дѣвушку?

— Ахъ, бабушка, какая вы самовластная женщина! Все свое: мало ли я спорилъ съ вами о томъ, что любить по приказу нельзя...

— Вотъ, Борюшка, мы выгнали Нила Андреича, а онъ бы тебѣ на это отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ. Я не съумѣю. Я знаю только, что ты дичь городишь, да: не погнѣвайся! Это новыя правила, что-ли?

— Да, бабушка, новыя: старый вѣкъ проходитъ. Нельзя ему длиться два вѣка. Нужно же и новому придти!

— Да все ли хорошо въ твоемъ новомъ вѣкѣ?

— Вы разсудите, бабушка: разъ въ жизни дѣвушки разцвѣтаетъ весна — и эта весна — любовь. И вдругъ не дать свободы ей разцвѣсть: заглушить, отнять свѣжій воздухъ, оборвать цвѣты... За что же и по какому праву вы хотите заставить, напримѣръ, Мареиньку быть счастливой по вашей мудрости, а не по ея склонности и влеченіямъ?

— А ты спроси Мареиньку, будетъ ли она счастлива и захочетъ ли счастья, если бабушка не благословитъ ее на него?

— Я ужъ спрашивалъ.

— Ну, что же?

— Безъ васъ, говоритъ, ни шагу.

— Вотъ видишь!

— Да развѣ это разумно: гдѣ же свобода, гдѣ права? Вѣдь она мыслящее существо, человѣкъ: зачѣмъ же навязывать ей свою волю и свое счастье?...

— Кто навязывалъ: спроси ее? Еслибъ онѣ у меня были запуганныя или забитыя, какія-нибудь несчастныя: а ты видишь, что онѣ живутъ у меня, какъ птички: дѣлаютъ что́ хотятъ....

— Да, это правда, бабушка: — чистосердечно сказалъ Райскій:—въ этомъ вы правы. Васъ связываетъ съ ними не страхъ, не цѣпи, не молотъ авторитета, а нѣжность голубинаго гнѣзда.... Онѣ обожаютъ васъ—такъ!... Но вѣдь все дѣло въ воспитаніи: зачѣмъ наматывать имъ старыя понятія, воспитывать по птичьи? Дайте имъ самимъ извлечь немного соку изъ жизни..... Птицу запрутъ въ клѣтку, и когда она отвыкнетъ отъ воли, послѣ отворяй двери настежъ — не летитъ вонъ! Я это и нашей кузинѣ Бѣловодовой говорилъ: тамъ одна неволя, здѣсь другая...

— Ничего я, ни Мареинькѣ, ни Вѣрочкѣ не наматывала: о любви и не заикалась никогда, — боюсь и пикнуть, а вижу и знаю, что Мареинька, безъ моего совѣта и благословенія, не полюбила бы никого.

— Пожалуй, что и такъ, задумчиво сказалъ Райскій.

— И что, еслибъ ты, или другой, успѣли натолковать ей про эту твою свободу, и она бы послушала, такъ....

— Была бы несчастнѣйшее созданіе — вѣрю, бабушка — и потому, если Мареинька пересказала вамъ мой разговоръ, то она должна была также сказать, что я понялъ ее и что послѣдній мой совѣтъ былъ — не выходить изъ вашей воли и слушаться отца Василья.

— Знаю и это: все вывѣдала, и вижу, что ты ей хочешь добра. Оставь же, не трогай ее: а то выйдетъ, что не я, а ты навязываешь ей счастье, котораго она сама не хочетъ: значитъ ты самъ и будешь виноватъ въ томъ, въ чемъ упрекалъ меня: въ деспотизмѣ.—Ты какъ понимаешь бабушку, помолчавъ начала она: — еслибъ богачъ посватался за Мареиньку, съ породой, съ именемъ, съ заслугами, да не понравился ей — я бы стала уговаривать ее?

— Хорошо, бабушка: я уступаю вамъ Мареиньку, но не трогайте Вѣру: Мареинька одно, а Вѣра другое. Если съ Вѣрой примете ту же систему, то сдѣлаете ее несчастной!

— Кто, я? спросила бабушка.—Пусть бы она оставила свою гордость и довѣрилась бабушкѣ: можетъ быть, хватило бы ума и на другую систему.

— Не стѣсняйте только ее, дайте волю. Однѣ птицы родились для клѣтки, а другія для свободы... Она съумѣетъ управить своей судьбой одна...

— А развѣ я мѣшаю ей? стѣсняю ее? Она не довѣряется мнѣ, прячется, молчитъ, живетъ своимъ умомъ: я даже не прошу у ней «ключей», а вотъ ты, кажется, безпокоишься!

Она пристально взглянула на него.

Райскій покраснѣлъ, когда бабушка вдругъ такъ ясно и

просто доказала ему, что весь ея «деспотизмъ» построенъ на почвѣ нѣжнѣйшей материнской симпатіи и неутомимаго попеченія о счастьѣ любимыхъ ею сиротъ.

— Я только, какъ полицмейстеръ, смотрю, чтобъ снаружи все шло своимъ порядкомъ, а въ дома не вхожу, пока не позовутъ, прибавила Татьяна Марковна.

— Каково: это идеалъ, вѣнецъ свободы! Бабушка! Татьяна Марковна! Вы стоите на вершинахъ развитія умственнаго, нравственнаго и соціальнаго! Вы совсѣмъ готовый, выработанный человѣкъ! И какъ это вамъ далось даромъ, когда мы хлопочемъ, хлопочемъ! Я кланялся вамъ разъ, какъ женщинѣ, кланяюсь опять и горжусь вами: вы велики!

Оба замолчали.

— Скажите, бабушка, что̀ это за попадья и что̀ за связь у нихъ съ Вѣрой? спросилъ Райскій.

— Наталья Ивановна, жена священника: она училась вмѣстѣ съ Вѣрой въ пансіонѣ, тамъ и подружились. Она часто гоститъ у насъ. Она добрая, хорошая женщина, скромная такая...

— За что же любитъ ее Вѣра: она умная, замѣчательная женщина, съ характеромъ должна быть?

— И! нѣтъ: какой характеръ! Не глупа, училась хорошо, читаетъ много книгъ и пріодѣться любитъ. Попъ-то не бѣдный: своя земля есть — Михайло Иванычъ, помѣщикъ, любитъ его — у него тамъ полная чаша! Хлѣба, всякаго добра — въ волю; лошадей ему подарилъ, экипажъ, даже деревьями изъ оранжерей комнаты у него убираетъ. Попъ умный, изъ молодыхъ — только ужъ очень по-свѣтски ведетъ себя: привыкъ тамъ въ помѣщичьемъ кругу. Даже французскія книжки читаетъ и покуриваетъ—это ужъ и не пристало бы къ рясѣ...

— Ну, а попадья что̀? Скажите мнѣ про нее: за что̀ любитъ ее Вѣра, если у ней, какъ вы говорите, даже характера нѣтъ?

— А за то и любитъ, что характера нѣтъ.

— Какъ за то любитъ? Да развѣ это можно?

— И очень. А еще учить собирался меня, а не замѣтилъ, что иначе-то и не бываетъ....

— Какъ такъ?

— Да такъ: сильный сильнаго никогда не полюбитъ—такіе, какъ козлы, лишь сойдутся, сейчасъ и бодаться начнутъ! А сильный и слабый—только и ладятъ. Одинъ любитъ другого за силу, а тотъ....

— За слабость, что-ли?

— Да, за гибкость, за податливость, за то, что тотъ не выходитъ изъ его воли.

— Вѣдь это вѣрно, бабушка: вы мудрецъ. Да здѣсь, я вижу, — непочатой уголъ мудрости! Бабушка, я отказываюсь перевоспитывать васъ и отнынѣ вашъ послушный ученикъ, только прошу объ одномъ—не жените меня. Во всемъ остальномъ буду слушаться васъ. Ну, такъ что же попадья?

— Ну, попадья — добрая, смирная курица: лепечетъ безъ умолку, поетъ, охотница шептаться, особенно съ Вѣрой: такъ и щебечетъ, и все на ухо: а та только слушаетъ да молчитъ, рѣдко кивнетъ головой, или скажетъ слово. Вѣрочкинъ взглядъ, даже капризъ—для нея святы. Чтò та сказала, тò только и умно, и хорошо. Ну, Вѣрѣ этого и надо: ей не другъ нуженъ, а послушная раба. Вотъ она и есть: отъ этого она такъ и любитъ ее. За то какъ и струситъ Наталья Ивановна, чуть что-нибудь не угодитъ: «прости меня, душечка, милая», начнетъ цѣловать глаза, шею — и та ничего.

«Такъ вотъ что! сказалъ Райскій про себя:—гордый и независимый характеръ—рабовъ любитъ! А все твердитъ о свободѣ; и моего поклоненія не удостоила принять. Погоди же ты!»

— А вѣдь она любитъ васъ, бабушка, Вѣра-то? спросилъ Райскій, желая узнать, любитъ ли она кого-нибудь еще, кромѣ Натальи Ивановны.

— Любитъ! съ увѣренностью отвѣчала бабушка: только посвоему. Никогда не показываетъ и не покажетъ! А любитъ — пожалуй, хоть умереть готова.

«А чтò: можетъ быть, она и меня любитъ, да только не показываетъ», утѣшилъ-было себя Райскій, но самъ же и разрушилъ эту надежду, какъ несбыточную.

— Почему же вы знаете, если она не показываетъ?

— Не знаю и сама почему, а только любитъ.

— А вы ее?

— Люблю, вполголоса сказала бабушка: охъ, какъ люблю!—прибавила она со вздохомъ, и даже слезы-было показались у нее — она и не знаетъ: авось, узнаетъ когда-нибудь....

— А замѣтили ли вы, что Вѣра съ нѣкоторыхъ поръ какъ-будто.... задумчива? нерѣшительно спросилъ Райскій, въ надеждѣ, не допытается-ли какъ-нибудь отъ бабушки разрѣшенія своего мучительнаго «вопроса» о синемъ письмѣ.

— А ты замѣтилъ?

— Нѣтъ.... такъ.... она что-то.... Вѣдь я не знаю, какая она вообще: только какъ-будто того....

— Что-жъ это за любовь, еслибъ я не замѣтила! Ужъ не

одну ночь не спала я и думаю, отчего она съ весны такая странная стала? То повеселѣетъ, то задумается; часто капризничаетъ, иногда вспылитъ. Замужъ пора ей—вотъ что! — почти про себя прибавила Татьяна Марковна.—Я спрашивала доктора: тотъ все на нервы: дались имъ эти нервы—и что это за нервы такіе? Бывало и доктора никакихъ нервъ не знали. Поясница—такъ и говорили, что поясница болитъ, или подъ ложечкой: отъ этого и лечили. А теперь все пошли нервы! Вонъ, бывало, кто съума сойдетъ: спятилъ, говорятъ, сердечный—съ горя, что ли, или изъ ума выжилъ, или спился, а ныньче говорятъ: мозги какъ-то размягчились...

— Не влюблена ли? вполголоса сказалъ Райскій и раскаялся: хотѣлось бы назадъ взять слово, да поздно. Въ бабушку точно камнемъ попало.

— Господи спаси и помилуй! сказала она, перекрестившись, точно молнія блеснула передъ ней: — этого горя только не доставало!

— Вотъ нашли горе: ей счастье, а вамъ горе!

— Не шути этимъ, Бòрюшка, самъ сказалъ сейчасъ, что она не Марѳинька! Пока Вѣра капризничаетъ безъ причины, молчитъ, мечтаетъ одна — Богъ съ ней! А какъ эта змѣя, любовь, заберется въ нее, тогда съ ней не сладишь! Этого «рожна» я и тебѣ, не только дѣвочкамъ моимъ, не пожелаю. Да ты это съ чего взялъ: говорилъ, что ли, съ ней, замѣтилъ что-нибудь? Ты скажи мнѣ, родной, всю правду! умоляющимъ голосомъ прибавила она, положивъ ему на плечо руку.

— Ничего, бабушка, Богъ съ вами, успокойтесь: я такъ, просто «брякнулъ», какъ вы говорите, а вы ужъ и встревожились, какъ давича о ключахъ....

— Да, «ключи»: вдругъ ухватилась за слово бабушка и даже измѣнилась въ лицѣ:—эта аллегорія—что̀ она значитъ? Ты проговорился про какой-то ключъ отъ сердца: что̀ это такое, Борисъ Павлычъ—ты не мути моего покоя, скажи, какъ на духу, если знаешь что-нибудь?

Райскому досадно стало на себя и онъ всѣми силами старался успокоить бабушку, и отчасти успѣлъ.

— Я замѣтилъ то̀ же, что и вы, говорилъ онъ, не больше. Ну скажетъ ли она мнѣ, если отъ всѣхъ васъ таится? Я даже, видите, не зналъ, куда она ѣздитъ, что это за попадья такая—спрашивалъ, спрашивалъ — ни слова! Вы же мнѣ разсказали.

— Да, да, не скажетъ, это правда — отъ нея не добьешься! прибавила успокоенная бабушка:—не скажетъ! Вотъ та шептунья, попадья, все знаетъ, что̀ у ней на умѣ: да и та скорѣй умретъ,

а не скажетъ ея секретовъ. Свои сейчасъ разроняетъ, только подбирай, а ея — Боже сохрани!

Оба замолчали.

— Да и въ кого бы тутъ влюбиться? разсуждала бабушка про себя, — не въ кого.

— Не въ кого? живо спросилъ Райскій.—Никого нѣтъ такого?...

Татьяна Марковна покачала головой.

— Развѣ лѣсничій, сказала она задумчиво, — хорошій человѣкъ. Онъ, кажется, не прочь, я замѣчаю.... Славная бы партія Вѣрѣ.... да....

— Да что?

— Да она-то мудреная такая — Богъ знаетъ — какъ приступиться къ ней, какъ посватается! А славный, солидный, и богатый: одного лѣсу будетъ тысячъ....

— Лѣсничій! повторилъ Райскій: какой лѣсничій? что онъ за человѣкъ? молодой, образованный, замѣчательный?...

Вошла Василиса и доложила, что Полина Карповна пріѣхала и спрашиваетъ, расположенъ ли Борисъ Павловичъ рисовать ея портретъ.

— И поговорить не дастъ—принесла нелегкая! ворчала бабушка. — Проси, да завтракъ чтобъ былъ готовъ.

— Откажите, бабушка, зачѣмъ: потрудись, Василиса, сказать, что я до пріѣзда Вѣры Васильевны портрета писать не стану.

Василиса пошла и воротилась.

— Требуетъ васъ туда: нейдетъ изъ коляски, сказала она.

XI.

Неизвѣстно, что̀ говорила Райскому Полина Карповна, но черезъ пять минутъ, онъ взялъ шляпу, тросточку, и Крицкая, глядя торжественно по сторонамъ, помчала его, сначала по главнымъ улицамъ, гордясь своей побѣдой, и потомъ, какъ военную добычу, привезла домой.

Райскій съ любопытствомъ шелъ за Полиной Карповной въ комнаты, любезно отвѣчалъ на ея нѣжный шепотъ, страстные взгляды. Она молила его признаться, что онъ не равнодушенъ къ ней, на что̀ онъ въ ту же минуту согласился, и съ любопытствомъ ждалъ, что изъ этого будетъ. «О, я знала, я знала — видите! Не я ли предсказывала?» ликуя, говорила она. Она на-

Долго кружили по городу Райскій и Полина Карповна. Она старалась провезти его мимо всѣхъ знакомыхъ, наконецъ онъ указалъ одинъ переулокъ и велѣлъ остановиться у квартиры Козлова. Крицкая увидѣла у окна жену Леонтья, которая дѣлала знаки Райскому. Полина Карповна пришла въ ужасъ.

— Вы ѣздите къ этой женщинѣ — возможно ли? Я компрометирована! сказала она. — Чтò скажутъ, когда узнаютъ, что я завезла васъ сюда? Allons, de grâce, montez vite et partons! Cette femme: quelle horreur!

Но Райскій махнулъ рукой и вошелъ въ домъ.

«Вотъ сучокъ замѣтила въ чужомъ глазу!» думалъ онъ.

XII.

Свиданіе наединѣ съ Крицкой напомнило ему о его «обязанности къ другу», на которую онъ такъ торжественно готовился недавно и отъ которой отвлекла его Вѣра. У него даже забилось сердце, когда онъ оживилъ въ памяти свои намѣренія оградить домашнее счастье этого друга.

Леонтья не было дома и Ульяна Андреевна встрѣтила Райскаго съ распростертыми объятіями, отъ которыхъ онъ сухо уклонился. Она называла его старымъ другомъ, шалуномъ, слегка взяла его за ухо, посадила на диванъ, сѣла къ нему близко, держа его за руку. Райскій едва терпѣлъ эту прямую атаку и растерялся въ первую минуту отъ быстраго и неожиданнаго натиска, который вдругъ перенесъ его въ эпоху стараго знакомства съ Ульяной Андреевной и студенческихъ шалостей: но это было такъ давно.

— Чтò вы, Ульяна Андреевна, опомнитесь — я не студентъ, а вы не дѣвочка... упрекнулъ онъ ее.

— Для меня вы все тотъ же милый студентъ, шалунъ, а я для васъ таже послушная дѣвочка...

Она вскочила съ мѣста, схватила его за руки и три раза повернулась съ нимъ по комнатѣ, какъ въ вальсѣ.

— А кто мнѣ платье разорвалъ, помните?...

Онъ смотрѣлъ на нее, стараясь вспомнить.

— Забыли, какъ ловили за талію, когда я хотѣла уйти!... Кто на колѣняхъ стоялъ? Кто ручки цѣловалъ! На-те, поцѣлуйте, неблагодарный! А я для васъ все та же Улинька!

— Жаль! сказалъ онъ со вздохомъ: — ужели вы не забыли старыя шалости?

— Нѣтъ, нѣтъ — все помню, все помню! — И вертѣла его за руки по комнатѣ.

Ему легче казалось сносить тупое, безплодное и каррикатурное кокетничанье сѣдѣющей Калипсо, все ищущей своего Телемака, нежели этой простодушной нимфы, ищущей встрѣчи съ сатиромъ.

А она, съ блескомъ на рыжеватой маковкѣ и бровяхъ, съ огнистымъ румянцемъ, ярко проступавшимъ сквозь веснушки, смотрѣла ему прямо въ лицо лучистыми, горячими глазами, съ безпечной радостью, отважной рѣшимостью и затаеннымъ смѣхомъ. Онъ отворачивался отъ нея, старался заговорить о Леонтьѣ, о его занятіяхъ, ходилъ изъ угла въ уголъ и десять разъ подходилъ къ двери, чтобъ уйти, но чувствовалъ, что это не легко сдѣлать. Онъ попалъ будто въ клѣтку тигрицы, которая, сидя въ углу, слѣдитъ за своей жертвой: и только онъ брался за ручку двери, она уже стояла передъ нимъ, прижавшись спиной къ замку, и глядя на него своимъ смѣющимся взглядомъ, безъ улыбки. Куда онъ ни оборачивался, онъ чувствовалъ, что не могъ уйти изъ-подъ этого взгляда, который, какъ взглядъ портретовъ, всюду слѣдилъ за нимъ.

Онъ сѣлъ и погрузился въ свою задачу о долгѣ, думалъ, съ чего начать. Онъ видѣлъ, что мягкость тутъ не поможетъ: надо бросить «громъ» на эту, играющую позоромъ женщину, назвать по имени стыдъ, который она такъ щедро льетъ на голову его друга. Онъ молча, холодно осматривалъ ее съ ногъ до головы, даже позволилъ себѣ легкую улыбку презрѣнія. А она, отворотясь отъ этого сухого взгляда, обойдетъ сзади стула и вдругъ нагнется къ нему и близко взглянетъ ему въ лицо, положитъ на плечо руки, или нѣжно щипнетъ его за ухо — и вдругъ остановится на мѣстѣ, оцѣпенѣетъ, смотритъ въ сторону глубоко-задумчиво, или въ землю, точно перемогаетъ себя, или — можетъ быть — вспоминаетъ лучшіе дни, Райскаго-юношу, потомъ вздохнетъ, очнется—и опять къ нему... Онъ зорко наблюдалъ ее.

— Что вы такъ смотрите на меня, не по прежнему, старый другъ? говорила она тихо, точно пѣла: — развѣ ничего не осталось на мою долю въ этомъ сердцѣ? А помните, когда липы цвѣли?

— Я ничего не помню, сухо говорилъ онъ: — все забылъ!

— Неблагодарный! шептала она и прикладывала руку къ его сердцу, потомъ щипала опять за ухо, или за щеку, и быстро переходила на другую сторону.

— Развѣ все отдали Вѣрѣ: да? шептала она.

— Вѣрѣ? вдругъ спросилъ онъ, отталкивая ее.

— Тс — тс — все знаю — молчите. Забудьте на минуту свою милую...

«Нѣтъ, думалъ онъ, въ другой разъ, когда Леонтій будетъ дома, я гдѣ-нибудь въ углу, въ саду, дамъ ей урокъ, назову ее по имени, и ея поведеніе, а теперь...» Онъ всталъ.

— Пустите, Ульяна Андреевна: я въ другой разъ приду, когда Леонтій будетъ дома, сухо сказалъ онъ, стараясь отстранить ее отъ двери.

— А вотъ этого я и не хочу, отвѣчала она: — очень мнѣ весело, что вы придете при немъ — я хочу видѣть васъ одного: хоть на часъ будьте мой — весь мой, чтобъ никому ничего не досталось! И я хочу быть — вся ваша... вся! страстно шепнула она, кладя голову ему на грудь. — Я ждала этого, видѣла васъ во снѣ, бредила вами, не знала, какъ заманить. Случай помогъ мнѣ — вы мой, мой, мой! говорила она, охватывая его руками за шею и цѣлуя воздухъ.

— Ну, это — не Полина Карповна: съ ней надо принять рѣшительныя мѣры, подумалъ Райскій и энергически, обнявъ за талію, отвелъ ее въ сторону и отворилъ дверь.

— Прощайте, сказалъ онъ, махнувъ шляпой, — до свиданія — я завтра...

Шляпа очутилась у ней въ рукѣ — и она, нагнувъ голову, подняла шляпу вверхъ и насмѣшливо махала ею надъ головой. Онъ хотѣлъ схватить шляпу, но Ульяна Андреевна была уже въ другой комнатѣ и протягивала шляпу къ нему, маня за собой. — Возьмите! дразнила она.

Онъ молча наблюдалъ ее.

— Дайте шляпу! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Возьмите.

— Отдайте.

— Вотъ она.

— Поставьте на полъ.

Она поставила и отошла къ окну. Онъ вошелъ къ ней въ комнату и бросился къ шляпѣ, а она бросилась къ двери, заперла и положила ключъ въ карманъ.

Они смотрѣли другъ на друга: Райскій—съ холоднымъ любопытствомъ, она — съ дерзкимъ торжествомъ, сверкая смѣющимися глазами. Онъ молча дивился красотѣ ея римскаго профиля.

«Да, Леонтій правъ: это — камея — какой профиль, какая строгая, чистая линія затылка, шеи! И эти волосы также густы, какъ бывало...»

Онъ вдругъ вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ, и сдѣлалъ строгое лицо.

— Понимаете ли вы сами, какую сцену играете? съ холодной важностью произнесъ онъ.

— Милый Борисъ! нѣжно говорила она, протягивая руки и маня къ себѣ: — помните садъ и бесѣдку? Развѣ эта сцена — новость для васъ? Подите сюда! прибавила скороговоркой, шепотомъ, садясь на диванъ и указывая ему мѣсто возлѣ себя.

— А мужъ? вдругъ сказалъ онъ.

— Что мужъ? все такой же дуракъ, какъ и былъ.

— Дуракъ! съ упрекомъ, возвысивъ голосъ, повторилъ онъ.— И вы такъ платите ему за его доброту, за довѣріе!..

— Да развѣ его можно любить?

— Отчего же не любить?

— Такихъ не любятъ... Подите сюда!... шептала опять.

— Но вы любили же когда-нибудь?

Она отрицательно покачала головой.

— Зачѣмъ же вы шли замужъ?

— Это совсѣмъ другое дѣло: онъ взялъ, я и вышла. Куда жъ мнѣ было дѣться!

— И обманываете цѣлую жизнь, каждый день, увѣряете его въ любви...

— Никогда не увѣряю, да онъ и не спрашиваетъ. Видите, и не обманываю!

— Но помилуйте, что̀ вы дѣлаете! говорилъ онъ, стараясь придать ужасъ голосу.

Она, съ затаеннымъ смѣхомъ, отважно смотрѣла на него; глаза у ней искрились.

— Что̀ я дѣлаю!!! съ комическимъ ужасомъ передразнила она: — все люблю васъ, неблагодарный, все вѣрна милому студенту Райскому... Подите сюда!

— Еслибъ онъ зналъ! говорилъ Райскій, боязливо ворочая глазами вокругъ и останавливая ихъ на ея профилѣ.

— Не узнаетъ, а еслибъ и узналъ — такъ ничего. Онъ дуракъ!

— Нѣтъ, не дуракъ, а слабый, любящій до слѣпоты. И вотъ— его семейное счастье!

— А чѣмъ онъ несчастливъ? вспыхнувъ сказала Ульяна Андреевна: — поищите ему другую такую жену. Если не посмотрѣть за нимъ, онъ мимо рта ложку пронесетъ. Онъ одѣтъ, обутъ, ѣстъ вкусно, спитъ покойно, знаетъ свою латынь: чего ему еще больше? И будетъ съ него! А любовь не про такихъ!

— Про какихъ же?

— Про такихъ, какъ вы... Подите сюда!

— Но онъ вамъ вѣритъ, онъ поклоняется вамъ...

— Я ему не мѣшаю: онъ мужъ—чего жъ ему еще?

— Ваша ласка, попеченія—все это должно принадлежать ему!

— Все и принадлежитъ—развѣ его не ласкаютъ, противнаго урода этакаго! Попробовали бы вы...

— Зачѣмъ же эта распущенность: этотъ Шарль!..

Она опять вспыхнула.

— Какой вздоръ — Шарль! кто это вамъ напѣлъ? противная бабушка ваша—вздоръ, вздоръ!

— Я самъ слышалъ...

— Что́ вы слышали?

— Въ саду, какъ вы шептались, какъ...

— Это все пустое, вамъ померещилось. М-r Шарль придетъ, спроситъ сухарь, стаканъ краснаго вина — выпьетъ и уйдетъ.

Она отошла къ окну и въ досадѣ начала ощипывать листья и цвѣты въ горшкахъ. И у ней лицо стало, какъ маска, и глаза перестали искриться, а сдѣлались прозрачны, безцвѣтны—«какъ у Вѣры тогда...» думалъ онъ: «Да, да—вотъ онъ, этотъ взглядъ, одинъ и тотъ же у всѣхъ женщинъ, когда онѣ лгутъ, обманываютъ, таятся... русалки!»

— Ваше сердце, Ульяна Андреевна, ваше внутреннее чувство... говорилъ онъ.

— Еще что̀?

— Словомъ—совѣсть не угрызаетъ васъ, не шепчетъ вамъ, какъ глубоко оскорбляете вы бѣднаго моего друга...

— Какой вздоръ вы говорите—тошно слушать—сказала она, вдругъ обернувшись къ нему и взявъ его за руки. — Ну, кто его оскорбляетъ! что вы мнѣ мораль читаете! Леонтій не жалуется, ничего не говоритъ... Я ему отдала всю жизнь, пожертвовала собой: ему покойно, больше ничего не надо, а мнѣ-то каково безъ любви! Какая бы другая связалась съ нимъ?..

— Онъ такъ васъ любитъ!

— Куда ему? умѣетъ онъ любить! Онъ даже и слова о любви не умѣетъ сказать: выпучитъ глаза на меня — вотъ и вся любовь! точно пень! Дались ему книги, уткнетъ носъ въ нихъ и возится съ ними. Пусть же онѣ и любятъ его! Я буду для него—исправной женой, а любовницей—(она сильно потрясла головой) никогда!

— Да вы новѣйшій философъ, весело замѣтилъ Райскій: не смѣшиваете любви съ бракомъ: мужу....

— Мужу—щи, чистую рубашку, мягкую подушку и покой...

— А любовь?

— А любовь... вотъ кому! сказала она—и вдругъ обвилась руками около шеи Райскаго, затворила ему ротъ крѣпкимъ и про-

должительнымъ поцѣлуемъ. Онъ остолбенѣлъ, и даже зашатался на мѣстѣ. А она не выпускала его шеи изъ объятій, обдавала искрами глазъ, любуясь дѣйствіемъ поцѣлуя.

— Постойте... постойте — говорилъ онъ озадаченный, вспомните, я другъ Леонтья, моя обязанность...

Она затворила ему ротъ маленькой рукой — и онъ... поцѣловалъ руку.

«Нѣтъ, говорилъ онъ, стараясь не глядѣть на ея профиль и жмурясь отъ ея искристыхъ, широко открытыхъ глазъ: моментъ насталъ, брошу камень въ эту холодную, безсердечную статую...» Онъ освободился отъ ея объятій, поправилъ смятые волосы, отступилъ на шагъ и выпрямился.

— А стыдъ — куда вы дѣли его, Ульяна Андреевна? сказалъ онъ рѣзко.

— Стыдъ... стыдъ... шептала она, обливаясь румянцемъ и пряча голову на его груди — стыдъ я топлю въ поцѣлуяхъ...

Она опять прильнула къ его щекѣ губами.

— Опомнитесь и оставьте меня — строго сказалъ онъ: если въ домѣ моего друга поселился демонъ, я хочу быть ангеломъ-хранителемъ его покоя...

— Не говорите, ахъ, не говорите мнѣ страшныхъ словъ... почти простонала она. — Вамъ ли стыдить меня? Я постыдилась бы другого... А вы! Помните... Мнѣ страшно, больно, я захвораю, умру... Мнѣ тошно жить, здѣсь такая скука...

— Оправьтесь, встаньте, вспомните, что вы женщина... говорилъ онъ.

Она судорожно, еще сильнѣе прижалась къ нему, пряча голову у него на груди.

— Ахъ — сказала она, за чѣмъ, за чѣмъ вы... это говорите... Борисъ—милый Борисъ... вы ли это?..

— Пустите меня: я задыхаюсь въ вашихъ объятіяхъ! сказалъ онъ: я измѣняю самому святому чувству—довѣрію друга... Стыдъ да падетъ на вашу голову!...

Она вздрогнула, руки у ней упали неподвижно, она взглянула на Райскаго мутно, сильно оттолкнула его, повела глазами вокругъ себя, схватила себя обѣими руками за голову — и испустила крикъ, такъ-что Райскій испугался и не радъ былъ, что вздумалъ будить женское заснувшее чувство.

— Ульяна Андреевна! опомнитесь, придите въ себя! говорилъ онъ, стараясь удержать ее за руки. — Я нарочно, пошутилъ, виноватъ!..—Но она не слушала, качала въ отчаяніи головой, рвала волосы, сжимала руки, вонзая ногти въ ладони, и рыдала безъ слезъ.

— Что́ я, гдѣ я? говорила она, ворочая вокругъ себя, изумленными глазами.—Стыдъ, стыдъ, отрывисто вскрикивала она — Боже мой—стыдъ, да, жжетъ — вотъ здѣсь! — Она рвала манишку на себѣ.

Онъ разстегнулъ, или скорѣе разорвалъ ей платье и положилъ ее на диванъ. Она металась, какъ въ горячкѣ, испуская вопли, такъ что слышно было на улицѣ.

— Ульяна Андреевна, опомнитесь! говорилъ онъ, ставши на колѣни, цѣлуя ей руки, лобъ, глаза. Она взглядывала мелькомъ на него, дѣлая большіе глаза, какъ будто удивляясь, что онъ тутъ, потомъ вдругъ судорожно прижимала его къ груди и опять отталкивала, твердя: «стыдъ! стыдъ! жжетъ, вотъ, здѣсь... душно».

Онъ понялъ въ ту минуту, что будить давно уснувшій стыдъ слѣдовало исподоволь, съ пощадой, если онъ не умеръ совсѣмъ, а только заглохъ, «все равно, подумалъ онъ, какъ пьяницу нельзя вдругъ оторвать отъ чарки—горячка будетъ!»

Онъ не зналъ, что дѣлать, бросился въ столовую, забѣжалъ съ отчаянія въ какой-то темный уголъ, выбѣжалъ въ садъ—чтобъ позвать кухарку, зашелъ въ кухню, хлопая дверьми—нигдѣ ни души. Онъ захватилъ ковшъ воды, прибѣжалъ назадъ: одну минуту колебался, не уйти ли ему, но оставить ее одну въ этомъ положеніи,—казалось ему жестокостью.

Она все металась и стонала, волосы у ней густой косой разсыпалась по плечамъ и груди. Онъ сталъ на колѣни, поцѣлуями зажималъ ей ротъ, унималъ стоны, цѣловалъ руки, глаза. Мало по малу она ослабѣла, потомъ оставалась минутъ пять въ забытьи, наконецъ пришла въ себя, остановила на немъ томный взглядъ и — вдругъ дико, бѣшено стиснула его руками за шею, прижала къ груди и прошептала: «Вы мой... мой!.. не говорите мнѣ страшныхъ словъ... „*Оставь угрозы, свою Тамару не брани*“ — повторила она Лермонтовскій стихъ — съ томною улыбкою.

«Господи! застонало внутри его — что мнѣ дѣлать!» — «Не станете?» шепотомъ прибавила она, крѣпко держа его за голову: «вы мой?»

Райскій не могъ въ ея рукахъ повернуть головы, онъ поддерживалъ ея затылокъ и шею: римская камея лежала у него на ладони во всей прелести этихъ молящихъ глазъ, полуоткрытыхъ, горячихъ губъ... Онъ не отводилъ глазъ отъ ея профиля, у него закружилась голова... Румяныя и жаркія щеки ея запылали ярче и жгли ему лицо. Она поцѣловала его: онъ отдалъ поцѣлуй. Она прижала его крѣпче, прошептала чуть слышно:

«вы мой теперь: никому не отдамъ васъ!...» Онъ не бранилъ, не сказалъ больше ни одного «страшнаго» слова... «Громы» умолкли...

XIII.

Исполнивъ «дружескую обязанность», Райскій медленно, почти безсознательно шелъ по переулку, поднимаясь въ гору и тупо глядя на крапиву въ канавѣ, на пасущуюся корову на пригоркѣ, на роющуюся около плетня свинью, на пустой, длинный заборъ. Оборотившись назадъ, къ домику Козлова, онъ увидѣлъ, что Ульяна Андреевна стоитъ еще у окна и машетъ ему платкомъ. «Я сдѣлалъ все, что̀ могъ, все!» говорилъ онъ, отворачиваясь отъ окна съ содроганіемъ и прибавилъ шагу. Взойдя на гору, онъ остановился и въ непритворномъ ужасѣ произнесъ — «Боже, Боже мой!» Гамлетъ и Офелія! вдругъ пришло ему въ голову, и онъ закатился смѣхомъ отъ этого сравненія, такъ что даже ухватился за рѣшетку церковной ограды. Ульяна Андреевна—Офелія! Надъ сравненіемъ себя съ Гамлетомъ онъ не смѣялся: «всякій, казалось ему, бываетъ Гамлетомъ иногда!» Такъ называемая «воля» подшучиваетъ надъ всѣми! «Нѣтъ воли у человѣка—говорилъ онъ— «а есть параличъ воли: это къ его услугамъ! А то, что̀ называютъ волей — эту мнимую силу, такъ она вовсе не въ распоряженіи своего господина, «царя природы», а подлежитъ какимъ-то постороннимъ законамъ и дѣйствуетъ по нимъ, не спрашивая его согласія. Она, какъ совѣсть, только и напоминаетъ о себѣ, когда человѣкъ уже сдѣлалъ не то, что надо, или если онъ и бываетъ твердъ волей, такъ развѣ случайно, или тамъ, гдѣ онъ равнодушенъ. «Леонтій! вдругъ произнесъ онъ, хватаясь за голову: въ какихъ рукахъ его счастье! какими глазами взгляну я на него! А какъ тверда была моя воля!» Какъ онъ искренно готовился къ своей благородной роли, какъ улыбалась ему идея долга, какую награду нашелъ бы онъ въ своемъ сознаніи, еслибъ... «А что̀ было мнѣ дѣлать? заключилъ онъ вопросомъ и мало-по-малу поднималъ голову, выпрямлялся, морщины разглаживались, лицо становилось покойнѣе. «Я сдѣлалъ все, что̀ могъ, все что могъ!» твердилъ онъ: «но вышло не то что̀ нужно...» шепнулъ онъ со вздохомъ. И съ этимъ *но* и съ этимъ вздохомъ пришелъ къ себѣ домой, мало по малу оправданный въ собственныхъ глазахъ, и, къ большому удовольствію бабушки, весело и съ аппетитомъ пообѣдалъ съ нею и съ Маренькой.

«Эту главу въ романѣ надо выпустить...» подумалъ онъ, при-

нимаясь вечеромъ за тетради, чтобы дополнить очеркъ Ульяны Андреевны... «А за чѣмъ: лгать, притворяться, становиться на ходули? Не хочу, оставлю, какъ есть: смягчу только это свиданіе... прикрою нимфу и сатира гирляндой...»

Райскій прилежно углубился въ свой романъ. Передъ нимъ какъ будто проходила его собственная жизнь, разорванная на какіе-то клочки. «Но вѣдь иной недогадливый читатель подумаетъ, что я самъ такой, и только такой, сказалъ онъ, перебирая свои тетради: онъ не сообразитъ, что это не я, не Карпъ, не Сидоръ, а типъ, что въ организмѣ художника совмѣщаются многія эпохи, многія разнородныя лица... Что̀ я стану дѣлать съ ними: куда дѣну еще десять, двадцать типовъ?.. «Надо также выдѣлить изъ себя и слѣпить и тѣ десять, двадцать типовъ», шепнулъ кто-то внутри его — «это и есть задача художника», его «дѣло», а не «миражъ!» Онъ вздохнулъ. «Гдѣ мнѣ, неудачнику!» подумалъ онъ уныло.

Прошло нѣсколько дней послѣ свиданія съ Ульяной Андреевной. Однажды къ вечеру собралась гроза, за Волгой небо обложилось черными тучами, на дворѣ парило, какъ въ банѣ; по полю и по дорогѣ кое-гдѣ вихрь крутилъ пыль.

Все примолкло. Татьяна Марковна подняла на ноги весь домъ. Вездѣ закрывались трубы, окна, двери. Она не только сама боялась грозы, но даже не жаловала тѣхъ, кто ея не боялся, считая это за вольнодумство. Всѣ набожно крестились въ домѣ при блескѣ молніи, а кто не перекрестится, того называла «пнемъ». Егорку выгоняла изъ передней въ людскую, потому что онъ не переставалъ хихикать съ горничными и въ грозу.

Гроза приближалась величественно: издали доносился глухой рокотъ грома, пыль неслась столбомъ. Вдругъ блеснула молнія и надъ деревней раздался рѣзкій ударъ грома. Райскій схватилъ фуражку, зонтикъ, и пошелъ проворно въ садъ, съ тѣмъ, чтобъ поближе наблюдать картину, помѣститься самому въ нее, списать детали и наблюдать свои ощущенія. Татьяна Марковна увидѣла его изъ окна и постучала ему въ стекло.

— Куда это ты, Борисъ Павловичъ? спросила она, подозвавъ его къ окну.

— На Волгу, бабушка, грозу посмотрѣть.

— Въ умѣ ли ты: воротись!

— Нѣтъ, я пойду...

— Говорятъ, не ходи! повелительно прибавила она...

Опять блеснула молнія и раздался продолжительный раскатъ грома. Бабушка въ испугѣ спряталась, а Райскій сошелъ съ об-

рыва, пошелъ между кустовъ едва замѣтной извилистой тропинкой. Дождь пошелъ, какъ изъ ведра, молнія сверкала за молніей, громъ ревѣлъ. И сумерки, и тучи погрузили все въ глубокій мракъ. Райскій сталъ раскаяваться въ своемъ артистическомъ намѣреніи посмотрѣть грозу, потому что отъ ливня намокшій зонтикъ пропускалъ воду ему на лицо и на платье, ноги вязли въ мокрой глинѣ, и онъ, забывши подробности мѣстности, безпрестанно натыкался въ рощѣ на бугры, на пни, или скакалъ въ ямы. Онъ поминутно останавливался, и только при блескѣ молніи дѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Онъ зналъ, что тутъ была гдѣ-то, на днѣ обрыва, бесѣдка, когда еще кусты и деревья, росшіе по обрыву, составляя часть сада. Недавно еще пробираясь къ берегу Волги, мимоходомъ онъ видѣлъ ее въ чащѣ, но теперь не зналъ, какъ пройти къ ней, чтобы укрыться тамъ и оттуда, пожалуй, наблюдать грозу. Назадъ идти опять между сплошныхъ кустовъ, по кочкамъ и ямамъ подниматься вверхъ, онъ тоже не хотѣлъ, и потому рѣшилъ протащиться еще нѣсколько десятковъ саженъ до проѣзжей горы, перелѣзть тамъ черезъ плетень и добраться по дорогѣ до деревни. Сапоги у него размокли совсѣмъ: онъ едва вытаскивалъ ноги изъ грязи и разросшагося лопуха и крапивы, и кромѣ того, не совсѣмъ равнодушенъ былъ къ этому нестерпимому блеску молніи и треску грома надъ головой.

«Можно бы любоваться грозой изъ комнаты!» сознавался онъ про себя.

Наконецъ онъ уткнулся въ плетень, ощупалъ его рукой, хотѣлъ поставить ногу на траву, — поскользнулся и провалился въ канаву. Съ большимъ трудомъ выкарабкался онъ изъ нея, перелѣзъ черезъ плетень и вышелъ на дорогу. По этой крутой и опасной горѣ ѣздили мало, больше мужики, порожнякомъ, чтобы не дѣлать большого объѣзда, въ телѣгахъ, на своихъ смирныхъ, запаленныхъ маленькихъ лошадяхъ, въ одиночку.

Райскій, мокрый, свернувъ зонтикъ подъ мышкой, какъ безполезное орудіе, жмурясь отъ ослѣпительной молніи, медленно и тяжело шелъ въ гору по скользкой грязи, безпрестанно останавливаясь, какъ вдругъ послышался ему стукъ колесъ. Онъ прислушался — шумъ опять раздался не вдалекѣ. Онъ остановился, стукъ все ближе и ближе, слышалось торопливое и напряженное шаганье конскихъ копытъ въ гору, фырканье лошадей и понукающій окрикъ человѣка. Молнія блистала уже порѣже, и потому, при блескѣ ея, Райскій не могъ еще различить экипажа. Онъ только посторонился съ дороги и уцѣпился за плетень, чтобъ дать экипажу проѣхать, когда онъ поровняется, такъ какъ дорожка была узка. Наконецъ молнія блеснула ярко и освѣ-

тила экипажъ, въ родѣ крытой линейки или шарабана, запряженнаго парой сытыхъ, и какъ кажется, отличныхъ коней, и группу людей въ шарабанѣ. Опять молнія — и Райскій остолбенѣлъ, узнавши въ этой группѣ — Вѣру.

— Вѣра! закричалъ онъ во весь голосъ.

Экипажъ остановился.

— Кто тутъ? спросилъ ея голосъ.

— Я.

— Братъ! что̀ вы тутъ дѣлаете? съ изумленіемъ спросила она.

— А ты что?

— Я возвращаюсь домой.

— И я тоже.

— Вы откуда?

— Да вотъ тутъ бродилъ въ обрывѣ и потерялъ дорогу въ кустахъ. Иду по горѣ. А ты какъ это рѣшилась по такой крутизнѣ? Съ кѣмъ ты? Чьи это лошади? Нельзя ли меня довезти?

— Прошу покорно — мѣста много, дайте руку, я помогу вамъ влѣзть, сказалъ мужской голосъ.

Райскій протянулъ руку, и кто-то сильно втащилъ его подъ навѣсъ шарабана. Тамъ, кромѣ Вѣры, онъ нашелъ еще Марину: обѣ онѣ, какъ мокрыя курицы, жались другъ къ другу, стараясь защититься кожанымъ фартукомъ отъ хлеставшаго съ боку ливня.

— Кто это съ тобой? чьи лошади, кто правитъ ими? спрашивалъ тихо Райскій у Вѣры.

— Иванъ Иванычъ.

— Какой Иванъ Иванычъ?

— Лѣсничій! тихо шепнула она въ отвѣтъ.

— Лѣсничій! заговорилъ Райскій, но Вѣра слегка толкнула его въ бокъ, чтобы онъ молчалъ, потому что голова и уши лѣсничаго были у нихъ подъ носомъ. «Послѣ!» шепнула она.

«Лѣсничій!» думалъ Райскій и припомнилъ разговоръ съ бабушкой, ея похвалы, намеки на «славную партію».

«Такъ вотъ кто герой романа — лѣсничій — лѣсничій!» не помня себя, твердилъ Райскій.

Онъ старался взглянуть на лѣсничаго. Но передъ носомъ у него тряслась только низенькая шляпа съ большими круглыми полями, да широкія плеча рослаго человѣка, покрытыя мекинтошемъ. Съ боку онъ видѣлъ лишь силуэтъ носа и—какъ казалось ему, бороду. Лѣсничій ловко правилъ лошадьми, карабкавшимися на крутую гору, подстегивалъ то ту, то другую, посвистывалъ,

забиралъ круто возжи, когда онѣ вдругъ вздрагивали отъ блеска молніи, и потомъ оборачивался къ сидящимъ подъ навѣсомъ.

— Что, Вѣра Васильевна! каково вамъ: не озябли ли, не промокли ли вы? освѣдомлялся онъ заботливо.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ хорошо, Иванъ Ивановичъ — дождь не достаетъ до меня.

— Взяли бы вы мой мекинтошъ... предлагалъ Иванъ Ивановичъ — Боже сохрани, простудитесь: вѣкъ себѣ не прощу, что взялся везти васъ...

— Ахъ, какіе вы — надоѣли! съ дружеской досадой сказала Вѣра: знайте свое дѣло, правьте лошадьми!

— Какъ угодно! съ торопливой покорностью говорилъ Иванъ Ивановичъ и обращался къ лошадямъ. Но посвиставъ и покричавъ на нихъ, онъ по временамъ, будто украдкой, оборачивался къ Вѣрѣ посмотрѣть, чтó она. Объѣхавши Малиновку, они подъѣхали къ воротамъ дома Татьяны Марковны. Лѣсничій соскочилъ и началъ стучать рукояткой бича въ ворота. У крыльца онъ предоставилъ лошадей на попеченіе подоспѣвшимъ Прохору, Тараскѣ, Егоркѣ, а самъ бросился къ Вѣрѣ, всталъ на подножку экипажа, взялъ ее на руки и, какъ драгоцѣнную ношу, бережно и почтительно внесъ на крыльцо, прошелъ мимо лакеевъ и дѣвокъ, со свѣчами вышедшихъ на встрѣчу и выпучившихъ на нихъ глаза, донесъ до дивана въ залѣ и тихо посадилъ ее. Райскій, мокрый, какъ былъ въ грязи, бросился за ними и не пропустилъ ни одного его движенія, ни ея взгляда. Потомъ лѣсничій воротился въ переднюю, снялъ съ себя всю мокрую аммуницію, длинные охотничьи сапоги, оправился, отряхнулся, всѣми пятью пальцами руки, какъ граблями, провелъ по густымъ волосамъ и спросилъ у людей вѣничка или щетку. Бабушка, между тѣмъ, здоровалась съ Вѣрой и вмѣстѣ осыпала ее упреками, что она пускается на такія страсти, въ такую ночь, по такой горѣ, не бережетъ себя, не жалѣетъ ея, бабушки, не дорожитъ ничьимъ покоемъ, и что когда-нибудь она этакъ «уложитъ ее въ гробъ.» За этимъ, разумѣется, послѣдовало приказаніе поскорѣй перемѣнить платье и бѣлье, обсушиться, обогрѣться, подавать самоваръ, собирать ужинъ.

— Ахъ, бабушка, какъ мнѣ всего хочется, — говорила Вѣра, ласкаясь, какъ кошка, около бабушки: и чаю, и супу, и жаркого и вина. И Ивану Иванычу тоже. Скорѣе, милая бабушка!

Она знала, чѣмъ бабушку успокоить.

— Сейчасъ, сейчасъ — вотъ и прекрасно: все, все — будетъ! А гдѣ-жъ Иванъ Иванычъ? — Иванъ Иванычъ, обратилась ба-

бушка къ лѣсничему — подите сюда, что̀ вы тамъ дѣлаете? — Мароинька, гдѣ Мароинька? Что она забилась тамъ къ себѣ?

— Вотъ сейчасъ оправлюсь, да почищусь, Татьяна Марковна, говорилъ голосъ изъ передней. Егоръ, Яковъ, Степанъ чистили, терли, чуть не скребли лѣсничаго въ передней, какъ добраго коня.

Онъ вошелъ въ комнату, почтительно поцѣловалъ руку у бабушки и у Мароиньки, которая теперь только рѣшилась освободить свою голову изъ-подъ подушки и вылѣзть изъ постели, куда запряталась отъ грозы.

Райскій, мокрый, стоя у окна, устремилъ на гостя жадный взглядъ. Иванъ Ивановичъ Тушинъ былъ молодецъ собой. Высокій, плечистый, хорошо сложенный мужчина, лѣтъ тридцати осьми, съ темными густыми волосами, съ крупными чертами лица, съ большими сѣрыми глазами, простымъ и скромнымъ, даже немного застѣнчивымъ взглядомъ, и съ густой темной бородой. У него были большія загорѣлыя руки, пропорціональныя росту, съ широкими ногтями. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрое пальто, съ глухимъ жилетомъ, изъ за котораго на галстухъ падалъ широкій отложной воротникъ рубашки домашняго полотна. Перчатки бѣлыя замшевыя, въ рукахъ длинный бичъ, съ серебряной рукояткой.

«Молодецъ, красивый мужчина: но какая простота... чтобъ не сказать больше... во взглядѣ, въ манерахъ! Ужели онъ герой Вѣры?..» думалъ Райскій, глядя на него и съ любопытствомъ ожидая, что̀ покажетъ дальнѣйшее наблюденіе. «А почему-жъ нѣтъ? ревниво думалъ опять: женщины любятъ эти рослыя фигуры, эти открытыя лица, большія здоровыя руки — всю эту рабочую силу мышцъ... Но ужели Вѣра?...»

— Ты, мой батюшка, что̀! вдругъ всплеснувъ руками, сказала бабушка, теперь только замѣтивъ Райскаго.—Въ какомъ видѣ! люди, Егорка! — да какъ это вы угораздились сойтись? Изъ какой тьмы кромѣшной! Посмотри, съ тебя течетъ: лужа на полу! Борюшка! вѣдь ты уходишь себя! Они домой ѣхали, а тебя кто толкалъ изъ дома? Вотъ — «охота пуще неволи»! Поди, поди переодѣнься — да рому къ чаю! — Иванъ Иванычъ! — вотъ и вы пошли бы съ нимъ... Да знакомы ли вы? Внукъ мой, Борисъ Павлычъ Райскій! — Иванъ Иванычъ Тушинъ...

— Мы ужъ познакомились, сказалъ, кланяясь, Тушинъ — на дорогѣ подобрали вашего внука и вмѣстѣ пріѣхали. Благодарю покорно, мнѣ ничего не нужно. А вотъ вы, Борисъ Павлычъ, переодѣлись бы: у васъ ноги мокрыя!

— Вы ужъ меня извините, старуху, а вы всѣ, кажется, по-

лоумные — заговорила бабушка: въ такую грозу и звѣрь не выползетъ изъ своей берлоги... Вонъ, Господи, какъ сверкаетъ еще до сихъ поръ! Яковъ, притвори поди ставню поплотнѣе. А вы— въ такой вечеръ черезъ Волгу!

— Вѣдь у меня свой крѣпкій паромъ, сказалъ Тушинъ, съ крытой бесѣдкой: Вѣра Васильевна были тамъ, какъ въ своей комнатѣ: — ни капли дождя не упало на нихъ!

— Да страсть-то, какая гроза!

— Что-жъ, гроза: помилуйте, это только старымъ бабамъ...

— Покорно благодарю: а я-то кто же? вдругъ сказала бабушка.

Тушинъ переконфузился.

— Извините, я не нарочно: я про простыхъ бабъ...

— Ну, Богъ васъ проститъ! смѣясь сказала бабушка. — Вамъ—ничего, я знаю. Вонъ васъ какимъ Господь создалъ—да Вѣра-то: какъ на нее нѣтъ страха! Ты что у меня за богатырь такой!

— Съ Иваномъ Ивановичемъ какъ-то не страшно, бабушка.

— Иванъ Иванычъ медвѣдей бьетъ,—и ты бы пошла?..

— Пошла бы, бабушка, посмотрѣть. Возьмите меня когда-нибудь, Иванъ Иванычъ.... Это очень интересно....

— Я съ удовольствіемъ.... Вѣра Васильевна: вотъ зимой, какъ соберусь—прикажите только.... Это заманчиво!

— Видите, какая!—сказала Татьяна Марковна. — А до бабушки тебѣ дѣла нѣтъ?...

— Я пошутила, бабушка.

— Ты готова, я знаю! И какъ это тебѣ не совѣстно было безпокоить Ивана Ивановича? Такую даль — провожать тебя!

— Это ужъ не онѣ, а я виноватъ — сказалъ Тушинъ: я только лишь узналъ отъ Натальи Ивановны, что Вѣра Васильевна собираются домой, такъ и сталъ просить сдѣлать мнѣ это счастье....

Онъ скромно, съ примѣсью почти благоговѣнія, взглянулъ на Вѣру.

— Хорошо счастье—въ этакую грозу....

— Ничего, свѣтлѣе ѣхать.... И Вѣра Васильевна не боялись....

— А что Анна Ивановна, здорова ли?

— Слава Богу, кланяется вамъ — прислала вамъ отъ своихъ плодовъ: персиковъ изъ оранжереи, ягодъ, грибовъ — тамъ въ шарабанѣ....

— На что это: своихъ много! вотъ за персики большое спасибо—у насъ нѣтъ, сказала бабушка.—А я ей какого чаю приготовила: — Борюшка привезъ—я удѣлила и ей.

— Покорно благодарю!

— И какъ это въ этакую темнять по Заиконоспасской горѣ на вашихъ лошадяхъ взбираться: какъ васъ Богъ помиловалъ! опять заговорила Татьяна Марковна.—Испугались бы грозы, да понесли—Боже сохрани!

— Мои лошади—какъ собаки—слушаются меня.... сказалъ Тушинъ.—Повезъ ли бы я Вѣру Васильевну, еслибъ предвидѣлъ опасность?

— Вы надежный другъ, сказала она:—за то какъ я и полагаюсь на васъ, и даже на вашихъ лошадей....

Въ это время вошелъ Райскій, въ изящномъ неглиже, совсѣмъ оправившійся отъ прогулки. Онъ видѣлъ взглядъ Вѣры, обращенный къ Тушину и слышалъ ея послѣднія слова.

«Полагаюсь на васъ и на лошадей! повторилъ онъ про себя: вотъ-какъ: рядомъ!»

— Покорно васъ благодарю, Вѣра Васильевна, отвѣчалъ Тушинъ.—Не забудьте же, что́ сказали теперь. Если понадобится что-нибудь, когда....

— Когда опять загремитъ вотъ этакій громъ.... сказала бабушка.

— Всякій! — перебилъ онъ.

— Да, бываютъ и не этакія гро̀зы въ жизни... съ старческимъ вздохомъ замѣтила бабушка.

— Какія бы ни были,—сказалъ Тушинъ:—когда у васъ загремитъ гроза, Вѣра Васильевна—спасайтесь за Волгу, въ лѣсъ, тамъ живетъ медвѣдь, который вамъ послужитъ.... какъ въ сказкахъ сказываютъ.

— Хорошо: буду помнить! смѣясь отвѣчала Вѣра, и когда меня, какъ въ сказкѣ, будетъ уносить какой-нибудь колдунъ — я сейчасъ за вами!

XIV.

Райскій видѣлъ этотъ постоянный взглядъ глубокаго умиленія и почтительной сдержанности, эти тихія, съ примѣсью невольно прорывавшейся нѣжности, рѣчи Тушина, обращаемыя къ Вѣрѣ. Когда она была тутъ, и взглядъ и слова его, какъ магнитъ къ полюсу, обращены были въ ту сторону, гдѣ она. И не одному только ревниво-наблюдательному взгляду Райскаго, не одному только заботливому вниманію бабушки, но и равнодушному свидѣтелю нельзя было не замѣтить, что и лицо, и фигура, и движенія «лѣсничаго» были исполнены глубокой симпа-

тіи къ Вѣрѣ, сдерживаемой какимъ-то трогательнымъ уваженіемъ. Этотъ атлетъ по росту и силѣ, повидимому, невѣдающій никакихъ страховъ и опасностей здоровякъ, съеживался передъ красивой, слабой дѣвочкой, жался отъ ея взглядовъ въ уголъ, взвѣшивалъ свои слова при ней, очевидно сдерживалъ движенія, караулилъ ея взглядъ, не прочтетъ ли въ немъ какого-нибудь желанія, боялся не сказать бы чего-нибудь не ловко, не промахнуться, не показаться неуклюжимъ. «И это, должно быть, тоже рабъ»! подумалъ Райскій и слѣдилъ за ней, что̀ она. Онъ думалъ, что она тоже выкажетъ смущеніе, не съумѣетъ укрыть отъ многихъ глазъ своего сочувствія къ этому герою; онъ уже рѣшилъ навѣрное, что лѣсничій — герой ея романа и той тайны, которую Вѣра укрывала. «И кому, какъ не ему, писать на синей бумагѣ!» думалъ онъ. Ему любопытно было наблюдать, какъ она скажется: трепетомъ, мерцаніемъ взгляда, или окаменѣлымъ безмолвіемъ.

А ничего не было: Вѣра явилась тутъ еще въ новомъ свѣтѣ. Въ каждомъ ея взглядѣ и словѣ, обращенномъ къ Тушину, Райскій замѣтилъ прежде всего простоту, довѣріе, ласку, теплоту, какой онъ не замѣтилъ у ней въ обращеніи ни съ кѣмъ, даже съ бабушкой и Марѳинькой. Бабушки она какъ будто остерегалась, Марѳинькой немного пренебрегала, а когда глядѣла на Тушина, говорила съ нимъ, подавала руку — видно было, что они друзья. Въ ней открыто высказывалась та дружба, на которую намекала она и ему, Райскому, и которой онъ добивался и не успѣлъ добиться. Чѣмъ же добился ея этотъ лѣсничій, что̀ ихъ связываетъ другъ съ другомъ? Какъ они сошлись? Сознательно ли, т. е. отыскавъ и полюбивъ одинъ въ другомъ извѣстную сумму пріятныхъ каждому свойствъ, или просто угадали взаимно характеры, и безсознательно, безъ всякаго анализа, привязались одинъ къ другому?

Три дня прожилъ лѣсничій по дѣламъ въ городѣ и въ домѣ Татьяны Марковны, и три дня Райскій прилежно искалъ ключа къ этому новому характеру, къ его положенію въ жизни и къ его роли въ сердцѣ Вѣры.

Ивана Ивановича «лѣсничимъ» прозвали потому, что онъ жилъ въ самой чащѣ лѣса, въ собственной усадьбѣ, самъ занимался съ любовью этимъ лѣсомъ, ростилъ, холилъ, берегъ его съ одной стороны, а съ другой рубилъ, продавалъ и сплавлялъ по Волгѣ. Лѣсу было нѣсколько тысячъ десятинъ, и лѣсное хозяйство устроено и ведено было съ рѣдкою аккуратностью; у него одного въ той сторонѣ устроенъ былъ паровой пильный заводъ, и всѣмъ завѣдывалъ, надъ всѣмъ наблюдалъ самъ Тушинъ.

Въ промежуткахъ онъ ходилъ на охоту, удилъ рыбу, съ удовольствіемъ посѣщалъ холостыхъ сосѣдей, принималъ иногда у себя и любилъ изрѣдка покутить, т. е. заложить нѣсколько троекъ, большею частію горячихъ лошадей, понестись съ ватагой пріятелей верстъ за сорокъ къ дальнему сосѣду и тамъ пропировать сутокъ трое, а потомъ съ ними вернуться къ себѣ, или поѣхать въ городъ, возмутить тишину соннаго города такой громадной пирушкой, что дрогнетъ все въ городѣ, потомъ пропасть мѣсяца на три у себя, такъ что о немъ ни слуху, ни духу. Тамъ онъ опять рубитъ и сплавляетъ лѣсъ, или съ двумя егерями разрѣзываетъ его вдоль и поперегъ, не то объѣзжаетъ тройки купленныхъ на ярмаркѣ новыхъ лошадей, или залѣзетъ зимой въ трущобу лѣса и выжидаетъ медвѣдя, колотитъ волковъ. Не разъ отъ этихъ потѣхъ Тушинъ недѣли по три лежалъ съ завязанной рукой, съ попорченнымъ ухарской тройкой плечомъ, а иногда съ исцарапаннымъ медвѣжьей лапой лбомъ.

Но ему нравилась эта жизнь и онъ не покидалъ ее. Дома онъ читалъ увражи по агрономической, и вообще по хозяйственной части, держалъ свѣдущаго нѣмца спеціалиста по лѣсному хозяйству, но не отдавался ему въ опеку, требовалъ его совѣтовъ, а распоряжался самъ, съ помощью двухъ прикащиковъ и артелью своихъ и нанятыхъ рабочихъ. Въ свободное время онъ любилъ читать французскіе романы: это былъ единственный оттѣнокъ изнѣженности въ этой, впрочемъ обыкновенной жизни многихъ обитателей нашихъ отдаленныхъ угловъ.

Райскій узналъ, что Тушинъ встрѣчалъ Вѣру у священника, и даже пріѣзжалъ всякій разъ нарочно туда, когда узнавалъ, что Вѣра гоститъ у попадьи. Это сама Вѣра сказывала ему. И Вѣра съ попадьей бывали у него въ усадьбѣ, прозванной *Дымокъ*, потому что издали, съ горы, въ чащѣ лѣса, она только и подавала знакъ своего существованія, выходившимъ изъ трубъ дымомъ. Тушинъ жилъ съ сестрой, старой дѣвушкой, Анной Ивановной—и къ ней ѣздили Вѣра съ попадьей. Эту же Анну Ивановну любила и бабушка; и когда она являлась въ городъ, то Татьяна Марковна была счастлива. Ни съ кѣмъ она такъ охотно не пила кофе, ни съ кѣмъ не говорила такъ охотно секретовъ, находя, можетъ быть, въ Аннѣ Ивановнѣ сходство съ собой въ склонности къ хозяйству, а больше всего глубокое уваженіе къ своей особѣ, къ своему роду, фамильнымъ преданіямъ.

О Тушинѣ съ перваго раза нечего больше сказать. Эта простая фигура какъ будто сразу вылилась въ свою форму и такъ и осталась цѣльною, съ крупными чертами лица, какъ и характера, съ неразбавленнымъ на тонкіе оттѣнки складомъ

ума, чувствъ. Въ немъ все открыто, все съ разу видно для простого наблюдателя, все слишкомъ просто, не заманчиво, не таинственно, не романтично. Про него нельзя было сказать «умный человѣкъ» въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно говорятъ о людяхъ, замѣчательно надѣленныхъ этою силою; ни остроуміемъ, ни находчивостью его тоже упрекнуть было нельзя. У него былъ тотъ умъ, который дается иногда одинаково, какъ тонко развитому, такъ и мужику, умъ, который, не тратясь на роскошь, прямо обращается въ житейскую потребность. Это больше, нежели здравый смыслъ, который иногда не мѣшаетъ хозяину его, мысля здраво, уклоняться отъ здравыхъ путей жизни. Это умъ — не одной головы, но и сердца, и воли. Такіе люди не видны въ толпѣ, они рѣдко бываютъ на первомъ планѣ. Острые и тонкіе умы, съ бойкимъ словомъ, часто затмѣваютъ блескомъ такія личности, но эти личности, большею частію, бываютъ невидимыми вождями, или регуляторами дѣятельности, и вообще жизни цѣлаго круга, въ который поставитъ ихъ судьба.

Въ обхожденіи его съ Вѣрой, Райскій замѣтилъ уже постоянное монотонное обожаніе, высказывавшееся во взглядахъ, словахъ, даже до робости, а съ ея стороны — монотонное довѣріе, открытое, теплое обращеніе. И только. Какъ ни ловилъ онъ какой-нибудь знакъ, какой-нибуъь намёкъ, знаменательное слово, обмѣненный особый взглядъ — ничего! Таже простота, свобода и довѣренность съ ея стороны, тоже проникнутое нѣжностью уваженіе, и готовность послужить ей «какъ медвѣдь» — съ его: и больше ничего!

Опять не онъ! Отъ кого же письмо на синей бумагѣ?

— Что это за лѣсничій? спросилъ на другой же день Райскій, забравшись пораньше къ Вѣрѣ: и что онъ тебѣ?

— Другъ—отвѣчала Вѣра.

— Это слишкомъ общее, родовое понятіе;—въ какомъ смыслѣ—другъ?

— Въ лучшемъ и тѣсномъ смыслѣ.

— Вотъ какъ! Не тотъ ли это счастливецъ, на котораго ты намекала и котораго имя обѣщала сказать?

— Когда?

— А до твоего отъѣзда?

— Что-то не помню: какой другъ, какое имя? Что̀ я обѣщала?

— Какая же у тебя дурная память! Ты забыла и письмо на синей бумагѣ?

— Да, да, помню. Нѣтъ, братъ, память у меня не дурна, я помню всякую мелочь, если она касается или занимаетъ меня.

Но, признаюсь вамъ, что на этотъ разъ я ни о чемъ этомъ не думала, мнѣ въ голову не приходилъ, ни разговоръ нашъ, ни письмо на синей бумагѣ....

— Ни я самъ, можетъ быть?

Она улыбнулась и кивнула въ знакъ согласія головой.

— Весело же, должно быть, тебѣ тамъ....

— Да, мнѣ тамъ было хорошо, сказала она, глядя въ сторону разсѣянно: никто меня не допрашивалъ, не подозрѣвалъ.... такъ тихо, покойно....

— И притомъ другъ былъ подлѣ.

Она опять кивнула утвердительно головой.

— Да, онъ, этотъ лѣсничій? скороговоркой спросилъ Райскій и поглядѣлъ на Вѣру.

Она не слушала его.

За ея обыкновенной, вседневной миной, крылась другая: она усиливалась, и притомъ, съ трудомъ, скрадывать какое-то ликованіе, будто прятала блиставшую въ глазахъ, въ улыбкѣ зарю внутренняго удовлетворенія, которымъ, повидимому, не хотѣла дѣлиться ни съ кѣмъ. Трепетъ и мерцаніе проявлялись рѣже, недовѣрчивыхъ и недовольныхъ взглядовъ незамѣтно, а въ лицѣ, во всей ея фигурѣ была тишина, невозмутимый покой, въ глазахъ появлялся иногда лучъ экстаза, будто она черпнула счастья. Райскій замѣтилъ это.

«Что это за счастье, какое и откуда? Ужели отъ этого лѣсного «друга»? терялся онъ въ догадкахъ. «Но она не прячется, сама трубитъ объ этой дружбѣ—гдѣ же тайна»?

— Ты счастлива, Вѣра? сказалъ онъ.

— Чѣмъ? спросила она.

— Не знаю: но какъ ты ни прячешь свое счастье, а оно выглядываетъ изъ твоихъ глазъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? съ улыбкой спросила она и съ улыбкой глядѣла на Райскаго и все задумчиво молчала. Ей не хотѣлось говорить. Онъ взялъ ее за руку и пожалъ, она отвѣчала на пожатіе, онъ поцѣловалъ ее въ щеку, она обернулась къ нему, губы ихъ встрѣтились и она поцѣловала его — и все не выходя изъ задумчивости. И этотъ, такъ долго ожидаемый поцѣлуй не обрадовалъ его. Она дала его машинально.

— Вѣра! ты подъ наитіемъ какого-то счастливаго чувства, ты въ экстазѣ!... сказалъ онъ.

— А что? — вдругъ спросила она, очнувшись отъ разсѣянности.

— Ничего, но ты будто... одолѣла какое-то препятствіе: — не то побѣдила, не то отдалась побѣдѣ сама, и этимъ счаст-

лива... Не знаю что: но ты торжествуешь! Ты, должно быть, вступила въ самый счастливый моментъ...

— Ахъ, какъ еще далеко до него! прошептала она про себя.— Нѣтъ, ничего особеннаго не случилось! прибавила она вслухъ, разсѣянно, стараясь казаться беззаботной и смотрѣла на него ласково, дружески.

— Такъ ты очень любишь этого...

— Лѣсничаго? да, очень! сказала она: — такихъ людей не много: онъ изъ лучшихъ, даже лучшій здѣсь.

Опять ревность укусила Райскаго.

— То-есть, лучшій мужчина: рослый, здоровый, буря ему ни по чемъ, медвѣдей бьетъ, лошадьми правитъ, какъ самъ Фебъ — и красота — красота!

— Гадко, Борисъ Павловичъ!

— Тебѣ досадно, что низводятъ съ пьедестала любимаго человѣка?

— Какого любимаго человѣка?

— Вѣдь онъ — герой тайны и синяго письма? Скажи — ты обѣщала...

— Обѣщала? Ахъ, да — да, вы все о томъ... Да, онъ: такъ что же?

— Ничего! — сильно покраснѣвши сказалъ Райскій, не ожидавшій такого скораго сюрприза. — Сила-то, мышцы-то, ростъ!.. говорилъ онъ.

— А вы сказали, что страсть все оправдываетъ...

— Я и ничего! — съ судорогой въ плечахъ произнесъ Райскій — видишь, покоенъ! Ты выйдешь за него замужъ?

— Можетъ быть.

— У него, говорятъ, лѣсу на сколько-то тысячъ...

— Гадко, Борисъ Павловичъ!

— Ну, теперь я могу и уѣхать.

Онъ высунулся изъ окна, кликнулъ какую-то бабу и велѣлъ вызвать Егорку. «Принеси чемоданъ съ чердака ко мнѣ въ комнату: я завтра ѣду!» сказалъ онъ, не замѣчая улыбки Вѣры.

— Что-жъ, я очень радъ, — злымъ голосомъ говорилъ онъ; стараясь не глядѣть на нее. — Теперь у тебя есть защитникъ, настоящій герой, съ ногъ до головы!...

— Человѣкъ съ ногъ до головы! повторила Вѣра, а не герой романа!

— Да вяжутся ли у него человѣческія идеи въ головѣ? Нимвродъ, этотъ прототипъ всѣхъ спортсменовъ, и Гумбольдтъ: оба — люди... но между ними....

— Богъ знаетъ,—сказала она: я не знаю, какіе они были люди.

А Иванъ Ивановичъ — человѣкъ, какими должны быть всѣ и всегда. Онъ что̀ скажетъ, что̀ задумаетъ, то̀ и исполнитъ. У него мысли вѣрныя, сердце твердое — и есть характеръ. Я довѣряюсь ему во̀ всемъ, съ нимъ не страшно ничто, даже сама жизнь!

— Вотъ какъ! особенно въ грозу «и съ его лошадьми!» насмѣшливо сказалъ Райскій. И весело съ нимъ?

— Да, и весело: у него много природнаго ума, и юморъ есть — только онъ не блеститъ, не соритъ этимъ вездѣ...

— Словомъ, молодецъ-мужчина! Ну, что-же, поздравляю Вѣра — и затѣмъ, прощай!

— Куда вы?

— Я завтра рано уѣду, и не зайду проститься съ тобой.

— Почему же?

— Ты знаешь почему: не могу же я быть равнодушенъ — я не дерево...

Она положила свою руку ему на руку, и какъ кошечка, лукаво, съ дрожащимъ отъ смѣха подбородкомъ, взглянула ему въ глаза.

— А если я не хочу, чтобъ вы уѣзжали?

— Ты?

— Да, я.

— Зачѣмъ?

Онъ жаднымъ взглядомъ ждалъ объясненія.

— Угадайте!

— Что же ты хочешь: чтобъ я на свадьбѣ твоей былъ?

Она все глядѣла на него съ улыбкой и не снимая съ его руки своей.

— Хочу — сказала она.

— А когда это будетъ? — сухо спросилъ онъ.

Она молчала.

— Вѣра?

Вдругъ она громко засмѣялась. Онъ взглянулъ на нее: она, противъ обыкновенія, почти хохочетъ.

«Не онъ, не онъ, не лѣсничій — ея герой! Тайна осталась въ синемъ письмѣ»! — заключилъ онъ.

У него отлегло отъ сердца. Онъ сталъ веселъ, запѣлъ, заговорилъ, посыпалась соль, послышался смѣхъ...

— Велите же Егору убрать чемоданъ, сказала она.

— Зачѣмъ ты остановила меня, Вѣра? — спросилъ онъ. Скажи правду. Помни, что я покоряюсь всему...

— Всему?

— Да, безусловно. Чтобы ты ни сдѣлала со мной, какую бы

роль ни дала мнѣ — только не гони съ глазъ — я все принимаю...

— Все?

— Все! подтвердилъ онъ въ слѣпомъ увлеченіи.

— Смотрите, братъ, теперь и вы въ экстазѣ: не раскайтесь послѣ, если я приму...

— Клянусь тебѣ, Вѣра — началъ онъ, вскочивъ: нѣтъ желанія, нѣтъ каприза, нѣтъ униженія, котораго бы я не принялъ и не выпилъ до капли, если оно можетъ хоть одну минуту...

— Довольно. Я принимаю — и вы теперь...

— Твой рабъ? Да, скажи, скажи...

— Хорошо, сказала она, поглядѣвъ на него «русалочнымъ» взглядомъ.

— Такъ мнѣ остаться?...

— Оставайтесь...

— Что за перемѣна — говорилъ онъ ликуя: — зачѣмъ вдругъ ты захотѣла этого: скажешь?

— Зачѣмъ?... Она глядѣла на него, а онъ упивался этимъ бархатнымъ, неторопливо смотрѣвшимъ въ его глаза взглядомъ, полнымъ какого-то непонятнаго ему значенія.

— Затѣмъ... чтобы... вамъ завтра не совѣстно было самимъ велѣть убрать чемоданъ на чердакъ — скороговоркой добавила она. — Вѣдь вы бы не уѣхали!

— Нѣтъ, уѣхалъ бы.

Она отрицательно покачала головой.

— Даю тебѣ слово...

— Не уѣхали бы.

— Отъ чего такъ?

— Отъ того, что я не хочу.

— Ты, ты, ты — Вѣра! хорошо ли я слышу, не ошибаюсь ли я?

— Нѣтъ.

— Повтори еще.

— Я не хочу, чтобъ вы уѣхали — и вы останетесь...

— Зачѣмъ? — страстнымъ шепотомъ спросилъ онъ.

— Хочу! — повелительнымъ шепотомъ подтвердила она.

— Вѣра — молчи, ни слова больше! Если ты мнѣ скажешь теперь, что ты любишь меня, что я твой идолъ, твой богъ, что ты умираешь, сходишь съ ума по мнѣ — я всему повѣрю, всему — и тогда...

— Что тогда?

— Тогда не будетъ въ мірѣ дурака глупѣе меня... Я надоѣмъ тебѣ жестоко.

— Нужды нѣтъ, я не боюсь.

— Ты... ты сама позволяешь мнѣ любить тебя? — блаженствовать, безумствовать, жить — Вѣра, Вѣра!

Онъ поцѣловалъ у ней руку.

— Вы этого хотѣли, просили сами: я и сжалилась! съ улыбкой сказала она.

— Съ тобой случилось что-нибудь, ты счастлива и захотѣла брызнуть счастьемъ на другого: — чтобы ни было за этимъ, я все принимаю, все вынесу—но только позволь мнѣ быть съ тобой, не гони, дай остаться...

— Останьтесь, повелѣваю! сказала она съ ласковой ироніей.

Счастье — какъ думалъ онъ, вдругъ упало на него.

«Правду бабушка говоритъ, радовался онъ про себя: когда меньше всего ждешь, оно и дается! «За смиреніе», утверждаетъ она: и я отказался совсѣмъ отъ него, смирился — и вотъ! О благодѣтельная судьба!»

Онъ вышелъ отъ Вѣры опьянѣвшій, въ сѣняхъ встрѣтилъ Егорку съ чемоданомъ: «назадъ, назадъ неси»: — сказалъ онъ, прибѣжалъ въ свою комнату, легъ на постель и въ нервныхъ слезахъ растопилъ внезапный порывъ волненія.

«Это она — страсть, страсть»! шепталъ онъ, рыдая.

Лѣсничій уѣхалъ, все пришло въ порядокъ. Райскій сталъ глубоко счастливъ; его страсть обратилась почти въ такое же безмолвное и почтительное обожаніе, какъ у лѣсничаго. Онъ также боязливо караулилъ взглядъ Вѣры, сталъ бояться ея голоса, заслышавъ ея шаги, начиналъ оправляться, перемѣнялъ двѣ-три позы, и въ разговорѣ взвѣшивалъ слова, соображая, понравится ей то, другое, или нѣтъ.

Она была тоже въ какомъ-то ненарушимо-тихомъ торжественномъ покоѣ счастья или удовлетворенія, молча чѣмъ-то наслаждалась, была добра, ласкова съ бабушкой и Марѳинькой, и только въ нѣкоторые дни приходила въ безпокойство, уходила къ себѣ, или въ садъ, или съ обрыва въ рощу, и тогда лишь нахмуривалась, когда Райскій, или Марѳинька, тревожили ея уединеніе въ старомъ домѣ, или напрашивались ей въ товарищи въ прогулкѣ. А потомъ опять была ровна, покойна, за обѣдомъ и по вечерамъ была сообщительна, входила даже въ мелочи хозяйства, разбирала съ Марѳинькой узоры, прибирала цвѣта шерсти, повѣряла нѣкоторые счеты бабушки, наконецъ поѣхала съ визитами къ городскимъ дамамъ. Съ Райскимъ говорила о литературѣ: онъ замѣтилъ изъ ея разговоровъ, что она должна была много читать, сталъ завлекать ее дальше въ разговоръ, они читали нѣкоторыя книги вмѣстѣ, но непостоянно. Она часто от-

влекалась, то въ ту, то въ другую сторону. Въ ней даже вспыхивалъ минутами, не только экстазъ, но какой-то хмѣль порывистаго веселья. Когда она, въ одинъ вечеръ, въ такомъ настроеніи исчезла изъ комнаты, Татьяна Марковна и Райскій устремили другъ на друга вопросительный и продолжительный взглядъ.

— Что это съ Вѣрой? спросила бабушка: кажется, выздоровѣла!

— Боюсь, бабушка, не пуще ли захворала....

— Что ты, Борюшка: видишь, какъ она весела, совсѣмъ другая стала: живая, говорливая, ласковая...

— Да прежняя ли, такая ли она, какъ всегда была?... Я боюсь, что это не веселье, а раздраженіе, хмѣль...

— Правда, она никогда такой не была — а что?

— Она въ экстазѣ: развѣ не видите?

— Въ экстазѣ! со страхомъ повторила Татьяна Марковна. — Зачѣмъ ты мнѣ на ночь говоришь: я не усну, это бѣда — экстазъ въ дѣвушкѣ! Да не ты ли чего-нибудь нагородилъ ей: отъ чего ей приходить въ экстазъ? Что̀ же дѣлать?

— Поглядимъ, что̀ дальше будетъ!

Бабушка поглядѣла на Райскаго тревожными глазами: онъ засмѣялся.

— Тебѣ все смѣшно! сказала она: послушай, строго прибавила потомъ: ты тамъ съ Савельемъ и съ Мариной, съ Полиной Карповной, или съ Ульяной Андреевной, сочиняй какіе хочешь стихи, или комедіи, а съ ней не смѣй! Тебѣ — комедія, а мнѣ трагедія!

XV.

Не только Райскій, но и сама бабушка вышла изъ своей пассивной роли и стала изъ-подтишка пристально слѣдить за Вѣрой. Она задумывалась не на шутку, бросила почти хозяйство, забывала всякіе ключи на столахъ, не толковала съ Савельемъ, не сводила счетовъ и не выѣзжала въ поле. Пашутка не спускала съ нея, по обыкновенію, глазъ, а на вопросъ Василисы, что̀ дѣлаетъ барыня, отвѣчала: «шепчетъ».

Татьяна Марковна печально поникала головой и не знала, чѣмъ и какъ вызвать Вѣру на откровенность. Сознавши, что это почти невозможно, она ломала голову, какъ бы хоть стороной узнать и отвратить бѣду. «Влюблена! въ экстазѣ»! Это казалось страшнѣе всякой оспы, кори, лихорадки, и даже горячки. И въ кого бы это было: дай Богъ, чтобъ въ Ивана Ива-

новича! Она умерла бы покойно, еслибъ Вѣра вышла за него за мужъ. Но бабушка, по-женски, проникла въ секретъ ихъ взаимныхъ отношеній и со вздохомъ заключила, что если тутъ и есть что̀-нибудь, то съ одной только стороны, т. е. со стороны лѣсничаго, а Вѣрочка платила ему просто дружбой, или благодарностью, какъ еще вѣрнѣе догадалась Татьяна Марковна, за «баловство». «Обожаетъ ее, говорила она, а это всегда нравится». Кто же, кто? Изъ окрестныхъ помѣщиковъ, кромѣ Тушина, никого нѣтъ — съ кѣмъ бы она видалась, говорила. Съ городскими молодыми людьми она видится только на балѣ у откупщика, у вице-губернатора, раза два въ зиму, и они мало посѣщаютъ домъ. Офицеры, совѣтники — давно потеряли надежду понравиться ей, и она съ ними почти никогда не говоритъ. «Не въ попа же влюбилась! Ахъ! ты Боже мой, какое горе!» заключила она.

Такъ она волновалась, смотрѣла пристально и подозрительно на Вѣру, когда та приходила къ обѣду и къ чаю, пробовала было послѣдить за ней по-саду, но та, замѣтивъ бабушку издали, прибавляла шагу и была такова. «Вотъ такъ въ глазахъ исчезла, какъ духъ!» пересказывала она Райскому: «хотѣла было за ней, да куда съ старыми ногами! Она, какъ птица, въ рощу, и точно упала съ обрыва въ кусты». Райскій пошелъ послѣ этого разсказа въ рощу, прошелъ ее насквозь, выбрался до деревни и встрѣтивъ Якова, спросилъ, не видалъ ли онъ барышню?

— Вонъ онѣ тамъ у часовни, сію минуту видѣлъ, сказалъ Яковъ.

— Что̀ она тамъ дѣлаетъ?

— Молятся Богу.

Райскій пошелъ къ часовнѣ.

«Молиться начала!» въ раздумьѣ шепталъ онъ.

Между рощей и проѣзжей дорогой стояла въ сторонѣ, на лугу, уединенная деревянная часовня, почернѣвшая и полуразвалившаяся, съ образомъ Спасителя, византійской живописи, въ бронзовой оправѣ. Икона почернѣла отъ времени, краски мѣстами облупились; едва можно было разсмотрѣть черты Христа: только вѣки были полуоткрыты и изъ подъ нихъ задумчиво глядѣли глаза на молящагося, да видны были сложенные въ благословеніе персты.

Райскій подошелъ по травѣ къ часовнѣ. Вѣра не слыхала. Она стояла къ нему спиной, устремивъ сосредоточенный и глубокій взглядъ на образъ. На травѣ у часовни лежала соломенная шляпа и зонтикъ. Ни креста не слагали пальцы ея, ни мо-

литвы не шептали губы, но вся фигура ея, сжавшаяся неподвижно, затаенное дыханіе и немигающій устремленный на образъ взглядъ — все было молитва. Райскій боялся дохнуть. «О чемъ молится?» думалъ онъ въ страхѣ. «Проситъ радости, или слагаетъ горе у креста, или внезапно застигъ ее тутъ порывъ безкорыстнаго изліянія души передъ всеутѣшительнымъ духомъ? Но какія изліянія? Души, испытующей силы въ борьбѣ, или благодарной, плачущей за лучъ счастья!..»

Вѣра вдругъ будто проснулась отъ молитвы. Она оглянулась и вздрогнула, замѣтивъ Райскаго.

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросила она строго.

— Ничего; я встрѣтилъ Якова: онъ сказалъ, что ты здѣсь, я пришелъ... Бабушка...

— Кстати о бабушкѣ — перебила она:—я замѣчаю, что она съ нѣкоторыхъ поръ начала слѣдить за мною: не знаете ли, что этому за причина?

Она зорко глядѣла на него. Онъ покраснѣлъ. Они шли въ это время къ рощѣ, черезъ лугъ.

— Я думаю, она всегда... началъ онъ.

— Нѣтъ, не всегда. Ей и въ голову не пришло бы слѣдить. Послушайте, «рабъ мой», полунасмѣшливо продолжала она: безъ всякихъ увертокъ скажите, вы сообщили ей ваши догадки обо мнѣ, т. е. о любви, о синемъ письмѣ?...

— Нѣтъ, о синемъ письмѣ, кажется, ничего не говорилъ...

— Стало быть только о любви. Что же сказали вы ей?

Онъ молчалъ, и даже началъ поглядывать къ лѣсу.

— Мнѣ нужно это знать — и потому говорите! настаивала она. — Вы вѣдь обѣщали исполнять даже капризы, а это не капризъ. Вы сказали ей? Да? Конечно, вы не скажете «нѣтъ»...

— Зачѣмъ столько словъ: прикажи — и я выдамъ тебѣ всѣ тайны. Былъ разговоръ о тебѣ. Бабушка стала догадываться, отъ чего ты была задумчива, а потомъ стала вдругъ весела...

— Ну?

— Ну, я и сказалъ только... «не влюблена ли, молъ, она...» Это ужъ давно.

— Что же бабушка?

— Испугалась!

— Чего?

— Экстаза больше всего.

— А вы и объ экстазѣ сказали?

— Она сама замѣтила, что ты стала очень весела, и даже обрадовалась было этому...

— А вы испугали ее!

— Нѣтъ — я только назвалъ по имени твое состояніе, она испугалась слова «экстазъ».

— Послушайте, сказала она серьезно: покой бабушки мнѣ дорогъ: дороже, нежели, можетъ быть, она думаетъ...

— Нѣтъ, живо перебилъ Райскій: бабушка вѣритъ въ твою безграничную къ ней любовь, только сама не знаетъ почему. Она мнѣ это говорила.

— Слава Богу! благодарю васъ, что вы мнѣ это передали! Теперь послушайте, что̀ я вамъ скажу, и исполните слѣпо. Подите къ ней и разрушьте въ ней всякія догадки о любви, объ экстазѣ, все, все. Вамъ это не трудно сдѣлать—и вы сдѣлаете, если... любите меня.

— Чего бы я не сдѣлалъ, чтобъ доказать это! Я ужо̀ вечеромъ....

— Нѣтъ, сію минуту. Когда я ворочусь къ обѣду, чтобъ глаза ея смотрѣли на меня, какъ прежде... Слышите?

— Хорошо, я пойду... говорилъ Райскій, не двигаясь съ мѣста.

— Бѣгите, сію минуту!

— А ты... домой?

Она указала ему почти повелительно рукой къ дому, чтобъ онъ шелъ.

— Еще одно слово — остановила она: никогда съ бабушкой не говорите обо мнѣ — слышите?

— Слушаю, сестрица, сказалъ онъ и засмѣялся.

— Честное слово?

Онъ замялся.

— А если она станетъ.... возразилъ было онъ.

— Вы только молчите — честное слово?

— Хорошо.

— Merci, и бѣгите теперь къ ней.

— Хорошо, бѣгу... сказалъ онъ и еле-еле шелъ, оглядываясь. Она махала ему, чтобы шелъ скорѣе, и ждала на мѣстѣ, слѣдя, идетъ ли онъ. А когда онъ повернулъ за-уголъ аллеи и потомъ проворно вернулся назадъ, чтобы еще сказать ей что̀-то, ея уже не было. «Да, правду бабушка говоритъ: какъ «духъ» пропала!» шепнулъ онъ. Въ эту минуту вдали, внизу обрыва, раздался выстрѣлъ.

«Это кто забавляется?» спрашивалъ себя Райскій, идучи къ дому.

Вѣра явилась своевременно къ обѣду, и какъ ни вонзились въ нее пытливые взгляды Райскаго, — никакой перемѣны въ ней не было. Ни экстаза, ни задумчивости. Она была такою,

какою была всегда. Бабушка раза два покосилась на нее, но не замѣтивъ ничего особеннаго, повидимому, успокоилась. Райскій исполнилъ порученіе Вѣры и разсѣялъ ея живыя опасенія, но искоренить подозрѣнія не могъ. И всѣ трое, поговоривъ о неважныхъ предметахъ, погрузились въ задумчивость. Вѣра даже взяла какую-то работу, на которую и устремила вниманіе: но бабушка замѣчала, что она продѣваетъ только взадъ и впередъ шелковинку, а отъ Райскаго не укрылось, что она въ иныя минуты вздрагиваетъ, или боязливо поводитъ глазами вокругъ себя, поглядывая въ свою очередь подозрительно на каждаго.

Но черезъ день, черезъ два, прошло и это, и когда Вѣра являлась къ бабушкѣ, она была равнодушна, даже умѣренно весела, только чаще прежняго запиралась у себя и долѣе обыкновеннаго горѣлъ у ней огонь въ комнатѣ по ночамъ. «Что̀ она дѣлаетъ? вертѣлось у бабушки въ головѣ: читать не читаетъ— у ней тамъ нѣтъ книгъ (бабушка это уже знала), развѣ пишетъ: бумага и чернильница есть.»

Всего обиднѣе и грустнѣе для Татьяны Марковны была таинственность: «тайкомъ, отъ нея дѣвушка переписывается, можетъ быть, переглядывается съ какимъ-нибудь вертопрахомъ изъ окна — и кто же? внучка, дочь ея, ея милое дитя, ввѣренное ей матерью: ужасъ, ужасъ! Даже руки и поги холодѣютъ»... шептала она, не подозрѣвая, что это отъ нервъ, въ которые она не вѣрила.

Она ждала, не откроетъ ли чего-нибудь случай, не проговорится ли Марина? Не проболтается ли Райскій? Нѣтъ. Какъ ни ходила она по ночамъ, какъ ни подозрительно оглядывала и опрашивала Марину, какъ ни подсылала Марѳиньку спросить, что̀ дѣлаетъ Вѣра: ничего изъ этого не выходило.

Вдругъ у бабушки мелькнула счастливая мысль — довѣдаться о томъ, что̀ такъ ее безпокоило, попытать вывести на свѣжую воду внучку—стороной, или «аллегоріей»—какъ она выразилась Райскому, т. е. примѣромъ. Она вспомнила, что у ней гдѣ-то есть нравоучительный романъ, который еще она сама въ молодости читывала, и даже плакала надъ нимъ. Тема его состояла въ изображеніи гибельныхъ послѣдствій страсти и неповиновенія родителямъ. Молодой человѣкъ и дѣвушка любили другъ друга, но, разлученные родителями, видѣлись съ балкона издали, перешептывались, переписывались. Сношенія эти были замѣчены посторонними, дѣвушка потеряла репутацію и должна была идти въ монастырь, а молодой человѣкъ посланъ отцемъ въ изгнаніе, куда-то въ Америку. Татьяна Марковна раздѣляла со многими другими вѣру въ печатное слово вообще,

когда это слово было назидательно, а на этотъ разъ, въ столь близкомъ ея сердцу дѣлѣ, она поддалась и нѣкоторой суевѣрной надеждѣ на книгу, какъ на какую-нибудь ладонку или нашептыванье.

Она вытащила изъ сундука изъ-подъ хлама книгу и положила у себя на столѣ, подлѣ рабочаго ящика. За обѣдомъ она изъявила обѣимъ сестрамъ желаніе, чтобъ онѣ читали ей вслухъ поперемѣнно, по вечерамъ, особенно въ дурную погоду, что глаза у ней плохи и сама она читать не можетъ. Это случалось иногда, что Марѳинька прочтетъ ей что-нибудь: но бабушка къ литературѣ была довольно холодна, и только охотно слушала, когда Титъ Никонычъ приносилъ что-нибудь любопытное по части хозяйства, какихъ-нибудь событій, въ родѣ убійствъ, большихъ пожаровъ, или гигіеническихъ наставленій. Вѣра ничего не сказала въ отвѣтъ на предложеніе Татьяны Марковны, а Марѳинька спросила:

— А конецъ счастливый, бабушка?

— Дойдешь до конца, такъ узнаешь — отвѣчала та.

— Что это за книга? спросилъ Райскій вечеромъ. Потомъ взялъ, посмотрѣлъ и засмѣялся.

— Вы лучше *Сонникъ* купите, да читайте! Какую старину выкопали! Это вы, бабушка, должно быть читали, когда были влюблены въ Тита Никоныча....

Бабушка покраснѣла и разсердилась.

— Оставь глупыя шутки, Борисъ Павловичъ! сказала она: я тебя не приглашаю читать, а имъ не мѣшай.

— Да это допотопное сочиненіе....

— Ну, ты послѣ потопа родился и сочиняй свои драмы и романы, а намъ не мѣшай! Начни ты, Марѳинька, а ты Вѣра, послушай! Потомъ, когда Марѳинька устанетъ, ты почитай. Книга хорошая, занимательная.

Вѣра равнодушно покорилась, а Марѳинька старалась заглянуть на послѣднюю страницу, не говорится ли тамъ о свадьбѣ. Но бабушка не дала ей. — «Читай сначала — дойдешь: какая нетерпѣливая!» сказала она. Райскій ушелъ, и бабушкина комната обратилась въ кабинетъ чтенія. Вѣрѣ было невыносимо скучно, но она никогда не протестовала, когда бабушка выражала ей положительно свою волю.

Началось длинное описаніе, сначала родителей молодого человѣка, потомъ родителей дѣвицы, потомъ исторія раздора двухъ фамилій, въ родѣ Монтекки и Капулетти, потомъ наружности и свойствъ молодыхъ людей, давно росшихъ и воспитанныхъ вмѣстѣ, а потомъ разлученныхъ. Вечера черезъ три, четыре,

терпѣливаго чтенія, дошли наконецъ до взаимныхъ чувствъ молодыхъ людей, до объясненій ихъ, до перваго свиданія наединѣ. Вся эта исторія была безукоризненно нравственна, чиста и до нестерпимости скучна. Вѣра задумывалась. А бабушка, при каждомъ словѣ о любви, изъ-подтишка глядѣла на нее — что̀ она: волнуется, краснѣетъ, блѣднѣетъ? Нѣтъ: вонъ зѣвнула. А потомъ прилежно отмахивается отъ назойливой мухи и слѣдитъ, куда та полетѣла. Опять зѣвнула до слезъ.

На третій день Вѣра совсѣмъ не пришла къ чаю, а потребовала его къ себѣ. Когда же бабушка прислала за ней «послушать книжку», Вѣры не было дома: она ушла гулять.

Вѣра думала, что отдѣлалась отъ книжки, но неумолимая бабушка безъ нея не велѣла читать дальше и сказала, что на другой день вечеромъ чтеніе должно быть возобновлено. Вѣра съ тоской взглянула на Райскаго. Онъ понялъ ея взглядъ и предложилъ лучше погулять. «А послѣ прогулки почитаемъ», — сказала Татьяна Марковна, подозрительно поглядѣвъ на Вѣру, потому что замѣтила ея тоскливый взглядъ.

Нечего дѣлать: Вѣра покорилась вполнѣ. Ни усталости, ни скуки она уже не обнаруживала, а мужественно и сосредоточенно слушала вялый разсказъ. Райскій послушалъ, послушалъ и ушелъ: «точно мочалку во снѣ жуетъ,» сказалъ онъ, уходя, про автора, и разсмѣшилъ надолго Мараиньку. Вѣра не зѣвала, не слѣдила за полетомъ мухъ, сидѣла, не разжимая губъ, и сама читала внятно, когда приходила ея очередь читать. Бабушка радовалась ея вниманію. «Слава Богу: вслушивается, замѣчаетъ, мотаетъ на усъ: авось».... думала она.

Длинный разсказъ все тянулся о томъ, какъ разгарались чувства молодой четы и какъ родители усугубляли надъ ними надзоръ, придумывали нравственныя истязанія, чтобъ разлучить ихъ. У Марѳиньки навертывались слезы, а Вѣра улыбалась изрѣдка, а иногда и задумывалась, или хмурилась. — «Забираетъ за живое, думала Татьяна Марковна. Слава тебѣ Господи»!

Наконецъ — всему бываетъ конецъ. Въ книгѣ оставалось нѣсколько главъ; насталъ послѣдній вечеръ. И Райскій не ушелъ къ себѣ, когда убрали чай и усѣлись около стола оканчивать чтеніе. Тутъ былъ и Викентьевъ. Ему не сидѣлось на мѣстѣ, онъ вскакивалъ, подбѣгалъ къ Марѳинькѣ, просилъ дать и ему почитать вслухъ, а когда ему давали, то онъ вставлялъ въ романъ отъ себя цѣлыя тирады, или читалъ разными голосами: когда говорила угнетенная героиня, онъ читалъ тоненькимъ, жалобнымъ голосомъ, а за героя читалъ своимъ голосомъ, обращаясь къ Марѳинькѣ, отчего та поминутно краснѣла и дѣлала

ему сердитое лице. Въ лицѣ грознаго родителя, Викентьевъ представлялъ Нила Андреича. У него отняли книгу и велѣли сидѣть смирно: тогда онъ, за спиной бабушки, сопровождалъ чтеніе одной Мареинькѣ видимой мимикой. Мареинька предательски указала на него тихонько бабушкѣ. Татьяна Марковна выпроводила его въ садъ погулять до ужина—и чтеніе продолжалось. Мареинька огорчалась тѣмъ, что книги осталось немного, а все еще разсказывается «жалкое» и свадьбы не предвидится.

— Что тебѣ за дѣло, спросилъ Райскій—какъ бы ни кончилось: счастливо, или несчастливо»....

— Ахъ, какъ это можно: я плакать буду, не усну! сказала она.

Драма гоненій была въ полномъ разгарѣ, родительскія увѣщанія, въ длиннѣйшихъ и нестерпимо скучныхъ сентенціяхъ, гремѣли надъ головой любящихся.

«Замѣчай за Вѣрой: шепнула бабушка Райскому: какъ она слушаетъ! Исторія попадаетъ—не въ бровь, а прямо въ глазъ. Смотри, морщится, поджимаетъ губы!...»

Дошли до катастрофы: любящихся застали въ саду. Герой свилъ изъ полотенецъ и носовыхъ платковъ лѣстницу, героиня сошла по ней къ нему. Они плакали въ объятіяхъ другъ друга, какъ вдругъ ихъ освѣтили факелы гонителей, крики ужаса, негодованія, проклятія отца! Героиня въ обморокѣ, герой на колѣняхъ передъ безжалостнымъ отцемъ. Потомъ заточеніе. Любящимся не дали проститься, взглянуть другъ на друга. Черезъ мѣсяцъ печальный колоколъ возвѣщалъ обрядъ постриженія въ монастырѣ, а героя мчалъ корабль изъ Гамбурга въ Америку. Родители остались одни, и потомъ, скукой и одиночествомъ, всю жизнь платили за свое жестокосердіе. Послѣднее слово было прочтено, книга закрыта, и между слушателями водворилось глубокое молчаніе.

— Экая дичь! сказалъ Райскій, немного погодя.

Мареинька утирала слезы.

— А ты что́ скажешь, Вѣрочка? спросила бабушка.

Та молчала.

— Гадкая книга, бабушка — сказала Мареинька: что́ они вытерпѣли, бѣдные!...

— А чтожъ дѣлать? Вотъ, чтобъ этого не терпѣть,—говорила бабушка, стороной глядя на Вѣру,—и надо бы было этой Кунигундѣ спроситься у тѣхъ, кто уже пожилъ и знаетъ, что значатъ страсти.

Райскій насмѣшливо кивнулъ ей съ одобреніемъ головой.

— А то вотъ и довели себя до добра, продолжала бабушка:

еслибъ она спросила отца или матери, такъ до этого бы не дошло. Ты что скажешь, Вѣрочка?

Вѣра пошла вонъ, но на порогѣ остановилась.

— Бабушка! за что вы мучили меня цѣлую недѣлю, заставивши слушать такую глупую книгу? спросила она, держась за дверь, и не дождавшись отвѣта, шагнула, какъ кошка, вонъ. Бабушка воротила ее.

— Какъ—за что? сказала она.—Я хотѣла тебѣ удовольствіе сдѣлать...

— Нѣтъ, вы хотѣли за что-то наказать меня. Если я провинюсь въ чемъ-нибудь, вы впередъ лучше посадите меня на недѣлю на хлѣбъ и на воду.

Она оперлась колѣномъ на скамеечку, у ногъ бабушки.—Прощайте бабушка, покойной ночи! сказала она.

Татьяна Марковна нагнулась поцѣловать ее и шепнула на ухо:

«Не наказать, а остеречь хотѣла я тебя, чтобъ ты... не провинилась когда-нибудь...

— А еслибъ я провинилась... шептала въ отвѣтъ Вѣра: вы заперли бы меня въ монастырь, какъ Кунигунду?

— Развѣ я звѣрь — обидчиво отвѣчала Татьяна Марковна: такая-же какъ эти злые родители, изверги?... Грѣхъ, Вѣра, думать это о бабушкѣ...

— Знаю, бабушка, что грѣхъ, и не думаю... Такъ зачѣмъ же глупой книгой остерегать?

— Чѣмъ же я остерегу, уберегу, укрою тебя, дитя мое?... Скажи, успокой!..

Вѣра хотѣла что-то отвѣтить, но остановилась и поглядѣла съ минуту въ сторону.

«Перекрестите меня!» сказала потомъ, и когда бабушка перекрестила ее, она поцѣловала у ней руку и ушла.

Райскій взялъ книгу со стола.

— Мудрая книга: что-жъ, какъ подѣйствовала прекрасная Кунигунда? спросилъ онъ съ улыбкой.

Бабушка болѣзненно вздохнула въ отвѣтъ. Ей было не до шутокъ. Она взяла у него книгу, велѣла Пашуткѣ отдать въ людскую.

— Ну, бабушка, замѣтилъ Райскій:—Вѣру вы уже наставили на путь. Теперь если Егорка съ Мариной прочитаютъ — тогда отъ добродѣтели некуда будетъ дѣваться въ домѣ!

XVI.

Викентьевъ вызвалъ Мароиньку въ садъ, Райскій ушелъ къ себѣ, а бабушка долго молча сидѣла на своемъ канапе, погруженная въ задумчивость. Уже книга не занимала ее: она отрезвилась отъ печатной морали и сама внутренно стыдила себя за пошлое средство. Взглядъ ея смотрѣлъ уже умнѣе и сознательнѣе. Она что-то обдумывала, можетъ быть перебирала старыя, уснувшія воспоминанія; на лицѣ ея появлялось, для тѣхъ, кто умѣетъ читать лица, и проницательная догадка, и умиленіе, и страхъ, и жалость.

Между тѣмъ Марина, Яковъ, и Василиса по очереди приходили напоминать ей, что ужинъ поданъ. «Не хочу!» отвѣчала она задумчиво. Марина пошла звать къ ужину барышень: «Не хочу!» сказала и Вѣра. «Не хочу!» сказала, къ изумленію ея, и Мароинька, никогда безъ ужина не ложившаяся. — «Я въ постель подамъ!» предложила она.—«Не хочу!» былъ отвѣтъ.—«Что за чудо! Этого никогда не бывало! Надо барынѣ доложить», сказала Марина.

Но къ изумленію ея, Татьяна Марковна не удивилась и въ отвѣтъ сказала только: «убирайте!»

Марина ушла, а Василиса молча стала дѣлать барынѣ постель.

Пока Марина ходила спрашивать, что̀ дѣлать съ ужиномъ, Егорка, узнавъ, что никто ужинать не будетъ, открылъ крышку соусника, понюхалъ и пальцами вытащилъ какую-то «штучку»— «попробовать», какъ объяснилъ онъ заставшему его Якову, котораго также пригласилъ отвѣдать. Яковъ покачалъ головой, однако перекрестился, по обыкновенію, и тоже пальцами вытащилъ «штучку» и сталъ медленно жевать пробуя: «тутъ должно быть есть лавровый листъ», говорилъ онъ. «А вотъ отвѣдайте этого, Яковъ Петровичъ», говорилъ Егорка, запуская пальцы въ заливныхъ стерлядей. «Смотри, какъ бы барыня не спросила!» говорилъ Яковъ, вытаскивая другую стерлядь—и когда Марина вошла, они уже доѣдали цыпленка. «Слопали!» съ изумленіемъ произнесла она, ударивъ себя по бедрамъ и глядя, какъ проворно уходили Яковъ и Егорка, оглядываясь на нее, какъ волки.

И постель сдѣлана, все затихло въ домѣ, Татьяна Марковна наконецъ очнулась отъ задумчивости, взглянула на образъ и не стала, какъ всегда, на колѣни передъ нимъ, и не молилась, а только перекрестилась. Тревога превозмогала молитву. Она сѣла на постель и опять задумалась. «Какъ остеречь тебя? «Перекре-

стите», говоритъ! вспоминала она со страхомъ свой шепотъ съ Вѣрой. «Какъ узнать, чтò у ней въ душѣ? Утро вечера мудренѣе: а теперь лягу...» подумала потомъ.

Но ей не суждено было уснуть въ ту ночь. Только что она хотѣла лечь, какъ кто-то поцарапался къ ней въ дверь.

— Кто тамъ? спросила она съ испугомъ.

— Я, бабушка — отворите! говорилъ голосъ Марѳиньки. Татьяна Марковна отворила.

— Что ты, дитя мое? Проститься пришла—Богъ благословитъ тебя! Отчего ты не ужинала? Гдѣ Николай Андреичъ? сказала она. Но взглянувъ на Марѳиньку, испугалась.

— Что ты, Марѳинька? Чтò случилось? На тебѣ лица нѣтъ: вся дрожишь? Здорова ли? Испугалась чего-нибудь? посыпались вопросы.

— Нѣтъ, нѣтъ, бабушка, ничего, ничего... я пришла... Мнѣ нужно сказать вамъ... говорила она, прижимаясь къ бабушкѣ въ страхѣ.

— Сядь, сядь... на кресло.

— Нѣтъ, бабушка — я сяду къ вамъ, а вы лягте: я все и разскажу — и свѣчку потушите...

— Да чтò случилось — ты меня пугаешь...

— Ничего, бабушка — ляжемъ поскорѣй: я все вамъ на ушко разскажу.

Бабушка поспѣшила исполнить ея требованіе, и Марѳинька разсказала ей, чтò случилось съ ней, послѣ чтенія, въ саду. А случилось вотъ что.

Когда Викентьевъ, послѣ чтенія, вызвалъ Марѳиньку въ садъ— между ними нечаянно произошла слѣдующая сцена. Онъ звалъ ее въ рощу слушать соловья.

— Пока вы тамъ читали — я все слушалъ: ахъ, какъ поетъ, какъ поетъ — пойдемте! говорилъ онъ.

— Теперь темно, Николай Андреевичъ, сказала она.

— Развѣ вы боитесь?

— Одна боюсь, а съ вами нѣтъ.

— Такъ пойдемте: а какъ хорошо поетъ — слышите, слышите: отсюда слышно! Тутъ филинъ было въ дуплѣ началъ кричать — и тотъ замолчалъ. Пойдемте.

Она стояла на крыльцѣ и сошла въ аллею нерѣшительно: онъ подалъ ей руку. Она шла медленно, будто нéхотя.

— Какая темнота: дальше не пойду, не трогайте меня за руку! почти сердито говорила она, а сама все подвигалась невольно, какъ будто ее вели насильно, хотя Викентьевъ выпустилъ ея руку.

— Поближе, сюда, шепталъ онъ. Она дѣлала два шага, точно ощупью, и останавливалась. — Еще, еще, не бойтесь! — Она подвигалась еще шагъ: сердце у ней билось, и отъ темноты, и отъ страха.

— Темно, я боюсь... говорила она.

— Да полноте, чего бояться — здѣсь никого нѣтъ. Вотъ сюда, еще: смотрите, здѣсь канава, обопритесь на меня — вотъ такъ.

— Что вы, оставьте, я сама... говорила она въ испугѣ, но не успѣла договорить, какъ онъ, обнявъ ее за талію, перенесъ черезъ канаву. Они вошли въ рощу.

— Я дальше не пойду ни шагу... А сама понемногу подвигалась, пугаясь треска сучьевъ подъ ногой.

— Вотъ станемте здѣсь — тише... шепталъ онъ: — слышите? Соловей лилъ свои трели. Мароиньку обняло обаяніе теплой ночи. Мгла, легкій шелестъ листьевъ и щелканье соловья наводили на нее дрожь. Она оцѣпенѣла въ молчаніи и по временамъ отъ страха ловила руку Викентьева. А когда онъ самъ бралъ ее за руку, она ее отдергивала.

— Какъ хорошо, Мароа Васильевна, какая ночь! говорилъ онъ.

Она махнула ему рукой, чтобъ онъ не мѣшалъ слушать. Въ ней только-что начинала разыгрываться сладость нервнаго раздраженія.

— Мароа Васильевна! шепталъ онъ чуть слышно: со мной дѣлается чтó-то такое хорошее, такое пріятное, чего я никогда не испытывалъ... точно все шевелится во мнѣ...

Она молчала.

— Я теперь вскочилъ бы на лошадь и поскакалъ бы во всю мочь, чтобъ духъ захватывало... Или бросился бы въ Волгу и переплылъ на ту сторону... А съ вами, ничего?

Она вздрогнула.

— Что вы, испугались?

— Уйдемте отсюда: послушали и довольно, а то бабушка разсердится... сказала она.

— Ахъ, нѣтъ — еще минуту, ради Бога... умолялъ онъ. Она остановилась, какъ вкопанная. Соловей все заливался.

— О чемъ онъ поетъ? спросилъ онъ.

— Не знаю! сказала она.

— А вѣдь чтó-нибудь да высказываетъ: не на вѣтеръ же онъ свищетъ! Кто-нибудь его слушаетъ...

— Мы — слушаемъ... шепнула Мароинька — и слушала.

— Боже мой, какая прелесть!.. Мароа Васильевна... шепнулъ Викентьевъ и задумался.

— Гдѣ вы, Николай Андреичъ? спросила она. — Что вы молчите? Точно васъ нѣтъ: тутъ-ли вы?

— Я думаю, соловей поетъ то самое, что̀ во мнѣ дѣлается, что̀ мнѣ хотѣлось бы сказать теперь, да не умѣю...

— Ну, говорите по соловьиному... сказала она, смѣясь.—Почемъ вы знаете, что̀ онъ поетъ.

— Знаю.

— Ну, говорите.

— Онъ поетъ о любви.

— О какой любви? Кого ему любить?

— Онъ поетъ о моей любви... къ вамъ.

Онъ и самъ было испугался своихъ словъ, но вдругъ прижалъ ея руку къ губамъ и осыпалъ ее поцѣлуями. Въ одну минуту она вырвала руку, бросилась опрометью назадъ, сама перескочила канаву и едва дыша пробѣжала аллею сада, взбѣжала на ступени крыльца и остановилась на минуту перевести духъ. Онъ бросился за ней.

— Ни шагу дальше — не смѣйте! сказала она, едва переводя духъ и держась за ручку двери. — Идите домой!

— Марѳа Васильевна! Ангелъ! другъ...

— Какъ вы смѣете меня такъ называть: что̀ я — сестра вамъ, или кузина!

— Ангелъ! прелесть... вы все для меня! Ейбогу...

— Я закричу, Николай Андреичъ. Подите домой! повелительно прибавила она, не переставая дрожать.

— Послушайте, скажите, отчего вы стали не такія... съ нѣкоторыхъ поръ дичитесь меня, не ходите однѣ со мной?...

— Мы не дѣти: пора перестать шалить, говорила она: — и то бабушка...

— Что бабушка?

— Ничего. Вы слышали, что сейчасъ читали въ книгѣ о Ричардѣ и Кунигундѣ: что́ имъ за это было?... Какъ же вы позволили себѣ...

— Этого ничего не было — Марѳа Васильевна: эту книгу сочинилъ, должно быть, Нилъ Андреичъ...

— Идите домой! Богъ знаетъ, что̀ люди говорятъ о насъ...

— Вы разлюбили меня, Марѳа Васильевна! уныло сказалъ онъ, и даже не поерошилъ, противъ обыкновенія, волосы.

— А развѣ я васъ любила? съ безсознательнымъ кокетствомъ спросила она. — Кто вамъ сказалъ: какія глупости! Съ чего вы взяли, я вотъ бабушкѣ скажу!

— Я и самъ скажу!

— Что̀ вы скажете: ничего вы не можете сказать про меня,

задорно, и отчасти съ безпокойствомъ, говорила она. — Что̀ вы это сегодня выдумали! Нашло на васъ?...

— Да, нашло. Выслушайте меня, ангелъ Марѳа Васильевна... На колѣняхъ прошу... Онъ всталъ на колѣни.

— Уйду, если станете говорить. Дайте мнѣ только оправиться: а то я перепугаю всѣхъ; я вся дрожу... Сейчасъ же къ бабушкѣ!

Онъ всталъ, рѣшительно подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и почти насильно увелъ въ аллею.

— Я не хочу, не пойду... вы дерзкій! забываетесь... говорила она, стараясь нейти за нимъ и вырывая у него руку, и противъ воли шла.—Что̀ вы дѣлаете, какъ смѣете! Пустите, я закричу!... Не хочу слушать вашего соловья!

— Не соловья, а меня слушайте, сказалъ онъ нѣжно, но рѣшительно. — Я не мальчикъ теперь — я тоже взрослый: выслушайте меня, Марѳа Васильевна!

Она вдругъ перестала вырываться, оставила ему свою руку, которую онъ продолжалъ держать, и съ бьющимся сердцемъ и напряженнымъ любопытствомъ послушно окаменѣла на мѣстѣ.

— Вы, или бабушка, правду сказали: мы были дѣти, и я виноватъ только тѣмъ, что не хотѣлъ замѣчать этого, хоть сердце мое давно замѣтило, что вы не дитя...

Она было рванула опять свою руку, но онъ съ тихой силой удержалъ ее.

— Вы взрослая, и потому не бойтесь выслушать меня: я говорю не ребенку. Вы были такъ рѣзвы, молоды, такъ милы, что я забывалъ съ вами мои лѣта и думалъ, что еще мнѣ рано — да мнѣ, по лѣтамъ, можетъ быть, рано говорить, что я...

— Я уйду: вы что-то опять страшное хотите сказать — какъ въ рощѣ... Пустите! говорила шепотомъ Марѳинька и дрожала, и рука ея дрожала. — Уйду, не стану слушать, я скажу бабушкѣ все...

— Непремѣнно, Марѳа Васильевна, и сегодня же вечеромъ. Поэтому не бойтесь выслушать меня. Я такъ сроднился, сблизился съ вами, что если насъ вдругъ разлучить теперь... Вы хотите этого, скажите?

Она молчала.

— Марѳа Васильевна, хотите разстаться?

Она молчала, только сдѣлала какое-то движеніе въ темнотѣ.

— Если хотите, разстанемтесь, вотъ теперь же... уныло говорилъ онъ. — Я не знаю, что̀ будетъ со мной: я попрошусь куда-нибудь въ другое мѣсто, уѣду въ Петербургъ, на край свѣта, если мнѣ скажутъ это—не Татьяна Марковна, не маменька моя,—

онѣ, пожалуй, наскажутъ, но я ихъ не послушаю,—а если скажете вы — я сейчасъ же съ этого мѣста уйду, и никогда не ворочусь сюда! Я знаю, что ужъ любить больше въ жизни никогда не буду... ейбогу, не буду... Марѳа Васильевна!

Она молчала.

— Вы скажите только слово, можно мнѣ любить васъ? Если нѣтъ — я уѣду — вотъ прямо изъ сада и никогда....

Вдругъ Марѳинька заплакала на-взрыдъ и крѣпко схватила его за руку, когда онъ сдѣлалъ шагъ отъ нея.

— Видите, видите! сказалъ онъ, торжествуя:—развѣ вы не ангелъ! Не правду я говорилъ, что вы любите меня? Да, любите, любите, любите! кричалъ онъ, ликуя, только не такъ, какъ я васъ.... нѣтъ!

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ это? сказала она, обливаясь слезами:—это ничего, что я плàчу. Я и о котенкѣ плàчу, и о птичкѣ плàчу. Теперь плàчу отъ соловья: онъ растревожилъ меня, да темнота. При свѣчкѣ, или днемъ—я умерла бы, а не заплакала бы. Я васъ любила, можетъ быть, да не знала этого....

— И я почти не зналъ, что люблю васъ.... Все соловей надѣлалъ: онъ открылъ нашъ секретъ. Мы такъ и скажемъ на него, Марѳа Васильевна.... И я бы днемъ ни за какія сокровища не сказалъ вамъ.... ейбогу — не сказалъ бы....

— А теперь я васъ ненавижу, презираю, сказала она.—Вы противный, вы заставили меня плакать, а сами рады, что я плàчу: вамъ весело....

— Весело: и вамъ весело, ейбогу весело — вы такъ только... Дай Богъ здоровья соловью!

— Вы гадкій, нечестный!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ и торопливо поерошилъ голову:— не говорите этого. Лучше назовите меня дуракомъ, но я честный, честный, честный! — Я никому не позволю усомниться.... Никто не смѣетъ!

— А я смѣю! задорно сказала Марѳинька.—Вы нечестный: вы заставили бѣдную дѣвушку высказать поневолѣ, чего она никому, даже Богу, отцу Василью, не высказала бы.... А теперь, Боже мой, какой срамъ!

И этотъ «божій младенецъ», по выраженію Татьяны Марковны, опять залился искренними слезами раскаянія.

— Не честно, не честно! говорила она:—я васъ уже теперь не люблю. Чтò скажутъ, чтò подумаютъ обо мнѣ? я пропала....

— Другъ мой, ангелъ!... твердилъ онъ.

— Опять вы за свое? съ дѣтскимъ гнѣвомъ сказала она.

— Вспомните, что вы не дитя, говорилъ опять Викентьевъ.

— Какъ вы странно говорите, вдругъ остановила она его, переставъ плакать:—вы никогда не были такимъ, я васъ никогда такимъ не видала! Развѣ вы такой, какъ давича были, когда съ головой ушли въ рожь, перепела передразнивали, а вчера за моимъ котенкомъ на крышу лазили? Давно ли на мельницѣ нарочно выпачкались въ мукѣ, чтобъ разсмѣшить меня?... Отчего вы вдругъ не такой стали?

— Какой же я сталъ, Марѳа Васитьевна?

— Дерзкій — смѣете говорить мнѣ такія глуности въ глаза...

— А вы сами развѣ такая, какія были недавно, еще сегодня вечеромъ? Развѣ вамъ приходило въ голову стыдиться, или бояться меня? приходили вамъ на языкъ такія слова, какъ теперь? И вы тоже измѣнились!

— Отчего же это вдругъ случилось?

— Соловей все объяснилъ намъ: мы оба выросли и созрѣли сію минуту, вотъ тамъ, въ рощѣ.... Мы ужъ не дѣти....

— Отъ того и нечестно было говорить мнѣ, что́ вы сказали: вы поступили, какъ вѣтренникъ — не честно дразнить дѣвушку, вырвать у ней секретъ....

— Не вѣкъ же ему оставаться секретомъ: когда-нибудь и кому-нибудь высказали бы его.... Такъ ли?

Она подумала.

— Да, сказала бы: бабушкѣ на ушко и потомъ спрятала бы голову подъ подушку на цѣлый день. А здѣсь.... одни — Боже мой! досказала она, кидая взглядъ ужаса на небо.—Я боюсь теперь показаться въ комнату: какое у меня лицо — бабушка сейчасъ замѣтитъ....

— Ангелъ! прелесть! говорилъ онъ, нагибаясь къ ея рукѣ:— да будетъ благословенна темнота, роща и соловей!

— Прочь, прочь! повторила она, убѣгая опять на крыльцо, вы опять за дерзости! А я думала, что честнѣе и скромнѣе васъ нѣтъ въ свѣтѣ, и бабушка думала тоже. А вы....

— Какъ же было честно поступить мнѣ? Кому мнѣ сказать свой секретъ?

— На другое ушко бабушкѣ, и у ней спросить, люблю ли я васъ.

— Вы ей нынче все скажете.

— Это все не то будетъ: я ужъ виновата передъ ней, что слушала васъ, расплакалась. Она огорчится, не проститъ мнѣ никогда, — а все вы!...

— Проститъ, Марѳа Васильевна! обоихъ проститъ. Она любитъ меня....

— Вамъ кажется, что всѣ васъ любятъ: какое сокровище!

— Она даже говоритъ, что любитъ меня, какъ сына....

— Это она такъ, оттого, что вы кушаете много, а она всѣхъ такихъ любитъ, даже и Опенкина.

— Нѣтъ, я знаю, что она меня любитъ—и если только проститъ мнѣ мою молодость, такъ позволитъ намъ жениться!...

— Какой ужасъ! До чего вы договорились!—Она хотѣла уйти.

— Марѳа Васильевна! сойдите сюда, не бойтесь меня, я буду, какъ статуя....

Она медлила, потомъ вдругъ сама сошла къ нему со ступеней крыльца, взяла его за руку и поглядѣла ему въ лицо съ строгой важностью.

— Ваша маменька знаетъ о томъ, что́ вы мнѣ говорите теперь здѣсь? спросила она, — а? знаетъ? — говорите, да, или нѣтъ?

— Нѣтъ еще... тихо сказалъ онъ.

— Нѣтъ! со страхомъ повторила она.

Нѣсколько минутъ они молчали.

— Какъ же вы смѣли говорить мнѣ это? спросила она потомъ.—Даже до свадьбы договорились, а maman ваша не знаетъ! Честно ли это, сами скажите!

— Узнаетъ завтра.

— А если не благословитъ?

— Я не послушаюсь!

— А я послушаюсь—и безъ ея согласія не сдѣлаю ни шагу, какъ безъ согласія бабушки. И если не будетъ этого согласія, ваша нога не будетъ въ домѣ здѣсь, помните это, M-r Викентьевъ — вотъ что!

Она быстро отвернулась отъ него плечомъ и пошла прочь.

— Я увѣренъ въ ней, какъ въ себѣ.... въ ея согласіи.

— И надо было послѣ ея согласія заставить меня плакать.

— Ужели вы такъ уйдете, не простите меня за это увлеченіе....

— Мы не дѣти, чтобъ увлекаться и прощать. Грѣхъ сдѣланъ....

— Всѣ грѣшны: простите—сегодня въ ночь я буду въ Колчинѣ, а къ обѣду завтра здѣсь — и съ согласіемъ. Простите.... дайте руку!

— Тогда.... можетъ быть, сказала она, подумавши, потомъ поглядѣла на него и подала-было руку. И только онъ потянулся къ ней, она въ ужасѣ отдернула.

— Боже мой! Что́ еще скажетъ бабушка! Ступайте прочь, прочь—и помните, что если maman ваша будетъ васъ бранить,

а меня бабушка не проститъ, вы и глазъ не кажите — я умру со стыда, а вы на всю жизнь останетесь нечестны.

Она ушла, и онъ проворно бросился вонъ изъ сада.

«Господи! Господи! что́ скажетъ бабушка!» думала Мареинька, запершись въ своей комнатѣ и трясясь, какъ въ лихорадкѣ. «Что́ мы надѣлали!» мучилась она мысленно. «И какъ я перескажу.... что́ мнѣ будетъ за это.... Не сказать ли прежде Вѣрочкѣ.... Нѣтъ, нѣтъ — бабушкѣ! Кто тамъ теперь у ней....»

Она волновалась, крестилась, глядя на образъ, пока Яковъ пришелъ звать ее къ ужину. «Не хочу!» сказала она изъ-за двери. Марина пришла: «Не хочу!» съ тоской повторила она. «Что бабушка дѣлаетъ?»

— Барыня не ужинали, спать ложатся, сказала Марина.

Мареинька едва дождалась, пока затихло все въ домѣ и, какъ мышь, прокралась къ бабушкѣ.

Долго шептали онѣ, много разъ бабушка крестила и цѣловала Мареиньку, пока наконецъ та заснула на ея плечѣ. Бабушка тихо сложила ея голову на подушку, потомъ уже встала и молилась въ слезахъ, призывая благословеніе на новое счастье и новую жизнь своей внучки. Но еще жарче молилась она о Вѣрѣ: съ мыслью о ней, она по долгу склоняла сѣдую голову къ подножію креста и шептала горячую молитву.

Ложась осторожно подлѣ спящей Мареиньки, бабушка перекрестила ее опять, а сама подумала: «Добро бы Вѣра, а то — Мареинька, какъ Кунигунда... тоже въ саду!... Точно на смѣхъ вышло: это «судьба» забавляется!....»

XVII.

Викентьевъ сдержалъ слово. На другой день онъ привезъ къ Татьянѣ Марковнѣ свою мать и впустивъ ее въ двери, самъ «далъ стречка», какъ онъ говорилъ, не зная, что́ будетъ, и сидѣлъ, какъ на иголкахъ, въ канцеляріи. Мать его, еще почти молодая женщина, лѣтъ сорока съ небольшимъ, была такая же живая и веселая, какъ онъ, но съ большимъ запасомъ практическаго смысла. Между ею и сыномъ была вѣчная комическая война на словахъ. Они спорили на каждомъ шагу, за всякіе пустяки, — и только за пустяки. А когда доходило до серьезнаго дѣла, она другимъ голосомъ и другими глазами, нежели какъ обыкновенно, предъявляла свой авторитетъ, — и онъ хотя сначала протестовалъ, но потомъ сдавался, если требованіе ея было благоразумно. Между ними происходилъ видимый разладъ и

существовала невидимая гармонія. Таковъ былъ наружный образъ ихъ отношеній. «Надѣнь это», скажетъ Марья Егоровна. «Какъ это можно — лучше это», переговоритъ онъ. «Съѣзди къ Михайлу Андреичу». «Помилуйте, maman, у него непроходимая скука» отвѣчалъ онъ. «Вздоръ, ты поѣдешь». «Нѣтъ, maman, ни зачто, хоть убейте!» «Николка, будешь ты слушаться?» «Всегда, maman, только не теперь». Но однако, если ей въ самомъ дѣлѣ захочется, онъ поѣдетъ съ упреками, жалобами и протестами до тѣхъ поръ, пока потеряется изъ вида.

Этотъ вѣчный споръ шелъ съ утра до вечера между ними, съ промежутками громкаго смѣха. А когда они были ужъ очень дружны, то молчали какъ убитые, пока тотъ или другой не прерветъ молчанія какимъ-нибудь замѣчаніемъ, вызывающимъ непремѣнно противорѣчіе съ другой стороны. И пошло опять. Любовь его къ матери наружно выражалась также бурно и неистово, до экстаза. Въ припадкѣ нѣжности, онъ вдругъ бросится къ ней, обѣими руками обовьетъ шею и облѣпитъ горячими поцѣлуями: тутъ уже между ними произойдетъ буквально драка. Она ловитъ его за уши, деретъ, щиплетъ за щеки, отталкиваетъ, наконецъ кликнетъ толсторукую и толстобедрую ключницу Мавру и велитъ оттащить прочь «волченка».

Послѣ разговора съ Мареинькой, Викентьевъ въ туже ночь укатилъ за Волгу, и ворвавшись къ матери, бросился обнимать и цѣловать ее по своему, потомъ, когда она, собравъ всѣ силы, оттолкнула его прочь, онъ сталъ передъ ней на колѣни и торжественно произнесъ.

— Мать! Бей, но выслушай: рѣшительная минута жизни настала—я....

— Съ ума сошелъ! досказала она.—Откуда взялся, точно съ цѣпи сорвался! Какъ смѣлъ безъ спросу пріѣхать? Испугалъ меня, взбудоражилъ весь домъ: что съ тобой? спрашивала она, оглядывая его съ изумленіемъ съ ногъ до головы и оправляя растрепанные имъ волосы.

— Не угадываешь, мать? спрашивалъ онъ, не безъ внутренняго страха отъ какихъ-нибудь, еще невѣдомыхъ ему препятствій и опроверженій.

— Напроказничалъ чтò-нибудь: вѣрно опять подъ арестъ хотятъ посадить? говорила она, зорко глядя ему въ глаза.

Онъ покачалъ отрицательно головой.

— За сто верстъ—не отгадала.

— Ну, говори!

— Скажу, только противорѣчить не моги!

Она съ недоумѣніемъ, и тоже не безъ страха, глядѣла на него, стараясь угадать.

— Задолжалъ?

Онъ качалъ головой.

— Опять не въ гусары ли затѣялъ пойти?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Почемъ я знаю, какая блажь забралась въ тебя: отъ тебя все станется! Говори—что?

— Не станешь спорить?

— Стану: потому что вѣрно вздоръ затѣялъ. Сейчасъ говори.

— Жениться хочу! чуть слышно сказалъ онъ.

— Чтó? спросила она, не вслушавшись.

— Жениться хочу!

Она взглянула на него быстро.

— Мавра, Антонъ, Иванъ, Кузьма! закричала она: — всѣ идите скорѣй сюда—скорѣй!

Мавра одна пришла.

— Зови всѣхъ людей: Николай Андреевичъ помѣшался!

— Христосъ съ нимъ—чтó вы, матушка: испужали до смерти! говорила Мавра, тыча рукой въ воздухъ.

Викентьевъ махнулъ Маврѣ, чтобъ шла вонъ.

— Я не шучу, мать! сказалъ онъ, удерживая ее за руку, когда она встала.

— Поди прочь, не трогай! сердито перебила она и начала въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я не шучу! сказалъ онъ ей рѣзко: — завтра я долженъ отвѣтъ дать. Чтó ты скажешь?

— Велю запереть тебя... знаешь куда! шепнула она, видимо озабоченная.

Онъ вскочилъ, и между ними начался одинъ изъ самыхъ бурныхъ разговоровъ. Долго ночью слышали люди горячій споръ, до крика, почти до визга, по временамъ смѣхъ, скаканье его, потомъ поцѣлуи, гнѣвный крикъ барыни, веселый отвѣтъ его — и потомъ гробовое молчаніе, признакъ совершенной гармоніи.

Викентьевъ одержалъ, повидимому, побѣду — впрочемъ уже подготовленную. Если обманывались на счетъ своихъ чувствъ Мароинька и Викентьевъ, то бабушка и Марья Егоровна давно поняли, къ чему это ведетъ, но вида другъ другу и имъ не показывали, а сами молча, каждая про себя, давно все обдумали, взвѣсили, разсчитали—и рѣшили, что эта свадьба — дѣло подходящее. Но Марья Егоровна, по свойству своихъ отношеній къ сыну, не могла, какъ и онъ, съ своей стороны, тоже уступить,

а онъ взять ея согласіе иначе, какъ съ бою, и притомъ самаго упорнаго и горячаго. «Еще что Татьяна Марковна скажетъ!» говорила раздражительно, какъ будто съ досадой уступая Марья Егоровна, когда уже лошади были поданы, чтобы ѣхать въ городъ. «Если она не согласится, я тебѣ никогда не прощу этого срама! Слышишь?»

— Не безпокойся: она любитъ меня больше родной матери!

— Я вовсе тебя не люблю: отстань, волченокъ! крикнула она, съ боку посмотрѣвъ на него.

Онъ хотѣлъ было загрести ее за шею рукой и обнять, но она грозно замахнулась на него зонтикомъ.

— Только смѣй! Если изомнешь шляпку, я не поѣду! прибавила она. Онъ присмирѣлъ отъ этой угрозы.

— Туда же: съ этихъ поръ жениться! ворчала она.

Онъ, не слушая ее, перелѣзъ изъ коляски на козлы и отнявъ у кучера возжи, погналъ, что есть мочи, лошадей.

XVIII.

Марья Егоровна разрядилась въ шелковое платье, въ кружевную мантилью, надѣла желтыя перчатки, взяла вѣеръ — и такъ кокетливо и хорошо одѣлась, что сама смотрѣла невѣстой.

Лишь только Татьянѣ Марковнѣ доложили о пріѣздѣ Викентьевой, старуха, принимавшая ее всегда за просто, радушно-дружески, тутъ вдругъ, догадываясь конечно, послѣ признанія Маѳиньки, зачѣмъ она пріѣхала, приняла другой тонъ и манеры. Она велѣла просить ее подождать въ гостиной, а сама бросилась одѣваться, приказавъ Василисѣ посмотрѣть въ щелочку и сказать ей, какъ одѣта гостья. И Татьяна Марковна надѣла шумящее шелковое съ серебристымъ отливомъ платье, турецкую шаль, пробовала было надѣть массивныя брильянтовыя серьги, но съ досадой бросила ихъ. «Нейдутъ, уши заросли!» сказала она. Велѣла одѣваться Маѳинькѣ, Вѣрочкѣ, и приказала мимоходомъ Василисѣ достать парадное столовое бѣлье, старинное серебро и хрусталь къ завтраку и обѣду. Повару, кромѣ множества блюдъ, велѣла еще варить шеколадъ, послала за конфектами, за шампанскимъ.

Одѣвшись, сложивъ руки на руки, украшенныя на этотъ разъ старыми, дорогими перстнями, торжественной поступью вошла она въ гостиную и обрадовавшись, что увидѣла любимое лице доброй гостьи, чуть не испортила своей важности, но тотчасъ оправи-

лась и стала серьезна. Та тоже обрадовалась и проворно встала со стула и пошла ей навстрѣчу.

— А мой-то сумасшедшій, что̀ затѣялъ!... начала она и остановилась, поглядѣвъ на Бережкову, оробѣла и стояла въ недоумѣніи. Обѣ онѣ церемонно раскланялись, и Татьяна Марковна посадила гостью на диванъ и сѣла подлѣ нея.

— Какова нынче погода? спросила Татьяна Марковна, поджимая губы: на Волгѣ нѣтъ вѣтру?

— Нѣтъ, тихо.

— Вы на паромѣ?

— Нѣтъ, въ лодкѣ съ гребцами, а коляска на паромѣ.

— Да, кстати: Яковъ, Егорка, Петрушка: кто тамъ? Что это васъ не дозовешься? сказала Бережкова, когда всѣ трое взошли.— Велите отложить лошадей изъ коляски Марьи Егоровны, дать имъ овса и накормить кучера.

Всѣ бросились исполнять приказаніе, хотя и безъ того коляска была уже отложена, пока Татьяна Марковна наряжалась, подвезена подъ сарай, а кучеръ балагурилъ въ людской за бутылкой пива.

— Нѣтъ, нѣтъ, Татьяна Марковна, говорила гостья, я на полчаса: ради Бога, не удерживайте меня: я за дѣломъ....

— Кто-жъ васъ пуститъ? сказала Татьяна Марковна голосомъ, не требующимъ возраженія. — Еслибъ вы были здѣшняя, другое дѣло, а то изъ-за Волги! Что̀ мы, первый годъ знакомы съ вами?... Или обидѣть меня хотите?...

— Ахъ, Татьяна Марковна: я вамъ такъ благодарна, такъ благодарна! Вы лучше родной—и Николая моего избаловали, до того, что этотъ поросенокъ сегодня мнѣ вдругъ доро̀гой слилъ пулю: Татьяна Марковна, говоритъ, любитъ меня больше родной матери. Хотѣла я ему уши надрать, да на козлы ушелъ отъ меня и такъ гналъ лошадей, что я всю дорогу дрожала отъ страху.

У Татьяны Марковны вся важность опять сбѣжала съ лица.

— А вѣдь онъ чуть-чуть не правду сказалъ — начала она: вѣдь онъ у меня какъ свой! Наградилъ Богъ васъ сынкомъ....

— Помилуйте: онъ мнѣ житья не даетъ: ни шагу безъ спора и безъ ссоры не ступитъ....

— Милые бранятся, только тѣшатся!

— Вотъ вы его избаловали, Татьяна Марковна, онъ и забралъ себѣ въ голову....

Марья Егоровна замялась и начала топать ботинкой объ полъ, оглядыватъ и обдергивать на себѣ мантилью. Татьяна Марковна вдругъ выпрямилась и опять напустила на себя важность.

— Что такое? освѣдомилась она съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Жениться вздумалъ: чуть не убилъ меня до смерти вчера! Валяется по ковру, хватаетъ за ноги. Я браниться, а онъ поцѣлуями зажимаетъ ротъ, и смѣется, и плачетъ....

— Въ чемъ же дѣло? спросила Бережкова церемонно, едва выслушавъ эти подробности.

— Проситъ, молитъ поѣхать къ вамъ, просить руки Марѳы Васильевны.... конфузливо досказала Марья Егоровна.

Татьяна Марковна, съ несвойственнымъ ей жеманствомъ, слегка поклонилась. — Что̀ я ему скажу теперь? добавила Викентьева.

— Это такое важное дѣло, Марья Егоровна, подумавши, съ достоинствомъ сказала Татьяна Марковна, потупивъ глаза въ полъ, что вдругъ рѣшить я ничего не могу: надо подумать и поговорить тоже съ Марѳинькой. Хотя дѣвочки мои изъ повиновенія моего не выходятъ, но все я принуждать ихъ не могу....

— Марѳа Васильевна согласна: она любитъ Николеньку....

Марья Егоровна чуть не погубила дѣло своего сына.

— А почемъ онъ это знаетъ? вдругъ, вспыхнувъ, сказала Татьяна Марковна. — Кто ему сказалъ?

— Кажется, онъ объяснился съ Марѳой Васильевной... пробормотала сконфуженная барыня.

— За то, что Марѳинька отвѣчала на его объясненіе, она сидитъ теперь въ заперти въ своей комнатѣ въ одной юбкѣ, безъ башмаковъ! солгала бабушка для пущей важности.—А чтобъ вашъ сынъ не смущалъ бѣдную дѣвушку, я не велѣла принимать его въ домъ! опять солгала она для окончательной важности, и съ достоинствомъ поглядѣла на гостью, откинувшись къ спинкѣ дивана.

Та тоже вспыхнула.

— Еслибъ я предвидѣла, сказала она глубоко обиженнымъ голосомъ, что онъ впутаетъ меня въ непріятное дѣло, я бы отвѣчала вчера ему иначе. Но онъ такъ увѣрилъ меня, да и я сама до этой минуты была увѣрена—въ вашемъ добромъ расположеніи къ нему и ко мнѣ! Извините Татьяна Марковна, и поспѣшите освободить изъ заключенія Марѳу Васильевну... Виноватъ во всемъ *мой*: онъ и должен быть наказанъ... А теперь прощайте, и опять прошу извинить меня... Прикажите человѣку подавать коляску!...

Она даже потянулась къ звонку. Но Татьяна Марковна остановила ее за руку.

— Коляска ваша отложена, кучера, я думаю, мои люди на-

поили пьянымъ, и вы, милая Марья Егоровна, останетесь у меня и сегодня, и завтра, и цѣлую недѣлю...

— Помилуйте, послѣ того, что̀ вы сказали, послѣ гнѣва вашего на Марѳу Васильевну и на моего Колю? Онъ дѣйствительно заслуживаетъ наказанія... Я понимаю...

У Татьяны Марковны пропала вся важность. Морщины разгладились и радость засіяла въ глазахъ. Она сбросила на диванъ шаль и чепчикъ.

— Мочи нѣтъ — жарко! Извините, душечка, скиньте мантилью — вотъ такъ, и шляпку тоже. Видите, какая жара! Ну... мы ихъ накажемъ вмѣстѣ, Марья Егоровна: женимъ — у меня будетъ еще внукъ, а у васъ дочь. Обнимите меня, душенька! Вѣдь я только старый обычай хотѣла поддержать. Да видно не вездѣ пригожи они, эти старые обычаи! Вонъ я хотѣла остеречь ихъ моралью—и даже нравоучительную книгу въ подмогу взяла: цѣлую недѣлю читали - читали, и только кончили, а они въ туже минуту почти все это и продѣлали въ саду, что̀ въ книгѣ написано!... Вотъ вамъ и мораль! Какое сватовство и церемонія между нами! Обѣ мы знали, къ чему дѣло идетъ, и еслибъ не хотѣли этого—такъ не допустили бы ихъ слушать соловья.

— Ахъ, какъ вы напугали меня, Татьяна Марковна: не грѣхъ ли вамъ? сказала гостья, обнимая старушку.

— Не васъ бы слѣдовало, а его напугать! замѣтила Татьяна Марковна: вы ужъ не погнѣвайтесь, а я пожурю Николая Андреича. Послушайте, помолчите — я его постращаю: каковъ затѣйникъ!

— Какъ я вамъ буду благодарна! Вѣдь я бы не поѣхала ни за что къ вамъ такъ скоро, еслибъ онъ не напугалъ меня вчера тѣмъ, что ужъ говорилъ съ Марѳой Васильевной. Я знаю, какъ она васъ любитъ и слушается, и притомъ она дитя. Сердце мое чуяло бѣду. «Что онъ ей тамъ наговорилъ»? думала я всю ночь— и со страху не спала, не знала, какъ показаться къ вамъ на глаза: отъ него не добьешься ничего. Скачетъ, прыгаетъ, какъ ртуть, по комнатѣ. Я признаюсь, и согласилась больше для того, чтобъ онъ отсталъ, не мучилъ меня; думаю, послѣ дамъ ему нагоняй и назадъ возьму слово. Даже хотѣла подъучить васъ отказать, что будто не я, а вы... Не повѣрите, всю истрепалъ, измялъ! крику что у насъ было, шуму—ахъ, ты Господи, какое наказаніе съ нимъ!

— И я не спала. Моя-то смиренница ночью приползла ко мнѣ, вся дрожитъ, лепечетъ: «что̀ я надѣлала, бабушка, простите, простите, бѣда вышла!» Я испугалась, не знала, что̀ и подумать...

На силу она могла пересказать: разъ пять принималась, пока кончила.

— Что же у нихъ было? чтó ей *мой* наговорилъ?

Татьяна Марковна съ усмѣшкой махнула рукой.

— Ужъ и не знаю: кто изъ нихъ лучше — онъ или она? Какъ голуби!

Татьяна Марковна пересказала сцену, переданную Мареинькой съ стенографической вѣрностью. И обѣ засмѣялись сквозь слезы.

— Давно я думаю, что они—пара, Марья Егоровна,—говорила Бережкова: боялась только, что молоды ужъ очень оба. А какъ погляжу на нихъ, да подумаю, такъ вижу, что они никогда старше и не будутъ.

— Съ лѣтами придетъ и умъ, будутъ заботы—и созрѣютъ, договорила Марья Егоровна.—Оба они росли у насъ на глазахъ: гдѣ имъ было занимать мудрости, вѣдь не жили совсѣмъ!

Викентьевъ пришелъ, но не въ комнату, а въ садъ, и выжидалъ, не выглянетъ ли изъ окна его мать. Самъ онъ выглядывалъ изъ-за кустовъ. Но въ домѣ — тишина. Мать его и бабушка ужъ ускакали въ это время за сто верстъ впередъ. Онѣ слегка и прежде всего порѣшили вопросъ о приданомъ, потомъ перешли къ участи дѣтей, гдѣ и какъ имъ жить; служить ли молодому человѣку, и зимой жить въ городѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ—такъ настаивала Татьяна Марковна и ни за что не соглашалась на предложеніе Марьи Егоровны—отпустить дѣтей въ Москву, въ Петербургъ, и даже за границу. «Испортить хотите ихъ, говорила она: чтобъ они наглядѣлись тамъ «всякаго новаго распутства», нѣтъ, дайте мнѣ прежде умереть. Я не пущу Мареиньку, пока она не пріучится быть хозяйкой и матерью!» И разсуждая такъ, онѣ дошли чуть не до третьяго ребенка, когда вдругъ Марья Егоровна увидѣла, что изъ-за куста, то высунется, то спрячется, чья-то голова. Она узнала сына и указала Татьянѣ Марковнѣ. Обѣ позвали его и онъ рѣшился войдти, но прежде долго возился въ передней, будто чистился, оправлялся.

— Милости просимъ, Николай Андреичъ! ядовито поздоровалась съ нимъ Татьяна Марковна, а мать смотрѣла на него иронически. Онъ быстро взглядывалъ, то на ту, то на другую, и ерошилъ голову.

— Здравствуйте, Татьяна Марковна, сунулся онъ поцѣловать у ней руку: я вамъ привезъ *концерты* въ *билетъ*... началъ онъ скороговоркой.

— Что ты мелешь, опомнись... остановила его мать.

— Охъ: билеты въ концертъ, благотворительный: я взялъ и

вамъ, маменька, и Вѣрѣ Васильевнѣ, и Марѳѣ Васильевнѣ, и Борису Павлычу... Отличный концертъ: первая пѣвица изъ Москвы...

— Зачѣмъ намъ въ концертъ? сказала бабушка, глядя на него искоса: у насъ соловьи въ рощѣ хорошо поютъ. Вотъ ужо̀ пойдемъ ихъ слушать даромъ.

Марья Егоровна закусила отъ смѣха губу. Викентьевъ сконфузился, потомъ засмѣялся, потомъ вскочилъ.

— Я въ канцелярію теперь пойду, сказалъ онъ. Но Татьяна Марковна удержала его.

— Сядьте, Николай Андреичъ, да послушайте, что̀ я вамъ скажу—серьезно заговорила она.

Онъ видѣлъ, что собирается гроза, и началъ метаться въ безпокойствѣ, не зная, чѣмъ отвратить ее. Онъ поджималъ подъ себя ноги и клалъ церемонно шляпу на колѣни, или вдругъ вскакивалъ, подходилъ къ окну и высовывался изъ него почти до колѣнъ.

— Сиди же смирно, когда Татьяна Марковна съ тобою говорить хочетъ — сказала мать.

— Что̀ ваша совѣсть говоритъ вамъ? начала пилить Бережкова: какъ вы оправдали мое довѣріе? А еще говорите, что любите меня и что я люблю васъ—какъ сына: а развѣ добрые дѣти такъ поступаютъ? Я считала васъ скромнымъ, послушнымъ, думала, что вы сбивать съ толку бѣдную дѣвочку не станете, пустяковъ ей не будете болтать... Она—остановилась. Онъ мрачно посмотрѣлъ на мать.

— Что́! сказала она: по дѣломъ тебѣ!

— Татьяна Марковна, я не успѣлъ нынче позавтракать: нѣтъ ли чего? вдругъ попросилъ онъ: я голоденъ...

— Видите, какой хитрый! сказала Бережкова, обращаясь къ его матери.—Онъ знаетъ мою слабость, а мы думали, что онъ дитя! Не поддѣли, не удалось: хоть и проситесь въ женихи!

Викентьевъ обернулъ шляпу вверхъ дномъ и забарабанилъ по ней пальцами.

— Не треплите шляпу: она не виновата, а лучше скажите, съ чего это вы вздумали, что за васъ отдадутъ Марѳиньку?

Вдругъ у него краска сбѣжала съ лица—онъ съ горестнымъ изумленіемъ взглянулъ на Татьяну Марковну, потомъ на мать.

— Послушайте, не шутите со мной, сказалъ онъ въ тревогѣ; если это шутка, такъ она жестока. Шутите вы, Татьяна Марковна, или нѣтъ?

— А вы какъ думаете?

— Думаю, что шутите: вы добрая, не то что...

Онъ поглядѣлъ на мать.

— Каковъ волченокъ, Татьяна Марковна!

— Нѣтъ: не шутя скажу, что не хорошо сдѣлалъ, батюшка, что заговорилъ съ Марѳинькой, а не со мной. Она дитя, какъ бываютъ дѣти, и безъ моего согласія ничего бы не сказала. Ну, а еслибъ я не согласилась?

— Такъ вы согласились! вдругъ вспрыгнувъ, сказалъ онъ.

— Погоди, погоди—сядь, сядь! обѣ закричали на него.

— Съ другой бы, можетъ быть, такъ и надо сдѣлать, а не съ ней, продолжала Татьяна Марковна.—Тебѣ, сударь, надо было тихонько сказать мнѣ, а я бы съумѣла, лучше тебя, допытаться у нея, любитъ она или нѣтъ? А ты самъ вздумалъ....

— Ейбогу, нечаянно... Татьяна Марковна...

— Да не божитесь: даже слушать тошно...

— Все проклятый соловей надѣлалъ...

— Вотъ теперь «проклятый», а вчера такъ не зналъ цѣны ему.

— Я и не думалъ, и въ голову не приходило—ейбогу... Однако позвольте доложить, въ свое оправданіе, вотъ что: торопился высказать Викентьевъ и ерошилъ голову, и смѣло смотрѣлъ въ глаза имъ обѣимъ.

— Вы хотите, чтобъ я поступилъ, какъ послушный, благонравный мальчикъ, т. е. съѣздилъ бы къ тебѣ, маменька, и спросилъ твоего благословенія, потомъ обратился бы къ вамъ, Татьяна Марковна, и просилъ бы быть истолковательницей моихъ чувствъ, потомъ черезъ васъ получилъ бы *да* и при свидѣтеляхъ выслушалъ бы признаніе невѣсты, съ глупой рожей поцѣловалъ бы у ней руку, и оба, не смѣя взглянуть другъ на друга, играли бы комедію, любя съ позволенія старшихъ... Развѣ это счастье?

— А по твоему лучше: ночью въ саду нашептывать дѣвушкѣ... перебила мать.

— Лучше, maman: вспомни себя...

— Каковъ, ахъ ты! обѣ закричали на него: — откуда это у него берется? Соловей что ли, сказалъ тебѣ?

— Да, соловей, онъ пѣлъ, а мы росли: онъ намъ все разсказалъ, и пока мы съ Марѳой Васильевной будемъ живы — мы забудемъ многое, все, но этого соловья, этого вечера, шепота въ саду и ея слезъ никогда не забудемъ. Это-то счастье и есть, первый и лучшій шагъ его—и я благодарю Бога за него и благодарю васъ обѣихъ, тебя, мать, и васъ, бабушка, что вы обѣ благословили насъ... Вы это сами думаете, да только такъ, изъ упрямства, не хотите сознаться: это не честно...

У него даже навернулись слезы.

— Еслибъ надо было опять начать, я опять вызвалъ бы Мароиньку въ садъ... добавилъ онъ.

Татьяна Марковна въ умиленіи обняла его.

— Богъ тебя проститъ, добрый, милый внучекъ! Такъ, такъ: ты правъ, съ тобой, а не съ другимъ, Мароинька только и могла слушать соловья...

Викентьевъ бросился на колѣни.

— Бабушка, бабушка! говорилъ онъ.

— Вотъ ужъ и бабушка: не рано ли сталъ величать? Да и къ лицу ли тебѣ жениться? погоди года два, три — созрѣй.

— Поумнѣй! подсказала мать: перестань повѣсничать...

— Если бъ вы обѣ не согласились, сказалъ онъ: я бы...

— Что̀?

— Уѣхалъ бы сегодня же отсюда: и въ гусары пошелъ бы, и долговъ надѣлалъ бы, совсѣмъ пропалъ бы!

— Еще грозитъ! сказала Татьяна Марковна: я вольничать въ домѣ не дамъ — сударь!

— Отдайте мнѣ только Мароу Васильевну и я буду тише воды, ниже травы: буду слушаться, даже ничего.... не съѣмъ безъ вашего спроса...

— Полно, такъ ли?

— Такъ, такъ—ейбогу....

— Еще отстаньте отъ божбы, а то...

Онъ бросился цѣловать руки Бережковой.

— А кушать все хочется? спросила Татьяна Марковна.

— Нѣтъ, ужъ мнѣ теперь не до ѣды.

— Что жъ: ужъ не отдать ли за него Мароиньку, Марья Егоровна?

— Не стоитъ, Татьяна Марковна: да и рано. Пусть бы года два...

Онъ налетѣлъ на мать и поцѣлуемъ залѣпилъ ей ротъ.

— Видите, какого сорванца вы пускаете въ домъ? говорила мать, оттолкнувъ его прочь.

— Со мной не смѣетъ, я его уйму—подойди-ка сюда...

Онъ подошелъ къ Татьянѣ Марковнѣ: она его перекрестила и поцѣловала въ лобъ.

— Ухъ! сказалъ онъ, садясь: мучительницы обѣ: зачѣмъ такъ терзали — силъ нѣтъ!

— Впередъ будь умнѣе!

— Гдѣ же Мароа Васильевна?... я побѣгу....

— Погоди, имѣй терпѣнье... онѣ у меня не такія верченыя! сказала бабушка.

— Опять терпѣніе!

— Теперь оно и начинается: полно скакать и бѣгать, ты не мальчикъ, да и она не дитя. Вѣдь самъ говоришь, что соловей вамъ растолковалъ обоимъ, что вы «созрѣли» — ну, такъ и остепенись!

Онъ немного смутился отъ этого справедливаго замѣчанія и скромно остался въ гостиной, пока пошли за Мароинькой.

— Ни за что не пойду! И сохрани Господи! отвѣчала она и Маринѣ и Василисѣ. Наконецъ, сама бабушка съ Марьей Егоровной отыскали ее за занавѣсками постели, въ углу, подъ образами, и вывели ее оттуда, раскраснѣвшуюся, не одѣтую, старающуюся закрыть лице руками. Обѣ принялись цѣловать ее и успокоивать. Но она на отрѣзъ отказалась идти къ обѣду и къ завтраку, пока всѣ не перебывали у ней въ комнатѣ и не поздравили по очереди.

Точно также она убѣгала и отъ каждаго гостя, который пріѣзжалъ поздравлять, когда вѣсть пронеслась по городу.

Вѣра съ покойной радостью услыхала, когда бабушка сказала ей объ этомъ: «я давно ждала этого» — сказала она.

— Теперь, еслибъ Богъ далъ пристроить тебя... начала было Татьяна Марковна со вздохомъ, но Вѣра остановила ее.

— Бабушка! сказала она съ торопливымъ трепетомъ: ради Бога, если любите меня, какъ я васъ люблю... то обратите всѣ попеченія на Мароиньку. Обо мнѣ не заботьтесь...

— Развѣ я тебя меньше люблю? Можетъ быть, у меня сердце больше болитъ по тебѣ...

— Знаю, и это мучаетъ меня.... Бабушка! почти съ отчаяніемъ молила Вѣра—вы убьете меня, если у васъ сердце будетъ болѣть обо мнѣ....

— Что̀ ты говоришь, Вѣрочка? опомнись....

— Это убьетъ меня, я говорю не шутя, бабушка.

— Да чѣмъ, чѣмъ: что̀ у тебя на умѣ, что̀ на сердцѣ? говорила тоже почти съ отчаяніемъ бабушка: развѣ не станетъ разумѣнія моего, или сердца у меня нѣтъ, что твое счастье или несчастье... чужое мнѣ?..

— Бабушка! у меня другое счастье и другое несчастье, нежели у Мароиньки. Вы добры, вы умны, дайте мнѣ свободу...

— Ты успокой меня: скажи только, что̀ съ тобой?..

— Ничего, бабушка, нѣтъ: только не старайтесь пристроивать меня...

— Ты горда, Вѣра! съ горечью сказала старушка.

— Да, бабушка—можетъ быть: что же мнѣ дѣлать?

— Не Богъ вложилъ въ тебя эту гордость!

Вѣра не отвѣчала, но страдала невыразимо отъ того, что бабушка не понимала ее, что она не могла растолковать себя ей. Она металась въ тоскѣ.

— Открой мнѣ душу: я пойму, можетъ быть, съумѣю облегчить горе, если есть...

— Когда оно настанетъ—и я не справлюсь одна.... тогда я приду къ вамъ—и ни къ кому больше, да къ Богу! Не мучьте меня теперь и не мучьтесь сами.... Не ходите, не смотрите за мной....

— Не поздно ли будетъ тогда, когда горе придетъ?.. прошептала бабушка.—Хорошо, прибавила она вслухъ: успокойся, дитя мое! я знаю, что ты не Мареинька, и тревожить тебя не стану.

Она поцѣловала ее со вздохомъ и ушла скорыми шагами, понуривъ голову. Это было единственное темное облачко, помрачавшее ея радость: и она усердно молилась, чтобы оно пронеслось, не сгустившись въ тучу.

Вѣра долго ходила взволнованная по саду и мало по малу успокоилась. Въ бесѣдкѣ она увидѣла Мареиньку и Викентьева и быстро пошла къ нимъ. Она еще не сказала ни слова Мареинькѣ послѣ новости, которую узнала утромъ.

Она подошла къ ней, пристально и ласково поглядѣла ей въ глаза, потомъ долго цѣловала ей глаза, губы, щеки. Положивъ ея голову, какъ ребенка, на руку себѣ, она любовалась ея чистой, младенческой красотой, и крѣпко сжала въ объятіяхъ.

— Ты должна быть счастлива! сказала она.

— И будетъ! подсказалъ Викентьевъ.

— Ты, Вѣрочка, будешь еще счастливѣе меня! отвѣчала Мареинька, краснѣя.—Посмотри, какая ты красавица, какая умная—мы съ тобой—какъ будто не сестры! здѣсь нѣтъ тебѣ жениха. Правда, Николай Андреевичъ?

Вѣра ничего не отвѣчала и пожала ей руку.

— Николай Андреевичъ, знаете ли, кто она? спросила Вѣра, указывая на Мареиньку.

— Ангелъ! отвѣчалъ онъ безъ запинки, какъ солдатъ на перекличкѣ.

— Ангелъ! съ улыбкой передразнила она его.

— Вонъ она кто, сказала она, указывая на кружившуюся около цвѣтка бабочку: троньте неосторожно, цвѣтъ крыльевъ пропадетъ, пожалуй, и совсѣмъ крыло оборвете. Смотрите же, балуйте, любите, ласкайте ее, но Боже сохрани—огорчить! Когда придетъ охота обрывать крылья, такъ идите ко мнѣ: я васъ тогда!.. заключила она, ласково погрозивъ ему.

XIX.

Черезъ недѣлю послѣ радостнаго событія, все въ домѣ пришло въ прежній порядокъ. Мать Викентьева уѣхала къ себѣ, Викентьевъ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ и почти членомъ семьи. И онъ, и Марѳинька, не скакали уже: оба были сдержаннѣе, и только иногда живо спорили, или пѣли, или читали вдвоемъ.

Но между ними не было мечтательнаго, поэтическаго размѣна чувствъ, ни оборота тонкихъ, изысканныхъ мыслей, съ безконечными оттѣнками ихъ, съ роскошнымъ узоромъ фантазіи — всей этой игрой, этихъ изящныхъ и неистощимыхъ наслажденій развитыхъ умовъ. Духъ анализа тоже не касался ихъ, и пищею обмѣна ихъ мыслей была прочитанная повѣсть, доходившія изъ столицы новости, да поверхностныя впечатлѣнія окружающей природы и быта. Поэзія, чистая, свѣжая, природная, всѣмъ ясная и открытая, билась живымъ родникомъ — въ ихъ здоровьи, молодости, открытыхъ, неиспорченныхъ сердцахъ. Ихъ не манила даль къ себѣ; у нихъ не было никакого тумана, никакихъ гаданій. Перспектива была ясна, проста, и обоимъ имъ одинаково открыта. Горизонтъ наблюденій и чувствъ ихъ былъ тѣсенъ. Марѳинька зажимала уши, или уходила вонъ, лишь только онъ, въ объясненіяхъ своихъ, выйдетъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ выраженій, и заговоритъ о любви къ ней языкомъ романа или повѣсти. Ихъ сближеніе было просто и естественно, какъ указывала натура, сдержанная чистой нравственностью и облагороженная моралью бабушки. Марѳинька до свадьбы не дала ему ни одного поцѣлуя, никакой почти лишней противъ прежняго ласки—и на украденный имъ поцѣлуй продолжала смотрѣть, какъ на дерзость, и грозила уйдти, или пожаловаться бабушкѣ. Но неумышленно, когда онъ не дѣлалъ никакихъ любовныхъ прелюдій, а просто бралъ ее за руку, она давала ему руку, брала сама его руку, опиралась ему довѣрчиво на плечо, позволяла переносить себя черезъ лужи, и даже, шаля, ерошила ему волосы, или напротивъ возьметъ гребенку, щетку, близко подойдетъ къ нему, такъ-что головы ихъ касались, причешетъ его, сдѣлаетъ проборъ и пожалуй напомадитъ голову. Но если онъ возьметъ ее въ это время за талію, или поцѣлуетъ, она покраснѣетъ, броситъ въ него гребенку и уйдетъ прочь.

Свадьба была отложена до осени по какимъ-то хозяйственнымъ соображеніямъ Татьяны Марковны — и въ домѣ постепенно готовили приданое. Изъ кладовыхъ вынуты были старинныя кружева, отобрано было родовое серебро, золото, раз-

дѣлены на двѣ равныя половины посуда, бѣлье, мѣха, разныя вещи, жемчугъ, брильянты. Татьяна Марковна, съ аккуратностью жида, пускалась опредѣлять золотники, караты, взвѣшивала жемчугъ, призывала ювелировъ, золотыхъ и другихъ дѣлъ мастеровъ.

— Вотъ, смотри, Вѣрочка, это твое, а это Мароинькино — ни одной нитки жемчугу, ни одного лишняго лота, ни та, ни другая, не получитъ. Смотрите обѣ!

Но Вѣра не смотрѣла. Она отодвигала кучу жемчуга и брильянты, смѣшивала ихъ съ Мароинькиными и объявила, что ей немного надо. Бабушка сердилась и опять принималась разбирать и дѣлить на двѣ половины. Райскій выписалъ отъ опекуна еще свои фамильные брильянты и серебро, доставшееся ему послѣ матери и подарилъ ихъ обѣимъ сестрамъ. Но бабушка погребла ихъ въ глубину своихъ сундуковъ, до поры до времени: «понадобятся и самому», говорила она: «вздумаешь жениться.» Онъ закрѣпилъ и домъ съ землей и деревней за обѣими сестрами, за что́ обѣ онѣ опять по своему благодарили его. Бабушка хмурилась, косилась, ворчала, потомъ не выдержала и обняла его. «Совсѣмъ необыкновенный ты, Борюшка: сказала она — какой-то хорошій уродъ! Богъ тебя вѣдаетъ, кто ты есть!»

Въ домѣ, въ дѣвичьей, въ кабинетѣ бабушки, даже въ гостиной, и еще двухъ комнатахъ, разставлялись столы съ шитьемъ бѣлья. Готовили парадную постель, кружевныя подушки, одѣяло. По утрамъ ходили портнихи, швеи. Викентьевъ выпросился въ Москву заказывать гардеробъ, экипажи — и тутъ только проговорилось чувство Мароиньки: она залилась обильными слезами, отъ которыхъ у ней распухли носъ и глаза. Глядя на нее заплакалъ и Викентьевъ, не отъ горя, а потому, объяснялъ онъ, что не можетъ не заплакать, когда плачутъ другіе, и не смѣяться тоже не можетъ, когда смѣются около него. Мароинька поглядѣла на него, сквозь слезы, и вдругъ перестала плакать. «Я не пойду за него — бабушка: посмотрите, онъ и плакать-то не умѣетъ путемъ! У людей слезы по щекамъ текутъ, а у него по носу: вонъ какая слеза, съ горошину, повисла на самомъ концѣ!»... Онъ поспѣшно утеръ слезу. «У меня, видите, такой желобокъ есть, прямо къ носу»... сказалъ онъ и сунулся было поцѣловать у невѣсты руку, но она не дала. Черезъ часъ послѣ его отъѣзда, она, по прежнему, уже пѣла: *Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя!* На дворъ приводили лошадей, за которыми Викентьевъ ѣздилъ куда-то на заводъ. Словомъ, домъ кипѣлъ веселою дѣятельностью, которой не замѣчали только Райскій и Вѣра.

Райскій ничего впрочемъ не замѣчалъ, кромѣ ея. Онъ старался развлекаться, ѣздилъ верхомъ по полямъ, дѣлалъ даже визиты.

У губернатора встрѣчалъ нѣсколько совѣтниковъ, какого-нибудь крупнаго помѣщика, посланнаго изъ Петербурга адъютанта; разговоры шли о томъ, чтò дѣлается въ Петербургскомъ мірѣ, или о деревенскомъ хозяйствѣ, объ откупахъ. Но все это мало развлекало его. Онъ, между прочимъ, нехотя, но исполнилъ просьбу Марка и сказалъ губернатору, что книги привезъ онъ и далъ кое-кому изъ знакомыхъ, а тѣ ужъ передали въ гимназію. Книги отобрали и сожгли. Губернаторъ посовѣтовалъ Райскому быть осторожнѣе, но въ Петербургъ не донесъ, чтобъ «не возбуждать тамъ вопроса».

Маркъ, по своему, опять ночью, пробрался къ нему черезъ садъ, чтобъ узнать, чѣмъ кончилось дѣло. Онъ и не думалъ благодарить за эту услугу Райскаго, а только сказалъ, что такъ и слѣдовало сдѣлать, и что онъ ему, Райскому, уже тѣмъ однимъ много сдѣлалъ чести, что ожидалъ отъ него такого простого поступка, потому что поступить иначе, значило бы быть «доносчикомъ и шпіономъ.»

Леонтья Райскій видалъ рѣдко и въ домъ къ нему избѣгалъ ходить. Тамъ, страстными взглядами и съ затаеннымъ смѣхомъ въ неподвижныхъ чертахъ, встрѣчала его внутренно торжествующая Ульяна Андреевна. А его угрызало воспоминаніе о томъ, какъ онъ великудушно исполнилъ свой «долгъ». Онъ хмурился и спѣшилъ вонъ. Она употребила другой маневръ: сказала мужу, что другъ его знать ее не хочетъ, не замѣчаетъ, какъ будто она была мебель въ домѣ, пренебрегаетъ ею, что это ей очень обидно и что виноватъ во всемъ мужъ, который не умѣетъ привлечь въ домъ порядочныхъ людей и заставить уважать жену.

— Поговори хоть ты, жаловалась она: отложи свои книги, займись мною!

Козловъ въ тотъ же вечеръ буквально исполнилъ порученіе жены, когда Райскій остановился у его окна.

— Зайди, Борисъ Павловичъ: ты совсѣмъ меня забылъ, сказалъ онъ: вонъ и жена жалуется.....

— А она на что жалуется? спросилъ Райскій, входя въ комнату.

— Да думаетъ, что ты пренебрегаешь ею. Я говорю ей, вздоръ: онъ не гордъ совсѣмъ—вѣдь ты не гордъ? да? Но онъ, говорю, поэтъ: у него свои идеалы — до тебя ли, рыжей, ему? Ты бы ее побаловалъ, Борисъ Павловичъ: зашелъ бы къ ней когда-нибудь безъ меня, когда я въ гимназіи.

Райскій, отворотясь отъ него, смотрѣлъ въ окно.

— Или еще лучше: приходи по четвергамъ, да по субботамъ вечеромъ: въ эти дни я въ трехъ домахъ уроки даю. Почти въ полночь прихожу домой. Вотъ ты и пожертвуй вечеръ: поволочись немного, пококетничай! Вѣдь ты любишь болтать съ бабами! А она только тобой и бредитъ....

Райскій сталъ глядѣть въ другое окно.

— Самъ я не умѣю, продолжалъ Леонтій: извѣстно, мужъ — она любитъ, я люблю — мы любимъ... Это спряженіе мнѣ и въ гимназіи надоѣло. Вся ея любовь — всѣ ея заботы, жизнь — все мое.....

Райскій кашлянулъ. «Хоть бы намекнуть какъ-нибудь ему!» подумалъ онъ.

— Полно — такъ-ли, Леонтій? сказалъ онъ.

— А какъ же?

— «Вся любовь», говоришь ты?

— Да, конечно. Она даже ревнуетъ меня къ моимъ грекамъ и римлянамъ. Она ихъ терпѣть не можетъ: живыхъ людей любитъ, добродушно смѣясь заключилъ Козловъ.—Эти женщины, право, однѣ и тѣже во всѣ времена, продолжалъ онъ.—Вонъ у римскихъ матронъ, даже у женъ кесарей, консуловъ, патриціевъ — всегда хвостъ цѣлый..... Мнѣ—Богъ съ ней: мнѣ не до нея, это домашнее дѣло. У меня есть занятіе. Заботлива, вѣрна — и я иногда, признаюсь, шепотомъ прибавилъ онъ: измѣняю ей, забываю, есть-ли она въ домѣ, нѣтъ ли.....

— Напрасно! сказалъ Райскій.

— Не́когда: вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ попались мнѣ два нѣмецкихъ тома — Ѳукидидъ и Тацитъ. Нѣмцы и того и другого чуть наизнанку не выворотили. Знаешь, и у меня терпѣнія не хватило услѣдить за мелочью. Я зарылся,—а ей, говоритъ она, «тошно смотрѣть на меня!» Вотъ хоть ты бы зашелъ. Спасибо еще французъ Шарль не забываетъ... Болтунъ веселый — ей и не скучно!

— Прощай, Леонтій, сказалъ Райскій. — Напрасно ты пускаешь этого Шарля!....

— А что̀? не будь его, вѣдь она бы мнѣ покоя не дала. Отъ чего не пускать?

— А чтобъ не было «хвоста», какъ у римскихъ матронъ.

— Къ моей Улинькѣ, какъ къ женѣ кесаря, не смѣетъ коснуться и подозрѣніе!.. съ юморомъ замѣтилъ Козловъ.—Приходи же — я ей скажу.....

— Нѣтъ, не говори, да не пускай и Шарля! сказалъ Райскій, уходя проворно вонъ.

Къ Полинѣ Карповнѣ Райскій не показывался, но она показывалась къ нему въ домъ, надоѣдая, то ему — своими прѣсными нѣжностями, то бабушкѣ — непрошенными совѣтами на счетъ свадебныхъ приготовленій, и особенно — размышленіями о томъ, что «бракъ есть могила любви», что избранныя сердца, не смотря на всѣ препятствія, встрѣчаются и внѣ брака, при чемъ нѣжно поглядывала на Райскаго. Онъ раза два еще писалъ ея портретъ и все не кончалъ, говоря, что не придумалъ, во что ее одѣть и какой цвѣтокъ нарисовать на груди. «Желтая далія мнѣ будетъ къ лицу — я брюнетка!» совѣтовала она. «Хорошо, послѣ, послѣ!» отдѣлывался онъ.

Титъ Никонычъ являлся всегда одинакій, вѣжливый, любезный, подходящій къ ручкѣ бабушки и подносящій ей цвѣтокъ, или рѣдкій фруктъ. Опенкинъ, всегда рѣчистый, неугомонный, подъ конецъ пьяный, — барыни и барышни, являвшіяся теперь потанцовать къ невѣстѣ, и молодые люди, — все это надоѣдало Райскому и Вѣрѣ — и оба они искали, онъ — ее, а она — уединенія, и были только счастливы, онъ — съ нею, а она — одна, когда ее никто не видитъ, не замѣчаетъ, когда она пропадаетъ «какъ духъ» въ деревню, съ обрыва въ рощу, или за Волгу, къ своей попадьѣ.

XX.

«Вотъ страсти хотѣлъ, — размышлялъ Райскій: напрашивался на нее, а не знаю, страсть-ли это! Я ощупываю себя, есть ли страсть, какъ будто хочу узнать, цѣлы-ли у меня ребра, или нѣтъ-ли какого-нибудь вывиха? Вонъ и сердце не стучитъ! Видно я самъ неспособенъ испытывать страсть!»

Между тѣмъ Вѣра не шла у него съ ума. «Если она не любитъ меня, какъ говоритъ и какъ видно по всему, то зачѣмъ удержала меня? зачѣмъ позволила любить? Кокетство, капризъ, или... Надо бы допытаться...» шепталъ онъ.

Онъ искалъ глазами ее въ саду и замѣтилъ у окна ея комнаты.

Онъ подошелъ къ ея окну.

— Вѣра! Можно придти къ тебѣ? спросилъ онъ.

— Можно, только не надолго.

— Вотъ ужъ и не надолго. Лучше бы не предупреждала, а когда нужно — и прогнала бы, — сказалъ онъ, войдя и садясь напротивъ. — Отчего же не надолго?

— Оттого, что я скоро уѣду на островъ. Туда пріѣдетъ Натали и Иванъ Ивановичъ, и Николай Ивановичъ...

— Это священникъ?

— Да: онъ рыбу ловить собирается, а Иванъ Ивановичъ зайцевъ стрѣлять.

— Вотъ и я бы пришелъ.

Она молчала.

— Или не надо?

— Лучше не надо, а то вы разстроите нашъ кружокъ. Священникъ начнетъ умныя вещи говорить, Натали будетъ дичиться, а Иванъ Ивановичъ промолчитъ все время.

— Ну, не приду, сказалъ онъ, и положивъ подбородокъ на руки, сталъ смотрѣть на нее. Она оставалась нѣсколько времени безъ дѣла, потомъ вынула изъ стола портфёль, сняла съ шеи маленькій ключикъ и отперла, приготовляясь писать.

— Что это, не письма ли?

— Да, двѣ записки, одну въ отвѣтъ на приглашеніе Натальи Ивановны. Кучеръ ждетъ.

Она написала нѣсколько словъ и запечатала.

— Послушайте, братъ — закричите кого-нибудь въ окно. — Онъ исполнилъ ея желаніе, Марина пришла и получила приказаніе отдать записку кучеру Василью. Потомъ Вѣра сложила руки.

— А другую записку? спросилъ Райскій.

— Еще успѣю.

— А! Значитъ секретъ!

— Можетъ быть!

— Долго ли, Вѣра, у тебя будутъ секреты отъ меня?

— Если будутъ, такъ будутъ всегда.

— Еслибъ ты знала меня короче — ты бы ихъ всѣ ввѣрила мнѣ, сколько ихъ ни есть...

— Зачѣмъ?

— Такъ нужно — я люблю тебя.

— А мнѣ не нужно...

— Но вѣдь это единственный способъ отдѣлаться отъ меня, если я тебѣ несносенъ.

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы нѣсколько измѣнились, я не хочу отдѣлываться отъ васъ.

— И даже позволила любить себя.

— Я пробовала запретить — что̀ же вышло?

— И ты рѣшилась махнуть рукой?

— Да, оставить вамъ на волю: думала, лучше пройдетъ, нежели когда мѣшаешь. Кажется, такъ и вышло... Вы же сами учили, что «противорѣчія только раздражаютъ страсть...»

— Какая однако ты хитрая! сказалъ онъ, глядя на нее лукаво. — А зачѣмъ остановила меня, когда я хотѣлъ уѣхать?

— Не уѣхали бы: исторія съ чемоданомъ мнѣ все разсказала.

— Такъ ты думаешь, страсть прошла?

— Никакой страсти не было: самолюбіе, воображеніе. Вы артистъ: влюбляетесь во всякую красоту...

— Пожалуй, въ красоту болѣе или менѣе, но ты — красота красотъ, всяческая красота! Ты — бездна, въ которую меня влечетъ невольно: голова кружится, сердце замираетъ — хочется счастья — пожалуй, вмѣстѣ съ гибелью. И въ гибели есть какое-то обаяніе...

— Это вы уже все говорили — и это нехорошо.

— Отчего нехорошо?

— Нехорошо.

— Да почему?

— Потому что... преувеличенно... слѣдовательно — ложь.

— А если правда, если я искрененъ?

— Еще хуже.

— Почему?

— Потому что безнравственно.

— Вотъ тебѣ разъ! Вѣра!... Помилуй! Ты точно бабушка!

— Да, на этотъ разъ я на ея сторонѣ.

— Безнравственно!

— Безнравственно: вы идете по слѣдамъ Донъ-Жуана: но вѣдь и тотъ гадокъ...

— Говори мнѣ, что я гадокъ, если я гадокъ, Вѣра, а не бросай камень въ то, чего не понимаешь. Искренній Донъ-Жуанъ чистъ и прекрасенъ: онъ гуманный, тонкій артистъ, типъ — chef-d'oeuvre между человѣками. Такихъ конечно немного. Я увѣренъ, что въ байроновскомъ Донъ-Жуанѣ пропадалъ художникъ. Это влеченіе къ всякой видимой красотѣ, всего болѣе къ красотѣ женщины, какъ лучшаго созданія природы, обличаетъ высшіе человѣческіе инстинкты, влеченіе и къ другой красотѣ, невидимой, къ идеаламъ добра, изящества души, къ красотѣ жизни! Наконецъ, подъ этими нѣжными инстинктами, у тонкихъ натуръ кроется потребность всеобъемлющей любви! Въ толпѣ, въ грязи, въ тѣснотѣ, грубѣютъ эти тонкіе инстинкты природы... Во мнѣ есть немного этого чистаго огня: и если онъ не остался до конца чистымъ, то виноваты... многіе... и даже сами женщины...

— Можетъ быть, братъ, я не понимаю Донъ-Жуана; я готова вѣрить вамъ... Но зачѣмъ вы выражаете страсть ко мнѣ, когда знаете, что я не раздѣляю ее?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ахъ, вы все еще надѣетесь! сказала она съ удивленіемъ.

— Я тебѣ сказалъ, что во мнѣ не можетъ умереть надежда, пока я не узнаю, что ты не свободна, любишь кого-нибудь...

— Хорошо, братъ: положимъ, что я могла бы раздѣлить вашу страсть — тогда что̀?

— Какъ что̀? Обоюдное счастье!

— Вы увѣрены, что могли бы дать его мнѣ?

— Я — о Боже, Боже! съ пылающими глазами началъ онъ: — да я всю жизнь отдалъ бы — мы поѣхали бы въ Италію — ты бы была моей женой...

Она поглядѣла на него нѣсколько времени.

— Сколько разъ вы предлагали женщинамъ такое счастье? спросила она.

— Бывали, конечно, встрѣчи, но такого сильнаго впечатлѣнія никогда...

— Скажите еще: сколько разъ говорили вы вотъ эти самыя слова: не каждой ли женщинѣ при каждой встрѣчѣ?

— Что̀ ты хочешь сказать этими вопросами, Вѣра? Можетъ быть, я говорилъ и многимъ, но никогда такъ искренно.

Она глядѣла на него, а онъ на нее.

— Кто тебя развилъ такъ, Вѣра? спросилъ онъ.

— Довольно, перебила она. — Вы высказались въ короткихъ словахъ. Видите ли, вы дали бы мнѣ счастье на полгода, на годъ, можетъ быть больше, словомъ до новой встрѣчи, когда красота, новѣе и сильнѣе, поразила бы васъ и вы увлеклись бы за нею, а я потомъ — какъ себѣ хочу! Сознайтесь, что такъ?

— Почему ты знаешь это? Зачѣмъ такъ судишь меня легко? Откуда у тебя эти мысли, какъ ты узнала ходъ страстей?..

— Я хода страстей не знаю, но узнала немного васъ — вотъ и все.

— Что̀-жъ ты узнала и отъ кого?

— Отъ васъ самихъ.

— Отъ меня? Когда?

— Какая же у васъ слабая память! Не вы ли разсказывали, какъ васъ тронула красота Бѣловодовой и какъ напрасно вы бились пробудить въ ней... лучь... или ключъ... или... ужь не помню, какъ вы говорили, только очень поэтически...

— Бѣловодова! Это — статуя, прекрасная, но холодная, и безъ души. Ее могъ бы полюбить развѣ Пигмаліонъ...

— А Наташа?

— Наташа! Развѣ я тебѣ говорилъ о Наташѣ?

— Забыли!

— Наташа была хорошенькая, но безцвѣтная, робкая натура. Она жила, пока грѣли лучи солнца, пока любовь обдавала ее тепломъ, а при первой невзгодѣ она надломилась и зачахла. Она родилась, чтобъ какъ можно скорѣе умереть.

— А о Мареинькѣ что́ говорили? Чуть не влюбились.

— Это все такъ, легкія впечатлѣнія: на одинъ, на два дня... Все равно, какъ бы я любовался картиной... Развѣ это преступленіе — почувствовать прелесть красоты, какъ теплоты солнечныхъ лучей, подчиниться на недѣлю-другую впечатлѣнію, не давая ему серьезнаго хода?...

— А самое сильное впечатлѣніе на полгода? Такъ?

— Нѣтъ, не такъ. Еслибъ, напримѣръ, ты раздѣлила мою страсть, мое впечатлѣніе упрочилось бы навсегда, мы бы женились.... Стало быть на всю жизнь. Идеалъ полнаго счастья у меня неразлученъ съ идеаломъ семьи...

— Послушайте, братъ. Вспомните самое сильное изъ вашихъ прежнихъ впечатлѣній и представьте, что та женщина, которая его на васъ сдѣлала, была бы теперь вашей женой...

— Кто тебя развиваетъ, ты вотъ что́ скажи, а ты все уклоняешься отъ отвѣта!

— Да вы сами. Я все изъ вашихъ разговоровъ почерпаю.

— Ты прелесть, Вѣра: ты наслажденіе: у тебя столько же красоты въ умѣ, сколько въ глазахъ! Ты вся — поэзія, грація, тончайшее произведеніе природы! — Ты, и идея красоты, и воплощеніе идеи — и не умирать отъ любви къ тебѣ! Да развѣ я дерево! Вонъ Тушинъ, и тотъ таетъ...

Она сдѣлала движеніе.

— Оставимъ это: ты меня не любишь, еще немного времени, впечатлѣніе мое поблѣднѣетъ, я уѣду и ты никогда не услышишь обо мнѣ. Дай мнѣ руку, скажи дружески, кто училъ тебя, Вѣра — кто этотъ цивилизаторъ? Не тотъ ли, что письма пишетъ на синей бумагѣ...

— Можетъ быть — и онъ. Прощайте, братъ, вы кстати напомнили. Мнѣ надо писать...

— И вотъ счастье гдѣ: и «возможно» и «близко», а не дается! говорилъ онъ.

— Вы можете быть по своему счастливы и безъ меня, съ другой...

— Съ кѣмъ, скажи! Гдѣ онѣ, эти женщины?..

— А тѣ, кто отдаетъ въ наймы сердце на мѣсяцъ, на полгода, на годъ, — а не со мной! прибавила она.

— И ты не вѣришь мнѣ, и ты не понимаешь. Кто же повѣритъ и пойметъ!

Онъ задумался, а она взяла бумагу, опять написала карандашемъ нѣсколько словъ и свернула записку.

— Не позвать ли Марину? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не надо.

Она спрятала записку за платье на грудь, взяла зонтикъ, кивнула ему и ушла.

Райскій, не сказавши никому ни слова въ домѣ, ушелъ послѣ обѣда на Волгу, подумывая незамѣтно пробраться на островъ и высматривалъ мѣсто поудобнѣе, чтобы переправиться черезъ рукавъ Волги. Переправы тутъ не было, и онъ глядѣлъ вокругъ, не увидитъ ли какого-нибудь рыбака. Онъ прошелъ берегомъ съ полверсты, и наконецъ набрелъ на мальчишекъ, которые въ полусгнившей, наполненной до половины водой лодкѣ, удили рыбу. Они за гривенникъ съ радостью взялись перевезти его и сбѣгали въ хижину отца за веслами. «Куда везти?» спросили они. «Все равно, причаливайте, гдѣ хотите». «Вонъ тамъ можно выйти», указывалъ одинъ. «Вонъ-вось гдѣ: тутъ баринъ съ барыней недавно вылазили....» «Какой баринъ?» «Кто ихъ знаетъ! Съ горы какіе-то».

Райскій вышелъ изъ лодки и сталъ смотрѣть: «не Вѣра ли?» думалъ онъ. Если она—онъ сейчасъ узнаетъ ея тайну... У него забилось сердце. Онъ шелъ въ осокѣ тихо, осторожно, боясь кашлянуть. Вдругъ онъ услышалъ плескъ воды, тихо раздвинулъ осоку и увидѣлъ.... Ульяну Андреевну.

Она, закрытая совсѣмъ кустами, сидѣла на берегу, съ обнаженными ногами, опустивъ ихъ въ воду, распустивъ волосы, и какъ русалка, мочила ихъ, нагнувшись съ берега. Райскій саженъ сто прошелъ дальше, обогнулъ утесъ и тамъ, стоя по горло въ водѣ, купался M-r Шарль. Райскій, незамѣченный имъ, ушелъ и сталъ пробираться, между шиповника, къ небольшимъ озерамъ, полагая, что общество вѣрно расположилось тамъ. Вскорѣ онъ услышалъ еще шаги неподалеку отъ себя и притаился. Мимо его прошелъ Маркъ. Райскій окликнулъ его.

— А, здравствуйте, сказалъ Волоховъ, — отъ кого вы тутъ прячетесь?

— Я не прячусь.... иначе бы не остановилъ васъ.

— Да вы не отъ меня прячетесь, а отъ кого-нибудь другого. Признайтесь, вы ищете вашу красавицу-сестру. Нехорошо, нечестно: проиграли пари и не платите....

— Вы почемъ знаете, что она здѣсь?

— Я пошелъ-было утокъ стрѣлять на озеро, а они всѣ тамъ сидятъ. И попъ тамъ, и Тушинъ, и попадья, и... ваша Вѣра, съ насмѣшкой сказалъ онъ. — Подите, подите туда.

— Я не хочу, я не туда шелъ.

— Не стыдитесь меня, я все вижу. Вы хотѣли робко посмотрѣть на нее издали—да? Вамъ скучно, постыло въ домѣ, когда ея нѣтъ тамъ.

— Какой вздоръ! я просто гулялъ.

— Давайте триста рублей!

Райскій пошелъ опять туда, гдѣ оставилъ мальчишекъ. За нимъ шелъ и Маркъ. Они прошли мимо того мѣста, гдѣ купался Шарль. Райскій хотѣлъ-было пройти мимо, но изъ кустовъ, навстрѣчу имъ, вышелъ французъ, а съ другой стороны, по тропинкѣ, приближалась Ульяна Андреевна, съ распущенными, мокрыми волосами.

Оба хотѣли спрятаться, но Маркъ закричалъ имъ.

— Charmé de vous voir tous le deux! честь имѣю рекомендоваться!

M-r Шарль вышелъ изъ-за кустовъ.

— M-r Райскій, M-r Шарль! представлялъ насмѣшливо ихъ Маркъ другъ другу.

— Ульяна Андреевна! пожалуйте сюда, не прячьтесь: вѣдь видѣли: все свои лица, не бойтесь!

— Никто не боится! сказала она, выходя нѐ-хотя и стараясь не глядѣть на Райскаго.

— И оба мокрые! сказалъ Волоховъ.

— Самый непріятный мужчина въ цѣломъ свѣтѣ! съ крѣпкой досадой шепнула Ульяна Андреевна Райскому про Марка.

— Ну, прощайте, я пойду, сказалъ Маркъ. — А что̀ Козловъ дѣлаетъ? Отчего не взяли его съ собой провѣтрить? Вѣдь и при немъ можно.... купаться—онъ не увидитъ. Вонъ бы тутъ подъ деревомъ изъ Гомера декламировалъ, заключилъ онъ, и поглядѣвши дерзко на Ульяну Андреевну и на M-r Шарля, ушелъ.

— Il faut que je donne une bonne leçon à ce mauvais drôle! хвастливо сказалъ M-r Шарль, когда Маркъ скрылся изъ вида.

Потомъ всѣ трое воротились домой.

— Ну, вотъ, я тебѣ очень благодаренъ, говорилъ Козловъ Райскому, что ты прогулялся съ женой....

— На этотъ разъ благодари вотъ M-r Шарля, сказалъ Райскій.

— Merci, merci, M-r Charles!

— Bien, très-bien, cher collègue, отвѣчалъ Шарль, трепля его по плечу.

XXI.

Райскій пришелъ домой злой, не ужиналъ, не пошутилъ съ Мароинькой, не подразнилъ бабушку и ушелъ къ себѣ. И на другой день онъ сошелъ такой же мрачный и недовольный. Погода была еще мрачнѣе. Шелъ мелкій, непрерывный дождь. Небо покрыто было не тучами, а какимъ-то паромъ. На окрестности лежалъ туманъ. Вѣра была тоже не весела. Она закутана была въ большой платокъ, и на вопросъ бабушки, что̀ съ ней, отвѣчала, что у ней былъ ночью ознобъ. Посыпались разспросы, упреки, что не разбудила, предложенія — напиться липоваго цвѣта и поставить горчишники. Вѣра рѣшительно отказалась, сказавъ, что чувствуетъ себя теперь совсѣмъ здоровою.

Всѣ трое сидѣли молча, зѣвали, или перекидывались изрѣдка вопросомъ и отвѣтомъ.

— Вы были тоже на островѣ? спросила Вѣра Райскаго.

— Да, сказалъ онъ: — ты почемъ знаешь?

— Я слышала, какъ Егоръ жаловался кому-то на дворѣ, что платье все въ глинѣ да въ тинѣ у васъ — насилу отчистилъ: «должно быть, на островѣ былъ» говорилъ онъ.

— Ты все слышишь, замѣтилъ онъ. — Я былъ не одинъ: Маркъ былъ, еще жена Козлова....

— Вотъ нашелъ съ кѣмъ гулять: у ней есть провожатый, сказала бабушка, — М-r Шарль.

— И онъ былъ!

Опять замолчали, и уже собрались разойтись, какъ вдругъ явилась Мароинька.

— Ахъ, бабушка, какъ я испугалась: страшный сонъ видѣла! сказала она, еще не поздоровавшись.—Какъ бы не забыть!

— Какой такой, разскажи. Что это ты блѣдна сегодня?

— Разсказывай скорѣй! говорилъ Райскій. — Давайте сны разсказывать, кто какой видѣлъ. И я вспомнилъ свой сонъ: странный такой! Начинай, Мароинька! Сегодня скука, слякоть — хоть сказки давайте сказывать!

— Сейчасъ, сейчасъ, погодите: черезъ пять минутъ пріѣдетъ Николай Андреичъ, я при немъ разскажу.

— Ужъ и черезъ пять минутъ! сказала бабушка: — почемъ ты знаешь? Дожидайся: онъ еще спитъ!

— Нѣтъ, пріѣдетъ — я ему велѣла! кокетливо сказала Мароинька.—Ныньче крестятъ дѣвочку въ деревнѣ, у Ѳомы: я обѣщала придти, а онъ меня проводитъ.

— Такъ ты для деревенскихъ крестинъ новое барежевое

платье надѣла, да еще въ этакій дождь! Кто тебя пуститъ, — скинь, скинь, сударыня! повелительно сказала Татьяна Марковна.

— Скину, бабушка, я надѣла только примѣрять.

— Вѣдь ужъ примѣривали.

— Оставьте ее, бабушка, она жениху хочетъ показаться въ новомъ платьѣ.

Мареинька покраснѣла.

— Вотъ вы какіе: я совсѣмъ не для того! съ досадой сказала она, что угадали: — пойду, сейчасъ скину!

Райскій удержалъ ее за руку; она вырвалась, и только отворила дверь, какъ на встрѣчу ей явился Викентьевъ и распростеръ руки, чтобъ не пустить ее.

— Придите скорѣй — зачѣмъ опоздали? говорила она, краснѣя отъ радости и отбиваясь, когда онъ хотѣлъ непремѣнно поцѣловать у ней руку.

— Что это у васъ за гадкая привычка цѣловать въ ладонь? говорила она, отнимая у него руки: — всю руку изломаете.

— Ладонь такая тепленькая у васъ, душистая, позвольте....

— Подите прочь: вы еще съ бабушкой не поздоровались!

Онъ поцѣловалъ у бабушки руку, потомъ комически раскланялся съ Райскимъ и съ Вѣрой.

— Разсказывайте, что̀ видѣли во снѣ, сказалъ ему Райскій: — скорѣе, скорѣе!

— Нѣтъ, я прежде разскажу, перебила Мареинька.

— Ахъ, нѣтъ, позвольте — я видѣлъ отличный сонъ, торопился сказать Викентьевъ, — будто я....

— Нѣтъ, дайте мнѣ разсказать, говорила Мареинька.

— Позвольте, Мареа Васильевна, а то забуду, силился онъ переговорить ее: — ейбогу, я-было и забылъ совсѣмъ: будто я иду....

Она зажала ему ротъ рукой.

— По порядку, по порядку! командовалъ Райскій, — слово за Мареинькой: Мареа Васильевна, извольте!

— Я, будто, бабушка.... Послушай, Вѣрочка, какой сонъ! Слушайте, слушайте, говорятъ вамъ. Николай Андреичъ, что вы не посидите.... На дворѣ будто ночь лунная, свѣтлая, такъ пахнетъ цвѣтами, птицы поютъ....

— Ночью? сказалъ Викентьевъ.

— Соловьи все ночью поютъ, замѣтила бабушка, взглянувъ на нихъ обоихъ.

Мареинька покраснѣла.

— Вотъ теперь сбили съ толку — я и не стану разсказывать! говорила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, говорите! сказали всѣ, кромѣ Вѣры.

— Ну, вотъ птицы....

— Птицы не поютъ ночью....

— Опять вы, Николай Андреичъ: не стану—вамъ говорятъ! А вотъ онъ ночью, бабушка, живо заговорила она, указывая на Викентьева, — храпитъ....

— Ты почемъ знаешь?

— Марина сказывала — она отъ Семена слышала...

— Это отъ золотухи: надо пить аверину траву, замѣтила Татьяна Марковна.

— Я боюсь, кто храпитъ: еслибъ знала прежде, такъ бы...

Она вдругъ замолчала.

— Чтожъ ты остановилась? спросилъ Райскій: можно свадьбу разстроить. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ тебѣ будетъ мѣшать спать по ночамъ....

Марѳинька покраснѣла, какъ вишня, и бросилась вонъ.

— Полно тебѣ, Борюшка! видишь, она договорилась до чего, да и сама не рада.

Викентьевъ догналъ Марѳиньку и привелъ назадъ.

— Я буду на ночь носъ ватой затыкать, Марѳа Васильевна, сказалъ онъ.

Марѳиньку усадили и заставили разсказывать сонъ.

— Вотъ, будто, я тихонько вошла въ графскій домъ, начала она: прямо въ галлерею, гдѣ тамъ статуи стоятъ. Вошла я и притаилась, и смотрю, какъ мѣсяцъ освѣщалъ ихъ всѣ, а я стою въ темномъ углу: меня не видать, а я ихъ всѣхъ вижу. Только я стою, не дышу, все смотрю на нихъ. Всѣ перeглядѣла—и Геркулеса съ палицей, и Діану, и потомъ Венеру, и еще эту съ совой, Минерву.... И старика, котораго змѣи сжимаютъ.... какъ бишь его зовутъ.... Только вдругъ!... (Марѳинька сдѣлала испуганное лицо и оглядывалась по сторонамъ) — и теперь даже страшно — такъ живо представилось....

— Ну, что̀ вдругъ? спросила бабушка.

— Страшно, бабушка. Вдругъ, будто, статуи начали шевелиться. Сначала одна тихо, тихо повернула голову и посмотрѣла на другую, а та тоже тихо разогнула и, не спѣша, протянула къ ней руку, — это Діана съ Минервой. Потомъ медленно приподнялась Венера — и не шагая.... какой ужасъ!... подвинулась, какъ мертвецъ, плавно къ Марсу, въ каскѣ.... Потомъ змѣи, какъ живыя, поползли около старика: онъ перегнулъ голову назадъ, у него лицо стали дергать судорги, какъ у живого, я думала, сейчасъ закричитъ. И другія всѣ плавно стали двигаться другъ къ другу, нѣкоторыя подошли къ окну и смотрѣли на мѣсяцъ...

Глаза у всѣхъ каменныя, зрачковъ нѣтъ... Ухъ! — Она вздрогнула.

— Да это поэтическій сонъ — я его запишу! сказалъ Райскій.

— Побѣжали дѣти въ разныя стороны, продолжала Марѳинька — и все тихо, не перебирая ногами... Статуи какъ будто совѣтовались другъ съ другомъ, наклоняли головы, шептались неслышно; нимфы взялись за руки и кружились глядя на мѣсяцъ... — Я вся тряслась отъ страха. — Сова встрепенулась крыльями и носомъ почесала себѣ грудь... Марсъ обнялъ Венеру, она положила ему голову на плечо, они стояли... Всѣ другіе ходили, или сидѣли группами. Только Геркулесъ не двигался. Вдругъ и онъ поднялъ голову, потомъ началъ тихо выпрямляться, плавно подниматься съ своего мѣста. Большой такой, до потолка! Онъ обвелъ всѣхъ глазами, потомъ взглянулъ на мой уголъ... и вдругъ задрожалъ, выпрямился, поднялъ руку: всѣ въ одинъ разъ взглянули туда же, на меня — на минуту остолбенѣли, потомъ всѣ кучей бросились прямо ко мнѣ...

— Ну, что же вы, Марѳа Васильевна? спросилъ Викентьевъ.

— Какъ я закричу!

— Ну?

— Ну, и проснулась — и съ полчаса все тряслась, хотѣла закричать Ѳедосью, да боялась пошевелиться — такъ до утра и не спала. Ужъ пробыло семь, какъ я заснула.

— Прелесть — сонъ, Марѳинька! сказалъ Райскій.—Какой граціозный, поэтическій! Ты ничего не прибавила?

— Ахъ, братецъ, да гдѣ же мнѣ все это выдумать! Я такъ все вижу и теперь, что нарисовала бы, еслибъ умѣла...

— Надо морковнаго соку выпить, замѣтила бабушка: это кровь очищаетъ.

— Ну, теперь позвольте мнѣ... началъ Викентьевъ торопливо: я будто иду по горѣ, къ собору, а на встрѣчу мнѣ будто Нилъ Андреичъ, на четверенькахъ, голый...

— Полно тебѣ, что это, сударь: при невѣстѣ!.. остановила его Татьяна Марковна.

— Ейбогу, правда...

— Это нехорошо, не къ добру...

— Говорите, говорите, одобрялъ Райскій.

— А верхомъ на немъ будто Полина Карповна, тоже...

— Перестанешь-ли молоть? сказала Татьяна Марковна, едва удерживаясь отъ смѣху.

— Сейчасъ кончу: — сзади будто Маркъ Ивановичъ погоняетъ Тычкова полѣномъ, а впереди Опенкинъ, со свѣчей, и музыка...

Всѣ захохотали.

— Все сочинилъ, бабушка, сейчасъ сочинилъ: не вѣрьте ему! сказала Марѳинька.

— Ейбогу, нѣтъ: и всѣ будто, завидя меня, бросились, какъ ваши статуи, ко мнѣ, я отъ нихъ: кричалъ, кричалъ, даже Семенъ пришелъ будить меня — ейбогу правда, спросите Семена!...

— Ну, тебѣ, батюшка, ужо̀ на ночь дамъ ревеню, или постнаго масла съ сѣрой: у тебя глисты должны быть. И ужинать не надо.

— Я напомню, ужо̀ бабушка: вотъ вамъ! сказала Марѳинька Викентьеву.

— Ну, Вѣра, скажи свой сонъ — твоя очередь, обратился Райскій къ Вѣрѣ.

— Что такое я видѣла? старалась она припомнить: да, молнію, громъ гремѣлъ — и кажется, всякій ударъ падалъ въ одно мѣсто....

— Какая страсть! сказала Марѳинька: я бы закричала.

— Я была гдѣ-то на берегу — продолжала Вѣра, у моря: передо мной какой-то мостъ, въ море. Я побѣжала по мосту, — добѣжала до половины: смотрю, другой половины нѣтъ, ее унесла буря...

— Все? спросилъ Райскій.

— Все.

— И этотъ сонъ хорошъ: и тутъ поэзія!

— Я не вижу обыкновенно сновъ, или забываю ихъ, сказала она; а сегодня у меня былъ ознобъ: вотъ вамъ и поэзія!

— Да вѣдь все дѣло въ ознобѣ и жарѣ: худо когда ни того, ни другого нѣтъ.

— А вы, братецъ? теперь вамъ говорить! напомнила ему Марѳинька.

— Вообразите: я всю ночь леталъ.

— Какъ летали?

— Такъ: будто крылья явились.

— Это бываетъ къ росту, сказала бабушка: — кажется, тебѣ ужъ не кстати бы...

— Я сначала попробовалъ полетѣть по комнатѣ—продолжалъ онъ: отлично! Вы всѣ сидите въ залѣ, на стульяхъ, а я, какъ муха, подъ потолокъ залетѣлъ. Вы на меня кричать, пуще всѣхъ бабушка. Она даже велѣла Якову ткнуть меня половой щеткой, но я пробилъ головой окно, вылетѣлъ и взвился надъ рощей... Какая прелесть, какое новое, чудесное ощущеніе! Сердце бьется, кровь замираетъ, глаза видятъ далеко. Я, то поднимусь, то опущусь —

и когда однажды поднялся очень высоко, вдругъ вижу, изъ-за куста, въ меня цѣлится изъ ружья Маркъ...

— Этотъ всѣмъ снится: вотъ сокровище далось — какъ пугало! сказала Татьяна Марковна.

— Я его вчера видѣлъ съ ружьемъ—на островѣ: онъ и приснился. Я ему сталъ кричать изо-всей мочи, во снѣ, продолжалъ Райскій, а онъ будто не слышитъ, все цѣлится... наконецъ...

— Ну, братецъ, — ахъ, это интересно...

— Ну, я и — проснулся!

— Только, ахъ, какъ жаль! сказала Марѳинька.

— А тебѣ хотѣлось, чтобъ онъ меня застрѣлилъ?

— Чего добраго: отъ него станется и на яву, ворчала бабушка. — А что онъ, отдалъ тебѣ восемдесятъ рублей?

— Нѣтъ, бабушка: — я и не спрашивалъ.

— Всѣ вы мало Богу молитесь, ложась спать, сказала она: вотъ что! А какъ погляжу, такъ всѣмъ надо горькой соли дать, чтобъ чепуха не лѣзла въ голову.

— А вы, бабушка, видѣли какой-нибудь сонъ: разскажите. Теперь ваша очередь! обратился къ ней Райскій.

— Стану я пустяки болтать!

— Разскажите, бабушка! пристала и Марѳинька.

— Бабушка, позвольте, я разскажу за васъ, что̀ вы видѣли, вызвался Викентьевъ.

— А ты почемъ знаешь бабушкины сны?

— Я угадаю.

— Ну, угадывай.

— Вамъ снилось,—началъ онъ,—что мужики отвезли хлѣбъ на базаръ, продали и пропили деньги. Это во-первыхъ...

Всѣ засмѣялись.

— Какой отгадчикъ! сказала бабушка.

— Во-вторыхъ, что Яковъ, Егоръ, Прохоръ и Мотька, пьяные, забрались на сѣновалъ, закурили трубки и надѣлали пожаръ...

— Типунъ тебѣ, право — болтунъ этакій? Поди, я уши надеру!

— Въ третьихъ, что всѣ дѣвки и бабы, въ одинъ вечеръ, съѣли все варенье, яблоки, растаскали сахаръ, кофе...

Опять смѣхъ.

— Что Савелій до смерти убилъ Марину...

— Полно, тебѣ! говорятъ... унимала сердито Татьяна Марковна.

— И наконецъ,—торопливо досказывалъ онъ, такъ что на зу-

бахъ вскочилъ пузырь,—что земская полиція въ деревнѣ велѣла дѣлать мостовую и тротуары, а въ домѣ поставили роту солдатъ...

— Вотъ я-же тебя, я же тебя — на, на, на! говорила бабушка, вставъ съ мѣста и поймавъ Викентьева за ухо.—А еще женихъ — болтаетъ вздоръ какой!

— А ловко, мастерски подобралъ! поощрялъ Райскій. Мароинька смѣялась до слезъ! и даже Вѣра улыбалась. Бабушка сѣла опять.

— Это вамъ только лѣзетъ въ голову такая безтолочь! сказала она.

— Видите же и вы какіе-нибудь сны бабушка? замѣтилъ Райскій.

— Вижу, да не такіе безобразные и страшные, какъ вы всѣ.

— Ну, чтò, напримѣръ, видѣли сегодня?

Бабушка стала припоминать.

— Видѣла что-то: постойте... Да: поле видѣла, на немъ будто лежитъ... снѣгъ.

— А еще? спросилъ Райскій.

— А на снѣгу щепка...

— И все?

— Чего-жъ еще? И слава Богу: кричать и метаться не нужно!

XXII.

Весь день всѣ просидѣли, какъ мокрыя куры, рано разошлись и легли спать. Въ десять часовъ вечера все умолкло въ домѣ. Между тѣмъ дождь пересталъ, Райскій, надѣвъ пальто, пошелъ пройтись около дома. Ворота были заперты, на улицѣ стояла непроходимая грязь, и Райскій пошелъ въ садъ. Было тихо, кусты и деревья едва шевелились, съ нихъ капалъ дождь. Райскій обошелъ раза три садъ и прошелъ чрезъ огородъ, чтобъ посмотрѣть, чтò дѣлается въ полѣ и на Волгѣ. Темнота: на горизонтѣ скопились удалявшіяся облака и только высоко надъ головой слабо мерцали кое-гдѣ звѣзды. Онъ вслушивался въ эту тишину и всматривался въ темноту, ничего не слыша и не видя. На право туманъ, лѣвѣе чернымъ пятномъ лежала деревня, дальше безразличной массой стлались поля. Онъ вдохнулъ въ себя раза два сырого воздуха и чихнулъ. Вдругъ онъ услышалъ, что въ старомъ домѣ отворяется окно. Онъ взглянулъ вверхъ, но окно, которое отворилось, выходило не къ саду, а въ поле, и онъ

поспѣшилъ въ бесѣдку изъ акацій, перепрыгнулъ черезъ заборъ и попалъ въ лужу, но остался на мѣстѣ, не шевелясь.

«Это вы?» спросилъ шепотомъ кто-то изъ окна нижняго этажа, — конечно Вѣра, потому что въ старомъ домѣ никого, кромѣ ея, не было. У Райскаго затряслись колѣни, однако онъ невнятнымъ шепотомъ отвѣчалъ: «я.»

«Сегодня я не могла выдти — дождикъ шелъ цѣлый день: завтра приходите туда-же въ десять часовъ... Уйдите скорѣе, кто-то идетъ!»

Окно тихо затворилось. Райскій все стоялъ.

«Куда «туда-же?» спрашивалъ онъ мучительно себя, проклиная чьи-то шаги, помѣшавшіе услышать продолженіе разговора. «Боже! такъ это правда:—тайна есть (а онъ все не вѣрилъ)—письмо на синей бумагѣ—не сонъ! Свиданія! Вотъ она, таинственная ночь! А мнѣ утромъ проповѣдывала о нравственности!»

Онъ пошелъ на встрѣчу шагамъ. — Кто тутъ! — громко закричалъ голосъ, и съ этимъ вопросомъ идущій на встрѣчу началъ колотить что есть мочи въ доску.

— Ну, тебя къ чорту! — съ досадой сказалъ Райскій, отталкивая Савелья, который торопливо подошелъ къ нему.—Давно ли ты сталъ домъ стеречь?

— Барыня приказали, — отвѣчалъ Савелій:—мошенники въ оныхъ мѣстахъ есть... бѣглые... тоже изъ бурлаковъ ходятъ шалить...

— Врешь все! — съ досадой продолжалъ Райскій: ты подглядываешь за Мариной: это... скверно, — хотѣлъ онъ сказать, но не договорилъ и пошелъ.

— Позвольте о Маринѣ слово молвить! — остановилъ его Савелій.

— Ну?

— Нельзя ли ее въ полицію отправить?

— Ты съ ума сошелъ, — сказалъ Райскій, уходя. Савелій за нимъ.

— Сдѣлайте божескую милость, — говорилъ онъ — хоть въ Сибирь сошлите ее.

Райскій погруженъ былъ въ свой новый «вопросъ,» о разговорѣ Вѣры изъ окна, и продолжалъ идти.

— Или хоша въ рабочій домъ — на всю жисть... говорилъ Савелій, не отставая отъ него.

— За что? — спросилъ вдругъ Райскій, остановившись.

— Да опять того... почтальонъ ходитъ все... Плетьми бы приказали ее высѣчь...

— Тебя, — сказалъ Райскій, чтобъ ты не дрался...

— Воля ваша!

— Да не подсматривалъ: это... скверно — сквозь зубы проговорилъ онъ, взглянувъ на окно Вѣры.

Онъ ушелъ, а Савелій неистово застучалъ въ доску.

Райскій почти не спалъ цѣлую ночь и на другой день явился въ кабинетъ бабушки съ сухими и горячими глазами. День былъ ясный. Всѣ собрались къ чаю. Вѣра весело поздоровалась съ нимъ. Онъ лихорадочно пожалъ ей руку и пристально поглядѣлъ ей въ глаза. Она — ничего, ясна и покойна.

— Какъ ты кокетливо одѣта, сегодня! — сказалъ онъ.

— Вы находите простенькую палевую блузу кокетливой?

— А пунцовая лента, а прическа, съ длинной, небрежно брошенной прядью волосъ на плечо, а поясъ съ этимъ изящнымъ бантомъ, ботинки, прошитыя пунцовымъ шелкомъ! У тебя бездна вкуса, Вѣра: я восхищаюсь!

— Очень рада, что нравлюсь вамъ, — кокетливо сказала она: только вы какъ-то странно восхищаетесь. Скажите, отъ чего?

— Хорошо, скажу: пойдемъ гулять.

— Когда?

— Въ десять часовъ.—Она быстро и подозрительно взглянула на него. Онъ замѣтилъ этотъ взглядъ.

«Напрасно я сказалъ такъ опредѣлительно — въ *десять часовъ* — подумалъ онъ: надо бы было сказать *часовъ въ десять*.... Она догадалась...»

— Хорошо, пойдемте,—согласилась она подумавши:—теперь еще рано, нѣтъ десяти часовъ.

Она сѣла въ уголъ и молчала, избѣгая его взглядовъ и не отвѣчая на вопросы. Въ исходѣ десятаго она взяла рабочую корзинку, зонтикъ, и сдѣлала ему знакъ идти за собой.

Они шли молча по аллеѣ отъ дома, свернули въ другую, прошли садъ, наконецъ остановились у обрыва. Тутъ была лавка. Они сѣли.

— Вѣра! — началъ онъ, едва превозмогая смущеніе: — я нечаянно, кажется, узналъ часть твоего секрета...

— Да, кажется! — холодно сказала она — вчера вы подслушали мои слова...

— Нечаянно, клянусь тебѣ честью...

— Вѣрю, — перебила она, взглянувъ на него мелькомъ: ну что же?

— Ничего... И такъ! ты любишь кого-то! Сомнѣнія исчезли и... Но кто же онъ?

— Не скажу — не спрашивайте! сухо сказала она.

Онъ вздохнулъ.

— Самъ знаю, что глупо спрашивать, а хочется знать. Кажется, я бы... Ахъ, Вѣра, Вѣра — кто же дастъ тебѣ больше счастья, нежели я? Почему же ты *ему* вѣришь, а мнѣ нѣтъ? Ты меня судила такъ холодно, такъ строго: а кто тебѣ сказалъ, что тотъ, кого ты любишь, дастъ тебѣ счастья больше, нежели на полгода? — Почему ты вѣришь?

— Потому что люблю!

— Любишь! — съ жалостью сказалъ онъ — Боже мой, какой счастливецъ! И чѣмъ онъ заплатитъ тебѣ за громадность счастья, которое ты даешь? Ты любишь, другъ мой, будь осторожна: кому ты вѣришь?..

— Пока еще самой себѣ...

— Кого ты любишь?

— Кого?... повторила она, глядя на него пристально безцвѣтнымъ, загадочнымъ, «русалочнымъ» взглядомъ. — Да васъ...

У него захватило-было духъ.

Внизу въ рощѣ раздался въ это время выстрѣлъ. Она быстро встала со скамьи.

— А это что̀: это.... онъ? спросилъ Райскій, мѣняясь въ лицѣ.

— Мнѣ пора — десять часовъ! — сказала она, видимо встревоженная, стараясь не глядѣть на Райскаго. Она подошла къ обрыву, онъ ступилъ шагъ за ней. Она сдѣлала ему знакъ рукой, чтобъ онъ остался.

— Что значитъ этотъ выстрѣлъ? спросилъ онъ съ испугомъ.

— Меня зоветъ...

— Кто?

— Авторъ синяго письма. Ни шагу за мной! шепнула она ему сильно: если не хотите, чтобъ я...

— Вѣра!

— Ни шагу — никогда! повторила она, спускаясь съ обрыва: или я оставлю домъ навсегда! — Она скользнула въ кусты.

— Вѣра, Вѣра! Берегись! кричалъ онъ въ отчаяніи и сталъ слушать. Онъ слышалъ только, какъ раза два подъ ея торопливыми шагами затрещали сухія вѣтки, потомъ настала тишина. «Боже мой!» въ отчаянной зависти вскрикнулъ онъ. «Кто онъ, кто этотъ счастливецъ?...»

«Люблю васъ!» говоритъ она. Меня! Что, если правда.... А выстрѣлъ? шепталъ онъ въ ужасѣ: — а авторъ синяго письма? Что за тайна: кто это?»

XXIII.

А никто другой, какъ Маркъ Волоховъ, эта парія, циникъ, ведущій бродячую, цыганскую жизнь, занимающій деньги, стрѣляющій въ живыхъ людей, объявившій, какъ Карлъ Моръ, по словамъ Райскаго, войну обществу, живущій подъ присмотромъ полиціи, словомъ отверженецъ, «Варрава!»

И какъ Вѣра, это изящное созданіе, взлелѣянное подъ крыломъ бабушки въ уютномъ, какъ ласточкино гнѣздо, уголкѣ, этотъ перлъ, по красотѣ, всего края, на которую робко обращались взгляды лучшихъ жениховъ, передъ которой робѣли смѣлые мужчины, не смѣя бросить на нее нескромнаго взгляда, рискнуть любезностью или комплиментомъ,—Вѣра, покорившая даже самовластную бабушку, Вѣра, на которую вѣтерокъ не дохнулъ—вдругъ идетъ тайкомъ на свиданіе съ опаснымъ, подозрительнымъ человѣкомъ! Гдѣ она сошлась и познакомилась съ нимъ, когда ему загражденъ доступъ во всѣ дома?

Очень просто и случайно. Въ концѣ прошлаго лѣта, передъ осенью, когда поспѣли яблоки и пришла пора собирать ихъ, Вѣра сидѣла однажды вечеромъ въ маленькой бесѣдкѣ изъ акацій, устроенной надъ заборомъ, близъ стараго дома, и глядѣла равнодушно въ поле, потомъ вдаль на Волгу, на горы: вдругъ она замѣтила, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, въ фруктовомъ саду, вѣтви одной яблони нагибаются черезъ заборъ. Она наклонилась и увидѣла покойно сидящаго на заборѣ человѣка, судя по платью и по лицу, не простолюдина, не лакея, а по лѣтамъ — не школьника. Онъ держалъ въ рукахъ нѣсколько яблокъ и готовился спрыгнуть.

— Что вы тутъ дѣлаете?—вдругъ спросила она.

Онъ поглядѣлъ на нее съ минуту.

— Вы видите, лакомлюсь.—Онъ закусилъ одно яблоко:—не хотите ли? говорилъ онъ, подвигаясь къ ней по забору и предлагая ей другое.

Она отступила отъ забора на шагъ и глядѣла на него издали, съ любопытствомъ, но безъ страха.

— Кто вы такой? сказала она строго,—и зачѣмъ лазите по чужимъ заборамъ?

— Кто я такой—до того вамъ нужды нѣтъ. А зачѣмъ лазаю по заборамъ—я ужъ вамъ сказалъ: за яблоками.

— И вамъ не совѣстно: вы, кажется, не мальчикъ?

— Чего совѣститься?

Онъ усмѣхнулся.

— Брать тихонько чужія яблоки! упрекнула она.

— Они мои, а не чужія — *вы* воруете ихъ у меня!

Она молчала, продолжая смотрѣть на него съ любопытствомъ.

— Вы вѣрно не читали Прудона,—сказалъ онъ и взглянулъ на нее пристально.—Да какая вы красавица! вдругъ прибавилъ потомъ, какъ въ скобкахъ.

— Что̀ Прудонъ говоритъ: не знаете?

— La proprіété — c'est le vol, — сказала она.

— Читали! съ удивленіемъ произнесъ онъ, глядя на нее во всѣ глаза.

Она отрицательно покачала головой.

— Ну, слышали: эта божественная истина обходитъ весь міръ. Хотите, принесу Прудона, онъ у меня есть?

— Вы не мальчикъ, — повторила она, а воруете чужія яблоки и вѣрите, что это не воровство, потому что г. Прудонъ сказалъ....

Онъ быстро взглянулъ на нее.

— Вы вѣрите же тому, что вамъ сказали въ пансіонѣ или институтѣ... или... Да скажите: вы кто? Это садъ Бережковой— вы не внучка ли ея? Мнѣ говорили, что у ней есть двѣ внучки, красавицы...

— Что̀ вамъ за дѣло, кто я, и я скажу?

— Ну, такъ вы вѣрите же въ тѣ истины, что преподала вамъ бабушка...

— Я вѣрю тому, что̀ меня убѣждаетъ.

Онъ снялъ фуражку и поклонился.

— И я тоже. Такъ вы считаете преступнымъ, что я беру эти яблоки...

— Неприличнымъ.

— И убѣждены въ этомъ?

— Да.

— Я хоть не убѣжденъ, но уступаю вамъ: возьмите остальныя четыре яблока, — сказалъ онъ, подавая ихъ ей.

— Я ихъ дарю вамъ.

Онъ опять снялъ фуражку, иронически поклонился ей и закусилъ другое яблоко.

— Вы красавица, — повторилъ онъ — вдвойнѣ красавица. И хороши собой, и умны. Жаль, если украсите собой существованіе какого-нибудь идіота. Васъ отдадутъ, бѣдную...

— Пожалуста, безъ сожалѣній! Не отдадутъ: я — не яблоко...

— Кстати о яблокахъ: въ благодарность за подарокъ, я вамъ принесу книгъ: вы любите читать?

— Прудона?

— Да, — съ братіей. У меня все новое есть. Только вы не показывайте тамъ бабушкѣ, или тупоумнымъ вашимъ гостямъ. Я хоть и не знаю васъ, а вѣрю, что вы не связываетесь съ ними...

— Почему вы знаете: вы пять минутъ видите меня?..

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Съ разу видно — свободный умъ — стало быть вы живая, а не мертвая: это главное. А остальное все придетъ, нуженъ случай. Хотите, я...

— Ничего не хочу: — «свободный умъ» сами говорите, а ужъ хотите завладѣть имъ. Кто вы и съ чего взяли учить?

Онъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее.

— Ни книгъ не носите, ни сами больше не ходите сюда, — сказала она, отходя отъ забора. — Здѣсь сторожъ есть: онъ поймаетъ васъ — нехорошо!

— Вотъ опять понесло отъ васъ бабушкой, городомъ и постнымъ масломъ! А я думалъ, что вы любите поле и свободу. Вы не боитесь ли меня? Ктò я такой, какъ вы думаете?

— Не знаю: семинаристъ, должно быть — сказала она небрежно.

Онъ засмѣялся.

— Почему вы думаете?

— Они неопрятны, бѣдно одѣты, всегда голодны... Подите на кухню: я велю васъ накормить.

— Покорно благодарю. Кромѣ этого, вы ничего другого въ семинаристахъ не замѣтили?

— Я ни съ однимъ не знакома и мало видѣла ихъ. Они такіе неотесанные, говорятъ смѣшно...

— Это наши настоящіе миссіонеры, нужды нѣтъ, что говорятъ смѣшно. «Немощные и худородные» — именно тѣ, кого нужно. Они пока со слѣпа лѣзутъ на огонь, да усердно...

— На какой огонь?

— На свѣтъ: къ новой наукѣ, къ новой жизни... Развѣ вы ничего не знаете, не слыхали? Какая же вы...

— Чтò же семинаристы?

— Ихъ держатъ въ потемкахъ, умы питаютъ мертвечиной и въ добавокъ порютъ нещадно: вотъ кто позадорнѣе изъ нихъ, да еще изъ кадетъ—этихъ вовсе не питаютъ, а только порютъ—и падки на новое, рвутся изъ всѣхъ силъ — изъ потемокъ къ свѣту... Народъ молодой, здоровый, свѣжій, проситъ воздуха и пищи, а намъ такихъ и надо...

— Кому *намъ?*

— Кому? сказать? Новой, грядущей силѣ...

— Такъ вы—«новая, грядущая сила»?—спросила она, глядя на него съ любопытствомъ и ироніей.

— Да, *мы*...

— И много васъ такихъ?

— Легіонъ.

— Съ семинаристами?

— Нѣтъ, съ ними тьма темъ.

— Да кто вы такой? Или имя ваше—тайна?

— Имя? Вы не испугаетесь?

— Не знаю: можетъ быть, говорите.

— Маркъ Волоховъ. Вѣдь это все равно здѣсь, въ этомъ промзгломъ углу, что Пугачевъ или Стенька Разинъ.

Она опять съ любопытствомъ поглядѣла на него.

— Вотъ вы кто! сказала она.—Вы, кажется, хвастаетесь своимъ громкимъ именемъ! Я слышала ужъ о васъ. Вы стрѣляли въ Нила Андреича и травили одну даму собакой... Это «новая сила»? Уходите — да больше не являйтесь сюда...

— А то бабушкѣ пожалуетесь?

— Непремѣнно. Прощайте!

Она сошла съ бесѣдки и не слыхала его послѣднихъ словъ. А онъ жадно слѣдилъ за ней глазами.

«Вотъ еслибъ это яблоко украсть!» — проговорилъ онъ, прыгая на землю.

Однако она бабушкѣ не сказала ни слова, а разсказала только своей пріятельницѣ, Натальѣ Ивановнѣ, обязавъ ее тоже никому не говорить.

И. Гончаровъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787—1795.

IV *).

Избраніе Станислава Понятовскаго.—Диссидентское дѣло.—Барская конфедерація.—Покушеніе на короля.—Первый раздѣлъ Польши.

По смерти Августа III, по поводу выбора новаго короля, въ Польшѣ возникли обычныя смуты. Двѣ партіи, Чарторыскихъ и Огинскихъ, стали враждебно одна противъ другой. Обѣ заискивали помощи у Россіи. Сильная партія Чарторыскихъ, во главѣ которой стояли два брата—канцлеръ Михаилъ и русскій воевода Августъ, отправила въ Петербургъ племянника по сестрѣ этихъ братьевъ, Станислава Понятовскаго, сына умершаго мазовецкаго воеводы.

Это, можно сказать, былъ типъ поляка XVIII вѣка, соединявшій въ себѣ коренныя свойства національнаго характера со свойствами европейской знатной особы своего времени.

Отъ природы онъ получилъ счастливую память, живое воображеніе, блестящій, но никакъ не глубокій умъ, способенъ былъ на остроумныя выходки, бѣгло и складно говорилъ, особенно въ томъ кругу, гдѣ ему вѣрили и цѣнили его слова, — въ совершенствѣ владѣлъ нѣсколькими европейскими языками, читалъ и просматривалъ много книгъ, много видалъ во время своего пу-

---

*) См. выше февр. стр. 685—758.

тешествія по Европѣ, посѣщалъ общества тогдашнихъ европейскихъ знаменитостей, и потому въ высокой степени набрался того лоску (poloru), за которымъ польскіе паны ѣздили по Европѣ. Поэтическаго уклада въ его натурѣ не было; но онъ любилъ до страсти искусства и зналъ въ нихъ толкъ, насколько наслышался и начитался о нихъ; еще болѣе онъ былъ любитель и цѣнитель прекраснаго пола и въ отношеніи къ нему отличался чрезмѣрнымъ непостоянствомъ и вѣтренностію. До сихъ поръ въ Лазенковскомъ дворцѣ, имъ построенномъ, показываютъ цѣлую стѣну портретовъ любовницъ послѣдняго польскаго короля. Перемѣняя ихъ какъ наряды, онъ былъ, однако, внимателенъ къ ихъ услугамъ, и, уволивъ ихъ отъ своего сердца, давалъ имъ большіе пенсіоны и тѣмъ увеличивалъ свои расходы и долги. Вообще въ немъ не было ни тѣни скупости; щедрый для другихъ и расточительный для себя, онъ любилъ самъ пожить въ свое удовольствіе, любилъ и вокругъ себя видѣть веселыя и довольныя лица.

Нравомъ онъ былъ мягокъ и кротокъ; не видно въ немъ было того самодурства, которымъ такъ часто отличались и даже чванились польскіе паны, избалованные своимъ богатствомъ и раболѣпствомъ предъ собою другихъ: воспитанный до шестнадцатилѣтняго возраста подъ надзоромъ матери, онъ носилъ на себѣ тотъ отпечатокъ женственности, который часто остается на тѣхъ, которые въ отрочествѣ испытывали сильное вліяніе матушекъ и тетушекъ; притомъ же европейскія привычки, усвоенныя въ путешествіи, не дозволяли въ немъ укорениться полуазіатскимъ признакамъ польской мужественности. Въ обращеніи онъ былъ до того любезенъ, что принцъ де-Линь призналъ его любезнѣйшимъ паче всѣхъ государей своего времени. Эта любезность не мѣшала ему въ тоже время быть двоедушнымъ, хитрымъ, недовѣрчивымъ; за то въ затруднительныхъ положеніяхъ для своего ума и воли онъ былъ даже черезъ-чуръ довѣрчивъ. Обладая свойствомъ обворожать и привлекать къ себѣ людей, онъ не умѣлъ привязывать ихъ, не въ силахъ былъ возбуждать ихъ и управлять ими, напротивъ, самъ подчинялся нравственному могуществу другихъ и всегда почти зависѣлъ отъ окружающей его среды. Никогда не показывалъ онъ ни запальчивости, ни злобы, не терпѣлъ ссоръ и всегда старался примирять другихъ и улаживать недоразумѣнія и борьбу страстей, выдумывая какую-нибудь середину на половинѣ. Чувство мщенія ему было незнакомо; его иногда обижали такъ, что доводили до слезъ; все сносилъ онъ и готовъ былъ первый протянуть руку заклятому врагу. Онъ не могъ ни къ чему глубоко и сильно привязаться; поверх-

ностность, лживость и слабодушіе—обычныя качества охотниковъ до женскаго естества, отражались въ его поступкахъ; свои убѣжденія онъ мѣнялъ почти также какъ любовницъ, и съ трудомъ могъ возвыситься до общей идеи, подъ которую подходили бы его понятія и поступки; у него всегда на первомъ планѣ были частныя отношенія: его занимали желанія и планы удовлетворить ту или другую сторону, поставить себя въ извѣстное положеніе къ такимъ-то лицамъ, узнать: какъ думаютъ тотъ или другой, и въ какихъ отношеніяхъ находятся они между собою. Дѣятельность его была чрезвычайная, но почти всегда обращалась на второстепенные предметы, и въ ней недоставало крѣпкой нити, связующей ея направленія. Въ своихъ сужденіяхъ онъ нерѣдко отличался здравымъ взглядомъ и находчивостію, когда предметъ обсужденія не требовалъ особенной дальнозоркости и глубокомыслія, но всегда высказывался съ нѣкоторымъ колебаніемъ и часто подчинялся мнѣнію другихъ, когда видѣлъ противъ себя упорство. Онъ склоненъ былъ приставать къ смѣлымъ и отважнымъ предпріятіямъ, но безъ увлеченія, и менѣе чѣмъ кто-нибудь способенъ былъ геройски противостать обстоятельствамъ и легко склонялся подъ ихъ гнетомъ; за то былъ хвастливъ, приписывалъ себѣ вчинаніе такого дѣла, въ которомъ онъ слѣдовалъ за другими, такія мысли, которыя онъ заимствовалъ отъ другихъ, и величался такими доблестями, какихъ у него не было. Таковъ былъ этотъ послѣдній польскій король, поставленный Екатериною съ тѣмъ, чтобъ служить ей послушнымъ орудіемъ.

Владѣя изумительною способностію узнавать людей, Екатерина не обманывалась въ немъ никогда, и дѣлая его королемъ, не надѣялась отъ него твердой и незыблемой преданности; она, безъ сомнѣнія, предвидѣла его двоедушіе и коварство въ отношеніи къ ней, но это не мѣшало ея планамъ, напротивъ, скорѣе вело къ цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать изъ того, что, впослѣдствіи, императрица нѣсколько разъ внушала своимъ министрамъ въ Польшѣ не полагаться на постоянство короля, нравъ котораго, какъ она писала, ей давно извѣстенъ.

Русская императрица составляла по характеру діаметральную противоположность съ польскимъ королемъ, ея подручникомъ. Насколько онъ былъ мало способенъ сосредоточить себя всего для идеи, настолько она только и существовала для сознанной и предвзятой идеи. Правда, и въ ней можно было замѣтить пороки вѣка, которыми заражена была бо̀льшая часть вѣнчанныхъ особъ: чувственность и нѣкоторая суетность и ей были нечужды, но за то въ ней былъ геніальный умъ и геніальная воля. Нѣмка по происхожденію, призванная судьбою на престолъ русскаго госу-

дарства, она охватила во всей цѣльности его историческое значеніе, усвоила его прошлыя завѣтныя преданія, глубоко и разносторонно постигла его тогдашнее положеніе, предвидѣла и устроивала его будущее. Величіе и благосостояніе Россіи было ея идеаломъ; она хотѣла сдѣлать Россію сильнѣйшею державою въ свѣтѣ, а потому поставить Польшу въ вѣчную зависимость отъ Россіи, а, если будетъ нужно, и уничтожить ее; она думала ниспровергнуть турецкую имперію, освободить славянъ и грековъ, ослабить Швецію, привязать Австрію и Пруссію и поставить ихъ въ необходимость быть, такъ сказать, на буксирѣ у Россіи, и въ тоже время создать изъ Россіи внутри благоустроенное государство, развить промышленность, торговлю, благосостояніе и просвѣщеніе. Въ ней было столько же твердости и послѣдовательности, сколько въ Станиславѣ-Августѣ мягкости и слабодушія, но въ то же время въ ней не было увлеченія; она боролась съ препятствіями только до тѣхъ поръ, пока несомнѣненъ былъ успѣхъ; ея смѣлыя и широкія предпріятія сдерживались благоразуміемъ и осторожностью; она умѣла остановиться на полдорогѣ, чтобы выждать время и при удобномъ случаѣ начать снова прерванный путь; за то, когда была надежда на успѣхъ дѣла, ее уже не останавливали никакія частныя отношенія, никакіе посторонніе виды, ни кровь, ни бѣдствія поколѣній не принимались у ней въ разсчетъ, когда нужно было достигнуть цѣли — черта общая истиннымъ людямъ идеи. Она умѣла привлекать къ себѣ людей, не такъ, какъ польскій король, который выигрывалъ только то, что его называли любезнымъ; она привязывала ихъ такъ, что они дѣлались ея орудіями и служили, часто даже невольно, ея видамъ. Политика ея была нерѣдко двоедушна и коварна, но это было не то легкое двоедушіе, которое почти никогда не покидало польскаго короля. Екатерина прибѣгала къ нему только тогда, когда оно было необходимо для ея цѣлей и преимущественно тогда, когда приходилось бороться съ врагомъ его же оружіемъ; безъ нужды она была пряма и искренна.

Она не прощала зла и измѣны такъ любовно, какъ Станиславъ Понятовскій; она или презирала ихъ вовсе, когда не считала важными, или же мстила безъ послабленія, когда они ей мѣшали. Понятно, что съ такою покровительницею Польшѣ было плохо: у поляковъ не было ни самостоятельности, ни силы, ни государственнаго благоразумія настолько, чтобы Екатерина могла ихъ уважать; но они неспособны были предаться ей искренно и безусловно, чтобы она могла ихъ полюбить: она ихъ презирала, и этимъ презрѣніемъ запечатлѣны всѣ ея дѣйствія до самаго конца.

Избраніе Понятовскаго не обошлось безъ сильныхъ смутъ. Но русскія войска разогнали всѣхъ его противниковъ. Составился конфедераціонный сеймъ. Дядя Понятовскаго, Августъ Чарторыскій, сдѣланъ былъ его маршаломъ. Предводители противной партіи, старый гетманъ Браницкій и Карлъ Радзивиллъ бѣжали изъ Польши со своими единомышленниками. Станиславъ-Августъ былъ избранъ 7 сентября 1764 года.

Чарторыскіе, овладѣвъ дѣлами, старались произвести въ Польшѣ нѣкоторыя реформы и ввести новыя учрежденія, которыя, по ихъ соображеніямъ, могли обновить Польшу. Шляхта упорно стояла противъ всякихъ перемѣнъ, но Чарторыскіе нашли себѣ лазейку: покровительствуемые силою русскаго оружія, они успѣли устроить сеймъ въ образѣ конфедераціи: по обычаямъ конфедераціи, законъ принимался не единогласіемъ, а большинствомъ голосовъ, и такого сейма уже нельзя было сорвать; затѣмъ они склонили значительное число голосовъ подкупомъ и страхомъ. Такимъ образомъ, имъ удалось ограничить власть гетмана и подскарбія: до сихъ поръ эти важные сановники не отдавали никому отчета кромѣ сейма, который обыкновенно никогда не кончался; теперь устроили четыре коммисіи: войсковую, скарбовую (финансовъ), полиціи и судопроизводства. Положили увеличить войско и доходы; сдѣлано было нѣсколько распоряженій относительно городовъ, пришедшихъ въ упадокъ, въ особенности оттого, что на городскихъ земляхъ помѣщались дома шляхетства, духовенства и монастырей, не подчинявшихся городскимъ повинностямъ; постановлено, чтобы сеймики отправлялись большинствомъ голосовъ, — установлены таможенныя пошлины, которыхъ въ Польшѣ не было. Эти распоряженія сдѣланы были на сеймѣ, предшествовавшемъ избранію, и должны были утвердиться избраннымъ королемъ. Станиславъ-Августъ горячо поддерживалъ ихъ: они обратились въ законъ къ большой досадѣ многихъ. Хотѣли даже уничтожить вовсе liberum veto, но этотъ проектъ никакъ не могъ быть принятъ: польское шляхетство привыкло называть liberum veto зеницею шляхетской вольности; притомъ русскій и прусскій посланники заявили неудовольствіе насчетъ перемѣнъ коренныхъ постановленій Рѣчи-Посполитой. Прусскій король всѣми силами не допускалъ въ Польшѣ коренныхъ реформъ, которыя бы утвердили въ ней монархическую власть. Въ его видахъ было поддерживать анархію, слабость, истощеніе, однимъ словомъ, все то, что̀, впрочемъ, и безъ него не могло измѣниться въ Польшѣ. Фридрихъ II уже предположилъ расширить свою территорію насчетъ Польши, а потому побуждалъ и убѣждалъ Екатерину держаться той же системы.

Также не былъ принятъ проектъ объ увеличеніи податей и умноженіи войска; шляхетство издавна не любило, чтобы объ этомъ даже говорили. Россія тогда не показывала намѣренія мѣшать во что̀ бы то ни стало такимъ улучшеніямъ въ Польшѣ. Проектъ Чарторыскихъ о реформѣ былъ прежде предъявленъ русскимъ посланникамъ, Кейзерлингу и Рѣпнину; Россія только хотѣла, при этомъ соблюсти свои интересы и свою безопасность. Посланникъ императрицы объявилъ, что Россія соглашается на увеличеніе войска до 50,000, но только съ тѣмъ, чтобы Польша съ Россіею заключила тѣснѣйшій союзъ. Поляки стали упираться противъ союза; даже самые Чарторыскіе, до сихъ поръ дѣйствовавшіе подъ покровительствомъ Россіи, боялись, что, такимъ образомъ, Польша подпадетъ въ бо̀льшую зависимость отъ Россіи. Русскій посланникъ Рѣпнинъ получилъ приказаніе не входить въ сношеніе съ поляками объ ихъ перемѣнахъ, безъ заключенія союза съ Россіею, и подалъ ноту, гдѣ императрица требовала даровать гражданскія права въ Польшѣ не-католикамъ — православнымъ и диссидентамъ. То же требованіе заявлялъ Польшѣ, съ своей стороны, прусскій король. Но послы, воспитанные въ фанатизмѣ, отвергли это требованіе съ шумомъ и волненіемъ. Такимъ образомъ, поляки, при самомъ воцареніи короля, поставленнаго Россіею, раздражали противъ себя Россію и Пруссію, двѣ сильныя сосѣднія державы, съ которыми они, по своей слабости, бороться были не въ состояніи.

Русскія войска тотчасъ расположились въ королевскихъ имѣніяхъ. Король, слыша около себя ропотъ, хотѣлъ угодить полякамъ и показать, что онъ не намѣренъ быть орудіемъ Екатерины, а желаетъ царствовать самостоятельно; онъ вступилъ въ тайное сношеніе съ Турціей, жаловался на Россію, что она поступаетъ съ Польшею, какъ съ подвластною страною, располагаетъ свои войска на польскихъ земляхъ безъ воли націи, хочетъ, какъ видно, держать въ Польшѣ постоянный гарнизонъ. Турціи, ненавидѣвшей Россію, ничего не стоило изъявить сочувствіе къ Польшѣ, но она ничѣмъ ей не помогла, а между тѣмъ Екатеринѣ стали извѣстны сношенія короля съ Турціею, она испытала слишкомъ скоро коварство своей креатуры; ясно стало, что русская императрица не можетъ имѣть къ польскому королю довѣріе.

Дѣло о не-католикахъ въ Польшѣ было не таково, чтобъ русская императрица могла бросить его. Православные уже много вѣковъ обращались къ Россіи. Еще Иванъ III ссорился за нихъ съ зятемъ своимъ Александромъ. Алексѣй Михайловичъ велъ за нихъ кровопролитную и разорительную войну. Въ статьяхъ мирнаго до-

говора 1686 г., польскій король обязывался съ своей стороны содержать православныхъ по давнимъ правамъ и во всякихъ свободахъ. Со временъ этого договора, когда Кіевъ навсегда отошелъ къ Россіи, православное духовенство продолжало получать рукоположенія отъ кіевскаго митрополита, а потомъ, по основаніи святѣйшаго синода, обращались къ нему какъ къ верховному учрежденію своей вѣры. Поляки, по отношенію къ православнымъ жителямъ Рѣчи-Посполитой, не соблюдали договора съ Россіею, заключеннаго въ 1686 году; униженіе православной религіи, принужденія къ уніи, неистовства, которыя позволяли себѣ дѣлать надъ православными своевольные фанатики, были обыкновенными явленіями; православные безпрестанно обращались къ Россіи и просили ходатайства за нихъ; всѣ русскіе государи по этимъ просьбамъ вели сношенія съ Польшею. Петръ много разъ обращался къ своему союзнику Августу II, послѣ того, какъ къ нему приходили жалобы отъ православныхъ съ длинными реестрами разныхъ оскорбленій, нанесенныхъ католиками. Эти неоднократныя требованія оставались всегда безъ удовлетворенія, такъ что русскій государь, наконецъ, сталъ грозить и въ 1722 году выразился такъ: «Если, паче чаянія, по этому нашему представленію и прошенію, удовлетворенія, по силѣ договора, не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія». Короткое царствованіе Екатерины I не обошлось безъ просьбъ, полученныхъ въ синодѣ изъ Бѣлорусской епархіи и безъ ходатайства за православныхъ со стороны Россіи. При Аннѣ православные обращались съ жалобами къ россійскимъ посланникамъ и резидентамъ въ Варшавѣ и императрица вмѣняла послѣднимъ въ обязанность домогаться, «чтобъ православные люди греческаго исповѣданія въ безпрепятственномъ пользованіи принадлежащихъ имъ вольностей безъ малѣйшаго утѣсненія оставлены были». Трудно было такимъ домогательствамъ и представленіямъ имѣть въ Польшѣ силу, когда тамъ и сеймы не кончались и короля не слушали.

Елисавета энергически и, подобно своему родителю, съ угрозами, заступалась за православныхъ: «чтобъ вельможи (писала она) предписали кому слѣдуетъ крѣпкими указами, чтобы по трактату и привилегіямъ королевскимъ въ прежней свободности и безъ всякаго препятствія и насилія, какъ въ совѣсти, такъ и въ строеніи и поправленіи церквей безъ помѣшательства благочестивые въ покоѣ оставлены были. Въ противномъ случаѣ, таковой неправедной и безотвѣтной съ польской стороны поступокъ уничтоженія и презрѣнія нашего на толь многихъ безпрекословныхъ правахъ основаннаго участія въ ихъ жалобахъ не иначе, какъ явно показуемое намъ самимъ озлобленіе призна-

ѣвать можемъ и за упомянутыхъ утѣсняемыхъ людей вступаться и имъ вспомоществовать всемѣрно обязанными себя признаваемъ, и при дальнѣйшемъ безплодствіи и презрѣніи дружескихъ представленій и домогательствъ, иные сильнѣйшіе и важнѣйшіе способы употреблять напослѣдокъ принуждены будемъ, имѣя паче надежду на другія державы, которыя для своихъ подъ именемъ диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ разумѣющихся единовѣрцевъ и ради утѣсненія оныхъ въ томъ общія съ нами обязательства имѣютъ къ нашимъ мѣрамъ къ тому приступить и общее дѣло съ нами чинить весьма готовы». Съ тѣхъ поръ каждый годъ, а иногда и не одинъ разъ въ годъ, русскіе министры въ Варшавѣ дѣлали представленія о православныхъ, но эти представленія напоминаютъ басню о Поварѣ и Котѣ, потому что вслѣдъ за ними, святѣйшій синодъ заваливался новыми жалобами православныхъ, присылаемыми изъ владѣній Рѣчи-Посполитой. Даже и шестимѣсячное правленіе Петра III не обошлось безъ обычнаго представленія польскому правительству о судьбѣ православныхъ. Екатерина, въ своихъ домогательствахъ въ пользу православныхъ, не показала ничего новаго, необычнаго; она шла по слѣдамъ прежнихъ государей, но она выше ихъ была по уму и дѣятельности: естественно, что при ней дѣло пошло иначе, не такъ какъ шло оно при ея предшественницахъ.

Поляки, въ 1764 г., отвѣчали на домогательства Россіи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ привыкли отвѣчать прежнимъ русскимъ государямъ, даже еще рѣзче и неуважительнѣе, чѣмъ бывало прежде. Но скоро они увидали, что этого имъ не простятъ. Въ слѣдующемъ 1765 году, по желанію Екатерины, бѣлорусскій архіепископъ Георгій Конисскій отправился въ Варшаву и тамъ, передъ королемъ, произнесъ рѣчь, ссылался въ ней на привилегіи, данныя православнымъ прежними королями, жаловался на утѣсненія и оскорбленія, просилъ возвратить православнымъ первобытную свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ не забылъ объяснить, что прошеніе его поручила ему принести всероссійская императрица, «яко особливая вѣры нашей заступница».

Въ Варшавѣ, возненавидѣвъ Конисскаго, начали умышленно тянуть его дѣло; стали, по его жалобамъ, наводить справки, а онъ, между тѣмъ, въ ожиданіи, безъ нужды проживался въ столицѣ. Узнала объ этомъ императрица и приказала своему министру, Рѣпнину, устроить такъ, чтобы на будущемъ сеймѣ 1766 года, дѣло о православныхъ и диссидентахъ было непремѣнно рѣшено въ ихъ пользу. Екатерина не домогалась, чтобъ ихъ допускали въ сенатъ и къ высшимъ мѣстамъ, но хотѣла, чтобъ они были допущены къ выборамъ въ трибуналы, могли получать

провинціальныя должности, и чтобы въ число членовъ сейма, изъ каждаго воеводства, при двухъ католикахъ помѣщался третій — не-католикъ. Черезъ-чуръ трудно было согласить поляковъ на установленіе такихъ законовъ; они отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ получили убѣжденія, что, кромѣ католика, всѣ иновѣрцы — еретики, проклятые Богомъ, и ихъ ни въ чемъ нельзя поставить на одну доску съ католиками. Это заранѣе предвидѣла Екатерина и предписала Рѣпнину, въ случаѣ когда сеймъ не согласится даровать не-католикамъ права, собрать православныхъ и диссидентовъ и составить конфедерацію, которая бы просила помощи у Россіи; тогда предполагалось, какъ будто уступая ея просьбамъ, послать въ Польшу русскія войска и провести дѣло силою. «Пусть поляки знаютъ и удостовѣрятся — писала она — что мы не допустимъ успокоить это дѣло по ихъ единовиднымъ желаніямъ, а поведемъ оное лучше до самой крайности?»

Король Станиславъ-Августъ говорилъ, что это требованіе — громовый ударъ для него и для всей страны, писалъ къ императрицѣ, умолялъ ее оставить это дѣло, сообщалъ, что на прошломъ сеймѣ, когда онъ заговорилъ объ этомъ, то поднялся страшный крикъ и шумъ, и чуть было не умертвили примаса въ присутствіи короля. Самъ Рѣпнинъ, видя безпредѣльный фанатизмъ въ Польшѣ, пытался отклонить государыню отъ ея намѣренія; но Екатерина была не податлива, твердо рѣшившись такъ или иначе довершить то, что́ ея предшественники начинали и покидали.

Большая сумятица была тогда въ Польшѣ. Король былъ уже въ разладѣ со своими дядями Чарторыскими, которые признали его королемъ только въ надеждѣ держать его подъ своею опекою. Короля тяготила эта опека. Чарторыскіе хотѣли сохранить созданную ими конфедерацію, чтобъ, посредствомъ ея, властвовать надъ Польшею; король, напротивъ, хотѣлъ ее уничтожить. Но это не умножило его друзей. Противники Чарторыскихъ, которыхъ было много, ненавидѣли *фамилію*, какъ называли тогда Чарторыскихъ и всю ихъ партію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не любили короля, возведеннаго на престолъ съ чужою помощію. Послѣднія измѣненія на сеймѣ произвели ропотъ въ Польшѣ. Учрежденіе коммиссій возбудило неудовольствіе безотчетныхъ до того времени министровъ и подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ, которые пользовались выгодами при прежнемъ управленіи; учрежденіе таможенныхъ пошлинъ, увеличивъ дороговизну, вооружило противъ короля обывателей и купцовъ. Приморскій городъ Гданскъ, снабжавшій Польшу привозными товарами, былъ особенно недоволенъ. И безъ того король прусскій въ Маріенвердерѣ бралъ пош-

лины съ плывущихъ по Вислѣ польскихъ судовъ; теперь, съ прибавкою польскихъ пошлинъ товары значительно вздорожали. Но болѣе всего приводилъ въ ужасъ поляковъ вопросъ о допущеніи къ правамъ не-католиковъ. Епископы, краковскій Солтыкъ, каменецкій Красицкій, виленскій Масальскій (будущій приверженецъ Россіи), распустили по приходамъ пастырскія посланія: предписывали священникамъ молиться въ костёлахъ объ отвращеніи бѣды, грозящей римско-католической религіи и древнимъ постановленіямъ Рѣчи-Посполитой, вопіяли противъ общенія съ еретиками и схизматиками, противъ введенія пагубныхъ новшествъ. Кармелитъ, по имени Марко, исцѣлявшій больныхъ наложеніемъ рукъ и сообщавшій водѣ цѣлительное свойство, ходилъ между народомъ и призывалъ защищать св. вѣру. Съ каѳедръ въ костёлахъ загремѣли огненныя проповѣди противъ вѣротерпимости. Вѣрная шляхта приглашалась не допускать во что̀бы то ни стало обращенія въ законъ ужаснаго проекта.

Когда приближалось время сейма, Рѣпнинъ объявилъ, что если не захотятъ даровать православнымъ и диссидентамъ правъ, то сорокъ тысячъ русскаго войска войдутъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Такой рѣшительный тонъ еще сильнѣе взволновалъ поляковъ. Съ религіознымъ фанатизмомъ зашевелилось оскорбленное національное самолюбіе: поляки тяжело почувствовали, какъ низко упали они въ государственной жизни. Епископы повторили свои воззванія на зло русскому послу. Король говорилъ, что готовъ умереть за вѣру и свободу. А между тѣмъ этотъ фанатизмъ вооружалъ противъ Польши половину Европы. Требованіе о дарованіи правъ послѣдовало не отъ одной Россіи, а также и отъ Пруссіи; въ видѣ добраго совѣта ходатайствовали о томъ же Данія и Англія.

Собрался сеймъ. Королю прежде всего хотѣлось установить законъ, чтобы, при обсужденіи дѣлъ, касавшихся войска и финансовъ, принималось рѣшеніе большинствомъ голосовъ, а не единогласіемъ. Въ виду у него было умноженіе войска и податей; онъ считалъ это первою необходимостію для возрожденія отечества. Но какъ только онъ сказалъ о своемъ намѣреніи нѣкоторымъ панамъ и посламъ, — они оказались противниками такихъ нововведеній, поспѣшили сообщить объ этомъ Рѣпнину и представить ему, что король затѣваетъ противное націи. Разнеслась о желаніи короля вѣсть между другими прибывшими въ столицу сеймовыми послами и встрѣтила всеобщее неодобреніе. Подозрѣвали, какъ это уже часто случалось при прежнихъ короляхъ, что король имѣетъ замыселъ усилить монархическую власть и ограничить золотую шляхетскую вольность. Рѣпнинъ и

прусскій посланникъ Бенуа явились къ нему и объявили, что дворы ихъ не допустятъ въ Польшѣ дѣлать того, что̀ противно желаніямъ націи, а потому они протестуютъ противъ намѣренія увеличить число войска и размѣръ податей. Король упалъ духомъ и горько заплакалъ. Оказалось, что если нація дѣйствительно огорчена и раздражена противъ Россіи за покровительство не-католикамъ, то таже нація была противна всякимъ преобразованіямъ болѣе, чѣмъ сама Россія, которая, какъ выше было сказано, была готова содѣйствовать полезнымъ преобразованіямъ въ Польшѣ, но только заручившись, для своей безопасности, крѣпкимъ и твердымъ союзомъ съ нею.

Чарторыскіе, какъ увидѣли, что преобразованія, которымъ они сами же положили починъ, не удаются, тотчасъ стали опять сближаться съ Рѣпнинымъ, заискивать черезъ него милостей императрицы и вооружали пословъ сеймовыхъ. Это еще болѣе убивало Станислава-Августа. Самъ ярый епископъ Солтыкъ, ненавидѣвшій и короля, и Чарторыскихъ, и русскихъ, сближался съ Рѣпнинымъ черезъ референдарія Подосскаго и льстилъ его согласіемъ съ своей стороны на компромиссъ по дѣлу о диссидентахъ. Но то была только интрига. Епископъ заискивалъ у русскаго министра для того, чтобъ надѣлать непріятностей королю и, въ особенности, мѣшать проекту о большинствѣ голосовъ. Когда онъ увидалъ, что и безъ того всѣ противъ этого проекта и онъ пройти ни въ какомъ случаѣ не можетъ,—тотчасъ перемѣнилъ тонъ.

Въ засѣданіи 11-го ноября на сеймѣ заговорили о дѣлѣ не-католиковъ; поднялся страшный шумъ; большинство пословъ въ одинъ голосъ вопило, что ни за что̀ не допустятъ нарушить права религіи. Одинъ изъ пословъ, Гуровскій, сталъ было говорить за свободу не-католиковъ, но ему угрожали саблями, кричали на короля за его планы ввести рѣшеніе посредствомъ большинства голосовъ. «Ни за что не позволю большинства—кричалъ посолъ Чацкій,—съ большинствомъ, пожалуй, допустятъ мѣщанъ къ сейму, и хлоповъ нашихъ уволятъ отъ подданства!» Король ушелъ. Послы кричали, ругались, потомъ разошлись. Конфедерація, устроенная Чарторыскими, уничтожилась.

Послѣ этого, оставалось прибѣгнуть къ средству рѣшительному, которое заранѣе государыня приказала употребить въ случаѣ крайности — составить другую конфедерацію въ пользу не-католиковъ. На Рѣпнина возложено было это трудное порученіе. Оно казалось даже почти невозможнымъ. Поляки-католики были очень фанатичны и если въ чемъ-нибудь непродажны, такъ именно въ дѣлѣ вѣры; не-католики были не многочисленны въ высшемъ

классѣ: охотниковъ до такой конфедераціи могло найтись мало, а вѣдь только о высшемъ классѣ могла идти рѣчь, когда шло дѣло о дарованіи политическихъ правъ. Но въ такомъ разлагающемся обществѣ, каково было польское, убѣжденія были второстепенными двигателями событій; главное мѣсто занимали личные интересы. Шляхту всегда можно было взволновать: не нужно было говорить за что̀ или противъ чего надобно подниматься, а стоило указать ей только лица или фамиліи, за которыхъ или противъ которыхъ приходилось постоять, да главное, нужно посулить при этомъ ей выгоды. У Чарторыскихъ недруговъ было много; ихъ сила возбуждала зависть и соревнованіе. У знатныхъ пановъ, стоявшихъ къ нимъ непріязненно, были сторонники—обыватели и шляхта. Короля не любили, и думали, что онъ все еще за одно съ Чарторыскими, хоть онъ и поссорился съ ними. Паны надѣялись его низложить; были такіе, что подумывали сѣсть сами на его мѣсто; другіе надѣялись выбрать болѣе подходящаго для себя и держать его въ рукахъ. Собрать все недовольное Чарторыскими и королемъ, поманить обѣщаніями и привязать къ этому дѣло, о свободѣ не-католиковъ — такой планъ замыслилъ референдарь Подосскій, сообщивъ его Рѣпнину, и самъ взялся работать. Подосскій былъ давній врагъ короля; по смерти Августа III, онъ уговаривалъ поляковъ избрать сына покойнаго польскаго короля. Это не удалось. Екатерина посадила Станислава-Августа, — Подосскій сталъ врагомъ Россіи; теперь же, когда уже Россія стала недовольна посаженнымъ королемъ и Рѣпнинъ намекалъ на возможность низложить его, Подосскій сдѣлался вѣрнымъ орудіемъ Россіи. Рѣпнинъ обѣщалъ ему доставить мѣсто примаса. Съ Чарторыскими не считали нужнымъ церемониться; они увивались около Рѣпнина, кричали передъ нимъ противъ короля и противъ уничтоженія liberum veto, которое уничтожить прежде сами хотѣли; имъ не вѣрили, потому что они ничего не дѣлали въ угоду Россіи для дѣла не-католиковъ. Ихъ двуличность была очевидна.

Поляковъ только дурачили, говоря имъ о низложеніи короля. Екатерина не хотѣла его низлагать, а разсчитывала наказать его за то, что, во время прошлаго сейма, онъ не только не старался дѣлать угодное императрицѣ, а еще угождалъ епископамъ и самъ подавалъ полякамъ примѣръ упрямства. Подосскій началъ собирать враговъ короля и фамиліи (Чарторыскихъ), Рѣпнинъ издалъ декларацію, гдѣ объяснялъ, что императрица желаетъ полякамъ добра и спокойствія, и поэтому вынуждена послать во владѣнія Рѣчи-Посполитой войско для защиты слабыхъ противъ могущественныхъ. При этомъ, именемъ своей государыни онъ ручался за цѣлость и нераздѣлимость Польши. Къ деклараціи

прилагалось письмо Панина, завѣдывавшаго въ Россіи иностранными дѣлами: оно приглашало поляковъ соединиться дружно за свою свободу и права. Декларація съ письмомъ была разослана по всей Польшѣ на разныхъ языкахъ. Въ тоже время болѣе тридцати тысячъ русскаго войска вошло въ Польшу. Былъ планъ устроить разомъ на различныхъ концахъ Польши и Литвы конфедераціи, а потомъ соединить ихъ въ одну, и маршаломъ этой конфедераціи учинить Карла Радзивила (Panie kochanku), бѣжавшаго послѣ неудачнаго сопротивленія при избраніи въ короли Понятовскаго, за границу. Онъ проживалъ въ Дрезденѣ, и находился разомъ подъ опалою русской императрицы и польскаго короля.

Подосскій пригласилъ въ Варшаву знатнѣйшихъ пановъ: тутъ были кіевскій воевода Салерій Потоцкій, другой Потоцкій, крайчій, надворный маршалъ Мнишекъ, великій коронный подскарбій Вессель, великій коронный кухмистръ Вельогурскій, литовскій стражникъ Поцѣй, Оссолинскій, Тарло и другіе, все непріятели Чарторыскихъ. Старый гетманъ Браницкій самъ не пріѣхалъ, а прислалъ уполномоченнаго; здѣсь были даже главные и упорнѣйшіе враги вѣротерпимости—епископы Красинскій и Солтыкъ. На общемъ совѣщаніи, 10-го мая 1867, Рѣпнинъ предложилъ устроить конфедерацію и изложить требованія и мнѣнія для водворенія и обезпеченія порядка. Непависть къ королю и Чарторыскимъ, боязнь за свои права и вольности, на которыя король и Чарторыскіе посягали своими реформами, заставили забыть другіе виды на время. Надѣялись низвергнуть короля. Рѣпнинъ не обѣщалъ имъ этого прямо, а говорилъ двусмысленными выраженіями: «конфедерованная нація получитъ все, чего захочетъ отъ императрицы». Паны разумѣли подъ этимъ обѣщаніе избавить ихъ отъ Понятовскаго, и этого было довольно; съ своей стороны всѣ обѣщали содѣйствовать общему дѣлу и разъѣхались. И вслѣдъ за тѣмъ, по всей Польшѣ и Литвѣ, возникли конфедераціи.

Кіевскій воевода сконфедеровалъ русскія провинціи Волынь и Подоль; Мнишекъ Великую Польшу; Красинскій воеводство Равское, Мазовецкое и Лэнчицкое; Вессель Краковское; Тарло Люблинское; Оссолинскій Сендомирское; Браницкій Подлясье. Собственно диссидентскія конфедераціи составились въ Торунѣ и Слуцкѣ; къ послѣдней примкнули православные и въ ихъ числѣ архіепископъ Конисскій, которому обѣщано мѣсто въ сенатѣ: это было только возвращеніе прежняго права; русскіе добились этого права еще въ XVII вѣкѣ, но поляки его нарушили. Когда диссидентская конфедерація прислала своихъ депутатовъ къ ко-

ролю, Станиславъ-Августъ не хотѣлъ принимать ихъ; онъ боялся этимъ самымъ узаконить требованія конфедераціи. Рѣпнинъ настоялъ, чтобъ онъ ихъ принялъ. Король покорился и оставилъ за собою такую уловку, будто онъ принимаетъ этихъ господъ не такъ, какъ полномочныхъ отъ конфедераціи, а какъ простое собраніе людей, пришедшихъ къ нему за совѣтомъ.

Въ Польшѣ и Литвѣ состоялось тогда сто-семьдесятъ-восемь собраній, и на нихъ подписалось восемьдесять-тысячъ особъ; и все это сдѣлалось въ теченіи мая 1767, въ продолженіи какихъ-нибудь восьми или десяти дней. Такая быстрота объясняется тѣмъ, что въ Польшѣ издавна обыватели и шляхта привыкли слушаться знатныхъ пановъ; во всякомъ околодкѣ былъ свой королекъ; къ нему тянуло шляхетство, ему угождало; и теперь стоило этимъ королькамъ скликать въ назначенное мѣсто обывателей и шляхту и предложить, что́ угодно. Такъ вездѣ и сталось. Повсюду громада шляхты приступала къ конфедераціи въ пьяномъ видѣ, послѣ пирушки, которую ей устраивалъ королекъ; никто не думалъ о вѣротерпимости, напротивъ, всѣ были воспитаны и укрѣплены въ исключительномъ фанатизмѣ и ужаснулись бы, еслибъ тогда же узнали, что дѣло идетъ о дарованіи правъ схизматикамъ и еретикамъ; имъ выставлялось, что король и Чарторыскіе хотятъ нарушить древнія шляхетскія вольности, а русская императрица ихъ защищаетъ. Отъ разныхъ конфедерацій присланы были въ Варшаву, по заданному заранѣе плану, къ Рѣпнину одинакія заявленія: уничтожить недавно учрежденныя коммиссіи, отнюдь не допускать рѣшенія дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, сохранить зеницу шляхетской вольности liberum veto, не дозволять умноженія податей и увеличенія войска и просить императрицу принять на себя гарантію ненарушимости польскаго правленія.

Между тѣмъ Рѣпнинъ снесся съ Радзивилломъ. Ему, отъ имени императрицы, обѣщано примиреніе и забвеніе прошлаго, возвращеніе всѣхъ правъ, снятіе секвестра съ имѣній, все это съ тѣмъ, чтобъ онъ принялъ на себя званіе маршала общей конфедераціи, заявилъ себя защитникомъ свободы совѣсти, не притѣснялъ бы въ своихъ имѣніяхъ православныхъ и диссидентовъ, возвратилъ бы имъ церкви и позволилъ строить новыя. Ему внушали, что защищая разновѣрцевъ, онъ ничего не сдѣлаетъ преступнаго противъ собственной римско-католической религіи, которая остается по прежнему господствующею въ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ него, въ числѣ условій, потребовали, чтобъ онъ впередъ велъ себя скромно и благообразно. Такое условіе было необходимо, потому что Panie kochanku былъ большой руки самодуръ. Легкомысленный,

расточительный до безразсудства, вѣчно веселый и вѣчно пьяный, равно добродушный и буйный, этотъ панъ-забулдыга, по ограниченности ума, былъ всегда склоненъ къ тому, чтобъ его водили за носъ, но всегда былъ увѣренъ, что дѣлаетъ такъ, какъ самому хочется, и ему казалось, что все кругомъ его слушается. Партія его въ Литвѣ была чрезвычайно велика; никто щедрѣе его не кормилъ и не поилъ братью-шляхту, никто не способенъ былъ дороже купить ее для своихъ прихотей. Радзивиллъ передъ тѣмъ, въ видахъ низложенія Екатерины, покровительствовалъ самозванкѣ Таракановой, но, получивъ дружелюбныя предложенія отъ Россіи, оставилъ претендентку и прибылъ въ Литву.

3-го іюня 1767 онъ вступилъ въ Вильну. Духовенство, городской магистратъ, нѣсколько тысячъ прибывшей нарочно шляхты встрѣчали его съ радостными восклицаніями; съ нимъ былъ не покидавшій его русскій полковникъ Карръ. Русскія войска будто для почета провожали его. Выстрѣлы русскихъ пушекъ раздавались во славу его возвращенія вмѣстѣ съ гуломъ виленскихъ колоколовъ. «Да будетъ благословенъ возвратъ твой — кричала шляхта—ты приносишь намъ свободу и миръ»! Радзивиллъ подписалъ свой акцессъ къ общей конфедераціи. Дѣло конфедераціи съ этой минуты въ Литвѣ стало твердо: куда Радзивиллъ, туда и большая половина Литвы.

Изъ Вильны Радзивиллъ поѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ засталъ стараго гетмана Браницкаго, короля и Чарторыскихъ. Гетманъ очень ненавидѣлъ, но, въ тоже время, боялся Россіи и потому колебался. Пріѣздъ Радзивилла придалъ ему твердости. Онъ поѣхалъ въ Варшаву и былъ обласканъ Рѣпнинымъ. Онъ надѣялся авось-либо, по низложеніи короля Станислава-Августа, корона достанется его сѣдой головѣ.

Радзивиллъ отправился къ сопровожденіи русскихъ войскъ въ Радомъ. Тамъ Рѣпнинъ назначилъ сборное мѣсто для соединенія всѣхъ конфедерацій, которыя туда выслали своихъ совѣтниковъ. Русскій посланникъ сообразилъ, что если оставить поляковъ на свободѣ бесѣдовать о своихъ дѣлахъ, то они перепьются, передерутся и ничего не постановятъ, а потому приказалъ полковнику Игельстрому окружить Радомъ русскимъ войскомъ. Когда эти мѣры были приняты, полковникъ Карръ, сопровождавшій Радзивилла, словно дядька, потребовалъ, чтобъ всѣ единогласно порѣшили собрать чрезвычайный сеймъ и на немъ узаконить допущеніе къ правамъ православныхъ и диссидентовъ и принять отъ Россіи гарантію правленія Рѣчи-Посполитой. Это значило, иными словами, поступить законно подъ зависимость отъ Россіи. Поляки протрезвились. Въ собраніи поднялся ропотъ. Изъ вось-

мидесяти восьми членовъ, присланныхъ представителями разныхъ конфедерацій, только шесть безпрекословно пристали къ требованію Карра. Всѣ прочіе шумѣли; но Карръ хладнокровно объявилъ имъ, что всякій свободенъ противиться какъ ему угодно; пусть только, при этомъ, знаетъ, что императрица поступитъ съ тѣмъ, какъ съ своимъ врагомъ и съ возмутителемъ общественнаго спокойствія въ его собственномъ отечествѣ. Нельзя было вести много разговоровъ въ такой обстановкѣ, въ какой находилаcь конфедерація. Поневолѣ всѣ должны были согласиться въ виду окружавшаго ихъ русскаго войска. Каменецкій епископъ Красинскій, сильнѣйшій противникъ вѣротерпимости, далъ такой многознаменательный іезуитскій совѣтъ: «Если хотите выпутаться изъ бѣды, то будьте во всемъ послушны и подписывайте. Чѣмъ больше зла намъ сдѣлаютъ, тѣмъ бо̀льше способовъ у насъ будетъ». О низложеніи короля нельзя было толковать. Впрочемъ, самъ Радзивиллъ былъ противъ этого и изъявилъ желаніе признать его королемъ, когда уже случилось такъ, что онъ избранъ и коронованъ. «Насъ подманили словно пташекъ на клей—говорили послѣ спохватившіеся поляки — обольстили, ослѣпили отдаленными надеждами на перемѣну главы государства. Хотѣли мы оборонять свою вольность, а стали невольниками, хотѣли охранить св. вѣру, и нарушаемъ ее. Такая подлость у насъ господствуетъ: хоть и видимъ, что всѣ наши поступки несомнѣнно пагубны, однако, не стыдимся самымъ гнуснѣйшимъ образомъ привыкать къ рабству».

Король въ Варшавѣ, между тѣмъ, сошелся съ русскимъ посломъ. Рѣпнинъ представилъ ему, что восемьдесятъ тысячъ подписей ясно показываютъ, какъ не твердо онъ сидитъ на своемъ престолѣ, и какъ легко дѣлать съ поляками такія вещи, которыя съ перваго вида казались невозможными. Станиславъ-Августъ сообразилъ, что его судьба въ рукахъ Россіи, и согласился на все. «Хотя бы всѣ ваши партизаны были у васъ отняты — сказалъ онъ Рѣпнину—а я буду держаться съ вами и безъ изъятія стану дѣлать все, чего потребуетъ отъ меня государыня по дѣлу о диссидентахъ и о гарантіи». Это говорилъ онъ вовсе не искренно, но, тѣмъ не менѣе, Россія не находила нужнымъ потакать врагамъ его болѣе. Рѣпнинъ теперь явно и открыто сталъ всѣмъ говорить, что императрица отнюдь не дозволитъ лишить короны Станислава-Августа. Онъ даже не велѣлъ перемѣнять обычныхъ судовъ и административныхъ мѣстъ, какъ случалось въ Польшѣ, во время конфедерацій. За то и король, въ угодность Рѣпнину, не противорѣчилъ назначенію примасомъ Подосскаго. Высокая награда, которую этотъ человѣкъ получилъ за преданность Россіи, должна была и другихъ ободрять къ вѣрности и доброжелательству Рос-

сіи. Употребляя въ дѣло враговъ Чарторыскихъ, Рѣпнинъ относился ласково къ самымъ Чарторыскимъ.—«Вы, господа—говорилъ онъ Августу Чарторыскому—можете приставать и не приставать къ конфедераціи: какъ вамъ угодно; только въ послѣднемъ случаѣ извольте оставаться нейтральными. Императрица никого не принуждаетъ, но будетъ почитать за злодѣевъ тѣхъ, которые противъ нея дѣйствовать будутъ». Въ хорошихъ отношеніяхъ Рѣпнинъ былъ съ сыномъ Августа, княземъ Адамомъ, но еще въ лучшихъ съ его женою, Изабеллою, урожденной Флеммингъ. Современники говорятъ, что и въ пользу короля лично настроила Рѣпнина эта госпожа, бывшая недавно въ нѣжной связи съ королемъ, а теперь перешедшая въ объятія русскаго посланника. Рѣпнинъ, большой любитель прекраснаго пола и свѣтскихъ удовольствій, легко сживался съ поляками и усвоивалъ польскіе взгляды на человѣческія отношенія. Это не мѣшало ему, однако, оставаться русскимъ человѣкомъ въ томъ смыслѣ, что онъ исполнялъ вѣрно и точно повелѣнія своего верховнаго правительства и дѣйствовалъ съ равною энергіею и тогда, когда требованія правительства расходились съ его сочувствіями, какъ и тогда, когда они съ ними совпадали. Когда приходилось дѣлать, Рѣпнинъ дѣлалъ и ни передъ чѣмъ не останавливался. Рѣпнинъ былъ хотя и православный, но безъ сердечности относился къ православному народу; онъ былъ бариномъ по своимъ понятіямъ и сочувствіямъ: православная вѣра въ Рѣчи-Посполитой была почти исключительно достояніемъ простого народа; по его личному воззрѣнію не стоило вовсе и хлопотать о томъ, что̀ годится только для черни. Рѣпнинъ не видалъ православныхъ между знатными, родовитыми и богатыми господами. Въ своихъ мнѣніяхъ, посылаемыхъ въ Петербургъ, Рѣпнинъ постоянно выражалъ желаніе, чтобы домогательства правъ для не-унитовъ и диссидентовъ не нарушали преимуществъ господствующей римско-католической религіи, чтобъ не показалось, что Россія желаетъ распространенія православія. Для Рѣпнина лично какъ будто не существовало того важнаго обстоятельства, что въ русскихъ краяхъ Рѣчи-Посполитой католичество и унія распространялись съ насиліями, что утѣсняемый и насилуемый народъ долго отстаивалъ свою вѣру, проливалъ за нее кровь и, изнемогая въ многовѣковой борьбѣ, обращался съ надеждами и моленіями къ Россіи, что на Россіи лежала историческая обязанность, усвоенная прежними вѣками — поддерживать своихъ единовѣрцевъ и пользоваться для этой цѣли всѣми благопріятными обстоятельствами. Когда Россія требовала, чтобы православные епископы засѣдали въ польскомъ сенатѣ, ея посланникъ ходатайствовалъ

передъ русскимъ правительствомъ не за православныхъ, а за уніатовъ: онъ даже изъявлялъ боязнь, чтобъ, даруя православнымъ больше правъ, чѣмъ имѣютъ уніаты, не побуждать уніатовъ возвращаться къ православію. Такъ-то русскіе бары, вмѣстѣ съ прадѣдовскими кафтанами и бородами, теряли и завѣтныя преданія своихъ предковъ. Краковскій епископъ приступилъ также къ конфедераціи, но имѣлъ осторожность оговориться, что приступаетъ съ условіемъ неприкосновенности правъ и цѣльности отечества и съ тѣмъ, чтобъ не допускать диссидентовъ до излишнихъ желаній. Послѣ того, какъ совершилось засѣданіе Радомской конфедераціи подъ русскимъ оружіемъ, онъ услышалъ отъ Рѣпнина, что права, для не-католиковъ, требуемыя императрицею, состоятъ именно въ томъ, чтобы православный архіерей засѣдалъ въ сенатѣ, а православные люди и диссиденты имѣли съ католиками равное гражданское значеніе. Тогда онъ засадилъ пятнадцать секретарей и заставилъ ихъ день и ночь писать списки пастырскаго посланія къ правовѣрнымъ католикамъ: онъ приглашалъ вѣрныхъ дѣтей церкви молиться, чтобъ на нихъ низошелъ святой Духъ, и далъ имъ силу бороться съ невѣрными схизматиками и диссидентами.

Уже и безъ того, послѣ Радомской конфедераціи, по всей Польшѣ кричали, что Россія обманываетъ поляковъ, что ихъ насильно заставили подписать противное святой вѣрѣ. Посланіе Солтыка должно было подлить масла въ огонь. Напрасно Рѣпнинъ, черезъ примаса Подосскаго, старался укротить краковскаго архипастыря.—«Скорѣе тѣло свое отдамъ на разсѣченіе, чѣмъ соглашусь на уравненіе правъ не-унитовъ и диссидентовъ съ католиками»—говорилъ Солтыкъ. Рѣпнинъ предвидѣлъ, что этотъ человѣкъ и другіе заклятые фанатики надѣлаютъ шуму на сеймѣ и станутъ мѣшать устроенному Россіею дѣлу. Онъ истребовалъ отъ императрицы разрѣшеніе арестовать тѣхъ, кого найдетъ нужнымъ.

Стали собираться сеймики. Посланіе Солтыка и наущенія фанатиковъ дали такое направленіе шляхетству, что на сеймикахъ слѣдовало ожидать большихъ бурь. Въ этихъ видахъ Рѣпнинъ размѣстилъ русскія войска на тѣхъ пунктахъ, гдѣ надѣялся больше шума, и навязывалъ сеймикамъ проектъ инструкціи, гдѣ было показано, чего должны домогаться на будущемъ сеймѣ послы, по волѣ своихъ избирателей: они должны были требовать удовлетворенія желаній не-католиковъ и гарантіи установленныхъ въ Польшѣ законовъ со стороны Россіи. Были напередъ посланы даже имена тѣхъ, кого Рѣпнину хотѣлось имѣть послами. Король приложилъ къ этому дѣлу руку.

Такъ какъ вездѣ на виду были русскія ружья и штыки, то поневолѣ въ невоинственной Польшѣ сеймики составили такія инструкціи, какія имъ велѣли составить, и выбирали пословъ, какихъ хотѣлось русскимъ. Проскакивало кое-гдѣ сопротивленіе, но было усмирено. На одномъ сеймикѣ былъ арестованъ обыватель Чацкій за смѣлыя рѣчи. Въ Каменцѣ, гдѣ чувствовалось вліяніе епископа Красинскаго, два русскіе офицера, прибывшіе съ инструкціями были прогнаны и самый привезенный ими проектъ изрѣзанъ саблями. По закрытіи сеймиковъ, кое-гдѣ написаны были протесты и занесены въ градскія книги, но Рѣпнинъ приказалъ ихъ вырѣзывать оттуда и уничтожать.

Чтобы однимъ разомъ не дать силы и значенія подобнымъ протестаціямъ, Рѣпнинъ, передъ открытіемъ сейма, потребовалъ отъ конфедераціи постановленія объ уничтоженіи всѣхъ такихъ протестовъ. Тогда поднялся противъ этого одинъ изъ членовъ конфедераціи, Кожуховскій. Рѣпнинъ тотчасъ велѣлъ его арестовать. Конфедераты зашумѣли сильнѣе. Папскій нунцій возбуждалъ поляковъ именемъ вѣры, хотя въ своихъ донесеніяхъ отзывался о нихъ съ крайнимъ презрѣніемъ и называлъ развращенною и глупою націею (la traviata ed imbecile nazione). Конфедераты сошлись у Радзивилла, кричали, что всѣ готовы на мученичество за святую вѣру. Рѣпнинъ внезапно явился къ нимъ, и обращался съ ними, словно учитель съ буйными школьниками; онъ говорилъ имъ: «Перестаньте шумѣть, а не то, какъ я заведу шумъ, такъ мой будетъ посильнѣе вашего». — «Освободить Кожуховскаго», кричали конфедераты.—«Крикомъ у меня ничего не возьмете—сказалъ Рѣпнинъ,—будете шумѣть—ничего не сдѣлаю; а попросите тихо и учтиво, такъ можетъ быть и сдѣлаю вамъ удовольствіе». Тогда Радзивиллъ подошелъ къ нему, и попросилъ его учтиво, отпустить Кожуховскаго. Рѣпнинъ тотчасъ исполнилъ его просьбу. Зная, что всякому упорству виною Солтыкъ, Рѣпнинъ послалъ военную экзекуцію въ имѣніе краковскаго епископа; солдаты разоряли магазины, забирали и истребляли всякую движимость, принадлежавшую епископу. Приблизился сеймъ.—Солтыкъ зналъ, или, можетъ быть, догадывался, что у Рѣпнина насчетъ его есть рѣшительныя приказанія. Онъ составилъ завѣщаніе, въ надеждѣ быть высланнымъ, какъ онъ думалъ, въ Сибирь, и установилъ викаріевъ на мѣсто себя для управленія епархіею.

Сеймъ открылся (23 сентября) 4 октября. Порядокъ, выдуманный Рѣпнинымъ, былъ таковъ: сеймъ долженъ былъ выбрать изъ своей среды делегацію, уполномочить ее согласиться на все, чего требуетъ русскій посланникъ, и тѣмъ покончить все дѣло.

Въ такомъ смыслѣ долженъ былъ податься проектъ на первомъ засѣданіи.

Солтыкъ не допустилъ чтенія этого проекта на первомъ засѣданіи. «Послы—говорилъ онъ—будучи сами выбранными, не имѣютъ права устраивать делегаціи и передавать ей одной власть, принадлежавшую имъ всѣмъ. Съ россійскимъ посланникомъ вовсе нѣтъ нужды вести трактаты. Обыкновенно трактаты ведутся по поводу заключенія мира послѣ войны, или по поводу союзнаго договора. Но императрица объявляетъ, что она желаетъ, чтобы оказано было правосудіе не-католикамъ, обратившимся къ ней съ жалобой; намъ, поэтому, предстоитъ прямой легальный путь, назначить коммисію для изслѣдованія: справедливы ли жалобы тѣхъ, которые обращались къ императрицѣ»? Обратившись къ королю, Солтыкъ сказалъ: «Ваше величество обѣщались и обязались проливать свою кровь за вѣру; вотъ теперь пришло время дать намъ доказательство искренности вашихъ чувствованій и показать собою примѣръ всему народу».

За нимъ говорилъ старый Вацлавъ Ржевускій, краковскій воевода, человѣкъ стараго времени, строгій консерваторъ, ненавистникъ всякихъ реформъ и нововведеній, откуда бы они ни исходили. Онъ, прежде всего, распространился въ похвалахъ своимъ предкамъ и совѣтывалъ поступать по ихъ примѣру. «Проектъ, о которомъ идетъ рѣчь—сказалъ онъ,—такого рода, что отъ него произойдетъ, или свобода, или зависимость Польши. Наши предки установили законъ не иначе принимать важные проекты, какъ обсудивши ихъ. Нельзя принимать такого проекта необдуманно: это значитъ самому голову въ ярмо вкладывать. О насъ скажутъ: вотъ дѣти недостойные отцевъ своихъ; это уже не поляки».

Послѣ этой рѣчи король закрылъ засѣданіе, а Рѣпнинъ на другой же день отправилъ военную экзекуцію въ имѣніе краковскаго воеводы.

На слѣдующій день, въ засѣданіи, выступилъ кіевскій епископъ Іосифъ Залусскій, знаменитый собиратель рукописей и книгъ, основатель публичной библіотеки. У него въ рукахъ были два папскія бреве, взывающія къ католикамъ, чтобы они не поддавались внушеніямъ, противнымъ вѣрѣ. Чтеніе ихъ произвело поражающее впечатлѣніе.

Выступилъ сынъ Вацлава Ржевускаго, молодой Северинъ, посолъ подольскій. «Я, сказалъ онъ:—выбранъ свободно; доказательствомъ служитъ мое постоянное сопротивленіе и чувства свободныхъ обывателей, именемъ которыхъ я обязанъ произнести слово; я, поэтому, готовъ терпѣть всякаго рода притѣсненія и

самую смерть. Многіе изъ пословъ, напротивъ, выбраны русскими. Обольщенные, они сдѣлались врагами свободы. Ихъ не ужасаетъ то, что всѣ провинціи терпятъ безмѣрныя утѣсненія; до ушей короля не доходятъ вопли народа».

Король, чтобы остановить дальнѣйшую тревогу, возбужденную на сеймѣ этой рѣчью, опять закрылъ засѣданіе.

По желанію Рѣпнина, слѣдующее засѣданіе отложено на шесть дней. Рѣпнинъ поджидалъ еще одного заклятаго противника, каменецкаго епископа Красинскаго. Послѣ радомскаго совѣщанія, онъ уѣхалъ въ свои имѣнія, лежавшія на турецкой границѣ. Знакомый лично съ хотинскимъ пашею, онъ спряталъ у него свои сокровища и отправилъ въ Константинополь каноника армянина Анкевича съ извѣщеніемъ, что русская императрица возбуждаетъ грековъ и черногорцевъ къ мятежу противъ Турціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изложилъ жалобы на самовольства, какія позволяетъ Россія въ Польшѣ. Скоро онъ получилъ отвѣтъ, чрезвычайно лестный: его извѣщали, что турки готовы объявить войну Россіи за Польшу, лишь бы Австрія не мѣшала, и кромѣ того обѣщаютъ дать полякамъ взаймы денегъ. Красинскій былъ въ восторгѣ и поѣхалъ въ Варшаву съ великими надеждами. Онъ не зналъ того, что Рѣпнину были извѣстны его сношенія. Его-то Рѣпнинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобы взять вмѣстѣ съ другими и отправить, куда слѣдуетъ, подалѣе.

Услышавъ, что онъ ѣдетъ въ Варшаву, Рѣпнинъ послалъ ему на встрѣчу конвой провожать его до столицы, какъ будто для почета. Но Красинскій догадался въ чемъ дѣло, и за нѣсколько верстъ отъ Варшавы переодѣлся стрѣлкомъ, бросилъ свой экипажъ и убѣжалъ. Онъ пробрался между русскими войсками, которые окружали тогда всю Варшаву, прибылъ въ Прагу и тайно послалъ къ Солтыку совѣтъ, чтобы онъ не противился, не подвергалъ себя напрасно опасности; лучше пусть ожидаетъ благопріятнаго времени; есть большія надежды на турокъ. «Не бѣда, если и весь сеймъ уступитъ императрицѣ: пусть только одинъ смѣлый посолъ найдется, чтобы протестъ записать; а потомъ мы составимъ конфедерацію. Пусть послы сдѣлаютъ все угодное силѣ, а потомъ идутъ въ конфедерацію, только тайно до поры до времени; пусть каждый дастъ клятву не разглашать этого, а въ свое время защищать вѣру и свободу, жертвуя за нихъ жизнью».

Солтыкъ послалъ къ нему Іосифа Пулавскаго, похвалилъ его предпріятіе и велѣлъ сказать: «Каждый изъ насъ пусть ищетъ средствъ къ спасенію отечества, сообразно своему характеру. Я съ своей стороны желаю принудить москалей поступить со мной

явно потирански. Зло, которое они мнѣ сдѣлаютъ, принесетъ пользу отечеству».

И дѣйствительно, Солтыкъ принялъ намѣреніе дразнить Рѣпнина и доводить его до крайнихъ поступковъ. Послѣ открытія засѣданій, онъ предложилъ Избѣ потребовать отъ Рѣпнина объясненія: на какихъ основаніяхъ онъ себѣ позволяетъ брать подъ арестъ обывателей, разорять имѣнія, насиловать убѣжденія и предписывать законы полякамъ?

Это произвело одобреніе. Король сейчасъ закрылъ засѣданіе.

У Солтыка въ домѣ происходило совѣщаніе. Тамъ даже поговаривали: нельзя ли устроить надъ не-католиками чего-нибудь въ родѣ Сицилійскихъ вечерень, или Варѳоломеевской ночи. Рѣпнина объ этомъ тайно извѣстили. Тогда Рѣпнинъ рѣшился успокоить неугомоннаго епископа и его горячихъ товарищей по оппозиціи.

Въ ночь съ 13-го на 14-е октября, полковникъ Игельстромъ арестовалъ Солтыка въ домѣ великаго короннаго маршалка Мнишка, гдѣ краковскій епископъ ужиналъ.—Знаете ли, что я князь, сенаторъ и духовное лицо», сказалъ епископъ.—Васъ-то и приказано арестовать, сказалъ Игельстромъ. «Я думалъ — сказалъ Солтыкъ — что меня арестуютъ въ моемъ домѣ и нарочно оставилъ золотую табакерку въ подарокъ тому, кому поручатъ такую коммисію».

Залускаго взяли въ то время, когда онъ стоялъ на молитвѣ и держалъ въ рукѣ распятіе. При видѣ русскихъ, онъ гласно возопилъ къ Богу о прощеніи тѣмъ, которые его оскорбляютъ.

Арестовали Ржевускихъ, отца и сына. За конвоемъ, состоящимъ изъ 200 конныхъ, ихъ всѣхъ отправили въ Калугу.

Три сенатора, отъ имени короля, пріѣхали требовать у Рѣпнина объясненія. Онъ отвѣчалъ: «Я обязанъ объяснять свои поступки только своей государынѣ. Арестованные не будутъ освобождены до тѣхъ поръ, пока не будетъ все сдѣлано, согласно волѣ императрицы.»

Послѣ такихъ энергическихъ поступковъ, все пошло какъ по маслу. Назначили делегацію изъ шестидесяти пословъ, а изъ нихъ выбрали четырнадцать человѣкъ и положили рѣшить дѣло большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ, судьба Рѣчи-Посполитой отдавалась восьми лицамъ. Совѣщанія происходили въ присутствіи русскаго посланника и министровъ Пруссіи, Англіи, Швеціи и Даніи. Поодаль сидѣлъ бѣлорусскій архіепископъ Конисскій. Очень много разсуждать и разглагольствовать нельзя было. — «Я требую не толковъ, не объясненій—говорилъ Рѣпнинъ—а послушанія.» — 19 ноября рѣшено допустить православ-

ныхъ и диссидентовъ ко всѣмъ должностямъ, исключая королевскаго достоинства. Римско-католическая религія все-таки осталась господствующею, а при смѣшанныхъ бракахъ дѣти должны были исповѣдывать религію того изъ родителей, къ полу котораго сами принадлежали.

При всей рѣзкости своего обращенія, происходившей по предписанію своей власти, Рѣпнинъ не только, не былъ врагомъ Польши, но ходатайствовалъ за нее передъ императрицею. Госпожа, владѣвшая его сердцемъ, настраивала его: онъ хвалилъ своей государынѣ Станислава-Августа, увѣрялъ въ его преданности Россіи и доказывалъ, что Россія должна безкорыстно помогать Польшѣ устроить у себя порядокъ, а не поддерживать въ ней анархіи, и потому допустить уничтожить liberum veto. По увѣренію Рѣпнина, всѣ благомыслящіе люди въ Польшѣ этого хотѣли. Императрица отвѣчала, что нѣтъ необходимости не дозволять сосѣдямъ пользоваться «индифферентнымъ и спокойнымъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, когда такой порядокъ можно обратить на пользу Россіи. Политика Екатерины не направлялась умышленно къ тому, чтобы препятствовать благоустройству Польши, но настолько, насколько можно было заручиться увѣренностію, что благоустройство не мѣшаетъ Россіи». Такъ, на сеймѣ 1768 г. (продолженномъ съ 1767 г.), постановлено было, съ благословенія Россіи, чтобъ въ теченіи времени, когда сеймъ бываетъ въ сборѣ, первыя три недѣли онъ занимался экономическими дѣлами, и эти дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ, а другія двѣ государственными, и по дѣламъ этого рода рѣшеніе должно происходить посредствомъ единогласія. Екатерина находила несвоевременнымъ допустить господство большинства голосовъ во всѣхъ дѣлахъ. Пользуясь давнею привычкою шляхты угождать панамъ, какой-нибудь знатный панъ могъ собрать значительную партію, добыть себѣ большинство и такимъ образомъ проводить замыслы безпокоить Россію и вредить ей. Да и безотносительно къ Россіи уничтоженіе liberum veto не водворило бы въ Польшѣ благоустройства, а скорѣе усилило бы въ ней анархію. Если оно до тѣхъ поръ препятствовало хорошимъ замысламъ, то препятствовало также и худымъ. Легко было предвидѣть, что̀ могло явиться съ его уничтоженіемъ въ такомъ продажномъ и деморализованномъ обществѣ, какимъ было польское. Знатный и богатый панъ, за одно съ своею роднею и пріятелями, пригонитъ на разные сеймики подпоенную и подкупленную шляхту, выберетъ въ послы своихъ подручниковъ, составитъ себѣ большинство голосовъ, постановитъ такіе законы, какіе ему угодно, и захватитъ власть, раздѣливъ ее съ своею партіею. Про-

тивъ него поднимется другой панъ, также съ своими близкими, разсыплетъ еще болѣе червонцевъ между шляхтою и напоитъ ее еще усерднѣе чѣмъ первый, и большинство перейдетъ па его сторону. Страсти, разумѣется, усилились бы и ожесточились кровопролитія, опустошенія страны были бы неминуемыми послѣдствіями такой перемѣны. Въ Польшѣ существовали уже образцы устройства съ большинствомъ голосовъ — это конфедераціи, всегда производившія тревогу и перетасовку общественныхъ отношеній, всегда почти сопровождаемыя междоусобіями и кровопролитіемъ. Допустить большинство голосовъ, значило устроить Польшу такъ, чтобы въ ней не переставали конфедераціи, чтобы вѣчно новая ниспровергала старую, а иногда, появлялось бы разомъ нѣсколько конфедерацій, противныхъ другъ другу. Ошибались тѣ, которые, видя дурныя стороны liberum veto, думали, что уничтоженіе этого закона принесло бы отечеству счастіе, силу и спокойствіе: оно бы, напротивъ, ввергнуло его еще глубже въ омутъ безурядицы.

Кромѣ закона о голосахъ, на этомъ сеймѣ, подъ вліяніемъ Россіи, издано было нѣсколько законовъ, дѣйствительно показывавшихъ стремленіе къ улучшенію и возрожденію. Такимъ образомъ, отнято было у пановъ право жизни и смерти надъ своими хлопами, и послѣдніе судились уже общимъ для всѣхъ судомъ, а не доминіальнымъ судомъ своего господина. Этимъ возвращалась имъ хоть часть человѣческаго достоинства. За убійство хлопа, господинъ отвѣчалъ передъ правосудіемъ, какъ за свободнаго человѣка; положили ввести въ войскѣ строжайшую дисциплину; запрещалось панамъ дѣлать наѣзды другъ на друга; виновнымъ въ этомъ угрожала кара. Этихъ полезныхъ учрежденій не дозволила бы ввести шляхта; только желѣзной рукѣ русскаго посланника они были обязаны своимъ введеніемъ въ законъ; впрочемъ, эта желѣзная рука нужна была и для того, чтобъ новыя установленія принялись въ жизни, а не оставались на бумагѣ.

Вѣчная гарантія Россіи была утверждена этимъ сеймомъ и получила значеніе основного закона. Польша уже не только фактически, но и легально поступила въ зависимость отъ Россіи. Гарантія эта казалась оскорбительною для патріотическаго чувства поляковъ; но, въ сущности, ихъ щекотало болѣе слово, чѣмъ смыслъ дѣла; Польша и безъ того зависѣла прежде и отъ Россіи и отъ каждаго сильнаго сосѣда, и собственными усиліями не могла сдѣлаться независимою. Ея ровному и спокойному перевоспитанію и развитію могла содѣйствовать правильная и законная зависимость отъ какой-нибудь внѣшней силы, которая бы

сдерживала сколько-нибудь и успокоивала внутреннія стихіи разрушенія. Только такая внѣшняя сила, какою была для Польши Россія, и могла обуздывать самоуправство и безпорядокъ. Безъ этого условія не предвидѣлось никакихъ средствъ къ скорому и успѣшному перерожденію націи. Какія бы усилія внутри страны ни предпринимались для этой цѣли, противъ нихъ всегда бы враждебно стояли разрушительныя начала, тѣмъ болѣе страшныя, что опирались на привычку и эгоизмъ — два важнѣйшія препятствія въ исторіи человѣческаго прогресса. Если бы въ Польшѣ въ то время была политическая мудрость, то она бы увидѣла въ такой ужасной для патріотическаго самолюбія гарантіи только средство удобнѣе совершить необходимыя перемѣны и привести Польшу въ такое состояніе, въ которомъ она могла воспитать въ себѣ условія, необходимыя для благоустройства, а слѣдовательно, приблизиться къ возможности быть независимою. Такъ именно и смотрѣлъ Подосскій, который, хотя и имѣлъ въ виду главнымъ образомъ свое собственное возвышеніе, но говорилъ справедливо, что, при всей грубости русскаго вмѣшательства, видитъ въ немъ средство воздвигнуть отечество изъ упадка. Были и другіе, думавшіе также, особенно при дворѣ, но проницательность и разсчетливость не въ духѣ польскаго характера: полякъ всегда предпочиталъ поступать такъ, какъ ему говоритъ сердце, а не разсудокъ.

Каменецкій епископъ, его братъ Михаилъ, Іосифъ Пулавскій съ тремя сыновьями составили въ Барѣ конфедерацію противъ сейма 1768 г., всѣхъ перемѣнъ, узаконенныхъ на немъ и, главное, противъ дарованія правъ не-католикамъ и противъ русской гарантіи. Они отправили своихъ посланцевъ въ Турцію; самъ епископъ поѣхалъ въ Саксонію, Парижъ: вездѣ возбуждалъ сочувствіе къ судьбѣ своего отечества, умолялъ о дарованіи помощи Польшѣ противъ насилія. Составленная конфедерація, между тѣмъ, быстро разрослась. За сборищемъ въ Барѣ въ другихъ мѣстахъ появились такія же сборища. Образовалось военное ополченіе. Русскія войска вступили съ нимъ въ борьбу. Война была партизанскаго характера. Край пришелъ въ смятеніе; торговля останавливалась, мирное сообщеніе задерживалось; вербунки въ войско конфедератовъ, вымогательства припасовъ и денегъ отягощали народъ городской и сельскій.

Тогда фанатическая злоба конфедератовъ обратилась на православныхъ: отъ нихъ сталось униженіе Польшѣ, за нихъ, какъ за единовѣрцевъ, заступалась Екатерина; они вызвали ея вмѣшательство своими безпрестанными жалобами и просьбами въ Петербургъ. Въ Южной Руси, гдѣ вѣками укоренилась вражда

къ полякамъ и католичеству, русскій народъ сталъ покидать унію и переходить къ вѣрѣ праотцевъ; приходъ за приходомъ присоединялись къ православію; въ однихъ сами священники подавали примѣръ; въ другихъ прихожане принуждали священниковъ, а тѣхъ, которые не хотѣли, прогоняли и на мѣсто ихъ выбирали другихъ. Центромъ православной пропаганды сдѣлался мотронинскій монастырь, гдѣ игуменствовалъ дѣятельный Мельхиседекъ Значкò-Яворскій, напутствуемый въ своихъ подвигахъ переяславскимъ архіереемъ Гервасіемъ[1]). Онъ съѣздилъ въ Петербургъ, исходатайствовалъ у императрицы заступничество и въ Варшавѣ получилъ отъ короля привилегію на неприкосновенность своего монастыря. Своевольный фанатизмъ не хотѣлъ знать никакихъ привилегій. «Мы и тебѣ и королю твоему снесемъ голову, чтобъ онъ не давалъ правъ схизматикамъ, собачьей вѣрѣ!» говорили ему поляки. Особеннымъ фанатизмомъ отличался официалъ уніатскаго митрополита Мокрицкій, насильственно обращавшій къ уніи тѣхъ, которые въ послѣднее время возвратились къ православію. Священниковъ для поруганія запрягали въ плуги, били ихъ кіями, сѣкли терновыми розгами, насыпали въ голенища горячихъ углей, забивали въ колоды, морили тюремнымъ заключеніемъ, отнимали у нихъ все достояніе и пускали искалѣченныхъ по-міру. Поймали самого Мельхиседека, ругались надъ нимъ и держали въ тюрьмѣ. Барскіе конфедераты, не въ силахъ будучи ничего подѣлать Россіи, мстили ей на православномъ народѣ, подвластномъ Польшѣ. Отсчитывая усердно удары плетей по плечамъ священниковъ и мірянъ, обратившихся изъ уніи въ православіе, или нехотѣвшихъ принимать унію, они приговаривали: «это тебѣ за государыню, а это за короля, а это за архіерея, а это за вся православные христіаны!» На всю Украину навело тогда страхъ варварское истязаніе млієвскаго ктитора Данила Кушнира за то, что онъ не отдалъ уніатамъ гробницы (плащаницы). Его обвязали паклею, привязали къ дереву и сожгли. Но въ Украинѣ имя Богдана Хмельницкаго было извѣстно и старому и малому, извѣстно не изъ книгъ, а изъ живого преданія, передаваемаго отъ родителей къ дѣтямъ; украинскія матери за панскою пряжею пѣли дѣтямъ пѣсни о томъ, какъ нѣкогда ихъ предки казаки гатили гребли панскими трупами. Тайная надежда на освобожденіе *зъ ляцькои неволі* не покидала русскій народъ, какъ Израиля во дни плѣненія. Онъ искалъ и ждалъ спасенія отъ единовѣрной Россіи, гдѣ плѣняло и ободряло его господство той вѣры, которая въ его отечествѣ нашла названіе собачей.

---

[1]) О дѣятельности этого лица см. Архивъ Югозапад. Росс. ч. I, т. II, III.

Взоры народа устремились на сѣверъ къ великому-свѣту-матушкѣ, какъ называлъ онъ Екатерину. Ему показалось, что пришло время отмщенія за вѣковыя страданія. Онъ поднялся, какъ нѣкогда поднимались его дѣды.

Начало возстанію положилъ Максимъ Залізнякъ, запорожецъ. Онъ оставилъ уже войсковое житье, находился на послушаніи въ монастырѣ и готовился поступить въ иноческій чинъ. Поруганіе православной вѣры, избытокъ людскихъ беззаконій, вызвали его въ міръ. Онъ явился подъ мотронинскимъ монастыремъ и заложилъ станъ на урочищѣ Холодный-Яръ. Онъ огласилъ, что у него есть грамота императрицы, призывающая народъ къ возстанію. Мотронинскіе монахи благословили его предпріятіе. Самъ Мельхиседекъ долго держалъ народъ въ предѣлахъ повиновенія и терпѣнія; теперь же, послѣ испытанныхъ надъ собою поруганій, благословилъ предпріятіе, какъ гласитъ преданіе. Впрочемъ, остается еще нерѣшеннымъ: участвовалъ ли Мельхиседекъ въ этомъ возстаніи?

Народъ со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться къ Залізняку. Монахи и изгнанные изъ приходовъ священники, терпѣвшіе отъ уніатовъ истязанія, ходили по селамъ и возбуждали къ возстанію. Разомъ явилось нѣсколько предводителей шаекъ: Неживый, Уласенко, Бондаренко, Шило, Тимченко и другіе. Начали рѣзать панскихъ управителей и жидовъ. Обреченные на смерть народнымъ правосудіемъ бѣжали въ укрѣпленныя мѣста и въ глубину Польши. Отдѣльныя шайки присоединяются къ Залізняку. Разсылается воззваніе къ освобожденію панскихъ хлоповъ. «Коронные обыватели — было сказано въ этомъ воззваніи — живущіе въ панскихъ и духовныхъ имѣніяхъ! Наступило время выбиться изъ неволи, освободиться отъ ярма и тягостей, которыя вы терпѣли до сихъ поръ отъ вашихъ пановъ! Богъ съ высокаго неба воззрѣлъ на вашу недолю, услышалъ рыданія и вопли ваши на сей мірской юдоли и послалъ вамъ охранителей, которые отомстятъ за ваши бѣдствія. Прибывайте къ тѣмъ, которые хотятъ учинить васъ свободными и надѣлить правами и вольностями. Теперь-то пришла пора потребовать отчета отъ вашихъ властей за всѣ кривды, мучительства, за всѣ невыразимыя обдирательства. Посылаемъ къ вамъ предводителей. Вѣрьте имъ и идите за ними съ оружіемъ, съ какимъ кто можетъ! Покидайте домы ваши, женъ и любезныхъ дѣтей. Не будете жалѣть объ этомъ, когда опять съ ними увидитесь! Богъ намъ дастъ побѣду и станете вы всѣ вольными панами, когда выгубите змѣиное отродіе пановъ своихъ, которые до сихъ поръ сосутъ вашу кровь! Вы прежде намъ не вѣрили, когда мы къ вамъ озывались, а теперь

можете вѣрить, когда братія ваша на Украинѣ и Подоли счастливо начала выбиваться изъ ярма. Призовите Бога на помощь и прибывайте къ намъ»!

На знакомый украинскому сердцу призывъ поднялись тысячи: Залізнякъ объявлялъ возстановленіе гетманщины, всѣхъ сообщниковъ называлъ казаками. Онъ напалъ на Лисянку: тамъ заперлась шляхта съ жидами. Мѣстечко было хорошо укрѣплено, но русскіе жители его сочувствовали возстанію и потребовали отъ начальника своего, Кучевскаго, сдачи. «Все равно — говорили ему — гетманщина будетъ: не устоишь! Лучше тебѣ добровольно сдаться: живъ останешься!» — Кучевскій отворилъ ворота. Казаки положили ему на спину сѣдло, садились на него верхомъ и заставляли возить себя, а потомъ закололи. Всѣхъ католиковъ и жидовъ, искавшихъ спасенія въ замкѣ и сбѣжавшихся туда изъ околицъ, перебили. Надъ дверьми костела францисканскаго монастыря повѣсили ксендза, жида и собаку, а сверху надписали: «ляхъ, жидъ та собака: усе віра однака!» То была, кажется, не новая выдумка, а подражаніе старинѣ: русскіе этимъ поступкомъ явно мстили за то, что поляки называли православіе песьею вѣрою. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь стеклось шляхты и жидовъ въ Умани, принадлежавшемъ кіевскому воеводѣ Потоцкому. Залізнякъ направился туда. Управляющимъ или *губернаторомъ* въ Умани отъ Потоцкаго, былъ Рафаилъ Младановичъ. Въ городѣ была панская надворная команда изъ казаковъ, подъ начальствомъ Обуха, а отъ него зависѣли сотники; въ числѣ ихъ былъ нѣкто по фамиліи Гонта: онъ пользовался милостями пана владѣтеля Умани. Младановичъ отправилъ этихъ воиновъ противъ возстанія, но Гонта передался къ Залізняку, а по его примѣру и другіе казаки.

Въ Умани, народу было биткомъ-набито, а воды не было; приходилось утолять жажду вишневкою да медомъ, и потому всѣ перепились и стали неспособны къ оборонѣ. Младановичъ былъ не храбраго десятка и потерялъ духъ. Ксендзы приготовляли всѣхъ къ смерти. Гонта вызвалъ Младановича на разговоръ, объявилъ, что идетъ съ товарищами по приказанію Екатерины и ея именемъ требовалъ покорности.

Одинъ изъ товарищей Младановича, Ленартъ, сказалъ: просимо на хлібъ-на-сіль! Но другой, Рогашевскій, закричалъ: стрѣлять шельму! Младановичъ не дозволилъ стрѣлять и самъ въ страхѣ убѣжалъ въ костелъ. Гайдамаки ворвались въ городъ и вторгнулись въ костелъ, куда, вслѣдъ за Младановичемъ, вбѣжала шляхта толпою искать спасенія въ молитвѣ. Увидя входящихъ казаковъ, поляки падали на землю и просили пощады и милосердія. «Гарненько ляшеньки просяться: треба перепустити!»

сказалъ одинъ казакъ. «А що зъ тобою буде, якъ имъ перепустимо!» отвѣчалъ Гонта. Разъяренная толпа бросилась убивать и мучить всѣхъ: ихъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Инымъ обрубливали ноги и руки и оставляли мучиться, не внимая ихъ моленіямъ докончить ихъ. Прокалывали насквозь дѣтей и подымали вверхъ на копьяхъ. Ксендзовъ запрягали въ ярма, гоняли по улицамъ, уложеннымъ трупами, потомъ приводили въ церковь, заставляли читать «вѣрую» и за чтеніемъ били по щекамъ, а потомъ выводили изъ церкви и убивали. Перерѣзали въ базиліанскомъ монастырѣ духовныхъ и учениковъ находившейся тамъ школы. Изъ сосѣднихъ селъ сбѣжались хлопы и потѣшались надъ муками и гибелью ляховъ. Ругались надъ римско-католическою святынею, одѣвались въ богослужебныя одежды и передразнивали богослуженіе, плевали на распятія и образа, разсыпали изъ ковчега и топтали ногами св. дары, приговаривая: «ото Богъ ляцькій!» Немногихъ, въ томъ числѣ дѣтей, пощадили, но заставили принять православіе и совершали надъ ними обрядъ крещенія, какъ бы непризнавая римско-католической вѣры за христіанскую. Тѣла убитыхъ свалили въ одинъ глубокій колодецъ. Поляки увѣряютъ, будто ихъ погибло въ Умани до двадцати тысячъ, число, безъ сомнѣнія, чрезвычайно преувеличенное, можетъ быть въ десять разъ.

Послѣ такой расправы, провозгласили возстановленіе гетманщины. Залізнякъ назвался гетманомъ, Гонта уманскимъ полковникомъ. Но русскій генералъ Кречетниковъ, узнавъ, что̀ творилось въ Умани, послалъ къ новообразованной гетманщинѣ русскаго офицера съ отрядомъ донскихъ казаковъ. Офицеръ, по прозванію Кривой, пригласилъ ихъ вмѣстѣ съ русскими войсками воевать противъ барскихъ конфедератовъ, а набившуюся въ Умань толпу просилъ распустить. Залізнякъ и Гонта довѣрились и согласились. Тогда Кривой предложилъ имъ, передъ выходомъ изъ Умани, сдѣлать прощальную пирушку, и когда они перепились, приказалъ ихъ перевязать и доставить въ русскій лагерь. Оттуда Залізняка отправили въ Сибирь, наказавъ, какъ говорятъ, кнутомъ, а Гонту съ другими товарищами выдали польскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ за одно съ русскими противъ конфедератовъ. Въ мѣстечкѣ Сербахъ, по распоряженію регементаря Ксаверія Браницкаго, съ Гонты сняли со спины двѣнадцать полосъ кожи. Испытывая такую казнь, Гонта говорилъ: «отъ казали: буде боліти, а воно ні кришки не болить, такъ наче блохи кусають!» Въ заключеніе его четвертовали.

Другія гайдамацкія шайки свирѣпствовали въ разныхъ мѣ-

стахъ, въ одно время съ Гонтою и Залізнякомъ. Событія, подобныя уманскимъ совершались въ Дашовѣ, Грановѣ, Гайсинѣ, Монастырищѣ, Босовкѣ, Ладыжинѣ и другихъ мѣстахъ. Но послѣ взятія Залізняка и Гонты, убѣдившись, что императрица совсѣмъ не благословляетъ возстанія, народъ утишился. Послѣ того, ограждаемые отъ мести русскаго народа русскою государынею, поляки думали навести страхъ на русскій народъ и учредили военный судъ подъ названіемъ: Judicium statarium. Предсѣдательствовалъ на этомъ судѣ полковникъ Стемпковскій, получившій отъ короля неограниченное право меча (jus gladii), право казнить и искоренять мятежъ. Мѣстопребываніе этого суда было въ мѣстечкѣ Коднѣ. Туда приводили подозрительныхъ по доносамъ. Чуть-кто неосторожно подастъ на себя подозрѣніе въ буйномъ духѣ, того сейчасъ и тащутъ въ Кодню, а изъ Кодни никто не ворочался здоровымъ: иныхъ вѣшали, другихъ четвертовали, а менѣе виновнымъ обрубливали руки или ноги и пускали скитаться и ползать по міру, чтобъ своимъ видомъ внушать русскому народу страхъ и повиновеніе. Еще въ концѣ XVIII вѣка можно было видѣть калѣкъ, просившихъ милостыни стариковъ, носившихъ на себѣ слѣды посѣщенія Кодни. Въ Украинѣ долго оставалась поговорка: «а щобъ тебе святая Кодня не минула!» Такъ говорили, разсердясь другъ на друга.

Гайдамацкое возстаніе подало случайно поводъ къ важнымъ переворотамъ въ политическихъ дѣлахъ. Одинъ изъ гайдамацкихъ начальниковъ, Шило, преслѣдовалъ поляковъ до мѣстечка Балты, лежавшаго на тогдашней турецкой границѣ. Поляки убѣжали за рѣку Кодыму въ турецкія владѣнія. Шило погнался за ними; турки стали ихъ защищать; Шило разбилъ турокъ, напалъ на татарское селеніе Галту и перебилъ скрывавшихся въ ней поляковъ.

Туркамъ въ это время нуженъ былъ только поводъ, чтобъ придраться къ Россіи. Конфедерація давно уже умоляла ихъ о помощи; Турція только манила ихъ сочувствіемъ до тѣхъ поръ, пока, потерпѣвши отъ русскаго оружія, конфедераты не подали Турціи надежды пріобрѣсти отъ Польши Подоль съ Каменцемъ и Волынь, въ благодарность за объявленіе войны Россіи. И вотъ нападеніе гайдамаковъ дало ей предлогъ къ этому. Напрасно Россія объясняла, что нападеніе на турецкія владѣнія сдѣлано не русскими войсками, а своевольными шайками гайдамаковъ, польскихъ подданныхъ. Турція изъявляла притязанія, зачѣмъ Россія вводитъ войска свои въ Польшу и распоряжается ея внутренними дѣлами. Турція объявила Россіи войну, начавъ не-

пріязненныя дѣйствія заключеніемъ въ Семибашенный замокъ русскаго посланника Обрѣзкова.

Война эта, какъ извѣстно, прославила русское оружіе блистательными побѣдами, открыла Россіи путь къ обладанію Чернымъ моремъ, ослабила Турцію, заронила въ восточныхъ христіанахъ надежду на свободу. Но для Польши она не принесла пользы; напротивъ, заступничество Турціи надѣлало ей одного вреда и приблизило къ гибели. Конфедераты терпѣли пораженія за пораженіями. Русскій полковникъ Древичъ, отличавшійся въ войнѣ лютостью и свирѣпостью, взялъ Баръ; до тысячи двухъ сотъ плѣнныхъ было отправлено въ глубину Россіи: въ ихъ числѣ былъ кармелитъ Марко, чудотворъ, воспламенявшій поляковъ своимъ даромъ. Казимиръ Пулавскій былъ стѣсненъ въ бердичевскомъ монастырѣ и сдался на капитуляцію, обѣщавъ отстать отъ конфедераціи, а потомъ убѣжалъ въ Турцію. Въ Литвѣ Радзивиллъ присталъ къ конфедераціи, но русскіе прогнали его и взяли его укрѣпленный Несвижъ. Литовская конфедерація поступила подъ маршальство Паца.

Но въ нѣдрѣ конфедераціи происходили раздоры. Потоцкій вошелъ въ непримиримую вражду съ старымъ Іосифомъ Пулавскимъ. Первый держался Турціи и на ея вмѣшательство полагалъ всѣ надежды, будучи увѣренъ заранѣе въ ея блестящихъ побѣдахъ надъ москалями, а Пулавскій обращался къ Австріи и думалъ расположить къ Польшѣ императора Іосифа. Потоцкій оговорилъ Пулавскаго передъ турецкимъ правительствомъ; по этому оговору послѣдняго взяли въ Константинополь и тамъ онъ умеръ въ тюрьмѣ. По примѣру главныхъ начальниковъ второстепенные также ссорились между собою, одинъ подъ другимъ подрывался. Безпрестанно появлялись отдѣльныя конфедераціи, и бывало такъ, что на званіе маршалка такой-то конфедераціи является двое претендентовъ, и они спорятъ между собою до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не схватитъ другого не засадитъ въ тюрьму, или даже не убьетъ.

Отъ турокъ конфедераты не увидали себѣ великаго уваженія. Когда турки замѣтили, что между конфедератами нѣтъ ни лада, ни порядка, то стали обращаться съ ними презрительно, и въ присутствіи начальниковъ визирь насмѣхался надъ поляками. — «Знаете-ли, говорилъ онъ своимъ пашамъ: — что̀ такое польская вольность? У нихъ въ томъ вольность состоитъ, чтобъ не знать надъ собою никакого закона.» Недовольные Турціею конфедераты перебрались въ Венгрію, а потомъ въ Силезію, подъ защиту Австріи, которая дозволила имъ на своихъ земляхъ содержать генеральное управленіе и тѣмъ дѣлала угрожающую

демонстрацію Россіи, но въ самомъ дѣлѣ уже составляла планъ воспользоваться на счетъ падающей Польши. Оттуда конфедераты врывались въ Польшу и Литву, давали движеніе и ободреніе мелкимъ конфедератамъ, которые безпрестанно появлялись тамъ-и-сямъ. Составлялись шайки, избирали предводителей или маршалковъ, нападали на русскихъ; когда одну такую шайку разобьютъ, ея остатки бѣгутъ къ другой и вновь появляются въ полѣ. Разсчитывали всегда напасть на русскихъ въ расплохъ. Иногда дѣйствуя такимъ образомъ имѣли успѣхъ. Казимиръ Пулавскій подъ Брестомъ-Литовскимъ разбилъ русскій отрядъ; но потомъ снова былъ самъ разбитъ на-голову и потерялъ въ бою брата своего Франциска. Отважнѣе, удалѣе, смышленнѣе другихъ предводителей конфедерацій оказывался Шимонъ Коссаковскій. Онъ съ необычайною быстротою леталъ съ одного края въ другой, пробѣгалъ большія пространства въ короткое время, преодолѣвая утомленіе и неудобства дорогъ и непогоды, нападалъ на русскихъ неожиданно, когда никто не воображалъ, чтобъ онъ былъ близко, отнималъ у нихъ запасы. Кромѣ его славились своими партизанскими нападеніями Моравскій, Заремба, Сава. Но при ихъ раздорахъ между собою они не могли имѣть важныхъ успѣховъ. Заремба былъ во враждѣ съ Пулавскимъ, считая себя выше его чиномъ, не хотѣлъ повиноваться ему и дѣйствовалъ врознь. Конфедераты, разбитые, давали на себя такъ-называемые реверсы, то-есть отреченіе отъ конфедераціи, но потомъ не считали безчестнымъ нарушать данное обѣщаніе. Ксендзы имъ это разрѣшали; война для нихъ была святая, потому что шла за нетерпимость. Самъ Пулавскій показалъ на себѣ примѣръ такого нарушенія реверса, продолжая участвовать въ конфедераціи, послѣ того, какъ въ Бердичевѣ обязался не участвовать въ ней. Эти поступки раздражали русскихъ и оттого-то нѣкоторые позволяли себѣ жестокости. Такими были полковникъ Ренъ и упомянутый выше майоръ Древичъ. Послѣдній обрубливалъ руки и ноги такимъ конфедератамъ, которые, нарушивъ данное отреченіе, попадались въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Король и окружавшіе его паны колебались и виляли между Россіею и конфедераціею, выжидая, какая сторона возьметъ верхъ, чтобы къ той пристать въ свое время. Россія, казалось, дѣлалась мягче и уступчивѣе. Вмѣсто энергическаго и рѣзкаго Рѣпнина, прислали въ Варшаву князя Волконскаго—человѣка умнаго, но мягкаго и кроткаго. Онъ давалъ знать панамъ, что, для сохраненія тишины въ Польшѣ, Россія не прочь сдѣлать нѣкоторыя уступки относительно диссидентовъ, но только тогда, когда сами диссиденты обратятся къ ней и заявятъ желаніе отказаться

отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ. Пытаясь подвинуть Польшу къ войнѣ противъ Турціи, Волконскій обѣщалъ Польшѣ Молдавію и Бессарабію. Такія рѣчи, при чрезвычайно почтительномъ обращеніи, возгордили короля; паны также подняли голову, воображали, что Россія уже ослабла, боится Европы и заискиваетъ расположенія Польши; выводили изъ этого, что вѣрно въ Европѣ есть намѣреніе заступиться за Польшу. Около короля составился совѣтъ: въ немъ были великій канцлеръ Млодзіевскій, бравшій отъ Россіи пенсію, готовый брать ее отъ кого угодно и за что бы то ни было, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не считавшій дурнымъ дѣломъ интриговать противъ тѣхъ, съ кого бралъ деньги, вице-канцлеръ Боркъ, вице-канцлеръ литовскій Пршездзѣцкій, коронный маршалъ Любомирскій, Андрей Замойскій, Ходкѣвичъ, Хребтовичъ. Главными заправщиками были Чарторыскіе, опять получившіе власть надъ племянникомъ, королемъ. Чарторыскіе ненавидѣли Россію, увѣрившись, что Россія не слишкомъ намѣрена помогать ихъ планамъ устроенія Польши и сама болѣе всего заботится о собственныхъ видахъ. Они старались сохранить съ Россіею наружно, доброе согласіе, а тайно дѣйствовали противъ нея. Въ составившемся около короля сенатскомъ совѣтѣ затѣвали отправить въ разныя страны Европы—въ Англію, Голландію, Францію посольства съ жалобами на Россію, а въ Петербургъ послать литовскаго гетмана Огинскаго съ требованіемъ уничтожить трактатъ 1768 года, то-есть, расширеніе правъ диссидентовъ и россійскую гарантію. Король осмѣливался заявлять объ этомъ желаніи русскому послу. Волконскій, исполняя полученныя свыше предписанія, перемѣнилъ тонъ, сталъ говорить рѣзче и напоминалъ королю, что на престолъ возвела его императрица и онъ можетъ удержаться на немъ только при ея содѣйствіи и благосклонности къ нему, упрекалъ его въ коварствѣ за то, что онъ тайно хочетъ сноситься съ Франціею и мирволитъ конфедераціи. Въ самомъ дѣлѣ, король, соображая, что конфедерація, разрастаясь, можетъ взять верхъ, заранѣе какъ будто подготовлялъ себѣ возможность сблизиться съ нею и давалъ региментарю Браницкому тайныя приказанія не дѣйствовать противъ конфедератовъ. Но Браницкій, человѣкъ случая, служилъ болѣе Россіи чѣмъ королю. Волконскій началъ требовать отъ короля, чтобъ онъ удалилъ отъ себя Чарторыскихъ и прочихъ совѣтниковъ: епископъ виленскій Масальскій составлялъ планъ образовать реконфедерацію, и предложилъ этотъ планъ русскому посланнику. Волконскій старался привлечь къ ней Мнишка и другихъ пановъ, непріязненныхъ Станиславу-Августу. Онъ не успѣлъ въ этомъ дѣлѣ и былъ отозванъ.

Мѣсто его, временно, занималъ генералъ Веймарнъ, а въ 1771 году присланъ въ Варшаву посланникомъ Сальдернъ, человѣкъ энергическій, но до крайности раздражительный. Планъ реконфедераціи развивался. Виленскій епископъ Масальскій, первый подавшій мысль о ней, былъ хотя человѣкъ хитрый, но облѣнившійся сибаритъ, любившій прежде всего весело проводить обыденную жизнь и до страсти преданный игрѣ въ карты; энергичнѣе его былъ приставшій къ плану примасъ Подосскій, состоявшій у Россіи на пенсіи, изворотливый и пронырливый; сообщниками ихъ стали: калишскій воевода Твардовскій, Подляшскій, Годскій, великій кухмистръ Понинскій,—люди продажные, перемѣнчивые и лукавые, бравшіе отъ Россіи пенсіоны и готовые при случаѣ обмануть ее; къ нимъ присоединились: поморскій воевода Флеммингъ, Рогалинскій и два брата Островскіе—епископы куявскій и познанскій,—этотъ кружокъ пытался было, при помощи Россіи, низвергнуть Станислава-Августа и дать корону саксонскому принцу.

Но такая перемѣна совсѣмъ была не въ видахъ Екатерины; она хотѣла поддержать того короля, кого сама поставила; да еслибы пришлось посадить на престолъ другого, Екатерина никогда ни дозволила бы отдавать короны какому бы то ни было чужому принцу: это значило отдать Польшу иностранному вліянію, и выпустить ее изъ-подъ своей власти. Намѣренія патріотической уніи, раболѣпствовавшей передъ Россіею, въ сущности, сходились съ духомъ конфедераціи. Конфедераты въ это время заручились покровительствомъ Франціи. Управлявшій дѣлами во Франціи герцогъ Шуазёль прислалъ имъ генерала Дюмурье и съ нимъ хорошихъ инженеровъ и офицеровъ. Находясь въ Бѣльскѣ, въ Силезіи, конфедерація объявила короля Станислава-Августа измѣнникомъ, а тронъ его вакантнымъ и уничтожала постановленія предшествовавшаго сейма. Послѣ этого королю не оставалось ничего болѣе, какъ тѣснѣе примкнуть къ Россіи, и онъ далъ письменное обязательство дѣйствовать во всемъ согласно волѣ императрицы, никого не награждать, не наказывать безъ ея одобренія, не раздавать безъ ея согласія никакихъ должностей и вообще находиться у ней въ зависимости. Заручившись такимъ образомъ покорностью короля, Сальдернъ покончилъ съ патріотическою уніею; онъ обличалъ ее въ двоедушіи, напалъ больше всего на Подосскаго, укорялъ въ передѣлкѣ составленной русскимъ посланникомъ деклараціи, и рѣзкимъ обращеніемъ довелъ до того, что Подосскій уѣхалъ изъ Варшавы въ свои имѣнія; но Сальдернъ приказалъ привести его назадъ за конвоемъ и приставилъ къ нему стражу въ его домѣ. Онъ освободилъ его

только тогда, когда императрица это приказала, давши за то выговоръ своему посланнику. Поступокъ этотъ возбудилъ ропотъ, но и навелъ страхъ; всѣ затѣи патріотической уніи рушились и сама она исчезла.

20 іюня 1771 года, Сальдернъ издалъ грозную декларацію, въ которой объявилъ всѣхъ конфедератовъ разбойниками, и объявлялъ, что впередъ русскія войска не будутъ считать ихъ военно-плѣнными, а станутъ взятыхъ въ плѣнъ вѣшать. Самъ Веймарнъ, главнокомандующій русскими войсками въ Польшѣ, устрашился энергіи Сальдерна и попросилъ увольненія. На его мѣсто назначенъ генералъ Бибиковъ. Грозный посланникъ былъ имъ также недоволенъ; онъ находилъ его черезчуръ мягкимъ и притомъ легко поддающимся вліянію женщинъ, а этимъ, надобно сознаться, страдали русскіе начальники и посланники въ Польшѣ: угрюмый Сальдернъ, какъ и впослѣдствіи Суворовъ, былъ безчувственъ къ обаянію прекраснаго пола.

Поправленная Дюмурье конфедерація начала было дѣлать успѣхи и захватила въ свои руки крѣпости, лежавшія около Кракова: Тынецъ, Бобровъ, Ландскорону. Успѣхи ея оживили духъ возстанія повсюду, но противъ нея сталъ лицомъ къ лицу великій Суворовъ, только что начавшій свое блистательное поприще полководца. Находясь въ чинѣ генералъ-маіора и квартируя въ Люблинѣ, въ апрѣлѣ 1771 года, онъ вышелъ изъ этого города и подъ Уржендовымъ разбилъ конфедератовъ подъ начальствомъ казака Савы. Этотъ Сава, по прозванію Цалинскій, былъ сынъ запорожца, который передался полякамъ и за то былъ убитъ запорожцами. Воспитанный въ уніи, преданный Польшѣ, Сава былъ одинъ изъ замѣчательныхъ предводителей конфедератскихъ отрядовъ. Послѣ пораженія Суворовымъ, русскіе преслѣдовали его по пятамъ, догнали подъ Шренскомъ на прусской границѣ, разбили и взяли въ плѣнъ. Несмотря на ласковый пріемъ русскихъ, на заботы о его здоровьи, на уваженіе, которое побѣдители оказывали къ его храбрости, Сава не принималъ никакой помощи, ни лекарствъ и умеръ.

Поразивши Саву, Суворовъ двинулся по направленію къ Волыни, разбилъ партію Новицкаго, потомъ повернулъ въ противоположную сторону къ Кракову, подъ Ландскороною разбилъ самого Дюмурье, а потомъ повернулъ къ Замостью, разбилъ Казимира Пулавскаго и отнялъ у него всѣ орудія. Дюмурье, негодуя на конфедератовъ за то, что у нихъ не было ни согласія, ни послушанія, оставилъ поляковъ, о которыхъ получилъ самое дурное мнѣніе.

Суворовъ, сдѣлавъ свое дѣло подъ Краковымъ, прибылъ

обратно въ Люблинъ. Въ это время возстаніе въ Литвѣ приняло широкіе размѣры. Великій гетманъ литовскій Огинскій до тѣхъ поръ хотя и мирволилъ конфедераціи, но не участвовалъ въ ней открыто. Понадѣявшись на ея успѣхи и не зная, что съ нею уже расправился Суворовъ, онъ объявилъ себя на сторонѣ конфедераціи и сталъ предводительствовать войскомъ противъ русскихъ. Сначала ему повезло. Онъ разбилъ нѣсколько небольшихъ русскихъ отрядовъ. Дошло это до Суворова. Онъ просилъ главнокомандующаго позволить ему идти на Огинскаго. Бывшій тогда главнокомандующимъ Веймарнъ строго запретилъ ему. Суворовъ не послушался своего начальника, написалъ ему: «пушки впередъ, и Суворовъ за ними», и только съ тысячью человѣкъ бросился изъ Люблина. Онъ шелъ такъ быстро, что прошелъ 200 верстъ въ теченіи четырехъ дней, и нагналъ Огинскаго за Слонимомъ въ Столовицахъ, ночью 11-го (22-го) сентября 1771 года. Огинскій, старый сибаритъ, проводилъ ночь съ какой-то француженкою и, при внезапной тревогѣ, едва успѣлъ сѣсть на коня и убѣжать. Его казна, имущество, гетманская булава достались русскимъ. Генералъ Бѣлякъ вздумалъ было остановить Суворова, сражался храбро, но принужденъ былъ уступить. Огинскій со срамомъ убѣжалъ въ Кролевецъ (Кёнигсбергъ). Суворовъ былъ подвергнутъ суду за непослушаніе, но императрица освободила его: побѣдителя нельзя было судить.

Конфедерація, потерпѣвъ пораженія, одно за другимъ, рѣшилась прибѣгнуть къ отчаянному средству — овладѣть королемъ, котораго объявила лишеннымъ короны. Порученіе это взялъ на себя нѣкто Стравинскій. Пулавскій дозволилъ ему сдѣлать это съ тѣмъ условіемъ, чтобы короля привели къ нему живымъ. Стравинскій подобралъ себѣ товарищей: Луковскаго, Козьму Косинскаго и тридцать конфедератовъ. Они отправились въ Варшаву подъ видомъ мужиковъ, доставляющихъ сѣно въ доминиканскій монастырь. Ксендзы были съ ними въ согласіи. За городомъ приготовили карету, куда слѣдовало посадить плѣннаго короля. Выбрали темную ночь съ 3-го на 4-е ноября н. с. Король посѣщалъ тогда своего дядю, канцлера Чарторыскаго. Онъ возвращался отъ него ночью въ каретѣ, въ сопровожденіи сидѣвшаго съ нимъ адъютанта, двухъ гайдуковъ и нѣсколькихъ человѣкъ придворной прислуги. Заговорщики условились говорить между собою по-русски, чтобы мимоходящіе принимали ихъ за русскихъ. На Медовой улицѣ напали они на королевскую карету, дали нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, одного гайдука убили, другого ранили; служители разбѣжались. Короля вытащили изъ кареты за ноги, били его, нанесли легкую рану

саблею по головѣ и потащили съ собою по грязи, такъ что онъ находился въ срединѣ, а впереди, сзади и по бокамъ шли толпою заговорщики и громко говорили между собою по-русски. Жители домовъ, услышавшіе выстрѣлы, отворяли окна, и спрашивали: что тамъ такое, а заговорщики по-русски отвѣчали имъ, что они русскіе солдаты, поймали бѣглаго и ведутъ. Потомъ, короля посадили верхомъ на лошадь и повезли за городъ. Но въ Маримонтѣ, подъ Варшавою, его конь упалъ въ ровъ и сломилъ себѣ ногу. Король завязъ въ грязи; пока его вытаскивали, нашли другую лошадь и сажали его на нее, бо̀льшая часть заговорщиковъ успѣла отъѣхать отъ него впередъ. Близъ короля остался только Косинскій съ шестью конфедератами. Они повезли короля далѣе, но въ темнотѣ сбились съ дороги и попали въ болото; тутъ имъ показалось, что идутъ русскіе, и всѣ разбѣжались, исключая Косинскаго. Король обратился къ нему, и сталъ краснорѣчиво умолять спасти его. Косинскій такъ тронулся, что бросился къ ногамъ короля, и сталъ просить, чтобы ему даровали впослѣдствіи прощеніе. Король обѣщалъ. Тогда Косинскій привезъ его на хуторъ какого-то нѣмца; оттуда дали знать въ Варшаву. За королемъ пріѣхала карета и отвезла обратно во дворецъ

Пулавскій, между тѣмъ, изъ Ченстохова приближался къ Варшавѣ, во-первыхъ для того, чтобы выманить оттуда русское войско и облегчить заговорщикамъ взятіе короля, во-вторыхъ, чтобы принять плѣнника, когда заговорщикамъ удастся добыть его. Первое ему удалось: русскія войска вышли, оставивъ въ городѣ только двѣсти человѣкъ, но короля не пришлось ему увидѣть.

Такой поступокъ сильно возмутилъ противъ конфедератовъ сосѣднія державы. Императрица Марія-Терезія, король прусскій Фридрихъ II, императрица Екатерина прислали къ нему свои дружескія поздравленія. Тогда-то поданъ былъ благовидный предлогъ, какъ бы, въ наказаніе полякамъ, обрѣзать ихъ государство.

Самъ король Станиславъ-Августъ съ этихъ поръ всецѣло, хотя все-таки не искренно, отдался Россіи. Онъ увидалъ, что не только его корона, но и безопасность жизни зависитъ отъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это происшествіе охладило его къ католичеству. Обстоятельства его похищенія тому содѣйствовали. Провожавшіе его гайдуки были протестанты. Хозяинъ-нѣмецъ, къ которому привезли его въ Маримонтѣ, былъ также протестантъ. Напротивъ, ксендзы участвовали въ заговорѣ и благословляли покушеніе. Оно казалось плодомъ того же фанатизма, который нѣкогда руководилъ кинжаломъ Равальяка. При свиданіи съ папскимъ нунціемъ, Станиславъ-Августъ не утерпѣлъ, чтобы не ска-

зать ему: «Вотъ слѣдствія благословенія, которое вы дали Пулавскому.»

Весною слѣдующаго 1772 года, Суворовъ доканалъ конфедерацію. Преемникъ Дюмурье, прибывшій изъ Франціи съ французами, Віомениль успѣлъ овладѣть Краковомъ очень хитро и искусно: французы пробрались черезъ подземную трубу, устроенную для стока нечистотъ. Неосторожный русскій комендантъ Штакельбергъ, позволившій водить себя за носъ какой-то полькѣ, былъ захваченъ въ расплохъ. Но недолго утвердились тамъ французы. Явился Суворовъ и обложилъ Краковъ. Коссаковскій прибѣжалъ было на выручку, но Суворовъ разбилъ его «черныхъ витязей» въ пухъ. Лишенный продовольствія, Краковъ сдался. Французы со своимъ предводителемъ взяты военноплѣнными. Этимъ окончилась конфедерація.

Вслѣдъ за тѣмъ наступилъ такъ-называемый *первый раздѣлъ Польши*, т. е. отторженіе нѣсколькихъ воеводствъ, прилегавшихъ къ Пруссіи, Австріи и Россіи. Мысль обрѣзать Польшу была подана прусскимъ королемъ. Россіи эта мысль совсѣмъ была некстати; Польша все болѣе и болѣе подчинялась ея власти, и русская политика могла предвидѣть, что, при такомъ ходѣ обстоятельствъ, вся Польша соединится съ Россіею въ одно политическое тѣло. Но это предвидѣлъ и прусскій король, и для пользы своего государства рѣшился, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому. Еще въ 1770 году, Фридрихъ II пригласилъ на свиданіе въ Нейштадтъ австрійскаго императора. Совѣщаніе происходило 3-го сентября. На этомъ засѣданіи былъ и австрійскій министръ Кауницъ. Монархи порѣшили, что ихъ собственная безопасность и равновѣсіе Европы требуютъ принять мѣры, чтобы остановить чрезмѣрное расширеніе и усиленіе Россіи, которая уже наложила желѣзную руку на Польшу, и замышляетъ въ тоже время разрушить Турцію. Положили не допускать Россіи одной овладѣть слабою сосѣдкою, а если Польша оказывается неспособною быть самостоятельнымъ государствомъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, обогатитъ и усилитъ собою не одно государство. Вслѣдъ затѣмъ, прусскій король занялъ прилегавшее къ Пруссіи Вармійское епископство, а Австрія Спискую землю, которая въ 1412 году подарена была Польшѣ Людовикомъ Венгерскимъ. Теперь Австрія требовала ее назадъ къ Венгріи съ прибавкою. Кордонъ, который отмѣрила себѣ Австрія, включалъ до 500 селъ и, кромѣ того, богатыя соляныя копи Бохни и Велички.

Надобно было склонить Россію. Пруссія и Австрія воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія вела войну съ Турціею; отъ нея требовали мира и отреченія отъ Молдавіи и Ва-

лахіи, завоеванныхъ русскимъ оружіемъ, а въ вознагражденіе военныхъ издержекъ предлагали ей взять на свою долю часть Польши. Съ 1769 по осень 1772, русскій кабинетъ отдѣлывался отъ настойчивыхъ проектовъ Пруссіи, которые были сообщаемы съ разными видоизмѣненіями черезъ королевскаго брата, принца Генриха, нарочно пріѣзжавшаго въ Петербургъ, и чрезъ прусскаго посланника при петербургскомъ дворѣ Сольмса. Въ сентябрѣ 1771 года, прусскій король сообщалъ Россіи, что Австрія рѣшительно пристанетъ къ союзу съ Турціей, что за Турцію Франція, и поэтому, если Россія станетъ продолжать войну съ Турціею, то встрѣтится съ двумя стами тысячъ европейскихъ союзниковъ Турціи; Россія не будетъ въ состояніи сладить съ такою коалиціею и потеряетъ свои пріобрѣтенія въ Турціи, а потому ей благоразумнѣе будетъ, по крайней мѣрѣ, заранѣе вознаградить себя насчетъ Польши, тѣмъ болѣе, что самая война съ Турціею возникла по поводу Польши. Такъ представлялъ дѣло прусскій король, прикидываясь другомъ и союзникомъ Россіи.

Въ тоже время Австрія, не разрывая наружно дружественныхъ отношеній къ Россіи, дѣйствительно заключила тайный договоръ съ Турціею, по которому получала отъ Турціи значительную сумму (22 милліона гульденовъ), часть Валахіи и выгодныя торговыя условія, а за то обѣщала содѣйствовать возвращенію земель, завоеванныхъ Россіею у Турціи. Такимъ образомъ, Россія очутилась въ такомъ положеніи, что ей по неволѣ приходилось согласиться на предлагаемый обрѣзъ Польши, иначе она могла опасаться воевать съ нѣсколькими врагами разомъ, или должна была заключить съ Турціею крайне невыгодный миръ. Австріи, однако, въ тоже время хотѣлось, въ глазахъ поляковъ и цѣлаго свѣта, свалить съ себя всю нравственную тягость этого дѣла на Пруссію и Россію и показать видъ, будто она приступила къ нему не́-хотя, и какъ будто по необходимости. Императрица Марія-Терезія вздыхала надъ судьбою Польши, вопіяла противъ беззаконія, съ какимъ поступаютъ съ бѣдной страною и, какъ будто послѣ долгаго упорства, исполнила желаніе сына Іосифа и министра Кауница и дала свое согласіе. За это соболѣзнованіе къ Польшѣ, Австрія наградила себя лучшими и плодороднѣйшими землями польскими. Прусскій король выдумывалъ причины для оправданія своего поступка: онъ объяснялъ полякамъ, будто польскіе короли овладѣли землями, принадлежавшими поморскимъ князьямъ, а онъ за собою считалъ право наслѣдства послѣ давно угасшихъ поморскихъ князей. Ему хотѣлось включить въ отбираемыя владѣнія важнѣйшіе торговые города: Гданскъ (Данцигъ) и Торунь (Торнъ); но русскій министръ Панинъ, въ

переговорахъ объ этомъ съ Сольмсомъ, упорно настоялъ оставить за Польшею эти города, представляя, что отдача ихъ прусскому королю стѣснитъ и убьетъ польскую торговлю и приведетъ Польшу къ крайнему упадку и разоренію. Россія должна была удовольствоваться пріобрѣтеніемъ того, что замѣняло ей потерю Молдавіи. Страннымъ должно показаться, что, повидимому, въ веденіи этого дѣла забыты были тѣ притязанія на всѣ коренныя русскія земли, которыя Московское государство нѣкогда постоянно предъявляло, изъ-за которыхъ, въ теченіи вѣковъ, не хотѣло мириться съ поляками. Россія заняла Бѣлоруссію, пространство заключавшее 2200 кв. миль и до полутора милліона жителей: то была самая худшая часть всего польскаго государства, какъ по отношенію къ природнымъ достоинствамъ почвы, такъ и по отношенію къ обработкѣ и устройству; Пруссія взяла 700 кв. миль съ 900,000 жителей—восточную Пруссію. Австрія взяла 1,600 кв. миль и 2,500,000 жителей — Галицію. Австріи достался самый лакомый кусокъ.

Всему этому нужно было придать видъ добровольнаго согласія со стороны Польши. Слѣдовало собрать сеймъ; этотъ сеймъ долженъ назначить, изъ среды себя, уполномоченную делегацію, а послѣдняя вступитъ въ переговоры съ представителями трехъ державъ и подпишетъ уступку польскихъ земель. Это не трудно было устроить, такъ какъ между польскими панами большинство было такихъ, что готовы были продать свое отечество за выгоды, за пенсіоны и даже просто изъ трусости. Въ этомъ случаѣ, самымъ щекотливымъ дѣломъ было принять на себя должность маршалка, или руководителя такого сейма. Жребій этотъ принялъ на себя князь Адамъ Понинскій: ему дали по 3,000 червонцевъ въ мѣсяцъ. Онъ долженъ былъ убѣждать и настраивать пословъ къ уступкѣ земель; у него былъ одинъ аргументъ: невозможно противиться силѣ и потому остается только ей повиноваться. Званіе это онъ принялъ по желанію тогдашняго русскаго посланника Штакельберга, замѣнившаго Сальдерна, и черезъ то навлекъ на себя всеобщее омерзѣніе, а впослѣдствіи, какъ увидимъ, и поплатился за это. Литовскимъ маршаломъ на сеймѣ былъ Михаилъ Радзивиллъ.

Большая часть пословъ была подкуплена; жалованье имъ было разное: за то, чтобъ молчать, платили отъ 200 до 300 червонцевъ въ мѣсяцъ, а тѣмъ, которые должны были отличаться краснорѣчіемъ, поболѣе. Многіе послы, взявши деньги, уклонились вовсе отъ присутствія на этомъ сеймѣ, такъ что подаваемыхъ голосовъ было только 33 сенаторскихъ и 96 посольскихъ, тогда какъ всѣхъ по комплекту было болѣе трехсотъ.

Такъ какъ обычный сеймъ отправлялся съ единогласіемъ и не было естественной возможности провести проектъ объ уступкѣ земель безъ того, чтобы кто-нибудь не закричалъ veto, то рѣшили конфедеровать сеймъ и отправлять дѣла большинствомъ голосовъ. Два посла Рейтанъ и Корсакъ стали было кричать противъ конфедераціи, но ихъ исключили изъ числа пословъ и отдали подъ судъ.

Король долженъ былъ добровольно признать конфедерацію, послѣ того, какъ Штакельбергъ объявилъ ему, что если онъ не признаетъ ее, то 50,000 русскаго войска войдетъ въ Польшу. Было рѣшено, что этотъ сеймъ не долженъ прекратиться и по прошествіи опредѣленнаго срока, но можетъ оставаться въ видѣ конфедераціи до тѣхъ поръ, пока не покончитъ внутренняго устройства Польши. На делегацію, которой предоставлялось право уступки земель, возлагалось и устроеніе правительства, порядка и благоустройства Польши, съ тѣмъ, что все составленное ею будетъ отдано на утвержденіе полнаго сейма. Такое полномочіе очень безпокоило короля и людей его партіи. Они чувствовали, что делегація потребуетъ такихъ формъ и учрежденій, которыя, сколько возможно, стѣснятъ королевскую власть и предадутъ судьбу Рѣчи-Посполитой въ руки чужимъ властямъ. Король и преданные ему паны стали было противиться, но русскій посланникъ сталъ стращать ихъ введеніемъ войска, не только въ Польшу, но въ самую столицу. Когда на эти угрозы, со стороны поляковъ, послѣдовали отговорки и уловки, Штакельбергъ далъ приказаніе войску входить въ Варшаву и занимать всѣ дворы, не исключая и дворовъ королевскихъ родственниковъ. Этимъ онъ припугнулъ сенаторовъ и пословъ; они знали, что если допустить солдатамъ хоть на день размѣститься въ городскихъ домахъ, то оттого произойдутъ громадные убытки; солдатчина все перебьетъ, перепортитъ и жителямъ надѣлаетъ оскорбленій и насилій, тѣмъ болѣе, что, введя войско въ столицу съ цѣлью принудить сеймъ къ уступкамъ, русскій посланникъ, ужъ конечно, не сталъ бы принимать мѣръ къ спокойствію горожанъ; напротивъ, чѣмъ нахальнѣе и оскорбительнѣе поступали бы солдаты въ Варшавѣ, тѣмъ это было полезнѣе для видовъ трехъ державъ. Итакъ, не смотря на всѣ усилія короля, сеймъ 17-го мая 1773 года назначилъ делегацію, и Штакельбергъ приказалъ войску тотчасъ отступить отъ города.

Выбравши делегацію, сеймъ временно закрылся до 15-го сентября.

Делегаціи нечего было долго разсуждать объ уступкѣ земель; нужно было только согласиться на то, что̀ велятъ. Поэтому, трак-

тать о раздѣлѣ безъ затрудненій былъ составленъ и поданъ на утвержденіе сейму въ сентябрѣ. Но затѣмъ оставалось еще устройство правленія и порядка, и по этому вопросу, сеймъ не закрывался цѣлыхъ два съ половиною года. Делегація нарочно медлила: главные заправщики извлекали себѣ личныя выгоды изъ того, чтобы это дѣло какъ можно долѣе тянулось. По польскимъ обычаямъ, когда въ краѣ объявлялась конфедерація, тогда временно закрывались всѣ обычные суды, и судопроизводство поручалось коммиссіямъ, зависящимъ отъ конфедераціи. Понинскому, великому канцлеру Млодзѣевскому, и ихъ товарищамъ это было подъ-руку. Они назначали въ судьи кого хотѣли и выигрывали въ судахъ, что угодно. Кромѣ того, въ то время, папа Климентъ XIV уничтожилъ іезуитскій орденъ. Богатыя и многочисленныя имѣнія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ обращались на фондъ, предназначенный для воспитанія юношества. Но способъ пріобрѣтенія доходовъ съ этого фонда лежалъ на делегаціи, которой сеймъ передалъ свою власть. Положили сдѣлать всѣмъ поіезуитскимъ имѣніямъ люстрацію, т. е. описать ихъ состояніе и доходы, и на этомъ основаніи отдать за плату въ наслѣдственное пользованіе желающимъ. Король хотѣлъ, напротивъ, чтобы ихъ отдавали въ наслѣдственное пользованіе безъ люстраціи, просто съ торговъ, потому что это избавило бы отъ лишнихъ расходовъ и принесло бы гораздо болѣе дохода. Но король въ этомъ случаѣ ничего не могъ подѣлать съ делегатами, увидѣвшими для себя возможность обогатиться; король уступилъ, но съ тѣмъ, чтобы раздача имѣній происходила не черезъ коммиссію, а черезъ посредство королевскихъ привилегій. Делегація постаралась найти для люстраціи преданныхъ себѣ особъ, которыя оцѣнили доходы съ этихъ имѣній сколько возможно дешевле (по свидѣтельству саксонскаго министра, въ 300,000 злотыхъ, тогда какъ при іезуитахъ они давали до полутора милліона), и по этому можно было получить ихъ чрезвычайно выгодно за малую плату въ казну. Понятно, что делегаты старались, чтобы эти имѣнія, такимъ образомъ, доставались имъ, или тѣмъ, которымъ они покровительствовали. Кромѣ того, Понинскій и Млодзѣевскій съ братіею постарались тогда захватить въ свои руки на значительныя суммы серебра, золота и вообще движимаго имущества іезуитовъ. Наконецъ, для бо̀льшаго обогащенія себя, они назначили себѣ пенсіоны. Постановлено также всѣ староства, послѣ кончины тогдашнихъ владѣльцевъ, отдать на 50 лѣтъ въ пользованіе на основаніи эмфитеутическаго права: такъ называлось право получать казенное имущество на извѣстный срокъ, для приведенія въ устройство. Делегаты постара-

лись захватить въ свои руки нѣсколько староствъ. Короля сперва возмущало это безправіе, но его успокоили. Ему дали четыре староства и тѣмъ увеличили его доходы, да сверхъ того, дали пять староствъ для раздачи тѣмъ, кому онъ пожелаетъ: изъ нихъ два, Бѣлоцерковское и Богуславское, онъ отдалъ Ксаверію Бранецкому, перемѣнившему свою фамилію въ Браницкаго. Этотъ человѣкъ нѣкогда оказалъ Станиславу-Августу большую услугу въ Петербургѣ. Во время барской конфедераціи онъ находился при русскихъ войскахъ, дѣйствовалъ противъ конфедератовъ и заслужилъ благосклонность Екатерины. Но больше всего возвысило его то, что онъ женился на племянницѣ Потемкина, дѣвицѣ Энгельгардтъ, и черезъ то постоянно пользовался сильнымъ покровительствомъ Потемкина: онъ получилъ санъ великаго коронназо гетмана. Другія староства король отдалъ своимъ племянникамъ. Во вниманіе къ тому, что король потерялъ столовыя имѣнія въ земляхъ, отошедшихъ по раздѣлу къ сосѣдямъ, королю назначено четыре милліона злотыхъ въ годъ, кромѣ доходовъ отъ оставшихся за нимъ столовыхъ имѣній, приносившихъ въ годъ до трехъ милліоновъ, и не считая вновь данныхъ четырехъ староствъ. Этимъ-то успокоили короля. Онъ надѣялся, что послѣ всѣхъ уступокъ ему останутся незагражденными пути ко введенію полезныхъ учрежденій и къ осуществленію его любимѣйшей мысли—утвердить и расширить воспитаніе народа.

Делегація, сообразно желанію посланниковъ, особенно русскаго, Штакельберга, начертала образъ правленія для Польши. Рѣчь-Посполитая оставалась по прежнему съ избирательнымъ правленіемъ, съ liberum veto, съ сенатомъ и сеймомъ. Постановлено, чтобъ только природный полякъ изъ рода Пястовъ, имѣющій шляхетское достоинство и владѣющій въ Польшѣ недвижимыми имѣніями, могъ быть избранъ въ короли; дѣти и внуки бывшаго короля не могли быть тотчасъ послѣ него выбираемыми. Это правило включено въ число коренныхъ или, такъназываемыхъ, кардинальныхъ законовъ: они состояли изъ прежнихъ съ прибавкою новыхъ, каковы напримѣръ, признаніе свободы и правъ православныхъ и диссидентовъ. Шляхтичъ, убившій или ранившій хлопа долженъ былъ быть судимъ въ судѣ, какъ и за шляхетнаго человѣка, и за убійство подвергаться смертной казни, а помѣщикъ лишался права судить и наказывать своихъ крестьянъ, но долженъ былъ отдавать ихъ суду. Около короля установленъ совѣтъ, называемый постояннымъ (conseil permanent, nieustająca rada). Онъ состоялъ изъ тридцати шести членовъ: изъ нихъ восемнадцать выбирались изъ сенаторовъ, но въ число ихъ входили министры, безъ выбора, по своимъ должностямъ принадле-

жавшіе къ этому совѣту, а восемнадцать изъ шляхетства. Выборы производились въ сеймѣ секретными голосами. Этотъ совѣтъ, вмѣстѣ съ королемъ, имѣлъ значеніе верховнаго правительства. Король предсѣдательствовалъ въ этомъ совѣтѣ, но не могъ поступать противъ воли большинства голосовъ. Король не могъ самовольно назначать епископовъ, воеводъ, кастеляновъ и коммиссаровъ въ правительственныхъ коммиссіяхъ, но за нимъ оставалось право назначать въ другія должности по прежнему. Постоянный совѣтъ наблюдалъ за всѣмъ механизмомъ внутренняго управленія, правосудіемъ, военною силой и велъ сношенія съ иностранными державами. Вслѣдствіе этого онъ раздѣлялся на пять департаментовъ: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) полиціи, 3) правосудія, 4) скарбовый (казначейство), 5) войсковый. Подъ вѣдомствомъ этихъ департаментовъ были коммиссіи, завѣдывавшія, ближайшимъ образомъ, соотвѣтствующими ближайшими вѣтвями управленія; войсковая, скарбовая, маршалковская (полицейская), ассесорская (надъ городами). Но однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій этого времени была эдукаціонная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа Масальскаго: она должна была завѣдывать ходомъ просвѣщенія и всѣми учебными заведеніями въ Рѣчи-Посполитой. Только съ этихъ поръ воспитаніе, находившееся въ рукахъ монаховъ и духовенства, зависящаго отъ папы, получило правильный ходъ и надзоръ со стороны правительства и могло сдѣлаться національнымъ. Число войска положено увеличить до тридцати тысячъ. Установлены правила о военной дисциплинѣ, обращено вниманіе на то, чтобы солдатъ не допускать до своевольства надъ жителями. Положено увеличить государственные доходы до тридцати милліоновъ злотыхъ и съ этой цѣлью установлена генеральная классификація подымнаго, собираемаго въ городахъ, сообразно значенію городовъ и по качеству облагаемыхъ податью домовъ, а также чоповаго и шеленжнаго съ производства горячихъ напитковъ. Установлена подать съ гербовой бумаги. Установлены покровительственныя правила для производства отечественныхъ мануфактуръ и съ этою цѣлью уволены отъ пошлинъ матеріалы, привозимые изъ-за границы для фабрикъ; поручено королю выдавать привилегіи и льготы обывателямъ и компаніямъ, учреждающимъ фабрики, а скарбовой коммиссіи вмѣнено въ обязанность поощрять составленіе компаній для отысканія металловъ и другихъ земляныхъ богатствъ. Были покушенія вообще облегчить судьбу простого народа. Одинъ изъ пословъ, Орачевскій, говорилъ за простой народъ такую рѣчь: «Обратите вниманіе на тѣхъ несчастныхъ дѣтей отечества, которые доставляютъ вамъ обиліе и благополучіе;

допустите въ ожесточенныя сердца ваши мысль, что вашъ убогій работникъ не получаетъ никакой награды за свой трудъ, кромѣ новаго труда для себя; ему суждено трудиться для пользы рода человѣческаго и не думать о своемъ собственномъ улучшеніи; онъ работникъ на васъ съ дѣтства, и въ молодости, и въ зрѣломъ возрастѣ, и въ старости, пока у него силъ стаетъ, и за все это въ дряхлости онъ часто долженъ питаться отъ милосердія другихъ, и нерѣдко, не находя состраданія, мерзнетъ и голодаетъ, и все-таки жалуется не на васъ, а на горькую судьбу свою». Но эта рѣчь осталась только памятникомъ краснорѣчія и благородства оратора. Для простого народа не сдѣлано ничего болѣе, кромѣ того, что еще прежде вынуждено было Россіею. Обыватели раздражались при одной мысли о стѣсненіи своихъ правъ надъ хлопами. Возстановлены были трибуналы и суды, закрытые во время конфедераціи; установленъ сеймовый судъ изъ членовъ сената, не находящихся въ постоянномъ совѣтѣ и пятидесяти четырехъ членовъ изъ шляхетства—высшая инстанція. Изданы нѣкоторыя полезныя узаконенія по гражданскимъ дѣламъ, напримѣръ, о заведеніи книгъ для долговъ въ градскихъ судахъ, объ отчетахъ опекуновъ надъ имѣніями малолѣтныхъ; установлены болѣе строгія правила относительно взысканія долговъ, введено вексельное право и производство по векселямъ и т. д. Ни одинъ сеймъ не оставилъ послѣ себя такихъ важныхъ перемѣнъ и учрежденій; никогда въ Польшѣ не было такой дѣятельности, клонившейся къ улучшеніямъ и благоустройству, какъ въ это время непосредственнаго давленія русской власти. Наконецъ, принята гарантія трехъ державъ. Утвержденный на сеймѣ порядокъ со всѣми учрежденіями охранять приняла на себя одна Россія; другія двѣ державы только гарантировали цѣлость государства. Такимъ образомъ, Россія приняла на себя обязанность надзора и наблюденія за внутреннимъ составомъ и теченіемъ дѣлъ въ Польшѣ. Сеймъ окончилъ свои работы и закрылся въ мартѣ 1775 года.

V.

Польша подъ верховнымъ надзоромъ Россіи. — Ходъ воспитанія. — Неудачный проектъ Андрея Замойскаго. — Оппозиція противъ короля.

Съ этихъ поръ русскій посланникъ, которымъ до 1791 года былъ Штакельбергъ, являлся въ Польшѣ представителемъ той верховной власти, которая находилась въ Петербургѣ. Независимость Польши исчезла. Рѣчь-Посполитая фактически уже принадлежала Россіи и время должно было сдѣлать эту принадлежность опредѣленнѣе и тѣснѣе. Одинъ изъ современниковъ [1]) такъ описываетъ тогдашнее состояніе Рѣчи-Посполитой: «Россійскій посланникъ сталъ вице-королемъ Польши; его креатуры наполняли постоянный совѣтъ. Рѣчь-Посполитая сдѣлалась для русскихъ войскъ какъ бы своимъ краемъ. Король, казалось, имѣлъ особенное право по отношенію къ посланнику, но это было только обольщеніе. Правда, Россія наблюдала, чтобъ королю было хорошо подъ ея властью, но въ то же время она хотѣла, чтобы, какъ король, такъ и магнаты, нуждались въ протекціи отъ Россіи. Россійскій посланникъ употреблялъ довѣріе къ себѣ магнатовъ противъ короля, а довѣріе короля противъ магнатовъ, дабы, ссоря ихъ безпрестанно, становить въ необходимость искать у него покровительства», и пр. Изъ министерскихъ бумагъ не видно, чтобы такой планъ умышленно веденъ былъ Россіею, да и не было необходимости. Факты происходили сами собою. Россіи не нужно было заводить и интригъ; оставалось только пользоваться тѣмъ, что̀ поляки дѣлали сами, по своей давней безурядицѣ. Далѣе тотъ же современникъ говоритъ: «Смѣшно подумать, что ни одно значительное дѣло въ градскихъ и земскихъ судахъ, трибуналахъ, коммиссіяхъ, консисторіяхъ (особенно въ дѣлахъ по разводамъ) не обходилось безъ того, чтобы россійскій посланникъ не давалъ протекціи; не было провинціи, гдѣ бы онъ не указывалъ кандидатовъ въ послы и не поддерживалъ ихъ на сеймикахъ, и гдѣ бы не исключали тѣхъ, которые были ему неугодны. Послѣ каждаго сейма, путемъ аппеляціи шли жалобы въ Петербургъ на россійскаго посланника, что онъ не умѣлъ угодить тому или другому магнату, что слишкомъ мирволитъ королю, что поддерживаетъ не надлежащее дѣло и т. п. Дошло до того, что Петербургъ сдѣлался нашею столицею, а Варшава стала главнымъ городомъ губерніи, принадлежавшей Россіи, гдѣ

[1]) Pam. XVIII. W. VII, 85.

вѣжливымъ образомъ, но всѣмъ распоряжалась Москва: губернаторъ этой губерніи назывался посланникъ; московское правительство — гарантіею, губернскій совѣтъ — постояннымъ совѣтомъ, а предсѣдатель этого совѣта — королемъ; и въ этомъ совѣтѣ изъ тридцати шести членовъ большинствомъ голосовъ приводилось въ исполненіе то, что̀ приказывалъ посланникъ. Императрица была неограниченная повелительница и принимала на себя всѣ сношенія Польши съ иностранными державами. Никакому государству нельзя было входить съ нами въ переговоры, иначе какъ при посредствѣ Россіи; нельзя было подать ноты иностранному министру, не спросясь у русскаго посланника. Такимъ образомъ, въ Польшѣ настало великое затишье: честные обыватели молчали и запрятались въ домахъ, а все, что̀ было знатнаго и сильнаго, лѣзло въ Петербургъ; тамъ было можно увидѣть и министровъ, и сенаторовъ, и должностныхъ лицъ, и даже дамъ; все это считало нужнымъ побывать при своемъ петербургскомъ дворѣ». Все это было такъ, но за все это нечего было оскорбляться національному самолюбію, когда польское государство, въ прошедшіе вѣка, если не вслѣдствіе своей исторической мудрости, то вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ, играло важнѣйшую роль на сѣверѣ Европы, имѣло всѣ данныя, чтобы удержать это значеніе и, только по причинѣ своей деморализаціи, сдѣлалось къ этому неспособнымъ и подпало подъ власть того государства, которое за два вѣка передъ тѣмъ Польша топтала побѣдоносною ногою. Но это былъ въ то же время наилучшій исходъ для Польши. Польша только при давленіи отъ Россіи и могла сколько-нибудь устроиться, сдѣлавшись окончательно неспособною къ самобытной политической жизни. Сами поляки сознавали это, хотя изъ патріотическаго самолюбія стыдно имъ было сознаваться въ этомъ. Біографъ Томаса Островскаго, авторъ въ высшей степени непріязненной къ Россіи книги, сознается, однако, что въ этотъ періодъ подчиненія Польши Россіи, неурядицы и анархическія затѣи уничтожались въ зародышѣ, сеймы проходили спокойнѣе, чѣмъ прежде. Liberum veto не было употреблено ни разу. «Со стыдомъ приходится сознаться, но сообразно съ историческою правдою, что присутствіе россійскаго посланника, который для политики своего двора не нуждался тогда въ смутахъ, наиболѣе способствовало удержанію въ границахъ общественнаго порядка» [1]).

[1]) Wstyd wyznać, co jednak przyznać prawda historyczna nakazuje, że przytomność w stolicy ambassadora Rossyi, który pod ten czas nie potrzebował dla swego dworu polityki zamieszania w Polsce najwięcej przyczyniało do utrzymania w karbach porządku publicznego, etc.

Причины очевидны. Въ видахъ русскаго правительства отнюдь не было производить смутъ въ Польшѣ и держать ее въ анархическомъ состояніи, какъ поляки воображали и въ чемъ хотѣли увѣрить всю Европу. Но иное дѣло—сильное государство, а иное—благоустроенная страна. Конечно, Россія не расположена была тянуть, такъ сказать, Польшу за уши и творить изъ нея сильное государство, во вредъ самой себѣ; политика Россіи всегда препятствовала бы ея политическому усиленію, но Польша и безъ того никакъ не могла сама собою сдѣлаться сильнымъ государствомъ, а сдѣлаться благоустроенной страною могла только подъ иностранною верховною властію. Россія не мѣшала ни благоустройству, ни возвышенію экономическихъ силъ, ни просвѣщенію въ Польшѣ, а напротивъ, даже содѣйствовала этому. Собственно, Россія остерегалась не Польши самой по себѣ, а сосѣднихъ государствъ, которыя могли воспользоваться положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ и обращать ее орудіемъ своей политики противъ Россіи. Россія поэтому не препятствовала Польшѣ получить лучшее внутреннее устройство, но только съ тѣмъ, чтобъ Польша оставалась въ подчиненіи у России, а не у кого-нибудь другого.

Періодъ отъ перваго раздѣла до четырехлѣтняго сейма былъ временемъ составленія полезныхъ проектовъ, изданія хорошихъ законовъ, а всего болѣе благихъ желаній и порывовъ. Со стороны Россіи оказывалось желаніе умиротворить неурядицу, мѣшавшую приведенію въ исполненіе добрыхъ намѣреній. Въ 1776 году, составилась противъ короля партія, главою ея сталъ гетманъ Браницкій. Оба дяди короля, послѣ раздѣла, умерли. Главою партіи Чарторыскихъ сталъ князь Адамъ, человѣкъ тщеславный и недалекій, но умѣвшій ослѣплять глаза панскимъ блескомъ и патріотизмомъ. Съ нимъ за одно былъ молодой племянникъ Браницкаго, Сапѣга и братья Потоцкіе, Игнатій и Станиславъ. Они примкнули къ Браницкому. Партія эта надѣялась на Потемкина по родству его съ Браницкимъ и задумывала было устроивать конфедерацію противъ короля; но Штакельбергъ, опиравшійся при своемъ дворѣ на значеніе Панина, прекратилъ всѣ эти затѣи, пославши русское войско разогнать начинавшуюся конфедерацію. Толпа подкупленныхъ Чарторыскимъ и Браницкимъ пословъ явилась на сеймѣ, но король, съ помощью Штакельберга, конфедеровалъ сеймъ, и всѣ послы, приведенные оппозиціею, были исключены. Сеймовымъ маршаломъ выбранъ Мокроновскій, человѣкъ нелюбившій Россіи. На этомъ сеймѣ уничтожена раздавательная коммисія поіезуитскихъ имѣній, прекращены злоупотребленія, которыя она себѣ дозволила, расширена власть короля надъ арміею, и ограниченъ произволъ гетмановъ надъ войскомъ.

Андрею Замойскому поручено составить кодексъ законовъ и представить на разсмотрѣніе будущему сейму. Чтобы умиротворить партіи, Штакельбергъ постарался ввести въ постоянный совѣтъ Чарторыскихъ, Игнатія Потоцкаго и другихъ пановъ ихъ партіи.

Главнымъ двигателемъ возрожденія Польши было воспитаніе. Злоупотребленія, допущенныя при раздачѣ поіезуитскихъ имѣній, дѣлали недостаточными средства эдукаціонной коммиссіи. Въ 1780 году, постоянный совѣтъ назначилъ визитацію, которая открыла большія упущенія. Предсѣдатель коммиссіи, Масальскій, заимообразно бралъ изъ кассъ коммиссіи деньги, и проигрывалъ ихъ. Ему за это не сдѣлали ничего, какъ всегда въ Польшѣ злоупотребленія магнатовъ оставались безъ наказанія; назначены только надежные кассиры и доходы коммиссіи, приведенные въ порядокъ, возвысились до 2.311,000 злотыхъ. Коммиссія раздѣлена была на отдѣлы: Великопольскій, Малопольскій, Мазовецкій, Полѣсскій, Литовскій, Украинскій, Волынскій, Жмудскій и Піарскій. Въ распоряженіи послѣдняго были школы піарскаго ордена, а первые восемь отдѣловъ завѣдывали устройствомъ и содержаніемъ школъ, каждый въ отведенномъ ему участкѣ страны. Ксендзъ Гугонъ Коллонтай получилъ порученіе преобразовать краковскую академію; онъ перемѣнилъ многихъ профессоровъ, замѣстилъ устарѣлыхъ молодыми и болѣе знакомыми съ ходомъ наукъ въ Европѣ, усилилъ преподаваніе математики, указалъ, чтобы преподаваніе физики примѣнялось къ пользамъ жизни, а въ естествознаніи обращено было особое вниманіе на предметы, производимые природою Польши; установилъ, чтобы профессора составляли программы своего преподаванія и подавали деканамъ, указалъ на новѣйшихъ авторовъ для руководства при изложеніи наукъ, учредилъ для студентовъ экзамены съ тою цѣлью, чтобы не дать имъ лѣниться, и опредѣлилъ посылать достойнѣйшихъ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ. Въ виленской академіи ввели медицину и усилили естественныя науки, въ томъ числѣ астрономію, для которой былъ тогда въ Вильнѣ знаменитый ученый Почобутъ. При академіяхъ устроили учительскія семинаріи для наполненія учительскихъ мѣстъ въ среднихъ заведеніяхъ. Курсъ ихъ былъ трехгодичный. Академіи были не только высшими училищами, но и начальственными мѣстами надъ школами, которыя были подчинены академическимъ совѣтамъ. Послѣдніе наблюдали надъ системой правильнаго преподаванія и посылали визитаторовъ по школамъ. Вообще въ школахъ введено и усилено преподаваніе исторіи, естественнаго права, географіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Вмѣсто латинскаго языка предписали преподавать науки на польскомъ и внушать

дѣтямъ любовь къ своему родному слову. Направленіе новаго ученія клонилось къ тому, чтобы оно непосредственно и прямо приносило пользу въ жизни. Такимъ образомъ, положили ввести въ школы преподаваніе сельскаго хозяйства, чтобъ дѣти получали понятіе о землѣ, ея свойствахъ, разныхъ видахъ сельской производительности и о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, которыя могли быть въ свое время введены для умноженія сельскаго дохода. Въ разныхъ мѣстахъ предполагали основать спеціальныя заведенія механики и архитектуры. Наконецъ, положено было завести школы для простого народа, по приходамъ. Такъ какъ былъ ощутителенъ крайній недостатокъ учебныхъ книгъ, то въ Варшавѣ образовалось общество для изданія элементарныхъ учебныхъ руководствъ и назначены для того преміи. Скоро начали появляться опыты разныхъ учебниковъ. Въ составленіи этихъ проектовъ принималъ особенно дѣятельное участіе Іоакимъ Хребтовичъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ Польшѣ.

Реформы коснулись и духовныхъ училищъ; между прочимъ, опредѣлили ввести преподаваніе церковной исторіи.

Но величайшій недостатокъ эдукаціонной коммиссіи состоялъ въ томъ, что она оставила воспитаніе женщинъ въ пренебреженіи; не сдѣлано было никакихъ распоряженій о заведеніи женскихъ школъ и о способѣ въ нихъ ученія. Женщины, по прежнему, должны были получать воспитаніе у визитокъ или сакраментокъ, или въ своихъ семьяхъ отъ иностранныхъ гувернантокъ. Безъ этого, великая цѣль перевоспитанія народа не могла быть достигнута: образованіе половъ шло въ разрѣзъ одно съ другимъ. Это въ особенности чувствовалось въ Польшѣ, гдѣ женщина во всѣхъ видахъ имѣла сильное вліяніе на мужчину, а нерѣдко и власть надъ нимъ.

Блистательнѣе всего въ Польшѣ казалось воспитаніе въ корпусѣ кадетъ, гдѣ было около восьмидесяти учениковъ. Директоромъ его былъ князь Адамъ Чарторыскій, содержавшій нѣкоторыхъ учениковъ на свой счетъ. Здѣсь хорошо преподавались точныя науки, отечественный языкъ и новые языки. Здѣсь обращалось вниманіе на выработку въ юношествѣ патріотическихъ чувствъ и честныхъ побужденій. Изъ этого-то заведенія вышли Костюшко, Нѣмцевичъ и вообще кружокъ людей, отличавшихся въ послѣдней борьбѣ за существованіе Польши. Вмѣсто прежняго монашескаго, рабскаго, эгоистическаго направленія, юношамъ внушали гражданское мужество, отвагу свободной мысли и готовность на самоотверженіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ вовсе не внушали благоразумной осторожности и сдержанности. Имъ толковали, что ихъ отечество лишено самостоятельности,

подпало подъ чужое ярмо, что долгъ молодого поколѣнія побѣдить и изгнать завоевателей; но имъ мало объясняли ту горькую истину, что ихъ отечество отъ вѣковой гнили сдѣлалось неспособнымъ къ самостоятельности и нуждается въ нравственномъ пересозданіи, которое могло совершиться только вѣками. Юноши привыкали видѣть причину печальной судьбы своей родины только во внѣшнихъ ударахъ, и воображали, что стòитъ только пышными фразами пробудить въ своихъ соотечественникахъ временно-усыпленныя благородныя побужденія, и поляки покажутъ свѣту величайшія доблести, тогда какъ то, чтò они считали только усыпленнымъ, на самомъ дѣлѣ было мертво; полякамъ нужно было не пробужденіе, а воскрешеніе: нужно было иныхъ поколѣній, иного времени. Такимъ образомъ, воспитаніе въ этой такъ-называемой рыцарской школѣ страдало кореннымъ недостаткомъ польскаго характера: воспитанниковъ пріучали смотрѣть на дѣло отечества сердцемъ, а не умомъ. Хорошихъ послѣдствій отъ такого рода воспитанія не могло быть. Перевоспитаніе польской націи въ томъ и должно было состоять, чтобы пріучить новое поколѣніе смотрѣть на вещи болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ, подчинять горячность сердечныхъ побужденій холоду разсудка. А такъ какъ этого не было, то получившіе воспитаніе въ рыцарской школѣ бросались на смѣлыя предпріятія, съ увѣренностью, что вся Польша раздѣляетъ ихъ увлеченія и готова всѣмъ жертвовать для великихъ дѣлъ; этого на самомъ дѣлѣ не оказывалось. Они думали спасти Польшу революціями, а революціи могли приводить ее къ окончательной гибели, чтò и сталось; ей нужны были не агитаторы, а учители, не борцы съ внѣшними завоевателями, а скромные, трудолюбивые дѣятели, устроители внутренняго порядка, проповѣдники правды собственными поступками въ гражданской обыденной жизни, предпріимчивые промышленники, заботливые сельскіе хозяева, разумно-честные собиратели капиталовъ; ей нужно было сознаніе первыхъ правъ человѣка, свобода крестьянина, его прочное благосостояніе и просвѣщеніе, — а прежде всего и паче всего полякамъ нужно было поменьше пить и плясать, а побольше работать. Ко всему этому могло привести одно только благоразумное воспитаніе, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, безъ всякихъ политическихъ увлеченій.

Но вообще воспитаніе, такъ красиво начертанное въ уставѣ эдукаціонной коммиссіи, не такъ-то легко осуществлялось на дѣлѣ. Преподаватели въ училищахъ не легко отставали отъ прежней рутины. Пока могли воспитаться и подготовиться молодые наставники, ихъ мѣсто занимали старые, болѣе всего ксендзы и

эксъ-іезуиты. Введеніе польскаго языка казалось польскому обществу униженіемъ науки. Отцы скорбѣли о томъ, что дѣти теперь будутъ хуже знать латынь, и слѣдовательно, хуже будутъ обучены: закоренѣлымъ въ старыхъ предразсудкахъ латынь казалась альфою и омегою человѣческой мудрости. Сама коммиссія должна была дѣлать уступки и допустить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ по-латыни. Введеніе естественныхъ наукъ казалось польской публикѣ чѣмъ-то страннымъ. Надъ нимъ отпускали глупыя и невѣжественныя насмѣшки. «Вотъ—говорили—учатъ нашихъ дѣтей, что коня ведутъ за поводъ спереди, а не за хвостъ сзади; да это всякій пастухъ знаетъ»! Не смотря на строгія приказанія коммиссіи, отнюдь не употреблять варварскихъ наказаній, розги и нагайки медленно выводились изъ школъ. Дѣдовскія привычки вездѣ брали верхъ. Монахи и ксендзы настраивали общество противъ новаго воспитанія, жаловались на упадокъ благочестія; большинство вздыхало объ іезуитахъ, желало и требовало ихъ возвращенія, находило, что, съ прекращеніемъ господства монашескаго воспитанія въ Польшѣ, наступило невѣжество и нечестіе. Многіе обыватели не хотѣли отдавать дѣтей въ школы, боясь, что они тамъ потеряютъ благочестіе, и воспитывали ихъ дома, или у монаховъ. Понятно, что такая важная реформа, какую предначертала эдукаціонная коммиссія, не могла совершиться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, поляки, учившіеся въ школахъ, устроенныхъ на новый ладъ, все-таки выходили съ бо́льшимъ запасомъ полезныхъ знаній и съ лучшими нравственными задатками, чѣмъ ихъ отцы и дѣды. Въ нѣкоторыхъ школахъ и дѣтей били меньше; отъ этого молодымъ паничамъ, по возвращеніи домой, не казалось совершенно хорошимъ дѣломъ безчеловѣчное битье хлоповъ, и несчастные рабы начинали уже находить себѣ въ этихъ паничахъ ходатаевъ и защитниковъ передъ грубыми отцами.

Обращено вниманіе на искусства. Основана въ Варшавѣ школа живописи, и Польша скоро имѣла замѣчательнаго своего художника Шмуглевича. Заведена также школа музыки. Молодые люди посылались за границу для усовершенствованія въ изящныхъ искусствахъ. Основанъ публичный театръ въ Варшавѣ, и поляки показали, что природа одарила ихъ способностями къ этому роду искусства. Варшавская сцена заблистала истинными талантами, каковы были: Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Свѣжавскій, Трускуловская и пр. Въ драматической отечественной поэзіи отличались писатели: Красицкій, Дроздовскій, Адамъ Чарторыскій, Юліанъ Нѣмцевичъ, актеръ Богуславскій. Вообще отечественная поэзія всѣхъ родовъ украсилась произведеніями Игна-

тія Красицкаго, писателя талантливаго и разнообразнаго, остроумнаго сатирика, автора, между прочимъ, нравоописательнаго романа «Панъ Подстоличъ», —неглубокаго, но даровитаго и игриваго лирика Трембецкаго, Княжнина, сатирика Венгерскаго, Шимановскаго, Карпинскаго, Езерскаго. Въ разработкѣ отечественной исторіи отличались: Нарушевичъ—авторъ «Исторіи польскаго народа», Альбертранди, Китовичъ, оставившій драгоцѣннѣйшее описаніе обычаевъ и быта въ восемнадцатомъ вѣкѣ, Когновицкій, написавшій біографію Сапѣгъ, Өедоръ Островскій, оставившій капитальный трудъ по исторіи польской церкви, Самуилъ Бантке, только-что начавшій свое учено-литературное поприще. По естественнымъ наукамъ поляки могутъ съ честью указать на Клюка, Юндзилла, химика Андрея Снядецкаго, Губе, Рогалинскаго; астрономовъ Почобута и Яна Снядецкаго, геолога Сташица, бывшаго также публицистомъ. Словомъ, по всѣмъ отраслямъ знанія являлись у поляковъ писатели. Но кругъ интересовавшихся успѣхами отечественной литературы былъ не великъ; большинство польской публики оставалось ей чуждымъ; аристократія предпочитала читать французскія книги; обыватели почти ничего не читали: въ любомъ гостепріимномъ и открытомъ обывательскомъ домѣ, гдѣ сходились сотни гостей, имена всѣхъ этихъ писателей были почти никому неизвѣстны.

Канцлеръ Андрей Замойскій, которому сеймъ поручилъ составить кодексъ законовъ, внесъ въ него проектъ въ пользу крестьянъ. Онъ не рѣшался тотчасъ освободить ихъ отъ власти пановъ, а хотѣлъ доставить имъ свободу постепенно, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, и для этого, во-первыхъ, обязывалъ владѣльцевъ заводить въ своихъ селахъ для крестьянъ школы, а во-вторыхъ, непремѣнно дозволять изъ каждой крестьянской семьи увольнять мальчиковъ въ ученіе, за исключеніемъ двухъ, которые должны оставаться при землѣ. Проектъ Замойскаго оканчивался такими словами: «Хлопство наше живетъ въ грубой простотѣ, не имѣетъ никакихъ понятій объ обязанностяхъ къ Богу, къ себѣ самому и ближнему: они всѣ плохіе христіане и нерачительные хозяева; религія и общественное благо требуютъ не оставлять народъ въ такомъ невѣжествѣ». Сверхъ того, объявлялись лично свободными тѣ крестьяне, о которыхъ законно могло быть извѣстно, что они нѣкогда поселились на владѣльческихъ земляхъ на условіяхъ: они могли уходить отъ помѣщика, исполнивши эти условія. Какъ ни малы были льготы, предоставленныя крестьянамъ этимъ проектомъ, но шляхетство увидало въ немъ посягательство на свои права и тайное намѣреніе лишить его власти надъ крестьянами, если не тотчасъ, то въ будущее время.

Сначала проектъ, представленный на сеймѣ 1778 года, былъ отложенъ до будущаго сейма въ 1780 году. Замойскій на этотъ послѣдній сеймъ представилъ свой проектъ снова, и негодованіе противъ него доходило до того, что составителя открыто называли измѣнникомъ отечества. Кодексъ, составленный Замойскимъ, былъ отвергнутъ цѣликомъ, ради того, чтобъ удалить вопросъ о крестьянствѣ. Для соблюденія приличія, Замойскаго, однако, поблагодарили за трудъ, но нашли его неудобнымъ къ принятію. Семидесятилѣтній канцлеръ удалился отъ дѣлъ въ свои имѣнія. Занимавшійся при немъ, въ качествѣ секратаря, Выбицкій разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что когда онъ самъ послѣ того пріѣхалъ въ Великую Польшу, то его жизнь была въ опасности. «Они—кричала шляхта—хотѣли у насъ отнять хлоповъ, обратить шляхту въ хлоповъ, а хлоповъ въ шляхту». Достойно замѣчанія, что подобныя остроты отпускали поляки при Владиславѣ IV, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, обвиняя своего короля въ намѣреніи присвоить самодержавную власть, опираясь на хлоповъ.

Вліянію русскаго посланника никакъ нельзя приписать неудачъ на этомъ сеймѣ. Штакельбергъ именно въ то время вовсе не мѣшался въ дѣла, и Россія какъ будто предоставила полякамъ полную свободу. Даже русскія войска были выведены изъ Польши. Штакельбергъ получалъ инструкціи, которыя заставляли его оставаться непричастнымъ: происходило-ли это, какъ думаютъ, иностранцы, оттого, что при петербургскомъ дворѣ ослабѣло вліяніе Панина и взялъ верхъ Потемкинъ, или же оттого, что сама Екатерина сочла нужнымъ, въ видахъ своей политики, не налегать слишкомъ на Польшу и предоставить полякамъ самимъ устраиваться — пусть рѣшаютъ другіе, а для насъ несомнѣнно то обстоятельство, что въ это время полякамъ никто не мѣшалъ, и они показали свою несостоятельность въ дѣлѣ реформы. На этомъ же сеймѣ, когда конченъ былъ отчетъ объ устройствѣ арсенала и литейнаго завода, то по скупости, съ какою поляки открывали свои карманы для общихъ нуждъ, король изъ собственныхъ суммъ выдалъ 701,491 злотыхъ. «Этотъ сеймъ—говоритъ саксонскій министръ Эссенъ—доказалъ, что громада поляковъ питаетъ отъявленное отвращеніе ко всему, что только отзывается улучшеніемъ и правосудіемъ».

Жалуясь на политическую тираннію Россіи надъ собою, поляки хотѣли быть у себя дѣйствительными тиранами. Тѣмъ не менѣе духъ времени невольно бралъ свое. Нѣкоторые паны, проникнутые свободомысліемъ вѣка, дѣлали въ своихъ имѣніяхъ облегченія для своихъ крестьянъ, и учреждали новые порядки. Андрей Замойскій, племянникъ короля Станиславъ Понятовскій,

Чарторыскіе увольняли своихъ крестьянъ отъ панщины и замѣняли эту повинность денежнымъ оброкомъ. Это былъ уже прогрессъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Оригинальнѣе поступилъ Іоакимъ Хребтовичъ: онъ приказалъ всѣ свои пахатные грунты порѣзать на четвероугольники, вмѣщавшіе каждый по волокѣ, и подѣлилъ ихъ по достоинству на три рода. Каждый четвероугольникъ составлялъ отдѣльный участокъ; всѣ ихъ отдалъ онъ крестьянамъ, предоставивъ на выборъ платить за нихъ работою, или натуральными произведеніями. На этихъ участкахъ приказано крестьянамъ поселиться, такъ что все имѣніе Хребтовича представляло видъ шахматницы. Нельзя не замѣтить здѣсь того духа реформъ XVIII вѣка, которымъ проникались тогда многіе, думавшіе, что можно устроивать счастіе людей теоріями и распоряженіями, не спрашиваясь съ теоріями и пріемами текущей жизни. Прелатъ Бржостовскій сдѣлалъ въ своемъ имѣніи подобіе Рѣчи-Посполитой; онъ даровалъ подданнымъ привилегіи, подобно тому, какъ давали короли городамъ, устроилъ суды съ присяжными и, вдобавокъ, ввелъ военныя упражненія, а самъ величался, какъ бы въ санѣ короля, надъ созданной имъ республикой. Безъ всякихъ подобныхъ затѣй и выходокъ, отличался гуманностью обращенія съ крестьянами и заботливостью о ихъ благѣ панъ, который впослѣдствіи навлекъ на себя, болѣе чѣмъ кто-нибудь, проклятія прогрессивной польской партіи—то былъ Щенсный Потоцкій, владѣтель неизмѣримыхъ пространствъ въ Украинѣ. Онъ былъ постоянный приверженецъ старо-шляхетской вольности и безправія. Съ одной стороны, онъ не обладалъ выходящимъ изъ обычнаго уровня умомъ и не получилъ хорошаго образованія, которое могло бы освѣжить въ немъ прадѣдовскую затхлость, съ другой, былъ слишкомъ пански себялюбивъ, честолюбивъ и избалованъ, чтобъ пожертвовать завѣтными предразсудками; за то отъ природы былъ очень добраго сердца и поэтическаго воображенія. Въ молодости онъ самъ перенесъ страшный ударъ отъ панскаго самодурнаго деспотизма своихъ родителей. Сынъ высокомѣрнаго магната, кіевскаго воеводы Салерія Потоцкаго, онъ страстно полюбилъ дѣвицу Гертруду Комаровскую, дочь сосѣда обывателя, хотя не послѣдняго по происхожденію, но въ глазахъ Потоцкаго никакъ недостойнаго чести породниться съ знатными родами. Молодой Щенсный женился тайно, и до поры до времени оставлялъ жену въ домѣ ея родителей. Вдругъ узнали объ этомъ отецъ и мать и послали довѣренныхъ схватить ее: у стараго воеводы была мысль засадить ее въ монастырь, и при помощи своей панской силы вытребовать разводъ. Довѣренные схватили молодую Потоцкую,

повезли ее по осенней колоти, ночью встрѣтили обозъ чумаковъ и чтобъ жертва не закричала и не завопила о помощи, стали ее душить подушками и задушили, а потомъ бросили трупъ ея въ прудъ, откуда, впослѣдствіи, случайно вытащилъ ее мельникъ. Молодой Потоцкій былъ въ отчаяніи, хотѣлъ лишить себя жизни, но потомъ предался волѣ родителей и вступилъ въ бракъ съ дѣвицею изъ фамиліи Мнишковъ. Эта была женщина пустая, тщеславная, болтливая и вѣтренная; Потоцкій не любилъ ее, но, по мягкосердію, нерѣдко находился подъ ея вліяніемъ. Потоцкій принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которыя не ищутъ развлеченій въ перемѣнныхъ сношеніяхъ съ прекраснымъ поломъ, но для которыхъ необходима всегда женская опека. Онъ никогда не могъ забыть первой любви; на груди у себя носилъ онъ изображеніе своей первой жены, и на всемъ характерѣ его остались до гроба слѣды глубокой меланхоліи. Неразговорчивый, задумчивый, онъ не раздѣлялъ общей всѣмъ панамъ страсти къ шумнымъ пирамъ и кутежамъ. Высокомѣрный съ равными, онъ былъ добродушенъ и привѣтливъ съ низшими и подвластными. По свидѣтельству знавшихъ его, печальная катастрофа въ молодости содѣйствовала этой чертѣ его характера[1]). Обыкновенно паны раздавали свои имѣнія въ поссессіи, мало обращая вниманія на то, кто ихъ бралъ и наблюдали свои выгоды болѣе чѣмъ благосостояніе крестьянъ. Потоцкій выгналъ изъ своихъ имѣній всѣхъ поссессоровъ и коммиссаровъ, на которыхъ къ нему поступали жалобы отъ народа; половину своихъ мѣстностей роздалъ въ поссессіи такимъ лицамъ, на которыхъ вполнѣ надѣялся, а другую принялъ въ собственное управленіе, раздѣлилъ ихъ на фольварки или округи, заключавшіе по нѣскольку селъ, ввелъ между крестьянами громадское управленіе, не требовалъ отъ нихъ повинностей, кромѣ одного дня панщины въ мѣсяцъ, двѣнадцати дней такъ-называемаго шарварка и двѣнадцати-лѣтнихъ дней покоса и жатвы, разводилъ и побуждалъ крестьянъ разводить лучшіе роды хлѣбнаго зерна, выписалъ лучшую породу рогатаго скота изъ Венгріи и Италіи и поправилъ домашній рогатый скотъ, первый завелъ въ Украинѣ мериносовъ, насаживалъ сады и огороды. Доступный своимъ подданнымъ, внимательный къ ихъ нуждамъ, онъ не думалъ просвѣщать крестьянъ, но не мѣшалъ ихъ благоденствію въ той сферѣ, въ какой они находились; его села блистали бѣлыми хатами посреди роскошныхъ садовъ, окруженные изобиліемъ скирдъ хлѣба, стоговъ сѣна, воловъ, овецъ,

---

[1]) Мы распространяемся объ этомъ лицѣ потому, что оно играетъ очень важную роль въ исторіи этого времени.

пчелъ и пр. У него не слышно было о нищетѣ; крестьяне его не знали европейскихъ одеждъ, за то не было у нихъ недостатка въ произведеніяхъ домашней мануфактуры, потому что женщины, необремененныя панскою работою, имѣли время прясть, ткать и шить для себя и своихъ семей. Вездѣ было довольство и веселіе, вездѣ жили по старинѣ. Щенсный терпѣть не могъ перемѣны обычаевъ, какъ въ своихъ имѣніяхъ, такъ и въ Рѣчи-Посполитой. Впрочемъ, возможность такого управленія зависѣла отъ того, что Потоцкій былъ чрезмѣрно богатъ и получалъ до 80,000 червонцевъ въ годъ. Но онъ не могъ служить образцемъ для всѣхъ, ни даже для своихъ собственныхъ дѣтей и наслѣдниковъ. Притомъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя не состояли подъ его непосредственнымъ управленіемъ, а отданы были въ поссессіи, положеніе крестьянъ было хуже. Вообще же возстаніе Гонты и Залізняка мало вразумило поляковъ.

Современникъ-полякъ, писавшій въ 1790 году, представляетъ южно-русскій народъ страдающимъ подъ страшнымъ произволомъ необузданнаго деспотизма поссессоровъ и коммиссаровъ. Крестьянъ изнуряли произвольною работою; съ нихъ брали тяжелыя подати; оффиціантъ производилъ экзекуціи, ѣздилъ съ казаками и гайдуками съ нагайками въ рукахъ, мучилъ безъ состраданія и обиралъ хлоповъ: такъ, напримѣръ, нужно съ крестьянина получить корецъ жита (въ четыре четверика), а онъ беретъ съ него шесть четвериковъ и, такимъ образомъ, вмѣсто трехъ сотъ корцевъ, слѣдуемыхъ пану или поссессору, получаетъ до четырехъ сотъ и болѣе. И лишнее обращается, разумѣется, въ его пользу. Случится неурожай — крестьянину нѣтъ льготы; онъ сбываетъ жиду за безцѣнокъ вола, овецъ, продаетъ свою послѣднюю ветошь, чтобы купить и везти овесъ или рожь въ панскіе магазины. «Мы несчастные», вопили хлопы, «работаемъ, не переводя духъ; не даютъ намъ собрать собственнаго хлѣба; гніемъ въ дыбахъ (колодахъ), умираемъ подъ канчуками». Украинскіе хлопы, не смотря на неудачу возстанія, все еще продолжали надѣяться на Россію. По извѣстію одного поляка (Bunty ukraińskie), матери, сидя за пряжею, пѣли своимъ дѣтямъ завѣтныя пѣсни о временахъ Хмельницкаго, а при случаѣ украинскій хлопъ, подпивши, осмѣливался сказать ляху: «о, мы и не такихъ різали»; на это полякъ отвѣчалъ ему: «а мы и не такихъ вішали». Хотя въ послѣднее время законъ запрещалъ помѣщику убивать крестьянъ, но такого рода своевольства продолжались по прежнему; нужно было, чтобы убійца при свидѣтеляхъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; судьи всегда были готовы защищать обывателя, чтобы не дать потачки по-

сягательству на шляхетскія права. Ограниченіе работъ не имѣло силы; очень часто помѣщикъ, или поссессоръ, по старинѣ томилъ крестьянъ панщиною цѣлую недѣлю, оставляя для крестьянской работы одно воскресенье; крестьянинъ не имѣлъ права ничего купить и продавать иначе, какъ жиду-арендатору, и вообще въ это время крестьянинъ у большинства пановъ продолжалъ имѣть значеніе вещи. За то вездѣ, исключая Украины, гдѣ вѣялъ казацкій духъ, польскій крестьянинъ былъ такъ забитъ, что и не помышлялъ о возможности свободы. Крестьяне въ староствахъ имѣли право жаловаться на злоупотребленія старостъ, но не пользовались этимъ правомъ, потому что было напрасно искать его: старосты всегда умѣли остаться правыми. Въ имѣніяхъ духовныхъ состояніе хлоповъ ничуть было не легче. Они всѣ почти были отданы въ поссессіи и находились въ крайнемъ утѣсненіи.

Являлись попытки къ водворенію фабричной и заводской промышленности. Въ этомъ отличился особенно Тизенгаузъ, получившій въ управленіе столовыя королевскія имѣнія близъ Гродны. Онъ устроилъ тамъ нѣсколько фабрикъ, обращая однако вниманіе на предметы роскоши, проводилъ черезъ дикіе лѣса дороги, но забылъ интересы сосѣднихъ обывателей, и раздражилъ ихъ своимъ обращеніемъ: самъ онъ былъ человѣкъ пьяный, буйный и своевольный; поднялись противъ него жалобы, а между тѣмъ, при дворѣ старались ему вредить другіе паны, между прочимъ Радзивиллъ и Чарторыскіе. Онъ не умѣлъ также поладить и со Штакельбергомъ. Король отнялъ у него управленіе столовыми имѣніями и поручилъ Ржевускому. Затѣи Тизенгауза остались безъ послѣдствій. Въ другихъ мѣстахъ, однако, также проявлялись признаки фабричной дѣятельности. Въ Корцѣ дѣлали фарфоръ, въ Ловичѣ полотна, въ Слуцкѣ пояса. Нѣсколько позже въ русскихъ земляхъ отличался Протъ Потоцкій: въ Махновкѣ основалъ у себя разныя заведенія и скупалъ крестьянскія произведенія, черезъ то возвышалось благосостояніе сельскаго класса въ Польшѣ и Литвѣ.

Торговля въ Польшѣ и Литвѣ должна была подняться послѣ вырытыхъ двухъ каналовъ: Огинскаго между Припетью и Нѣманомъ, и Мухавецкаго между Припетью и Бугомъ. Но торговля не могла идти хорошо: прусскій король стѣснялъ торговый путь по Вислѣ, взималъ большія пошлины и задерживалъ польскія суда; эти распоряженія совпадали съ постояннымъ намѣреніемъ Пруссіи не допускать Польшѣ приходить къ благоустройству и благосостоянію. Кромѣ того, успѣхамъ торговли мѣшало отсутствіе честности въ исполненіи договоровъ. «Ни купецъ, ни дворянинъ — писалъ саксонскій министръ Эссенъ — не въ силахъ

истребовать отъ польскаго магната денежной уплаты; суды отказывали въ экзекуціи. У поляковъ, хотя и введено вексельное право, но польскій дворянинъ разрываетъ вексель, представленный ему купцомъ для уплаты, а правосудіе не преслѣдуетъ такихъ должниковъ и не заботится о тѣхъ, которыхъ они разоряютъ. Несмотря на мѣры къ искорененію корыстолюбія и неправды, установленныя предшествовавшими сеймами, все обращается къ прежнему варварству».

Въ 1784 г., этотъ саксонскій министръ изобразилъ черными красками нравственный уровень поляковъ высшаго класса. По его наблюденіямъ, Польша, при Станиславѣ-Августѣ, вмѣсто того, чтобы поправиться, еще болѣе впадала въ деморализацію. «Двадцатилѣтнее царствованіе короля (говоритъ онъ), оказывающаго примѣрное равнодушіе ко всему, что̀ честно, прилично и уважительно, произвело такую распущенность, какой не представляетъ Европа нигдѣ. Поступки, за которые въ другихъ странахъ подвергаютъ тѣлесному наказанію, совершаются здѣсь высшими сановниками, и нѣтъ имъ за то наказанія. Они живутъ въ Варшавѣ, близъ короля, при его дворѣ, состоя въ своихъ должностяхъ. Хотите подробностей? Не угодно ли узнать воеводу, который укралъ перстень, или графа, мальтійскаго кавалера, которому, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, жена русскаго воеводы сказала: «вы у меня украли часы; небольшой вамъ отъ этого выигрышъ: они стоятъ всего восемдесятъ червонцевъ». А вотъ кавалеръ синей ленты (Бѣлаго Орла). Онъ приказалъ украсть свои заемныя обязательства у адвоката, которому его заимодавцы дали ихъ для взысканія по нимъ денегъ. Этотъ фактъ случился всего двѣ недѣли назадъ (писано 1 мая 1784 г.). Есть въ республикѣ министръ, который съ своимъ камердинеромъ пошлетъ въ залогъ свое серебро, и прикажетъ отправить это серебро въ свое имѣніе, а потомъ начинаетъ процессъ противъ тѣхъ, которые ему дали денегъ подъ серебро впередъ, не получивши еще залога, требуетъ обратно серебра, не платитъ денегъ, подъ предлогомъ, что камердинеръ укралъ серебро, а камердинеръ черезъ полгода опять у него служитъ. А вотъ другой министръ — несправедливо захватилъ имѣніе у сосѣда. Трибунальскій декретъ далъ послѣднему право вступить во владѣніе своею собственностію. Министръ подалъ апелляцію въ постоянный совѣтъ, гдѣ самъ засѣдаетъ. При явной подачѣ голосовъ онъ выигрываетъ, при тайной проигрываетъ. Тогда онъ поручаетъ своему сыну, полковнику, съ вооруженною силою захватить имѣніе. Послѣ сраженія между солдатами и крестьянами, на которомъ пало тридцать четыре человѣка солдатъ, полковникъ убѣжалъ. Одного вое-

воду потянули къ суду за составленіе фальшивыхъ векселей, другой въ судѣ отрекался отъ собственноручной подписи, третій держалъ у себя въ домѣ фальшивыя карты и обыгрывалъ молодыхъ людей: такую непріятность испыталъ и королевскій племянникъ. Четвертый продавалъ имѣніе, которое ему не принадлежало, такъ что покупщикъ, пріѣхавши въ купленное имѣніе, нашелъ тамъ иного собственника, который принялъ его за съумасшедшаго. Пятый, чтобъ сдѣлать себя ложнымъ банкротомъ, выдумалъ на свое имѣніе залоги и собиралъ спокойно съ нихъ доходы подъ чужимъ именемъ, а заимодавцамъ своимъ не платилъ. Шестой разорвалъ вексель передъ глазами своего заимодавца и приказалъ послѣдняго крѣпко отколотить. Седьмого стращаетъ императорско-королевскій чиновникъ обѣщаніемъ опубликовать его имя въ газетахъ, за то, что отрекается въ займѣ денегъ у вѣнскаго гражданина, который выручилъ его отъ заимодавцевъ. Осьмой — коронный офицеръ, заманилъ къ себѣ молодую даму, приказалъ своимъ слугамъ придержать ее и изнасиловалъ. Девятый взялъ у иностранца-врача на сохраненіе вещи, цѣною на три тысячи червонцевъ, и потомъ отрекся отъ своего долга. Я упоминалъ только о такихъ поступкахъ, которые въ высшей степени преступны и совершены въ послѣднее время лицами высшаго общества, занимающими притомъ важныя мѣста въ государствѣ, устраиваютъ у себя блестящія собранія, о которыхъ никто не скажетъ дурного слова, хотя знаютъ всѣ, что̀ за ними водится. Стало быть саксонскій маршалъ (Marechal de Saxe — извѣстный Морицъ, побочный сынъ Августа II, знаменитый полководецъ) не былъ не правъ, сказавши, что полунегодяй (demi-coquin) въ Германіи будетъ въ Польшѣ честнѣйшимъ человѣкомъ... Еслибъ курфирсту понадобилось, чтобъ я указалъ ему три честныя и прямыя личности въ Польшѣ, я бы не могъ указать ни единой. Государи, говорятъ поляки, ничего не дѣлаютъ безъ собственныхъ выгодъ; мы республиканцы и государи; мы готовы служить чужимъ государямъ, насколько они намъ дѣлаютъ. И вотъ Россія, великая и страшная держава, истрачиваетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ червонцевъ въ годъ на пенсіоны для того, чтобы въ постоянномъ совѣтѣ, въ скарбовой коммиссіи и въ другихъ учрежденіяхъ держать служащихъ ей людей, а все-таки, несмотря на повелѣнія и письма императрицы, русскіе подданные постоянно проигрываютъ процессы. Такое состояніе дѣлъ, достойное удивленія, до того взволновало одного изъ здѣшнихъ иностранныхъ министровъ, что онъ съ каждою почтою проситъ увольненія изъ этой страны, гдѣ онъ живетъ только два года. Онъ говоритъ, что если его не отзовутъ, то онъ возьметъ от-

ставку отъ службы вовсе, потому что честному человѣку унизительно занимать здѣсь должность министра. Это былъ англійскій министръ, лордъ Dalrymple [1]).»

Нельзя не замѣтить въ этомъ письмѣ, какъ вообще въ письмахъ Эссена, того предубѣжденія, какое почти всегда и вездѣ питаетъ нѣмецъ къ славянамъ; кромѣ того, саксонскій министръ хочетъ видимо представить кругъ, въ которомъ находится, въ возможно-грязномъ свѣтѣ, для того, чтобъ возвысить цѣну своихъ трудовъ и безпокойствъ по занимаемой должности, и тѣмъ самымъ показать, что за это онъ достоинъ особой милости и вниманія своего князя-избирателя. Такія происшествія, какъ оспариваніе подлинности и законности векселей, отреченіе отъ собственной подписи, бываютъ вездѣ и могутъ быть слѣдствіемъ недоразумѣній; чтобы обвинить за это кого-нибудь, нужно выслушать съ его стороны доказательства. Но за то другіе признаки, какъ напр. наѣзды на имѣнія, карточныя продѣлки, продажа небывалаго имѣнія — все это факты, о которыхъ мы узнаемъ и изъ польскихъ источниковъ того времени, и это только даетъ нравоописанію Эссена достоинство достовѣрности, несмотря на его пристрастный тонъ. Самый горячій патріотъ того времени, Коллонтай, въ своихъ письмахъ говоритъ: «Всеобщій безпорядокъ въ домахъ, злонравіе и развратъ въ семействахъ, несправедливость въ судахъ, безнравственность и невѣжество духовенства, негодность войска, неповиновеніе закону и властямъ, все это привело насъ къ тому презрѣнному и подлому состоянію, которое даетъ нашимъ сосѣдямъ противъ насъ смѣлость». Но, слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ тотъ вѣкъ много можно найти примѣровъ безнравственности въ аристократическихъ обществахъ другихъ странъ Европы, а потому было бы несправедливо взваливать на поляковъ исключительно тѣ пороки, какіе болѣе или менѣе встрѣчались вездѣ. Для насъ важно не столько то, что за поляками водились дурныя дѣла, и Польша изобиловала темными сторонами, какія можно было видѣть въ другихъ странахъ, сколько то, что у поляковъ почти не видно было тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, которыми, при всѣхъ порокахъ своихъ высшихъ сферъ, обладали другія націи.

[1]) Hermann. VI, Anhang. III, 190.

VI.

Оппозиція противъ короля. — Процессъ Угромовой. — Сеймъ 1786 года.

Съ 1780 г. до четырехлѣтняго сейма (1788 г.) король боролся съ внутренними противниками, которыхъ соединяли противъ него разнородныя побужденія. Оппозиція эта вначалѣ, какъ было сказано, вертѣлась около личности Адама Чарторыскаго. Къ нему примкнули два брата Потоцкіе, Игнатій и Станиславъ, хотѣвшіе играть роль реформаторовъ и передовыхъ вожаковъ своей націи. Оба воспитывались сначала въ конвиктѣ піаровъ, потомъ получили образованіе за границей, усвоили новыя европейскія понятія о перестройкѣ обществъ и хотѣли примѣнить ихъ въ Польшѣ, задавались мыслью о возрожденіи своего отечества, о прогрессѣ воспитанія, о равноправности гражданъ, о внутренней силѣ и внѣшней независимости своей страны. Игнатій прежде готовился къ духовному званію, и для этой цѣли получилъ высшее образованіе въ Римѣ, а въ Польшу воротился въ видѣ моднаго аббата того вѣка, но потомъ раздумалъ и оставилъ это поприще. Оба брата женились на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ богатаго короннаго маршала, князя Любомирскаго, находившагося подъ вліяніемъ жены своей, урожденной Чарторыской, которая, по своимъ огромнымъ средствамъ и по умѣнію держать себя съ пышностью, пользовалась во всей Рѣчи-Посполитой большимъ значеніемъ. Игнатій былъ человѣкъ даровитый, обладалъ превосходною памятью, много читалъ, но блисталъ болѣе краснорѣчіемъ, остроуміемъ и свѣтскимъ лоскомъ, чѣмъ глубокомысліемъ и основательностью, не чуждъ былъ склонности къ интригамъ и думалъ быть великимъ политикомъ, хотя постоянно въ этомъ дѣлалъ промахи. Станиславъ былъ основательнѣе своего брата, ослѣплялъ поляковъ своимъ краснорѣчіемъ, но былъ очень заносчивъ. Современники находили въ Станиславѣ болѣе эгоизма; Игнатій былъ его задушевнѣе и безкорыстнѣе любилъ родину; его замашка хитрить и интриговать болѣе происходила отъ воспитанія и обстоятельствъ, чѣмъ отъ характера. Они склонялись къ демократическимъ идеямъ, хотя не смѣли еще выявлять ихъ рѣзко, но въ то же время задушевнымъ желаніемъ обоихъ было — возвышеніе и блескъ своей фамиліи. Около нихъ собирались люди съ меньшимъ значеніемъ по роду и богатству, также знакомые съ европейскими современными идеями, пропитанные мыслью о поднятіи своего отечества. Къ нимъ стали склоняться и сердца молодежи, получавшей воспитаніе въ кор-

пусѣ кадетъ. Эта прогрессивная партія была въ то время во враждѣ съ королемъ и это обстоятельство соединило ее съ гетманомъ Браницкимъ; и онъ также кричалъ о возрожденіи отечества, вопіялъ противъ короля, указывалъ на него, какъ на причину, замедлявшую въ Польшѣ улучшенія. По происхожденію своему отъ предковъ онъ былъ казакъ и по характеру подходилъ къ типу тѣхъ ошляхтѣвшихъ малоруссовъ, въ родѣ Выговскихъ, Бруховецкихъ, Мазепъ, которые полвѣка волновали Малороссію, съ любовью къ смутамъ, интригамъ и безурядицѣ. Веселаго нрава, разгульный, буйный, щедрый, съ воинственными замашками — онъ имѣлъ много такого, что̀ могло привязать къ нему толпу шляхты: съ виду казался открытымъ и прямымъ, въ самомъ дѣлѣ былъ хитеръ и двоедушенъ. Это былъ эгоистъ, думавшій только о себѣ, безъ чести, безъ вѣры, безъ убѣжденій, мстительный, самолюбивый, не терпѣлъ короля и Штакельберга, и куролесилъ противъ нихъ, надѣясь на протекцію Потемкина, дяди жены своей. Онъ всегда былъ покоренъ Екатеринѣ, но не по истинной привязанности къ Россіи, напротивъ, не терпѣлъ *москалей*, а держался ихъ потому, что видѣлъ въ этомъ свою силу и свои выгоды. Его огромныя имѣнія лежали въ Украинѣ, и въ случаѣ непокорности Россіи, могли быть тотчасъ захвачены. Екатерина знала это, понимала его, ласкала и берегла на случай, потому что онъ былъ способенъ сдѣлаться для нея какимъ угодно орудіемъ, когда окажется крайность употребить его въ дѣло. Съ нимъ былъ заодно племянникъ его, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, сынъ бывшей любовницы короля, женщины нѣкогда веселаго поведенія, а потомъ ханжи и отъявленной интригантки: она любила дѣлать разныя каверзы и козни на сеймикахъ и трибуналахъ, подкупала судей для рѣшенія несправедливыхъ тяжбъ, въ Варшавѣ устраивала великолѣпные балы и домашніе театры, но для этого занимала деньги и безстыдно ихъ не платила: въ числѣ ея заимодавцевъ была одна французская принцесса, у которой она заняла пять тысячъ червонцевъ и не хотѣла платить; тогда графъ Верженъ говорилъ, что нужно издать королевскій ордонансъ, запрещающій французамъ давать въ долгъ деньги полякамъ. Сынъ ея, находившійся долго подъ ея вліяніемъ, былъ повѣса, кутила, забіяка, самолюбивый и пустой, корчившій изъ себя оратора и гражданина и безпрестанно рисовавшійся. Къ нимъ присталъ Северинъ Ржевускій, польный гетманъ, сынъ того, который былъ сосланъ Рѣпнинымъ въ Калугу, товарищъ отцовскаго изгнанія; это былъ человѣкъ до безумія самолюбивый, высокомѣрный, взбалмошный, горячій, о которомъ даже близкіе его говорили подчасъ, что у него мозгъ не въ по-

рядкѣ. Съ ними сошелся Вельогорскій, большой любитель всего французскаго, щеголявшій сладкими манерами, гордившійся личнымъ знакомствомъ съ Жанъ-Жакомъ Руссо, любовникъ жены Станислава Потоцкаго. Къ этому кружку принадлежали и даже управляли имъ знатныя женщины. Первая изъ нихъ была гетманша Огинская (урожденная Чарторыская), богатая и чрезвычайно гостепріимная госпожа, умѣвшая соединять около себя общество; это была, такъ сказать, вѣщая жена оппозиціи. Другая была Изабелла Чарторыская, жена Адама, урожденная Флеммингъ; прежде она была любовницею короля, потомъ находилась въ связи съ Рѣпнинымъ и такъ обирала его, что русскій посланникъ былъ весь въ долгу, и Екатерина должна была выручать его; перебывавши со многими въ короткихъ отношеніяхъ, она расточала свои ласки Ржевускому. Патріоты, плѣняемые широкимъ гостепріимствомъ въ ихъ домѣ, смотрѣли на нее, какъ на божество. Дочь ея была отдана за принца Виртембергскаго и мать замышляла, вмѣсто Понятовскаго, посадить на тронъ своего зятя, тогда какъ Огинская замышляла то же для своего мужа. Третья была княгиня Любомирская, также бывшая нѣкогда любовницею короля, женщина властолюбивая и чрезвычайно богатая; ея зятья, Потоцкіе, зависѣли отъ нея и пользовались ея благодѣяніями, потому что состояніе Потоцкихъ, хотя немалое, было недостаточно для такой открытой жизни, какую надо было вести въ Польшѣ, для того, чтобы имѣть вліяніе. Любомирская была большая непріятельница короля, но не покровительствовала новымъ идеямъ и была сторонницею прежняго шляхетскаго порядка, тогда какъ Чарторыская, вмѣстѣ съ мужемъ, возбуждали свое общество къ новизнѣ и реформамъ. Четвертая была княгиня Сапѣга, мать Казимира-Нестора; она въ то время дышала свирѣпою ненавистью противъ короля. Пятая была Коссаковская, каштелянша каминская, большая интригантка. Бывшія любовницы короля и покинутыя имъ, теперь сходились вмѣстѣ, чтобы мстить за свои женскія оскорбленія. Въ Польшѣ все зависѣло отъ знатныхъ домовъ, гдѣ можно было ѣсть, пить и плясать; эти женщины, устраивая у себя веселыя сборища, двигали всѣмъ дѣломъ и давали направленіе всей Польшѣ; у каждой изъ нихъ были родные, пріятели, поклонники, секретари, пленипотенты, резиденты и, наконецъ, такъ-называемые гермки, слуги изъ шляхты: всѣ эти люди, по инціативѣ госпожъ, кричали противъ короля, возбуждали къ нему неудовольствіе.

Между всѣми важными лицами оппозиціи было мало общаго въ основаніяхъ. Теперь ихъ соединяла непріязнь къ королю, но когда обозначились политическія стремленія, то многіе изъ этихъ

лицъ стали враждебно другъ къ другу. Теперь, пока они были между собой согласны и за каждымъ изъ нихъ была толпа обывателей и шляхты: оппозиція представляла единство и силу. Они дѣйствовали обычнымъ въ Польшѣ порядкомъ, т. е. подпаивали шляхту на сеймикахъ и выбирали такихъ пословъ, которые за полученныя деньги или обѣщанія, кричали и поступали на сеймахъ такъ, какъ имъ велѣли господа.

На сеймѣ 1782 года эта оппозиція стала перечить во всемъ королю. Вражда открылась по поводу дѣла объ арестованіи краковскаго епископа Солтыка, котораго умственныя способности пришли въ разстройство; король отдавалъ доходы епископства плоцкому епископу, своему брату; и хотя братъ короля былъ такъ осторожен, что отказывался отъ этихъ доходовъ, но оппозиціи нуженъ былъ предлогъ. Въ засѣданіи сейма Браницкій кричалъ, что король хочетъ присвоить абсолютную власть, роптал на деспотизмъ и говорилъ, что шляхтѣ приходится работать уже не языкомъ, а саблею. Ржевускій дошелъ до того, что сказалъ: «Польская шляхта не нѣмецкая, и если польскій король хочетъ сообразить, до чего можетъ дойти польскій народъ, защищая свою вольность, то пусть припомнитъ судьбу англійскаго короля Карла I». Шумъ и безурядица на сеймѣ достигли того, что скоро пошли бы въ дѣло сабли; но этому положилъ предѣлъ Штакельбергъ. Онъ объявилъ: «Ея величество императрица вовсе не желаетъ, чтобы Польшу волновали партіи; она будетъ поддерживать порядокъ и законныя формы существующаго въ Польшѣ правленія; конечно, никому не запрещается говорить о сохраненіи своихъ правъ и привилегій; но я желаю, чтобъ несогласія ваши были принесены въ жертву нуждамъ отечества, чтобъ предложенія отъ трона были подвергаемы надлежащему и спокойному обсужденію». Это заявленіе успокоило сеймъ. Крики перестали, но сеймъ, составленный изъ подкупленной толпы, ничего не сдѣлалъ важнаго.

Король, послѣ этого, прильнулъ тѣснѣе къ Россіи и просилъ императрицу, черезъ своего посланника въ Петербургѣ, устроить между Польшею и Россіею тѣснѣйшій дружественный союзъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ долгахъ, просилъ поручиться за него въ новомъ займѣ. Императрица благодарила за желаніе союза и заявила, что когда будетъ нужда, тогда пусть Польша покажетъ свою дружбу къ Россіи; что̀-же касается до займа, то императрица напомнила королю, что еще прежде занятыя суммы подъ доходъ съ королевскихъ экономій, за поручительствомъ Россіи, не выплачены, и потому она не приметъ на себя гарантіи въ новомъ займѣ, а прикажетъ своему пос-

ланнику, чтобы, на предстоящемъ сеймѣ, были приняты мѣры къ уплатѣ королевскихъ долговъ. Требовать этой уплаты отъ сейма казалось тѣмъ законнѣе, что король тратилъ занятыя суммы на общественныя постройки и на предметы государственныхъ нуждъ.

Слѣдующій сеймъ отправлялся въ Гродно въ 1784 году необыкновенно спокойно. Императрица приказала посланнику внушить Браницкому, чтобы онъ велъ себя благоразумнѣе и не буянилъ на сеймѣ, а лучше пусть не является туда вовсе. Браницкій повиновался. Съ другой стороны, княгиня Любомирская, которая въ это время склонялась къ покою, не пустила туда своего зятя Ржевускаго, злѣйшаго крикуна, и даже, какъ говорятъ, обѣщала ему за то семь тысячъ червонцевъ. Сеймъ состоялъ изъ пословъ, преимущественно подобранныхъ сторонниками Штакельберга—Рачинскимъ въ Великой Польшѣ и Радзивилломъ въ Литвѣ. Король, передъ созваніемъ сейма, съѣздилъ самъ лично въ Нѣсвижъ. Panie Kochanku видѣлъ, что самолюбіе его удовлетворилось, принялъ короля съ большими почестями, и съ тѣхъ поръ сдѣлался его приверженцемъ. Стоило одного слова этого магната, чтобы вся литовская шляхта была за короля. На сеймѣ положили принять въ уплату королевскій долгъ—семь милліоновъ, разложили его на десять лѣтъ, со взносомъ ежегодно по семисотъ тысячъ. Но королю не удалось склонить пословъ увеличить налоги и, тѣмъ самымъ, дать средства къ умноженію военныхъ силъ. Поляки, по слѣдамъ отцовъ своихъ и дѣдовъ, не любили давать денегъ на общественныя нужды.

Вслѣдъ за сеймомъ 1784 г., произошло событіе, связанное съ оппозиціею. Какая-то Угромова, англичанка, жена русскаго офицера, сперва доносила, черезъ посредство королевскаго камердинера Рикса и генерала Комаржевскаго, будто Чарторыскіе и Тизенгаузъ подкупали ее отравить короля, повторяла этотъ доносъ трижды, и была отвергаема, наконецъ, король запретилъ принимать отъ нея доносы. Тогда она явилась къ Чарторыскому и объявила, что королевскій камердинеръ Риксъ уговаривалъ ее отравить Чарторыскаго. Послѣдній сообщилъ объ этомъ своей сестрѣ Любомирской, а та поручила приняться за это дѣло зятьямъ своимъ Потоцкимъ. Станиславъ, вмѣстѣ съ Тэйлоромъ, обанкрутившимся купцомъ, схватилъ Рикса въ квартирѣ Угромовой и привезъ къ Любомирской. Игнатій составилъ оффиціальный искъ. Показывали, будто слышали, какъ Риксъ предлагалъ Угромовой пять тысячъ червонцевъ за поручительствомъ Комаржевскаго.

Началось дѣло въ маршалковскомъ судѣ. Король приказалъ вести его какъ можно открытѣе и публичнѣе и допустилъ истцовъ выбрать съ своей стороны ассессоровъ, которые бы сидѣли въ

судѣ и участвовали въ сужденіи. Къ удивленію многихъ, такимъ ассессоромъ былъ Игнатій Потоцкій, одинъ изъ истцовъ. Процессъ возбуждалъ вниманіе всей Польши. Повсюду въ домахъ нѣсколько времени только и рѣчей было, что объ удивительномъ дѣлѣ; многіе нарочно пріѣхали изъ имѣній въ столицу слѣдить за процессомъ. Враги силились опозорить короля и его придворную партію. Любомирская, Чарторыскій, Огинская, Браницкій потратили большія суммы, разсыпали ихъ не только въ Варшавѣ, но въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Берлинѣ, чтобъ задобрить въ свою пользу иностранные дворы и найти пути къ благосклонности государей. Императора Іосифа удалось имъ такъ заинтересовать, что, по выраженію его министра въ Варшавѣ, онъ столь горячо принималъ къ сердцу это дѣло, какъ будто бы шло о пріобрѣтеніи новыхъ областей. Но Екатерина и Фридрихъ II сразу поняли, что́ все это значитъ, и называли поднятую въ Варшавѣ кутерьму интригою оппозиціи противъ короля. Дѣло Угромовой окончилось въ пользу короля. Оппозиція, просадивши огромныя суммы, осталась побѣжденною и осрамленною. Угромова была присуждена къ позорному столбу, а потомъ къ тюремному заключенію въ исправительномъ домѣ. Замѣчательно, что Тэйлоръ потерпѣлъ шестимѣсячное заключеніе за оскорбленіе Рикса, но зато потомъ награжденъ былъ отъ Любомирской имѣніемъ; Потоцкіе же не потерпѣли наказанія за оскорбленіе Рикса. Адамъ Чарторыскій, за ложный доносъ, подвергся кондемнатѣ, т. е. лишенію чести и изгнанію, но это замѣнено денежною пенею. Впрочемъ, безъ этого, явное безчестіе падало, въ глазахъ всей Европы, какъ на Чарторыскаго, такъ и на братьевъ Потоцкихъ. Съ ихъ ли наущенія стала Угромова доносить о намѣреніи отравить Чарторыскаго, или они только воспользовались этимъ случаемъ—несомнѣнно то, что они хотѣли обратить этотъ случай во вредъ королю нечестными средствами. Другіе корифеи оппозиціи—Браницкій, Вельгорскій, Ржевускій, поддерживали ихъ. Королевская партія твердила, что Угромова была только жалкое орудіе заранѣе придуманной интриги.

Чтобъ очистить себя отъ понесеннаго срама, оппозиція хотѣла, во что̀бы то ни стало, торжествовать на будущемъ сеймѣ. Ей необходимо было устроить такой составъ сеймовой Избы, который бы всецѣло находился у нея во власти и безусловно служилъ ея видамъ. И вотъ, оппозиціонные паны стали дѣлать у себя многочисленныя сборища, привлекать всѣми мѣрами обывателей и настраивать общественное мнѣніе противъ короля жалобами на упадокъ отечества. Съ враждою къ королю сливалось патріотическое стремленіе къ возрожденію отечества.

Дѣло принимало видъ политическаго заговора. Главныя сборища были у княгини Огинской: въ ея имѣніи Сельцахъ, въ теченіи мѣсяца каждый день обѣдали человѣкъ двѣсти и больше. Два брата Потоцкіе, Браницкій, Сапѣга, Чарторыскій были двигателями на этихъ собраніяхъ. Къ нимъ пристaлъ тогда и Щенсный-Потоцкій, богатый и потому сильный. Тогда поляки надѣялись, что имъ придетъ спасеніе изъ Австріи: тамъ надобно было искать нѣжнѣйшаго участія и безкорыстной помощи; восхваляли милосердіе и справедливость Іосифа II; прославляли величіе и могущество его державы. Въ Сельцахъ, подъ вліяніемъ хлѣбосольства, обыватели усвоивали враждебное настроеніе противъ короля и разъѣзжались домой, готовые поддерживать, на сколько могли и умѣли, дѣло оппозиціи; коноводы поспѣшили въ разные края подготовлять подпоемъ и подкупомъ сеймики. Браницкій и Сапѣга взяли на себя подготовку Великой Польши, да сверхъ того Сапѣга еще и Бреста-Литовскаго: Браницкій хвалился, что уже заплатилъ подымное за три тысячи шляхты. Чарторыскій взялъ на себя Подоль и Холмъ, Пнинскій и Липскій— Люблинъ, Огинскіе Литву, Щенсный-Потоцкій Украину; на Волынѣ принялись работать Сангушко, Чапскій и другіе.

Паны, по обычаю, повезли шляхту на сеймики. Трата денегъ и вина была чрезмѣрная. Два сеймика, говорятъ, стоили Чарторыскому сто тридцать тысячъ червонцевъ. Не обходилось безъ кровавыхъ сценъ. Современникъ Нѣмцевичъ, приживалецъ Чарторыскихъ, разсказываетъ, что въ Каменцѣ, противодѣйствуя Чарторыскимъ, собиралъ въ доминиканскомъ монастырѣ шляхту князь Нассау-Зигенъ, нѣмецъ, получившій право шляхетства (индигенатъ) въ Польшѣ. Взяла верхъ большинствомъ партія Чарторыскихъ, и шляхта этой партіи напала на пьяную, лежавшую безъ чувствъ на валу крѣпости, шляхту противной партіи. Загнувъ лежавшимъ полы кунтушей и жупановъ кверху, надѣлали имъ саблями насѣчки на заднихъ мягкихъ частяхъ тѣла. Чарторыскій, узнавъ объ этомъ, по своему великодушію, послалъ на свой счетъ жидовъ-цирюльниковъ зашивать дратвою израненныхъ противниковъ. Это была милая шутка онаго времени.

Но король также не остался безъ дѣла. Расположенные къ нему паны работали на сеймикахъ и, по ихъ наущенію, выбирались такіе послы, которые шли съ тѣмъ, чтобъ защищать короля. Притомъ оппозиція ошиблась въ разсчетѣ: нѣкоторые изъ тѣхъ пословъ, которые были ею выбраны и на которыхъ она надѣялась, не рѣшались стоять за нее, когда Штакельбергъ началъ склонять ихъ къ смиренію. Только Чарторыскому удалось привести на сеймъ человѣкъ шестьдесятъ задорныхъ, тогда, когда

всѣхъ пословъ было сто восемьдесятъ, а съ принадлежащими къ сенаторской Избѣ всего 338. Изъ остальныхъ пословъ, хотя значительная часть были согнана на сеймъ оппозиціею, но они тотчасъ готовы были отступить изъ страха.

Сеймъ открылся. Браницкій, въ посольской Избѣ, первый поднялъ противъ короля голосъ. Онъ не обратилъ вниманія на предостереженія Штакельберга и даже не счелъ нужнымъ, по отношенію къ нему, исполнить долгъ вѣжливости и отвѣчать на письмо его. За Браницкимъ заговорилъ Чарторыскій; за нимъ заорала толпа подкупленныхъ пословъ. Но приверженцы короля, также подговоренные и подкупленные его партіею, силились перекричать противниковъ. Тутъ потушили свѣчи. Сенаторы и министры бѣжали, послы стали между собой ругаться и схватились за сабли. Сеймовая Изба, говорятъ современники, стала похожа на жидовскую корчму. Но король поспѣшилъ окружить ее гвардіею, а Штакельбергъ объявилъ Браницкому, что если онъ сдѣлаетъ малѣйшее поползновеніе къ ниспроверженію гарантированнаго императрицею порядка, то посланникъ императрицы приметъ рѣшительныя мѣры. Это внушеніе прохолодило и Браницкаго и его соумышленниковъ.

На другой день, по вліянію Штакельберга, большинство исключило изъ своей среды толпу пословъ, неправильно выбранныхъ и навезенныхъ Чарторыскимъ; такимъ образомъ, сто тридцать тысячъ червонцевъ ушли изъ его кармана понапрасну.

На этомъ сеймѣ, по протекціи Потемкина, русскій посланникъ долженъ былъ объявить желаніе императрицы, чтобъ имя Браницкаго было вычеркнуто изъ процесса Угромовой. По ходатайству императора Іосифа, Екатерина желала, чтобъ и Чарторыскій былъ освобожденъ отъ приговора. Король съ своей стороны также заявилъ желаніе, чтобъ Чарторыскій и всѣ замѣшанные въ этотъ процессъ были очищены отъ безчестія. Это великодушіе, однако, не помѣшало ему наслушаться отъ Ржевускаго такихъ оскорбленій, послѣ которыхъ послѣдняго заставили у короля просить прощенія. Сеймъ этотъ, не сдѣлавши ничего важнаго, разошелся.

Чарторыскій, нѣсколько разъ осрамленный, удалился въ свое имѣніе, Пулавы, и тамъ зажилъ роскошно, въ качествѣ покровителя искусствъ, литературы и патріотическихъ стремленій. Такъ какъ затѣи его не удавались, главнымъ образомъ, отъ Россіи, то онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ ея и распространялъ вражду къ ней между своими гостьми и блюдолизами. Сестра его, Любомирская, съ досады уѣхала изъ Польши и проживала въ Парижѣ, а потомъ въ Вѣнѣ.

Итакъ, во все время отъ перваго раздѣла, поляки, кричавшіе о возрожденіи отечества, не сдѣлали почти ничего для этой великой цѣли. Впослѣдствіи, они говорили, что виною этому была Россія, умышленно поддерживавшая духъ раздоровъ и мѣшавшая водворенію благоустройства. Мысль исторически невѣрная. Польское войско не простиралось болѣе 18,000, а на дѣлѣ было его меньше, тогда какъ Россія не только не препятствовала его увеличенію, но побуждала увеличить его до тридцати тысячъ. Поляки не только не старались объ усиленіи его, но даже портили то, что̀ прежде у нихъ было хорошаго; напр., король приглашалъ въ польское войско иностранцевъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ; оппозиція, чтобъ только досадить королю, провела на сеймѣ 1786 года законъ о предоставленіи доступа къ высшимъ военнымъ чинамъ однимъ лицамъ шляхетскаго происхожденія. Такимъ образомъ, Польша оставалась съ ограниченнымъ числомъ войска, въ то время, когда ея опасная сосѣдка, Пруссія, нѣкогда зависимая отъ Польши, имѣла до 200,000 войска. Доходы Польши не возвышались до 18-ти милліоновъ злотыхъ или 3 милліоновъ талеровъ, тогда какъ доходы той же Пруссіи, которая все еще была гораздо меньше Польши, простирались до 28 милліоновъ талеровъ. Этому причиною отнюдь была не Россія. Со стороны императрицы не видно никакихъ дѣйствій, клонившихся къ тому, чтобы не допустить Польшу до увеличенія налоговъ. Императрица, мы видѣли, даже облегчила полякамъ занятія по этому предмету, допустивъ рѣшеніе экономическихъ дѣлъ большинствомъ голосовъ, вмѣсто единогласія. Причина недостатка финансовъ въ Польшѣ была одна и таже, что̀ и въ былыя времена. Поляку казалось удобнѣе пропить или проиграть деньги, чѣмъ внести на предметъ государственной пользы. Судопроизводство не улучшалось—та же путаница, то же кривосудіе, то же угодничество силѣ господствовало въ судахъ, какъ и прежде; сеймики представляли по прежнему безобразное зрѣлище пьянства, подкупа и дракъ, а сеймы, если не срывались, то, единственно, благодаря русскому посланнику. Положеніе хлоповъ улучшалось только у немногихъ пановъ; не смотря на законныя воспрещенія, обыватели, также какъ и прежде, судили ихъ и тиранили. Богатые паны также, какъ и прежде, держали у себя вооруженные отряды; повсюду происходили по прежнему своеволіе и самоуправство. Безнравственность, пьянство, продажничество, бездѣльничество не только не уменьшались, но увеличивались. Законъ 1775 года, дозволивъ въ городахъ каждому заводить шинки, усилилъ пьянство въ народѣ. Польза, которую принесла эдукаціонная коммиссія, по наружности казалась важнѣе, чѣмъ была

на самомъ дѣлѣ. Люди новаго воспитанія были очень немногочисленны въ сравненіи съ громадою шляхетства, коснѣвшаго въ прежнихъ предразсудкахъ, съ прежнимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ потребностей вѣка, съ прежнею умственною лѣнью и съ неизбѣжнымъ колебаніемъ при столкновеніи съ современными вопросами. Самые люди новаго воспитанія отличались легкомысліемъ, увлекались французскими идеями, непереваренными и непережеванными и мало приложимыми къ польской общественной почвѣ. Были въ Польшѣ люди, по легкомыслію не вѣрившіе въ Бога, кощунствовавшіе надъ религіей, которой однако основательно не знали, и несравненно болѣе было людей, вздыхавшихъ также легкомысленно объ іезуитахъ, вѣрившихъ въ приходящихъ изъ чистилища мертвецовъ и считавшихъ схизматика хуже собаки. Небреженіе къ воспитанію женскаго пола приводило къ тому, что люди, хлебнувшіе новаго ученія, легко теряли и хорошіе плоды его въ сообществѣ своихъ женъ, любовницъ, сестеръ. Величайшая ошибка образованныхъ людей тогдашней Польши въ дѣлѣ возрожденія своего отечества была та, что у нихъ въ мысляхъ на первомъ планѣ было не внутреннее благоустройство, не нравственное и умственное улучшеніе, а политическая сила государства: все прочее въ ихъ глазахъ было только средство къ этой цѣли; иными словами, они хотѣли не того, надъ чѣмъ можно было потрудиться хотя долго, но все-таки съ успѣхомъ, а того, что̀, при всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, было рѣшительно недостижимо. По ихъ соображеніямъ, важнѣйшее зло для Польши было избирательное правленіе, и, поэтому, возникло въ Польшѣ желаніе ввести правленіе наслѣдственное. Но такъ какъ Польша не могла уже двинуться сама собою, безъ опоры со стороны внѣшнихъ силъ, то имъ пришлось метаться то въ ту, то въ другую сторону, просить покровительства то у той, то у другой державы. Россія стала имъ ненавистна—это понятно: судьба склонила слабую Польшу подъ зависимость всего болѣе этой державы; естественно надо было искать защиты у другихъ державъ, которыя могли бы оборонить Польшу отъ Россіи. И вотъ патріоты стали искать спасенія сперва у Австріи, потомъ у Пруссіи. «Я предвижу,—писалъ саксонскій министръ Эссенъ,—что сеймъ 1786 года сдѣлается зародышемъ великаго броженія—эпохою, съ которой начнется сильное разстройство Польши, по мѣрѣ того, какъ въ Петербургѣ будутъ созрѣвать проекты противъ Турціи. Оппозиціонная партія образовалась вполнѣ; видимо составилась факція, которая будетъ слѣдовать за иностранными внушеніями.»

Н. Костомаровъ.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I*).

НА ВЕРХУ.

Въ теченіе весенней ночи въ саду распустились розы, а въ душѣ юноши расцвѣла радость.

Роландъ съ восторгомъ привѣтствовалъ вступленіе въ домъ его родителей Эриха, котораго онъ могъ по справедливости считать своимъ завоеваніемъ. Бодро и весело побѣжалъ онъ къ матери, но та еще не успѣла оправиться отъ испуга предъидущей ночи, и мальчика къ ней не допустили. Тогда онъ, забывъ свою обычную сдержанность въ отношеніи къ фрейленъ Пэрини, радостно объявилъ ей, что Эрихъ здѣсь и останется у нихъ навсегда. Онъ попросилъ ее также передать эту новость матери.

— А о кавалерѣ вы и не спрашиваете?

— Нѣтъ; я знаю, что онъ уѣхалъ. Но и прежде онъ для меня не существовалъ... Ахъ, виноватъ, я не знаю, что́ говорю! Зачѣмъ это весь свѣтъ не можетъ радоваться вмѣстѣ со мной.

Но фрейленъ Пэрини не замедлила умѣрить восторгъ Роланда, сказавъ, что еще не извѣстно, какія послѣдствія можетъ

---

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820 стр.

имѣть для его матери тревога, испытанная ею по случаю его бѣгства. Роландъ присмирѣлъ, но не на долго: ему казалось, что теперь ничто въ мірѣ не можетъ идти дурно, и всѣ люди непремѣнно должны быть здоровы и веселы.

На дворѣ онъ встрѣтилъ Іозефа и разсказалъ ему о своей поѣздкѣ на его родину. Мальчикъ дружески кивалъ головой всѣмъ слугамъ и съ веселой улыбкой смотрѣлъ на лошадей, на деревья, на собакъ. Всѣ должны были знать, что Эрихъ здѣсь и радоваться его присутствію. Слуги съ любопытствомъ поглядывали на Роланда, и кучеръ Бертрамъ, расчесывая пальцами длинныя пряди своей бороды, замѣтилъ:

— У молодого барина за эти два дня голосъ сдѣлался, какъ у взрослаго.

Іозефъ съ улыбкой отвѣчалъ:

— И впрямъ: одинъ день, проведенный имъ въ сосѣдствѣ съ университетомъ, сдѣлалъ изъ него совсѣмъ другого человѣка, да еще какого!

Дѣйствительно, въ Роландѣ произошла большая перемѣна: Онъ точно вернулся изъ продолжительнаго странствія за дальнія моря и явился домой почти какъ изъ другого міра. Все вокругъ него казалось измѣнившимся и представлялось ему въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ побылъ наединѣ съ самимъ собою, и одинъ, безъ посторонней помощи, одержалъ важную побѣду.

Эрихъ рѣшительно отказался самъ себѣ назначить вознагражденіе, и Зонненкампъ, усмѣхаясь, сказалъ маіору:

— А надо-таки отдать справедливость господамъ идеалистамъ: они скрываютъ въ себѣ порядочную долю житейской мудрости. Этотъ Дорнэ поступаетъ, какъ гость, который, будучи приглашенъ на обѣдъ, предоставляетъ хозяину или хозяйкѣ дома положить ему на тарелку любимаго кушанья, и такимъ образомъ получаетъ гораздо больше, чѣмъ если бы самъ взялъ.

Эрихъ требовалъ только одного, а именно, чтобъ ему, вмѣстѣ съ Роландомъ, отвели уединенныя комнаты въ башнѣ, откуда разстилался обширный видъ. Желаніе его было исполнено, и ему легко и свободно дышалось на этой высотѣ, гдѣ онъ могъ любоваться рѣкой и далекимъ ландшафтомъ.

Ему припомнилось, какъ сжато было его существованіе въ маленькой комнаткѣ университетскаго города, но и тамъ тѣснота жилища не мѣшала духу его уноситься въ безконечное пространство. А здѣсь эти ковры, это благоустроенное хозяйство, безъ сомнѣнія, тоже въ скоромъ времени обратятся у него въ привычку, и онъ сдѣлается къ нимъ равнодушенъ, равно какъ и къ живописной мѣстности передъ его глазами. Но пока онъ чув-

ствовалъ себя въ высшей степени бодрымъ, веселымъ и сильнымъ, и невольно усмѣхнулся, когда въ умѣ его промелькнуло сравненіе себя съ всадникомъ, который живетъ верхомъ на лошади. Пріятно странствовать по горамъ и долинамъ съ посохомъ въ рукахъ, мчаться на конѣ, составлять одно съ чуждой себѣ силой, чувствовать, какъ вслѣдствіе этого растетъ и крѣпнетъ собственная мощь, сознавать, что находишься выше уровня обыденныхъ явленій жизни — это наслажденіе, которому мало подобныхъ.

Вскорѣ пришелъ Роландъ. Эрихъ не могъ удержаться, чтобъ не выразить удовольствія, какое въ немъ возбуждалъ видъ, открывавшійся изъ оконъ тихаго уголка, въ которомъ имъ обоимъ предстояло жить.

Но Роландъ перебилъ его словами.

— Прикажи мнѣ что̀-нибудь дѣлать. Задай мнѣ какую-нибудь очень трудную работу.

Эрихъ хорошо понималъ возбужденное состояніе, въ какомъ находился мальчикъ. Онъ усадилъ его около себя, и взявъ его за руку, принялся очень спокойно объяснять ему, что жизнь весьма рѣдко возлагаетъ на человѣка одну какую-нибудь обязанность, одно дѣло, на которое ему приходится устремлять всѣ силы своихъ способностей и воли. Что до нихъ касается, то имъ должно спокойно, но неусыпно трудиться и взаимно содѣйствовать усовершенствованію одинъ другого. Мальчикъ, повидимому, былъ удовлетворенъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на Эриха, точно стараясь поглубже напечатлѣть его образъ въ своемъ сердцѣ, а въ заключеніе коснулся плеча молодого человѣка, какъ бы желая окончательно убѣдиться въ его присутствіи.

Затѣмъ они принялись устраивать свое новое жилище, и Роландъ былъ счастливъ тѣмъ, что Эрихъ позволилъ ему себѣ помогать. Эрихъ былъ такъ быстро и неожиданно перенесенъ въ совершенно новую для него среду, что не могъ еще придти въ себя и только съ трудомъ сдерживалъ свои ощущенія. Ему еще многое оставалось объяснить матери и рѣшить, какія вещи взять съ собой, какія оставить дома. Теперь все это должно было предоставить перепискѣ.

Когда комната была до нѣкоторой степени приведена въ порядокъ, Эрихъ согласился пойти съ Роландомъ на платформу башни. Тамъ они долго сидѣли и молча смотрѣли вдаль. Вдругъ у Эриха, какъ бы невольно, вырвалось замѣчаніе на счетъ того, какъ все прекрасно казалось ему въ жизни. Въ былое время, говорилъ онъ, люди строили на холмахъ крѣпости, другъ съ другомъ воевали и грабили проѣзжихъ, путь которыхъ лежалъ мимо

нихъ. Мы же нынѣ боремся съ силами природы, ищемъ богатствъ и, когда пріобрѣтаемъ ихъ, воздвигаемъ себѣ жилища на тѣхъ же самыхъ холмахъ или въ цвѣтущихъ долинахъ и стремимся только наслаждаться вѣчной красотой, у которой никто ничего не можетъ отнять. Быстрая рѣка превращается въ улицу, вдоль которой тянутся жилища трудолюбивыхъ и благородныхъ гражданъ. Будущія поколѣнія станутъ говорить о насъ, что между нами впервые возникло поклоненіе природѣ, чему тщетно было бы искать примѣра во всей предъидущей исторіи человѣчества. Это своего рода религія, хотя у ней еще нѣтъ и можетъ быть никогда не будетъ ни формъ, ни обрядовъ.

— Пожалуйста продолжай, не останавливайся! сказалъ Роландъ, наклоняясь къ Эриху. Онъ былъ бы радъ его вѣчно слушать, но не умѣлъ этого выразить. — Пожалуйста продолжай! повторилъ онъ, закрывая глаза.

Эрихъ разсказалъ какъ онъ, въ первый разъ стоя на вершинѣ Риги въ Швейцаріи и любуясь заходящимъ солнцемъ, думалъ, не могутъ ли со временемъ возникнуть учрежденія, установиться формы, съ помощію которыхъ благоговѣйное чувство людей къ природѣ нашло бы себѣ исходъ и выраженіе. Теперь онъ убѣдился въ томъ, что это невозможно, да врядъ ли и нужно. Радости, возбуждаемыя природой, составляютъ достояніе отдѣльныхъ личностей и не имѣютъ никакой связи съ общественной жизнью. Затѣмъ Эрихъ перешелъ къ описанію счастья, какимъ наслаждаются тѣ, которые здѣсь, въ собственномъ домѣ, на высотѣ ими самими воздвигнутой башни, могутъ любоваться міромъ и испытывать на себѣ вліяніе красоты природы. Богатство, стремленіе къ нему и владѣніе имъ обѣщаютъ, такимъ образомъ, сдѣлаться высокими нравственными началами. Богатство, продолжалъ онъ пояснять, есть не что иное, какъ слѣдствіе свободы и ничѣмъ нестѣсняемой дѣятельности различныхъ силъ. Оно должно въ свою очередь тоже служить источникомъ свободы.

Роландъ былъ счастливъ. Онъ не все понималъ, что̀ говорилъ Эрихъ, но на него пріятно подѣйствовало то, что въ его присутствіи въ первый разъ отзывались о богатствѣ спокойно, безъ пренебреженія, но и безъ преувеличеннаго уваженія. До сихъ поръ всѣ наставники Роланда старались внушить ему, что богатству не слѣдуетъ придавать никакой цѣны, или же, напротивъ, учили его гордиться имъ.

Немного спустя пришелъ Іозефъ и спросилъ, не хотятъ ли они обѣдать у себя въ комнатѣ? Ему отвѣчали утвердительно. Эрихъ и Роландъ оба чувствовали себя вполнѣ счастливыми.

— Мы здѣсь точно на островѣ, говорилъ Роландъ. — Когда

я поселюсь въ замкѣ, который теперь перестраиваютъ, ты тоже будешь тамъ со мной жить. Но знаешь ли, чего бы я еще желалъ?

— Какъ! у тебя есть еще желаніе?

— Да; я хотѣлъ бы, чтобъ Манна была съ нами. Не кажется ли тебѣ, что она тоже теперь о насъ думаетъ?

— Только ужъ никакъ не обо мнѣ.

— Отчего же? Я ей о тебѣ писалъ и сегодня вечеромъ опять буду писать и разскажу ей все.

Эрихъ съ минуту колебался, спрашивая себя, не долженъ ли онъ удержать мальчика и запретить ему писать о себѣ его сестрѣ. Но къ этому не было достаточныхъ причинъ, и кромѣ того, онъ боялся смутить Роланда и пробудить въ его душѣ сомнѣнія.

ГЛАВА II.

НОЧНЫЕ ГОЛОСА.

Роландъ, сидя у себя въ комнатѣ, писалъ и по временамъ громко произносилъ то или другое слово изъ своего письма. Эрихъ сидѣлъ молча, устремивъ глаза на лампу. Имъ овладѣло раздумье. Онъ всталъ и подошелъ къ книгамъ, которыя вынулъ изъ чемодана. Ихъ было немного. За четверть часа до своего отъѣзда, онъ еще разъ навѣстилъ кабинетъ отца, заперъ остававшіяся тамъ бумаги и бросивъ взглядъ на библіотеку, вынулъ изъ нея одну книгу. То былъ первый томъ сочиненій Веньямина Франклина, прекраснаго изданія Шпарка. Томъ этотъ заключалъ въ себѣ автобіографію съ ея продолженіемъ, и въ него было вложено нѣсколько листковъ бумаги, исписанныхъ рукой отца Эриха.

Теперь, въ первую ночь, которую онъ проводилъ въ чужомъ домѣ въ новомъ званіи наставника, Эрихъ прочелъ слѣдующія слова отца:

«Смотрите! Вотъ настоящій человѣкъ—геній здраваго смысла и твердой воли. Электричество постоянно присутствуетъ въ воздухѣ, но не всегда скопляется, чтобъ производить молнію, очищающую атмосферу. Геній есть не что иное, какъ скопленіе электричества въ сферахъ ума.

«Человѣкъ, заброшенный на необитаемый островъ, съ этой книгой въ рукахъ, не былъ бы одинокимъ, но жилъ бы посреди міра.

«Ни философъ, ни поэтъ, ни государственный мужъ, ни ремесленникъ, ни ученый по профессіи, Франклинъ однако былъ

всѣмъ этимъ. Сынъ матери природы, вскормленный опытомъ, онъ безъ помощи науки самъ отыскивалъ въ дикомъ лѣсу цѣлебныя травы.

«Еслибъ мнѣ предстояло воспитать юношу, не предназначаемаго ни къ какому особенному званію, но единственно съ цѣлью сдѣлать изъ него настоящаго человѣка и хорошаго гражданина, я, возложивъ ему на голову руки, сказалъ бы ему: «Сынъ мой, будь тѣмъ, чѣмъ былъ Веньяминъ Франклинъ... или нѣтъ, не такъ: будь, подобно Веньямину Франклину, самимъ собой!»

Эрихъ, опустивъ голову на руку, смотрѣлъ въ темную ночь.

«Что это? Или въ жизни дѣйствительно совершаются чудеса?»—Онъ оглянулся направо и налѣво, какъ бы ожидая услышать голосъ отца, говорящій: сынъ мой, будь тѣмъ, чѣмъ былъ Веньяминъ Франклинъ!

Эрихъ принудилъ себя читать далѣе:

«Хорошо, что мы воспитываемся по образцу людей древняго міра: то было время творческаго, элементнаго бытія. Библейскіе образы и тѣ, которые мы находимъ у Гомера, не были созданы какимъ-либо однимъ вдохновеннымъ умомъ, но сложились подъ вліяніемъ національнаго духа въ промежутокъ времени гораздо болѣе длинный, чѣмъ жизнь одного человѣка.

«Пусть меня поймутъ какъ слѣдуетъ. Я хочу сказать, что во всей новѣйшей исторіи не знаю другого человѣка, кромѣ Веньямина Франклина, жизнь и образъ мыслей котораго могли бы служить образцемъ для людей нашего времени.

«А Вашингтонъ, эта великая и чистая личность?

«Вашингтонъ былъ солдатъ и государственный мужъ, но онъ не выработалъ внутри себя своихъ взглядовъ на жизнь. Его дѣятельность состояла въ подчиненіи себѣ другихъ и въ управленіи ими,—дѣятельность Франклина проявилась въ управленіи самимъ собой.

«Когда настанетъ время,—а оно непремѣнно настанетъ,—въ которое будутъ говорить о войнѣ, какъ нынѣ говорятъ о людоѣдахъ,—когда добросовѣстный трудъ, основанный на любви къ людямъ, образуетъ настоящую исторію человѣчества, тогда Франклинъ вступитъ въ свои права.

«Мнѣ хотѣлось бы избѣжать нравоучительнаго тона, который есть остатокъ теологическаго краснорѣчія, но мы невольно впадаемъ въ него всякій разъ, что касаемся предметовъ высшихъ и вѣчныхъ. А между тѣмъ, нашъ тонъ долженъ быть совершенно иной, чѣмъ тотъ, какой свойственъ людямъ, возвѣщающимъ, что они говорятъ не отъ себя, а отъ имени духовной силы, внѣ ихъ пребывающей.

«Моисею, Іисусу, Магомету, Богъ являлся въ уединеніи пустыни; Спинозѣ въ уединеніи его кабинета; Франклину въ уединеніи океана. (Эта послѣдняя фраза была зачеркнута и снова возстановлена.) Франклинъ человѣкъ здраваго разсудка, который чуждъ всякой мечтательности.

«Въ мірѣ было бы меньше красоты, еслибъ всѣ люди походили на Франклина. Ему недоставало, такъ сказать, аромата романтизма. (Здѣсь на поляхъ было замѣчено: это слѣдуетъ иначе выразить.) Но за то на землѣ господствовали бы: правда, справедливость, трудъ, и всякій стремился бы другъ другу помогать. Теперь вы толкуете о любви и не нарадуетесь на ваши прекрасныя чувства, но вы вправѣ говорить о любви только въ томъ случаѣ, если подвизаетесь въ вышеупомянутыхъ добродѣтеляхъ. (Послѣдняя фраза была подчеркнута краснымъ.)

«Во Франклинѣ есть нѣчто сократовское. У него между прочимъ порядочный запасъ юмора. Онъ возбуждаетъ въ насъ здоровый смѣхъ.

«Франклинъ — это олицетворенная проза: въ немъ умъ, простота и стойкость.

«Мы не геніевъ воспитываемъ. Геній самъ себя образуетъ и не можетъ имѣть никакого другого наставника. Наше дѣло воспитывать хорошихъ, полезныхъ гражданъ. А затѣмъ, что̀ бы ты ни производилъ—подковы или мраморныя статуи, — это твое, а не мое дѣло.

«Мы никогда не съумѣемъ быть справедливыми къ міру, если не будемъ вѣрить въ чистоту и въ благородныя побужденія, и внутренній человѣкъ навсегда останется для насъ тайной. Лучшее оружіе противъ соблазна—это вѣра въ добро, творимое другими и въ то, которое намъ самимъ предназначено совершить. Отъ этого душа какъ бы наполняется музыкой, подъ звуки которой легко и бодро совершается жизненный путь.

«Самое замѣчательное въ жизни Франклина, это именно то, что онъ первый selfmade man,—первый самъ себя создавшій человѣкъ. Онъ самоучка и самъ собой открывалъ сокровища въ наукѣ и силы въ природѣ. Онъ представитель тѣхъ, которые, будучи пересажены изъ Европы въ Америку, подвергались опасности засохнуть и совсѣмъ погибнуть, но вмѣсто того достигли совершенно новаго развитія.

«Еслибъ мы, по примѣру древнихъ, захотѣли олицетворить въ образѣ одного человѣка новый міръ, называемый Америкой, который взялъ изъ Европы своихъ боговъ, то-есть историческія идеи, но жизнь котораго тѣмъ не менѣе сложилась вполнѣ своеобразно, — мы избрали бы для этого Веньямина Франклина.

Онъ обладалъ большими свѣдѣніями, а между тѣмъ его никто не училъ; онъ былъ преисполненъ религіи, но не принадлежалъ ни къ какой церкви; онъ былъ другъ людей и въ тоже время хорошо зналъ, какъ много въ нихъ скрывается зла.

«Онъ умѣлъ управлять не только той молніей, которая вылетаетъ изъ облаковъ, но и той, которая происходитъ отъ столкновенія человѣческихъ страстей. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ правила благоразумія, которыя ограждаютъ отъ ошибокъ и дѣлаютъ человѣка способнымъ къ самоуправленію.

«Причина, побуждающая меня избрать Франклина за образецъ и за руководителя въ дѣлѣ воспитанія, слѣдующая: онъ представитель здраваго смысла въ политикѣ, въ наукѣ, въ нравственности. Въ немъ ничего геніальнаго, ничего поразительнаго,—онъ простъ, но проченъ, и спокойно, но неуклонно идетъ къ добру.

«Лютеръ покорилъ себѣ Средніе вѣка,—Франклинъ былъ первый самъ себя создавшій человѣкъ новѣйшаго времени. Новѣйшій человѣкъ не мученикъ, Лютеръ уже не былъ имъ, а Франклинъ еще менѣе. Не надо болѣе мученичества!

«Франклинъ не внесъ въ міръ никакихъ новыхъ началъ, но отчетливо выработалъ въ себѣ все, что̀ честный человѣкъ можетъ найдти въ самомъ себѣ.

«Въ томъ, что́ онъ намъ даетъ, нѣтъ ничего возбуждающаго, таинственнаго, блестящаго. Онъ предлагаетъ такъ-сказать воду жизни, въ которой нуждается все живущее. (Тутъ на поляхъ была замѣтка: это слѣдуетъ обдумать и разъяснить.) Человѣкъ прошлаго столѣтія не былъ, да и не могъ быть проникнутъ духомъ національности. То былъ періодъ движенія и напора свободныхъ мыслей, которыя въ исходѣ столѣтія разразились революціей.

«Всякій, стремящійся создавать что́-либо новое, всегда враждебно относится къ прошлому или по крайней мѣрѣ чуждается его и старается быть отъ него независимымъ. Франклинъ—сынъ XVIII вѣка, и признаетъ въ человѣкѣ однѣ только природныя силы, отвергая наслѣдственныя. (Въ это слѣдуетъ глубже вникнуть.)»

Далѣе и повидимому гораздо позже было написано блѣдными чернилами:

«Нельзя считать за простую случайность того, что этотъ первый, не только свободно-мыслящій — такими были многіе философы — но и свободно-дѣйствующій человѣкъ, былъ типографщикомъ.

«Въ книжномъ дѣлѣ ничего героическаго (времена процвѣ-

танія героевъ, я полагаю, миновали), но въ нѐмъ улеглось все человѣчество.

«Мы дѣйствуемъ на міръ посредствомъ книгъ и потому самому явленіе героя, дѣйствующаго непосредственно своей личностью, становится въ настоящее время невозможнымъ. (Здѣсь два вопросительные и два восклицательные знака и замѣчаніе: лучше выразить.)»

Затѣмъ слѣдовало латинскимъ шрифтомъ и синими чернилами:

«Отвлеченныя правила не образуютъ людей и не создаютъ произведеній искусства. Живой человѣкъ и организованное произведеніе искусства содержатъ въ себѣ всѣ правила, подобно тому, какъ языкъ заключаетъ въ себѣ всю грамматику. Но это-то именно и прекрасно.

«Кто настолько ознакомился съ истинными людьми, до него жившими, что они въ немъ какъ бы оживаютъ, — тотъ самъ вступаетъ въ число ихъ. Онъ идетъ по пути просвѣтленнаго бытія, который былъ освященъ его предшественниками.»

Съ боку было приписано, какъ видно, дрожащей рукой:

«Кто принимаетъ участіе въ современныхъ ему государственныхъ дѣлахъ, издаетъ законы для современнаго общества и вращается въ области современной науки, тотъ становится устарѣлымъ для новаго образованія, которое за нимъ слѣдуетъ, и потому самому не можетъ служить образцемъ для будущаго времени. Это послѣднее выпадаетъ на долю только тѣхъ, которые, изучая законы человѣческаго духа, единственно пребывающіе вѣчно неизмѣнными, бросаютъ на нихъ новый свѣтъ и упрочиваютъ ихъ господство. Вслѣдствіе всего этого, мы видимъ во Франклинѣ не столько *образецъ*, сколько *методу.*»

Въ заключеніи были слова дважды подчеркнутыя:

«Еще одно слово: органическая жизнь, отвлеченные законы! Изъ хлѣба выгоняютъ водку, но изъ водки нельзя сдѣлать хлѣба. Кто это понимаетъ, тому извѣстно все, что̀ я въ состояніи сказать.»

Эрихъ откинулся на спинку стула и сталъ вдумываться въ прочитанное и въ мысли отца, который не рѣдко ихъ только на половину высказывалъ. Ему казалось, что онъ бродитъ по вершинѣ горы, окутанной туманомъ, сквозь который однако видитъ и дорогу и цѣль. Онъ положилъ руку на исписанные листки, и лице его освѣтилось улыбкой. Затѣмъ онъ всталъ и почти громко засмѣялся: ему пришли на память слова, которыми его встрѣтилъ архитекторъ: «мы его нашли!»

«Да! подумалъ онъ: Я тоже нашелъ источникъ, изъ котораго я и Роландъ будемъ черпать чистую, свѣжую воду!»

Онъ въ волненіи приблизился къ окну, открылъ его и выглянулъ въ темную ночь. Воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ розъ, небо сверкало звѣздами, изрѣдка щелкали и опять умолкали соловьи, а въ дали, за плотиной, у Рейна, квакали лягушки. Вдругъ до слуха Эриха долетѣлъ звукъ человѣческихъ голосовъ... да, это Пранкенъ говоритъ внизу на балконѣ:

— Мы придаемъ всему этому слишкомъ много значенія. Въ сущности, такому домашнему учителю слѣдовало бы носить ливрею: это было бы самое лучшее.

— Вы сегодня очень забавны, возразилъ Зонненкампъ.

— Напротивъ, я говорю какъ нельзя серьезнѣе. Освященный временемъ порядокъ вещей, безъ котораго не могутъ существовать ни общество, ни государство, поддерживается именно тѣмъ, что соблюдается строгое различіе между сословіями. Зависимость...

Въ кустахъ щелкалъ соловей, въ болотѣ квакали лягушки. Всякій поетъ на свой ладъ, подумалъ Эрихъ, размышляя о только-что прочитанной рукописи отца и о словахъ молодого барона.

ГЛАВА III.

ПРЕЖНІЕ ЛЮДИ ВЪ НОВОМЪ ВИДѢ.

На слѣдующее утро, Роландъ прежде всего хотѣлъ заняться верховой ѣздой. Но Эрихъ принялъ за правило освящать всякій наступающій день серьезнымъ дѣломъ, которое приносило бы пользу душѣ, и заставилъ мальчика прочесть первую главу изъ жизни Веньямина Франклина. Это было въ тоже время освященіемъ ихъ новой дѣятельности, и когда ихъ позвали къ завтраку, они явились въ столовую бодрые и веселые. Оба могли бы похвастаться такимъ же точно спокойствіемъ духа, какъ фрейленъ Пэрини и Пранкенъ, которые только-что вернулись отъ обѣдни.

Эрихъ не ошибся: Пранкенъ былъ тутъ. Молодой баронъ поклонился ему съ изысканной вѣжливостью, а вслѣдъ затѣмъ, какъ бы спѣша исполнить долгъ, предписываемый честностью, онъ смѣло, какъ человѣкъ, которому нечего скрывать, сознался, что до сихъ поръ считалъ за лучшее, еслибъ Эриху не удалось занять мѣсто наставника Роланда. Нò, прибавилъ онъ, въ душѣ человѣка происходятъ странныя вещи, силу которыхъ ему только остается со смиреніемъ признать. Въ поступкѣ Роланда онъ видѣлъ руку судьбы, которая предписывала Эриху и всѣмъ имъ покориться.

Эрихъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Пранкена. Онъ въ немъ ошибся. Пранкенъ старался объяснять себѣ причины различныхъ дѣйствій и явленій; въ немъ было больше смысла, чѣмъ предполагалъ Эрихъ.

Завтракъ прошелъ очень весело, чему не мало способствовалъ маіоръ, который, впрочемъ, за нимъ не присутствовалъ. Онъ уже успѣлъ разсказать Пранкену объ ужасахъ ѣзды на экстренномъ поѣздѣ, а Пранкенъ теперь, ко всеобщему удовольствію, повторилъ его разсказъ. Онъ очень забавно подражалъ манерѣ говорить маіора, его неясному произношенію, а когда къ слову приходилось назвать фрейленъ Милькъ, то онъ всякій разъ упоминалъ и о ея черныхъ глазахъ и бѣломъ чепцѣ.

Послѣ завтрака, Эрихъ обратился къ Зонненкампу съ просьбой, впередъ освободить его и Роланда отъ завтрака за общимъ столомъ и вообще оставлять ихъ однихъ до самаго обѣда. Зонненкампъ съ удивленіемъ на него посмотрѣлъ, а Эрихъ прибавилъ, что онъ считаетъ лучшимъ съ перваго же дня заявить свое требованіе, пока привычки ихъ еще не установились. Роланда необходимо поддерживать въ одномъ извѣстномъ настроеніи духа, а этого можно достигнуть только въ такомъ случаѣ, если имъ предоставятъ полную свободу и не будутъ ихъ тревожить въ теченіи цѣлаго утра. Зонненкампъ согласился, пожимая плечами.

За завтракомъ, между прочимъ, разговоръ коснулся Беллы и Клодвига, и кто-то сказалъ, что ихъ ожидаютъ сегодня къ обѣду. Эрихъ немедленно увидѣлъ всю трудность своего новаго положенія: ему предстояло бороться съ развлеченіями и по возможности не допускать ихъ мѣшать его занятіямъ. Онъ мысленно старался провести черту, за которую не долженъ былъ переступать въ своихъ сношеніяхъ со всѣми домашними, и въ особенности съ Зонненкампомъ. Но гдѣ эта черта,—трудно было опредѣлить, да и строго держаться въ предписанныхъ границахъ тоже оказывалось не легко, тѣмъ болѣе, что Эрихъ вообще не былъ скупъ на слова и любилъ пускаться въ разсужденія. Впрочемъ, въ немъ было что-то такое, изъ чего всякій заключалъ, что его нельзя заставить говорить болѣе, чѣмъ онъ самъ того пожелаетъ.

Приступивъ къ занятіямъ съ Роландомъ, онъ вскорѣ увидалъ, чему тотъ уже успѣлъ научиться, гдѣ у него были пробѣлы въ знаніи, а гдѣ и полное его отсутствіе.

Во дворъ въѣхала карета. Мальчикъ взглянулъ на Эриха, но тотъ сдѣлалъ видъ, будто вовсе не слышалъ стука колесъ.

— Твои друзья пріѣхали, замѣтилъ тогда Роландъ. Онъ со-

вѣстился сказать, съ какимъ нетерпѣніемъ самъ желалъ скорѣй увидать Клодвига и Беллу и услышать похвалы, которыми они, подъ видомъ укоровъ, безъ сомнѣнія, не замедлятъ осыпать его за совершенный имъ отважный поступокъ. Но Эрихъ рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что у нихъ теперь не должно быть никакихъ друзей, кромѣ долга. Пока они заняты, для нихъ никто и ничто не существуетъ. Роландъ крѣпко сжалъ руки подъ столомъ и принудилъ себя сидѣть смирно.

Но вдругъ, посреди математической задачи, онъ снова заговорилъ:

— Извини пожалуйста, Грейфъ лаетъ, его посадили на цѣпь. Это не годится и можетъ его испортить.

— Оставь Грейфа и все такое, стоялъ Эрихъ на своемъ.

Роландъ метался какъ молодой конь, впервые почувствовавшій узду и шпоры наѣздника.

Вскорѣ Эрихъ самъ позвалъ Роланда на дворъ. Послѣдній былъ правъ: Грейфъ дѣйствительно сидѣлъ на цѣпи. Онъ освободилъ его, и собака и мальчикъ принялись радостно бѣгать и скакать.

Белла между тѣмъ была у Цереры. Пришелъ слуга и доложилъ Эриху, что графъ желаетъ его видѣть. Клодвигъ весьма дружески привѣтствовалъ молодого человѣка, назвалъ его своимъ сосѣдомъ и не могъ удержаться, чтобъ не похвалить мальчика за его смѣлый поступокъ.

— Въ древнія времена, прибавилъ онъ, ему за это дали бы какое-нибудь почетное прозвище.

За обѣдомъ Эрихъ слышалъ, какъ Белла шутила съ Роландомъ. Лицо мальчика сіяло удовольствіемъ, между тѣмъ, какъ графиня разсказывала ему о подвигахъ героя Роланда.

Белла встрѣтила Эриха любезно, но сдержанно. Она называла его не иначе, какъ сосѣдомъ и вообще была очень оживлена. Усилія ея—не допустить Эриха поселиться на виллѣ, казались ей теперь смѣшными, педантическими. И съ чего она взяла, будто молодой человѣкъ произвелъ на нее впечатлѣніе! Все это вздоръ, ошибка.

Эрихъ не безъ страха ожидалъ этого перваго свиданія, но теперь тоже внутренно бранилъ себя за тщеславныя мысли.

— Намѣрены вы перевезти сюда библіотеку вашего отца? спросилъ Клодвигъ.

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно. Белла пристально на него посмотрѣла, и ему стало ясно, почему она такъ небрежно съ нимъ обошлась: онъ взялъ денегъ у ея мужа, и она вслѣдствіе этого стала иначе на него смотрѣть.

Здѣсь же, въ столовой, онъ въ первый разъ опять увидѣлъ Цереру и подошелъ къ ней. Она ему шепнула: благодарю васъ!— и только—но этого было вполнѣ достаточно.

За обѣдомъ всѣ казались очень веселыми и толковали о какой-то поѣздкѣ, которая должна была принести пользу Церерѣ и доказать, можетъ ли она вынести болѣе далекое путешествіе на воды. Спорили о томъ, какой день назначить для поѣздки.

Эрихъ не понималъ въ чемъ дѣло. Роландъ замѣтилъ вопросъ въ его глазахъ и шепнулъ ему:

— Мы всѣ ѣдемъ въ монастырь за Манной, а потомъ вмѣстѣ съ ней отправляемся на воды. Это будетъ очень весело!

Эриху снова представились всѣ трудности его положенія. Въ этомъ богатомъ домѣ, посреди существованія, чуждаго всякой серьезной цѣли, всѣ, а мальчикъ можетъ быть болѣе всѣхъ, жили одними развлеченіями или надеждой на нихъ. Эрихъ рѣшился спокойно ждать и молчать, пока не спросятъ его мнѣнія, а тогда смѣло объявить о своемъ намѣреніи остаться дома.

Послѣ обѣда Белла, какъ бы случайно, очутилась возлѣ Эриха и пошла рядомъ съ нимъ. Сначала она все говорила о Клодвигѣ и о томъ, какъ онъ счастливъ тѣмъ, что Эрихъ остается въ ихъ сосѣдствѣ, потомъ вдругъ остановилась и устремивъ на него пытливый взоръ, сказала:

— Вы скоро опять увидитесь съ фрейленъ Зонненкампъ!

— Я?

— Да. Вѣдь вы съ нами ѣдете?

— Это еще не рѣшено.

Белла улыбнулась.

— Но вы безъ сомнѣнія рады будете опять съ ней встрѣтиться?

— Когда я ее видѣлъ въ первый разъ, то не зналъ, что это она.

Белла снова улыбнулась и прибавила:

— Я настолько видѣла свѣтъ, чтобъ не имѣть болѣе предразсудковъ. Дочь нашихъ хозяевъ и мой братъ Отто.... но вы, конечно, знаете, что̀ я хочу сказать.

— Нисколько. Вы мнѣ приписываете болѣе, чѣмъ я знаю.

— Вы бы меня сильно огорчили, еслибъ вздумали со мной скрытничать, тогда какъ со всѣми другими вы такъ просты и дружелюбны. Служанка маіора хвастается тѣмъ, что вы ея любимецъ, а вы хотите меня увѣрить, будто до сихъ поръ ничего не знаете о помолвкѣ!

— До этой минуты я дѣйствительно ничего о ней не зналъ.

Но теперь поздравляю васъ и горжусь довѣріемъ, какое вы мнѣ оказываете, посвящая меня въ ваши семейныя дѣла.

— Знаете ли, быстро заговорила Белла: — я многаго отъ васъ ожидаю.

— Отъ меня? Чѣмъ могу я вамъ служить?

— Не въ службѣ дѣло. Я много о васъ думала. Вы натура увлекающаяся, но все еще остаетесь для меня загадкой. Надѣюсь, что и я со своей стороны тоже еще не вполнѣ вами понята.

— Я до сихъ поръ себѣ не позволялъ....

— Я вамъ позволяю себѣ позволить. Итакъ, капитанъ, или докторъ, или господинъ Дорнэ, или лучше всего просто сосѣдъ, мы заключимъ съ вами договоръ. Я буду стараться себѣ разъяснить противорѣчія и странности, проглядывающія въ васъ, и предоставляю вамъ такое же точно право въ отношеніи къ моей особѣ. Не правда ли, какое интересное занятіе?

— Оно интересно, но въ тоже время и опасно...

Белла гордо выпрямилась, а Эрихъ продолжалъ:

— Опасно для меня. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстны слова Гамлета: «Кто можетъ безнаказанно желать—вполнѣ быть узнаннымъ?»

— Мнѣ пріятно видѣть, что вы не считаете необходимою учтивость, но вамъ слѣдовало бы также отдѣлаться и отъ излишней скромности.

— Я говорю, что это опасно для меня, а не для васъ, графиня.

— Гордость не позволяетъ мнѣ говорить комплиментовъ, — очень рада, что и вы точно также горды. А теперь разскажите мнѣ, пожалуйста, о вашей встрѣчѣ съ Манной и о томъ, какое она на васъ произвела впечатлѣніе.

Эрихъ разсказалъ, какъ она ему внезапно явилась въ монастырѣ и прибавилъ, что впервые услышалъ ея имя отъ дочери мирового судьи.

— Вотъ какъ, Лина! воскликнула Белла, и пальцы ея быстро зашевелились, точно она заиграла на фортепіано. Она сдѣлала пріятное открытіе и собиралась наблюдать надъ игрою чувствъ. Лина имѣла склонность къ Отто и, не смотря на свою наивность, знала, что онъ, въ свою очередь, былъ расположенъ къ Маннѣ. И вотъ она довольно хитро придумала сблизить Манну съ такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, какъ Эрихъ.

Между тѣмъ, какъ Белла прогуливалась съ Эрихомъ, Пранкенъ, дружески взявъ за руку Роланда, отправился съ нимъ къ

собакамъ и въ конюшни. Потомъ онъ увелъ его въ отдаленную часть парка, прилегавшую къ большой дорогѣ. Разговоръ вскорѣ, какъ бы невзначай, коснулся Эриха, и Роландъ восторженно распространился о его неисчерпаемой добротѣ и всевѣдѣніи. Пранкенъ наставительно замѣтилъ, что такихъ словъ не слѣдуетъ употреблять въ примѣненіи къ людямъ. Онъ, Роландъ, конечно можетъ научиться у этого человѣка многому полезному для обихода въ свѣтѣ, но есть другая, высшая наука, въ которой Дорнэ ни подъ какимъ видомъ не долженъ быть его руководителемъ.

Потомъ онъ заговорилъ о Маннѣ, тономъ, въ которомъ звучало глубокое, благоговѣйное чувство. Онъ досталъ книгу, лежавшую у него на сердцѣ, и указалъ Роланду, какое мѣсто читаетъ въ ней сегодня Манна. Роландъ, вслѣдствіе своего бѣгства, пропустилъ нѣсколько дней, и теперь ему слѣдовало постараться догнать сестру. Но онъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ говорить объ этомъ капитану Дорнэ, которому, какъ человѣку другого вѣроисповѣданія, не слѣдуетъ позволять становиться между Роландомъ и его Богомъ.

Пранкенъ сѣлъ подъ орѣховымъ деревомъ, на краю дороги, посадилъ около себя Роланда и началъ читать ему нѣкоторыя, особенно знаменательныя, мѣста изъ Ѳомы Кемпійскаго. Мальчикъ въ недоумѣніи на него смотрѣлъ. Мимо проѣхалъ «кавалеръ бутылки» и окликнулъ Пранкена. Тотъ, не переставая читать, отвѣчалъ ему дружескимъ движеніемъ руки.

Роландъ вздохнулъ свободнѣе, увидя Эриха и Беллу, которые весело смѣялись и шутили. Онъ позвалъ ихъ, и они всѣ вмѣстѣ пошли далѣе, Роландъ рядомъ съ Эрихомъ, а Белла съ братомъ, который въ раздумьи подергивалъ себя за бороду и пристально смотрѣлъ на кончики своихъ щегольскихъ сапоговъ. Наконецъ, онъ рѣшился заговорить, и ни съ того, ни съ сего сталъ упрекать Беллу за ея кокетство и болтовню съ молодымъ человѣкомъ. Белла остановилась: она не знала, поднять ли ей брата на смѣхъ или, съ своей стороны, сдѣлать ему строгій выговоръ. Рѣшившись на первое, она безжалостно начала смѣяться надъ новообращеннымъ.

— Ага! воскликнула она, ты, видно, все-таки побаиваешься, чтобъ этотъ Дорнэ не приглянулся твоей святой Маннѣ, да и на мой счетъ не спокоенъ. А надо сказать правду, въ капитанѣ есть что-то въ высшей степени привлекательное для насъ, женщинъ, — связаны ли мы брачными цѣпями, или живемъ въ монастырскихъ стѣнахъ.

Но Пранкенъ стоялъ на своемъ. Всякая шутка, говорилъ онъ, всякая легкомысленная игра граничатъ съ грѣхомъ и ча-

сто незамѣтно въ него вовлекаютъ. Онъ до того увлекся, что даже вынулъ изъ бокового кармана книгу и прочелъ изъ нея Беллѣ нѣсколько строкъ. Та смотрѣла на него широко-раскрытыми глазами, не понимая, откуда взялась у Отто такая благочестивая книга. Затѣмъ она принялась увѣрять его, что ему нечего бояться за ея добродѣтель. Она просто хотѣла дать урокъ самонадѣянному молодому человѣку. Что же касается до Отто, то онъ долженъ быть ей благодаренъ за ея мнимое сближеніе съ Эрихомъ. Она увѣрена въ самой себѣ, не боится толковъ и готова, ради брата, продолжать игру, которая должна избавить его отъ опаснаго соперника.

— А теперь, прибавила она, серьезно спрашиваю у тебя. Неужели честные люди должны себѣ отказывать въ пріятномъ обществѣ и въ невинномъ удовольствіи потому только, что дурные люди часто подъ обманчивой наружностью дѣйствительно скрываютъ злое дѣло? Это значило бы перевернуть свѣтъ на изнанку и поработить честныхъ людей дурнымъ.

Белла не замѣчала или не хотѣла замѣтить, что щеголяла мнѣніемъ и словами мужа. Пранкенъ на нее съ удивленіемъ посмотрѣлъ. Находился ли онъ дѣйствительно подъ вліяніемъ вновь пробудившагося въ немъ рвенія къ религіи, или только прятался за мнимую добродѣтель,—какъ бы то ни было, но онъ не нашелся что̀ отвѣчать на насмѣшливо-игривую, но въ тоже время льстивую и увертливую рѣчь сестры.

ГЛАВА IV.

НЕУДАВШЕЕСЯ ПРЕДПРІЯТІЕ.

Эриху не малаго труда стоило опять усадить за дѣло своего воспитанника, который ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ о предстоящей поѣздкѣ.

День, назначенный для посѣщенія монастыря, насталъ. Погода была ясная и теплая. Эрихъ просилъ позволенія остаться дома. Зонненкампъ охотно согласился и добродушно замѣтилъ, что Эриху конечно пріятно будетъ провести нѣсколько дней въ тишинѣ и уединеніи. Эрихъ поспѣшилъ отплатить за привѣтливое слово той же монетой и высказалъ свое намѣреніе, ни подъ какимъ видомъ не отчуждать Роланда отъ его семьи.

Вскорѣ явился Пранкенъ съ сестрой. Белла сказала Эриху, что Клодвигъ велѣлъ просить его пріѣхать къ нему въ Вольфсгартенъ. Тогда только Эриху стало ясно, что никто и не ожи-

далъ, чтобъ онъ принялъ участіе въ поѣздкѣ въ монастырь. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ разомъ уничтожить въ себѣ всякое поползновеніе къ обидчивости. Но Роландъ настойчиво просилъ Эриха съ ними ѣхать.

— Манна будетъ очень сердиться, если ты не поѣдешь, сказалъ онъ,—ей тоже надо тебя видѣть.

На губахъ Зонненкампа мелькнула странная улыбка, а Пранкенъ отвернулся, чтобъ скрыть выраженіе своего лица.

Роландъ на прощаньи горячо обнялъ Эриха. Онъ до сихъ поръ не разставался съ нимъ не только на цѣлые сутки, но даже и на нѣсколько часовъ. Онъ еще и еще обѣщался много о немъ говорить съ Манной. Въ душѣ мальчика, должно быть, таились смутныя опасенія. Онъ напослѣдокъ сказалъ Эриху:

— Ты останешься здѣсь, не правда ли?

Эрихъ крѣпко пожалъ ему руку.

Общество въ трехъ каретахъ отправилось на пароходную пристань. Въ одной помѣстились Пранкенъ съ Церерой, въ другой Зонненкампъ съ фрейленъ Пэрини и съ Беллой, а въ третьей Роландъ и слуги.

Пристань находилась на нѣкоторомъ разстояніи вверхъ по теченію рѣки, и когда пароходъ, отчаливъ отъ нея, быстро скользилъ мимо виллы, Эрихъ стоялъ на вершинѣ тѣнистаго холма, любуясь на горы, которыя въ этомъ мѣстѣ внезапно раздвигались, какъ бы предоставляя рѣкѣ безпрепятственно стремиться къ морю. Роландъ, стоя на палубѣ, кланялся и махалъ шляпой. Эрихъ отвѣчалъ мальчику тѣмъ же, приговаривая:

— Счастливаго пути, дружокъ!

Кому случалось, провожая въ дорогу близкихъ, посылать имъ вслѣдъ прощальное слово, котораго они уже не могутъ разслышать, тотъ пойметъ настроеніе духа, въ какомъ находился Эрихъ.

Пароходъ промчался, а волны съ минуту продолжали еще съ силой ударять о берегъ и качать прицѣпленную къ нему красивую лодку.

Общество на пароходѣ было въ веселомъ расположеніи духа. Пранкенъ съ большой предупредительностью хлопоталъ около Цереры, устраивая ее на палубѣ и укутывая роскошной шалью. Роландъ получилъ позволеніе взять съ собой Грейфа. Всѣ глаза на пароходѣ были устремлены на красиваго мальчика, а нѣкоторые пассажиры даже громко выражали свой восторгъ.

Тутъ между прочимъ были «винный графъ» и его сынъ, извѣстный подъ названіемъ «кавалера бутылки». Отецъ, высокаго роста, пожилой мужчина, поражалъ своимъ важнымъ видомъ, у него въ петличкѣ виднѣлась красная ленточка. Сынъ очень

обрадовался встрѣчѣ съ Пранкеномъ и въ особенности тому, что могъ засвидѣтельствовать свое почтеніе графинѣ Беллѣ. Какъ старикъ, такъ и молодой человѣкъ, всегда очень сдержанно вели себя въ отношеніи къ Зонненкампу и къ его семейству. Но на этотъ разъ они, забывъ свою обычную холодность, видимо искали съ ними сблизиться. Однако Зонненкампъ не поддавался на ихъ любезную предупредительность и продолжалъ держать себя въ сторонѣ. Онъ не хотѣлъ сближаться съ людьми, которые теперь выражали къ этому желаніе потому только, что видѣли его въ такомъ хорошемъ обществѣ. Къ немалому его облегченію «винный графъ» и сынъ его на второй же станціи вышли на берегъ въ мѣстечкѣ, гдѣ находилось заведеніе минеральныхъ водъ. На пристани ихъ встрѣтилъ гофмаршалъ съ своимъ больнымъ сыномъ. Белла получила отъ важнаго сановника любезный поклонъ и сказала Зонненкампу, что между дочерью богатаго винноторговца и больнымъ сыномъ гофмаршала устраивается бракъ.

День былъ солнечный, едва замѣтный вѣтерокъ игралъ вокругъ быстро мчавшагося парохода. Для общества Зонненкамповъ накрыли особенный столъ, который, по распоряженію Іозефа, украсили цвѣтами и сверкающими вазами со льдомъ для вина. До слуха Роланда нѣсколько разъ долетало, какъ на вопросы вновь прибывавшихъ пассажировъ вполголоса отвѣчали: — «Это богатый американецъ, владѣтель десяти милліоновъ».

Итакъ, общество Зонненкамповъ размѣстилось обѣдать за особеннымъ столомъ, накрытымъ на палубѣ. Имъ прислуживали лакеи въ ливреяхъ кофейнаго цвѣта.

— Папенька, вдругъ спросилъ Роландъ: правда ли, что у тебя десять милліоновъ?

— Моихъ денегъ никто не считалъ, возразилъ Зонненкампъ и улыбнулся: — во всякомъ случаѣ, у тебя ихъ всегда хватитъ на то, чтобъ заказать себѣ обѣдъ, подобный сегодняшнему.

Мальчикъ, повидимому, не былъ доволенъ отвѣтомъ, а Зонненкампъ прибавилъ:

— Да къ тому же, сынъ мой, люди бываютъ только относительно богаты.

— Замѣтьте себѣ: люди бываютъ относительно богаты, повторилъ Пранкенъ. — Это мудрое изрѣченіе: оно, такъ-сказать, уравновѣшиваетъ положеніе вещей.

Зонненкампъ улыбнулся. Онъ любилъ, когда его словамъ придавали особенный смыслъ.

— Ахъ, какъ весело путешествовать! воскликнулъ Роландъ.— Жаль только, что Эриха нѣтъ съ нами!

Никто не отвѣчалъ. Мальчикъ былъ необыкновенно разго-

ворчивъ. Когда подали шампанское и Белла провозгласила тостъ за здоровье Манны, Роландъ, обратясь къ Пранкену, сказалъ:

— Ты женишься на Маннѣ?

Дамы украдкой взглянули на мужчинъ. Откуда это Роландъ узналъ о томъ, что составляло тайное желаніе всѣхъ здѣсь присутствовавшихъ? Разговоръ вертѣлся исключительно около мальчика. Онъ становился все живѣе и живѣе, шутилъ, смѣялся, безъ умолку болталъ и согласился, по просьбѣ Пранкена, представить кандидата Кнопфа. Онъ откинулъ назадъ волосы, сложилъ лѣвую руку въ видѣ табакерки и безпрестанно по ней похлопывалъ. Измѣнивъ голосъ и лицо, онъ однообразнымъ рѣзкимъ тономъ спрягалъ глаголы, изъяснялъ Пиѳагорову теорему и выкидывалъ еще разныя штуки.

— А съумѣешь ли ты передразнить капитана Дорнэ? спросилъ Пранкенъ.

Роландъ вдругъ замолчалъ. По лицу его пробѣжала тѣнь, какъ будто онъ увидѣлъ вдали что-то страшное; имъ мгновенно овладѣло уныніе, и онъ взглянулъ на Пранкена, точно сбираясь его уничтожить.

— Я въ жизнь больше не стану передразнивать кандидата Кнопфа! воскликнулъ онъ: клянусь въ этомъ!

Мальчикъ, возбужденный виномъ и веселымъ разговоромъ, внезапно присмирѣлъ и исчезъ, такъ что слуги принуждены были его искать и наконецъ нашли вмѣстѣ съ собакой въ углу на передней части палубы. Въ глазахъ у него стояли слезы. Онъ спокойно вернулся къ своимъ, но уже, не смотря ни на что, оставался задумчивъ и молчаливъ.

Пароходъ между тѣмъ быстро мчался впередъ. Виноградныя горы сіяли, облитыя полуденнымъ солнцемъ. Вскорѣ кто-то сказалъ: «Еще двѣ станціи, а тамъ и монастырь». Роландъ опять пошелъ къ своей собакѣ.

— Грейфъ! воскликнулъ онъ:—мы скоро увидимъ Манну. Радуйся, камрадъ!

Было еще совсѣмъ свѣтло, когда они вышли на берегъ, окаймленный плакучими ивами, и углубились въ тѣнистый паркъ, посреди котораго стоялъ монастырь. Слуги остались на противоположномъ берегу въ гостинницѣ.

На пристани никто не встрѣтилъ путешественниковъ, хотя они и предупредили о своемъ пріѣздѣ.

— Манна не пришла! воскликнулъ Зонненкампъ, выскакивая на берегъ и лицо его омрачилось, а въ глазахъ сверкнуло злобное выраженіе, которое онъ былъ не въ силахъ скрыть. Но Церера

медленно къ нему обернулась и спокойно на него взглянула. Гнѣвъ его мгновенно упалъ, и Зонненкампъ сдѣлался кротокъ.

— Лишь бы она, милое дитя, была здорова, сказалъ онъ, голосомъ кающагося пустынника.

Они пришли къ монастырю. Ворота его оказались запертыми, но церковь была отворена. У входа въ нее все играло и сверкало на солнечномъ свѣтѣ, а внутри стояла молящаяся фигура монахини съ закрытымъ лицомъ. Путешественники осторожно вышли и позвонили у воротъ монастыря. Привратница не замедлила имъ отворить.

Зонненкампъ спросилъ, здорова ли фрейленъ Германна Зонненкампъ? Привратница отвѣчала утвердительно и прибавила, что если они родители молодой дѣвушки, то настоятельница приглашаетъ ихъ къ себѣ въ пріемную. Зонненкампъ попросилъ Беллу, Пранкена и фрейленъ Пэрини погулять пока въ саду. Онъ хотѣлъ и Роланда оставить съ ними, но тотъ воспротивился этому и сказалъ:

— Нѣтъ, я хочу идти съ вами!

Мать его, до сихъ поръ непроизнесшая ни одного слова, взяла его за руку и сказала:

— Хорошо, я возьму тебя съ собой.

Грейфъ, конечно, остался въ паркѣ. Зонненкампъ съ женой и сыномъ вошли къ настоятельницѣ, которая съ достоинствомъ, но въ тоже время очень любезно ихъ приняла. Она приказала находившейся при ней монахинѣ удалиться и затѣмъ пригласила гостей сѣсть. Въ большой пріемной вѣяло прохладой. По стѣнамъ ея на золотистомъ полѣ висѣли лики святыхъ.

— Что̀ случилось съ нашей дочерью? спросилъ Зонненкампъ, съ трудомъ переводя духъ.

— Ваша дочь, которую мы осмѣливаемся называть также и нашей, потому что любимъ ее не меньше васъ, — совсѣмъ здорова. Она обыкновенно бываетъ очень тиха и покорна, но по временамъ на нее находитъ какое-то непонятное упорство.

— Глаза Зонненкампа сверкнули молніей по направленію къ женѣ. Она спокойно на него взглянула, и только верхняя ея губа слегка дрогнула. Настоятельница ничего не замѣтила, такъ какъ имѣла привычку говорить съ опущенными глазами. Она спокойно продолжала:

— Наша милая Манна согласна видѣть своихъ родителей только въ такомъ случаѣ, если они позволятъ ей остаться въ монастырѣ еще и слѣдующую зиму. Она говоритъ, что не чувствуетъ себя достаточно сильной для того, чтобъ теперь же вступить въ свѣтъ.

— И она предлагаетъ намъ это условіе съ вашего разрѣшенія? спросилъ Зонненкампъ, дергая себя за бѣлый галстукъ.

— Мы не можемъ ничего ни разрѣшать, ни позволять. Вы родители и имѣете безграничную власть надъ вашей дочерью.

— Конечно, началъ Зонненкампъ: конечно, если внушаютъ мысли... Но извините, я кажется васъ перебилъ.

— Нисколько, я кончила. Ваше дѣло рѣшить, принимаете вы ея условіе, или нѣтъ: родительская власть даетъ вамъ на то полное право. Я сейчасъ позову одну изъ сестеръ, и она васъ проводитъ въ келью Манны: дверь ея не заперта. Я только передала вамъ порученіе молодой дѣвушки, а теперь дѣйствуйте, какъ вы найдете лучшимъ.

— Я такъ и сдѣлаю, и говорю, что она больше ни часу здѣсь не останется!

— Если матери также будетъ дозволено сказать свое слово... начала Церера. Зонненкампъ взглянулъ на нее, какъ будто она была вещью, лишенной дара слова, а теперь вдругъ заговорила. Но Церера продолжала, обращаясь къ настоятельницѣ:

— Я въ качествѣ матери объявляю, что мы ее не станемъ ни къ чему принуждать. Я согласна на ея условіе.

Зонненкампъ быстро всталъ и схватился за спинку кресла. Въ немъ происходило что-то страшное, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и сказалъ очень спокойно:

— Роландъ, пойди въ садъ къ барону Пранкену.

Роландъ долженъ былъ уйдти. Тамъ въ монастырѣ находится его сестра — что̀ съ ней будетъ? Отчего не пускаютъ его къ ней и не позволяютъ ему ее обнять, поцѣловать и, какъ въ прежнее время, поиграть ея черными локонами? Онъ вышелъ въ садъ, но вмѣсто того, чтобъ идти отыскивать Пранкена, направился къ церкви. Тамъ онъ опустился на колѣни и началъ горячо молиться. О чемъ была его молитва — онъ и самъ бы не съумѣлъ сказать. Онъ просилъ у Бога спокойствія, счастія и еще многаго другого. Взоръ его случайно обратился къ верху, и мальчикъ вздрогнулъ.

Передъ нимъ висѣло изображеніе св. Антонія Падуанскаго. Странно! образъ этотъ имѣлъ поразительное сходство съ Эрихомъ, у котораго было точно такое же прекрасное, благородное лицо. Роландъ долго, пристально смотрѣлъ на ликъ святого, потомъ голова его медленно склонилась на руки, и онъ, — счастливая юность! — заснулъ.

ГЛАВА V.

ТАИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ.

Родители между тѣмъ вошли въ келью Манны. Молодая дѣвушка встрѣтила ихъ словами:

«Привѣтствую васъ именемъ Божіимъ.»

Она протянула отцу руку, которая слегка дрогнула, коснувшись кольца на его указательномъ пальцѣ. Затѣмъ она бросилась на шею къ матери и горячо ее поцѣловала.

— Простите меня! воскликнула она: — простите! Не думайте, чтобъ у меня не было сердца, но я должна... нѣтъ, я хочу... Благодарю васъ, что вы согласились исполнить мое желаніе.

— Да, да, мы ни въ чемъ не будемъ тебя стѣснять, сказала мать и Зонненкампъ, который до сихъ поръ сопротивлялся, но принужденъ былъ сдаться. Лицо Манны мгновенно просіяло. Она выразила свою радость по поводу того, что видитъ родителей здоровыми, сказала, что каждый день молится о нихъ, и Богъ не оставляетъ ея молитву безъ вниманія. Въ голосѣ Манны звучали сдерживаемыя слезы. Зонненкампъ, казалось, былъ глубоко тронутъ. Онъ приложилъ руку къ сердцу, и вся фигура его имѣла выраженіе человѣка, который мысленно даетъ тяжкій обѣтъ.

Когда Манна освѣдомилась о Роландѣ, онъ отвѣчалъ ей тономъ, какимъ говорятъ съ больными. Роландъ въ паркѣ, сказалъ онъ, и Манна должна пойдти туда же, чтобъ привѣтствовать дамъ и барона Пранкена. Легкая судорога скользнула по лицу Манны, когда отецъ произнесъ это послѣднее имя, но она мгновенно оправилась и сказала:

— Я не хочу видѣть никого, кромѣ васъ и Роланда.

Позвали монахиню изъ служанокъ и послали ее за Роландомъ. Манна между тѣмъ объявила, что она, согласно монастырскому постановленію, еще на годъ вернется въ свѣтъ, а затѣмъ, — она на мгновеніе пріостановилась, — а затѣмъ, если рѣшимость ея не измѣнится, она произнесетъ вѣчный обѣтъ.

— И ты мнѣ никогда, никогда не скажешь, какимъ образомъ зародилась въ тебѣ эта мысль? съ мольбой въ голосѣ произнесъ Зонненкампъ.

— Скажу — но не прежде какъ все будетъ кончено.

— Я ничего, рѣшительно ничего во всемъ этомъ не понимаю! громко воскликнулъ Зонненкампъ. Манна движеніемъ руки

поспѣшила успокоить отца, давая знать, что въ монастырѣ не слѣдуетъ такъ громко говорить.

Роланда долго искали, пока наконецъ нашли его спящимъ въ церкви. Мальчикъ въ испугѣ вскочилъ, увидя передъ собой черную фигуру монахини. Его привели къ Маннѣ. Онъ бросился къ ней на шею, восклицая:

— Милая ты моя, недобрая!

И отъ волненія не могъ больше ничего сказать.

— Тише, тише, успокоивала его молодая дѣвушка. Какой ты сдѣлался сильный!

— А ты какъ выросла! Въ тебѣ тоже есть сходство съ Эрихомъ, только онъ еще прекраснѣе тебя. Нѣтъ, ты не смѣйся!— Неправда-ли, маменька? Неправда-ли, папенька? Ахъ, какъ онъ будетъ радъ, когда ты пріѣдешь домой; а ты тоже, безъ сомнѣнія, его полюбишь!

И Роландъ принялся съ увлеченіемъ восхвалять своего учителя и друга и разсказывать о его необыкновенномъ сходствѣ со св. Антоніемъ. Манна поспѣшила объявить ему, что вернется домой только слѣдующей весной, на чтò Роландъ возразилъ:

— Но ты все-таки можешь получить понятіе объ Эрихѣ. Взгляни только, когда будешь въ церкви, на образъ св. Антонія: онъ точь-въ-точь на него похожъ и не менѣе его добръ. Но онъ при случаѣ умѣетъ быть и строгимъ. Онъ прежде былъ артиллерійскимъ офицеромъ.

Отецъ еще разъ попытался уговорить Манну поѣхать съ ними на воды, обѣщаясь не препятствовать потомъ ея возвращенію въ монастырь. На этотъ разъ и мать присоединила свои просьбы къ его. Но Манна рѣшительно сказала, что ни подъ какимъ видомъ не можетъ прервать своихъ занятій.

Чарующіе звуки ея голоса проникали въ самую душу, когда она говорила о своихъ надеждахъ уяснить себѣ жизнь и стать въ ней твердою ногой. У матери навернулись на глазахъ слезы, но взглядъ отца оставался сухъ и неподвиженъ: онъ едва видѣлъ дочь, едва сознавалъ, гдѣ находится. Онъ слышалъ голосъ, который когда-то, — неужели онъ тотъ же самый человѣкъ?— давно, много, много лѣтъ тому назадъ уже касался его слуха. Дочь, окружающіе ея предметы, — все исчезло, — онъ былъ одинъ и стоялъ надъ убогой могилой на кладбищѣ бѣдной польской деревеньки. Онъ провелъ широкой ладонью по лицу и очнувшись, услышалъ, какъ дочь повторяла: «Я встану въ жизни твердою ногой.»

Онъ слышалъ все, чтò здѣсь говорилось, и въ тоже время

духъ его носился гдѣ-то далеко отсюда. Онъ въ эту минуту жилъ какой-то двойною, едва понятной жизнью.

Зонненкампъ снова повторилъ свою просьбу, чтобъ Манна вышла въ паркъ къ его друзьямъ, которыхъ ей не слѣдовало обижать отказомъ. Но Манна продолжала утверждать, что она не можетъ исполнить его желанія.

Немного погодя, молодая дѣвушка попросила одну изъ монахинь привести къ ней ребенка, прозваннаго сверчкомъ. Ребенокъ пришелъ и застѣнчиво поглядывалъ на незнакомыхъ ему людей. Манна сказала, что это ея родители.

— А это, прибавила она, указывая на Роланда.

— Мой братъ, о которомъ, помнишь, я тебѣ говорила.

Ребенокъ, едва взглянувшій на родителей Манны, подошелъ къ Роланду и, ласкаясь къ нему, сказалъ:

— Ты мнѣ нравишься.

И ребенокъ такъ довѣрчиво началъ съ нимъ болтать, какъ будто зналъ его всю жизнь.

— Хочешь ли ты быть также и моимъ братомъ? спросила его между прочимъ малютка.

Манна при этомъ высказала всю радость, какую ей доставляла возможность быть полезной милому ребенку.

— Да, да, проворчалъ Зонненкампъ. Сама еще дитя, а ужъ ухаживаетъ за чужимъ ребенкомъ. Однако пора.

И онъ быстро всталъ. Родители и Роландъ вышли изъ кельи, оставивъ Манну одну съ малюткой.

Спускаясь съ лѣстницы, Зонненкампъ сказалъ женѣ:

— Все это твое дѣло! Дочь избѣгаетъ меня, ты отвратила отъ меня ея сердце, ты ей сказала...

Церера засмѣялась какимъ-то страннымъ, неестественнымъ, точно не своимъ, а какъ будтὸ чужимъ смѣхомъ. Роландъ съ удивленіемъ на нее поглядѣлъ: вокругъ него чтὸ-то происходило, чего онъ не могъ себѣ объяснить.

Родители съ мальчикомъ вышли въ садъ. Зонненкампъ весьма спокойно объявилъ, ожидавшимъ его друзьямъ, что онъ позволилъ дочери остаться въ монастырѣ до Пасхи, и прибавилъ, что вполнѣ раздѣляетъ ея мнѣніе на счетъ того, что ея теперешнихъ занятій не слѣдуетъ нарушать никакимъ постороннимъ впечатлѣніемъ. Пранкенъ пытливо посмотрѣлъ на Зонненкампа, но вслухъ поспѣшилъ выразить свое удивленіе разумной предусмотрительности, съ какой тотъ устроивалъ дѣла всѣхъ ему близкихъ. Белла и фрейленъ Пэрини отправились гулять по острову. Ихъ долго не могли найдти, наконецъ, онѣ вышли изъ комнатъ настоятельницы.

Между тѣмъ насталъ вечеръ. Когда они садились въ лодку, Роландъ закричалъ по направленію къ монастырю.

— Спокойной ночи, Манна!

Манна услышала его крикъ. Она бродила по парку, издали наблюдая за отъѣзжающими, потомъ медленно направилась къ церкви.

Когда лодка причалила къ противоположному берегу, съ острова послышалось хоровое пѣніе женскихъ молодыхъ голосовъ.

«Эти звуки могутъ быть пріятны для тѣхъ, у кого тамъ нѣтъ дочерей», подумалъ Зонненкампъ.

Въ гостинницѣ всѣ хлопотали и суетились, точно ожидая прибытія герцога со свитой. Зонненкампъ любилъ-таки похвастаться своимъ богатствомъ. На этотъ разъ садъ при гостинницѣ былъ освѣщенъ по праздничному, вся прислуга служила исключительно ему, едва обращая вниманіе на другихъ путешественниковъ, которымъ случилось заѣхать сюда въ этотъ вечеръ.

Когда все погрузилось въ сонъ и молчаніе, отъ берега отчалила лодка и поплыла къ монастырю. Въ лодкѣ сидѣлъ Пранкенъ.

Достигнувъ острова, онъ услыхалъ звуки арфы, выходившіе изъ открытаго окна. Онъ зналъ, что то играла Манна. Стоя у самаго монастыря, онъ видѣлъ въ одной изъ келій огонекъ. Вдругъ открылось нѣсколько оконъ, въ нихъ показались дѣвичьи головки и выглянули въ темную ночь. Черезъ минуту окна опять закрылись, огонь потухъ, и игра на арфѣ прекратилась.

Церковь была отворена. Пранкенъ въ нее вошелъ, сталъ на колѣни и погрузился въ молитву. Вдругъ послышались чьи-то мелкіе шаги и Пранкену показалось, что кто-то опустился на колѣни передъ алтаремъ. Онъ вздрогнулъ. Слабый свѣтъ вѣчной лампады, одной горѣвшей въ это время въ церкви, не позволялъ ему разсмотрѣть, кто это былъ. Немного спустя, таинственная фигура поднялась и направилась къ выходу. Мѣсяцъ бросалъ широкую полосу свѣта на самую середину церкви. Пранкенъ быстро послѣдовалъ за фигурой и, стоя въ дверяхъ церкви, сказалъ:

— Фрейленъ Манна, не бойтесь, я другъ. Передъ вами человѣкъ, который, благодаря вамъ, испыталъ великое счастье. Не думайте, чтобъ я пришелъ сюда съ цѣлью поколебать вашу святую рѣшимость.... Я хочу только сказать тебѣ, что ты изъ меня сдѣлала. Нѣтъ, я не могу этого сказать.... Знай только, что когда ты произнесешь монашескій обѣтъ, то и я тоже пойду въ монастырь, и мы будемъ вдали другъ отъ друга, насколько хва-

титъ у насъ жизни, возноситься къ небу.... Прости же, чистая.... святая.... Прости!

Молодые люди стояли и смотрѣли одинъ на другого, какъ будто въ нихъ не оставалось ничего земного и они уже отреклись отъ міра. Манна не могла произнести ни слова. Она только зачерпнула святой воды и трижды окропила ею Пранкена.

Быстрыми шагами направился Пранкенъ къ берегу. Манна стояла неподвижно, приложивъ руку ко лбу. Она не знала, была ли это дѣйствительность или игра ея фантазіи. Но вдали раздался плескъ воды отъ ударявшихъ по ней веселъ и мужской голосъ еще разъ произнесъ: «чистая.... святая!... прости!» Потомъ все смолкло.

Немного спустя на противоположномъ берегу брякнула цѣпь, которой прикрѣпляли лодку къ пристани. Вокругъ все спало, однѣ волны въ рѣкѣ нарушали ночное безмолвіе тихимъ плескомъ, который днемъ обыкновенно остается незамѣченнымъ. Маннѣ казалось, что она слышитъ также, какъ кровь приливаетъ у ней къ сердцу, — а на сердцѣ у нея было въ одно и тоже время такъ тоскливо и такъ хорошо.

ГЛАВА VI.

ДЕНЬ БЕЗЪ ЗАНЯТІЙ.

Эрихъ долго стоялъ на берегу и смотрѣлъ вслѣдъ пароходу, съ котораго еще развѣвался вдали бѣлый платокъ Роланда. Провожая взоромъ корабль, уносящій у васъ близкое вамъ существо, вамъ кажется, какъ будто вы любите птицу, которая внезапно распустила крылья и мгновенно улетѣла, а вамъ ее болѣе во вѣки не поймать. Но нѣтъ, это не одно и тоже. Любовь невидимо связываетъ людей и въ разлукѣ цѣпью, служащей доказательствомъ общности въ нихъ мыслей, ощущеній и стремленій, которыя не подвержены вліанію ни времени, ни пространства.

Пароходъ скрылся изъ глазъ, оставивъ позади себя облако дыма, которое прозрачной пеленой ложилось на виноградныя горы и постепенно исчезало въ воздухѣ. Эрихъ все еще стоялъ на холмѣ и, подобно тому, какъ надъ нимъ въ вышинѣ плыли легкія облачка, такъ въ мысляхъ его носились послѣднія слова Роланда: «ты останешься здѣсь, — не правда ли»?

Какъ все волнуется, кипитъ въ молодой душѣ и рвется изъ нея наружу! Но и въ замкнутомъ, тщательно скрываемомъ чув-

ствѣ таится не менѣе красоты и искренности, только оно не всегда бываетъ видимо и не съ такой силой поражаетъ своимъ цвѣтомъ и благоуханіемъ. Подобныя этимъ мысли толпились въ головѣ Эриха, когда онъ стоялъ, любуясь деревомъ акаціи, до того облитымъ цвѣтомъ, что на немъ едва можно было кое-гдѣ различить зеленый листокъ.

Эрихъ остался совершенно одинъ на виллѣ. Онъ полною грудью вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ и былъ несказанно счастливъ своимъ уединеніемъ и отсутствіемъ всякаго шума и суетни. Ему казалось, будто онъ нѣсколько дней и ночей провелъ, стоя на локомотивѣ и слушая его оглушающій грохотъ,— а теперь внезапно очутился въ лѣсу, гдѣ вѣяло прохладой или на днѣ рѣки, гдѣ надъ нимъ, тихо журча и освѣжая его, струились волны. Онъ не хотѣлъ ни читать, ни писать, но весь отдался охватившему его чувству безграничнаго покоя.

Онъ отложилъ до слѣдующаго дня посѣщеніе Клодвига, который приглашалъ его къ себѣ. Эрихъ далеко не былъ эгоистомъ; но возможность провести цѣлый день въ совершенномъ молчаніи и уединеніи казалась ему слишкомъ привлекательной, ободряла его и оживляла, какъ будто ему послѣ долгой неволи наконецъ возвратили право располагать самимъ собою. «Но Клодвигъ меня ждетъ», думалъ онъ, и тутъ же вслухъ произносилъ: «Я не могу!—Я не смѣю»! Ему хотѣлось хоть въ теченіи одного дня пожить своей собственной жизнью, не слышать ничьего голоса, ни съ кѣмъ не говорить — однимъ словомъ, быть вполнѣ одинокимъ, безмолвнымъ, независимымъ и свободнымъ.

Онъ вспомнилъ о матери и хотѣлъ пойдти написать ей письмо, но минуту спустя оставилъ и это намѣреніе. Нѣтъ, сегодня никто отъ него ничего не получитъ,—это день, въ который онъ желаетъ принадлежать исключительно себѣ. Его постоянная мысль о благѣ другихъ, его стремленіе и любовь къ близкимъ людямъ развились въ немъ до степени болѣзни, но теперь душа его просила покоя и уединенія. Да, онъ проведетъ настоящій день эгоистомъ и посвятитъ его полнѣйшему отдохновенію: ни книги, ни общественныя отношенія и требованія, никакія стремленія не должны возмущать его одиночества.

Вилла эта называется Эдемомъ: онъ будетъ въ немъ сегодня первымъ и единственнымъ человѣкомъ. Вблизи стояло дерево; взоръ его случайно на немъ остановился: также неподвижно и сосредоточенно, какъ оно, проживетъ онъ весь нынѣшній день.

Эрихъ углубился въ паркъ, бросился на траву подъ высокимъ букомъ и погрузился въ мечты. У людей бываютъ иногда минуты тихаго блаженства, когда жизнь въ нихъ медленно

струится, а въ душѣ ни одно ощущеніе не принимаетъ опредѣленной формы мысли или желанія. Такое состояніе имѣетъ особенную прелесть для тѣхъ, которые привыкли много думать, и у кого много заботъ. Эрихъ лежалъ такимъ образомъ, полной грудью вдыхая въ себя воздухъ и чувствуя себя вполнѣ довольнымъ и счастливымъ. Скрипучій звукъ шаговъ по песку сосѣдней аллеи пробудилъ его точно отъ сна. Это былъ садовникъ, который началъ скрести и расчищать дорожку, при чемъ производилъ рѣзкій, непріятный шумъ. Эрихъ хотѣлъ было отослать его прочь, но остановился и съ улыбкой подумалъ про себя: — «Вѣдь и я точно также расчищаю дорогу.»

Онъ взглянулъ въ вѣтви дерева: въ нихъ изъ стороны въ сторону тихо носился вѣтерокъ. Такъ точно и мысли его безъ цѣли бродили туда и сюда, а онъ лежалъ, ничего не желая, счастливый единственно тѣмъ, что живетъ. Какъ часто, думалъ онъ, все глядя вверхъ, въ теченіи лѣта колышетъ вѣтеръ эти листья, начиная съ той минуты, какъ они распустятся и до тѣхъ поръ, пока они не опадутъ, а потомъ — что̀ потомъ?

Улыбка мелькнула у него на губахъ.

Ему припомнилось преданіе о героѣ, который всякій разъ, что касался земли, почерпалъ въ этомъ прикосновеніи новыя силы. Уединеніе, думалъ Эрихъ, равняется отдохновенію на матери-землѣ. Главное несчастіе богачей, проклятіе, закрывающее имъ входъ въ царствіе небесное, заключается именно въ томъ, что они не умѣютъ обновлять своихъ силъ. Они владѣютъ всѣмъ, исключая способностью отдѣляться отъ міра и углубляться въ самихъ себя. — «У нихъ грузъ слишкомъ великъ», пришли ему на умъ слова доктора. «Грузъ, грузъ!» звучало у него въ ушахъ и вторило однообразному крику зяблика надъ его головой.

Наконецъ, Эрихъ, посреди этихъ размышленій, заснулъ. Сонъ его въ высшей степени подкрѣпилъ и освѣжилъ. Проснувшись, онъ, въ первый разъ послѣ продолжительнаго періода времени, почувствовалъ себя вполнѣ самимъ собой. Адамъ, думалъ онъ съ улыбкой, тоже заснулъ въ раю и проснувшись увидѣлъ передъ собой жену и узналъ, что міръ принадлежитъ ему и еще другому существу, которое составитъ съ нимъ одно.

То былъ день и часъ, въ которые все, что̀ случилось въ прошломъ, что̀ существуетъ въ настоящемъ, все, о чемъ люди когда-либо мечтали и что̀ они себѣ добыли тяжкимъ трудомъ внезапно освѣщается новымъ свѣтомъ и преображенное стоитъ передъ глазами. Загадки сами собой разрѣшаются, повсюду царствуютъ миръ, прочность и единство. Такого рода ощущенія

должны испытывать люди, воображая себя пробуждающимися отъ смерти, и стоя на порогѣ вѣчности.

Значитъ, и впереди стоило еще бороться и стремиться къ завоеванію себѣ права на существованіе.

Эрихъ обошелъ паркъ и домъ, привѣтствуя всѣ предметы, какъ новые. Онъ точно успѣлъ ихъ забыть; они какъ будто все это время оставались далеко позади его, и теперь онъ смотрѣлъ на нихъ иными глазами и чувствовалъ себя вполнѣ окрѣпшимъ человѣкомъ.

Хорошо, что міръ пребываетъ неизмѣннымъ и всегда готовымъ принять насъ, когда мы возвращаемся къ нему, пробуждаясь отъ самозабвенія.

Такимъ образомъ, прошелъ цѣлый день, и въ теченіи его Эрихъ не прочелъ ни одной строки, не написалъ ни одной буквы.

На слѣдующее утро онъ приказалъ осѣдлать лошадь и отправился навѣстить Клодвига. Но едва успѣлъ онъ выѣхать изъ дому, какъ его окликнулъ мальчикъ и вручилъ ему записку. Эрихъ прочелъ ее, кивнулъ мальчику головой и повернулъ лошадь по направленію къ деревнѣ.

ГЛАВА VII.

НАШЪ ДРУГЪ КНОПФЪ.

Весело ѣхать въ ясный, лѣтній день по берегу большой рѣки, когда все вокругъ ликуетъ и сверкаетъ, облитое солнечнымъ блескомъ. Въ такой день какъ-то трудно вѣрится, чтобы горе, трудъ, страхъ и заботы могли въ такомъ количествѣ тѣсниться въ разбросанныхъ здѣсь хижинахъ. На вершинѣ горы стоитъ деревня, которая, если смотрѣть на нее съ рѣки, поражаетъ своей живописностью. Изъ нея раздается и разносится по всей окрестности колокольный звонъ. Изъ церкви выходитъ и идетъ по направленію къ училищу школьный учитель. На лицѣ у него лежитъ тяжелая дума, которая однако мгновенно разсѣявается при видѣ стоящаго у школы и дружески протягивающаго ему руку человѣка.

— Какъ, вы здѣсь, господинъ Кнопфъ! восклицаетъ школьный учитель.

— Свободная республика Соединенныхъ-Штатовъ подарила мнѣ сегодняшній день. Итакъ, ты видишь передъ собой человѣка независимаго. Ахъ, любезный другъ, я наконецъ сдѣлался воспитателемъ молоденькихъ дѣвушекъ, и говорю тебѣ, что онѣ до

перваго бала, который играетъ для нихъ роль всемірнаго потопа, прелестнѣйшіе цвѣтки, какіе только производитъ наша планета.

И Кнопфъ разсказалъ своему товарищу о выпавшемъ на его долю счастьи. Его пригласили въ качествѣ учителя къ молоденькой, необыкновенно способной и живой американкѣ. Пока онъ говорилъ, некрасивое лице его точно преобразилось.

Кнопфъ былъ очень дуренъ собой. Все въ его наружности отличалось крайней угловатостью. Носъ, ротъ, лобъ, даже самыя брови, которыя, особенно, когда онъ, какъ теперь, снималъ очки, поражали тѣмъ, что необыкновенно далеко отстояли отъ его мутныхъ голубыхъ глазъ, всѣ черты лица его казались неуклюже вылѣпленными изъ тѣста. Но когда онъ заговорилъ о своей воспитанницѣ, лицо его, въ полномъ смыслѣ слова, просіяло.

Онъ сказалъ, что пришелъ сюда съ цѣлью повидаться съ теперешнимъ учителемъ Роланда, сдѣлать ему нѣкоторыя замѣчанія на счетъ характера его воспитанника, и передать свое мнѣніе на счетъ дальнѣйшаго хода ихъ занятій. Вставъ до солнечнаго восхода, онъ немедленно отправился въ путь и нашелъ, что прогулка его какъ нельзя болѣе освѣжила. Но теперь казалось неудобнымъ идти на виллу, и онъ рѣшился пригласить новаго учителя сюда. Онъ попросилъ позволенія отправить къ нему съ запиской одного изъ мальчиковъ.

Между тѣмъ, въ школу со всѣхъ сторонъ начали стекаться дѣти. Они уже давно были знакомы съ Кнопфомъ и теперь весело ему кланялись. Одинъ курчавый мальчикъ очень обрадовался, когда его вмѣсто класса послали отнести записку на виллу Эдемъ.

За деревней на самой верхушкѣ горы возвышалась тѣнистая липа. Кнопфъ отправился туда, легъ на траву и устремилъ восторженный взоръ на разстилавшійся передъ нимъ прелестный ландшафтъ.

«Въ травѣ, въ цвѣтахъ люблю лежать я и слушать издали звукъ флейты», произнесъ онъ. Но въ наше время свистъ и шипѣнье паровыхъ машинъ замѣняютъ звуки флейты, и потому Кнопфъ вывинтилъ изъ своей палки искусно скрытую въ ней флейту и самъ принялся наигрывать на ней одну изъ Уландовыхъ мелодій: «Крестоносецъ Копрадинъ». Его радовала не столько сама игра, сколько то, что ее слышатъ прохожіе въ долинѣ.

Внизъ и вверхъ по рѣкѣ безпрестанно сновали суда, и онъ каждому изъ нихъ махалъ бѣлымъ платкомъ. Что за дѣло, что на нихъ чужіе, незнакомые ему люди? Онъ сверху даетъ имъ знать о своемъ счастливомъ настроеніи духа и желаетъ имъ внизу испытывать такое же точно довольство.

Кнопфъ вполнѣ заслуживаетъ болѣе близкаго знакомства.

Сынъ бѣднаго школьнаго учителя, онъ могъ только съ большимъ трудомъ поступить въ университетъ. По окончаніи курса, онъ выдержалъ экзаменъ, и съ этихъ поръ начались его бѣдствія. Съ перваго же дня, какъ онъ началъ читать мальчикамъ пробныя лекціи, тѣ подняли страшный шумъ, и чѣмъ болѣе онъ ихъ просилъ не шумѣть, тѣмъ они становились неукротимѣе, а когда онъ начиналъ сердиться, то они принимались дерзко надъ нимъ смѣяться и безжалостно его дразнили. Къ нему на помощь иногда являлся директоръ, но, лишь только тотъ выходилъ изъ класса, шумъ и гамъ возобновлялись. Было рѣшено, что Кнопфъ проведетъ годъ, назначенный для его испытанія, въ отдаленномъ провинціальномъ городкѣ, но какая-то невѣдомая сила вѣроятно уже и тамъ успѣла распустить слухъ о его неудачной попыткѣ въ столицѣ, и онъ на первыхъ же порахъ былъ встрѣченъ точно такимъ же шумомъ. Тогда онъ рѣшился отказаться отъ преподаванія въ общественныхъ заведеніяхъ.

Возвратясь въ столицу Кнопфъ занялся воспитаніемъ дѣвочекъ и пріобрѣлъ всеобщее расположеніе. Матери, вслѣдствіе его баснословнаго безобразія, не боялись поручать ему своихъ дочерей на возрастѣ, зная, что тѣ въ него не влюбятся. Къ тому же онъ обладалъ большими свѣдѣніями и отличался крайней добросовѣстностью. Но все это рѣшительно ни къ чему не повело. Во всѣхъ домахъ, гдѣ онъ преподавалъ, его очень любили, но ни въ одномъ изъ нихъ не хотѣли имѣть его постояннымъ учителемъ: его всегда приглашали только въ извѣстныхъ случаяхъ и на время. Ни у одного учителя не было столько умершихъ учениковъ, такъ какъ онъ со многими начиналъ заниматься, когда они уже были больны.

Кнопфъ еще очень много ѣздилъ по водамъ. Родители, которые по какимъ-нибудь причинамъ не могли сопровождать своихъ дѣтей къ цѣлебнымъ источникамъ, поручали ихъ Кнопфу, и тотъ одновременно бывалъ ихъ учителемъ и нянькой. Затѣмъ, онъ короткое время пробылъ въ заведеніи для идіотовъ, и совѣсть не переставала упрекать его за то, что онъ не могъ тамъ долѣе выдержать. Но онъ говорилъ себѣ въ извиненіе, что слишкомъ привыкъ къ красотѣ. Послѣ этого онъ сталъ изучать, въ какомъ видѣ существовали благотворительныя заведенія у грековъ и римлянъ, и ему пришлось убѣдиться, что у нихъ было гораздо менѣе, какъ нравственно, такъ и физически испорченныхъ дѣтей. Онъ составилъ планъ, по которому намѣревался устроить при одномъ изъ соляныхъ источниковъ заведеніе для больныхъ дѣтей. Іодъ считается лучшимъ средствомъ для исцѣ-

ленія страждущихъ нечистотой крови, чему почти исключительно подверженъ богатый классъ людей. Кнопфъ все надѣялся встрѣтить подругу, которая согласилась бы сопровождать его къ цѣлебнымъ источникамъ, а пока все по прежнему оставался временнымъ учителемъ, преимущественно дѣвочекъ.

Греческая и римская миѳологія занимали главное мѣсто въ его преподаваніи, и онъ находилъ весьма важнымъ, чтобъ молодая дѣвушка образованнаго круга знала ее безошибочно. Но любимымъ его занятіемъ было толкованіе поэтовъ, особенно романтической школы. Само собой разумѣется, что онъ тоже былъ поэтомъ, но въ высшей степени скромнымъ. Въ столицѣ большая часть альбомовъ, — всѣ молодыя дѣвушки любятъ заводить альбомы, которые онѣ, впрочемъ, очень скоро забрасываютъ, — была украшена сонетами, написанными красивымъ почеркомъ, а еще чаще тріолетами, которые Эмиль Кнопфъ посвящалъ той или другой изъ своихъ любезныхъ воспитанницъ. Онъ зналъ музыку настолько, чтобъ помогать своимъ ученицамъ въ приготовленіи ихъ уроковъ на фортепіано. Въ живописи онъ тоже имѣлъ кое-какія свѣдѣнія и съ особенной любовью рисовалъ цвѣты.

Если случалось одной изъ воспитанницъ Кнопфа выходить замужъ, никто лучше его не умѣлъ устраивать игръ и увеселеній для дѣвичника. Онъ съ особеннымъ искусствомъ приготовлялъ аллегорическія сцены изъ говорящихъ цвѣтовъ, при чемъ каждая дѣвушка выбираетъ какой-нибудь цвѣтокъ и объявляетъ: «я роза», или «я фіалка». Кромѣ того, онъ придумывалъ разныя шутки и смѣшныя забавы. Пока на сценѣ актеры въ разнообразныхъ костюмахъ декламировали и составляли прелестныя группы, Кнопфъ засѣдалъ въ суфлерской будкѣ и подсказывалъ имъ, что̀ говорить. На такого рода празднествахъ онъ всегда бывалъ очень веселъ и добродушно кивалъ головой, когда тотъ или другой изъ присутствующихъ наизусть или по запискѣ имъ же, Кнопфомъ, составленной, провозглашали тосты.

Эмиль Кнопфъ былъ однимъ изъ способнѣйшихъ людей въ мірѣ. Онъ гордился тѣмъ, что никогда не предлагалъ своихъ услугъ печатно черезъ газеты, но рекомендація о немъ переходила постоянно изъ устъ въ уста и даже не иначе, какъ изъ прекрасныхъ устъ въ другія, столь же прекрасныя. Матери наперерывъ хвалили его, а отцы съ улыбкой приговаривали: «да, Кнопфъ весьма свѣдущій учитель». Если ему случалось попадать въ домъ, гдѣ не любили сигаръ, онъ вмѣсто того, чтобъ курить, съ такимъ же точно удовольствіемъ жевалъ зернышки жаренаго кофе. Онъ нюхалъ табакъ, но въ тихомолку, когда бывалъ одинъ, и всегда носилъ при себѣ два носовые платка, одинъ пестрый,

а другой — бѣлый, для того, чтобъ никто не замѣтилъ его слабости. Но была у него одна и такая привычка, отъ которой онъ никакъ не могъ отдѣлаться, а именно, онъ то и дѣло потягивалъ къ верху свои панталоны, какъ будто они ежеминутно готовились у него свалиться.

Но все это еще не доказываетъ, будто судьба предназначала Кнопфа исключительно къ тому, чтобъ онъ былъ постоянно только временнымъ учителемъ или чѣмъ-то въ родѣ педагогической няньки. Пока въ домѣ нужда или болѣзнь, туда непремѣнно приглашаютъ Кнопфа, но лишь все окончится, придетъ въ порядокъ, его тотчасъ же отпускаютъ, правда съ ласковыми, задушевными словами, но тѣмъ не менѣе отпускаютъ.

Четырнадцать семестровъ, — Кнопфъ считаетъ время не иначе, какъ семестрами, — провелъ онъ въ столицѣ, и въ теченіи этого времени постоянно собирался купить въ большомъ количествѣ сигаръ, которыя приходились бы ему по вкусу, но никогда не могъ на это рѣшиться. Въ продолженіи четырнадцати семестровъ, онъ недѣлю за недѣлей все курилъ пробныя сигары, освѣдомлялся, что̀ стоитъ тысяча, но ни разу не купилъ ихъ столько.

Кнопфъ былъ отъ природы очень неловокъ, но посредствомъ упражненія достигъ того, что выучился отлично плавать и сдѣлался отличнымъ гимнастомъ. Онъ даже одно время занималъ должность помощника учителя гимнастики. Пребываніе его на двухъ мѣстахъ за городомъ, гдѣ такъ трудно бываетъ достать настройщика, побудило его выучиться самому настраивать фортепіано. Но онъ это дѣлалъ обыкновенно только въ томъ домѣ, гдѣ жилъ. Многіе утверждали, будто онъ умѣетъ также вязать чулки и шить бѣлье, но это чистая клевета. За то онъ мастерски штопалъ чулки, хотя никто никогда не видалъ его за этимъ дѣломъ, такъ какъ онъ занимался имъ исключительно для себя и втайнѣ.

Къ Зонненкампу Кнопфъ поступилъ тоже въ качествѣ временного учителя, хотя сначала все и обѣщало ему здѣсь болѣе продолжительное пребываніе и обезпеченную будущность. Онъ страстно привязался къ Роланду, и хотя тотъ ничему у него не учился, онъ часто говаривалъ школьному учителю Фасбендеру, съ которымъ успѣлъ подружиться:

— Боги тоже ничему не учились, но все умѣли. Кто можетъ назвать учителя музыки Аполлона, у какого оберъ-кельнера бралъ уроки Ганимедъ? Талантливыя натуры все находятъ въ самихъ себѣ и не имѣютъ нужды чему-либо учиться. Мы, со всѣмъ нашимъ знаніемъ, уроды, и подчиняемся тираніи четырехъ факультетовъ, но жизнь вѣдь не квадратъ.

Таковъ «нашъ другъ Кнопфъ», и этимъ именемъ называютъ его во всѣхъ лучшихъ домахъ здѣшней мѣстности.

Кнопфъ пересталъ, наконецъ, играть на флейтѣ. Онъ сидѣлъ съ листкомъ пергамента на колѣняхъ и, то смотрѣлъ на растилавшійся передъ нимъ ландшафтъ, то поспѣшно писалъ нѣсколько словъ, и опять, взявъ карандашъ въ зубы, погружался въ размышленіе, отыскивая новый оборотъ рѣчи.

Съ горы виднѣлась дорога, которая изъ деревни вела черезъ виллу въ сосѣднее мѣстечко. Вдругъ на ней показался всадникъ. Кнопфъ быстро спряталъ флейту въ палку, сунулъ въ карманъ записную книжку и поспѣшно началъ спускаться съ виноградной горы на большую дорогу.

— Кто такимъ молодцомъ сидитъ на лошади, тотъ и есть настоящій для него наставникъ, сказалъ Кнопфъ и снялъ шляпу. Всадникъ въ отвѣтъ на его поклонъ кивнулъ ему головой.

ГЛАВА VIII.

ПРОГУЛКА НА СВОБОДѢ.

Всадникъ быстро приближался и вскорѣ остановился близъ Кнопфа. Тотъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на изящнаго молодого человѣка и былъ до такой степени пораженъ его наружностью, что не могъ произнести ни слова. Эрихъ первый заговорилъ:

— Я имѣю честь видѣть передъ собой моего коллегу, господина Кнопфа?

— Точно такъ.

Эрихъ быстро соскочилъ съ лошади и подалъ Кнопфу руку.

— Я вамъ очень благодаренъ, началъ снова Эрихъ, и съ каждымъ словомъ, что̀ онъ произносилъ, съ каждымъ новымъ звукомъ его голоса, лице Кнопфа становилось все болѣе и болѣе сіяющимъ, а углубленія и выпуклости на немъ дѣлались еще замѣтнѣе.

— Я самъ, продолжалъ Эрихъ: — намѣревался васъ въ скоромъ времени посѣтить, но выжидалъ только, чтобъ созрѣли мои собственныя наблюденія.

— Весьма справедливо, одобрилъ Кнопфъ: — всякое чужое мнѣніе невольно порождаетъ предубѣжденіе.

Кнопфъ все съ возрастающимъ изумленіемъ смотрѣлъ на Эриха и наконецъ сказалъ такимъ тономъ, какъ будто признавался въ любви:

— Я очень радъ видѣть васъ такимъ молодцемъ. Не смѣй-

тесь, и онъ покачалъ головой: — это весьма важная заслуга въ глазахъ ихъ всѣхъ, а въ особенности Роланда. Спартанцы придерживались мудраго, хотя и жестокаго правила: они не позволяли жить безобразнымъ дѣтямъ. И дѣйствительно, всѣ люди должны бы быть красивыми.

Эрихъ положилъ Кнопфу на плечо руку. Въ немъ боролось удивленіе съ желаніемъ смѣяться, но первое было сильнѣе и одержало верхъ. Человѣкъ, до такой степени некрасивый какъ Кнопфъ, долженъ былъ многое въ себѣ переработать, чтобъ быть въ состояніи произносить такія рѣчи. Идя рядомъ съ нимъ по дорогѣ въ деревню, Эрихъ замѣтилъ Кнопфу, что онъ напрасно не рѣшался придти къ нему на виллу. Онъ засталъ бы его тамъ совершенно одного, такъ какъ все семейство вмѣстѣ съ Пранкеномъ уѣхало въ монастырь за Манной.

— Бѣдная дѣвушка! воскликнулъ Кнопфъ. — Знаете ли, я на своемъ вѣку переучилъ болѣе пятидесяти молодыхъ дѣвушекъ. Всѣ они были очень милыя и красивыя созданья, и что же: едва ли половина... да нѣтъ, куда половина, развѣ третья часть изъ нихъ вышла замужъ такъ, какъ бы я могъ того пожелать. Могу сказать, по совѣсти, что я никогда ничего слышаннаго и видѣннаго въ одномъ домѣ не переносилъ въ другой. А не легко мнѣ это иногда бывало! Матери всегда желаютъ знать, что тамъ-то и тамъ-то дѣлается, но я имъ никогда ничего не разсказывалъ. «Что ко мнѣ принесешь, то опять съ собой унесешь», говаривала моя матушка. Я тоже усвоилъ себѣ ея правило и не могу сказать, чтобъ мнѣ отъ этого бывало дурно.

Эрихъ находилъ искреннее удовольствіе въ бесѣдѣ съ этимъ простодушнымъ человѣкомъ и поспѣшилъ прогнать отъ себя мысль о Пранкенѣ и объ его богатой невѣстѣ. Что ему за дѣло до этой молодой дѣвушки?

Онъ оставилъ лошадь въ деревенскомъ трактирѣ и послѣдовалъ за Кнопфомъ на вершину горы, подъ тѣнистую липу, гдѣ тотъ намѣревался высказать ему свое мнѣніе о Роландѣ.

— Прежде всего, началъ Кнопфъ, я хочу, какъ ребенокъ, разсказать вамъ о моемъ послѣднемъ опытѣ и о моемъ послѣднемъ горѣ. Вѣдь вы не спѣшите, у васъ есть время? Признаюсь, ничто меня такъ не сердитъ въ людяхъ нашего времени, какъ ихъ постоянная торопливость.

Эрихъ его успокоилъ, сказавъ, что можетъ располагать всѣмъ днемъ.

— Итакъ, разсказывайте, прибавилъ онъ.

— Я испыталъ мое послѣднее горе сегодня, во время прогулки на горѣ, близъ лѣсной часовни. Было свѣжо, на травѣ

еще не высохла роса, птицы пѣли, не пугаясь шума, долетавшаго туда со станціи желѣзной дороги, расположенной внизу. Природа замкнута въ самой себѣ, и во время весны, этой поры любви, остается особенно равнодушной ко всему, что не она сама. Но я не объ этомъ хотѣлъ съ вами говорить, — перебилъ онъ самъ себя, и положилъ руку на записную книжку, въ которой заключалось стихотвореніе такого точно содержанія. — Итакъ, къ дѣлу. Гуляя около часовни, я услышалъ дѣтскіе голоса, свѣжіе и звонкіе, между которыми особенно выдавался одинъ необыкновенно-мягкій и нѣжный. Вскорѣ на скатѣ горы показалась прелестная дѣвушка.... извините, я послѣ узналъ, что она хороша собой, но въ ту минуту не могъ этого видѣть, потому что во время ходьбы снялъ очки. Когда я ихъ надѣлъ, мнѣ прежде всего бросились въ глаза бѣлыя, круглыя руки. Молодая ня замѣтила и, повидимому, испугалась, такъ какъ руку своего старшаго брата, мальчика лѣтъ тринадіе два, поменьше, шли около нея. Проходя мимо, я , дѣвушка мнѣ отвѣчала чуть слышно, но мальчики изнесли: «Добраго утра». Я долго смотрѣлъ имъ омъ вернулся въ часовнѣ. Тишина и порядокъ, царствующіе въ этомъ уединеніи, эти сосуды, образа, свѣтильники, этотъ почтеннаго вида священнодѣйствующій, — все вызываетъ въ васъ чувство глубокаго благоговѣнія. Невозможно, чтобъ человѣкъ, который такимъ образомъ преклоняетъ колѣни и воздѣваетъ руки къ небу, притворялся бы и рѣшительно ничего не ощущалъ въ сердцѣ. Онъ былъ бы тогда хуже всякаго преступника, содержимаго въ тюрьмѣ. Отъ проповѣди здѣсь, конечно, нечего было ожидать, но — повѣрите ли? — я хотѣлъ только одного: еще разъ взглянуть на молодую дѣвушку. Впрочемъ, я тутъ же устыдился самого себя и на цыпочкахъ вышелъ изъ часовни. Вслѣдъ за тѣмъ во мнѣ умерло всякое личное ощущеніе, и тогда-то меня посѣтило большое горе.

— Какое?

— Горе, происходящее отъ нашей свободы. Дѣвушка, едва покинувшая школьную скамью, съ тремя младшими братьями идетъ въ лѣсную часовню, куда ее призываетъ звонъ колокола. Представьте себѣ, что, еслибъ эти четверо людей не имѣли такой прекрасной, опредѣленной цѣли для своей утренней прогулки? То была бы просто прогулка безъ всякаго смысла и значенія, безъ всякихъ послѣдствій. Но молодые люди входятъ въ храмъ, гдѣ звучитъ органъ, ихъ голоса сливаются въ священныхъ гимнахъ, на душѣ у нихъ становится легко и отрадно, и они возвращаются домой освѣженные и укрѣпленные духомъ.

Съ другой стороны, тамъ, наверху, совершается богослуженіе, независимо отъ того, явится кто-нибудь его слушать, или нѣтъ. Здѣсь — ничего похожаго на приходъ, ничего, что̀ свидѣтельствовало бы о степени развитія паствы или говорило о характерѣ человѣка, стоящаго во главѣ ея. Богослуженіе идетъ своимъ порядкомъ и, подобно вѣчной природѣ, не заботится о томъ, на кого какое оно произведетъ впечатлѣніе. Всякій пришедшій безразлично можетъ въ немъ участвовать, и никто не спрашиваетъ у другого, откуда онъ? Еслибъ я могъ вдругъ увѣровать, то непремѣнно принялъ бы или католическую, или древнюю іудейскую вѣру. Что такое въ сущности жизнь подобныхъ намъ? Прогулка на свободѣ, безъ препятствій, но и безъ опредѣленной цѣли. Вамъ должно быть понятно, почему это меня печалитъ: я не могу ни измѣниться, ни принудить себя быть болѣе положительнымъ. Подобно мнѣ, не можетъ этого достигнуть и все современное мнѣ поколѣніе. А между тѣмъ, надо же и намъ до чего-нибудь дойти. Жизнь наша не можетъ быть простой прогулкой; она непремѣнно должна привести насъ къ какой-нибудь вѣрной, родной, для всѣхъ людей одинаковой нравственной цѣли. Ахъ, еслибъ я могъ ее уразумѣть и найти ей имя, а вмѣстѣ со мной и милліоны томящихся жаждой истины душъ! И знаете ли, сказалъ въ заключеніе Кнопфъ, — я все время думалъ о васъ и о Роландѣ. Вѣдь вы меня понимаете, не правда ли?

— Еще не вполнѣ.

— И не мудрено: я слишкомъ удалился отъ предмета. Постараюсь говорить проще и короче. Вотъ въ чемъ заключается моя мысль: куда вы думаете вести Роланда? — Къ свободѣ? Но что̀ онъ съ ней сдѣлаетъ? Что̀ онъ въ ней найдетъ, что̀ отъ нея получитъ? Что̀ его будетъ связывать и манить въ жизни? А въ этомъ-то и состоитъ вся трудность задачи. Религія, та крѣпость, въ которую намъ предстоитъ ввести богатаго юношу, не имѣетъ ни крыши, ни стѣнъ, ни образовъ, ни пѣнія.... вотъ въ чемъ дѣло! Понимаете ли вы меня теперь?

— Какъ нельзя лучше, сказалъ Эрихъ и взялъ Кнопфа за руку. — Вы точно вынимаете у меня изъ глубины души мои собственныя мысли. Но я надѣюсь, что намъ удастся выработать въ человѣкѣ, воспитаніемъ котораго мы займемся, стойкость, независимую отъ опоры, какую предлагаетъ религія. Мы съ вами развѣ не имѣемъ этой стойкости?

— Я думаю.... нѣтъ, я знаю, что имѣемъ. Благодарю васъ, вы дѣлаете меня вполнѣ счастливымъ! воскликнулъ Кнопфъ. Ахъ, какъ чудесно устроенъ міръ! Вотъ мы съ вами сидимъ на горѣ и смотримъ вдаль, ожидая знаменія, слова, которое обно-

вило бы наше бытіе, — и что же? Оно является, но не извнѣ, а изъ насъ самихъ. Что же касается до Роланда, то у него прекрасная натура, не смотря на то, что ее всячески старались испортить; въ немъ странное соединеніе смѣлости и упорства съ необыкновенной мягкостью. У него много хорошихъ побужденій, но молодость не умѣетъ отдавать себѣ отчета въ своихъ чувствованіяхъ, — да въ противномъ случаѣ она и не была бы молодостью. Въ Роландѣ много самыхъ разнообразныхъ элементовъ, но мы, взрослые, не понимаемъ дѣтскаго сердца. Вспомнивъ наше собственное дѣтство, мы увидимъ, что никогда не были вполнѣ поняты даже лучшими изъ людей. Но вамъ это удастся, вы къ этому призваны.

— Я?

— Да, вы. Міръ управляется и связывается въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ по обширному, непостижимому плану. Въ жизни существуетъ чудесный законъ, — назовите его Провидѣніемъ или судьбой, — въ силу котораго человѣкъ, подобный вамъ, проходитъ чрезъ различныя званія и положенія въ свѣтѣ, вооружается опытомъ и знаніемъ — и все это единственно затѣмъ, чтобы явиться сюда въ полномъ величіи и блескѣ красоты. Не качайте головой и не мѣшайте мнѣ говорить. Отрадно думать, что таинственная сила, называемая нами Богомъ, привела васъ сюда для того, чтобъ воспитать человѣка, одареннаго красотой Аполлона, и вся задача въ жизни котораго должна состоять исключительно въ томъ, чтобъ быть красивымъ и изящно мыслить и чувствовать. Я дурно велъ Роланда, потому что началъ сѣять, не освѣдомясь прежде, вспахана ли земля. Сегодня утромъ, увидя человѣка, взрывавшаго въ виноградникѣ землю, я подумалъ: это Коперникъ.

— Коперникъ? съ удивленіемъ спросилъ Эрихъ.

— Поймите меня, какъ слѣдуетъ. Кто, остроконечной палкой выкапывая изъ земли кости и камни, чтобъ потомъ бросать въ нее сѣмена, первый началъ ворочать землю, — тотъ былъ отцемъ нашей культуры, подобно Копернику, который первый нашелъ, что вся наша планета вертится.

— Но что̀, по вашему мнѣнію, слѣдуетъ сдѣлать изъ Роланда? спросилъ Эрихъ, стараясь вернуть Кнопфа къ главному предмету ихъ разговора.

— Что̀ изъ него сдѣлать? Изящнаго человѣка. Я считаю ложной систему, которая, стремясь развить въ людяхъ добрыя чувствованія, постоянно указываетъ имъ на различнаго рода бѣдствія и страданія. Это дѣлаетъ ихъ сантиментальными, слабыми, склонными къ мечтательности. Греки держались иной

системы, находя, что энергія, веселость и увѣренность въ самомъ себѣ составляютъ настоящую силу. Наша теперешняя добродѣтель болѣе не сила, а какое-то разслабленное состояніе, не что иное, какъ постоянное щипанье корпіи. Знаете ли, продолжалъ Кнопфъ, — по моему, только тотъ настоящій человѣкъ, кто никогда не держалъ экзамена. У насъ, въ Европѣ, подобный родъ людей совсѣмъ вывелся. Мы всѣ родимся для экзамена. Величіе грековъ въ томъ и состояло, что у нихъ не было экзаменаторскихъ коммиссій. Платонъ не получилъ ни одной ученой степени. Нынче въ Америкѣ оживаетъ древняя Грецiя: тамъ тоже нѣтъ экзаменовъ.

— Не вездѣ, перебилъ его Эрихъ.

— Да, продолжалъ Кнопфъ, Роландъ будетъ неэкзаменованнымъ человѣкомъ. Онъ ничему не долженъ учиться съ тѣмъ, чтобъ послѣ его объ этомъ спрашивали. Почему новѣйшій человѣкъ непремѣнно долженъ быть чѣмъ-нибудь? Civis romanus sum — этого достаточно для всѣхъ вообще.

Эрихъ снова попытался вернуться къ главному предмету.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, какое званіе годилось бы для Роланда? спросилъ онъ.

— Званіе! званіе! Лучшее, чему человѣкъ можетъ научиться, не входитъ въ составъ уроковъ, распредѣляемыхъ по часамъ, и за это лучшее не платятъ денегъ въ школы. Распредѣленіе людей по званіямъ, которыми мы такъ гордимся, въ сущности — филистерское тиранство, добродѣтель, порожденная нуждой. Натуры низшаго разряда платятъ тѣмъ, что онѣ дѣлаютъ, — болѣе высокія тѣмъ, что въ нихъ есть. Прекрасный, свободно-живущій человѣкъ украшаетъ человѣчество и тѣмъ самымъ оказываетъ ему добро. Я всячески старался сохранить въ Роландѣ наивность богатства. Мы не для того здѣсь живемъ, чтобъ исключительно заниматься дѣлами милосердія. Не всѣ обязаны служить: заботиться о собственномъ усовершенствованіи тоже своего рода — и высокое назначеніе. Я весьма уважаю изрѣченіе Цицерона, которое гласитъ: «Кто ничего не дѣлаетъ, тотъ свободный человѣкъ». Свободный человѣкъ — это человѣкъ праздный.

Къ удивленію Кнопфа оказалось, что Эрихъ тоже былъ хорошо знакомъ съ этимъ мѣстомъ изъ Цицерона. Онъ сталъ оспаривать мнѣніе Кнопфа, доказывая, будто Цицеронъ имѣлъ въ виду сказать только, что тотъ не свободный человѣкъ, кто не въ состояніи иногда ничего не дѣлать: non aliquando nihil agit. Далѣе, приведя слова нѣмецкаго поэта о возможности прекраснаго существованія безъ дѣла и труда, Эрихъ замѣтилъ, что поэтъ, по его мнѣнію, заблуждается. Между тѣмъ ему очень

хотѣлось выдти изъ круга этихъ общихъ разсужденій. Какое значеніе могли имѣть такого рода толки о судьбѣ человѣчества въ устахъ двухъ людей, которые впервые сошлись на вершинѣ горы?

Кнопфъ тоже спохватился, что слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ мудрствованіяхъ и поспѣшилъ сказать:

— Вамъ бы слѣдовало удалить Роланда изъ дому.

— Это дѣйствительно было бы всего лучше, но вамъ извѣстно, что это невозможно.

— Такъ, такъ. Знаете ли, какой еще вопросъ меня мучилъ: нельзя ли заставить Роланда думать, что онъ бѣденъ, — но (если допустить, что отрицаніе можетъ имѣть сравнительную степень) это оказалось еще невозможнѣе. Я читалъ «Эмиля» Жанъ-Жака Руссо и пришелъ къ убѣжденію, что въ немъ много дѣльнаго. Изучалъ я также приписываемое Платону сочиненіе о богатствѣ и кромѣ того нашелъ у Аристофана мудрыя замѣчанія о бѣдности и о богатствѣ. Если вы когда-нибудь меня навѣстите въ Маттенгеймѣ, то я вамъ все это подробнѣе изложу.

Эрихъ старался угадать причину, по которой Кнопфъ оставилъ домъ Зонненкампа. Самъ Кнопфъ, не распространяясь объ этомъ много, только далъ ему понять, что Роланда вовлекъ въ какой-то проступокъ французскій камердинеръ Арманъ, вслѣдствіе чего тотъ и былъ немедленно удаленъ изъ дому. Затѣмъ Кнопфъ еще разсказалъ, какъ онъ хотѣлъ, но долго не рѣшался повидаться съ Эрихомъ. Наконецъ ужъ Вейдеманъ угадалъ въ немъ это желаніе по глазамъ и посовѣтовалъ ему его исполнить. Эрихъ съ своей стороны обѣщался въ скоромъ времени побывать въ Маттенгеймѣ, а пока Кнопфъ въ восторгѣ слушалъ разсказы о прилежаніи Роланда и о его привязанности къ своему новому наставнику. Эрихъ между прочимъ упомянулъ и о томъ, какъ онъ намѣревался дѣйствовать на мальчика посредствомъ чтенія біографіи Франклина. Такимъ образомъ, говорилъ онъ, Роландъ не только пріобрѣтетъ себѣ идеалъ въ жизни, но еще, слѣдя за постепеннымъ ходомъ развитія Франклина, долженъ будетъ сознать все собственное несовершенство, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, а затѣмъ у него, конечно, явится и желаніе пополнить всѣ пробѣлы, какіе онъ въ себѣ замѣтитъ.

— Знаете ли, воскликнулъ Кнопфъ вскакивая: — знаете ли, что̀ можетъ сдѣлать человѣка еще счастливѣе, чѣмъ когда онъ бываетъ въ состояніи, подобно Архимеду, воскликнуть: «Я нашелъ»? Это возможность сказать: «ты нашелъ»! Да, вы нашли! говорилъ Кнопфъ, немилосердо дергая себя за панталоны. Ему хотѣлось обнять Эриха, но онъ не смѣлъ.

Когда же Эрихъ разсказалъ ему, какъ его навели на эту

мысль замѣтки, сдѣланныя на книгѣ его отцемъ, восторгу Кнопфа не было границъ.

— Да будетъ благословенъ твой отецъ! воскликнулъ онъ:— Слава вѣчному духу! О міръ, какъ ты великъ и прекрасенъ! Теперь мы знаемъ, куда идетъ гуляющій по свѣту человѣкъ. Онъ стремится сдѣлаться свободнымъ, какъ Веньяминъ Франклинъ. Здѣсь, на берегахъ Рейна, два человѣка съ горной вершины привѣтствуютъ тебя въ вѣчности!.... Ахъ, простите, сказалъ онъ потомъ: и не думайте, чтобъ я часто приходилъ въ такой экстазъ. Но, капитанъ, если вы когда-нибудь пожелаете, чтобъ я совершилъ какое-нибудь очень трудное дѣло, — напомните мнѣ объ этомъ часѣ, и вы увидите, на что́ я способенъ!

Эриху пришла счастливая мысль попросить Кнопфа, чтобъ онъ ему разсказалъ о своей ученицѣ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, началъ Кнопфъ:—родители дѣвочки прислали ее въ Германію потому, что ей тамъ, въ странѣ свободы, угрожала опасность утратить свою нравственную независимость. Докторъ Фрицъ и его жена отличаются свободнымъ образомъ мыслей въ вопросахъ, касающихся религіи, но въ тоже время они слывутъ образцемъ честности и благородства. Они отдали свою дочь учиться въ англійскую школу. Не прошло и полугода, какъ дѣвочка начала уговаривать родителей вернуться въ лоно церкви и выражать свое намѣреніе сдѣлаться пресвитеріанкой. Она плакала и грустила, говоря, что ее несказанно тревожитъ мысль о невѣріи родителей. Не правда-ли, какое странное явленіе? Вотъ родители и вздумали отправить дѣвочку въ Германію, гдѣ и помѣстили ее въ самый лучшій домъ, какой только могли найти.

Кнопфъ вынулъ изъ кармана письмо отъ доктора Фрица, который, въ качествѣ представителя нѣмецкой честности и гуманности въ Новомъ-Свѣтѣ, усердно трудился надъ искорененіемъ зла, постыднымъ пятномъ лежащемъ на человѣчествѣ,—а именно надъ уничтоженіемъ невольничества. Докторъ Фрицъ прислалъ наставнику своей дочери подробную и въ высшей степени безпристрастную характеристику маленькой дѣвочки. Онъ между прочимъ дѣлалъ нѣкоторыя указанія на счетъ того, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало ее вести. Къ письму была приложена фотографическая карточка доктора Фрица. Она изображала человѣка плотнаго сложенія, съ курчавыми бѣлокурыми волосами и густой бородой. Лице его поражало своей моложавостью и какимъ-то идеальнымъ, какъ-бы вдохновеннымъ выраженіемъ.

Кнопфъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ Эриху еще одно обстоятельство. Дѣвочка, во время своего пребыванія въ Новомъ-

Свѣтѣ, постоянно жила въ заколдованномъ кругу сказочнаго міра Гримма. Во время ея путешествія съ ней случилось что-то странное, чего онъ, Кнопфъ, не умѣлъ себѣ объяснить, не зная, было ли то дѣйствительное происшествіе или ничто иное, какъ игра ея фантазіи.

— Дѣвочку зовутъ Лиліаной, говорилъ Кнопфъ: а вы знаете, что по-англійски ландышъ называютъ лиліей долины—the lily of the valley. Оказывается, что дѣвочка имѣла какое-то видѣніе въ лѣсу, которое, не зная ея имени, подарило ей цвѣтокъ ландыша. Въ ея бѣлокурой головкѣ возникла по этому поводу чудесная сказка: она не перестаетъ съ тѣхъ поръ увѣрять, что видѣла лѣсного принца.

— Вы должно быть сами поэтъ, сказалъ Эрихъ, и Кнопфъ невольно сунулъ руку въ боковой карманъ, какъ бы опасаясь, что у него похитили его записную книжку.

— Я себѣ дѣйствительно иногда позволяю писать стихи, отвѣчалъ Кнопфъ. — Но, будьте спокойны, я ими до сихъ поръ еще не терзалъ ничьего слуха.

Эрихъ отъ души полюбилъ этого съ виду холодного и сухого, но на дѣлѣ въ высшей степени мечтательнаго человѣка.

Въ деревнѣ ударилъ колоколъ, и Эрихъ сказалъ:

— Теперь пойдемте и познакомьте меня съ школьнымъ учителемъ.

ГЛАВА IX.

АНТОНІЙ.

Школьный учитель былъ человѣкъ чопорный, строго державшійся формальностей. Посѣщеніе капитана онъ счелъ за большую для себя честь. Немного спустя, всѣ трое сидѣли въ деревенской гостинницѣ, и учитель разсказывалъ исторію своей жизни.

Ему было уже шестьдесятъ четыре года, но видъ онъ имѣлъ еще свѣжій и бодрый. Къ сожалѣнію, столь распространенное между сельскими учителями недовольство своей судьбой, въ его жизни, имѣло еще особенное основаніе. Со смѣсью гордости и горечи говорилъ онъ, что у него есть сынъ, занимающійся на цементной фабрикѣ молодого Вейдемана, гдѣ онъ, не смотря на то, что ему всего двадцать одинъ годъ, получаетъ двойное содержаніе противъ того, какимъ пользуется его отецъ послѣ тридцатилѣтней службы. Всѣхъ сыновей у школьнаго учителя было

четыре, но онъ не хотѣлъ, чтобы хотя одинъ изъ нихъ шелъ по его стопамъ. Второй его сынъ занимался торговлей, а старшій предпринималъ различныя постройки въ Америкѣ.

— Да, воскликнулъ онъ: бытъ сельскихъ учителей не улучшится, доколѣ они не согласятся на стачку и не прекратятъ всѣ разомъ своихъ занятій.

— Остались ли бы вы школьнымъ учителемъ, спросилъ Эрихъ, еслибъ у васъ безъ того были средства къ существованію?

— Нѣтъ.

— И никогда бы не взяли на себя этой должности?

— Я думаю, что нѣтъ.

— Бѣда въ томъ, замѣтилъ Кнопфъ: что богатство постоянно и не безъ основанія ссылается на то, что не имѣетъ права искоренять бѣдности, чрезъ которую родится и процвѣтаетъ въ мірѣ прекрасное и великое. Нужда заставляетъ людей стремиться къ идеалу и къ добродѣтели. Видите ли, капитанъ и мой коллега, Зонненкампъ, человѣкъ съ широкимъ взглядомъ на вещи, а и тотъ говоритъ: «Я не могу принимать участія во всѣхъ существованіяхъ, группирующихся вокругъ меня, и не хочу, чтобъ Роландъ о нихъ много думалъ, иначе его собственная жизнь пропадетъ даромъ. Онъ не будетъ тогда въ состояніи выѣхать на прогулку безъ того, чтобъ не имѣть постоянно въ мысляхъ того или другого изъ бѣдствій, разсѣянныхъ въ мірѣ». Вотъ тутъ опять выступаетъ на сцену наша загадка. Какъ можетъ человѣкъ въ одно и тоже время быть богатымъ и имѣть идеальный взглядъ на вещи? Мы, учителя—хранители идеализма. Смотрите, здѣсь, надъ всѣми этими деревнями высятся двѣ башни,—одна видимая, а другая невидимая: вторую именно и составляетъ идеализмъ сельскаго учителя, который сидитъ въ кругу дѣтей. Я васъ уважаю за то, что вы тоже сдѣлались учителемъ.

Эрихъ былъ непріятно пораженъ. Въ глубинѣ души его таилось самолюбіе, которое страдало отъ того, что его ставили на одну ногу съ школьнымъ учителемъ. Однако онъ поспѣшилъ подавить въ себѣ это чувство и остался доволенъ тѣмъ, что ему удалось его скрыть. Онъ попросилъ сельскаго учителя продолжать разсказъ о его прошлой жизни.

Учитель былъ хорошій математикъ и когда-то, давно, служилъ въ таможнѣ, но по заключеніи таможеннаго союза лишился мѣста. Года два онъ кое-какъ перебивался, а затѣмъ рѣшился сдѣлаться школьнымъ учителемъ и вскорѣ удачно женился, то-есть взялъ за женой приданое, которое и дало ему возможность хорошо воспитать сыновей.

Между тѣмъ насталъ вечеръ. Эрихъ, прощаясь съ учителемъ,

обѣщался ему употребить его въ дѣло при воспитаніи Роланда. Кнопфъ проводилъ Эриха часть дороги, а тамъ уговорилъ его сѣсть на лошадь. Самъ онъ еще долго смотрѣлъ вслѣдъ уѣзжающему, пока тотъ не скрылся за поворотомъ дороги, а его толстыя губы все время не переставали что-то шептать.

На возвратномъ пути Эрихъ, къ собственному своему удивленію, думалъ не столько о Роландѣ, сколько о Маннѣ, которая должна была въ тотъ же вечеръ пріѣхать. Его неотступно преслѣдовала повѣсть о домашнемъ учителѣ, который влюбляется въ богатую хозяйскую дочь. Жестокосердый богатый отецъ выгоняетъ его изъ дому. Онъ стоитъ передъ ярко-освѣщенными окнами, слышитъ музыку: то празднуется свадьба его возлюбленной съ однимъ очень знатнымъ негодяемъ. Вдругъ раздается пистолетный выстрѣлъ.... нѣтъ, надо избрать другой болѣе практическій родъ смерти. Тутъ Эрихъ поспѣшилъ прогнать отъ себя подобнаго рода мысли и принялъ твердую рѣшимость держаться на далекомъ и почтительномъ разстояніи отъ хозяйской дочери.

Когда Эрихъ вернулся на виллу, тамъ уже стояли экипажи. Зонненкампъ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что у него не хватило любезности посидѣть дома и подождать ихъ возвращенія, или по крайней мѣрѣ замѣтить часъ, въ который они намѣревались вернуться. Послѣ всего передуманнаго и переговореннаго съ Кнопфомъ, сознаніе собственнаго зависимаго положенія охватило Эриха съ новой силой. Но, подумалъ онъ, цѣль этого пріема можетъ быть только дать мнѣ урокъ на счетъ того, какъ я долженъ держать себя въ отношеніи къ Маннѣ. Выговоръ Зонненкампа онъ оставилъ безъ возраженія и пошелъ къ Роланду, который бросился къ нему на шею, восклицая:

— Ахъ, съ тобой только и хорошо, всѣ другіе....

— Не говори о другихъ, остановилъ его Эрихъ. Но онъ не могъ его вполнѣ удержать, и мальчикъ распространился о дурномъ расположеніи духа его родителей по случаю того, что Манна отказалась съ ними вернуться домой. Эрихъ вздохнулъ свободнѣе. Роландъ между тѣмъ разсказалъ еще, что Белла на возвратномъ пути разсталась съ ними въ мѣстечкѣ, гдѣ находится заведеніе минеральныхъ водъ. Она получила отъ графа Клодвига депешу, которою тотъ увѣдомлялъ, что будетъ ее тамъ ожидать.

— Но что̀ намъ за дѣло до другихъ! вдругъ воскликнулъ Роландъ. — Знаешь ли, ты тоже находишься въ монастырѣ, я это и Маннѣ сказалъ. Ты какъ двѣ капли воды похожъ на св. Антонія въ монастырской церкви. Нѣтъ, ты не смѣйся! Еслибъ онъ могъ смѣяться, то непремѣнно смѣялся бы такъ какъ ты,

а смотритъ онъ точь-въ-точь, какъ теперь ты на меня. Манна разсказала мнѣ легенду о святомъ Антоніѣ. Онъ однажды усердно молился въ пустынѣ, и вдругъ у него на рукахъ очутился младенецъ Іисусъ. Съ какою любовію и благоговѣніемъ онъ на него смотритъ!

Эрихъ вздрогнулъ. Ему также въ руки была отдана жизнь чистаго ребенка: достоинъ ли онъ его принять и можетъ ли онъ устремить на него столь же чистый взоръ?

Оба долго сидѣли погруженные въ молчаніе, наконецъ Роландъ воскликнулъ:

— Мы никогда, никогда болѣе не будемъ съ тобой разлучаться! Сегодня, когда я сидѣлъ на палубѣ, мнѣ показалось.... не думай, чтобъ я заснулъ, нѣтъ, я вовсе не спалъ.... мнѣ показалось, что ты подошелъ ко мнѣ и взялъ меня на руки!

Лицо Роланда горѣло, и Эриху стоило не малаго труда его успокоить и вывести изъ этого возбужденнаго состоянія. Но то что было трудно для Эриха, оказалось весьма легкимъ для собакъ. Роландъ мгновенно снова превратился въ беззаботнаго ребенка, лишь только увидалъ собакъ, которые въ теченіи его кратковременнаго отсутствія необыкновенно развились.

Пранкенъ тоже очень ласково обошелся съ Эрихомъ и между прочимъ сказалъ, что удивляется тому, какъ скоро онъ уже успѣлъ пробудить въ своемъ воспитанникѣ его нравственныя силы. Роландъ выказалъ въ эти дни столько живости ума и такую способность глубоко и разнообразно чувствовать, какой въ немъ до сихъ поръ никто и не подозрѣвалъ.

Говори что хочешь, безпристрастный читатель! Но вотъ, напримѣръ, человѣкъ, сужденія котораго вчера, или можетъ быть всего за часъ времени, казались тебѣ не стоющими вниманія. Человѣка этого ты считалъ ограниченнымъ и ясно видѣлъ всѣ его умственные недостатки. Вдругъ этотъ человѣкъ признаетъ твои собственныя достоинства, отзывается о тебѣ съ похвалой, и взглядъ твой, незамѣтно для тебя самого, мгновенно измѣняется. Ты уже иначе на него смотришь, забываешь, что еще такъ недавно находилъ его ограниченнымъ и одностороннимъ. И этотъ переходъ особенно легко совершается, если ты принадлежишь къ разряду людей, которые, сами себя образуя, находятся въ постоянной съ собою борьбѣ и томятся сомнѣніями.

Тоже самое случилось и съ Эрихомъ. Пранкенъ внезапно показался ему способнымъ произносить здравыя сужденія. Мало того, онъ даже нашелъ его очень пріятнымъ и со своей стороны высказалъ, какъ ему отрадно видѣть, что друзья дома стараются

его ободрить и поддержать въ исполненіи его трудныхъ обязанностей.

Пранкенъ былъ доволенъ. Эрихъ открыто признавалъ свое положеніе въ домѣ. Отказавшись участвовать въ поѣздкѣ, онъ доказалъ, что не намѣренъ навязываться семьѣ. Если даже допустить, что имъ при этомъ руководила гордость, и онъ не поѣхалъ въ монастырь единственно изъ-за того, чтобъ не находиться въ свитѣ Зонненкампа, — то все же ему нельзя было отказать въ тактѣ. И обращеніе Пранкена изъ оборонительно-покровительственнаго перешло въ дружеское и довѣрчивое.

ГЛАВА X.

РОЛАНДА МАНИТЪ ВДАЛЬ.

Эрихъ и Роландъ жили у себя въ башнѣ, какъ въ отдѣльномъ мірѣ, совсѣмъ одни. Никакой шумъ извнѣ не долеталъ туда до нихъ, исключая пѣнія птицъ и звука колокола изъ сельской церкви на горѣ. Они вошли въ колею постоянной, регулярной дѣятельности и до обѣда вовсе не знали, что дѣлается въ домѣ. Роландъ весь погрузился въ мысль о Веньяминѣ Франклинѣ.

Ему безпрестанно представлялись новые предметы для размышленій, и для него, богатаго американскаго юноши, который никогда не терпѣлъ нужды, было въ высшей степени полезно уже одно то, что передъ нимъ развертывалась жизнь, исполненная лишеній. Роландъ только и думалъ о Франклинѣ. Во время обѣда онъ постоянно о немъ говорилъ, какъ будто бы Веньяминъ Франклинъ только теперь недавно родился и невидимо присутствовалъ за однимъ съ нимъ столомъ и участвовалъ въ однихъ съ нимъ разговорахъ. Роландъ хотѣлъ, подобно Франклину,
ъ собой родъ суда изъ собственной совѣсти, но
обрилъ его плана, зная, что онъ неисполнимъ, такъ
чика было слишкомъ мало выдержки. Къ тому же
тема годится только для человѣка, который стоитъ
мъ себѣ пролагаетъ путь. А Роландъ съ той самой
› открывалъ глаза и до тѣхъ поръ пока не ложился
постоянно находился въ обществѣ Эриха. Они на
чали открытія Франклина въ области физики, вду-
его разсказы, и Роландъ часто въ различныхъ об-
ъ спрашивалъ: — А что сказалъ бы на это Франклинъ?

Эрихъ не зналъ, сообщить ли Роланду о своемъ свиданіи съ Кнопфомъ, или нѣтъ. Наконецъ, онъ рѣшился подождать удобнаго случая, находя, что теперь лучше ничѣмъ не нарушать установившагося въ ихъ занятіяхъ порядка.

На виллѣ между тѣмъ все было въ движеніи и хлопотахъ. Изъ теплицъ выносили растенія и разставляли ихъ въ паркѣ, такъ что вскорѣ въ саду образовался еще другой, новый садъ. Роландъ и Эрихъ увидѣли это, когда уже все было готово.

Пранкенъ являлся почти каждый день, но на короткое время. Когда же онъ оставался обѣдать, то у него только и было рѣчи, что о «князѣ церкви». Онъ иначе не называлъ епископа, какъ «княземъ церкви». Передъ нимъ точно раскрылась новая придворная жизнь съ дворомъ, на которомъ какъ бы лежалъ отпечатокъ святости, и гдѣ порядокъ поддерживался самъ собой, такъ, что тамъ не нуждались въ гофмаршалѣ. Зонненкампъ съ большимъ интересомъ распрашивалъ о нравахъ и обычаяхъ епископскаго двора. За то Церера относилась ко всему этому вполнѣ безучастно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что епископъ не даетъ баловъ и что при дворѣ его не бываютъ женщины, исключая развѣ немногихъ заслуженныхъ монахинь. Церера терпѣть не могла монахинь, преимущественно потому, что у нихъ у всѣхъ большія ноги и онѣ носятъ грубую обувь и шерстяныя перчатки. Послѣднія особенно возмущали Цереру, и она утверждала, что съ ней уже при одной мысли о нихъ дѣлалась нервная дрожь.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, южныя растенія зеленѣли и цвѣли за одно съ туземными, какъ вдругъ спокойное теченіе дней было нарушено сборами въ дорогу. Въ домѣ началась упаковка, настало царство Лутца, и на сцену явились огромные сундуки.

Было пасмурное, дождливое утро. Эрихъ и Роландъ сидѣли за чтеніемъ жизнеописанія Франклина. Мальчикъ казался разсѣяннымъ и часто поглядывалъ на дверь. Вдругъ кто-то постучался, и въ комнату вошелъ Зонненкампъ, до сихъ поръ ни разу не приходившій нарушать порядка ихъ утреннихъ занятій. Сказавъ, какъ ему пріятно видѣть, что въ урокахъ сына наконецъ установилась такая строгая послѣдовательность, онъ выразилъ надежду, что предстоящее путешествіе произведетъ въ нихъ только самый коротенькій перерывъ, такъ какъ съ пріѣздомъ въ Виши, конечно, все пойдетъ по старому.

Эрихъ съ удивленіемъ спросилъ, что общаго между ихъ занятіями и Виши. Ему отвѣчали, что все семейство въ сопровожденіи мужской и женской прислуги, Роланда и Эриха, отправ-

ляется на воды въ Виши, а затѣмъ на морское купанье въ Біаррицъ.

Борьба настала скорѣй чѣмъ Эрихъ ожидалъ. Онъ собрался съ духомъ и очень спокойно замѣтилъ, что мнѣніе Роланда на счетъ этого ему извѣстно, но, что до него самаго касается, то онъ рѣшительно не можетъ ѣхать на воды.

— Вы не можете ѣхать съ нами? Почему?

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ объясниться съ вами въ присутствіи Роланда. Впрочемъ, я полагаю, мальчикъ его лѣтъ въ состояніи понять эти вещи. Я думаю.... я убѣжденъ, что серьезное занятіе невозможно ни на модныхъ водахъ, ни въ Біаррицѣ. Могу ли я давать урокъ мальчику, который уже съ ранняго утра наслушается всякого рода музыки? Тамъ ни одинъ человѣкъ не въ состояніи сосредоточиться и о чемъ-нибудь серьезно думать. Но повторяю: Роландъ уже въ возрастѣ, когда можетъ самъ за себя рѣшать. Я же, если вы желаете, останусь на виллѣ, и дождусь вашего возвращенія.»

Зонненкампъ смотрѣлъ на Эриха съ удивленіемъ, а Роландъ съ мольбой въ глазахъ. Зонненкампъ, какъ видно, не полагался на свое самообладаніе и боялся, что не сможетъ въ настоящую минуту съ достоинствомъ отвѣчать учителю. Онъ поспѣшилъ, впрочемъ очень спокойно, сказать, что вечеромъ еще будетъ время обсудить этотъ вопросъ. Затѣмъ онъ насмѣшливо извинился передъ Эрихомъ, что еще въ университетскомъ городѣ не сообщилъ ему о томъ, гдѣ намѣревался провести лѣто, и ушелъ.

Эрихъ и Роландъ остались одни. Мальчикъ молчалъ и упорно смотрѣлъ въ землю. Эрихъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ его не тревожилъ, но все время думалъ: «теперь настала рѣшительная минута, что скажетъ первый опытъ?»

— Понимаешь ли ты, спросилъ онъ наконецъ: какія причины удерживаютъ меня перенести нашу жизнь вдвоемъ и наши занятія—на воды, гдѣ такъ много всякаго рода развлеченій?

— Нѣтъ, не понимаю, угрюмо отвѣчалъ мальчикъ.

— Хочешь я тебѣ ихъ объясню?

— Не надо.

Эрихъ замолчалъ. Мальчикъ точно вдумывался въ свое положеніе. Въ душѣ его происходила борьба; онъ, безъ сомнѣнія, возмущался мыслью о необходимости покориться.

— Мнѣ казалось, проговорилъ онъ наконецъ:—что я былъ довольно послушенъ и прилеженъ.

— Да, ты велъ себя, какъ слѣдуетъ.

— Развѣ я не заслуживаю имѣть удовольствіе?

— Нѣтъ. Исполненіе обязанностей не должно награждаться, а тѣмъ болѣе удовольствіемъ.

Опять настало молчаніе. Мальчикъ загибалъ уголки въ біографіи Франклина, которую только-что читалъ. Эрихъ, не говоря ни слова, взялъ у него книгу и придвинулъ ее къ себѣ.

— Какъ ты думаешь, спросилъ онъ, не снимая руки съ переплета: — чтобы тебѣ теперь сказалъ Франклинъ?

— Почемъ я знаю!

— Ты знаешь, но не хочешь сказать.

— Нѣтъ, не знаю! воскликнулъ мальчикъ и съ досады топнулъ ногой. Въ голосѣ его звучали слезы.

— Я лучшаго о тебѣ мнѣнія, чѣмъ ты самъ, сказалъ Эрихъ и взялъ мальчика за подбородокъ. — Подними глаза, не смотри въ землю и перестань сердиться.

Лицо Роланда оставалось неподвижно и въ глазахъ его по прежнему стояли слезы. Эрихъ продолжалъ:

— Есть ли въ мірѣ сокровище, котораго бы я тебѣ не отдалъ?

— Да, но...

— Что «но»? — продолжай.

— Ахъ, я и самъ не знаю! Только... только... сдѣлай мнѣ удовольствіе и поѣзжай съ нами! Мнѣ безъ тебя и радость не въ радость! Какъ же это, я буду тамъ, а ты здѣсь одинъ?

— Такъ ты поѣхалъ бы безъ меня?

— Нѣтъ, я не хочу... Ты долженъ съ нами поѣхать! — И мальчикъ, вскочивъ съ мѣста, бросился обнимать Эриха.

— Объявляю тебѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что я съ вами не поѣду.

Руки Роланда опустились, но Эрихъ удержалъ ихъ въ своихъ.

— Послушай, началъ онъ: — вѣдь я могу обратить вопросъ и въ свою очередь сказать тебѣ: останься здѣсь, ради меня! — Но я этого не хочу. Нѣтъ, ты лучше самъ разсуди и подумай, что было бы, еслибъ мы остались здѣсь съ тобой вдвоемъ. Твои родители уѣдутъ на воды, мы, въ ожиданіи ихъ возвращенія, чѣмъ-нибудь серьезно займемся и намъ здѣсь будетъ веселѣе, чѣмъ на гуляньѣ, гдѣ играетъ музыка, или чѣмъ на берегу морскомъ. Знаешь ли, Роландъ, я никогда не былъ во Франціи, еще ни разу не видѣлъ моря, но отказываю себѣ въ этомъ удовольствіи ради долга. А понимаешь ли ты, въ чемъ заключается этотъ долгъ?

— Но вѣдь и долгъ можетъ вмѣстѣ съ нами поѣхать! воскликнулъ мальчикъ и улыбнулся сквозь слезы. Эрихъ тоже не могъ удержаться отъ улыбки, но тѣмъ не менѣе продолжалъ:

— Нѣтъ, этотъ долгъ не можетъ съ нами ѣхать. Ты въ теченіи твоей жизни имѣлъ уже много развлеченій. Послушайся меня, мой милый товарищъ и другъ, и довѣрься мнѣ въ томъ, что для тебя еще не совсѣмъ ясно!

— Я тебѣ вполнѣ довѣряю, но путешествовать такъ пріятно, — ты себѣ представить не можешь, какъ пріятно! И я бы тебѣ все показывалъ.

Роланду казалось, что его подхватилъ бурный вихрь, который кидалъ его изъ стороны въ сторону. Какъ, онъ принудилъ Эриха у нихъ поселиться, заставилъ отца дать его ему въ наставники и теперь самъ добровольно его покинетъ! Но съ другой стороны, его манили вдаль разнаго рода удовольствія, музыка, прекрасныя дамы, которыя его ласкали, рѣзвыя дѣвушки, которыя съ нимъ играли! Мальчикъ колебался, не зная на что̀ ему рѣшиться, что̀ выбрать. Вдругъ онъ воскликнулъ: «Эрихъ, твоя мать!» Ему внезапно пришли на память прощальныя слова профессорши: «Старайся заслужить, чтобъ Эрихъ никогда тебя не покинулъ». Съ одной стороны въ немъ говорило это воспоминаніе, а съ другой — воображеніе рисовало блестящіе экипажи и веселыя кавалькады, въ которыхъ онъ самъ скакалъ на лошади. Будетъ ли въ состояніи его удержать престарѣлая, одиноко стоящая на дорогѣ женщина въ траурѣ. Мальчикъ находился въ какомъ-то лихорадочномъ бреду.

— Эрихъ! Твоя мать! повторилъ онъ и бросился на шею къ молодому человѣку.

— Эрихъ! восклицалъ онъ, обнимая его: — я останусь съ тобой! Ты долженъ помочь мнѣ и не допустить ихъ увезти меня насильно одного!

— Никогда не слѣдуетъ выходить изъ повиновенія родителямъ, сказалъ Эрихъ. — Но теперь у тебя есть также обязанности и въ отношеніи меня. Если я тебя не покидаю, то и ты не долженъ меня оставлять.

Не малаго труда стоило уговорить родителей оставить Эриха и Роланда однихъ на виллѣ. Церера еще скорѣй согласилась, но Зонненкампъ сильно противился, и Роландъ ходилъ какъ потерянный. Но въ тоже время въ немъ пробудилась и надежда, что отецъ останется непреклоннымъ, а Эрихъ наконецъ сдастся на его просьбы.

Эрихъ отвелъ въ сторону Зонненкампа и сказалъ ему, что если онъ не желаетъ въ конецъ испортить мальчика, то не долженъ теперь, когда тотъ добровольно вступилъ на хорошую дорогу, сворачивать его съ нея. Роландъ до сихъ поръ страдалъ отъ избытка развлеченій, которыя не давали ему углубиться въ

себя. Что же касается до него самого, то онъ, какъ это ему ни больно, съ отъѣздомъ мальчика на воды, принужденъ будетъ оставить виллу. Роланду онъ объ этомъ еще не говорилъ, такъ какъ не хотѣлъ наводить его на мысль о возможности между ними разрыва. Затѣмъ Эрихъ посовѣтовалъ Зонненкампу прибѣгнуть къ маленькой хитрости, которую онъ считалъ вполнѣ позволительной. Пусть, говорилъ онъ, отецъ скажетъ Роланду, что только хотѣлъ испытать его, но въ сущности даже надѣялся на его предложеніе остаться съ Эрихомъ. Онъ очень доволенъ тѣмъ, что сынъ его вышелъ изъ испытанія побѣдителемъ и охотно соглашается на его желаніе.

Зонненкампъ, внутренно досадуя, принялъ предложеніе Эриха, и Роландъ вдругъ увидѣлъ себя, съ одной стороны — покинутымъ, а съ другой — связаннымъ.

Родители уѣхали на слѣдующій день. Эрихъ и Роландъ проводили ихъ на станцію желѣзной дороги. Когда вдали показался поѣздъ, съ которымъ имъ надлежало отправиться въ путь, Зонненкампъ отвелъ сына въ сторону и сказалъ ему:

— Послушай, если тебѣ тяжело остаться здѣсь, то прыгни за нами въ вагонъ и оставь доктора одного. Вѣрь мнѣ, онъ отъ тебя не уйдетъ. У насъ съ тобой есть золотая флейта, подъ звуки которой всѣ охотно пляшутъ. Ну, рѣшайся скорѣй.

— Что это, папенька, продолженіе испытанія?

— Ты храбрый мальчикъ, возразилъ Зонненкампъ, пораженный и глубоко тронутый.

Поѣздъ пріѣхалъ. Множество черныхъ сундуковъ, съ желтыми гвоздями, было сдано въ багажъ. Іозефъ и Лутцъ распоряжались всѣмъ, какъ опытные путешественники. Сундучки, мѣшки, картоны, коробки, бутылки, узлы были безъ числа напиханы въ вагонъ перваго класса, гдѣ помѣстились Зонненкампъ, Церера и фрейленъ Пэрини. Роланда еще разъ нѣжно обняли, при чемъ Зонненкампъ что-то шепнулъ ему на ухо. Поѣздъ умчался, Эрихъ и Роландъ остались одни на платформѣ.

Грустно и въ молчаніи вернулись они на виллу. Роландъ былъ очень блѣденъ, въ лицѣ его не виднѣлось ни кровинки. Домъ стоялъ пустой и погруженный въ безмолвіе. Выйдя изъ экипажа, Роландъ взялъ Эриха за руку и сказалъ:

— Теперь мы съ тобой одни въ цѣломъ мірѣ.

Какое занятіе возможно при такихъ условіяхъ и въ такомъ настроеніи духа?

Между тѣмъ въ паркѣ пронесся сильный порывъ вѣтра, деревья закачались, въ воздухѣ завертѣлись лепестки цвѣтовъ, на рѣкѣ поднялись волны. Вдали собиралась гроза. Эрихъ прика-

залъ заложить карету и поѣхалъ съ Роландомъ — куда? Эрихъ сказалъ мальчику, что хочетъ показать ему чудо. Они быстро ѣхали вдоль дороги, по окраинамъ которой вѣтеръ со свистомъ качалъ орѣховыя деревья. Молнія то и дѣло сверкала, и одинъ раскатъ грома смѣнялся другимъ.

— Куда мы ѣдемъ? вторично спросилъ Роландъ.

— Къ Франклину въ школу. Я хочу тебѣ показать, какъ ловятъ молнію. — И они еще быстрѣе поскакали по направленію къ станціи желѣзной дороги.

Тамъ Эриха очень дружески встрѣтилъ телеграфный смотритель и провелъ его въ контору, гдѣ въ это время дѣйствовалъ телеграфъ. Эрихъ показалъ Роланду въ маленькомъ красивомъ стеклянномъ ящичкѣ синеватый огонекъ, который туда и сюда прыгалъ, потомъ быстро скользнулъ въ проходъ, находящійся въ соединеніи съ проволокой, и исчезъ. Каждая молнія производила трескъ въ проходной трубѣ, а вслѣдъ затѣмъ мгновенно появлялся и исчезалъ синеватый огонекъ.

Эрихъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ показать это своему воспитаннику, а телеграфный чиновникъ разсказалъ имъ нѣсколько весьма интересныхъ подробностей. Онъ говорилъ между прочимъ о невольномъ страхѣ, какой испытывается здѣсь при отправленіи своихъ обязанностей во время грозы. Его самого разъ отбросило молніей къ самой печкѣ. Онъ показаль имъ также электрическія дощечки, служащія для отвода молніи, которая часто въ нихъ ударяетъ и какъ тонкой, острой пилой разрѣзаетъ проводныя трубки. Изъ комнаты вынесли огонь, чтобъ въ темнотѣ яснѣе были видны синія искры. Роландъ любовался ими съ дѣтскимъ восторгомъ. При всемъ этомъ не трудно было объяснить ему устройство электро-магнитнаго телеграфа. Мальчикъ внимательно слушалъ, потомъ сказалъ:

— Если Франклинъ и не думалъ ни о чемъ подобномъ, то все же онъ первый поймалъ молнію.

— А ты полагаешь, онъ могъ знать, что̀ выйдетъ изъ его открытія?

Эрихъ старался объяснить Роланду, что всякое дѣяніе, изслѣдованіе и открытіе составляетъ только одно большое данное, которое уже впослѣдствіи служитъ поводомъ ко многимъ новымъ открытіямъ. Здѣсь, въ мракѣ этой комнаты, гдѣ только время отъ времени сверкали синеватые огоньки, посреди водворившагося внезапно молчанія, въ душу юноши проникло чувство глубокаго благоговѣнія, которое изгладило въ немъ всѣ предъидущія впечатлѣнія. Разлука съ родителями, стремленіе къ удовольствіямъ,

все это отошло на заднiй планъ, и ему казалось, что онъ живетъ не на землѣ, а на какой-то другой планетѣ.

Гроза между тѣмъ унялась, и проливной дождь прекратился. Въ комнатѣ отворили окно. Роландъ выглянулъ изъ него и, взявъ Эриха за руку, тихо сказалъ:

— Нельзя ли предположить, что душа въ человѣческомъ тѣлѣ движется также точно, какъ электрическая искра на проволокѣ?

Эрихъ ничего не отвѣчалъ. Онъ видѣлъ, что въ умѣ мальчика возникъ великiй, жизненный вопросъ и предоставилъ ему самому его въ себѣ выработать, не осмѣливаясь въ настоящую минуту оказать ему какую-либо помощь. Но слова мальчика служили доказательствомъ того, что онъ былъ способенъ жить высшею духовною жизнью. Онъ побѣдилъ въ себѣ жажду къ развлеченiямъ и отдался впечатлѣнiю, которое должно было возвысить его въ собственныхъ глазахъ.

Телеграфный смотритель разсказалъ, между прочимъ, какъ онъ былъ напуганъ видомъ и обращенiемъ Зонненкампа въ вечеръ, послѣ исчезновенiя Роланда. Понизивъ голосъ, онъ сообщилъ Эриху, что Зонненкампъ предлагалъ ему большую сумму денегъ, если онъ не прекратитъ на ночь дѣйствiя телеграфа, но онъ отговорился тѣмъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ разрѣшенiя начальства. Зонненкампъ въ тотъ вечеръ былъ такъ страшенъ, прибавилъ смотритель, что я ни за какiя деньги въ мiрѣ не рѣшился бы съ нимъ остаться на единѣ.

Эрихъ замѣтилъ, что Роландъ, хотя смотритель и старался говорить тихо, слышалъ его послѣднiя слова. Онъ шутливо замѣтилъ, что человѣкъ, который постоянно имѣетъ дѣло съ нервной сѣтью, раскинутой подъ землею, невольно самъ дѣлается раздражительнымъ и нервнымъ. Смотритель съ этимъ согласился и пустился въ новые разсказы о видѣнныхъ имъ чудесахъ.

Немного спустя они вышли въ залу, и Эрихъ былъ удивленъ способностью Роланда подмѣчать въ людяхъ ихъ смѣшныя и слабыя стороны. Онъ ловко схватилъ всѣ особенности и привычки смотрителя и съ неподражаемымъ искусствомъ его передразнивалъ. Эрихъ мягко остановилъ своего воспитанника и постарался ему объяснить, что люди, профессiя которыхъ занимаетъ середину между ремесломъ и наукой, каковы аптекаря, хирурги, литографы, фотографы и телеграфисты, легко прiобрѣтаютъ въ своемъ образѣ мыслей и дѣйствiй какую-то двойственность. Занятiя при телеграфѣ къ тому же повергаютъ человѣка въ возбужденное состоянiе вслѣдствiе напряженiя, какого они отъ него постоянно требуютъ. Эрихъ старался все это внушить своему воспитаннику, а затѣмъ опять вернулся къ чудесному явленiю, котораго они только-что

были свидѣтелями. Онъ хотѣлъ, чтобъ оно поглубже врѣзалось въ душу Роланда, и желаніе его исполнилось.

Звѣзды ярко сіяли въ небѣ, освѣщая ихъ возвратный путь. Имъ удалось заглянуть въ таинственную первобытную силу природы.

Эрихъ, подъ вліяніемъ возбужденной фантазіи, пытался изобразить передъ Роландомъ ощущенія, какія долженъ былъ испытывать странствовавшій въ пустынѣ народъ подъ вечеръ того дня, когда ему въ громѣ и молніи на вершинѣ Синая явилось Божество. Эти тысячи людей безъ сомнѣнія смотрѣли на міръ, какъ будто онъ былъ вновь созданъ.

Эрихъ самъ не вполнѣ сознавалъ, о чемъ онъ говорилъ во время этой вечерней поѣздки подъ усѣяннымъ звѣздами небомъ. Но какъ онъ, такъ и мальчикъ, были оба проникнуты чувствомъ невыразимаго благоговѣнія. По возвращеніи на виллу, ни тотъ ни другой не хотѣли болѣе говорить и скоро пожелали одинъ другому спокойной ночи. Но Эрихъ еще долго не могъ заснуть. Свѣтъ, горящій въ душѣ человѣка, думалъ онъ, не есть ли тоже своего рода электрическая искра, которая сверкаетъ и рвется наружу, слагаясь въ намѣренія и поступки? Пока въ небѣ спокойно и гроза далеко, мы свободно, по произволу заставляемъ эту искру гулять по туго-натянутой проволокѣ. Но зашумятъ вокругъ насъ вѣчныя, непоборимыя стихіи — человѣческое слово становится безсильнымъ, и искры сами собой начинаютъ сновать туда и сюда вдоль проволоки. Хаосъ говоритъ о необъятномъ.

«Настанетъ время — думалъ Эрихъ — и я утрачу свое вліяніе надъ духомъ тщательно взлелѣяннаго мною воспитанника. На него вдругъ со всѣхъ сторонъ устремятся свободно гуляющія въ мірѣ первобытныя силы.... — что тогда? Никого нельзя на всю жизнь застраховать отъ вліянія внѣшнихъ силъ, а потому достаточно для насъ — спокойно и строго исполнять обязанности каждаго дня».

Б. Ауэрбахъ.

(Окончаніе пятой книги слѣдуетъ.)

ЭПИДЕМІЯ ПЬЯНСТВА

И

БОРЬБА СЪ НЕЮ ВЪ АМЕРИКѢ И ВЪ ЕВРОПѢ.

De l'abus des boissons enivrantes. Renseignements déposés à la Chambre des Représentants, par M. Frère-Orban, ministre des finances. Bruxelles, 1868.

Вопросъ о тѣхъ условіяхъ законодательства, которыя могутъ входить элементами въ увеличеніе потребленія опьяняющихъ напитковъ въ странѣ, или благопріятствовать ненормальному, неправильному распредѣленію потребляемаго количества—результатомъ чего является такъ-называемое «безобразное пьянство»—возбуждается не у насъ впервые.

Весьма кстати именно теперь, когда вниманіе нашего общества и правительства обращено на этотъ предметъ, познакомиться въ краткихъ чертахъ съ исторіею отношенія общества и законодательной власти въ разныхъ странахъ къ этому вопросу. Чтобы представить такую картину, мы воспользуемся послѣдними по времени данными, которыя представлены въ этомъ отношеніи въ Западной Европѣ оффиціальнымъ путемъ, именно свѣдѣніями, сообщенными бельгійской палатѣ въ минувшемъ году министромъ финансовъ.

Въ этомъ blue-book приведены справки о томъ, что̀ было сдѣлано для противодѣйствія пьянства въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ общественное вниманіе было наиболѣе обращено на этотъ вопросъ. Какъ справочныя свѣдѣнія, они и намъ годятся,

особенно въ настоящій моментъ, когда въ общественномъ мнѣніи возникли опасенія на счетъ условій нынѣшней акцизной системы, и когда правительство приступило къ спеціальному изученію этого дѣла.

На улицѣ, въ собраніяхъ, пьянство поражаетъ насъ только однимъ внѣшнимъ безобразіемъ, опасностью, какою оно иногда грозитъ намъ лично; мы не въ состояніи еще, по отдѣльнымъ примѣрамъ, судить объ объемѣ народнаго бѣдствія, которое влечетъ за собою винная эпидемія. Мы пришли бы въ настоящій ужасъ отъ пьянства, если бы обратились къ статистическимъ наблюденіямъ и познакомились съ ихъ результатами.

По свѣдѣніямъ бельгійской книги, изъ статистическихъ данныхъ собранныхъ въ Англіи, оказывается, что пьянству принадлежитъ слѣдующее грозное участіе въ бѣдствіяхъ человѣчества: 0,9 пауперизма порождены имъ; 0,75 часть числа преступленій происходятъ отъ него; 0,5 болѣзней имъ причиняются; 0,33 часть случаевъ помѣшательства относится къ злоупотребленію спиртныхъ напитковъ; отъ пьянства же происходитъ: 0,33 самоубійствъ, 0,75 развращенія малолѣтныхъ и несовершеннолѣтныхъ, и 0,33 крушеній судовъ [1]).

Нѣкоторые медики причисляютъ алькоголь прямо къ ядамъ. Во всякомъ случаѣ, большинство согласно въ томъ, что постоянное употребленіе спиртныхъ напитковъ не только несообразно съ діэтою, въ какомъ бы то ни было климатѣ, но положительно— вредно. Въ «Temperance Magazine», за февраль 1834 года, явилось объявленіе, подписанное двумя тысячами медиковъ англійскихъ и американскихъ, которые объявляли, что употребленіе крѣпкихъ напитковъ *никогда не бываетъ полезно* для здоровыхъ, а между тѣмъ часто причиняетъ болѣзни и даже смерть. Извѣстно, что всѣ эпидеміи дѣйствуютъ гораздо сильнѣе именно на людей, употребляющихъ спиртные напитки. Вотъ, между прочимъ, фактъ, свидѣтельствующій объ этомъ: во время первой холеры въ Альбани (штатъ Нью-Йоркъ), на населеніе въ 26 тысячъ душъ, умерло 336 чел. и въ томъ числѣ только *двое* членовъ мѣстнаго общества трезвости, состоявшаго изъ 5000 членовъ.

Пасторъ Бэтхеръ, на франкфуртскомъ конгрессѣ 1857 года упомянулъ объ объявленіи 12-ти тысячъ нѣмецкихъ врачей, что алькогольные напитки вовсе не имѣютъ тѣхъ полезныхъ качествъ,

---

[1]) Любопытенъ фактъ, выясненный многоразличными наблюденіями, что очень значительная часть крушеній на морѣ зависитъ просто отъ пьянства экипажей, вслѣдствіе чего американскія общества страхованія дѣлаютъ большую сбавку въ страховой преміи для тѣхъ судовъ, на которыхъ спиртныхъ напитковъ нѣтъ.

которые имъ приписываются предразсудкомъ, что рабочіе люди могутъ не употреблять ихъ вовсе, безъ малѣйшаго для себя неудобства, и что ежедневное употребленіе ихъ влечетъ за собою послѣдствія бѣдственныя и въ нравственномъ, и въ гигіеническомъ смыслѣ.

Всѣ статистики согласны въ томъ, что пьянство играетъ едва ли не главную роль въ нищетѣ, обращенной въ хроническое и даже наслѣдственное состояніе, то-есть въ пауперизмѣ.

Вліяніе пьянства на преступленія всякаго рода не подлежитъ сомнѣнію. Проповѣди знаменитаго патера Мэтью въ Ирландіи уменьшили употребленіе спиртныхъ напитковъ на половину. Вотъ цифры важныхъ преступленій, которыя соотвѣтствовали въ Ирландіи пятилѣтнему періоду *до* проповѣдей Мэтью, и пятилѣтнему періоду *послѣ* нихъ: 64,520 — за первый періодъ, съ 59 казнями по нимъ; 47,027 — за второй періодъ, съ 21 казнью.

Вопросъ о пьянствѣ подалъ нашей прессѣ разныхъ оттѣнковъ поводъ къ агитаціи различной, смотря по цѣли, и сходной, смотря по пріемамъ; но вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ нигдѣ сообразно съ требованіями дѣйствительности, доколѣ его будутъ ставить на почвѣ политической и смотрѣть на него сквозь призму политическихъ убѣжденій и цѣлей. Только на почвѣ безпристрастно-экономической, вопросъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ съ пользою.

Одно правительство, конечно, могло посмотрѣть на вопросъ именно только такъ, развѣ быть можетъ съ примѣсью нѣкоторыхъ воззрѣній чисто-камеральныхъ, которыя не могутъ не интересовать его, такъ какъ доходъ съ употребленія спиртныхъ напитковъ у насъ есть главный доходъ государственнаго казначейства, что̀ и составляетъ отличительную черту нашей системы доходовъ передъ европейскими.

Но обратимся къ опыту другихъ странъ, и посмотримъ, какова была тамъ сила этой эпидеміи и къ какимъ результатамъ приводили разнообразныя мѣры, предпринимаемыя противъ нея.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія развитіе пьянства обратило на себя серьезное вниманіе общественнаго мнѣнія. Въ 1813 году, въ Бостонѣ основалось первое общество трезвости, подъ названіемъ «Массачусетскаго общества». Оно предположило себѣ цѣлью не искорененіе привычки къ спиртнымъ напиткамъ, а только отвращеніе злоупотребленія въ этомъ смыслѣ, ограниченіе пьянства, установленіе

умѣреннаго потребленія крѣпкихъ напитковъ. Къ этой цѣли оно стремилось посредствомъ раздачи брошюръ, трактовавшихъ о вредѣ пьянства. Общество это, хотя современемъ и распространило свою пропаганду въ странѣ, однако замѣтнаго вліянія на нравы не произвело. Въ 1826 году, образовалось новое общество трезвости — «American Temperance Society», которое въ основу своей пропаганды положило мысль о *совершенномъ* воздержаніи отъ спиртныхъ напитковъ. Общество это стало устраивать митинги, учреждать мѣстныя ассоціяціи, разсылать особыхъ агентовъ для вербовки членовъ по странѣ. Члены его, при вступленіи, принимали обязательство совсѣмъ не употреблять спиртныхъ напитковъ, за исключеніемъ только одного дня въ году, именно праздника національной независимости, 4 іюля. Эта пропаганда произвела значительные результаты.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ за 1828 годъ, спиртныхъ напитковъ потреблялось въ Соединенныхъ-Штатахъ, втеченіи года около 72 милліоновъ галлоновъ [1]), что́, по тогдашней цифрѣ населенія въ 16 милліоновъ душъ, даетъ 6 галлоновъ на душу (27 литровъ); а если исключить женщинъ и малолѣтныхъ, т. е. $^2/_3$ населенія, то оказывается ежегодно потребляемое количество спиртныхъ напитковъ на каждаго мущину около 81 литровъ на человѣка.

«American Temperance Society», втеченіи четырехъ первыхъ лѣтъ существованія, т. е. въ 1830 г., пріобрѣло въ 13 штатахъ около 200 тысячъ членовъ, составлявшихъ 1605 мѣстныхъ комитетовъ или ассоціяцій трезвости. Сбытъ спиртныхъ напитковъ замѣтно уменьшался и, по свѣдѣніямъ отчетовъ самого общества, болѣе 500 водочныхъ заводчиковъ и винныхъ торговцовъ прекратили свою дѣятельность. Въ числѣ членовъ общества ровно 10% отказались совершенно отъ употребленія даже какихъ бы то ни было опьяняющихъ напитковъ.

Чтобы показать размѣры пропаганды «Американскаго общества» — приводится, что на собраніе его, бывшее въ Филадельфіи, въ 1834 году, явилось болѣе *четырехъ тысячъ* уполномоченныхъ отъ ассоціяцій трезвости, учрежденныхъ въ 21 штатѣ Союза. Общество нашло дѣятельную поддержку въ духовенствѣ: пасторы болѣе 6000 церквей объявили всенародно, что «торговля спиртными напитками нравственно-преступна.» Пропаганда «Американскаго общества» приняла размѣры національнаго дѣла, и тысячи обществъ ежегодно праздновали церковными об-

---

[1]) 1 ведро = 2,7070 галлоновъ = 0,1230 гектолитра.

рядами «освобожденіе свое отъ пьянства», наравнѣ съ освобожденіемъ отъ политическаго ига Великобританіи.

Правительство также приняло участіе въ этомъ дѣлѣ. Оно начало съ замѣны винной порціи, полагавшейся матросамъ, денежною выдачею (6 центовъ [1]) въ день), вслучаѣ согласія людей; эта мѣра имѣла успѣхъ; такъ на американской эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ, изъ 1000 матросовъ, 819 отказались отъ грога. Въ томъ же (1832) году, военное министерство отмѣнило выдачу чарки вина, не назначая и денежнаго вознагражденія за нее, и строго воспретило ввозъ водки въ мѣста военнаго расположенія войскъ. Прежнюю законную чарку водки военное начальство замѣнило въ войскахъ порціею кофе и сахара [2]).

Мало того, президентъ Союза, генералъ Джексонъ, въ 1834 году, счелъ нужнымъ сдѣлать торжественное заявленіе въ смыслѣ возникшей въ народѣ агитаціи. Онъ соединился съ двумя своими предшественниками по должности, Мадисономъ и Адамсомъ, и втроемъ они обнародовали слѣдующее заявленіе: «Наблюденіе и опытъ, равно и показаніе просвѣщеннѣйшихъ врачей убѣждаютъ насъ, что употребленіе крѣпкихъ напитковъ не только не полезно, но положительно вредно, и что уничтоженіе вредной привычки къ нему должно несомнѣнно содѣйствовать здоровью, нравственности и благосостоянію общества; вслѣдствіе того, почитаемъ долгомъ выразить твердое убѣжденіе наше, что граждане Соединенныхъ-Штатовъ, въ особенности же молодые люди, отказавшись отъ употребленія такихъ напитковъ, тѣмъ самымъ сдѣлали бы много, какъ для собственнаго благополучія, такъ и для блага своего отечества и всего свѣта.»

Промышленныя компаніи приняли также участіе въ агитаціи въ пользу трезвости, воспрещая продажу и употребленіе спиртныхъ напитковъ въ районахъ своихъ заведеній.

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, пропаганда въ короткое время имѣла такой успѣхъ, что средняя годовая цифра потребленія спиртныхъ напитковъ, съ 1828 года къ началу сороковыхъ годовъ уменьшилась на цѣлыя двѣ трети.

Когда общественная пропаганда оказала такіе результаты, то въ нѣсколькихъ штатахъ возникло стремленіе облечь ее въ форму законодательную, поддержать трезвость законами.

Въ 1837 году, законодательное собраніе штата Массачусетса приняло законъ, воспрещающій продажу спиртныхъ напитковъ по воскресеньямъ, а въ 1838 году, воспретило вовсе продавать

---

[1]) Долларъ = 100 центовъ = 1 р. 25 к.

[2]) По 8 фунтовъ сахара и по 4 фунта кофе, на сто порцій.

такіе напитки въ количествахъ меньшихъ 15 галлоновъ въ одинъ разъ. Эта мѣра имѣла непосредственнымъ послѣдствіемъ немедленное, одновременное закрытіе всѣхъ кабаковъ въ штатѣ Массачусетсѣ. Подобная же мѣра была принята впослѣдствіи штатомъ Теннесси.

Но горячіе приверженцы агитаціи въ пользу трезвости не удовлетворялись и этими косвенными, хотя весьма существенными законодательными мѣрами предупрежденія. Они требовали рѣшительнаго и безусловнаго запрещенія выдѣлки и продажи спиртныхъ напитковъ. Въ 1851 году, законодательное собраніе штата Мэна установило, наконецъ, такой радикальный законъ. Мы приведемъ главныя его постановленія по тому значенію, какой пріобрѣлъ примѣръ штата Мэнъ не только въ Соединенныхъ-Штатахъ, но и въ Англіи, гдѣ есть партія стремящихся къ введенію такого же радикальнаго предупрежденія пьянства.

Вотъ содержаніе мэнскаго закона: 1) фабрикація, продажа и поставка опьяняющихъ напитковъ воспрещается, за исключеніемъ спеціальнаго назначенія на цѣли лекарственныя, ученыя или церковныя; 2) для продажи алькогольныхъ жидкостей съ такою спеціальною цѣлью можетъ быть допускаемъ въ каждомъ городѣ только одинъ агентъ, которому притомъ воспрещается содержать какое-либо увеселительное заведеніе. Этотъ агентъ получаетъ опредѣленное жалованье, назначается городскимъ управленіемъ и сборъ отъ продажи вноситъ въ городскую казну, съ него требуется залогъ въ 600 долларовъ; 3) всякая незаконная продажа опьяняющихъ напитковъ наказывается штрафомъ въ 10 долларовъ или заключеніемъ до внесенія штрафа. За вторичное нарушеніе закона штрафъ удвоивается, а за послѣдующія — кромѣ платежа 20 долларовъ, виновный подвергается еще заключенію на 3—6 мѣсяцевъ; 4) выдѣлка спиртныхъ напитковъ наказывается штрафомъ въ 100 долларовъ или двухмѣсячнымъ заключеніемъ; за вторичное нарушеніе закона въ этомъ отношеніи—штрафъ двойной или четырехмѣсячное заключеніе; въ послѣдующіе разы 200 долларовъ штрафу съ заключеніемъ на 4 мѣсяца; 5) властямъ предоставляется право дѣлать обыски въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ онѣ подозрѣваютъ присутствіе этихъ напитковъ, при чемъ всякое количество ихъ, оказавшееся на лицо и не оправданное относительно законности пріобрѣтенія его, немедленно секвеструется и подвергается уничтоженію; 6) всякія обязательства по продажѣ незаконныхъ напитковъ признаются ничтожными; 7) лица, найденныя въ состояніи опьяненія, арестуются и подвергаются задержанію до тѣхъ поръ, пока не покажутъ, откуда ими полученъ былъ опьяняющій напитокъ.

Главная заслуга въ установленіи этого закона принадлежала портлендскому мэру Нилю Доу (Neal Dow). Законъ этотъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Maine liquor Law, былъ примѣненъ въ первый разъ, въ смыслѣ карательномъ, 4-го іюля 1852 года, въ день празднованія національной независимости, захватомъ и уничтоженіемъ спиртныхъ напитковъ въ Бангорѣ. Подъ дѣйствіемъ этого закона, гражданамъ, желающимъ продолжать употребленіе спиртныхъ напитковъ, остается только два средства: покупать ихъ оптомъ внѣ предѣловъ штата или приготовлять ихъ дома.

Въ лѣтописи законодательныхъ усилій противъ пьянства, мэнскому закону принадлежитъ по справедливости самое почетное мѣсто. Послѣ 1851 года, акты прямо скопированные съ него или подобные ему установлены въ слѣдующихъ штатахъ Сѣвероамериканскаго Союза: Родъ-Эйлендѣ, Массачусетсѣ, Вѣрмонтѣ, Мичиганѣ, Коннектикотѣ, Дилауорѣ, Айовѣ и Нью-Гампширѣ. Но и внѣ территоріи Союза отразились дѣйствія мэнскаго закона. Въ англійской Америкѣ возникла сильная агитація въ пользу введенія этой мѣры, и въ Новомъ-Брауншвейгѣ она была уже установлена, но отмѣнена, однако полагаютъ, что будетъ возстановлена; въ Канадѣ предложеніе ввесть мэнскій законъ было отвергнуто въ парламентѣ, въ 1856 году, большинствомъ только 4-хъ голосовъ. На Сандвичевыхъ островахъ и на Мадагаскарѣ безусловное запрещеніе спиртныхъ напитковъ внесено въ конституціи. Подобный законъ былъ введенъ и въ республикѣ Либеріи, но продержался недолго. Въ австралійскихъ рудникахъ, англійское правительство ввело въ дѣйствіе мэнскій законъ. Наконецъ, въ самой Великобританіи и Ирландіи, какъ увидимъ дальше, существуетъ агитація въ пользу введенія этого закона.

Однако въ самомъ штатѣ Мэнѣ законъ этотъ удержался не безъ сильнаго сопротивленія. Самъ Доу, послѣ вторичнаго избранія своего въ должность мэра въ Портлендѣ, былъ оклеветанъ въ спекуляціи на спиртные напитки, подъ предлогомъ закупки ихъ для снабженія спеціальныхъ агентовъ, о которыхъ сказано выше. Судъ оправдалъ Доу. Но толпа, собравшаяся при этомъ случаѣ передъ городскою ратушею, произвела безпорядки, съ цѣлью захватить спиртные напитки, сложенные въ домѣ ратуши. Милиціи пришлось употребить оружіе. По этому поводу было опять слѣдствіе и затѣмъ новый судъ надъ Доу; результатомъ всего было вторичное его оправданіе. Законъ его былъ отмѣненъ въ 1856 году, но въ 1858 году возстановленъ.

Мэнскій законъ въ нѣкоторыхъ штатахъ былъ введенъ, но не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ судебныя власти при-

знали его неконституціоннымъ, потому что для проведенія его не обращались ко всенародному голосованію или не были соблюдены законныя формальности. Такъ было въ территоріи Миннесотѣ, въ штатахъ Индіянѣ, Нью-Йоркѣ, Иллинойсѣ.

Въ штатѣ Нью-Йоркѣ установленъ, въ 1857 году, новый законъ трезвости, послѣ отмѣны здѣсь мэнскаго закона. Продажа спиртныхъ напитковъ дозволена, но съ разными ограниченіями и подъ контролемъ. Выдача патентовъ (билетовъ на право продажи) зависитъ отъ особаго акцизнаго комитета; цѣна патентовъ различна: 30—100 долларовъ въ селеніяхъ и мѣстечкахъ, 50—300 долл. въ городахъ. Патентъ можетъ быть выданъ одному лицу только на одно заведеніе. Законъ запрещаетъ, подъ опасеніемъ штрафовъ, продавать горячительные напитки несовершеннолѣтнымъ (моложе 18 л.), слугамъ, индіянцамъ, наконецъ пьянымъ. Достаточно одной жалобы жены на мужа или мужа на жену относительно пьянства, чтобы судья огласилъ имя обвиненнаго, съ запрещеніемъ кабатчикамъ продавать обвиненному напитки втеченіи шести мѣсяцевъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 50 долларовъ. Управленія желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и всякаго судоходства обязаны не терпѣть въ своей службѣ людей, предающихся пьянству, и отвѣчаютъ за всѣ послѣдствія пьянства своихъ служащихъ. Этотъ законъ, введенный въ нью-йоркскомъ штатѣ въ 1857 году, и нѣкоторыя измѣненія введенныя въ 1860 году, въ прежній воспретительный законъ, въ штатѣ Айовѣ, — вотъ послѣднія законодательныя мѣры принятыя противъ пьянства въ Соединенныхъ-Штатахъ.

На примѣрѣ этой страны мы остановились дольше именно потому, что употребленныя въ ней мѣры были самыя радикальныя и въ первое время, то-есть, когда онѣ исполнялись со всею строгостію, произвели замѣчательные результаты, если только вѣрить цифрамъ, какія собраны обществомъ трезвости. Но въ томъ-то и дѣло, что мѣры эти впослѣдствіи далеко не строго и не одинаково исполняются. Напр., въ большихъ городахъ штатовъ Коннектикота и Нью-Гампширѣ, мэнскій законъ, хотя и остается закономъ, но почти уже не примѣняется. Вообще же результаты, оставшіеся нынѣ отъ великой кампаніи предпринятой въ Америкѣ для истребленія пьянства, не особенно осязательны.

Вотъ оффиціальное сообщеніе по этому предмету бельгійскаго посланника въ Уашингтонѣ, отъ 17 декабря 1867 года: «Что касается результатовъ запрещенія продажи напитковъ, то мнѣнія различны, смотря по партіямъ. Демократы утверждаютъ, что запрещеніе розничной продажи только заставляетъ рабочихъ покупать спиртные напитки въ большихъ количествахъ, запасами,

и тѣмъ самымъ увеличиваетъ употребленіе ихъ во зло, потому что увеличиваетъ и приближаетъ соблазнъ. Напротивъ, республиканцы и члены общества трезвости твердятъ, что дѣло идетъ иначе. Я полагалъ, что судя безпристрастно, можно признать, что дѣйствіе этихъ мѣръ было, въ конечномъ результатѣ, ничтожно (imperceptible) и что злоупотребленіе спиртными напитками нынѣ процвѣтаетъ также, какъ и прежде». Вотъ еще выписка изъ донесенія бельгійскаго посланника, 5 января 1868 года, относительно разговора, который онъ имѣлъ по этому предмету съ однимъ республиканскимъ сенаторомъ: «Мы были безумны — сказалъ тотъ, — предпринявъ дѣйствовать тутъ законами. Законами нельзя отвратить пьянство, особенно въ странахъ сѣверныхъ. Чѣмъ больше мы дѣлали законовъ, и чѣмъ строже были законы, тѣмъ больше пили. Мы сдѣлали неловкость, и партія наша потеряла на выборахъ цѣлые штаты изъ-за этихъ безразсудныхъ и безполезныхъ законодательныхъ мѣръ».

Послѣдній изъ приведенныхъ отзывовъ, очевидно, внушенъ соображеніями или сожалѣніями относящимися не къ нравственности, а къ политикѣ. Если статистическія данныя, которыя собраны относительно примѣра Соединенныхъ-Штатовъ тамошними и англійскими обществами трезвости, не совершенно невѣрны, то изъ примѣра этого логически истекаетъ слѣдующее поученіе: дѣйствовать съ успѣхомъ противъ пьянства можно только мѣрами *радикальными*, то-есть запрещеніями выдѣлки и продажи крѣпкихъ напитковъ, неисключая и виноградныхъ винъ; но дѣйствіе этихъ мѣръ не можетъ быть прочно иначе какъ тогда, когда въ обществѣ прочно установится сознаніе громаднаго вреда отъ пьянства и безполезности для противодѣйствія ему какихъ бы то ни было предупредительныхъ *полумѣръ*, или же однихъ мѣръ преслѣдующихъ злоупотребленіе.

Обзоръ мѣръ, которыя были приняты противъ пьянства въ разныхъ странахъ Европы подтвердитъ именно этотъ выводъ: безполезность полумѣръ предупредительныхъ и одного преслѣдованія злоупотребленій.

Въ Англіи, еще революція 1688 года отмѣнила всѣ прежнія ограниченія продажи водокъ и проч. Сильное развитіе пьянства заставило, въ 1735 году, воспретить продажу спиртныхъ напитковъ въ количествѣ менѣе 10 галлоновъ за разъ и установить патентъ въ 50 фунтовъ стерл., и акцизный сборъ съ продажи въ 1 ф. съ галлона. Тогда въ огромныхъ размѣрахъ развились тайные шинки, и уже въ 1743 году постановленія были значительно смягчены, какъ напр., съ 50 ф. за патентъ на 1 фунтъ. За то положенъ былъ акцизъ на куреніе. Естественнымъ послѣд-

ствіемъ было то, что число тайныхъ шинковъ уменьшилось, но зато развилось контрабандное куреніе или незаконный перекуръ. Въ особенности въ Шотландіи и Ирландіи процвѣтало тайное куреніе, и напитки оттуда тайно провозились въ Англію.

Въ 1821 году была назначена парламентская коммиссія для изслѣдованія этихъ и подобныхъ злоупотребленій. На основаніи ея заключеній, акцизная система была преобразована для облегченія заводчиковъ. Пониженіе сбора съ выкуреннаго количества увеличило доходъ казны, и мѣра эта была, въ 1825 году, примѣнена и къ Англіи. Тогда вдругъ вмѣсто 9 милліоновъ галлоновъ законно выкуриваемыхъ въ года предшествовавшіе 1820 году, производство крѣпкихъ напитковъ составило 20 милліоновъ галлоновъ. Понятно, что это почти внезапное удвоеніе цифры вина, подлежавшаго акцизному сбору, не могло произойти отъ удвоенія потребленія, и зависѣло именно отъ громадныхъ размѣровъ прежней, незаконной выдѣлки спирта.

Въ 1828 году введена, съ цѣлью ограниченія пьянства, новая система выдачи патентовъ и правъ ими предоставляемыхъ. Но уже въ 1830 году оказалось, что пьянство продолжало развиваться и что надо было обратиться къ другимъ мѣрамъ противъ него. Тогда въ парламентѣ возникла мысль, которую впослѣдствіи стали повторять всегда, какъ только зайдетъ рѣчь о противодѣйствіи пьянству, именно—объ ограниченіи потребленія спиртныхъ напитковъ, а стало быть и пьянства, посредствомъ развитія *потребленія пива*. Основываясь на этой мысли, законъ 1830 года освободилъ портерныя и пивныя лавки отъ формальностей, связанныхъ съ пріобрѣтеніемъ патентовъ на продажу отъ судебныхъ мѣстъ (т. е. *актовымъ* порядкомъ), и разрѣшилъ имъ торговать по простымъ свидѣтельствамъ отъ акцизнаго управленія, съ платою за право розничной продажи пива всего 2 фунтовъ 2 шиллинговъ [1]).

Но опытъ послѣдующихъ лѣтъ показалъ, что законъ 1830 года, основанный на мысли о конкуренціи пива спиртнымъ напиткомъ, нисколько не остановилъ развитія пьянства. Пива стали пить больше, но спиртныхъ напитковъ продолжали потреблять также съ каждымъ годомъ больше. Число пивныхъ продажъ, втеченіи первыхъ пяти лѣтъ послѣ изданія этого закона, увеличилось на 80%; количество потребленнаго пива возрасло на 25%, а между тѣмъ число кабаковъ и потребленіе спиртныхъ напит-

---

[1]) Пошлина эта была возвышена сперва въ 1834 г., потомъ въ 1840 г., до 6½ фунт. стерл.

ковъ продолжали увеличиваться по мѣрѣ увеличенія населенія [1]). Результатъ опыта, произведеннаго въ этомъ отношеніи въ Англіи, въ нашей книгѣ формулируется такъ: «Съ облегченіемъ потребленія пива, его будутъ пить больше, но водки станутъ пить не меньше прежняго».

Не смотря на то, что впослѣдствіи коммиссіи, назначенныя для изслѣдованія этого вопроса въ обѣихъ палатахъ парламента, осудили самый принципъ закона 1830 года, однако онъ не отмѣненъ до сихъ поръ, именно потому, что тому препятствуютъ интересы сильно развившагося подъ его вліяніемъ пивоваренія.

Парламентская коммиссія, назначенная въ 1834 году для изслѣдованія вопроса о пьянствѣ, представила пространный докладъ, предлагающій нѣкоторыя частныя мѣры относительно ограниченія производства, ввоза и продажи спиртныхъ напитковъ, и постановляющій принципъ, что пьянство есть зло общественное, а потому законодательная власть должна принимать противъ него мѣры. (Дѣло въ томъ, что въ Англіи и Бельгіи многіе держатся мнѣнія, что власть не имѣетъ права вмѣшиваться въ частное поведеніе или нравственность гражданъ). Но докладъ этотъ остался безъ послѣдствій, исключая установленнаго чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого изслѣдованія, собственно въ одномъ Лондонѣ запрещенія открывать питейныя заведенія по воскресеньямъ ранѣе часа пополудни, и продавать водку дѣтямъ и молодымъ людямъ примѣрно моложе 16 лѣтъ.

Новое изслѣдованіе вопроса о питейныхъ заведеніяхъ было сдѣлано по порученію парламента въ 1854 году. Цѣль этого изслѣдованія была не столько нравственная, сколько фискальная. По вопросу собственно о пьянствѣ, мы находимъ въ докладѣ коммиссіи, между прочимъ, слѣдующія положенія: система поощренія отдѣльныхъ пивныхъ продажъ не достигла своей цѣли; слѣдуетъ возвысить цѣну патентовъ; большое число питейныхъ заведеній, распространяя соблазнъ, содѣйствуетъ увеличенію пьянства; пьютъ всего больше въ субботу вечеромъ и въ воскресенье, въ тѣ часы, когда питейныя заведенія открыты».

На основаніи этого послѣдняго указанія, въ 1854 году утвержденъ былъ законъ, извѣстный подъ именемъ Wilson Pat-

[1]) За пятилѣтній періодъ до 1830 года, среднія годовыя цифры были: смѣшанныхъ продажъ (пива и водокъ) около 50 тысячъ; водочныхъ продажъ 43 тысячи; количества, объявленнаго заводами для варки: солода слишкомъ 27 милл. бушелей, водки болѣе $6^1/_2$ милл. галлоновъ. За пятилѣтній періодъ послѣ 1830 года, соотвѣтствующія цифры были: смѣшанныхъ продажъ 53 т., однѣхъ пивныхъ (beershops) 35 т., водочныхъ—болѣе $47^1/_2$ т. Объявленное количество солода слишкомъ $33^1/_2$ милл. бушелей, водки почти $7^1/_2$ милліоновъ галлоновъ.

ten's Act, которымъ, вдобавокъ къ запрещенію открывать кабаки утромъ по воскресеньямъ, въ Лондонѣ, запрещеніе это распространено было еще на время $2\frac{1}{2}$—6 часовъ по полудни и послѣ 10 вечера — по воскресеньямъ. Но эта мѣра вызвала сильное неудовольствіе въ рабочемъ населеніи Лондона, и вслѣдствіе новаго, подробнѣйшаго изслѣдованія законъ Вильсона Паттена былъ замѣненъ въ 1855 году закономъ Бэркли (Berkeley's beer Act), которымъ предписывается, что распивочныя продажи запираются по праздникамъ и воскресеньямъ только 3—5 часовъ по полудни и послѣ 11 часовъ вечера. Этотъ законъ и дѣйствуетъ до сихъ поръ.

Выше уже было сказано, что въ Англіи есть агитація въ пользу введенія радикальнѣйшей мѣры противъ пьянства, именно мэнскаго закона, совсѣмъ запрещающаго розничную продажу и приготовленіе спиртныхъ напитковъ. Въ Великобританіи и Ирландіи не мало обществъ основанныхъ съ цѣлью противодѣйствовать пьянству. Самое значительное изъ нихъ—мэнчестерское Alliance of the United Kingdom, учрежденное въ 1853 году. Вотъ цѣль и средства, какія имѣетъ въ виду это, могущественное по числу членовъ, общество: «требуется не актъ о немедленномъ и повсемѣстномъ воспрещеніи во всемъ королевствѣ торговли опьяняющими напитками, а предоставленіе общественному мнѣнію рѣшать этотъ вопросъ; такъ чтобы такой законъ не вступалъ въ силу въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не захотятъ имъ пользоваться, а получалъ силу только послѣ утвердительнаго рѣшенія большинства.»

Совѣтъ общества составилъ проектъ билля, въ которомъ установляется, что сословію платящихъ подати въ городахъ, мѣстечкахъ, приходахъ и пригородныхъ округахъ предоставляется право воспрещать продажу опьяняющихъ напитковъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе просьбы какого-нибудь округа, лица принадлежащія въ немъ къ сословію платящихъ подати призываются къ подачѣ голосовъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли примѣнить къ этой мѣстности постановленія акта, при чемъ для рѣшенія утвердительнаго требуется minimum $\frac{2}{3}$ голосовъ. Когда такое рѣшеніе состоялось, то въ округѣ продажа опьяняющихъ напитковъ для обыкновеннаго вида потребленія совсѣмъ запрещается, а судьямъ предоставляется назначить спеціальнаго агента для продажи спиртныхъ напитковъ для особыхъ цѣлей. Однимъ словомъ—постановленія мэнскаго закона.

Мэнчестерское Alliance черезъ три года по основаніи имѣло уже болѣе 30 тысячъ платящихъ членовъ и ежегодный балансъ его превосходилъ 50 т. рублей. Теперь членовъ (подписчиковъ)—

70 тысячъ, и ежегодный доходъ—около 80 тысячъ рублей. Оно устраиваетъ митинги и публичныя чтенія, издаетъ журналъ «The Alliance Weekly News» и множество брошюръ. Впрочемъ, до сихъ поръ, вліяніе этого общества на законодательную власть выразилось только въ многократномъ возбужденіи въ парламентѣ вопроса о противодѣйствіи пьянству.

Въ Шотландіи, эдинбургскому обществу трезвости удалось провесть законодательную мѣру, такъ-называемый Forbes'-Mackenzie Act, въ 1853 году, возстановившій одинъ изъ древнихъ шотландскихъ законовъ. Этотъ актъ, сверхъ обыкновенныхъ ограничительныхъ мѣръ, принимаемыхъ относительно питейныхъ заведеній, какъ-то запрещенія продавать вмѣстѣ пиво и водку, держать водку въ мелочныхъ лавкахъ, обязательности патента, штрафовъ за допущеніе безпорядковъ и т. д.,—запрещаетъ открывать кабаки втеченіи всего воскресенья. Въ Шотландіи держатся мнѣнія, что послѣдствіемъ этого акта было значительное уменьшеніе пьянства. Этотъ актъ съ измѣненіями, какія въ немъ были произведены въ 1862 году, дѣйствуетъ до сихъ поръ. Изъ числа этихъ измѣненій упомянемъ постановленіе, которымъ лица, встрѣченныя въ состояніи такого опьяненія, что они не могутъ заботиться сами о себѣ, по задержаніи полиціею, призываются въ мировой судъ и по доказанію такого ихъ состоянія, приговариваются къ уплатѣ 5 шиллинговъ или заключенію на время до однихъ сутокъ.

При помощи этихъ законовъ, которые исполняются очень строго, а главное—при помощи многочисленныхъ обществъ трезвости и развитія образованія въ шотландскомъ народѣ, противодѣйствіе пьянству въ Шотландіи вообще идетъ успѣшно.

Какъ въ Шотландіи, какъ и въ Ирландіи, въ прежнее время было сильно развито тайное куреніе спирта. Оно уменьшилось вслѣдствіе пониженія акцизныхъ пошлинъ въ двадцатыхъ годахъ.

Въ Ирландіи общества трезвости возникли также въ двадцатыхъ годахъ. Но пьянство не уменьшилось, ни вслѣдствіе ихъ усилій, ни вслѣдствіе указанныхъ выше общихъ законодательныхъ мѣръ для обоихъ королевствъ, напротивъ того, оно увеличивалось. Такъ, потребленіе спиртныхъ напитковъ, составлявшее послѣ уменьшенія акцизныхъ пошлинъ въ двадцатыхъ годахъ до 9 милл. галлоновъ въ годъ, въ 1839 году дошло до 11—12 милл. галлоновъ.

Тогда-то за дѣло противодѣйствія пьянству взялся краснорѣчивый проповѣдникъ, патеръ Мэтью. Онъ представилъ невиданный нигдѣ доселѣ примѣръ огромнаго вліянія слова одного человѣка на исправленіе народа. Проповѣдническая дѣятельность патера Мэтью продолжалась 1839—1845 гг., и результатомъ ея

было то, что потребленіе спиртныхъ напитковъ *уменьшилось на половину;* съ 11—12 милл. галлоновъ оно упало до 5—6 милл. галлоновъ, и держалось на этой цифрѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Примѣръ патера Мэтью, также какъ примѣръ духовныхъ лицъ въ Сѣверной Америкѣ, только еще болѣе краснорѣчиво доказываетъ, какъ много пользы могутъ принесть для обузданія наиболѣе сильнаго въ народѣ порока просвѣщенныя и энергическія усилія духовенства [1]). Правда, не вездѣ можно ожидать такихъ непосредственныхъ и блестящихъ результатовъ, какихъ достигъ патеръ Мэтью («апостолъ трезвости», какъ его называли) въ Ирландіи. Это зависитъ и отъ большого вліянія духовенства на ирландцевъ и отъ пламеннаго характера ирландскаго народа. Но хотя бы результаты и не были такъ блестящи, они все-таки могутъ быть весьма существенны вездѣ, гдѣ только духовенство съумѣетъ взяться за это дѣло, и само не заражено этимъ порокомъ.

Что уменьшеніе пьянства въ Ирландіи, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, на половину, въ сравненіи съ прежнимъ, зависѣло непосредственно отъ вдохновеннаго слова проповѣдника доказывается и тѣмъ фактомъ, что какъ только онъ пересталъ проповѣдывать, количество потребляемыхъ ежегодно спиртныхъ напитковъ тотчасъ возрасло до 7 милл. галлоновъ и оставалось на этой цифрѣ въ теченіи 1847, 1848 и до 1849 года, когда бѣдственные неурожаи и громадные размѣры эмиграціи уменьшили населеніе Ирландіи на цѣлую четверть.

Однакоже дѣйствіе проповѣдей Мэтью все-таки не совсѣмъ изгладилось. Послѣ нихъ, потребленіе спиртныхъ напитковъ въ Ирландіи уже ни разу не превышало средней годовой цифры по 1 галлону на 1 жителя, между тѣмъ, какъ прежде она была выше $1^1/_2$ галлона на человѣка. Правда, акцизная пошлина возвышена съ тѣхъ поръ: въ 1839 году, она была въ Ирландіи 2 шиллинга 4 пенса съ галлона, а теперь одинакова съ положенною въ Англіи, именно 10 шилл. съ галлона, но полагаютъ, что тайное куреніе, при нынѣшней бдительности и строгости, слишкомъ незначительно, чтобы дѣйствительное количество потребляемыхъ въ Ирландіи спиртныхъ напитковъ могло бы сколько-нибудь значительно превышать 1 галлонъ на человѣка, въ годъ. Мѣры противъ пьянства, установленныя въ Ирландіи, именно:

---

[1]) Изъ недавно напечатаннаго отчета г. оберъ-прокурора синода за 1867 годъ, видно, что духовное начальство предписало сельскому духовенству дѣйствовать съ особымъ прилежаніемъ пастырскою проповѣдью противъ пьянства. Надобно думать, что эта проповѣдь найдетъ себѣ сильную поддержку въ собственномъ примѣрѣ.

задержаніе пьяныхъ и штрафованіе ихъ 5-ю шиллингами примѣняются строго.

Изъ статистическихъ данныхъ о потребленіи спиртныхъ напитковъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи съ 1740 года до 1866 года обнаруживается любопытный фактъ: десять лѣтъ тому назадъ, потребленіе этихъ напитковъ, по сравненію съ числомъ населенія, было почти равно тому, какое показано за сто лѣтъ, именно: въ періодъ 1740—1749 г. приходилось по 0,809 галлона на душу, а въ 1857—1859 годахъ—0,804. Съ 1860 года количество, объявляемое заводчиками, уменьшилось вслѣдствіе допущенія спиртныхъ напитковъ привозныхъ, по пошлинѣ уравнительной съ внутреннею акцизною. Въ періодъ 1864—1866 г. отношеніе между количествомъ объявленнымъ заводчиками и числомъ населенія выражалось цифрою — 0,686 галлона на душу.

Во Франціи, потребленіе спиртныхъ напитковъ всегда было гораздо менѣе значительно; въ настоящее время его исчисляютъ въ 600—700 т. гектолитровъ въ годъ, т. е. примѣрно по 2 литра (около $1^1/_2$ штофа) на человѣка. Но это еще не даетъ цифры хмѣльного потребленія, такъ какъ во Франціи тутъ важную роль играетъ вино. Злоупотребленіе же собственно спиртными напитками развито во Франціи только въ большихъ городахъ, мануфактурныхъ центрахъ, въ Альзасѣ и на сѣверѣ. Такъ, въ Парижѣ среднее потребленіе спиртныхъ напитковъ — 5 литровъ на человѣка. Въ Сѣверномъ департаментѣ пьянство вообще развито, въ особенности въ мануфактурныхъ городахъ. Префектъ Сѣвернаго департамента отзывается, что въ Лиллѣ рабочіе нерѣдко работаютъ только три дня въ недѣлю, а остальные четыре дня проводятъ въ кабакѣ. Относительно Альзаса, вотъ что говоритъ г. Нейреманъ, президентъ альткирхскаго суда (Haut-Rhin): «Пьянство особенно процвѣтаетъ въ Альзасѣ, провинціи нѣкогда бывшей нѣмецкою и сохранившею до сихъ поръ въ этомъ только отношеніи извѣстные привычки своего прежняго отечества [1]); о ней можно сказать, какъ и объ Англіи, что пьянство — ея злой геній».

Законодательныя мѣры противъ пьянства начались во Франціи чуть не со временъ Карла Великаго. Нынѣшнее положеніе опредѣлено декретомъ 23 декабря 1851 года. Въ силу этого декрета, кажется, кабаки и всѣ распивочныя заведенія подчинены административной власти и могутъ быть открываемы не иначе, какъ по испрошеніи разрѣшенія; за открытіе питейнаго

[1]) Boire comme un allemand — старая французская поговорка; но столь же употребительны были и boire comme un anglais, boire comme un suisse.

заведенія безъ предварительнаго разрѣшенія, виновные подвергаются 25—50 франкамъ штрафа и аресту отъ 6 дней до 6 мѣсяцевъ, съ закрытіемъ самаго заведенія. Впрочемъ, префекту дана власть во всякое время закрывать питейныя заведенія (débits de boissons).

Цѣлью этого декрета—какъ и всѣхъ декретовъ 1851 года—было охраненіе не столько нравственности, сколько общественной безопасности. Косвеннымъ образомъ, онъ могъ способствовать однако и уменьшенію пьянства, ограничивая число кабаковъ.

По показанію префекта Сѣвернаго департамента (1859 г.), дѣйствіе декрета 1851 года было благодѣтельно для общественнаго спокойствія. Число питейныхъ заведеній съ 17.860 (въ департаментѣ) пало до 14,371 — т. е. закрыто 3,481. «Но привычка къ невоздержности уменьшилась немного», прибавляетъ префектъ. По показанію префекта Соммы (1859 г.), въ этомъ департаментѣ, вслѣдствіе декрета 1851 года, число кабаковъ съ 931 упало до 806 (замѣчателенъ фактъ, что стало быть въ департаментѣ Соммы кабаковъ вчетверо меньше, чѣмъ въ д-тѣ Сѣверномъ). «Желалъ бы я — примѣчаетъ префектъ Соммы — имѣть возможность прибавить, что и число пьяницъ уменьшилось въ равной пропорціи. Но, къ сожалѣнію, я прихожу къ убѣжденію, что этого не случилось и что привычка къ невоздержности въ рабочемъ классѣ осталась почти въ такой же степени, какъ то было и до изданія помянутаго декрета».

Итакъ, общихъ законодательныхъ мѣръ противъ пьянства во Франціи нынѣ не существуетъ, а контроль надъ питейными заведеніями безусловно переданъ въ руки префектовъ. Префекты, въ разныхъ мѣстностяхъ, придумали разныя мѣры, которыя, впрочемъ, всѣ относятся, конечно, только къ условіямъ открытія и, такъ сказать, къ дисциплинѣ кабаковъ. Г. Нейреманъ, альзасскій судья, упомянутый выше, въ своемъ сочиненіи по этому предмету, находитъ всѣ эти мѣры недостаточными, и требуетъ общей законодательной мѣры, которая поставила бы пьянство въ разрядъ наказуемыхъ проступковъ. Но г. Лабуръ, въ своемъ сочиненіи о пьянствѣ и средствахъ къ его ограниченію, далеко не раздѣляетъ этого мнѣнія. Онъ указываетъ на законъ 1814 года, который не исполнялся потому, что шелъ наперекоръ нравамъ, такъ точно, какъ не исполнялись прежніе законы противъ дуэлей, противъ святотатства и т. д. Единственное средство, которое можетъ оказаться дѣйствительнымъ противъ пьянства, во Франціи, по его мнѣнію — *убѣжденіе*, и потому онъ всю надежду полагаетъ въ этомъ отношеніи на общества трезвости.

Общество трезвости было основано въ Аміенѣ, въ 1835

году, но по показанію соммскаго префекта, 1859 года, это общество просуществовало только короткое время, и отъ него осталось слѣдомъ только одна брошюрка, изданная еще въ 1835 году, которой даже нельзя достать. Г. Вилльермѐ, тоже авторъ сочиненія о пьянствѣ, писалъ въ 1840 году, что никто во Франціи не ждетъ успѣха отъ основанія обществъ трезвости. Г. Нейреманъ (въ 1858 году) высказываетъ рѣшительное мнѣніе, что общества трезвости во Франціи никакого успѣха имѣть не могутъ. Какъ отражаются черты національныхъ характеровъ въ этихъ различіяхъ при употребленіи одного и того же средства въ разныхъ странахъ! То, что оказывалось самымъ вѣрнымъ средствомъ въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ, для Франціи оказывается вовсе непригоднымъ. Тѣмъ не менѣе, во Франціи и безъ обществъ трезвости пьютъ несравненно меньше, чѣмъ въ приведенныхъ странахъ, населенныхъ англо-саксонскою расою.

Въ Нидерландахъ, до сихъ поръ законодательство еще не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ вопросъ объ ограниченіи пьянства. Въ 1856 году, палата назначила коммиссію для изслѣдованія этого вопроса. Коммиссія представила въ 1857 году докладъ, въ которомъ обращала вниманіе на необходимость слѣдить за фальсификаціею напитковъ и пользу дѣйствовать противъ пьянства въ арміи, флотѣ, мастерскихъ и вообще заведеніяхъ зависящихъ отъ правительства, но не предложила никакихъ законодательныхъ мѣръ. Главное препятствіе здѣсь было именно опасеніе коснуться личной свободы гражданъ.

Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ многочисленныхъ прошеній, требовавшихъ мѣръ противъ пьянства, вопросъ этотъ снова нѣсколько разъ былъ возбуждаемъ въ нидерландской палатѣ, но остался безъ разрѣшенія. Въ 1865 году, министръ внутреннихъ дѣлъ Торбеки высказалъ мысль, что противодѣйствіе злоупотребленію спиртныхъ напитковъ должно лежать скорѣе на обязанности мѣстныхъ управленій, чѣмъ центральнаго правительства.

Въ Ганноверѣ дѣйствуетъ законъ 1841 года, ограничивающій число кабаковъ и запрещающій продавать водку лицамъ моложе 16 лѣтъ и пьяницамъ. Есть еще законъ 1847 года, устанавляющій наказаніе за пьянство соединенное съ буйствомъ или общественнымъ соблазномъ. Общества трезвости основались, сперва въ Оснабрюкѣ, потомъ и въ другихъ городахъ, по иниціативѣ пастора Бэтхера и капеллана Зелинга, котораго называютъ германскимъ патеромъ Мэтью. Впрочемъ, дѣйствіе этихъ обществъ незамѣтно.

Въ Саксоніи совсѣмъ нѣтъ законовъ или полицейскихъ постановленій, которыя бы прямо наказывали или ограничивали

пьянство. Впрочемъ для открытія питейнаго заведенія требуется разрѣшеніе.

Въ Швеціи пьянство всегда было развито въ сильной степени. По оффиціальному свѣдѣнію, потребленіе спиртныхъ напитковъ, до 1855 года, представляло въ годъ пропорцію 23 литра на душу (т. е. слишкомъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ во Франціи!). Въ 1813 году изданъ былъ строгій законъ противъ пьянства; въ силу его, пьяный подвергался штрафу и позорной выставкѣ передъ церковью на слѣдующее воскресенье [1]). Это послѣднее правило было отмѣнено въ 1841. Законъ 1841 года подвергаетъ штрафу около 1 р. 75 коп. съ человѣка, задержаннаго въ пьяномъ видѣ. Штрафъ за повторенія одинаковъ, но за пьянство въ общественномъ собраніи удвоивается. Пьяница, сверхъ того, за 4-й разъ лишается политическихъ правъ. Пьянство, однако, было чрезвычайно развито въ Швеціи до 1855 года. Несмотря на то, что винокуреніе составляло привилегію помѣщиковъ, число заводовъ въ 1855 году составляло: 700 большихъ, 35,100 малыхъ (хозяйственныхъ, вѣроятно?). Въ 1843 году общества трезвости въ Швеціи имѣли уже 83,000 членовъ и подъ ихъ-то вліяніемъ, сеймъ 1853 года принялъ законъ (изданъ въ 1855 году), который болѣе чѣмъ удесятерилъ прежнюю акцизную пошлину и установилъ обязательныя количества производства, съ которыхъ взимается пошлина (наша система — подражаніе). Новый законъ, 1857 года, возвысилъ эту пошлину, — а закономъ 1867 года, она была еще возвышена, вслѣдствіе чего винокуреніе упало сперва на цѣлыя двѣ трети, а потомъ поднялось, но нынѣ не превосходитъ половины прежняго (до 1855 года). Вслѣдствіе принятыхъ въ послѣднее десятилѣтіе мѣръ значительно уменьшилось и число питейныхъ заведеній, такъ что во многихъ деревняхъ ихъ вовсе нѣтъ. Результатомъ всего этого (а также — и можетъ быть въ особенности — распространенія въ народѣ образованія) было значительное уменьшеніе пьянства въ Швеціи за послѣдніе 15 лѣтъ.

Въ Швейцаріи нѣтъ пошлины съ выдѣлки спиртныхъ напитковъ, а потому нѣтъ и свѣдѣній ни о количествѣ производства, ни о количествѣ потребленія ихъ. Жители долинъ вообще отличаются трезвостью, а примѣры неумѣреннаго употребленія напитковъ замѣчаются только въ горахъ. Правительства союзовъ и кантоновъ никакихъ мѣръ противъ пьянства не принимаютъ, и оно подчинено единственно дѣйствію полицейскихъ постано-

---

[1]) Обычай этотъ до сихъ поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Финляндіи.

вленій, которыя предписываютъ закрывать питейныя заведенія въ 11 часовъ вечера, не открывать ихъ во время богослуженія, не продавать водки лицамъ моложе 16 лѣтъ, а также лицамъ состоящимъ на попеченіи общественной благотворительности (въ Швейцаріи, какъ извѣстно, нѣтъ нищенства въ прямомъ смыслѣ слова).

Вопросъ объ ограниченіи пьянства — вопросъ сложный. Онъ касается очень многихъ сторонъ общественной жизни, и многое, что̀ представляется въ теоріи легкимъ, на практикѣ оказывается или неудобоисполнимымъ или обѣщающимъ только призрачные результаты въ хорошемъ смыслѣ. Слѣдуя указаніямъ книги, представленной бельгійской палатѣ представителей, представимъ теперь обозрѣніе главнѣйшихъ мѣръ предположенныхъ для стѣсненія и ограниченія этой общественной язвы посредствомъ мѣръ государственныхъ и общественныхъ властей.

Прежде всего человѣку, обдумывающему средства противодѣйствія злу представляются, конечно, мѣры репрессивныя, самыя простыя изъ всѣхъ. Изложимъ тѣ мѣры, которыя были предложены въ этомъ отношеніи въ разныхъ странахъ и результаты нѣкоторыхъ опытовъ, по примѣненію каждой изъ нихъ.

Прежде всего представляется самая, повидимому, энергическая мѣра, къ какой можетъ прибѣгнуть законодательство, именно: поставленіе пьянства въ разрядъ предвидѣнныхъ и наказуемыхъ закономъ проступковъ. Понятно, что злоупотребленія въ домашнемъ обиходѣ, во всякомъ случаѣ, не могутъ подлежать карательному законодательству, которое простираетъ свое дѣйствіе только на публичныя проявленія порока.

Мы видѣли выше, что законодательство разныхъ странъ уже очень давно, тысячелѣтіе тому назадъ, озабочивалось репрессіею пьянства, какъ порока ослабляющаго общество—этотъ матеріалъ, обработываемый государствомъ. Мы видѣли причины непосредственныхъ каръ и пеней за пьянство. Само собою разумѣется, что предупредительнаго дѣйствія подобныхъ постановленій нельзя вычислить въ цифрахъ, но вообще должно быть признано, что непосредственно-репрессивныя мѣры, если, быть можетъ, и уменьшали собственно публичное безобразіе, происходящее отъ пьянства — во всякомъ случаѣ не имѣли пропорціональнаго вліянія на количество выпиваемыхъ, въ теченіи опредѣленнаго періода, спиртныхъ напитковъ.

Изъ всѣхъ употреблявшихся доселѣ видовъ подобныхъ наказаній, непосредственно относящихся къ виновнымъ въ пьянствѣ,

оказало несомнѣнно нѣкоторую пользу, употребительное въ иныхъ странахъ, преданіе гласности судебныхъ приговоровъ, состоявшихся противъ пьяницъ. Въ числѣ подобныхъ непосредственныхъ карательныхъ мѣръ, упомянемъ: лишеніе человѣка, замѣченнаго въ пьянствѣ, нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ политическихъ и гражданскихъ, избирательнаго права, права занимать общественныя должности, права на пособіе какого бы то ни было рода отъ благотворительныхъ учрежденій; наказаніе, въ видѣ тюремнаго заключенія или пени, за подговоръ къ пьянству (съ отягощающими условіями, если жертвою подговора является несовершеннолѣтній или правительственный чиновникъ [1]); исключеніе пьянства изъ числа обстоятельствъ, облегчающихъ какую-либо вину, на судѣ, и напротивъ, вмѣненіе состоянія опьяненія въ отягощающее обстоятельство преступнику [2]); наконецъ — дисциплинарныя наказанія противъ всякаго должностного лица, государственной или общественной службы, уличеннаго въ пьянствѣ. Косвенною карательною мѣрою мы назовемъ постановленія, угрожающія карою закона всѣмъ содержателямъ торговыхъ заведеній, въ которыхъ продаются хмѣльные напитки, за неисполненіе законовъ направленныхъ къ ограниченію пьянства, какъ, напримѣръ, за продажу такихъ напитковъ людямъ уже находящимся въ состояніи опьяненія или несовершеннолѣтнимъ и т. д. [3]).

Мѣры предупредительныя относятся къ приготовленію и продажѣ спиртныхъ напитковъ. Радикальная предупредительная мѣра, какъ мы сказали выше, была установлена въ американскомъ штатѣ Мэнъ и потомъ—съ разными видоизмѣненіями—въ другихъ штатахъ Сѣверо-Американскаго союза. Она совершенно воспрещала и приготовленіе и продажу спиртныхъ напитковъ, иначе какъ для лекарственныхъ или промышленныхъ потребностей. Мѣра эта и въ Англіи, парламентскимъ рѣшеніемъ 1834 года, признана «цѣлью, къ которой должны стремиться истинные противники порока». Но примѣненіе этой мѣры не принесло бы равной пользы въ тѣхъ странахъ, которыя производятъ виноградное вино; распространить же запрещеніе и на вино виноградное въ этихъ странахъ едва-ли возможно, тѣмъ болѣе, что южныя, виноградныя страны Европы населены народами, которые до сихъ поръ обнаружили мало способности къ обще-

---

[1]) Въ швейцарскихъ кантонахъ Ури и Унтервальденѣ подговоръ къ пьянству наказывается пенею въ 25 гульденовъ, и въ 50, если виновенъ въ этомъ хозяинъ трактирнаго заведенія.

[2]) Въ бельгійскомъ военномъ законѣ; у насъ см. указъ Петра I.

[3]) Подобныя постановленія существуютъ въ большей части европейскихъ законодательствъ.

ственной самодѣятельности путемъ ассоціацій, и что духовенство въ этихъ странахъ смотритъ на свое призваніе, какъ на нѣчто высшее земныхъ общественныхъ интересовъ, то-есть выдѣляетъ дѣло вѣры изъ дѣла улучшенія нравовъ.

За упомянутою сейчасъ коренною мѣрою, слѣдуетъ ограниченіе винной торговли вообще постановленіями относительно дней и часовъ, въ которые она не дозволяется. Въ Англіи, какъ мы видѣли выше, запрещеніе винной торговли въ теченіи извѣстныхъ часовъ, въ праздничные дни, произвело результаты благопріятные. Но въ докладѣ, представленномъ правительствомъ Нидерландовъ палатѣ этой страны, высказано было мнѣніе, что подобныя постановленія не искореняютъ и даже не уменьшаютъ пьянства, а только измѣняютъ народныя привычки, такъ что питейныя заведенія наполняются не въ праздники, а въ дни за ними слѣдующіе и т. п.

Въ большинствѣ европейскихъ государствъ, какъ и у насъ, запрещена винная продажа *въ разносъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что разрѣшеніе продажи спиртныхъ напитковъ разнощиками, тамъ гдѣ его не было, неминуемо повлекло бы за собою весьма значительное увеличеніе пьянства. Но тамъ, гдѣ подобная продажа уже существовала, не видно, чтобы воспрещеніе остановило его. Иногда судебная власть признавала даже (въ Антверпенѣ) такую мѣру неоснованною на законахъ.

Во многихъ странахъ дозволеніе торговать виномъ обусловливается разными формальностями, установленными именно съ цѣлью ограниченія пьянства. Для открытія питейнаго заведенія требуется предварительное разрѣшеніе, которое дается условно, то-есть подъ обязательствомъ исполнять разныя полицейскія правила и подъ страхомъ лишенія права торговли, вслѣдствіе хотя бы одного судебнаго приговора, за нарушеніе этихъ правилъ. Иногда предоставляется администраціи отбирать у хозяина питейнаго заведенія его патентъ, за несоблюденіе инструкцій администраціи. Что касается этого послѣдняго средства, то оно непримѣнимо въ странахъ, окончательно отрѣшившихся отъ системы административнаго, полицейскаго всемогущества.

Въ Бельгіи, въ 1858 году, одинъ бывшій министръ предложилъ подобную мѣру, но былъ принужденъ взять свой проектъ назадъ, какъ несогласный съ духомъ учрежденій этой страны. Что же касается вообще до ограничительныхъ формальностей при выдачѣ патентовъ на продажу горячихъ напитковъ, то надо имѣть въ виду, что формальности эти не должны быть слишкомъ строги; иначе онѣ поведутъ неизбѣжно къ размноженію тайныхъ шинковъ, какъ то было въ Шотландіи, когда установленныя фор-

мальности были слишкомъ сложны и въ Англіи до 1743 года, когда цѣны патентовъ были слишкомъ высоки.

Ограниченіе числа питейныхъ продажъ—вотъ одна изъ предупредительныхъ мѣръ противъ пьянства. У насъ недавно была проведена въ печати мысль, что степень развитія пьянства вовсе не зависитъ отъ числа имѣющихся кабаковъ. Мысль эта была подкрѣплена статистическими данными. Между тѣмъ, знаменитое мэнчестерское общество трезвости, Alliance, во всей своей дѣятельности исходитъ прямо изъ того факта, что развитіе пьянства находится въ прямомъ отношеніи къ числу существующихъ питейныхъ продажъ. Фактъ этотъ выясненъ тоже статистическими данными, собранными въ большомъ числѣ докторомъ Лиссомъ, секретаремъ Alliance [1]). Напомнимъ также, что законъ, съ такимъ успѣхомъ примѣненный въ штатѣ Мэнъ для уничтоженія пьянства, признаіъ нужнымъ именно уничтожить винныя продажи. Ограниченіе числа кабаковъ «дѣйствительною потребностью» также съ успѣхомъ было примѣнено въ Швеціи. Едва ли можно сомнѣваться, что ограниченіе числа кабаковъ должно имѣть прямое вліяніе на пьянство. Въ развитіи пороковъ, среди общественнаго организма, соблазнъ, доступность, возможность легкаго удовлетворенія играетъ если и не главную, то во всякомъ случаѣ очень значительную роль: этого не опровергнутъ даже и статистическія данныя. Д-ръ Лисъ приводитъ въ своемъ сочиненіи много убѣдительныхъ примѣровъ зависимости пьянства отъ числа разрѣшеній продажи крѣпкихъ напитковъ. Общественную задачу по отношенію къ этому пороку онъ называетъ the social lock и разрѣшеніе ея находитъ въ томъ, чтобы взять въ руки the tavernkey. Приведенный выше примѣръ Швеціи въ этомъ отношеніи поучителенъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ числѣ второстепенныхъ мѣръ, употребленныхъ для ограниченія пьянства, заключаются: запрещеніе соединять распивочную торговлю спиртными напитками съ какою бы то ни было иною отраслью торговли, а также запрещеніе всякихъ особыхъ вывѣсокъ, украшеній, иллюминацій и т. п. распивочныхъ продажъ.

Увеличеніе акцизной пошлины съ выдѣлки спиртныхъ напитковъ представляется сперва, какъ самое простое и естественное средство ограничить развитіе пьянства, возвысивъ цѣну предмета потребленія. Статистическія данныя, дѣйствительно, сви-

---

1) Указываемъ со словъ бельгійской записки на сочиненіе д-ра Лиса (Lees): An argument for the legislative prohibition of the liquor trafic, и на доклады, читанные въ засѣданіяхъ филантропическихъ конгрессовъ въ Брюсселѣ и Франкфуртѣ, въ 1856 и 1857 годахъ.

дѣтельствуютъ, что вездѣ за возвышеніемъ акцизнаго сбора слѣдовало уменьшеніе количества приготовленія спиртныхъ напитковъ. Но статистика здѣсь основывается только на оффиціальныхъ данныхъ, а они, въ этомъ именно случаѣ, не могутъ быть достовѣрны. Увеличеніе акциза увеличиваетъ тайное куреніе. Это доказывается приведеннымъ выше примѣромъ Англіи, гдѣ вслѣдствіе пониженія акцизной пошлины количество *объявленнаго* приготовленія въ короткое время удвоилось.

Возвышеніе акцизной пошлины не можетъ имѣть прямого вліянія на уменьшеніе пьянства въ большей части случаевъ уже потому, что акцизная пошлина все-таки составляла малую часть цѣны предмета потребленія. Возвышеніе акцизной пошлины съ цѣны ведра водки все-таки отзовется только незначительнымъ возвышеніемъ въ цѣнѣ нѣсколькихъ лишнихъ стакановъ, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и причиняютъ пьянство. Это справедливо и у насъ, хотя у насъ акцизная пошлина входитъ, какъ главный элементъ, въ цѣну ведра хлѣбнаго вина; но никто, когда пьетъ лишній стаканъ, не думаетъ о цѣнѣ ведра.

Что касается западныхъ государствъ, то система значительнаго возвышенія акциза не мыслима тамъ уже потому, что она потребовала бы, для успѣшнаго примѣненія, отяготительной для заводчиковъ системы контроля, чему противится на западѣ общій духъ законодательствъ.

Уменьшеніе пошлинъ на чай, кофе, и цѣны патентовъ на выдѣлку и продажу пива, по мнѣнію бельгійской Bluebook, оказываются безполезными. Впрочемъ, для доказательства въ ней приведенъ только примѣръ облегченія торговли пивомъ въ Англіи, о которомъ упомянуто выше. Что касается до теоретическаго соображенія, приведеннаго въ ней въ подкрѣпленіе этого мнѣнія, именно, что для людей, привыкшихъ къ опьяненію, спиртные напитки могутъ быть замѣнены только иными средствами опьяненія, то противъ этого слѣдуетъ возразить, что именно для распространенія полнаго воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ было бы очень важно сдѣлать доступнѣе для классовъ бѣдныхъ другіе, безвредные напитки, которые могли бы быть употребляемы, согласно обычаю, въ гостяхъ, въ собраніяхъ и т. д.

Возвышеніе цѣны патентовъ распивочныхъ заведеній имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ уменьшеніе ихъ числа, а потому должно быть признано полезнымъ. Правда, и эта мѣра отчасти парализируется появленіемъ тайныхъ шинковъ. Это возраженіе останавливаетъ бельгійское правительство отъ предложенія мѣры въ этомъ родѣ, такъ какъ, по словамъ доклада, «нравственность

ни чуть не выиграла бы отъ мѣры, за которою слѣдуетъ увеличеніе обмана». Но нельзя не напомнить, что хотя изъ приведенныхъ выше опытовъ, примѣръ Франціи, по показаніямъ префектовъ, не говоритъ въ пользу такой мѣры, за то примѣры Шотландіи и Швеціи положительно свидѣтельствуютъ въ ея пользу.

Переходя къ мѣрамъ, зависящимъ не отъ законодательной и правительственной властей, а отъ частной и общественной самодѣятельности, на первомъ планѣ, конечно, слѣдуетъ поставить образованіе обществъ трезвости. *Администрація во всѣхъ странахъ не только не препятствовала ихъ развитію*, но напротивъ, всячески ему благопріятствовала. Наше положеніе, въ этомъ отношеніи, едва ли можетъ быть признано исключительнымъ, хотя винно-акцизный доходъ и составляетъ у насъ главный доходъ государства. Дѣло въ томъ, что если мы представимъ себѣ всю Россію рѣшительно непьющею, то выгоды всякаго рода, усиленіе труда и здоровья, накопленіе сбереженій, безъ сомнѣнія, составили бы въ годъ капиталъ, далеко превышающій сумму акцизнаго дохода, получаемаго государствомъ, потому именно, что этотъ доходъ представляетъ только часть того громаднаго капитала, который ежегодно пропивается въ предѣлахъ Россіи, и во всякомъ случаѣ часть, даже незначительную, той суммы невыгодъ всякаго рода, потери времени и здоровья, разстройства дѣлъ, накопленіе недоимокъ и т. д., — которыя отсюда возникаютъ. Образованію и возможному распространенію обществъ трезвости, которыя у насъ-было уже стали возникать, слѣдуетъ, съ точки зрѣнія государственной пользы, оказывать всякое поощреніе. Если общее благосостояніе народа увеличится, то не трудно недоборъ въ одномъ доходѣ вознаградить новымъ налогомъ, потому что *будетъ съ чего взимать*. Но плохо то хозяйство, которое настаивало бы на охраненіи сегодняшняго рубля дохода, если этотъ рубль изсушаетъ самый источникъ дохода, т. е. благосостояніе страны. Это—старая басня о курицѣ и золотыхъ яйцахъ.

Относительно программъ дѣйствій обществъ трезвости, если бы они снова образовались у насъ, необходимо настаивать на мысли *полнаго* воздержанія, какъ основы ихъ пропаганды. *Умѣренность* въ потребленіи, какъ показалъ опытъ,—мысль неосуществимая въ массахъ.

Замѣтимъ здѣсь, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ дешево виноградное вино, едва ли возможно осуществить теорію полнаго воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ. Но за то тамъ и пьянство, вообще, гораздо менѣе развито, вслѣдствіе климатическихъ условій. Общества трезвости съ особеннымъ успѣхомъ

могутъ дѣйствовать въ сѣверныхъ странахъ, потому что здѣсь пристрастіе къ опьяненію распространено и въ высшихъ классахъ, чего на югѣ вовсе нѣтъ. Во Франціи, напримѣръ, общества трезвости, еслибы они существовали, были бы лишены участія классовъ наиболѣе вліятельныхъ, которыхъ этотъ вопросъ не близко касается. Другое дѣло, напримѣръ, въ Англіи: въ Лондонѣ, на 300-хъ человѣкъ, поднятыхъ полиціею въ состояніи полнаго опьяненія, впродолженіи всего пяти ночей, найдено было денегъ 627 фунтовъ (слишкомъ 4 тысячи рублей).

Само собою разумѣется, что немаловажное вліяніе на отвращеніе народа отъ пьянства окажутъ не только успѣхи образованія, но и заботливость правительствъ, мѣстныхъ управленій и частныхъ обществъ о доставленіи народу средствъ проводить свободное время гдѣ-либо кромѣ кабаковъ: какъ-то, устройство дешевыхъ театровъ, постоянныхъ гимнастическихъ игръ, садовъ и т. д. Сверхъ того, противодѣйствіе пьянства въ западныхъ государствахъ вызвало уже цѣлую популярную литературу, объясняющую вредъ употребленія хлѣбныхъ напитковъ. У насъ же ничего подобнаго еще и не начато.

Книга, внесенная бельгійскимъ министромъ въ парламентъ, не приходитъ ни къ какимъ мѣрамъ, которыя можно было бы примѣнить собственно въ Бельгіи. Правда, часть общества требуетъ ограничительныхъ мѣръ, но министръ напоминаетъ, что такія мѣры могутъ принесть пользу только тогда, когда ихъ требуетъ большинство націи; дѣйствіе ихъ можетъ быть прочно только тогда, когда онѣ требуются общимъ сознаніемъ народа и только тогда онѣ могутъ одержать верхъ надъ частными, нарушенными интересами. Другими словами, непосредственныя мѣры противъ пьянства—могутъ хорошо удасться только въ такомъ обществѣ, которое собственно не нуждается ни въ какихъ мѣрахъ. Отъ правительства же можно ожидать съ пользою однѣхъ отрицательныхъ мѣръ: не содѣйствовать удобствамъ напиваться на каждомъ шагу массѣ, уже зараженной этою печальною эпидеміею, и не связывать никакихъ частныхъ начинаній, направленныхъ къ истребленію порока пьянства.

Л. А—въ.

НЕРОНЪ

ТРАГИКОМЕДІЯ.

(К. Гуцкова.)

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая читателямъ переводъ одного изъ замѣчательныхъ произведеній писателя, пользующагося большою извѣстностію въ Германіи и между тѣмъ почти незнакомаго русской публикѣ, мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и литературной дѣятельности, въ историческомъ отношеніи имѣющей значительный интересъ.

Карлъ-Фердинандъ Гуцковъ родился въ Берлинѣ въ 1811 году. Начавъ свое образованіе въ одной изъ гимназій, онъ поступилъ затѣмъ въ берлинскій университетъ (находившійся въ то время въ апогеѣ своей славы, и гдѣ, между прочими знаменитыми профессорами, читали Фихте и потомъ Гегель); тамъ онъ окончилъ курсъ, получивъ званіе доктора философіи. Не смотря на то, что молодому Гуцкову представлялась возможность остаться при университетѣ и составить себѣ карьеру, онъ предпочелъ послѣдней болѣе независимую литературную дѣятельность, къ которой влекло его дарованіе. Первые литературные опыты Гуцкова появились въ „Берлинскомъ обозрѣніи", и въ нихъ онъ сразу выступилъ на тотъ путь, по которому впослѣдствіи шелъ неуклонно.—Время начала литературной дѣятельности Гуцкова было для Германіи временемъ надеждъ и ожиданій. Іюльская революція отозвалась за Рейномъ весьма живымъ

впечатлѣніемъ. Скромные нѣмцы начали питать сознаніе, что ихъ національныя стремленія къ единству и свободѣ, подавленныя заботливою опекою „отцовъ отечества", могутъ получить дѣйствительное осуществленіе. Подъ вліяніемъ исходившихъ изъ Франціи гуманныхъ теорій, основанныхъ на идеи всеобщей соціальной реформы и международнаго братства, исчезла старинная вражда нѣмецкихъ патріотовъ къ за-рейнскимъ сосѣдямъ. Франція въ то время сдѣлалась для Германіи образцомъ, какъ въ политической, такъ и умственной сферѣ. Идеи французскихъ писателей господствовали въ литературѣ въ весьма значительной степени. Безъ всякаго сомнѣнія, Гуцковъ, серьезно проникнутый „вѣяніями" времени, не могъ относиться иначе какъ съ презрѣніемъ къ тому жалкому политическому и соціальному положенію, въ которомъ находилась тогда оффиціальная Германія. Его первыя произведенія были проникнуты горькой и безпощадной критикой. Менцель, въ то время считавшійся однимъ изъ замѣчательныхъ критиковъ и еще не стяжавшій позорной репутаціи, пріобрѣтенной имъ впослѣдствіи, обратилъ вниманіе на начинавшаго автора и пригласилъ его сотрудничать въ своей газетѣ, издававшейся въ Штуттгартѣ. Впрочемъ это сотрудничество не было продолжительно. Стремленія Гуцкова оказались слишкомъ различными съ стремленіями его редактора, и онъ принужденъ былъ разорвать свои сношенія съ Менцелемъ и его газетою. Гуцковъ освободилъ себя отъ сотрудничества въ листкѣ почтеннаго „французоѣда" тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что послѣдній простиралъ свое редакторское попечительство надъ молодымъ писателемъ до степени деспотизма. Въ 1832 году, Гуцковъ издалъ въ Гамбургѣ свои знаменитыя „Письма дурака къ дурѣ", надѣлавшія большого шума, не смотря на то, что имя ихъ автора оставалось неизвѣстнымъ, и за тѣмъ романъ „Мага Гуру", съ фантастической формой соединявшій критическія тенденціи. Въ тоже время Гуцковъ, воспользовавшись пребываніемъ на югѣ Германіи, пополнилъ свое научное образованіе, прослушавъ курсы права и политической экономіи въ гейдельбергскомъ университетѣ.

Въ 1835 году появились трагикомедія „Неронъ" и романъ „Валли" — произведенія, упрочившія литературную извѣстность Гуцкова и вполнѣ опредѣлившія его стремленія. Подвергая все критикѣ сомнѣвающагося духа, Гуцковъ видитъ смѣшеніе добра и зла всюду, во всѣхъ явленіяхъ жизни и выработанныхъ ею истинахъ, къ какой-бы категоріи они ни принадлежали, и, руководимый своимъ безотраднымъ воззрѣніемъ, приходитъ къ сознанію безсилія, испытанному въ ту эпоху лучшими людьми, которое слышится и въ энергическомъ отчаяніи Байрона, и въ скорбныхъ жалобахъ и фривольномъ отрицаніи Альфреда Мюссе, и въ горькой ироніи Гейне. Подобное направленіе въ литературѣ было въ то время господствующимъ, и на ряду съ Гуцковымъ другіе замѣчательные герман-

скіе писатели, каковъ Винборгъ, Кюнъ, Мундтъ и Лаубе проводили его въ своихъ сочиненіяхъ съ энергіею и замѣчательнымъ талантомъ. Въ нѣмецкомъ обществѣ это направленіе имѣло большой успѣхъ, и писатели „молодой Германіи", какъ называлась тогда литературная партія Гуцкова и его сотоварищей, получили значеніе въ политическомъ смыслѣ весьма серьезное. Разумѣется, подобное значеніе не могло не обратить на себя вниманія властей, не могло не навлечь на себя подозрѣнія самаго опаснаго свойства. Если-бы „всемірная скорбь" (Weltschmerz), выражавшаяся въ сочиненіяхъ писателей „юной Германіи", касалась какихъ-либо заоблачныхъ предметовъ, если-бы она выражалась въ безплодной разслабленности тоскующей мысли, и находила для себя удовлетвореніе въ абстрактныхъ, фантастическихъ блужданіяхъ духа, какъ находила она его у поэтовъ романтической школы, то, быть можетъ, Германскій Сеймъ посмотрѣлъ-бы сквозь пальцы на литературныя произведенія новаго направленія. Но это не было такъ, и пото преслѣдованія не замедлили обрушиться на нихъ. Особенно тяжело о шились эти преслѣдованія на Гуцкова. Тотъ самый Менцель, сотрудникомъ котораго былъ Гуцковъ, теперь сдѣлался главнѣйшимъ поборникомъ реакціонной партіи и доносчикомъ на молодыхъ писателей. Менцель указалъ на „ужасное" значеніе романа „Валли", стяжавшаго большой успѣхъ въ публикѣ, и благодаря его доносу Гуцковъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Обвиненный въ томъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ стремится поколебать историческія основы христіанства, Гуцковъ былъ присужденъ мангеймскимъ судомъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Гоненіе постигло не одного Гуцкова. Почти въ то же самое время франкфуртскій сеймъ принялъ энергическія мѣры относительно новой школы, и тридцать правительствъ соединилось противъ пяти юныхъ писателей, изъ которыхъ самому старшему не было тридцати лѣтъ. Ихъ сочиненія были запрещены огуломъ, и не только написанныя, но даже и тѣ, которыя они имѣли еще написать въ будущемъ. Журналъ, который намѣревался издавать Гуцковъ вмѣстѣ съ Винборгомъ, былъ уничтоженъ въ самомъ началѣ. Даже въ Пруссіи было тогда запрещено читать, издавать и продавать все, что уже написано Гуцковымъ, и все, что онъ напишетъ современемъ. Однимъ словомъ, противъ писателей „молодой Германіи" были въ то время приняты такія мѣры, которыя едва-ли нынѣ принимаются правительствами противъ эпидемій.

Но, какъ это всегда бываетъ, энергическія мѣропріятія и воспрещенія не только не парализовали вліяніе новой школы въ обществѣ, но напротивъ еще болѣе усилили симпатію къ ней. Если что̀ особенно способствовало огромной популярности Гуцкова какъ драматическаго писателя, такъ это именно преслѣдованія и предосторожности, принятыя противъ его сочиненій. Громкая репутація, которую онъ пріобрѣлъ тогда

въ Германіи, осталась за нимъ навсегда, и Гуцковъ до сихъ поръ считается въ числѣ наиболѣе любимыхъ писателей. Но хотя въ нравственномъ отношеніи преслѣдованія благопріятствовали литературной карьерѣ Гуцкова, тѣмъ не менѣе въ матеріальномъ они отразились на немъ тяжело. Его положеніе, какъ запрещеннаго писателя и какъ человѣка, поставленнаго, такъ сказать, внѣ общественныхъ законовъ, было крайне шатко. Скрываясь подъ псевдонимомъ или анонимомъ, онъ долженъ былъ наносить ущербъ своей литературной репутаціи, или сбыту своихъ книгъ; а между тѣмъ полиціи было дано право перехватывать даже тѣ изъ его произведеній, которыя были-бы пропущены цензурой по незнанію имени ихъ автора. Мало того, полиція могла выслать его изъ мѣста жительства по своему усмотрѣнію. При такихъ исключительныхъ условіяхъ не легко было существовать Гуцкову, не имѣвшему никакого матеріальнаго обезпеченія, кромѣ литературнаго труда, и притомъ въ то время бывшаго уже женатымъ. Не смотря однако же на всю тягость своего положенія, Гуцковъ съумѣлъ преодолѣть ее. Поддержка общественнаго мнѣнія, въ цивилизованныхъ странахъ почти всегда оппозирующаго слишкомъ сильному разгулу реакціи, и разладица, господствовавшая тогда въ нѣмецкихъ государствахъ, помогли ему продолжать свою дѣятельность.

Во время своего заключенія въ Мангеймѣ Гуцковъ написалъ трактатъ „О философіи исторіи", въ которомъ выступилъ противъ ученія Гегеля. Трудъ этотъ былъ изданъ въ Гамбургѣ, гдѣ печать пользовалась достаточной свободой, и гдѣ запрещенные писатели „молодой Германіи", и въ томъ числѣ Гейне, издавали свои сочиненія. Въ Гамбургъ-же Гуцковъ перенесъ свое обозрѣніе „Телеграфъ", запрещенное цензурою.

Разсказавъ начало литературной карьеры Гуцкова, мы не будемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе ея послѣдующихъ фазъ и обрисуемъ ее только въ общихъ чертахъ. Гуцковъ работалъ на литературномъ поприщѣ, какъ критикъ и какъ драматургъ. И въ той и въ другой сферѣ онъ высказалъ себя горячимъ пропагандистомъ идей независимости и въ равной мѣрѣ ревностнымъ поборникомъ широкихъ требованій искусства и соціальныхъ стремленій и вопросовъ времени. Извѣстныя сочиненія „Гете на рубежѣ двухъ вѣковъ" и „Жизнь Берне" могутъ служить памятниками смѣлости и честности убѣжденій и характера Гуцкова. Въ первые годы своей литературной дѣятельности, Гуцковъ, подъ вліяніемъ Менцеля, смотрѣвшаго на Гете съ точки зрѣнія поверхностнаго узкаго либерализма, высказывался противъ великаго поэта и признавалъ не особенно большое значеніе за нимъ. Съ годами, уразумѣвъ лучше реальное міросозерцаніе и умственную мощь веймарскаго генія, Гуцковъ поправилъ свое заблужденіе, чистосердечно сознавшись въ немъ и уяснивъ настоящее значеніе Гете съ необыкно-

венной глубиною. Онъ указалъ на художественное единство кажущихся противорѣчій необычайнаго ума творца „Фауста“ и на высокое значеніе этого мыслителя, который, анализируя идеи прошлаго вѣка, умѣлъ начертить программу новыхъ идей. Относительно Берне, Гуцковъ поступилъ, какъ энергическій и честный защитникъ одного изъ доблестнѣйшихъ гражданъ и лучшихъ умовъ своего отечества. Извѣстно, что Гейне, увлеченный враждою къ Берне, выставилъ личность послѣдняго не въ особенно благопріятномъ свѣтѣ и даже унизился до злословія и клеветы на германскаго патріота. Не смотря на то, что сарказмовъ Гейне трепетали многіе писатели (и дѣйствительно трепетать было отъ чего), Гуцковъ поднялъ перчатку за Берне, смѣло протестовалъ противъ злостныхъ нападокъ на него и возстановилъ его благородную память во всей чистотѣ. Прямодушный и честный протестъ Гуцкова, какъ видно, не остался безъ вліянія на Гейне. Издавая свою книгу о Берне, впослѣдствіи, онъ исключилъ изъ нея тѣ мѣста, въ которыхъ личныя увлеченія довели его до забвенія даже литературныхъ приличій.

Сознавая, что одной критики недостаточно для противодѣйствія различнымъ темнымъ силамъ, борьба противъ которыхъ была цѣлію его литературной дѣятельности, Гуцковъ обратился къ театру. Имъ онъ думалъ дѣйствовать на умы современниковъ въ извѣстномъ протестующемъ направленіи. Задавшись этой идеей, Гуцковъ, съ 1840 по 1848 годъ, работалъ исключительно для театра, оставивъ даже для этого журнальную дѣятельность. Какъ драматическій писатель онъ стяжалъ себѣ огромный успѣхъ и, безъ всякаго сомнѣнія, въ числѣ новѣйшихъ драматурговъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ Гуцковъ является по преимуществу поэтомъ тенденціознымъ и съ энергіей проводитъ въ нихъ систематическую оппозицію, противъ дряхлой организаціи стараго нѣмецкаго порядка, руководившую имъ во всѣхъ фазисахъ и во всѣхъ родахъ его литературной дѣятельности. Политическое возрожденіе Германіи, свобода религіи и мысли, эмансипація женщины,—вотъ тѣ элементы, которыя лежатъ въ основаніи драмъ Гуцкова. Не перечисляя всѣхъ драматическихъ произведеній Гуцкова, мы назовемъ изъ нихъ только наиболѣе выдающіяся, каковы: «Uriel Acosta,» «Patcul» «Das Urbild des Tartüffe,» «Werner» и проч. [1]).

Революція сорокъ восьмого года совершенно измѣнила положеніе Гуц-

[1]) Въ числѣ драмъ Гуцкова, особенное вниманіе *русскихъ* читателей заслуживаетъ «Пугачевъ.» Конечно, въ этомъ произведеніи Гуцковъ погрѣшилъ относительно исторической правды лицъ и характеровъ, противъ мѣстнаго колорита и т. д.; но тѣмъ не менѣе въ ней есть сцены превосходныя, и многое въ кровавомъ событіи прошлаго вѣка понято и воспроизведено глубоко и вѣрно. Если будетъ возможно, мы современемъ предложимъ читателямъ «Вѣстн. Европы» нѣкоторыя отдѣльныя сцены изъ «Пугачева.» Въ цѣломъ переводъ драмы немыслимъ, по многимъ обстоятельствамъ.

кова. Онъ почувствовалъ себя побѣдителемъ въ борьбѣ, которую поддерживалъ двадцать лѣтъ. Его злѣйшій врагъ—цензура исчезла, и обсужденіе общественныхъ вопросовъ печатью и трибунами, до этихъ поръ строго сдерживаемое, получило права гражданства. Идеи свободы и національной независимости, воспрещавшіяся дотолѣ полиціей, внезапно сдѣлались убѣжденіями каждаго и слышались особенно изъ устъ владѣтельныхъ особъ. Хотя эти идеи и не нашли тогда дѣятельнаго примѣненія, но вопросъ уже былъ не о томъ, допускать-ли ихъ, или нѣтъ, а только о томъ, какъ ихъ слѣдуетъ понимать. Масса такъ свыклась съ ними, что если-бы правительству вздумалось вернуться къ политикѣ 1835 г., то пришлось-бы посадить въ тюрьму уже не одну „молодую Германію," какъ это было прежде, а всю націю. Рано или поздно должна была начаться послѣдняя борьба, которая удовлетворила-бы желанію націи соединиться въ одно конституціонное, или республиканское государство. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что участіе Гуцкова въ волненіяхъ 1848 и 1849 годовъ было очень слабо. Увѣренный въ благихъ послѣдствіяхъ своихъ прежнихъ усилій, онъ не сомнѣвался больше въ будущемъ, и его мѣсто въ борьбѣ, хотя и не занятое имъ, не оставалось пустымъ. Гуцковъ не старался попасть ни въ франкфуртскій парламентъ, ни въ прусское учредительное собраніе. Онъ довольствовался тѣмъ, что проповѣдывалъ объ общемъ союзѣ въ своемъ „Адрессѣ къ народу" и въ сочиненіи „Германія наканунѣ своего паденія или величія"; но его голосъ былъ въ то время почти не слышенъ. Живя то во Франкфуртѣ, то въ Дрезденѣ, Гуцковъ окончилъ въ это время полное изданіе своихъ сочиненій. Въ 1852 году, Гуцковъ напечаталъ автобіографію и основалъ народное обозрѣніе „Домашній очагъ", имѣвшее значительный успѣхъ. Но всю силу своего таланта онъ сосредоточилъ въ нѣсколькихъ большихъ романахъ: „die Ritter vom Geiste", „der Zauberer von Rom" и «Hohenschwangau". Послѣдній появился два года назадъ и встрѣченъ былъ германскою критикой съ большими похвалами.

Лишившись первой жены въ 1848 г., Гуцковъ женился во второй разъ въ 1854. Въ 1860 г. онъ былъ сдѣланъ секретаремъ „Шиллеровскаго фонда" (нѣчто въ родѣ общества для пособія бѣднымъ литераторамъ). Поселившись въ Веймарѣ, гдѣ находилось правленіе этого общества, Гуцковъ съ жаромъ предался исполненію трудной и неблагодарной обязанности, доставшейся ему, и въ продолженіи пяти лѣтъ добросовѣстно выполнялъ ее. Многія неудобства заставили его желать, чтобы правленіе перемѣнило свое мѣстопребываніе, но большинство членовъ общества высказалось противъ этого желанія. Въ тоже самое время Гуцковъ былъ огорченъ тѣмъ, что одинъ изъ его сыновей поступилъ на сцену противъ воли отца. Совпаденіе этихъ непріятностей было причиною нравственнаго потрясенія Гуцкова. Преслѣдуемый мрачными мыслями,

онъ вообразилъ, что его окружаютъ враги, что его качества, какъ человѣка и какъ писателя, остались непризнанными, что весь свѣтъ согласился его преслѣдовать. Катастрофа при такомъ настроеніи сдѣлалась неизбѣжной, и дѣйствительно, въ январѣ 1865 года, въ припадкѣ помѣшательства, Гуцковъ нанесъ себѣ нѣсколько ранъ, по счастію неопасныхъ. Но сильное нравственное возбужденіе продолжалось и послѣ этого, такъ что принуждены были отправить его въ одно изъ помѣщеній для умалишенныхъ. Гуцковъ оставался тамъ менѣе года и вышелъ совершенно излечившимся.

Между тѣмъ обстоятельства, какъ бы нарочно, сложились такимъ образомъ, чтобъ доказать Гуцкову всю неосновательность его подозрѣній относительно существованія повсюду враговъ. Какъ только распространился слухъ о его болѣзни, заявленія участія посыпались со всѣхъ сторонъ. Полагая, что продолжительная болѣзнь и трудное выздоровленіе потребуютъ значительныхъ расходовъ, собрали нужную сумму для Гуцкова. Дависонъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ артистовъ, поспѣшилъ принять участіе въ спектаклѣ въ пользу Гуцкова и игралъ въ извѣстной драмѣ его „Лейтенантъ Короля.“ Мѣста на этотъ спектакль разбирались на-расхватъ, за нихъ платили вдесятеро, чтобы только имѣть возможность присутствовать на представленіи. Приведенные два факта сочувствія германскаго общества къ Гуцкову могутъ, до нѣкоторой степени, послужить доказательствомъ того уваженія и любви, какими пользуется между современниками этотъ талантливый писатель, въ продолженіи своей долговременной литературной дѣятельности неустанно боровшійся за свободу и единство своего отечества.

Предлагаемая въ нашемъ переводѣ трагикомедія „Неронъ“, какъ мы говорили уже, принадлежитъ къ числу первыхъ произведеній Гуцкова и считается однимъ изъ наиболѣе характеристическихъ памятниковъ направленія „молодой Германіи.“ Не смотря на нѣкоторую странность общаго строя и отсутствіе въ цѣломъ драматическаго движенія, трагикомедія исполнена оригинальности и силы, въ иныхъ сценахъ, по истинѣ поразительной. Читателя не должны смущать тѣ анахронизмы, которые разсыпаны Гуцковымъ повсюду. Эти анахронизмы съ одной стороны вытекаютъ изъ намѣреннаго презрѣнія автора къ общепринятымъ требованіямъ эстетики, изъ стремленія къ тому геніальничанью, которому подвержены всѣ молодые писатели, и въ особенности писатели германскіе; съ другой стороны, они обусловливаются основнымъ строемъ драмы и направленіемъ школы. Не трудно понять, что подъ весьма прозрачнымъ

покровомъ историческихъ лицъ и классической обстановки, драма рѣшаетъ задачи современной Германіи и преслѣдуетъ политическія и философскія тенденціи тридцатыхъ годовъ. Иногда, и притомъ весьма часто, Гуцковъ совершенно сбрасываетъ этотъ покровъ и выступаетъ съ своими идеями, ни мало не стѣсняясь ихъ противорѣчіемъ съ внѣшней обстановкой драмы, мѣсто дѣйствія которой, по его выраженію, Римъ, а время — всякое. Какъ на особенно рѣзкія въ этомъ отношеніи сцены, укажемъ на четвертую картину, гдѣ подъ ученіями академическихъ философовъ ѣдко осмѣиваются современныя Гуцкову философскія теоріи въ области эстетики, религіи, права и морали; на шестую картину, гдѣ капитанъ, придворные, поэты, юмористъ и проч. носятъ на себѣ явные слѣды — если позволено будетъ такъ выразиться—самаго голаго модернизма. Не считая нужнымъ указывать читателямъ подробно на черты драмы, выражающія ея „прикосновенность" къ эпохѣ, въ которую она была написана, такъ какъ эти черты и безъ того ясны для каждаго, мы приведемъ мнѣніе самого Гуцкова объ общемъ направленіи его произведенія и основной его идеѣ. „Здѣсь въ драматическихъ картинахъ, говоритъ Гуцковъ, выражены тѣ идеи, которыя преслѣдуетъ уже издавна моя писательская дѣятельность. Я старался примирить противоположности, и крайности соединить въ высшемъ. Въ этомъ драматическомъ очеркѣ крайность, какъ сказалъ бы Гейне, распущеннаго понятія прекраснаго, конечно, доведена до послѣдней степени. Тѣмъ не менѣе все-таки, развѣ современная дѣйствительность не подходитъ къ дѣйствительности временъ Нерона? Прикрытыя цвѣтами, умѣренныя, усмиренныя въ своихъ проявленіяхъ цивилизаціею и христіанствомъ, тайныя наслажденія двойственной человѣческой природы не измѣнились. Строгой гражданской добродѣтели Катона, въ случаѣ, если она не сопровождается успѣхомъ, все также угрожаетъ опасность стоять одиноко въ сторонѣ. Цѣль всемірной исторіи съ тѣхъ поръ, какъ въ нее вошла идея гуманности, заключается въ томъ, чтобы свобода не выражала ничего абсолютнаго, чтобы она присоединяла къ себѣ прекрасное, человѣчное, свободно мыслящее, творческое искусство индивидуальнаго генія. Это и составляетъ тему настоящаго сочиненія".

Указывая читателямъ на тенденціозную сторону драмы, мы не можемъ не обратить хотя вскользь ихъ вниманія и на сторону чисто художественную. По нашему мнѣнію, лицо Нерона, въ произведеніи Гуцкова, создано въ художественномъ отношеніи если не геніально, то во всякомъ случаѣ съ замѣчательною глубиною и творческою силою. Переберите всѣхъ драматурговъ отъ Шекспира и до нашихъ дней, и ни у одного изъ нихъ вы не найдете характера, типа однороднаго съ этимъ образомъ страшнаго деспотизма, вытекающаго изъ двойственныхъ стремленій человѣческой природы и живущаго ужасомъ дѣйствительности и наслажденіями призрачнаго міра. Оригинальность и глубина творчества,—это, безъ

всякаго сомнѣнія, критеріумъ силы дарованія; а Гуцковъ въ созданіи Нерона высказываетъ много глубины и оригинальности. — Характеръ другого героя драмы, Юлія Виндекса, мало выдержанъ, и лицо это представляетъ какъ бы ходячую тенденцію автора. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ монологахъ Виндекса, Гуцковъ высказывается съ истинно поэтическою энергіей.

Въ заключеніе, два слова о переводѣ. Мѣстами переводчикъ держался по возможности вѣрно текста подлинника; мѣстами-же онъ позволилъ себѣ измѣненія, сокращенія или дополненія. Поступая такимъ образомъ, онъ руководился слѣдующими соображеніями: пьеса Гуцкова по своей сущности пьеса философская. Въ нѣкоторыхъ монологахъ Гуцковъ, увлекаясь философскимъ настроеніемъ своего духа, впадаетъ въ отвлеченности, которыя для пониманія нѣмецкой публики разумѣется не представляютъ затрудненія, но русскому читателю могли-бы показаться слишкомъ темными. Въ такихъ мѣстахъ переводчикъ отступалъ отъ текста подлинника и придерживался только его общей мысли. Въ одной картинѣ переводчикъ принужденъ былъ выпустить цѣлый монологъ по рѣшительному неудобству его для перевода; затѣмъ, онъ измѣнялъ текстъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были невозможны для вѣрнаго перевода вслѣдствіе непереводимой игры словъ, и позволялъ себѣ замѣну нѣкоторыхъ современныхъ намековъ автора другими, болѣе понятными для русскаго читателя. Опущенъ также прологъ, въ которомъ авторъ устами Локусты выясняетъ философскую и политическую идею драмы въ прекрасныхъ, но къ сожалѣнію, чрезвычайно трудныхъ для перевода стихахъ.

В. Б.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ЦЕЗАРЬ НЕРОНЪ.
ПОППЕЯ, его любовница.
СЕНЕКА, придворный философъ.
ЖЕНА Сенеки.
ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.
КОРНЕЛІЙ ТАЦИТЪ, историкъ, живущій пустынникомъ.
ТИГИЛЛИНЪ, мавръ.
САБИНЪ КАССІЙ, трибунъ, отрекшійся отъ своихъ убѣжденій.
СТАРЫЙ СЦЕВИНЪ, заговорщикъ противъ воли.
МЕЛИХЪ, рабъ Сцевина, родомъ нѣмецъ, называвшійся Михель.
ЦЕРЕАЛИСЪ АНИЦІЙ, величайшій льстецъ въ Римѣ и составитель благодарственныхъ адресовъ императору.
ФАОНЪ, отпущенникъ.
Три служителя при Академіи.
Семь академическихъ учителей съ своими учениками.
Риторъ, профессоръ лести.
Гражданинъ, дочь его и сосѣдъ.
Сатировъ, Нимфъ — Хоры.
Дріадъ, Наядъ, Ореадъ, Корибантовъ — Хоры.
ЦИБЕЛЛА.
Хоръ менадъ.
Хоръ придворныхъ поэтовъ.
Три поэта.
Книгопродавецъ.
Юмористъ.
Капитанъ.
Пять вѣстниковъ.
Молодой человѣкъ.
Другой молодой человѣкъ.
Палачи.
Три солдата.
Раненый рекрутъ.
Два враждующіе брата.
Двѣ дѣвушки.
Два гражданина.
Отецъ.
Мать.
Носильщики.
Сенаторы, трибуны, ученики и проч.
Земля.

Мѣсто дѣйствія — Римъ. Время — всякое.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Площадь въ Римѣ.

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Привѣтствую тебя, мой домъ родной,
Гдѣ, наконецъ, я отдохну усталый!
На мой поклонъ съ любовію бывалой
Киваешь ты сѣдою головой.
Здѣсь время замерло въ своемъ полетѣ скоромъ:
Вонъ мхомъ и зеленью заросшая стѣна —

На ней минувшее могу читать я взоромъ
Какъ будто старой книги письмена;
Вонъ тамъ лоза, покорна тяжкимъ гроздамъ,
Склоняетъ стволъ: въ младенческіе дни
Я отдыхалъ не разъ въ ея тѣни;
Вонъ подъ окномъ, прильнувъ къ воздушнымъ гнѣздамъ,
Щебечутъ ласточки, что въ даль чужихъ сторонъ
Быть можетъ нѣкогда меня сопровождали;
Вонъ ключъ — его струи не замолчали,
И пѣсню старую поетъ, какъ прежде, онъ;
Какъ прежде, дверь не замкнута запоромъ,
И вѣтеръ издаетъ печальный стонъ,
Ударивши по бронзовымъ притворамъ,
И мчится въ высь, играя сѣтью травъ,
Опутавшихъ нависшій архитравъ...
Мнѣ чудится, вотъ, у окошка, вѣтки
Лозы тѣнистой отстранитъ слегка,
Какъ мраморъ, бѣлая рука,
И заблестятъ глаза молоденькой сосѣдки,
И голосокъ ея раздастся въ тишинѣ
Привѣтомъ сладкимъ... Что-то скажутъ мнѣ
Отецъ и мать? Я нынѣ воротился
Совсѣмъ инымъ отъ головы до ногъ!
Отъ юной грусти и пустыхъ тревогъ
Я опыта лекарствомъ исцѣлился.
Безумства дней былыхъ схоронены:
Мечтой безцѣльною не увлекусь теперь я,
Къ великимъ подвигамъ порывы мнѣ смѣшны,
И къ силамъ собственнымъ мнѣ чуждо недовѣрье!
Я не рисуюсь, мраченъ и унылъ,
Передъ толпой величьемъ затаеннымъ,
Не мню, что я Тезей или Ахиллъ,
Что я рожденъ Сократомъ, иль Платономъ;
Нѣтъ, на себя смотрю иначе я:
Я бодръ и крѣпокъ; свѣжая струя
Кавказскихъ бурь провѣяла мнѣ душу;
И не вотще черезъ моря и сушу
Скитался я отъ родины въ дали:
Немало средь различныхъ странъ земли
Житейской твердости успѣлъ себѣ добыть я...
Пусть говорятъ, что мрачныя событья
Теперь переживаетъ Римъ,
Рукою самовластія томимъ, —

Что мнѣ до этого? Я презираю вздоры
Ничтожныхъ политическихъ заботъ!
Кому тяжелъ правленья гнетъ,
Пусть тотъ свой путь направитъ въ горы,
Чтобъ закалить души свободу тамъ,
Бродя по дикимъ высотамъ,
Гдѣ въ нѣдрахъ скалъ, угрюмо спящихъ
Подъ пологомъ грозовыхъ облаковъ,
Страшится встрѣтить звѣроловъ
Волшебныхъ грифовъ, золото хранящихъ.
Кто, бросивши, какъ я, семью,
Блуждалъ въ Колхидѣ отдаленной,
Горячимъ солнцемъ опаленный;
Кто черезъ Понтъ стремилъ ладью,
Когда порывъ грозы свирѣпой,
Вздувая валъ подъ небеса,
Дробилъ вершину мачты въ щепы
И рвалъ на клочья паруса,
Тотъ не дрогнетъ испытанной душою
Предъ ужасами Рима, если ихъ
Дѣйствительность не создана молвою...

Подходитъ къ дверямъ своего дома. Четыре носильщика выходятъ изъ дому съ гробомъ.

Что это? гробъ!? Иль тайну думъ моихъ
Подслушалъ рокъ и надо мной смѣется?
О горе! Ради неба мнѣ скажите,
Кого несете вы въ гробу?

ОДИНЪ ИЗЪ НОСИЛЬЩИКОВЪ.

Бѣги
Отсюда, юноша! здѣсь домъ несчастья:
Нашъ старый господинъ погибъ сейчасъ —
И вотъ Корнелія, его супруга,
Ему предшествуетъ въ могилу.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Мать!
Корнелія! О стойте, стойте!
Скажите мнѣ... они уходятъ... Боги!
Какъ будто подъ дыханіемъ чумы
Погасли юности моей надежды,
Путь жизни озарявшія свѣтло!

Иль это правда, что могильный голосъ
Я слышалъ здѣсь, и мой отецъ —

Изъ дома выносятъ другой гробъ.

О ужасъ!
Вотъ гробъ еще! Ужели въ этомъ гробѣ
Мой взоръ увидитъ все, что̀ называлъ я
Любовію моихъ цвѣтущихъ дней?
Остановитесь! это мой отецъ!
О, люди, слышите ли вы — я сынъ,
Сынъ человѣка этого!... Уходятъ —
И я стою какъ бы къ землѣ прикованъ!
Ихъ путь печальный кровь обозначаетъ:
Она изъ гроба льется и течетъ
По плитамъ мостовой... Убійство
Свершилось здѣсь! И нѣту никого,
Никто не откликается на зовъ мой!
Иль вымеръ Римъ? скажите мнѣ? Услышьте
Мои мольбы и вопли! Нѣтъ отвѣта!
Всѣ запираютъ двери, оставляя
Сосѣда защищаться одного
Противу ужасовъ, достойныхъ ада!
Гдѣ-жъ нашихъ слугъ несмѣтное число?
Иль разбѣжалися они?...

Изъ дому выходитъ САБИНЪ КАССІЙ, окруженный солдатами.

Постой!
Я вижу—сталь твоя еще дымится,
Тобой пролитой, благородной кровью —
Прими же кару мщенья за убійство!

Нападаетъ на Кассія; солдаты становятся между ними.

САБИНЪ КАССІЙ.

Не отнимайте у него оружья!
Пусть мечъ его вонзится мнѣ въ гортань:
Я самъ себѣ кажусь презрѣнной тварью,
Свершивъ такое дѣло. Отойдите —
Пусть на меня падутъ его удары!

Бьются; С. Кассій падаетъ.

А — такъ! Ударъ хорошъ... Сквозь ребра
Прошелъ твой мечъ глубоко и меня
Освобождаетъ отъ проклятой жизни.
Я душу ослѣпилъ свою, свершивъ
По приказанью Цезаря такое

Позорное, жестокое убійство...
Здѣсь я умру, гдѣ, дружбою презрѣвши,
Я сдѣлался прислужникомъ тиранства...
О время золъ! кто не имѣлъ врага,
Тотъ гибнетъ жертвою измѣны другу...
Я измѣнилъ любви, воспоминаньямъ
Младенчества, которое прошло
Въ стѣнахъ мной окровавленнаго дома.
Темнѣетъ взоръ мой... Но свѣтлѣй смотрю
Я предъ собой духовными очами
И узнаю въ предсмертный мигъ того,
Чей мечъ мнѣ отомстилъ за преступленье:
Прощай — я шлю тебѣ привѣтъ послѣдній,
Мой лучшій другъ, мой благородный Юлій!..

Умираетъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

О Кассій, другъ минувшихъ дней!
Такъ вотъ зачѣмъ мы встрѣтились съ тобою!
Товарищъ дѣтскихъ игръ, ты былъ въ семьѣ моей,
Моихъ родителей воспитанъ добротою;
Ты выросъ здѣсь, средь этихъ старыхъ стѣнъ,
Заботливо хранимъ святой любовью —
И вотъ, за ласки стариковъ взамѣнъ,
Ты обагрилъ родной порогъ ихъ кровью!..

Трупъ Сабина Кассія уносятъ.

Прощай мой сонъ, прекрасно лживый сонъ!
Ты полонъ былъ грезъ юности отрадной,
И свѣтлый рой ихъ разомъ разнесенъ
Дѣйствительности бурей безпощадной?
Проклятіе тебѣ, чужбины даль,
Навѣявшая мнѣ покой на вѣжды!
Въ моей душѣ изсякъ родникъ надежды
И жгучее отчаянье, печаль,
Всѣ ужасы растерзаннаго духа
Съ мученьемъ пробудились въ ней,
И голосъ мщенья, съ юныхъ дней
Роптавшій въ этомъ сердцѣ глухо,
Вновь отзывается больнѣй!
Прочь ласки лѣни равнодушной!
И мужества и чести зовъ
Я позабылъ, душой послушной

Неволѣ сладкихъ ихъ оковъ.
Любуясь сводомъ неба, полнымъ
Звѣздъ, улыбавшихся свѣтло,
Иль взоры устремляя къ волнамъ,
Гдѣ чайки бѣлое крыло
Мелькало вслѣдъ за быстрымъ челномъ —
Я думалъ въ грезахъ: сталь копья
Дана рукѣ лишь для забавы
Охоты мирной... Сонъ лукавый!
Какъ страшно пробудился я!
Открылась дней минувшихъ рана —
И вновь кипитъ душа моя
Кровавой злобой на тирана,
Чья длань сдавила нашу грудь
Такъ крѣпко, что нѣтъ силъ вздохнуть!...
Вотъ я стою на полѣ битвы
Любви погибнувшей моей,
И слышу, сонмъ родныхъ тѣней
Возноситъ скорбныя молитвы
Кровавымъ мщенья божествамъ!
Но живы-ль въ небѣ боги сами?
Не овладѣлъ-ли небесами
Неронъ, какъ Римомъ, здѣсь и тамъ
Грозя убійствами? Кто знаетъ,
Быть можетъ цезаря приказъ
Готовъ уже — и близокъ часъ
Какъ надо мною засверкаетъ
Трибуна грозный мечъ?...
Войду
Я въ отчій домъ. Тамъ, гдѣ убиты
Отецъ и мать, челомъ на плиты
У ногъ пенатовъ припаду;
Потомъ, съ меча не вытирая
Дымящійся отмщенья слѣдъ,
Пойду искать людей... О, нѣтъ!
Еще надежда есть святая:
Поппея! я отъ дѣтскихъ лѣтъ
Тебя любилъ; я вновь съ тобою
Увижусь и на грудь твою
Склонюсь несчастной головою
И муки сердца изолью
Потокомъ слезъ...

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Въ домѣ Поппеи.

Ночь. Передняя часть открытой террасы. Луна за тучами.

Неронъ и Поппея лежатъ на ложѣ. Неронъ говоритъ мечтательно и медленно.

НЕРОНЪ.

Который часъ теперь?

ПОППЕЯ.

Пѣтухъ
Кричалъ недавно.

НЕРОНЪ.

Ночи духъ,
Онъ людямъ вѣсть даетъ о томъ,
Что воръ крадется тайно въ домъ.
У молчаливой тьмы нѣтъ глазъ,
Но чутокъ слухъ... Засыпаетъ и просыпается снова.

* * *

Который часъ?

ПОППЕЯ.

Часъ по полуночи.

НЕРОНЪ.

Вонъ кротъ —
Ты слышишь? — роетъ и скребетъ;
Онъ слѣпъ, но тайны тьмы ночной
Онъ ловитъ ухомъ подъ землей... Вторично засыпаетъ и просыпается.

* * *

Который часъ?

ПОППЕЯ.

Ужъ два часа
Прошло съ полночи.

НЕРОНЪ

Небеса
Спятъ безмятежно, но земли
Бѣжитъ покой и сонъ. Внемли,
Какой тамъ ярый смѣхъ и гулъ!
Какъ будто вѣтеръ всколыхнулъ
Морскія волны — сонмъ людей
Встаетъ, и копій и мечей
Сверкаетъ цѣлый лѣсъ, булатъ
Звенитъ о мѣдь щитовъ и латъ!
Они идутъ, чтобы въ ночи
Вонзить мнѣ въ грудь свои мечи!...
Они идутъ... спасенья нѣтъ!...

Въ тревогѣ вскакиваетъ съ ложа.

Такъ это грезъ мятежный бредъ?
Все спитъ кругомъ меня; разсвѣтъ
Еще далекъ, и ночи мгла,
Какъ смерть, надъ міромъ налегла!...
Міръ! говорятъ, что сотворенъ
Богами ты, что ихъ законъ
Царитъ межъ насъ, карая зло
И добродѣтели чело
Вѣнчая въ свѣтлый ореолъ;
Богамъ потребенъ скорбный долъ,
Чтобъ власть свою являть на немъ —
И вотъ мы дышемъ, мы живемъ,
Хотя никто изъ насъ о томъ
Не хлопоталъ и не просилъ
Ни горнихъ, ни подземныхъ силъ!...

Возвращается на ложе.

Напрасно счастьемъ жизнь зовутъ:
Жизнь ремесло, жизнь тяжкій трудъ
Съ уплатой скудною; и тотъ,
Кто полонъ на землѣ заботъ
О томъ, чтобъ водворить скорѣй
Добро и правду межъ людей,
Кто міръ лишаетъ зла оковъ —
Тотъ поощряетъ лѣнь боговъ!...

Смотритъ на Поппею.

И какъ я могъ мечтой увлечься ложной,
Что свѣтлое предчувствіе любви
Переживетъ ничтожное мгновенье

Порывовъ обладанья красотою?
Меня томило сладкое желанье
И уносило отъ земной юдоли,
И каждый сердца пылкаго ударъ
Былъ колесницей, въ облака стремившей
Любовью очарованную душу!
Безумецъ обольщавшійся! Размысли,
Что значитъ здѣсь существованье наше?
Затлѣлась искра малая пожаромъ,
Земля дрожитъ, и огненный потокъ
Струитъ гора въ цвѣтущую долину,
Гдѣ подъ лучемъ ласкающаго солнца
Съ безпечной трелью жаворонокъ вьется,
Не чувствуя, что пламенный Везувій
Себѣ ужасный пролагаетъ путь!...
Подумай о страданьяхъ, о заразахъ,
О бѣдствіяхъ, о смерти наконецъ,
О страшной смерти! Человѣкъ простертъ,
Привязанный руками и ногами
Къ колесамъ, запряженнымъ лошадьми,
Летящими на западъ и востокъ
На югъ и сѣверъ; промелькнетъ мгновенье —
И только пять кусковъ окровавленныхъ
Останется отъ жизни человѣка!
Да, свой конецъ должны мы ждать всечасно,
Какъ будто на верху высокой башни
Насъ держитъ рокъ, считая хладнокровно:
Разъ, два — и внизъ мы падаемъ при трехъ!...
И что еще извѣдать можно въ мірѣ,
Чтобъ не было извѣдано и скорбно
Оплакано, чего-бъ въ грядущемъ внуки
Не оросили горькими слезами?
И вы, о люди, въ этомъ жалкомъ мірѣ
Существованье жалкое влача,
Гоняетесь за призракомъ отличій,
За пылью яркой крыльевъ мотылька,
Въ мечтахъ лелѣете аркадскія блаженства,
Стремитесь къ добродѣтели, надѣясь
Стяжать за то награду въ небесахъ;
Различіе между добромъ и зломъ
Находите, и съ вѣрою молитвы
Возносите богамъ, хранящимъ міръ!
Пускай они его хранятъ для васъ —

Не для меня! Смѣюся я надъ небомъ,
Смѣюся надъ судомъ и управленьемъ
И глупою опекою боговъ!
Надъ сказками о ихъ державной власти
Съ фиглярской обстановкой жертвъ и храмовъ,
Съ вѣсами, мѣрой, мщеньемъ и наградой!

Бормочетъ колыбельную пѣсню и засыпаетъ.

ПОППЕЯ—освобождаясь мало по малу отъ него приподымается.

Ужасный ликъ! Во снѣ страшнѣй онъ смотритъ,
Чѣмъ свѣтлымъ днемъ, когда кругомъ себя
Онъ взоры ярые гіенны мечетъ!
И я, несчастная, въ своихъ рукахъ
Держу проклятье міра! О, Поппея!
Иль загражденъ тебѣ отсюда путь?
Иль навсегда къ свободѣ запертъ выходъ,
Съ тѣхъ поръ какъ ты подругой тигра стала?
Какъ тяжело онъ дышетъ! грудь его
Готова разорваться отъ видѣній,
Что̀ извиваются, какъ будто змѣи,
Подъ вѣками его замкнутыхъ глазъ!
О горе! близъ дрожащихъ этихъ устъ,
Исполненныхъ дыханіемъ заразы,
Мертвящей человѣческую жизнь,
Близъ сердца, полнаго безумной злобой,
Должна я жить, въ готовности всегдашней
Смирять души своей негодованье
И чашу крови подносить къ устамъ
Съ улыбкой, будто влагу винограда!
И если бы еще онъ человѣкомъ былъ!
И если бы еще свои мученья
Несла я въ жертву мужеству! Что̀ любитъ
Въ мужчинѣ женщина? не доброту —
Нѣтъ, только мужество его и силу.
Жена, любовью связанная съ мужемъ,
И съ преступленьемъ связана его.
Когда въ ночи, какъ будто привидѣнье,
Безъ сна онъ бродитъ — вмѣстѣ съ нимъ она
Льетъ слезы горькія; за нимъ повсюду
Она идетъ, и тамъ, гдѣ онъ страшится,
Она блѣднѣетъ — вотъ любовь!
А здѣсь?
Здѣсь ненависть! Позоръ тебѣ, Поппея!

Ужели ты упала такъ глубоко,
Ты, жившая въ быломъ иною жизнью?
О Юлій, мой незамѣнимый другъ!
Не бьется больше счастьемъ это сердце
И ничего, ни даже слезъ, тебѣ
Я не могу принесть въ воспоминанье!...

Шумъ на терассѣ.

Чу? Что за шумъ? Меня зовутъ?

ГОЛОСЪ — за сценой.

Поппея!

ПОППЕЯ.

Иль это ночь со мною говоритъ?

ГОЛОСЪ — за сценой.

Предчувствуешь ли ты, Поппея, чье дыханье
Вокругъ колоннъ портала льетъ любовь?
Забыла-ль ты любви воспоминанья,
Когда тебѣ я приношу ихъ вновь?
Я вижу бѣлый парусъ покрывала:
Скорѣй его къ моимъ устамъ причаль,
Скорѣй узнай, кого тебѣ примчала
Въ тьмѣ лѣтней ночи странъ безвѣстныхъ даль!

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

ПОППЕЯ.

О боги вѣчные! Ты-ль это, Юлій?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Прими лобзаніе любви въ привѣтъ,
Прими объятья вѣрности священной,
Прими опять съ минуты этой все,
Чѣмъ сердце жило и живетъ донынѣ!
Пусть за оградой взора твоего,
Меня во дни былые охранявшей,
Я скроюсь вновь отъ горькихъ бѣдствій жизни!

ПОППЕЯ — про себя.

Онъ моего не вѣдаетъ позора!

Вслухъ.

Въ какой землѣ ты долго такъ скитался?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Спроси объ этомъ моря шумный валъ,
Колхиды скалы, берега Британіи!
Я былъ задержанъ бурей-непогодой
Затѣмъ, чтобъ, вытерпѣвъ ея удары,
Вернуться къ счастію любви твоей!
Какъ разцвѣла ты пышно и прелестно!
Нѣтъ, никогда не думалъ я, что встрѣчу
Тебя такой, какъ ты стоишь теперь
Въ кудряхъ, разбросанныхъ по плечамъ дивнымъ!

Хочетъ ее обнять.

ПОППЕЯ.

Остановись! я замужемъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Такъ мнѣ
Не солгала молва? О нѣтъ, ты хочешь
Меня, несчастнаго, обманомъ испытать?

ПОППЕЯ.

Увы, мои слова такая-жъ правда
Какъ-то, что тѣхъ, кого похоронилъ ты,
Назадъ могилы бездна не отдастъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Поппея! какъ? такъ стало быть разсвѣтомъ
Обманчиво меня дразнила ночь?
Такъ стало быть могилы зѣвъ повсюду
Я встрѣчу въ Римѣ? О, Поппея, нѣтъ —
Не вѣрю я! холодный этотъ взглядъ,
На мѣсто ласкъ привѣта, и улыбка
Въ отвѣтъ моимъ мученіямъ смертельнымъ?

ПОППЕЯ.

Не вѣришь ты, что времени полетъ
Все увлекающей, струею свѣжей
Моей любви неясный призракъ свѣялъ,
Что ты его ловить приходишь поздно?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

И можешь ты такъ горько издѣваться?

ПОППЕЯ.

Вини природу, что она вложила
Въ грудь женщины безумье роковое!
Когда ее волнуетъ страсти хмѣль,
Когда дыханіемъ весеннихъ чаръ
Любовь ея обвѣиваетъ душу,
Тогда единый мигъ самозабвенья —
И падаетъ она невозвратимо!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

О горе, горе! на твоихъ устахъ
Змѣю коварства вижу я! Сирены
Людей прельщали сладостною пѣсней;
Но я внимаю ей и слышу только
Безстыдные и дьявольскіе звуки!
Иль въ прахъ повергла ты свою невинность,
И вмѣстѣ съ ней любовь и добродѣтель?
Гдѣ робость та, съ которой ты когда-то
Мнѣ дозволяла съ устъ твоихъ прекрасныхъ
Лобзаній первыхъ похищать добычу?

Увидѣвъ Нерона.

О боги! я своимъ глазамъ не вѣрю:
Тотъ, кто лежитъ тамъ на подушкахъ — Цезарь?
Дыханье замерло во мнѣ! Поппея,
Я въ логовищѣ тигра?!

ПОППЕЯ.

О, бѣги!
Онъ просыпается... Бѣги скорѣе, Юлій!
Сокройся въ тьмѣ ночей! Еще мгновенье —
И нашей смерти неизбѣженъ часъ!
Бѣги, мой милый, дорогой мой другъ!..

НЕРОНЪ — быстро поднимаясь.

Что̀ посылаетъ мнѣ Морфей въ ночи?
Что̀ поднялось изъ пестрой чашки мака?
Проснулся я... Въ счастливомъ сновидѣньи
Мнѣ чудилось, что я — Эндиміонъ.
Кому дары фантазіи пріятны,
Тотъ и при свѣтѣ солнечномъ умѣетъ
Дѣйствительность въ сонъ чудный превращать...

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ — въ сторону.

Я скованъ ужасомъ! Его глаза открыты,
Меня онъ видитъ — и межъ тѣмъ ему
Я представляюся видѣньемъ соннымъ!

НЕРОНЪ.

Быть мертвымъ — худо; но подобье смерти
Извѣдать — въ этомъ есть своя отрада!
Кто не желалъ бы нѣкогда себя
Почувствовать, лежащимъ въ тьмѣ могилы?
Кто не желалъ бы разгадать, что́ значитъ
Ничто, отсутствіе существованья?
Кто не желалъ бы въ смертный мигъ постигнуть,
Какъ чувства, умирая, убѣгаютъ,
Узнать какъ тамъ, за гранью бытія,
Безъ чувствъ мы чувствуемъ и понимаемъ?
Кто не желалъ бы видѣть переходъ
Невѣдомый изъ одного въ другое?
Я наслажаюсь тѣнію блаженства
Такого вѣдѣнья: я сплю, межъ тѣмъ,
Какъ бодрствующій, мѣряю пространство,
И вижу я два образа живые,
Которые однако лишь во снѣ
Одинъ съ другимъ сошлися.

ПОППЕЯ.

Уходи,
Пока его ночная мгла морочитъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Я остаюсь. Умри тиранъ!..

ПОППЕЯ.

О, Юлій,
Ты самъ погибнешь и меня погубишь!

НЕРОНЪ.

Какъ ясно эти тѣни говорятъ!
Ты хочешь мстить мнѣ, мальчикъ блѣднолицый?

Но я вѣдь духъ такой же, какъ и ты;
Я самъ живу въ волшебномъ вашемъ царствѣ
И на землѣ одно мое лишь тѣло.
Я вамъ служу, хоть, къ сожалѣнью, я
Во всемогуществѣ еще не равенъ съ вами!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Онъ бредитъ! сердце покорю я страху
И убѣгу... Уходитъ.

НЕРОНЪ — возвращаясь на ложе.

Останься тѣнь, останься!..
О золотое облако, куда
Ты уплываешь?.. возвратись ко мнѣ!..
Оно все дальше, дальше улетаетъ...

Подпираетъ рукой голову.

ПОППЕЯ.

Такъ сотни дней считаетъ онъ себя
Во снѣ не спящимъ, и убійцы руку,
Простертую надъ черепомъ его,
Встрѣчаетъ онъ улыбкою, мечтая
Въ убійцѣ видѣть чувствъ своихъ обманъ!

НЕРОНЪ.

Безумецъ, въ страшныхъ судоргахъ метаясь,
Проклятье неба несъ. И вотъ однажды
Глубокій сонъ его глаза обвѣялъ
И грезилось ему, что вновь разсудокъ
Къ нему вернулся, что съ его очей
Снялся покровъ печальный заблужденья;
Что вновь онъ можетъ ясно понимать,
Обдумывать, что̀ было, есть и будетъ.
Какъ ликовалъ онъ воскрешеннымъ сердцемъ,
Какъ взоръ его сіялъ, стремясь на небо,
Какъ жарко онъ благодарилъ боговъ:
«Безсмертные! святое милосердье
Вы наконецъ мнѣ снова возвратили!
Съ моей души упали тьмы покровы,
Я возрождаюсь вновь вторымъ рожденьемъ,
Мой разумъ вправился въ свои границы!

О, солнце, воздухъ, жизнь, земля и небо —
Весь міръ мнѣ снова вами подаренъ!»
И онъ во снѣ отъ счастья плакалъ. Вдругъ
Порывомъ вѣтра отворилась дверь
Печальной кельи — и безумецъ бѣдный
Отъ краткаго блаженства пробудился.
Подъ свѣтомъ солнца мечется онъ дико
И укрощаютъ сторожа его;
Все глупо вновь звучитъ въ его ушахъ:
Безумье воротилося, и бредитъ
Несчастный сумасбродъ, во снѣ лишь только
Отъ тяжкаго недуга исцѣленный!

Входитъ ТИГИЛЛИНЪ МАВРЪ.

ТИГИЛЛИНЪ.

Ваше величество!
Колесница стоитъ
Передъ дверями:
Било четыре часа.

НЕРОНЪ.

Сопровождай меня! — Поппея! слушай
Слова Нерона: въ Золотой дворецъ
Я ухожу, искать себѣ покоя.
Не позволяй себѣ, чтобъ въ снахъ моихъ
Являлась ты такой, какъ нынче ночью!
Сны не всегда обманчивы. Должна ты
Быть вѣрною въ моихъ мечтаньяхъ даже,
Какъ и въ своихъ. Прощай, покойной ночи. Уходитъ.

ПОППЕЯ.

О боги вѣчные! какое шутовство!
Куда ведетъ двойная эта жизнь?
Съ безумьемъ, разумъ съ разумомъ безумство
Мѣшаются въ его мозгу всечасно.
Считаетъ сны дѣйствительностью онъ,
Дѣйствительность же снами называетъ.
Онъ могъ казаться бы смѣшнымъ фигляромъ,
Когда бы чуть не полвселенной грани,
Не царство римское ему служило
Подмостками для шутовскихъ кривляній,

Когда бы скоморошествомъ своимъ
Не привлекалъ онъ взоры милліоновъ!
Въ то время какъ одно онъ ищетъ слово
И гонитъ прочь другое — въ этотъ мигъ
Воздвигнуться перуновъ могутъ горы,
И громы ихъ послужатъ остановкой,
Для декламаціи безумной сумасброда —
Не болѣе! какъ жизнью комара
Онъ дорожитъ людей существованьемъ!...
О, Юлій, твой отецъ въ могилу легъ
За то, что благодарность пріобрѣлъ онъ
Сабина Кассія. Но «благодарность»
Смягчаетъ полицейскія сердца,
И Кассій совершилъ его убійство.
И ты вослѣдъ отцу пойти желаешь?
Нѣтъ, Юлій, пусть я сдѣлалась рабыней,
Наложницей Нерона — но клянусь я
Хранить твою, мнѣ дорогую, жизнь!...
Но время дорого: бѣгутъ мгновенья...
Когда жъ примусь за дѣло я свое?
Ужъ близко утро; завтрашнюю ночь
Римъ императоромъ на праздникъ созванъ;
Охотно-бъ я покинула его.
Но для тебя я буду тамъ, мой милый.
Я заманю тебя въ нашъ хороводъ
Подъ сѣнь зеленыхъ миртъ и олеандровъ...
Начнемъ же; надобно послать гонцовъ
Ему во слѣдъ: пускай они его
Оберегаютъ до того мгновенья,
Когда я снова повстрѣчаюсь съ нимъ
И предъ разлукой выскажу ему
Моей души, тоской убитой, пѣни
И на судьбу свою, и на страданья!

ЗАДАЧИ

ИСТОРИКА ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Гонеггеръ. Исторія культуры девятнадцатаго вѣка. Томъ первый. Время первой имперіи. Спб. 1869. (Переводъ съ нѣмецкаго).

«Исторія культуры» или исторія цивилизаціи есть совсѣмъ новая наука. Она считаетъ себѣ едва нѣсколько десятилѣтій, но уже теперь заняла важное мѣсто въ исторической наукѣ и литературѣ, не только по значенію своей задачи, но и по степени интереса, какой встрѣчаетъ она въ читающей публикѣ. Литература «культурной исторіи» размножается теперь съ каждымъ годомъ, и рѣдкая книга, обнимающая нѣсколько обширный періодъ всеобщей или частной національной исторіи, не принимаетъ въ извѣстной степени ея программы и пріемовъ. Первое возбужденіе къ разработкѣ этой новой исторической области принадлежитъ еще прошлому столѣтію, въ которомъ вообще коренится ближайшимъ образомъ столько умственныхъ и политическихъ движеній и вопросовъ нашего времени. Въ то время ученые и философы въ первый разъ съ особеннымъ интересомъ обратились къ вопросу о человѣческомъ обществѣ, его свойствахъ и несовершенствахъ, объ его первобытномъ состояніи, происхожденіи различныхъ его учрежденій и о развитіи цивилизаціи до ея настоящихъ формъ. Правда, первыя рѣшенія были вообще неудачны; они слишкомъ отзывались апріористическимъ характеромъ; но тѣмъ не менѣе новые интересы стали иначе направлять историческое изслѣдованіе, открывать новыя перспективы и наблюде-

нія, которыя мало по малу потомъ расширились до горизонта исторической науки нашего времени. Уже съ этого времени исторія переставала быть только исторіей государей, войнъ или церкви, исторіей привилегированныхъ сословій, и начала обращаться также и къ другимъ сторонамъ жизни и къ другимъ сословіямъ и народнымъ массамъ. «Нравы», «учрежденія», «науки и искусства» начинаютъ входить въ кругъ изслѣдованія, которое уже вскорѣ пытается ставить и общіе вопросы о человѣческомъ развитіи. Когда Вольтеръ писалъ свой опытъ «о нравахъ и о духѣ народовъ», или Гердеръ свои «идеи о философіи исторіи», то въ основной мысли этихъ трудовъ былъ уже зародышъ той науки, которая усердно строится теперь подъ названіемъ исторіи культуры или цивилизаціи, то-есть такой исторіи, которая стремится представить картину не только политической и религіозной, но и умственной, общественной, бытовой жизни націй, изобразить внутреннее развитіе и движеніе націй въ ихъ цѣломъ составѣ, а не въ предѣлахъ одной политической привилегированной ихъ части.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи исторіографія расширилась до такихъ размѣровъ, какъ никогда прежде, и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Исторія политическихъ учрежденій, права, религіи; изслѣдованія археологическія; изысканія, начатыя въ области языкознанія, народныхъ преданій, миѳологіи, обычаевъ; наконецъ, даже геологическія изслѣдованія, открывавшія существованіе человѣка въ такіе отдаленные періоды, о которыхъ до тѣхъ поръ ученые не имѣли и помышленія,—все это чрезвычайно обогатило науку исторіи новыми наблюденіями и открывало неожиданные результаты. Рядомъ съ этимъ, умозрительная философія начала нынѣшняго столѣтія пыталась уже построить на метафизическихъ основаніяхъ систему историческаго развитія человѣчества, и хотя эти «философіи исторіи» не достигли своей цѣли, хотя ихъ скоро потомъ опередило движеніе положительной науки и онѣ остались только воспоминаніемъ науки, но и имъ принадлежитъ своя большая часть содѣйствія успѣхамъ историческаго знанія: онѣ были замѣчательной попыткой обобщенія, — представляя человѣчество однимъ громаднымъ организмомъ, или представляя его развитіе строгимъ выполненіемъ одной, хотя бы чисто метафизической идеи, онѣ помогли установленію того цѣльнаго пониманія всемірной исторіи, которое начинаетъ образовываться теперь на болѣе надежныхъ данныхъ положительнаго знанія.

Было бы очень долго говорить о томъ, какую великую перемѣну, можно сказать цѣлый переворотъ, произвело въ исторіо-

графіи развитіе упомянутыхъ наукъ, результатами которыхъ исторіографія стала пользоваться. Геологическія изслѣдованія, отодвинувъ на необозримые періоды времени первую эпоху самой природы, отодвинули далеко назадъ и первую пору человѣческой цивилизаціи, и поставили для исторіи совсѣмъ иной исходный пунктъ, отправляясь отъ котораго наука должна идти путемъ, дотолѣ ей неизвѣстнымъ. Началомъ исторіи становится «естественная исторія человѣка»... Съ другой стороны, сравнительное языкознаніе открыло опять совершенно новый источникъ историческихъ свѣдѣній; эта наука, созданная почти въ одно поколѣніе рядомъ геніальныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, нашла въ фактахъ языка возможность заключеній о такихъ періодахъ жизни націй, отъ которыхъ не осталось никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ, и по старымъ и еще живымъ народнымъ сказаньямъ стремится возстановить процессъ развитія народныхъ понятій и поэзіи. Этимъ путемъ историческое наблюденіе проникаетъ въ глубину внутренней жизни народовъ, какъ это было бы невозможно безъ новой науки. Обширныя этнографическія изысканія новѣйшаго времени принесли опять богатую долю матеріала для историческихъ выводовъ о различныхъ формахъ и ступеняхъ цивилизаціи, существующихъ въ разныхъ странахъ міра; и, напримѣръ, наблюденія надъ бытомъ современныхъ дикарей бросаютъ большой свѣтъ на первобытную культуру, потому что въ быту этихъ дикарей еще можно было встрѣтить живыми такіе обычаи и миѳологическія представленія, какіе существовали нѣкогда и у народовъ европейскихъ, и объясненіе которыхъ безъ этихъ живыхъ аналогій было бы не по силамъ миѳологіи и археологіи. Не говоря о множествѣ другихъ частныхъ изученій, которыя подобнымъ же образомъ расширяли и углубляли историческое изслѣдованіе, новую силу далъ ему успѣхъ естественныхъ и экономическихъ наукъ, изученіемъ природныхъ условій человѣческаго быта и ихъ вліянія на природу человѣческихъ обществъ. Изслѣдованіе вліяній климата, мѣстности, произведеній природы, особенностей племенъ, жизненныхъ условій человѣческаго общества, матеріальныхъ и экономическихъ, въ первый разъ стремились дать исторіи то широкое основаніе, которое одно можетъ сдѣлать ее истиннымъ и всестороннимъ изображеніемъ судьбы человѣческаго развитія и цивилизаціи. Это чрезвычайное расширеніе наблюденій и изслѣдованій приводило конечно и къ постепенному расширенію самой программы науки. Для исторіи представлялась новая идеальная цѣль: пріобрѣтая столько новыхъ пособій въ наукахъ, основанныхъ на положительномъ опытѣ и наблюденіи, исторія не хочетъ уже оставаться, какъ прежде, однимъ изложе-

ніемъ событій, которое освѣщалось только болѣе или менѣе случайными и произвольными общими положеніями, и готовится вступить на новый путь—на путь положительнаго изученія, принадлежащаго точнымъ наукамъ. Когда она дѣйствительно вступитъ на этотъ путь и насколько способна будетъ къ точнымъ выводамъ, это конечно вопросъ далекаго будущаго; — но нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнія попытки историческаго изученія именно стремятся дать историческому знанію эту положительность основаній и выводовъ.

Новое пониманіе цѣлей и метода исторіи отразилось и въ характерѣ самыхъ историческихъ трудовъ. Въ нихъ все больше и больше мѣста начинаетъ занимать именно исторія цивилизаціи, того внутренняго процесса, которымъ человѣчество и отдѣльныя націи изъ своего первоначально грубаго состоянія дошли до нынѣшнихъ формъ жизни, болѣе сложныхъ и совершенныхъ. Элементъ культуры не только вошелъ необходимой составной частью въ изложенія всемірной исторіи, но въ послѣднее время все больше начинаетъ сосредоточивать на себѣ историческій интересъ, и изслѣдованія все больше и больше направляются на тотъ внутренній органическій процессъ, которымъ объясняются внѣшнія явленія общественной и государственной жизни. Историческіе труды, начатые въ этомъ направленіи, восходятъ, какъ мы сказали, еще къ прошлому столѣтію,—когда съ одной стороны начинается собираніе культурно-историческаго матеріала, съ другой стремленіе освѣтить историческое движеніе человѣчества одной основной идеей. «Новая Наука» Вико, получившая бо́льшую извѣстность только въ новѣйшее время—появилась еще въ первой половинѣ XVIII-го вѣка; въ 1750-хъ годахъ вышли книги Вольтера — «Сокращеніе всемірной исторіи» и «Опытъ общей исторіи нравовъ и духа народовъ». Съ этихъ поръ идетъ длинный рядъ попытокъ культурной исторіи, сдѣланныхъ съ различными цѣлями и съ различныхъ точекъ зрѣнія, — въ особенности съ точки зрѣнія просвѣтительныхъ идей второй половины этого столѣтія. Эти попытки дѣлались одинаково и почти одновременно въ нѣмецкой, французской и англійской литературахъ; мы находимъ многочисленные, и нерѣдко весьма любопытные и замѣчательные опыты культурной исторіи, подъ заглавіями «исторіи человѣчества», «исторіи человѣческаго прогресса»,—«общества», «человѣческаго совершенствованія» и т. п. Таковы напр. труды Изелина (1764), «Идеи для философіи исторіи человѣческаго рода» Гердера (1785), «Очеркъ исторіи человѣчества» Мейнерса (1786; ему принадлежитъ также замѣчательная для того времени книга по исторіи русскихъ нравовъ), «Исторія совершенствованія

человѣческаго рода» Адама Вейсгаупта (1788), подобныя книги Эггерса, Каруса. Въ англійской литературѣ «Опытъ о гражданскомъ обществѣ» Фергюсона, написанный въ томъ же смыслѣ, относится еще къ 1766 году; во французской, сочиненіе Кондорсе, «Tableau historique des progrès de l'esprit humain», къ 1795, и др. Точка зрѣнія всѣхъ этихъ трудовъ настолько не соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ взглядамъ, насколько вообще научная точка зрѣнія того времени не удовлетворяетъ современнымъ критическимъ требованіямъ и запасу фактическихъ свѣдѣній; тѣмъ не менѣе, этимъ трудамъ невозможно отказать въ той заслугѣ, что они безъ сомнѣнія не мало способствовали послѣдующему разъясненію задачи и программы всемірной исторіи. Къ этимъ вопросамъ обращался и Лессингъ въ своей знаменитой статьѣ «О воспитаніи человѣческаго рода» (1785); Кантъ ставилъ его, съ точки зрѣнія своей философіи, въ своихъ «Идеяхъ для всеобщей исторіи съ космополитической точки зрѣнія» (Ideen zu einer allg. Geschichte in weltbürgerlichen Absicht, 1784, и также въ Erneuerte Frage, ob das Menschengeschlecht in beständ. Fortschreiten zum bessern sei? 1798).

Въ тоже время въ обыкновенную политическую исторію стало входить все больше подробностей о внутреннемъ состояніи государствъ, о нравахъ, управленіи, о положеніи образованности и т. д. Стали появляться исторіи отдѣльныхъ отраслей жизни народовъ, какъ напр. въ знаменитой книгѣ Геерена о торговыхъ сношеніяхъ въ древнемъ мірѣ, «Исторія торговли» Фишера, «Исторія городской жизни въ средніе вѣка» Гюлльмана. Съ точки зрѣнія главнымъ образомъ политическаго развитія надолго пріобрѣли славу книги Гизо «Исторія цивилизаціи Европы» (1828) и его же «Исторія цивилизаціи во Франціи». Вильгельмъ Ваксмутъ, въ «Исторіи европейскихъ нравовъ» (1831) и затѣмъ во «Всеобщей Исторіи культуры» (1850—52) собралъ огромный матеріалъ для исторіи политическихъ учрежденій, быта, нравовъ, образованности у народовъ Востока и Европы съ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ, — хотя послѣдняя книга Ваксмута не всегда включаетъ новѣйшія изслѣдованія и хотя масса частностей дѣлаетъ книгу скорѣе указателемъ или подробной программой, чѣмъ настоящимъ изложеніемъ предмета. Совершенно въ другомъ родѣ «Всеобщая культурная исторія человѣчества» многотомный трудъ Густава Клемма (1847). Во владѣніи Клемма былъ въ Дрезденѣ богатый музей, состоявшій изъ всевозможныхъ произведеній культуры отъ низшихъ до высшихъ ея степеней, изъ разныхъ странъ и различныхъ національностей; этотъ этнографическій музей, одна изъ достопримѣчательностей Дрездена,

собранъ былъ Клеммомъ въ теченіи многихъ десятилѣтій и его «Культурная исторія» отразила на себѣ это направленіе его коллекторской дѣятельности. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на внѣшнія произведенія и явленія цивилизаціи, и между прочимъ въ особенности останавливается на низшихъ явленіяхъ цивилизаціи у дикихъ и полудикихъ народовъ.

Бытъ дикихъ народовъ сталъ привлекать вниманіе изслѣдователей уже давно, и еще въ прошломъ столѣтіи нравы дикарей давали поводъ къ вопросамъ объ исторіи цивилизаціи (книги Крафта, Штейба, 1766, 1792): въ ихъ настоящемъ состояніи уже тогда думали видѣть первобытныя эпохи всей человѣческой цивилизаціи, — какъ въ этомъ и дѣйствительно убѣждаютъ новѣйшія болѣе отчетливыя и подробныя изысканія: потому что живые обычаи дикарей нерѣдко доставляютъ несомнѣнныя аналогіи для тѣхъ пріемовъ быта и понятій, какія надобно предполагать по древнѣйшимъ миѳамъ народовъ индоевропейской культуры. Таковы напр. первые способы добыванія огня и связанныя съ ними легенды и миѳы. Громадный запасъ матеріала этого рода доставленъ именно путешественниками, и въ наше время этотъ матеріалъ подвергается уже любопытной ученой обработкѣ, напр. въ трудахъ нѣмецкихъ миѳологовъ, въ книгѣ Тайлора (недавно переведенной на русскій языкъ), въ сочиненіи Лоббока о древнѣйшей цивилизаціи, и въ особенности въ замѣчательной «Антропологіи народовъ живущихъ естественною жизнью» (Anthropologie der Naturwölker) Вайца,—начало которой также появилось на русскомъ языкѣ,—и проч. Въ книгѣ Вайца, какъ видимъ по самому ея заглавію, изслѣдованіе низшихъ степеней цивилизаціи становится прямо вопросомъ антропологіи,—которая связываетъ исторію цивилизаціи съ «естественной исторіей» человѣка, которая послѣ старыхъ изслѣдованій Блуменбаха и проч. о человѣческихъ расахъ, въ особенности развилась въ новѣйшее время, благодаря замѣчательнымъ открытіямъ въ геологіи, археологіи и естественныхъ наукахъ. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ пользовались большой извѣстностью труды Эдвардса, Причарда; въ настоящее время многочисленныя и замѣчательныя изслѣдованія объ ископаемыхъ древностяхъ, о такъ-называемомъ каменномъ и бронзовомъ вѣкѣ, о свайныхъ постройкахъ и т. д. (Ляйэль, К. Фогтъ, Ворсо, Пикте, Тройонъ, Нильсонъ и проч.) сдѣлали вопросъ о древности человѣка однимъ изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ человѣческаго знанія.

Изслѣдованія филологическія, начавшіяся главнымъ образомъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ особенности трудами нѣмецкихъ ученыхъ, — какъ мы замѣтили, — имѣли то громадное значеніе

для исторической науки, что путемъ строгой критики онѣ возстановляли процессъ развитія языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятій и миѳовъ, и тѣмъ добывали историческіе факты для такихъ далекихъ (хотя и очень неопредѣленно-далекихъ) эпохъ, до которыхъ не достигаютъ никакія письменныя свидѣтельства. Наука языкознанія уже теперь, начавшись такъ недавно, наполняетъ много историческихъ пробѣловъ, которые были бы необъяснимы безъ ея помощи. Она основана была рядомъ великихъ ученыхъ, какъ Гриммъ, Поттъ, Боппъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, и теперь продолжается почти еще вторымъ только поколѣніемъ, ими воспитаннымъ, какъ Максъ Мюллеръ, Кунъ, Штейнталь, Шлейхеръ (недавно умершій) и др. Путемъ изслѣдованій, касавшихся черезъ посредство языка, до миѳологіи, обычаевъ и вообще древняго міровоззрѣнія народовъ, наука языкознанія уже намѣчаетъ себѣ свои дальнѣйшія высшія цѣли: данныя языка, доставляя матеріалъ для изученія поэтическаго и умственнаго развитія народовъ, въ связи съ другими данными доставляютъ и матеріалъ для изученія народныхъ характеровъ, и въ новой филологической школѣ начались изслѣдованія для новой науки—«психологіи народовъ», которая должна имѣть руководящее значеніе въ объясненіи исторической судьбы народовъ.

Мы привели немного примѣровъ настоящаго расширенія историческаго изслѣдованія, но изъ нихъ уже очевидно, какой громадный горизонтъ раскидывается передъ наблюдателемъ всемірнаго историческаго движенія. Понятно само по себѣ, что для ученыхъ нашего времени, современниковъ этого обширнаго размноженія историческаго анализа, трудно, даже невозможно обнять всѣ предметы, затронутые этимъ анализомъ, въ какую-нибудь полную картину или систему, тѣмъ больше, что новыя изученія большей частью только впервые открываютъ свою дѣятельность и еще не успѣли придти къ какимъ-нибудь строго положительнымъ выводамъ. Между тѣмъ, при всей неполнотѣ этихъ новыхъ разнообразныхъ изученій, является неизбѣжная потребность въ синтезѣ и обобщеніи, которые необходимы для самаго успѣха разработки частностей, какъ точка опоры и руководство. Понятно также, что эти обобщенія по необходимости будутъ неполны и несовершенны. Тѣмъ не менѣе европейская литература представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательные опыты, которые не безслѣдно пройдутъ для цѣлаго историческаго знанія. Такова была въ особенности грандіозная задача Бокля въ «Исторіи цивилизаціи Англіи», для которой два тома, изданные авторомъ, должны были служить только введеніемъ. «Исторія умственнаго развитія Европы» Дрэпера, «Человѣкъ въ исторіи» Бастіана, «Исторія раціо-

нализма» Леки и др. представляютъ попытки подобныхъ обобщеній, съ разныхъ точекъ зрѣнія, для болѣе или менѣе обширныхъ историческихъ періодовъ и явленій. Сюда же принадлежитъ начавшееся недавно изданіе «Культурной исторіи человѣчества» (1868) извѣстнаго статистика Кольба (кажется переработка его прежняго сочиненія, 1843 года). Насколько подвинулось впередъ цѣлое историческое изученіе въ послѣднія десятилѣтія, можно наглядно видѣть, сравнивъ новую книгу Кольба съ названной выше книгой Ваксмута: онѣ очень непохожи одна на другую, и не только какъ книги писанныя съ разныхъ точекъ зрѣнія, а какъ книги, писанныя на разныхъ уровняхъ историческаго знанія...

Въ заглавіи своей книги, Кольбъ даетъ ей и другое названіе: «всеобщая исторія по потребностямъ нынѣшняго времени» (eine allgem. Weltgeschichte nach den Bedürfnissen des Jetztzeit). И дѣйствительно «всеобщая исторія» теперь больше и больше начинаетъ пониматься какъ исторія цивилизаціи, — которая, не останавливаясь на однихъ внѣшнихъ явленіяхъ и результатахъ политической жизни, старается разъяснить внутреннія условія, управлявшія исторической дѣятельностью народовъ и дававшія національной жизни ея разнообразные оттѣнки въ бытовыхъ формахъ и учрежденіяхъ, умственномъ содержаніи и въ практическихъ созданіяхъ народа.

Частная исторія отдѣльныхъ націй также болѣе и болѣе принимаетъ характеръ культурной исторіи. Интересъ чисто внѣшняго политическаго развитія перестаетъ быть исключительнымъ; и тѣ предметы культуры, которые еще съ конца XVIII вѣка историки начали прибавлять къ чистой политической исторіи, напр., характеръ учрежденій, нравы, образованность, литература, промышленныя и экономическія явленія, привлекаютъ на себя особенное вниманіе, тѣмъ болѣе еще, что самое пониманіе всѣхъ этихъ предметовъ въ современной наукѣ гораздо глубже и богаче результатами, чѣмъ было когда-либо прежде. Эта исторія хочетъ говорить не объ однихъ вершинахъ государственнаго зданія, а о цѣлой массѣ націи, или почти даже главнымъ образомъ объ этой массѣ, въ которой видитъ существенное основаніе историческихъ явленій. Въ исторической наукѣ отразился тотъ же интересъ къ бытовымъ явленіямъ народной жизни, который въ современной литературѣ и общественной жизни развился въ особенное ревностное стремленіе къ «народности». Здѣсь отразились и тѣ крайности, къ какимъ приходило это стремленіе у нѣкоторыхъ прозелитовъ, которые начинали искать послѣднихъ предѣловъ развитія «народности» преимущественно или даже исклю-

чительно въ простыхъ классахъ народа и въ его самыхъ непосредственныхъ, «коренныхъ» представленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ «народность» и въ западной Европѣ и у насъ была наконецъ употребляема какъ щитъ для реакціонныхъ тенденцій, какъ это напр. можно встрѣтить въ культурно-историческихъ книгахъ пресловутаго Риля.

Въ тѣхъ трудахъ, которые до сихъ поръ посвящены были исторіи культуры, задача такой исторіи понималась весьма различно, и предметы ея получали въ этихъ трудахъ весьма различное значеніе и важность. Эта неясность формальныхъ границъ была весьма естественна въ наукѣ, только что принимавшей въ свое разсмотрѣніе это множество новыхъ предметовъ: самое понятіе «культуры» обнимало слишкомъ разнообразныя вещи, и исторія ея въ обширномъ смыслѣ легко могла включать въ себѣ всѣ частныя исторіи, между прочимъ и политическую. Въ такомъ широкомъ смыслѣ это понятіе было принято, напр. Боклемъ, у котораго цѣлью, средствомъ и мѣриломъ человѣческой цивилизаціи принимается умственное развитіе, судьба котораго и является существеннымъ содержаніемъ исторіи, которому всѣ остальные предметы историческаго изслѣдованія подчиняются какъ второстепенныя частности,—напр. какъ политическія учрежденія, религія, литература и т. д. Понятіе «цивилизаціи» является господствующимъ. У историковъ прежней школы дѣло ставилось, какъ извѣстно, иначе. Вся жизнь націй сводилась къ судьбѣ государства; государство, принимаемое какъ Selbstzweck, поглощало все вниманіе историка, и за исторіей политическаго развитія становились на задній планъ всѣ другія стороны жизни и дѣятельности націй. Въ такомъ смыслѣ опредѣляетъ исторію культуры Ваксмутъ. Она составляетъ для него только дополненіе къ всеобщей (политической) исторіи,—дополненіе, которое дѣлается въ отдѣльномъ изложеніи только по чисто внѣшнимъ соображеніямъ: исторія культуры отдѣляется для лучшаго обозрѣнія матеріала, и для простого удобства — чтобы не слишкомъ размножать число томовъ самой всемірной исторіи. Такое мнѣніе выразилъ недавно и г. Соловьевъ, относительно трудовъ по русской исторіи съ «культурной» или «народной» точки зрѣнія: ему кажется, что люди, толкующіе объ исторіи цивилизаціи, разводящіе народъ съ государствомъ, и т. п. во вкусѣ Бокля, грубо заблуждаются, потому что не имѣютъ правильнаго понятія о сущности государства, какъ завершающаго явленія національной жизни,—и объ его исторіи, включающей въ себѣ всю эту новоизобрѣтенную исторію культуры: потому что исторія государства также

должна и не можетъ не входить въ оцѣнку быта, нравовъ, образованности и т. д. [1]).

Мы думаемъ однако, что едва-ли заблуждаются тѣ, на кого нападаетъ г. Соловьевъ. Что государство, форма политической жизни, есть моментъ великой важности въ исторіи народа, это едвали отвергали наши историки, на которыхъ намекаетъ г. Соловьевъ; они говорили только, что прежняя государственная исторія не объясняла всѣхъ явленій народной жизни, подлежащихъ историческому изученію и имѣющихъ въ этомъ смыслѣ великій интересъ. «Государство» есть конечно очень обширное, но не всеобъемлющее понятіе. Въ обыкновенномъ употребленіи слово «государство» имѣетъ свой опредѣленный смыслъ, и мы очень привыкли различать напр. дѣятельность государства и дѣятельность «общества», различать государство и «народъ» и т. п., и это различеніе имѣетъ свои достаточныя и понятныя основанія. Въ такомъ обыкновенномъ употребленіи принимали это слово и упомянутые историки. Въ болѣе обширномъ и отвлеченномъ смыслѣ можно конечно распространить понятіе государства и на весь объемъ народной цивилизаціи, которая будетъ находить въ «государствѣ» свое необходимое внѣшнее выраженіе,—и тогда конечно споръ о государственной или культурной исторіи былъ бы споромъ о словахъ, и послѣдняя не имѣла бы смысла. Но на дѣлѣ такое обобщеніе этого понятія оказывается неудобоисполнимымъ, и сводится опять къ тому же обычному употребленію этого слова, историкъ государства становится именно историкомъ одной спеціальной дѣятельности націи, и недоразумѣніе обнаруживается весьма скоро. Въ этомъ именно смыслѣ и могло происходить то разногласіе, какое дѣйствительно существуетъ въ пониманіи историческихъ явленій двумя школами: когда одна школа, съ точки зрѣнія «государства» признавала цѣлыя явленія въ народной жизни «противу-государственными» и тѣмъ бросала на нихъ бо̀льшую или меньшую тѣнь осужденія; другая школа признавала эти явленія «народными» и тѣмъ брала ихъ подъ свою защиту. Примѣры этого въ нашей литературѣ, вѣроятно, знакомы занимающимся русскою исторіей, и въ нихъ выражается отчасти различіе двухъ историческихъ точекъ зрѣнія. И послѣдняя изъ нихъ, нисколько не отрицая значенія государства и государственной формы, имѣющихъ слишкомъ сильное вліяніе и на все развитіе націи, и на судьбу каждой отдѣльной личности, — хочетъ только сказать, что государство, въ *данныхъ* своихъ формахъ, можетъ далеко не представлять внутренняго содержанія на-

---

[1]) См. Вѣст. Евр. 1868, декабрь, стр. 681, 686.

рода: такъ данныя формы государственныхъ учрежденій проходятъ нерѣдко не касаясь народныхъ представленій, живущихъ своей собственной жизнью; такъ эти формы остаются иногда чуждыми интеллектуальному развитію въ образованной части общества, такъ какъ это развитіе можетъ совершаться не только внѣ государственныхъ формъ, но даже наперекоръ имъ, когда онѣ бываютъ для него неблагопріятны и т. д. и т. д. Замѣтимъ, наконецъ, что новые пріемы историческаго изысканія, на которые намекаетъ г. Соловьевъ, не были также и нововведеніемъ недавняго времени; напротивъ того, первые признаки ихъ или первая въ нихъ потребность является уже очень давно. «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, такъ исключительно написанная съ точки зрѣнія государственной исторіи, при первомъ появленіи своемъ вызвала возраженія, которыя весьма ясно указывали исключительность и односторонность этой точки зрѣнія, и необходимость другой исторіи, съ иной точки зрѣнія. Этой потребности и думалъ нѣкогда удовлетворить Полевой, затѣвая свою «Исторію русскаго *народа»*. Опытъ былъ неудаченъ, потому что для такого предпріятія у Полеваго не только не было нужныхъ личныхъ условій, но и не было никакихъ средствъ во всемъ содержаніи тогдашней нашей литературы, — но въ той мысли, которою онъ руководился, былъ очень вѣрный инстинктъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты эта «исторія народа» стала предметомъ изученія и разработки для цѣлаго ряда изслѣдователей, и теперь она представляетъ уже гораздо больше возможности исполненія....

Но, если собственно политическая исторія, въ обыкновенномъ смыслѣ, не удовлетворяетъ теперь историческимъ интересамъ и читающей публики, и самихъ изслѣдователей, то съ другой стороны значеніе «культурной исторіи» не ограничивается однимъ внѣшнимъ сопоставленіемъ политической исторіи съ отрывочными свѣдѣніями о различныхъ предметахъ общественной жизни націи,—хотя уже одно введеніе этихъ предметовъ даетъ историческому изложенію такую широту, какой оно прежде не имѣло и которая гораздо больше соотвѣтствуетъ задачѣ и достоинству историческаго знанія. Итакъ, въ чемъ же собственно состоитъ смыслъ этой исторіи, въ ея отдѣльности отъ чисто политической государственной и отъ различныхъ частныхъ исторій?

Для отвѣта на этотъ вопросъ, мы воспользуемся словами одного изъ наиболѣе компетентныхъ современныхъ писателей въ области культурной исторіи, Бидермана, который, кажется намъ, довольно вѣрно указываетъ одну изъ самыхъ существен-

ныхъ сторонъ этого новаго направленія исторической науки [1]). Онъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ вопросъ о томъ, въ чемъ собственно состоитъ задача культурной исторіи, ея мѣсто въ наукѣ и роль между факторами общественнаго развитія.

«Этотъ вопросъ,—говоритъ онъ,—быть можетъ, легче будетъ рѣшить, если мы обратимъ вниманіе на то, какого рода была та развившаяся исторически потребность, которая создала эту новую науку и даетъ ей все бо̀льшее и бо̀льшее распространеніе. Первое, на чемъ мы здѣсь останавливаемся, это — политическая сторона дѣла. Въ теченіе долгаго времени исторія занималась только дѣлами властителей, дворовъ и кабинетовъ. Сами народы являлись въ этой исторіи развѣ только какъ страдательный матеріалъ, которому приходилось или расплачиваться за неразуміе своихъ повелителей, или служить орудіемъ для ихъ цѣлей.

«Эта точка зрѣнія исторіографіи соотвѣтствовала господствовавшей тогда системѣ абсолютнаго владычества властителей, и абсолютной покорности и пассивности народовъ. Это былъ самый ограниченный методъ писанія исторіи, и сравнительно съ нимъ было уже многозначительнымъ успѣхомъ то, когда писатели, рядомъ съ личной исторіей правителей и рядомъ съ разсказами о войнахъ, сраженіяхъ, договорахъ и дипломатическихъ интригахъ, стали также заниматься внутренней жизнью государства, исторіей государственнаго устройства, управленія и законодательства. Это доказывало, что теперь придавали уже извѣстное самостоятельное значеніе если не народу, то, по крайней мѣрѣ, государству, какъ юридическому учрежденію, что теперь уже не хотѣли больше сливать всего государства съ личностью правителей, какъ во времена Людовика XIV. Мало по малу сдѣланъ былъ еще одинъ шагъ. Народы не довольствовались больше тѣмъ, чтобы оставаться объектами властительскаго управленія, хотя бы и объектами, возбуждающими внимательную заботу и до извѣстной степени защищаемыми закономъ; они сами выступили дѣйствующими лицами на сцену обществен-

---

[1]) Въ русской литературѣ Карлъ Бидерманъ извѣстенъ сочиненіемъ о «Представительныхъ учрежденіяхъ съ народными выборами». Это историческое обозрѣніе есть одна изъ лучшихъ статей въ сборникѣ Гакстгаузена: «Конституціонное начало» (пер. Б. Утина и К. Кавелина. Спб. 1866). Бидерманъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду нѣмецкихъ публицистовъ и историковъ; изъ его историческихъ трудовъ особенно извѣстны: «Нѣмецкая философія со временъ Канта» (2 т.), и, начатый въ обширныхъ размѣрахъ трудъ по культурной исторіи: «Германія въ XVIII вѣкѣ» — лучшее сочиненіе подобнаго рода въ нѣмецкой литературѣ, впрочемъ, еще не конченное.

ной жизни. При этомъ, конституціонныя границы не только больше чѣмъ когда-нибудь стѣснили непосредственное вмѣшательство властителя и его ближайшей обстановки; но и все могущество самаго государства съ его централизаторскими и нивеллирующими стремленіями, должно было шагъ за шагомъ отступать въ болѣе тѣсныя границы передъ пробуждающейся самодѣятельностью народа. Этотъ переворотъ былъ въ особенности громадный въ области матеріальной дѣятельности. Самыя разнообразныя стороны экономической дѣятельности, сельское хозяйство, промышленность, торговля, и вмѣстѣ связанныя съ ними общія отношенія промысловаго труда, продовольствія, населенія,—которыя прежде были только одной, и нерѣдко очень слегка третируемой частью государственной и финансовой науки,—теперь возвысились до самостоятельнаго и даже первостепеннаго значенія, какъ движущій и основной элементъ въ государственной и общественной жизни. Политическая экономія и статистика стали теперь такими же важными науками, какъ политика государственнаго устройства и управленія. Нѣтъ ничего удивительнаго, если исторія послѣдовала также этому влеченію времени и начала стараться о томъ, чтобы изслѣдовать успѣхи народовъ во всѣхъ областяхъ матеріальной и духовной дѣятельности съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ прежде она собирала дѣянія и судьбы властителей и ихъ дворовъ».

«Такое же обобщеніе наукъ, а съ ними вмѣстѣ и исторіи, произошло и съ другой стороны,—продолжаетъ Бидерманъ. Въ европейскихъ обществахъ вся масса народа дѣлилась на двѣ, рѣзко отдѣленныя одна отъ другой группы, ученыхъ и неученыхъ; пропорція между этими группами была различна въ разныхъ странахъ, но рѣзкое дѣленіе было вездѣ. Вся духовная жизнь европейскихъ народовъ, вслѣдствіе того, носила на себѣ отпечатокъ этого дѣленія [1]). Наука, искусство, литература приняли особый спеціальный характеръ, такъ какъ предназначались только для одного разряда націи. Ученые думали и писали только для себя самихъ и имъ подобныхъ людей: непосвященные, т. е. громадное большинство націи, должны были обходиться и безъ правильнаго пониманія, и безъ самостоятельнаго сужденія о произведеніяхъ литературы.

«Теперь и это стало иначе. Какъ прежде ученые ставили свою гордость въ томъ, чтобы неученая толпа не могла разу-

---

[1]) Приводимый нами автсръ говоритъ собственно о Германіи; но очевидно, что указываемыя имъ явленія прилагаются столь же вѣрно и къ другимъ „образованнымъ народамъ“ Европы, и мы поэтому позволяемъ себѣ обобщить его сужденія.

мѣть ихъ, такъ теперь они наперерывъ стремятся къ общепонятности и популярности. Тогда какъ прежде наукой занимались большей частью только для науки и только въ этомъ смыслѣ цѣнили ее, и каждая наука считалась однимъ отдѣльнымъ законченнымъ цѣлымъ,—теперь мы видимъ совершенно иное: всѣ науки, не исключая даже самыхъ отвлеченныхъ, вступаютъ въ союзъ между собою, и всѣ вмѣстѣ вступаютъ въ союзъ съ жизнью, съ дѣйствительностью, съ общимъ образованіемъ и національными интересами.

«Естественно, что историческое пониманіе различныхъ наукъ не могло остаться нетронутымъ этой перемѣной. Стала сказываться потребность разсматривать состояніе и успѣхи, достоинства и задачи каждаго отдѣльнаго научнаго направленія уже не на основаніи одного только отвлеченнаго понятія и не съ одной только изолированной, спеціально-научной точки зрѣнія, но напротивъ разсматривать ихъ по ихъ положенію въ жизни и ихъ связямъ съ жизнью, и принимая въ разсчетъ содѣйствовавшіе ихъ развитію факторы всеобщаго культурнаго прогресса.

«Въ этомъ смыслѣ, въ новѣйшее время дѣйствительно сдѣланы были разнообразныя попытки превратить прежнее спеціальное представленіе духовныхъ дѣятельностей, искусства и науки, въ иное преимущественно культурно-историческое представленіе [1])...

«Духъ новаго времени содѣйствовалъ развитію науки культурной исторіи еще въ третьемъ отношеніи,—именно тѣмъ возвысившимся значеніемъ, которое больше и больше стала пріобрѣтать собственно народная жизнь (употребляя здѣсь это слово въ соціальномъ, общественномъ, а не политическомъ смыслѣ), съ ея интересами и особенностями. Тотъ же потокъ идей, который въ области политико-соціальныхъ теорій поднялъ «четвертое сословіе», сдѣлавъ его предметомъ культа (иногда даже преувеличеннаго и аффектированнаго), который въ изящной литературѣ далъ, въ разсказахъ «изъ народнаго быта», такое просторное мѣсто изображенію народнаго, провинціальнаго и мѣстнаго, и приготовилъ этимъ разсказамъ такой блестящій успѣхъ,—этотъ же потокъ идей принесъ и историческому изслѣдованію и исторіографіи массу плодотворнѣйшаго, хотя до тѣхъ поръ большей частью остававшагося безъ всякаго употребленія, забытаго или мало цѣнимаго матеріала.

---

[1]) Авторъ приводитъ въ примѣръ „Исторію нѣмецкой поэзіи“ Гервинуса, „Исторію новѣйшей теологіи“ Шварца, труды по исторіи педагогіи — К. Раумера, книгу о Гегелѣ — Гайма, и другихъ.

«Наша литература (продолжаетъ Бидерманъ, указывая черты нѣмецкой литературы, которыя мы можемъ указать и въ русской — конечно, только въ миньятюрѣ) вообще слишкомъ долго занималась только жизнью болѣе знатныхъ классовъ, — включая сюда развѣ только ученое сословіе, — слѣдовательно аристократіей, въ которой общій типъ беретъ верхъ надъ индивидуальнымъ разнообразіемъ, и условное беретъ верхъ надъ природнымъ и своеобразнымъ. Преувеличенный идеализмъ въ искусствѣ и наукѣ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ отворачивался отъ жесткой дѣйствительности такъ-называемой «обыденной жизни» (къ которой нерѣдко причисляемъ былъ весь кругъ гражданскихъ и домашнихъ интересовъ), и считалъ достойнымъ своего вниманія почти только кружки, владѣвшіе высшимъ общественнымъ и эстетическимъ образованіемъ. Какъ естественная реакція противъ него, въ послѣднее время, и въ жизни, какъ въ наукѣ и даже въ искусствѣ, пріобрѣтаетъ господство реализмъ, который начинаетъ свое наблюденіе и изображеніе народной и общественной жизни не съ самаго верхняго слоя или съ вершины пирамиды, какъ дѣлалъ это идеализмъ, а съ ея широкаго основанія, съ тѣхъ простѣйшихъ и какъ бы самыхъ осязательныхъ отношеній, которыя до извѣстной степени составляютъ для народа переходъ отъ его природной жизни къ его жизни культурной.

«Такимъ образомъ, культурная исторія нашего времени есть результатъ потребности, выросшей изъ самой жизни, и вмѣстѣ изъ хода науки, потребности въ болѣе широкомъ и свободномъ пониманіи всего даннаго историческаго матеріала,—и отсюда этой новой наукѣ представляется троякая задача.

«Во-первыхъ, къ изображенію внѣшней жизни государствъ и народовъ, какъ она выражается особенно въ исторіи правителей, дворовъ, дипломатическихъ переговоровъ, войнъ, завоеваній, культурная исторія должна прибавить изображеніе внутренней государственной и народной жизни, и притомъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, слѣдовательно, не только изображеніе органическихъ, политическихъ и административныхъ учрежденій государствъ, но въ особенности самостоятельной и свободной дѣятельности народовъ въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, въ земледѣліи, въ ремеслахъ и торговлѣ, въ искусствѣ и наукѣ, въ общежитіи и нравахъ, въ проявленіяхъ религіознаго и нравственнаго чувства Съ этой стороны культурная исторія, собственно говоря, есть только послѣдовательное усовершенствованіе прежней политической исторіи, соотвѣтственно бо̀льшему развитію самой общественной жизни, нашего знанія объ ней и нашего къ ней интереса. Какъ прежнее монархическо-феодальное

государство расширилось и развилось въ юридическое и народное государство, какъ оно сдѣлалось (или дѣлается) истиннымъ обществомъ и всестороннимъ воплощеніемъ всей народной жизни, такъ и прежняя исторія, говорившая объ однихъ правителяхъ, кабинетахъ, дипломатахъ и войнахъ, должна все больше и больше расширяться, и дѣйствительно расширится въ *настоящую всеобщую, органическую народную исторію:* въ значительной степени она уже и сдѣлала это. Съ этой стороны понятіе культурной исторіи и не имѣетъ иного значенія.

«Это же самое понятіе органической, народной или культурной исторіи, требуетъ также и съ другой стороны слитія, ассимилированія и извѣстнаго преобразованія отдѣльныхъ спеціальныхъ исторій, шедшихъ до сихъ поръ своими особыми одна отъ другой путями, слитія ихъ подъ одну высшую, общую точку зрѣнія культурной исторіи. Подъ этимъ надо разумѣть не простое, такъ-называемое «популяризированіе» этихъ отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ и ихъ исторіи; напротивъ, требованіе состоитъ въ томъ, чтобы для каждой отдѣльной науки или искусства и ихъ историческаго развитія показать, какимъ образомъ они связываются въ данное время съ общимъ движеніемъ и явленіями народной жизни, какимъ образомъ эта послѣдняя дѣйствовала на нихъ, и какъ онѣ въ свою очередь дѣйствовали на нее.

«Наконецъ, въ-третьихъ, культурная исторія должна изобразить и оцѣнить и такія направленія народной жизни, которыя, до сихъ поръ, или по незнанію, или изъ фальшиваго ученаго или эстетическаго высокомнѣнія, совершенно упускались изъ виду, въ особенности жизнь и бытъ, мысли и чувства низшихъ классовъ, или собственно «народа», простонародья, слѣдовательно то, что̀ поэтому и называется собственно «народнымъ». На мѣсто слишкомъ отвлеченнаго понятія «націи» или «народа» въ цѣломъ, понятія, изъ котораго слишкомъ часто исходили въ особенности политики въ своихъ экспериментахъ съ государственными теоріями, но также и историки и даже романисты въ своихъ картинахъ извѣстныхъ періодовъ времени,—на мѣсто этого понятія должна быть пріобрѣтена сколько возможно всесторонняя, живая, ярко оттѣненная картина народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, картина, въ которой не должны быть опущены черты поселянина, какъ и городского жителя, пролетаріата и знатныхъ классовъ или зажиточнаго средняго сословія, выросшаго среди природы жителя замкнутыхъ горныхъ долинъ или далекихъ отъ путей сообщеній низменностей, и высоко образован-

наго, даже черезъ мѣру образованнаго обитателя большихъ центровъ міровыхъ сношеній и цивилизаціи».

Въ этихъ словахъ достаточно ясно указанъ смыслъ новаго направленія исторіографіи, которое, какъ мы замѣчали выше, проникло и въ разработку русской исторіи. Что эти новыя потребности и наклонности русскихъ историковъ совершенно естественнымъ образомъ вытекали изъ всего хода нашей общественной жизни, въ этомъ едва ли можно усумниться, сопоставивъ ихъ съ другими явленіями литературы и стремленіями общества: тѣ признаки, съ которыми Бидерманъ связываетъ появленіе этой формы исторіографіи, несомнѣнно повторяются и въ нашей жизни, — хотя, конечно, на русской почвѣ ихъ размѣры значительно съуживаются. Г. Соловьевъ справедливо замѣтилъ, что у нашихъ историковъ наклонность къ этому нововведенію явилась «раньше Бокля». Дѣйствительно, мы указывали, что первые признаки этой наклонности обнаружились еще во времена появленія первыхъ книгъ «Исторіи» Карамзина. И чѣмъ дальше мы можемъ указать въ нашей литературѣ эту наклонность, и это стремленіе расширить кругъ историческаго наблюденія, тѣмъ больше это стремленіе заслуживало бы вниманія и справедливой оцѣнки: потому что мы должны видѣть въ немъ уже вовсе не какую-нибудь модную тенденцію, а дѣйствительную потребность развивающагося историческаго сознанія. Таково оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Переходимъ къ книгѣ Гонеггера, которая дала намъ поводъ говорить объ этомъ предметѣ и которая пытается представить культурную исторію новѣйшаго періода европейской жизни. Попытка эта, къ сожалѣнію, оказывается (по крайней мѣрѣ судя по вышедшему началу этого труда) весьма неудачной, и какъ образчикъ культурной исторіи можетъ быть полезна для нашей литературы развѣ только отрицательнымъ образомъ.

Авторъ сообщаетъ въ предисловіи, что настоящій томъ есть только начало обширнаго труда, выполненіе котораго онъ разсчитываетъ на пять томовъ. Первый томъ заключаетъ въ себѣ время первой имперіи; второй — будетъ обнимать реставрацію; третій и четвертый будутъ посвящены іюльскому королевству и буржуазіи; наконецъ, пятый будетъ заключать «діалектическій очеркъ всего хода культуры нашего столѣтія и его конечные результаты». Авторъ сообщаетъ кромѣ того, что эта книга составляетъ плодъ долголѣтняго изученія, которое авторъ велъ самостоятельно и не жалѣя усилій. Года три тому назадъ Гонеггеръ издалъ родъ короткаго конспекта своей работы, подъ названіемъ:

«Очеркъ литературы и культуры девятнадцатаго столѣтія» (который также вышелъ на русскомъ языкѣ). Настоящее изданіе есть полное развитіе этого конспекта.

Въ предисловіи къ своему краткому изложенію темы, Гонеггеръ называлъ свой трудъ «первой, сколько ему извѣстно, попыткой сопоставить въ цѣльной, связанной принципами картинѣ общія отношенія развитія нашего вѣка». Это, конечно, справедливо, потому что, дѣйствительно, не существуетъ книги, которая трактовала бы подробно эту тему какъ цѣлое (или вѣрнѣе сказать, трактовала ее подъ этимъ заглавіемъ),—хотя, съ другой стороны, авторъ могъ имѣть множество важныхъ пособій въ книгахъ, очень близко стоящихъ къ тому самому вопросу, который Гонеггеръ дѣлаетъ предметомъ своего изслѣдованія. Не говоря о безконечномъ множествѣ фактическаго матеріала, который можетъ быть здѣсь въ распоряженіи писателя, самый вопросъ о культурѣ или образованности нынѣшняго столѣтія, ея различныхъ отношеніяхъ и связи ея явленій между собою множество разъ былъ обсуждаемъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, такъ что здѣсь писатель не можетъ пожаловаться на отсутствіе приготовительныхъ работъ. Такими ближайшими пособіями могли служить напр., во-первыхъ, многіе замѣчательные труды по исторіи литературы въ ея связи съ современнымъ положеніемъ и настроеніемъ общества,—во-вторыхъ, многіе столько же замѣчательные труды по исторіи общественныхъ учрежденій, въ ихъ соотношеніи съ народной жизнью,—въ-третьихъ, и въ особенности, обширная разработка экономическаго положенія современныхъ обществъ, и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, писатель о культурѣ XIX-го столѣтія не стоитъ здѣсь въ положеніи изслѣдователя, которому впервые приходится, если не собирать, то группировать и связывать явленія, подводить ихъ подъ общія точки зрѣнія, открывать ихъ взаимную зависимость и вліяніе. Достаточно назвать одинъ трудъ Гервинуса, чтобы показать, какія важныя пособія можетъ найти историкъ цивилизаціи XIX-го вѣка для самой трудной части своего дѣла, т. е. для опредѣленія цѣлаго историческаго хода явленій и ихъ внутренней связи между собою. Писатель, съ самостоятельнымъ взглядомъ на вещи, не можетъ, конечно, обойтись безъ личнаго изученія предмета; но, въ подобной темѣ его основная работа должна была бы состоять, кажется, не въ мелочномъ подборѣ частныхъ подробностей, а напротивъ, именно въ отысканіи ихъ соподчиненности и въ опредѣленіи основныхъ руководящихъ силъ, создававшихъ, своимъ сліяніемъ и столкновеніемъ, все это разнообразіе частныхъ явленій.

Писатель, изображающій «культуру XIX вѣка», можетъ напр. спокойно предоставить политической исторіи подробности различныхъ колебаній во внѣшней судьбѣ государствъ,—исторіи литературы можетъ предоставить эстетическую оцѣнку стихотвореній второстепеннаго поэта, — исторіи науки предоставить подробное перечисленіе сдѣланныхъ въ ней открытій и изобрѣтеній, и т. п. Передъ нимъ лежитъ гораздо труднѣйшая задача — опредѣлить внутреннюю связь, очень часто совершенно скрытую отъ самихъ современниковъ и дѣятелей политики, литературы и науки, связь между этими и безчисленными другими проявленіями времени, и найти въ ихъ безконечномъ разнообразіи основную идею и силу.

Въ разрѣшеніи этого разнообразія на основныя силы именно и заключается трудъ раціональной исторіи,—и исторіи культуры въ особенности. Только на этомъ условіи, событія и факты могутъ быть представлены въ ихъ истинномъ размѣрѣ и правильномъ освѣщеніи. Политическія учрежденія и литература, промышленность и церковь, національный характеръ и случайныя событія или личности, экономическое развитіе, нравы и т. д., все это можетъ отражаться на извѣстномъ явленіи и дѣлаетъ объясненіе его весьма сложнымъ, потому что въ произведеніи одного результата участвуютъ много различныхъ причинъ, также какъ и одна причина можетъ производить въ жизни весьма разнородныя послѣдствія. Понятно, что если историкъ берется за «цѣльную, связанную принципами, картину» культурной жизни, онъ не можетъ обойти этого обширнаго и труднаго, но необходимаго анализа. Онъ можетъ, до извѣстной степени, обойтись безъ него, когда ограничивается одной описательной задачей,—но это есть уже совсѣмъ иная задача.

Гонеггеръ имѣлъ въ виду именно цѣль перваго рода. Какъ онъ исполнитъ ее, это опредѣлится повидимому только въ послѣднемъ томѣ его книги, который будетъ посвященъ, какъ выше замѣчено, «діалектическому очерку хода новѣйшей культуры и ея конечнымъ результатамъ». Но если судить по первому вышедшему тому, авторъ едва ли стоитъ на уровнѣ задачи; первой книгой своего труда Гонеггеръ оставляетъ очень смутное впечатлѣніе: это скорѣе наборъ множества фактовъ, разложенныхъ подъ разныя рубрики, чѣмъ исторія.

Не объясняя своего плана и точки зрѣнія, авторъ прямо дѣлитъ книгу на десять отдѣловъ: консульство и имперія; отдѣльныя государства: внутренняя политика и измѣненіе областей; соціальныя черты; изобрѣтенія, техника и постройки; путешествія, открытія и колонизація; наука и ученыя изысканія; современная исторія и политика, мемуары, журналистика; образо-

вательныя искусства; театръ и музыка; изящная литература. Эти отдѣлы поставлены рядомъ почти совершенно механически, и авторъ только рѣдко указываетъ взаимодѣйствіе общественныхъ силъ и явленій. Въ изложеніи политической исторіи и литературы онъ чаще, конечно, обращается къ внутреннему смыслу событій, къ связи умственнаго настроенія обществъ съ внѣшними фактами, вообще къ историческому анализу; но и здѣсь его критическія объясненія ограничиваются всего чаще отдѣльными, такъ-называемыми aperçus, которыя потомъ опять теряются во множествѣ подробностей, утомляющихъ вниманіе читателя. Авторъ, кажется, особенно старался объ этомъ наборѣ подробностей, масса которыхъ должна свидѣтельствовать объ обширности его эрудиціи; этихъ подробностей дѣйствительно собрано множество, и это вѣроятно внушило автору и его особый способъ изложенія, чрезвычайно сжатый и лаконическій, такъ что книга читается вообще съ трудомъ. Это—постоянная номенклатура фактовъ, лицъ, событій, значительная часть которыхъ могла бы быть къ пользѣ дѣла опущена, потому что изъ-за деталей теряется цѣлое;—постоянный рядъ афористическихъ замѣчаній, относящихся иногда къ такимъ мелочамъ, о которыхъ читателю приходится наводить особыя справки. Въ этихъ деталяхъ видно конечно изученіе, о продолжительности и внимательности котораго Гонеггеръ предупреждаетъ читателя въ предисловіи; но онъ, кажется, совершенно напрасно старался доказывать это изученіе въ книгѣ мелочами, совершенно неважными въ цѣломъ. Въ исторіи «культуры» вообще не должны имѣть мѣста предметы, умѣстные только въ спеціальной исторіи, а Гонеггеръ какъ будто нарочно старается ввести ихъ сколько можно больше, чтобы высказать о нихъ свое мнѣніе и придать похвальный или непохвальный эпитетъ. Въ главѣ о политической исторіи онъ сосчитываетъ, по скольку квадратныхъ миль теряла или выигрывала Австрія по разнымъ мирнымъ трактатамъ — но не сосчитываетъ, сколько теряли или выигрывали другія государства; находитъ нужнымъ поименовать Александра Августа Абендрота, гамбургскаго мера, который «дѣлаетъ очень много хорошаго» въ городѣ Гамбургѣ, но чего «хорошаго»—не говоритъ. Въ главѣ объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, эти изобрѣтенія и открытія пересчитываются голословно на манеръ календарей, въ родѣ оглавленія. Въ главѣ о литературѣ разбираются стихотворенія весьма второстепенныхъ поэтовъ и указывается, которое лучше и которое хуже... Между тѣмъ исторія «культуры» только безполезно загружается всѣми этими мелочами. Въ результатѣ выходитъ, что о романтическихъ стихотвореніяхъ

Клемента Брентано говорится больше, чѣмъ напр. о Гумбольдтѣ и Бентамѣ вмѣстѣ.

Наконецъ, изложеніе или стиль Гонеггера, краткій и отрывочный, страдаетъ еще крайней манерностью; ему хочется быть яркимъ и живописнымъ, выходитъ онъ тяжелъ и натянутъ.

Если мы не ошибаемся, что въ послѣднемъ томѣ своей книги Гонеггеръ намѣревается собрать свои критико-синтетическіе выводы о движеніи новѣйшей культуры,—читателю предстоитъ еще большая работа надъ слѣдующими томами его книги, которые вѣроятно будутъ похожи на первый. Для тѣхъ, кто рѣшится читать Гонеггера, можно бы по крайней мѣрѣ посовѣтовать взять, въ качествѣ Аріадниной нити, его краткій конспектъ,— въ конспектѣ читатель, быть можетъ, хоть нѣсколько уразумѣетъ планъ, принятый авторомъ.

Книга Гонеггера переведена и на русскій языкъ... Настоящее изданіе г. Н. Ламанскаго сдѣлано съ нѣкоторой аккуратностью, которой обыкновенно его изданія похвалиться не могутъ,—хотя впрочемъ и на этотъ разъ въ книгѣ нѣтъ недостатка въ небрежности.

Переводы книгъ подобнаго рода, безъ сомнѣнія, очень полезны: сама русская литература такъ небогата силами и имѣетъ такой стѣсненный кругъ дѣятельности, что для читателя, который бы искалъ себѣ серьезнаго чтенія, по многимъ отраслямъ знанія пока нѣтъ другого исхода, какъ обращаться къ переводнымъ сочиненіямъ,—когда таковыя появляются. Но переводъ Гонеггера способенъ возбудить нѣкоторое сомнѣніе: сдѣлаетъ ли наша литература особенно полезное пріобрѣтеніе въ книгѣ, которая получила бы свой смыслъ развѣ только съ окончаніемъ всего изданія если въ этомъ окончаніи (какъ мы предполагаемъ) будетъ заключаться разъясненіе того сухого набора фактовъ, какой мы видимъ въ первомъ томѣ, — когда притомъ книга, задуманная конечно добросовѣстно, написана крайне тяжело.

Но если уже издатель рѣшилъ сдѣлать и напечатать русскій переводъ книги, ему надо было бы подумать о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Нѣмецкій авторъ, между прочимъ, касается Россіи. Довольно естественно было ожидать, что, во-первыхъ, Россія займетъ очень мало мѣста въ его книгѣ, и во-вторыхъ, что при этомъ нѣмецкій писатель надѣлаетъ порядочно много ошибокъ въ изложеніи русскихъ предметовъ. Но Гонеггеръ даже превысилъ наше ожиданіе; кромѣ полуторы страницы о состояніи Россіи въ первую половину царствованія имп. Александра I, въ книгѣ находятся еще три строчки о русской литературѣ

(поставленной въ числѣ литературъ «низшаго разряда»). Эти строки слѣдующія:

«Для разработки русскаго языка и литературы составились общества, напримѣръ въ Москвѣ. Шишковъ пишетъ о національной оригинальности въ русскомъ языкѣ и противъ новаго вліянія французскаго вкуса». (стр. 202). — И больше ни слова.

Намъ кажется, что если издатель не былъ въ состояніи оговорить эти несчастныя строки для русскаго читателя, или замѣнить ихъ какимъ-нибудь указаніемъ фактовъ того рода, какіе собираетъ авторъ; то онъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы совсѣмъ выбросилъ изъ книги эти строки, и избавилъ читателя отъ непріятнаго впечатлѣнія видѣть ихъ въ книгѣ, напечатанной на русскомъ языкѣ.

Въ полутора страницахъ о Россіи при имп. Александрѣ, находится характеристика императора, затѣмъ упомянуто о нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствахъ, пріобрѣтеніи новыхъ областей, названы Аракчеевъ и Сперанскій; а относительно хода образованія и внутренняго развитія опять только слѣдующія двѣ строки: «Тургеневъ (?) улучшаетъ школы, желаетъ перевести библію на всѣ славянскія нарѣчія (?) и подготовляетъ (?) уничтоженіе крѣпостного права, примѣръ чего онъ самъ даетъ въ своихъ имѣніяхъ» (стр. 35 — 36). Не легко собрать въ столь немногихъ словахъ такое количество недоразумѣній, — но если при общемъ незнаніи Россіи въ европейской литературѣ, можно бы было нѣсколько извинить нѣмецкаго писателя (да и то нельзя, потому что въ европейской литературѣ Гонеггеръ могъ бы найти свѣдѣнія, болѣе обстоятельныя, чѣмъ написанный имъ вздоръ), то намъ совершенно непонятно, по какимъ соображеніямъ русскій издатель считалъ нужнымъ сохранить этотъ вздоръ неприкосновеннымъ.

Справедливость требуетъ сказать, что при всей неуклюжести книги въ ней нерѣдко встрѣчаются вѣрныя отдѣльныя замѣчанія и характеристики, но въ цѣломъ эта книга едвали можетъ разсчитывать на интересъ, какой обѣщаетъ ея названіе.

А. Н—въ.

ДЕКАБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ

ВО

ФРАНЦІИ.

E. Ténot. — Paris en Décembre 1851. Étude historique sur le Coup d'État. 1868.
E. Ténot. — La Province en Décembre 1851. Étude historique. 1865, 1868.
Le Coup d'État du 2 Décembre 1851, par les Auteurs du Dictionnaire de la Révolution française. Décembre-Alonier. 1868.
Ch. Dunoyer. — Le Second Empire et une nouvelle Restauration. 2 vols. *Londres.* 1864.
Al. Kinglake. — L'Invasion de la Crimée. trad. par T. Karcher. t. 1. Bruxelles. 1864.
L. Véron. — Mémoires d'un Bourgeois de Paris. T. 6-me. Paris. 1855.
Granier de Cassagnac. — Récit complet et authentique des événements de Décembre 1851. Paris. 1851.
L. Blanc. — Révélations historiques. 2 vols. Bruxelles. 1859.
J. P. Proudhon. — Mélanges. Articles de journaux (1848—1852). t. XVII. P. 1868.

I *).

Никогда, быть можетъ, въ цѣлые долгіе годы, не сказывалась столь явная связь, столь очевидное взаимодѣйствіе литературы на жизнь и жизни на литературу, какъ въ послѣдніе мѣсяцы прошедшаго года во Франціи. Главнымъ толчкомъ, главнымъ поводомъ, если не источникомъ для всей прошедшей агитаціи— послужило появленіе въ свѣтъ сочиненія Тено о переворотѣ 2-го

*) Мы просимъ извиненія у автора, что такъ поздно помѣщаемъ его трудъ, доставленный въ редакцію еще въ концѣ прошедшаго года. Обширность начатыхъ уже статей не позволяла намъ приступить ранѣе къ печатанію настоящаго изслѣдованія.
Ред.

декабря. Въ небольшомъ сжатомъ объемѣ авторъ изложилъ всѣ кровавыя событія декабрьскихъ дней 1851 года, происшедшія въ Парижѣ; онъ не счелъ нужнымъ разбавлять или приправлять факты своими соображеніями, своими обвинительными рѣчами и выраженіемъ своего негодованія. Онъ предоставилъ рѣчь самимъ фактамъ, и при томъ фактамъ, почерпнутымъ какъ изъ оффиціальныхъ документовъ, такъ и изъ свѣдѣній, сообщенныхъ самыми вѣрными приверженцами переворота. Этотъ пріемъ оказался въ высшей степени благопріятенъ для оппозиціоннаго бонапартизму лагеря: съ одной стороны, голое изложеніе фактовъ лишило правительство возможности преслѣдованія и конфискованія; съ другой стороны весь процессъ по-неволѣ, ipso facto, ограничивается только выслушаніемъ одной стороны, безъ возможности апелляціи, безъ всякаго права возраженія, именно потому, что эта одна сторона, т. е. оппозиціонная, не говоритъ ничего своего, личнаго, ничего могущаго быть подверженнымъ оспориванію; она только собираетъ всѣ факты вмѣстѣ, всѣ тѣ факты, которые въ теченіи 17-ти лѣтъ признавались справедливыми самими виновниками переворота.

Самое положеніе автора и мѣсто, въ которомъ появляется эта книга, этотъ обвинительный актъ, придало ей еще больше значенія и вѣсу. О 2-мъ декабря уже не разъ говорили и писали. Викторъ Гюго, Шельхеръ, Рибейроль, Дюнойе и другіе французскіе публицисты описывали 2-ое декабря въ яркихъ краскахъ, точно также какъ англичанинъ Кинглекъ и даже покойный русскій ех-князь эмигрантъ Петръ Долгоруковъ, но то были или эмигранты, которые поэтому могли быть заподозрѣны въ отсутствіи безпристрастности, а чрезъ то не могли возбудить къ себѣ достаточнаго довѣрія; или же то были иностранцы, очевидно завидующіе французской славѣ и оттого поносящіе воцареніе Наполеона. Тено не только не эмигрантъ, пострадавшій отъ бонапартистской мстительности, но даже и вовсе не политическій дѣятель, даже и не особенно извѣстный публицистъ, и притомъ публицистъ такого двусмысленнаго журнала, какъ Siècle. Очевидно, что къ его спокойному фактическому разсказу нечего относиться съ подозрѣніемъ въ завзятой враждебности. Вмѣстѣ съ этимъ, глядя на гигантскій успѣхъ книги Тено, должно предположить, что самое мѣсто появленія, т. е. въ Парижѣ, въ центрѣ самой Франціи, а не гдѣ-либо за границей, не въ Лондонѣ, не въ Швейцаріи и даже не въ Брюсселѣ, имѣетъ большое значеніе на такое распространеніе, котораго никогда не могло достигнуть ни одно изъ заграничныхъ изданій.

При такихъ условіяхъ сочиненіе Тено, предложенное фран-

цузской публикѣ, быстро пробудило въ ней заснувшую память о прошломъ, ясно изобразило предъ ней весь скользкій извилистый путь, которымъ бонапартизмъ цѣлые годы шелъ къ своему кровавому торжеству, живо воспроизвело всю ужасающую картину Парижа, осажденнаго исполнительною властью послѣ плѣненія ею власти законодательной. Но, если съ одной стороны, самый сюжетъ сочиненія могъ пробудить въ обществѣ такой повсемѣстно распространившійся интересъ, то съ другой стороны, самая сила интереса вызвана въ значительной степени тѣмъ моментомъ, когда сочиненіе появляется, т. е. когда всеобщее недовольство натянутымъ, полнымъ противорѣчія, капризнымъ, позорнымъ положеніемъ цѣлаго народа, не разъ знавшаго свободу, когда это недовольство подходитъ къ тому такъ сказать кульминаціонному пункту, при которомъ роли должны измѣниться, когда противъ авторитета-покорителя, какъ въ данномъ случаѣ Наполеона III-го, побѣжденные, подчинившіеся и даже привѣтствовавшіе его, готовы направить все оружіе, лишь бы подорвать и сбить его съ пьедестала. Вліяніе самаго момента появленія на успѣхъ книги представляется вполнѣ безспорнымъ, если вспомнить пріемъ оказанный книгѣ того же самаго Тено, которую онъ издалъ осенью 1865-го г., книгѣ, ни чуть не уступающей въ интересѣ нынѣ вышедшей, а напротивъ полной гораздо бо́льшаго значенія и по новизнѣ и по своей неожиданной поучительности: та книга трактовала объ отношеніи провинцій, т. е. всей Франціи, за исключеніемъ Парижа, къ декабрьскому перевороту; въ ней въ первый и единственный разъ было разсказано, съ тѣмъ же самымъ пріемомъ, — т. е. съ изложеніемъ голыхъ, оффиціальныхъ фактовъ безъ всякихъ личныхъ поясненій, — вся повсемѣстная борьба, которая возгорѣлась въ провинціяхъ при извѣстіи о переворотѣ въ Парижѣ. Статистическими опредѣленіями и цифрами, Тено ясно обличалъ 15-ти-лѣтнее увѣреніе бонапартизма въ безграничномъ сочувствіи къ нему народа по всей Франціи. Оказалось, что переворотъ вызвалъ энергическую, даже отчаянную борьбу за свободу, за республику, борьбу, которая во многихъ мѣстахъ быстро перешла въ гражданскую войну двухъ давно уже враждовавшихъ партій, — партіи народа и партіи порядка, тамъ гдѣ эта послѣдняя являлась сподручницей переворота, гдѣ она сама не вставала на битву противъ представителей вѣроломной исполнительной власти и ея войска. Три года тому назадъ это, по истинѣ грозное, обличеніе бонапартизма осталось безъ всякаго вниманія; книга Тено не разошлась даже однимъ изданіемъ; почти ни одинъ журналъ не упомянулъ о ней, между тѣмъ, какъ теперь, въ одинъ мѣсяцъ она достигла 4-го изданія. Къ сожа-

лѣнію, Тено выпустилъ въ нынѣшнихъ изданіяхъ предисловіе, помѣщенное въ изданіи 1865-го года, къ сожалѣнію — потому, что въ немъ было нѣсколько строкъ, весьма наглядно выражавшихъ всю перемѣну, происходившую въ общественномъ положеніи въ эти три года: «Моментъ, въ который мы пишемъ (говорилъ онъ въ 1865 году) представляется намъ чрезвычайно благопріятнымъ для этого отчета, спокойнаго и безпристрастнаго.... Страсти уже утихли.... вотъ уже шесть лѣтъ, какъ амнистія сгладила слѣды гражданскихъ распрей; партіи, побѣжденныя въ декабрѣ, сходятся теперь на конституціонной почвѣ.... Въ такое время спокойствія и умиренія прилично предъявлять требованіе священныхъ правъ исторической истины, относительно событій, обезображенныхъ страстью.»

Время спокойствія и умиренія оказалось только миражемъ, всѣ надежды и иллюзіи бонапартистовъ и мирныхъ гражданъ на окончательное установленіе мирной имперіи убиты садовскими игольчатыми ружьями и ментанскими Шаспо; побѣжденныя партіи сошлись отчасти на конституціонной почвѣ только для того, повидимому, чтобъ снова начать вѣчную игру старыхъ партій съ судьбою Франціи, игру минутнаго союза другъ съ другомъ для дружнаго совокупнаго нападенія на одного общаго властвующаго врага [1]), конечно съ затаенною надеждой каждой изъ нихъ воспользоваться общею побѣдой только для своей исключительной выгоды. Но рядомъ съ игрой этихъ партій является теперь на сцену новый элементъ, о которомъ министръ Руэръ счелъ нужнымъ не такъ давно заявлять съ трибуны законодательнаго корпуса; это тѣ новыя поколѣнія, которыя наросли въ 17-ти-лѣтній періодъ и которыя теперь вошли въ составъ избирателей; ихъ мнѣніе, ихъ отношеніе къ императорскому правительству,—сознавался Руэръ,—чрезвычайно важно. Тено какъ будто намѣренно отвѣчаетъ на вызовъ Руэра ознакомить новыя поколѣнія съ императорскимъ режимомъ: «Годы проходятъ — говоритъ онъ въ началѣ своего новаго сочиненія — скоро минетъ 17 лѣтъ со времени 2-го декабря: цѣлое поколѣніе выросло, которое не знаетъ, которое не можетъ знать кàкъ совершился знаменитый государственный переворотъ, породившій тотъ порядокъ, при которомъ оно живетъ. Гдѣ станетъ оно черпать точное знаніе фактовъ? Гдѣ книга, *честно* написанная, которая излагаетъ событія? Нѣсколько разсказовъ, опубликованныхъ во Франціи по

---

[1]) Sans doute le ressentiment de ces violences ne pourra manquer tôt ou tard, de les unir contre l'oppresseur commun. Такъ пророчитъ Dunoyer въ своей книгѣ. Томъ I, стр. 143.

этому предмету, въ первые мѣсяцы 1852 г., ужасаютъ своимъ пристрастіемъ. Въ нихъ факты потоплены въ грязной кучѣ лжи, клеветъ, исковерканныхъ случаевъ и искаженныхъ документовъ.»

Объяснивъ такимъ образомъ свое побужденіе къ составленію изданной книги, Тено категорически объявляетъ: «Я излагаю факты; я не подвергаю ихъ оцѣнкѣ и не сужу ихъ». Давая отчетъ объ этомъ столь прославившемся явленіи французской политической публицистики, мы не послѣдуемъ вполнѣ за авторомъ. Съ одной стороны, мы не обязаны излагать въ такой подробности и съ такими оффиціальными подтвержденіями всѣ заговорныя и воинственныя продѣлки бонапартизма, какъ на пути къ перевороту, такъ и въ самые дни его. Читатель повѣритъ, что мы, будучи совершенно не заинтересованнымъ въ дѣлѣ критикомъ, соблюдемъ въ нашемъ сжатомъ изображеніи точную и полную правдивость, и мы вполнѣ достигнемъ своей цѣли, если съумѣемъ ознакомить своимъ очеркомъ русскаго читателя съ исторіей происхожденія бонапартистскаго режима. Съ другой стороны, намъ нѣтъ никакой надобности держаться метода г. Тено, и мы смѣло можемъ позволить себѣ подѣлиться съ читателями тѣми общими взглядами, которые слагаются относительно современной исторіи Франціи, подъ вліяніемъ подробнаго разсмотрѣнія, съ точки зрѣнія всѣхъ партій, всей цѣпи событій того темнаго періода. Нами руководитъ при этомъ не одна архивная любовь къ историческимъ соображеніямъ; мы полагаемъ, что отъ болѣе или менѣе вѣрнаго отношенія къ событіямъ того періода, отъ болѣе или менѣе правильнаго взгляда на разные элементы общества, бросившіеся въ то время въ отчаянную схватку, можетъ зависѣть болѣе или менѣе ясное пониманіе и того пробившагося наружу безпокойнаго состоянія всѣхъ снова бродящихъ элементовъ, которое можетъ повести къ новымъ катастрофамъ и, во всякомъ случаѣ, къ концу существующаго во Франціи режима.

II.

Для того, чтобъ вѣрно судить о характерѣ Наполеона III, о его послѣдовательности и выдержкѣ, о его энергіи и искусствѣ, для того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть право или произнести надъ нимъ однимъ историческій приговоръ въ кровопролитіи, обагрившемъ Францію въ 1851 году, или же распространить отвѣтственность и на другихъ дѣятелей, въ руки которыхъ ввѣрена была народомъ судьба Франціи,—для этого слѣдуетъ вспом-

нить, какимъ являлся Наполеонъ III, не только ранѣе переворота 2 декабря и не только ранѣе выбора его 10 декабря 1848 г. въ президенты республики, но даже ранѣе самой февральской революціи. Какимъ образомъ знакома съ нимъ была Франція? Чѣмъ искалъ онъ ея вниманія и популярности? Что было въ его жизни, предшествовавшей президентскому избранію, говорившее за довѣріе къ нему или противъ него? Какое ручательство представлялъ онъ въ преданности республикѣ, почтившей его назначеніемъ въ свои президенты, — или, наоборотъ, какіе поступки и проявленія его императорскихъ стремленій должны были предостеречь и внушить опасенія за его притязанія всѣмъ честнымъ патріотамъ? Все это, конечно, не лишено значенія въ томъ процессѣ, который французская пресса затѣяла теперь съ Наполеономъ III, возвратившись, для его обвиненія предъ мнѣніемъ Франціи, за 17 лѣтъ назадъ, къ днямъ самаго происхожденія его абсолютной власти. Политическая дѣятельность Луи-Наполеона начинается въ 30-хъ годахъ, въ Италіи. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Наполеономъ-Луи, нынѣшній императоръ вступаетъ въ тайныя италіянскія общества и клянется, гдѣ бы и когда бы онъ ни былъ, въ какія бы обстоятельства онъ ни былъ поставленъ—служить всѣми силами своими освобожденію и единству Италіи. Въ 1831 году, оба брата дѣйствительно принимаютъ дѣятельное участіе въ возстаніи заговорщиковъ противъ папы Григорія XVI. Въ то время, какъ старшій братъ умеръ отъ кори, младшій спѣшилъ спастись отъ австрійцевъ и укрылся съ своей матерью, Гортензіей, во Францію, гдѣ доброта Луи-Филиппа дозволила имъ оставаться, не смотря на законъ, воспрещавшій Бонапартамъ пребываніе во Франціи. Скоро, однако, принцъ долженъ былъ покинуть ее, заподозрѣнный въ агитаціонныхъ замыслахъ.

Чрезъ пять лѣтъ, въ 1836 году, онъ является уже публично на политическую сцену. Ему было 28 лѣтъ, и постоянно преслѣдовавшая его мысль—возвратить себѣ утраченный престолъ дяди, котораго онъ являлся законнымъ наслѣдникомъ, въ силу сенатскаго постановленія 1804 года, — эта мысль созрѣла теперь въ немъ настолько, что онъ рѣшился привести ее въ исполненіе. 30 октября, въ историческомъ костюмѣ генерала временъ Аустерлица, съ лентою ордена Почетнаго Легіона, со всевозможными украшеніями, явился онъ въ Страсбургъ и отправился въ казарму къ солдатамъ одного изъ линейныхъ полковъ, которые должны были быть приготовлены къ торжественной встрѣчѣ. Преданный принцу артиллерійскій полковникъ заранѣе уже пустилъ въ ходъ утку, будто произошла въ Парижѣ рево-

люція, свергнувшая короля, и на эту штуку поймалъ артиллеристовъ, рѣшившихся признать принца Луи-Наполеона своимъ императоромъ. Тѣмъ не менѣе, солдаты пришли въ недоумѣніе, когда представилась передъ ними неожиданная фигура; скоро, однако, они были выведены изъ недоумѣнія своимъ появившимся полковникомъ, Таландье, который, разгнѣванный на дерзкое вторженіе незнакомца въ казармы, обошелся съ наряженнымъ въ генералы принцемъ весьма неучтиво: сорвалъ съ него или заставилъ самихъ солдатъ сорвать съ него всѣ знаки отличія и эполеты, взялъ у него изъ рукъ саблю, которую, совершенно смущенный, уничтоженный такимъ пріемомъ, принцъ отдалъ безъ малѣйшаго упорства, не смотря на совѣтъ нѣкоторыхъ друзей доблестно сопротивляться. Принцъ и нѣкоторые сообщники его были арестованы; другіе, въ томъ числѣ Фіаленъ, извѣстный теперь де-Персиньи, успѣли бѣжать въ Германію.

Наказаніе принца Луи-Филиппомъ было весьма попечительное и отеческое, въ хорошемъ смыслѣ слова: король далъ юношѣ пятнадцать тысячъ франковъ съ тѣмъ, чтобъ онъ отправился въ Америку. Но республиканскія добродѣтели американскихъ учрежденій и самая жизнь въ Америкѣ не съумѣли прельстить молодого искателя коронованныхъ приключеній; болѣзнь притязанія на французскій престолъ оказалась неизлечимою. Принцъ Луи-Наполеонъ возвратился въ Европу и поселился у своей матери въ Швейцаріи, въ замкѣ Арененбергѣ, у Констанцкаго озера. Повидимому, однако, онъ поселился здѣсь вовсе не въ качествѣ туриста и не для созерцанія швейцарской природы, ибо правительство Луи-Филиппа сочло для себя опаснымъ пребываніе принца въ близкомъ сосѣдствѣ, и послѣ цѣлой шумной исторіи, въ которой швейцарское центральное правительство вело себя съ большимъ достоинствомъ, принцъ Наполеонъ самъ рѣшился оставить Швейцарію, не находя возможнымъ подвергать всю страну опасности войны изъ-за своего пребыванія. Онъ простился съ матерью и отправился въ Англію. О жизни его здѣсь остались самыя разнообразныя воспоминанія, начиная съ тѣхъ, которыя относятся къ его любезности и галантности, и кончая тѣми, которыя въ столь комичномъ видѣ выставилъ Рошфоръ въ одномъ изъ нумеровъ своего «Фонаря». Какъ бы то ни было, такая то бѣдная, то разгульная жизнь во всякихъ слояхъ англійскаго общества не мѣшала принцу помышлять о болѣе удачномъ возобновленіи своей попытки для овладѣнія французскимъ трономъ.

Въ 1840 году, въ самый разгаръ патріотической бури во Франціи, въ то время, какъ іюльская монархія была жестоко оскорблена Англіей заключеніемъ ею іюльскаго трактата по во-

сточному вопросу вмѣстѣ съ Россіей, Австріей и Пруссіей и совершенно безъ вѣдома Франціи; въ то время, какъ въ театрахъ и актеры и зрители въ воинственномъ азартѣ на «новую коалицію», т. е. на враждебные замыслы державъ, оскорбившихъ Францію, распѣвали Марсельезу; въ то время, какъ самъ миролюбивый Луи-Филиппъ готовъ былъ потрясть мечемъ Франціи и увеличивалъ армію и флотъ, какъ бы серьезно готовясь къ отмщенію врагамъ, Луи-Наполеонъ Бонапартъ, въ свою очередь, рѣшилъ, что наступилъ, наконецъ, самый благопріятный моментъ для возвращенія Франціи прежняго побѣдоноснаго величія имперіи. Онъ разсчиталъ, что такъ какъ воинскій геній снова, повидимому, пробудился, то Франція приметъ наслѣдника славной традиціи съ распростертыми объятіями. Вновь задуманное «возвращеніе съ острова Эльбы» было предпринято съ новыми мундирами и съ новыми орденами — говоритъ Кинглекъ—и «до тѣхъ поръ, пока онъ заготовлялъ фальшивыя знамена, фальшивыхъ генераловъ и фальшивыхъ солдатъ, до тѣхъ поръ, пока онъ пріучалъ одного несчастнаго орла, залетѣвшаго въ Лондонъ, къ роли благого провозвѣстника судебъ Франціи, онъ дѣйствительно оказывался весьма свѣдущимъ въ этомъ родѣ политическаго искусства. Въ сочиненіи декретовъ и прокламацій, составлявшихъ значительную часть его клади, онъ доходилъ до совершенства» [1]).

Долгоруковъ прибавляетъ къ этимъ свѣдѣніямъ о приготовленіяхъ еще другія, заимствованныя изъ французскихъ и англійскихъ источниковъ. Главное и дѣйствительно интересное свѣдѣніе заключается въ томъ, что приведеніе въ исполненіе задуманной кампаніи требовало значительныхъ суммъ; способъ, къ которому, по сказаніямъ французскихъ эмигрантовъ и англійскихъ газетъ, прибѣгнулъ принцъ Луи-Наполеонъ для пріобрѣтенія средствъ былъ, конечно, весьма рискованный; онъ обнаружился позже, когда одинъ изъ главныхъ чиновниковъ финансоваго министерства былъ осужденъ на ссылку въ австралійскія колоніи за дѣло, равнявшееся дѣланію фальшивыхъ бумагъ: за двойной выпускъ однихъ и тѣхъ же нумеровъ банковыхъ билетовъ. Чиновникъ Бьюмонтъ Смитъ указывалъ на Ринало, какъ на понудившаго его къ такому преступленію и преимущественно пользовавшагося фальшивыми билетами; а Ринало былъ однимъ изъ участниковъ булонской экспедиціи и занимался снаряженіемъ и отправкой пороха. Мы не беремся судить, насколько всѣ эти показанія точны. Мы, конечно, не

---

[1]) *Kinglake*. T. I, стр. 186.

рѣшимся обвинять самого принца Луи-Наполеона въ причастности къ такому преступленію, но мы не можемъ не пожалѣть, что подобныя обвиненія не разъ повторялись и до сихъ поръ остались неразъясненными.

Такимъ образомъ, на эти ли или на другія деньги снарядилъ принцъ Наполеонъ пароходъ, отправившійся 6 августа утромъ изъ Грэвсенда къ Булони, положительно извѣстно лишь то, что когда пароходъ отошелъ отъ берега, то принцъ явился на палубу снова во всеоружіи императорскаго наслѣдника, и, вслѣдъ за провозглашеніемъ передъ присутствующими настоящей цѣли экспедиціи, сталъ щедро раздавать деньги, вмѣстѣ съ раздачей оружія и костюмовъ, поддѣланныхъ подъ форму одного изъ полковъ, стоявшихъ въ булонскомъ гарнизонѣ. Весь экспедиціонный корпусъ, весьма, конечно, малочисленный, нарядился въ свой костюмъ, и пуговицы съ 42-мъ нумеромъ (нумеръ булонскаго полка), поддѣланныя нарочно для экспедиціи въ Бирмингамѣ, блестѣли ни чуть не менѣе, если не болѣе пуговицъ настоящаго полка; каждому былъ назначенъ особый чинъ и извѣстная роль. Здѣсь были и главные адъютанты принца, и генералъ-маіоры, и командующіе авангардомъ кавалеріи, и командующіе центромъ артиллеріи, и хирурги, и провіантмейстеры, и лейтенанты, и главные казначеи—однимъ словомъ, всѣ рѣшительно должности, которыя должны быть представлены во всякой хорошо организованной арміи. Не доставало только для полноты картины именно самой арміи, самихъ солдатъ. Но это не считалось важнымъ; солдаты должны были встрѣтить своего новаго императорскаго полководца въ Булони, и оттуда уже начать тріумфальный маршъ на Парижъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Revue moderne», въ любопытныхъ мемуарахъ графа д'Альтона Ше (d'Alton Shée) приведенъ текстъ изъ приговора, произнесеннаго перами Франціи надъ принцемъ; въ немъ въ немногихъ строкахъ изображено поведеніе принца при неудачномъ приключеніи въ Булони [1].

Заговорщики высадились на берегъ за четыре километра отъ Булони, гдѣ и были встрѣчены четырьмя соучастниками, среди которыхъ находился лейтенантъ 42-го полка Аладенизъ. Отрядъ заговорщиковъ, предводительствуемый Луи-Бонапартомъ, двинулся по направленію къ казармѣ 42-го полка; предъ ними

---

[1]) *Revue moderne*, 25 octobre 1868. Печатаніе этой части мемуаровъ встрѣтилось съ однимъ неудобствомъ, указывающимъ на грустное положеніе французской прессы: типографщикъ, отвѣтственный предъ судомъ, долго не рѣшался печатать журналъ о процессѣ Луи-Наполеона по поводу булонской экспедиціи, боясь взысканія.

развѣвалось трехцвѣтное знамя съ орломъ и надписью великихъ побѣдъ имперіи. Въ пять часовъ утра они подошли къ казармѣ. Аладенизъ разбудилъ солдатъ, приказалъ имъ вооружиться и, спустившись во дворъ, построиться въ порядкѣ. За тѣмъ опять послѣдовало, тоже какъ и въ Страсбургѣ, объявленіе о низверженіи въ Парижѣ Луи-Филиппа и то же приглашеніе провозгласить племянника императоромъ и идти съ нимъ на Парижъ. На этотъ разъ Луи-Наполеонъ былъ краснорѣчивѣе, и въ отвѣтъ на привѣтствующій его знамя барабанъ, отвѣчалъ солдатамъ обѣщаніемъ повышеній и орденовъ! Но и на этотъ разъ на бѣду его нашелся непрошенный обличитель, въ лицѣ капитана Пюижелье (Puygellier). Со всею рьяностью человѣка, взбѣшеннаго неожиданнымъ предательскимъ вторженіемъ, капитанъ бросается къ своимъ солдатамъ, не смотря на усилія нѣкоторыхъ загородить ему дорогу и остановить его; нѣсколько человѣкъ уже схватили его, овладѣли его вооруженной рукой; но онъ продолжалъ сопротивляться и бороться съ ними. «Капитанъ—уговаривали его—здѣсь принцъ Луи, будьте съ нами, и ваша карьера сдѣлана»!—«Васъ обманываютъ—кричалъ онъ изо всей силы въ отвѣтъ на такія увѣщанія, — знайте, что васъ прельщаютъ на измѣну!» Голосъ его заглушенъ кликами: «Да здравствуетъ принцъ Наполеонъ!»—«Гдѣ же онъ наконецъ?» спрашиваетъ изумленный капитанъ, и въ отвѣтъ на это предъ нимъ является небольшой человѣчекъ, который торжественно произноситъ: «Капитанъ, вотъ я! Я принцъ Луи; будьте изъ *нашихъ* и вы получите все что̀ захотите».—«Принцъ ли вы Луи или нѣтъ, прерываетъ капитанъ, я не знаю васъ; я вижу въ васъ только заговорщика....» И онъ продолжалъ свои усилія, чтобы высвободиться отъ задерживавшихъ его и преграждавшихъ дорогу къ казармамъ. Находясь въ невозможности пробиться къ своимъ солдатамъ, онъ кричалъ въ отчаяніи: «Убейте меня, или я исполню свой долгъ».... «Не стрѣляйте въ него — закричалъ подоспѣвшій къ мѣсту этой сцены Аладенизъ, — не стрѣляйте, оставьте капитана, я отвѣчаю за его дни».

Изъ этого увѣщанія, приведеннаго въ процессѣ, очевидно, что на вѣрнаго королю капитана были уже направлены ружья или заговорщиковъ или приставшихъ къ нимъ солдатъ гарнизона. Графъ д'Альтонъ-Ше выводитъ отсюда также и то, что два отряда солдатъ, призванныхъ къ признанію принца дѣйствительно послушались Аладениза (естественно, что докладъ, представленный пе́рамъ могъ пожелать скрыть это, не желая обнаруживать невѣрность королевскаго войска), и что это могло повести къ началу успѣха, еслибъ самъ же Аладенизъ не оста-

новилъ успѣха дѣла великодушнымъ порывомъ гуманности, т. е. еслибъ заговорщики окончательно подавили энергическую иниціативу сопротивленія въ лицѣ капитана.

«Эта часть разсказа—замѣчаетъ графъ д'Альтонъ-Ше—возбуждаетъ строгія размышленія».... «Надо признать, что за исключеніемъ случая, гдѣ совершается право кары противъ тирана, нарушившаго божескіе и человѣческіе законы,—конспираторъ долженъ обречь себя на преступленіе: въ исполненіи его плановъ ассасинатъ всегда подразумѣвается, поспѣшный, быстрый, безпощадный—какъ необходимый элементъ успѣха». Эти нѣсколько словъ автора могутъ послужить страшнымъ приговоромъ Наполеону III, не только за его булонское покушеніе, но и за послѣдовавшее чрезъ цѣлыя одиннадцать лѣтъ послѣ того покушеніе парижское, которое точно также неизбѣжно обрекло заговорщика на обращеніе за успѣхомъ къ ассасинату, въ самомъ обширномъ, въ небываломъ его примѣненіи къ населенію цѣлыхъ городовъ и селъ.

Порывъ Аладениза остановилъ убійство капитана, и дѣло повернулось окончательно не въ пользу Бонапарта: унтеръ-офицеры подоспѣли на помощь капитану и помогли ему освободиться отъ заговорщиковъ, которые отступили на минуту назадъ, но вслѣдъ за тѣмъ снова, сомкнутымъ строемъ съ принцемъ Бонапартомъ во главѣ, двинулись на отрядъ капитана Пюижелье. Капитанъ въ свою очередь захотѣлъ отплатить великодушіемъ, и предупредилъ принца, что будетъ стрѣлять по немъ, увѣщевая его удалиться. «Вмѣсто всякаго отвѣта, когда онъ обернулся къ своему войску, то услышалъ выстрѣлъ пистолета, который Луи-Бонапартъ держалъ въ рукахъ, и пуля котораго ударилась въ лице одного гренадера». Въ этомъ выстрѣлѣ довольно наглядно сказался характеръ принца Луи-Наполеона: нерѣшительный, какъ всегда, весьма сообразительный въ своемъ кабинетѣ и совершенно растеривающійся при первомъ столкновеніи лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, заранѣе увѣренный въ полномъ успѣхѣ всякаго своего предпріятія, къ которому онъ долго и упорно стремился, и тотчасъ же поспѣшно бросающій свое предпріятіе и предоставляющій его произволу случая, какъ только встрѣтится съ практическимъ, неожиданнымъ препятствіемъ. Ниже мы увидимъ, по одной изъ послѣднихъ, меткихъ характеристикъ Наполеона III, насколько такія черты теперь измѣнились или сохранились въ немъ. Относительно же того поступка въ 1840 году, собственное признаніе принца подтверждаетъ опредѣленіе качествъ выставленныхъ нами. Въ отвѣтъ на обвиненія палаты перовъ въ выстрѣлѣ, который ранилъ солдата,

вовсе не стоявшаго противъ него, онъ указывалъ на свое умственное и моральное состояніе, на то, что нервная агитація заставила его невольно выстрѣлить совершенно противъ собственнаго намѣренія!

Финалъ булонской экспедиціи былъ и комиченъ и печаленъ. Заговорщики были скоро выгнаны изъ казармы; они бросились-было на рынокъ, къ городскому зàмку, но встрѣтивъ вмѣсто народнаго энтузіазма только отрядъ гарнизона, вышедшаго изъ казармы, ударились въ бѣгство. Принцъ Луи-Наполеонъ бѣжалъ вслѣдъ за Персиньи и нѣсколькими другими сообщниками къ морю, чтобъ поспѣть ранѣе погони на пароходъ; онъ дѣйствительно такъ энергично бѣжалъ, что успѣлъ попасть въ лодку съ нѣкоторыми бѣглецами. Подоспѣвшій гарнизонъ предупредилъ и сѣвшихъ въ лодку и еще оставшихся на берегу, что по нимъ будутъ стрѣлять; дѣйствительно, одного убили, другого ранили. Эти выстрѣлы вызвали въ Персиньи такое рвеніе и такое усердіе попасть скорѣе въ лодку, что онъ быстро бросился въ нее, и дѣйствительно попалъ въ нее, но на бѣду шлепнулся на ея дно и произвелъ такой толчекъ, что лодка почти перевернулась; одинъ изъ сидѣвшихъ въ ней потонулъ, другіе попали на грязный морской берегъ, въ томъ числѣ и принцъ Наполеонъ. Ихъ подобрали и повели какъ плѣнниковъ по городу, не смотря на то, что мундиръ принца и самъ онъ былъ выпачканъ въ грязи.

III.

Разгульная жизнь Лондона смѣнилась, по приговору суда, затворническимъ пребываніемъ въ фортѣ Гамъ. Принца проводили въ заключеніе негодованіе и еще болѣе насмѣшки всей Франціи и едвали не всей Европы. Самыя ярые партизаны его осмѣивали покушеніе маленькаго, буйнаго претендента вмѣстѣ со всѣми другими партіями, съ легитимистами, орлеанистами и небольшой группой существовавшихъ тогда республиканцевъ. Страннымъ образомъ, въ то время, какъ главный бонапартистскій органъ въ Парижѣ, «le Capitole», счелъ за благо прекратиться, самый крайній органъ республиканскихъ мнѣній почувствовалъ влеченіе, если не къ защитѣ, то къ состраданію несчастному затворнику. Это состраданіе было высказано молодымъ въ то время публицистомъ, Луи-Блановъ, въ одной статьѣ въ *Revue du Progrès* (1-е сентября 1840 года). Статья обратила на себя естественное вниманіе арестанта, и Луи-Бонапартъ, бла-

годаря въ письмѣ Луи-Блана за то, что онъ, вопреки всѣмъ другимъ журналистамъ, не захотѣлъ бить лежачаго, выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе лично повидаться съ авторомъ. Луи-Бланъ самъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи Луи-Бонапарта въ фортѣ Гамъ. Чтеніе разсказа, писаннаго цѣлые годы послѣ катастрофы, производитъ странное, далеко не лишенное поучительности, впечатлѣніе, и трудно рѣшить, чей характеръ болѣе рисуется въ разсказѣ: кто изъ двухъ героевъ драмы февральской рефолюціи болѣе обнажается для критики? Всей катастрофы, всего мрачнаго, полнаго интригъ и продѣлокъ поведенія бонапартистовъ, всего кроваваго декабрьскаго переворота не достаточно было, чтобъ путемъ аналогіи заставить историка смотрѣть болѣе трезво и на первую имперію, чтобъ разбить въ революціонерѣ-соціалистѣ его фантазію о міровомъ предназначеніи основателя бонапартовской династіи, Наполеона I-го, о его роли, какъ «продолжателя дѣла революціи», о «принятіи имъ революціоннаго наслѣдства», и тому подобныя шовинистскія риторическія построенія о какой-то исторической фатальности! — Естественно, извѣстная восторженность, съ какой относился Луи-Бланъ къ первому Наполеону, невольно переносилась въ отношенія къ затворнику, являвшемуся въ качествѣ наслѣдника бонапартовской идеи. Луи-Бланъ смотрѣлъ на Луи-Бонапарта иначе, чѣмъ на простого смертнаго; Луи-Бланъ считалъ, очевидно, Луи-Бонапарта призваннымъ играть важную роль, ибо въ противномъ случаѣ онъ не видѣлъ бы особеннаго интереса въ посѣщеніи человѣка, выразившаго своимъ поведеніемъ преданность вовсе не его республиканскимъ идеямъ, а только одной тщеславной, властолюбивой фантазіи—овладѣть Франціей по праву родства съ человѣкомъ, захватившимъ въ свои руки правленіе страной за пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ.

Нельзя не настаивать на справедливости такого взгляда на отношеніе Луи-Блана къ Луи-Бонапарту, потому что уже здѣсь крылось въ своемъ зародышѣ все то опрометчивое поведеніе и Луи-Блана и многихъ другихъ крайнихъ республиканцевъ, которое въ большей или меньшей степени содѣйствовало допущенію принца къ возвращенію во Францію и къ подготовленію всѣхъ дальнѣйшихъ узурпаторскихъ замысловъ чрезъ пріемъ въ національное собраніе. Правда, мы увидимъ ниже, что дѣйствительные республиканцы хватились позже за умъ, и прямо стали противъ Бонапарта, но ихъ проницательность явилась слишкомъ поздно и была немощна уже остановить совращенный съ прямой дороги ходъ вещей. Поэтому логика и исторія должны признать ихъ одинаково повинными и причастными ко всей той путаницѣ,

въ которую всѣ партіи, какъ бы нарочно, стремились ввергнуть Францію во время второй республики.

Самыя подробности свиданія Луи-Блана съ Луи-Бонапартомъ еще въ 1840 году, какъ нельзя болѣе подтверждаютъ сужденіе о непроницательности и опрометчивости сентиментальныхъ шовинистовъ, призванныхъ впослѣдствіи имѣть столь сильное вліяніе на судьбу французскаго народа. Въ данномъ случаѣ, сравнивая собесѣдниковъ, мы едва ли можемъ не отдать преимущества Луи-Бонапарту; онъ былъ искрененъ, онъ прямо говорилъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло передовая партія, чего должна она ждать отъ него.

Луи-Бланъ разсказываетъ свое свиданіе весьма обстоятельно, припоминая даже внѣшнюю обстановку затворника. Относительно Бонапарта великодушіе Луи-Филиппа не разъ уже вызывало и не можетъ не вызывать достойной ему похвалы: Луи-Филиппъ не мстилъ своему врагу всевозможными гнусными притѣсненіями, какъ то дѣлали многіе изъ властителей съ попавшимися въ ихъ сѣти противниками, и это тѣмъ бо̀льшую получаетъ цѣну въ глазахъ французской публики, чѣмъ неблагодарнѣе было позднѣйшее отношеніе Наполеона III къ представителямъ Орлеанскаго дома, у которыхъ онъ не поцеремонился конфисковать все, что̀ только могъ. Луи-Филиппъ былъ настолько любезенъ, что даже позволилъ одному изъ участниковъ булонской экспедиціи, близкому человѣку къ Луи-Наполеону, его доктору Коно̀, приговоренному тоже къ тюрьмѣ, раздѣлять заключеніе императорскаго претендента. Кромѣ Коно̀ возлѣ Луи-Наполеона находился аптекарь, Акаръ, который первый встрѣтилъ Луи-Блана. Свиданію Луи-Блана Акаръ придавалъ повидимому большое значеніе, потому что съ первыхъ словъ сталъ поспѣшно объяснять Луи-Блану положеніе и обстановку принца.

«Вы должны быть нашимъ помощникомъ и, я надѣюсь, что мы восторжествуемъ надъ Луи-Бонапартомъ», говорилъ Акаръ, увѣдомляя Луи-Блана, что возлѣ принца стоятъ такіе значительные изувѣрные имперіалисты, какъ Персиньи и такіе искренніе, преданные республиканцы, какъ онъ самъ, Акаръ, и нѣкоторые другіе; что принцъ колеблется между этими вліяніями, что онъ человѣкъ съ прямыми, честными намѣреніями, но можетъ по нерѣшительности характера запутаться и впасть въ ошибку, если только имперіалистамъ удастся подчинить его своему вліянію, почему и слѣдуетъ принять всѣ мѣры къ огражденію его отъ нихъ.

Послѣ высказаннаго нами выше взгляда на отношеніе Луи-Блана къ принцу Бонапарту, весьма наивной представляется слѣдующая чистосердечная замѣтка Луи-Блана при разсказѣ объ

Акарѣ: «Пока онъ говорилъ, я смотрѣлъ на него съ крайнимъ изумленіемъ, не будучи въ состояніи понять въ чемъ основаніе республики можетъ зависѣть отъ приверженности къ ней, или наоборотъ, отъ непріязни къ ней Луи-Бонапарта»! Очень вѣроятно, что еслибъ Акаръ могъ заподозрить такое размышленіе въ Луи-Бланѣ, то въ свою очередь смотрѣлъ бы на него съ неменьшимъ изумленіемъ, не понимая, съ какой стати явился бы такой публицистъ къ плѣннику, еслибъ не считалъ то или другое участіе, ту или другую роль его могущими быть важными для Франціи. Но еще вѣроятнѣе, что размышленіе, выраженное въ приведенныхъ строкахъ, явилось у Луи-Блана гораздо позже, вслѣдствіе позднѣйшихъ событій, а во время посѣщенія онъ былъ послѣдовательнѣе, и идя на свиданіе, конечно, надѣялся на привлеченіе принца на сторону своихъ идей. Дальнѣйшая бесѣда съ самимъ принцемъ подтверждаетъ такое предположеніе.

Луи-Бланъ вошелъ въ квартиру плѣнника и увидѣлъ его, окруженнаго всѣмъ комфортомъ и удобствами, въ креслѣ, возлѣ камина, у стола, съ кипою бумагъ и книгъ. Принцъ всталъ и протянулъ посѣтителю руку любезно, но сдержанно; повидимому, онъ хотѣлъ принять извѣстный величественный видъ и тонъ, но это ему не удалось, или онъ раздумалъ, и потому они заговорили просто и довольно непринужденно. Луи-Блана однако съ перваго взгляда и съ первыхъ словъ поразило то, что въ фигурѣ принца «не было ничего изъ наполеоновскаго типа», что въ его произношеніи было что-то странное, и что онъ выражался съ большимъ затрудненіемъ.

Разговоръ начался, по обыкновенію всѣхъ политическихъ людей, съ критики существовавшаго порядка, и собесѣдникамъ не трудно было оказаться согласными: они оба рѣшили, что правительство, которое дѣйствуетъ подкупами внутри, и которое подвергаетъ извнѣ страну *«національному униженію»*, не можетъ долго существовать. Но далѣе пошли разсужденія о *«будущемъ»*, и различіе взглядовъ не замедлило обнаружиться. Принцъ Наполеонъ говорилъ о suffrage universel, какъ объ основѣ истиннаго демократическаго устройства; Луи-Бланъ ставилъ ему на видъ невѣжество крестьянъ и экономическую зависимость многочисленной массы народа отъ другихъ въ настоящемъ соціальномъ порядкѣ. Принцъ продолжалъ говорить о необходимости сообразоваться съ волей націи, съ желаніемъ большинства. Луи-Бланъ возражалъ, что недостаточно провозглашать теоретически верховную волю народа, надо вообще имѣть опредѣленную profession de foi, свое политическое *credo*. Принцъ понялъ вызовъ и не задумался искренно объявить свою вѣчную, свою единую

мысль: «Мое *credo*, сказалъ онъ, — это имперія. Развѣ имперія не возвысила Францію до вершины величія. Развѣ она не возвратила ей порядка? развѣ она не дала ей славы? Что до меня касается, *то я убѣжденъ, что воля націи заключается въ желаніи имперіи*».—«Но имперія—это наслѣдственное начало», воскликнулъ Луи-Бланъ, полагая сразить этимъ неугомоннаго претендента. А претендентъ отвѣчалъ ему спокойно и сознательно: «безъ сомнѣнія».

Луи-Бланъ сталъ ратовать противъ наслѣдственнаго начала, силился доказать принцу противорѣчіе между верховной волей народа и наслѣдственнымъ принципомъ, заговорилъ даже о покушеніи чрезъ наслѣдственное начало на права несчастнаго потомства. Луи-Наполеонъ на это все отвѣчалъ только нѣсколькими словами: «Въ сущности важность состоитъ только въ томъ, чтобы правительство, какое бы оно ни было, заботилось о благѣ народа».

Бесѣда пошла гораздо оживленнѣе, когда они, оставивъ политическія формы, заговорили о соціальныхъ реформахъ. Принцъ самъ началъ разговоръ о необходимости соціальныхъ измѣненій, очень хорошо зная, насколько этотъ предметъ дорогъ его собесѣднику. «Его взгляды въ этомъ отношеніи повидимому мало разнились отъ моихъ». Это значитъ, что принцъ Луи-Бонапартъ являлся передъ Луи-Бланомъ въ частной бесѣдѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своей юности, энергическимъ соціалистомъ.

Исторіи приходится на каждомъ шагу обличать извѣстныхъ дѣятелей въ непослѣдовательностяхъ и противорѣчіяхъ; цѣлыя теоріи часто создаются повидимому только для того, чтобы вызывать противорѣчія себѣ на практикѣ. Въ примѣрѣ Луи-Наполеона интересно было бы только рѣшить, вытекали ли его теоріи изъ праздной фантазіи или изъ добросовѣстнаго изученія, или же тѣ теоріи были приняты принцемъ въ его сочиненіяхъ только какъ стратегическое орудіе для критики іюльской монархіи и для привлеченія къ себѣ сочувствія приверженцевъ соціалистическихъ ученій.

Какъ бы то ни было, онъ не остался вѣренъ своимъ теоріямъ; напротивъ, для своей цѣли, т. е. для овладѣнія французскимъ престоломъ, — при перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ даже счелъ нужнымъ стать ярымъ врагомъ соціалистовъ и явиться спасителемъ страны отъ «новыхъ Гракховъ». Вся дальнѣйшая исторія, все публичное поведеніе Луи-Наполеона противорѣчило его печатнымъ воззрѣніямъ, и его фраза о благѣ народа должна была бы быть повернута немного иначе: въ сущности, для него

оказывалось все равно—приносится ли благо народу или нѣтъ, лишь бы только правительство принадлежало ему самому и только ему. Это было его цѣлью, единою и неуклонною цѣлью; и она-то вела его къ тѣмъ противорѣчіямъ дѣла съ словами, которыя проявлялись столько же въ крупныхъ и серьёзныхъ фактахъ, сколько и въ такъ-называемыхъ мелочахъ, которыя однако отзываются на народѣ вовсе не шуточно. Такъ, при томъ же свиданіи съ Луи-Бланомъ, во время прогулки по крѣпостному валу, среди оживленнаго разговора Луи-Наполеонъ вдругъ прервалъ Луи-Блана предостереженіемъ: «говорите тихо»! и показалъ ему на фигуру, которая слѣдила за ними въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія. Это замѣчаніе повело къ тому, что Луи-Наполеонъ съ горечью и отвращеніемъ сталъ говорить «о низости тѣхъ правительствъ (т. е. правительства Луи-Филиппа), которымъ нужна цѣлая черная армія шпіоновъ, и которыя, ища своей силы въ самыхъ нечистыхъ складкахъ человѣческой природы, пользуются даже извращенностью своихъ агентовъ. А чрезъ десять лѣтъ послѣ такой филиппики цѣломудренный ораторъ создавалъ въ той же Франціи такую «черную армію», что невольно вспомнишь и захочешь примѣнить къ нему извѣстный стихъ:

А примешься за дѣло самъ,
Такъ вдвое хуже напроказишь!

Цѣлые три дня бесѣдовали Луи-Бланъ и Луи-Бонапартъ. Уѣзжая, Луи-Бланъ счелъ нужнымъ еще разъ наставить провинившагося претендента на истинный путь: «Повѣрьте мнѣ, единая вещь, дѣйствительно возможная во Франціи, есть республика, республика вѣрная своему началу, ибо полвѣка революцій неразрывно связали Францію съ ученіемъ о равенствѣ. Оставьте же эту роль претендента, для которой у васъ нѣтъ сцены. Довѣрьте своему безкорыстію заботу о вашей судьбѣ. Имѣйте смѣлость стать и провозгласить себя республиканцемъ». Бонапартъ, прибавляетъ Луи-Бланъ, былъ видимо тронутъ и при прощаньи его глаза были влажны. Это уже второй разъ въ три дня являлись у него слезы. Въ первый разъ при разсказѣ о булонской экспедиціи его голосъ внезапно порвался, онъ хотѣлъ переселить себя, и вдругъ залился слезами...

Они простились и каждый снова пошелъ своей дорогой. Луи-Бланъ продолжалъ работать въ прессѣ и излагать свои мысли о соціальномъ положеніи рабочихъ; извѣстность, пріобрѣтенная имъ на этомъ пути, довела его черезъ восемь лѣтъ послѣ свиданія, до временного правительства второй республики, а козни и заговоры противъ него враговъ довели его вскорѣ за тѣмъ до из-

гнанія изъ Франціи. Луи-Наполеонъ сталъ обдумывать, какъ освободиться, и снова приняться за свое трудное, конспираторское дѣло, которое должно было довести его и довело до президента республики и до основателя второй имперіи.

Люди эти, — теперь заклятые враги; но прежде, чѣмъ переворотъ 2 декабря раздѣлилъ ихъ цѣлымъ непроходимымъ кровавымъ рвомъ, имъ суждено было встрѣтиться еще разъ въ 49 году, — когда они обмѣнялись ролями, когда Луи-Бланъ долженъ былъ обречь себя почти на затворничество въ Англіи, а Луи-Бонапартъ возвращался въ Парижъ [1]).

Первая задача Луи-Наполеона, т. е. освобожденіе изъ плѣна, была достигнута имъ въ 1846 году. Король и Гизо предлагали принцу полную свободу, если онъ откажется отъ всѣхъ своихъ притязаній, но принцъ не захотѣлъ продать ни за какую свободу того, что́ считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, т. е. обладаніе французскимъ престоломъ. Да и не къ чему было соглашаться на сдѣлку, когда можно было избавиться отъ тюрьмы бѣгствомъ. При помощи своего вѣрнаго доктора Коно̀, принцъ воспользовался присутствіемъ въ замкѣ Гамъ рабочихъ; одинъ изъ нихъ, Баденге, согласился дать свою одежду; принцъ сказался больнымъ, переодѣлся и вышелъ изъ тюрьмы. Когда на другое утро комендантъ заглянулъ въ окошечко, чтобъ посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ больной, то дѣйствительно увидѣлъ спящаго и закутаннаго больного, и успокоившись тѣмъ, что больной заснулъ, ушелъ къ себѣ. А на другой день успокоился и принцъ, ибо, въ то время, какъ по мнѣнію коменданта, принцъ лежалъ въ постели, онъ спѣшилъ въ Брюссель, а изъ Брюсселя въ Лондонъ. А въ постели дѣйствительно лежалъ, только не больной и не принцъ — а докторъ Коно̀, нарочно закутанный для скрытія обмана, чтобы дать время принцу уйти безъ погони до безопаснаго пристанища.

IV.

Въ то время, когда «баррикадный король» Луи-Филиппъ оказался дѣйствительно *баррикаднымъ* королемъ, т. е. по остроумному замѣчанію прусскаго короля, возведенный на тронъ баррикадами, ими же былъ и сброшенъ съ него; — въ то время, какъ члены Орлеанской фамиліи спѣшили удалиться изъ Франціи, члены бонапартовскаго дома спѣшили воспользоваться изгна-

[1]) См. *Louis Blanc*. Révélations historiques. Конецъ главы Visite au fort de Ham.

ніемъ Орлеановъ для того, чтобы покончить свое собственное изгнаніе и принесть свои посильныя услуги дорогой Франціи.

«Нація — писалъ Жеромъ Бонапартъ (отецъ нынѣшняго принца Наполеона, извѣстнаго подъ именемъ Plon-Plon) — нація разорвала трактаты 1815 года. Старый солдатъ Ватерлоо, послѣдній братъ Наполеона, вступаетъ въ этотъ моментъ въ среду великой семьи. *Время династій* прошло теперь для Франціи. Законъ изгнанія, направленный противъ меня, падаетъ съ послѣдними Бурбонами. Я прошу, чтобъ республиканское правительство объявило, что мое изгнаніе было позоромъ для Франціи и уничтожилось вмѣстѣ со всѣмъ, что̀ было наложено на насъ чужеземцемъ».

Другой представитель бонапартовской династіи, уже знакомый намъ, принцъ Луи-Наполеонъ, тоже находился въ Парижѣ на другой день революціи, 25 февраля, и какъ бы забывая, или желая, чтобъ другіе забыли про его императорскія притязанія, торжественно извѣщалъ временное правительство о своей преданности: «Въ самый моментъ побѣды народа, я явился въ городскую думу. Долгъ всѣхъ добрыхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы соединиться вокругъ временного правительства республики, и я хочу одинъ изъ первыхъ исполнить этотъ долгъ; я буду счастливъ, если мой патріотизмъ можетъ быть полезно употребленъ».

Временное правительство нашло, что наиболѣе полезное употребленіе патріотизма принца будетъ состоять въ немедленномъ удаленіи его изъ Франціи, что̀ и потребовало отъ него. Дѣлать было нечего, ему пришлось подчиниться, но уѣзжая, онъ выразилъ правительству надежду на скорую возможность своего возвращенія: «Послѣ тридцати трехъ лѣтъ изгнанія и преслѣдованій, я думалъ, что пріобрѣлъ право очага на *родной землѣ*. Вы думаете, что мое присутствіе *теперь* въ Парижѣ представляетъ затрудненія, и поэтому я удаляюсь *на время*. Вы увидите въ этой жертвѣ чистоту моихъ чувствъ, моихъ намѣреній, залогъ моего патріотизма». (29-го февраля 1848 года).

Можетъ быть, временное правительство, отказывая Наполеону Бонапарту въ правѣ оставаться во Франціи, оказывало ему тѣмъ самымъ большую услугу, гораздо бо̀льшую, чѣмъ кто-либо могъ предположить. «Неожиданная» февральская республика шла быстрымъ скользкимъ путемъ къ своей гибели, — ее вели по этому пути тѣ же люди, тѣ же страсти, тѣ же партіи, которыя подкопали и іюльскую монархію. Легитимисты обочлись въ разсчетѣ, который велъ ихъ на борьбу противъ Луи-Филиппа; они воображали, что возвратятъ французскій тронъ его «законному» на-

слѣднику, т. е. Генриху V, изъ старшей линіи Бурбоновъ; вмѣсто того оказалось, что некому было возвращать тронъ, ибо самый тронъ былъ уничтоженъ провозглашеніемъ республики. Орлеанисты, которые воображали, что реформенная оппозиція заставитъ только смѣнить одно отверженное министерство другимъ, точно также, какъ и тѣ, болѣе крайніе либералы, которые воображали, что въ случаѣ опасности имъ стóитъ только замѣнить Луи-Филиппа регентствомъ герцогини Орлеанской, всѣ эти люди— растерявшіеся въ первую минуту и, затѣмъ, тотчасъ же сообразившіе необходимость *маскарада*, необходимость прикрыть свои настоящія воззрѣнія игрою въ республиканство, — въ сущности никогда не думали отнестись къ *республикѣ серьезно*, и поэтому, не теряя времени, стали стремиться къ тому, чтобы довести республику, т. е. «анархію», по ихъ крайнему разумѣнію, до невозможности, до полнѣйшаго разстройства. Тогда они явились бы спасителями страны, они починили бы подломленный тронъ Луи-Филиппа, и прерванная ненадолго орлеанская монархія снова надѣлила бы Францію благоденствіемъ! Понятно, что благородные участники такого благоденствія не остались бы съ пустыми руками: въ ихъ рукахъ сосредоточилось бы снова все управленіе страною и распоряженіе всѣмъ ея богатствомъ, помимо никому не нужной народной воли. Тѣ и другіе, легитимисты и орлеанисты, одинаково стремились занять въ презрѣнной республикѣ *легальныя* мѣста, и поэтому одинаково старались попасть въ національное собраніе. Дѣйствительно, изъ девятисотъ членовъ національнаго собранія, триста оказалось явными орлеанистами и сто пятьдесятъ извѣстными легитимистами.

Какимъ образомъ, во имя чего народъ при выборахъ давалъ свои голоса людямъ, которые были прямыми приверженцами низвергнутыхъ правительствъ? Потому ли, что они ловко прикрывались маскою? Потому ли, что народъ, въ первый разъ получившій право голоса, не зналъ этихъ людей ранѣе, ибо не могъ знать и слѣдить за политикой, остававшейся въ сферѣ высокаго ценза? Потому ли наконецъ, просто, что не понималъ еще важности и значенія выборовъ и закупался звучными фразами? Все это — вопросы, обсужденіе которыхъ отвело бы насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ далеко отъ нашего предмета. Оставляя ихъ въ сторонѣ, мы только обращаемъ серьезное вниманіе на самый фактъ присутствія многихъ членовъ старыхъ бурбонскихъ партій въ національномъ собраніи второй республики. Этотъ фактъ долженъ послужить ключомъ къ уясненію всего дальнѣйшаго положенія, всѣхъ дальнѣйшихъ непреодолимыхъ трудностей и всѣхъ послѣдующихъ кровавыхъ столкновеній.

Такимъ образомъ, за вычетомъ 450-ти членовъ, другая половина всей численности собранія оставалась на долю республиканцевъ и бонапартистовъ. Но въ этой половинѣ царствовало не только несогласіе, но и положительная вражда. Между бонапартистами были *чистые* бонапартисты, сначала мечтавшіе, а потомъ съ каждымъ днемъ все опредѣленнѣе шедшіе къ основанію второй имперіи; были и другіе бонапартисты, которые видѣли славу наслѣдника великаго императора въ томъ, чтобы онъ стоялъ во главѣ страны, какъ бы она ни называлась — республикой или имперіей [1]).

Наконецъ, оттѣнкамъ и подраздѣленіямъ между республиканцами не было конца. Были умѣренные республиканцы, которые могли насчитать въ своей средѣ людей понимающихъ республику при такой-то формѣ исполнительной или законодательной власти, и людей, признающихъ республику только при иной формѣ; были ярые красные республиканцы, не будучи въ тоже время соціалистами (представителемъ ихъ былъ Ледрю-Ролленъ); были, наконецъ, республиканцы-соціалисты, которыхъ звали красными, и которые вовсе не были таковыми; были соціалисты по системѣ Луи-Блана, соціалисты-анархисты, какъ Прудонъ, соціалисты-фурьеристы, какъ Консидеранъ, и, вѣроятно, мы могли бы насчитать еще нѣсколько видовъ ихъ. Но и указанныхъ достаточно, чтобы судить, какая путаница, какія смуты должны были происходить нри общей враждѣ и взаимныхъ ссорахъ партій. Слѣдуетъ помнить при этомъ, что вражда въ самомъ лагерѣ республиканцевъ шла часто гораздо ожесточеннѣе, нежели борьба двухъ общихъ главныхъ партій — большинства и меньшинства въ національномъ собраніи.

Не трудно себѣ представить, какимъ образомъ должны были

---

[1]) Для читателя не лишено будетъ интереса припомнить, какъ заявляли себя въ 1848 году, при выборахъ, столпы нынѣшняго порядка во Франціи. Представляясь избирателямъ въ качествѣ депутатовъ, искренно преданныхъ республикѣ, гг. Барошъ, Руэръ, Персиньи не находили словъ достаточно энергичныхъ для выраженія своихъ profession de foi: «Я республиканецъ по разсудку, по чувству, по убѣжденіямъ, писалъ Барошъ: — Я вовсе не принимаю республику, какъ необходимость, или какъ временную сдѣлку, а какъ единственную форму правленія, которая можетъ обезпечить величіе и благосостояніе Франціи».

Г. Руэръ требовалъ, въ своемъ посланіи, для совершившейся политической и соціальной революціи полной и совершенной свободы собраній, учрежденія постоянныхъ клубовъ, прогрессивнаго налога, правильной организаціи труда, все для народа и все чрезъ народъ.

Г. Фіалэнъ-де-Персиньи клялся «посвятить начавшейся соціальной революціи всю энергію, дарованную ему Богомъ, все разумѣніе и упорство на освобожденіе народа отъ единаго, тяготѣющаго еще надъ нимъ рабства, отъ рабства нищеты».

подѣлиться эти двѣ парламентскія партіи. Съ одной стороны, стали и сплотились дружно заклятые враги, т. е. легитимисты и орлеанисты; съ другой — лѣвую сторону составили республиканцы со всѣми подраздѣленіями. Между ними стояли бонапартисты; они представляли собою пловучій переходящій элементъ, и потому въ сущности часто наиболѣе дѣйствительный и вліятельный изъ всѣхъ: бонапартисты присоединялись то къ одной, то къ другой сторонѣ, соображаясь съ тайными замыслами своихъ вожаковъ; они же, все изъ тѣхъ же тайныхъ видовъ, впослѣдствіи руководились въ своемъ поведеніи только однимъ побужденіемъ — дискредитировать, уронить всякое довѣріе къ собранію въ массахъ народа для того, чтобы ихъ глава, принцъ-претендентъ могъ заразъ убить двухъ зайцевъ, или вѣрнѣе явиться, съ достойной фигурой Януса: т. е. съ одной стороны, спасителемъ общества отъ бѣдствій соціалистической анархіи, съ другой — избавителемъ народа отъ его монархическихъ враговъ, отъ партій, желавшихъ возвращенія стараго порядка.

Но ранѣе, чѣмъ бонапартисты могли получить серьезное значеніе въ собраніи, въ немъ, одинаково въ двухъ его фазахъ и при двухъ выборахъ, — въ учредительномъ, точно также какъ и въ законодательномъ собраніи — дѣйствовала партія большинства, партія монархистовъ, легитимистовъ и орлеанистовъ вмѣстѣ. На этой партіи больше, чѣмъ на комъ бы то ни было лежитъ вся отвѣтственность за ходъ революціи, и потому она справедливо можетъ вызывать за свое поведеніе или осужденіе, или похвалу, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія отнестись къ событію. Видя, что второй разъ уже, т. е. при выборахъ въ законодательное собраніе, suffrage universel остается вѣренъ монархическимъ представителямъ, хотя и посылаетъ изъ Парижа и изъ нѣкоторыхъ провинцій республиканцевъ и даже соціалистовъ, орлеанисты и легитимисты рѣшили, что въ перспективѣ страна должна неизбѣжно придти къ возстановленію королевской власти. Но они сознавали при этомъ, что было еще не время входить въ распрю изъ-за претендента старшей или младшей линіи, и потому какъ бы согласились оставить эту распрю до позднѣйшаго момента; при чемъ, конечно, легитимисты надѣялись, что орлеанисты, помня свое недавнее пораженіе, естественно захотятъ уступить первенство законному наслѣднику изъ старшей линіи; а орлеанисты въ свою очередь считали себя настолько сильными, что всегда надѣялись поглотить своей численностью легитимистовъ и заставить ихъ принять претендента младшей линіи.

Такимъ образомъ, обѣ роялистскія партіи сошлись на общей

имъ почвѣ, на употребленіи всѣхъ средствъ и способовъ къ тому, чтобы довести скорѣе республику до паденія и Францію до неизбѣжности признать одного изъ ихъ кандидатовъ. Очевидно было, что для такой цѣли слѣдовало разрушить въ массахъ всякую надежду, а въ буржуазіи (силу которой представляла національная гвардія) возбудить паническій страхъ относительно республиканцевъ-соціалистовъ. Надо было напугать страну разбойническими и грабительскими ужасами, происходящими, конечно, отъ наущеній работниковъ соціалистами «противъ собственности, противъ семьи, противъ общественнаго порядка...!»

Историки безъ преувеличенія свидѣтельствуютъ, что эта внутренняя коалиція старыхъ партій въ 1848-мъ году противъ второй республики была гораздо страшнѣе и убійственнѣе, чѣмъ внѣшняя коалиція 90-ыхъ годовъ, направленная противъ первой республики. У этой внѣшней коалиціи было только одно орудіе — порохъ и желѣзо; она шла открыто на борьбу съ революціей, оповѣщая о себѣ извѣстнымъ манифестомъ Брауншвейга (25-го іюля 92-го года); интриги и продѣлки Пита, занимавшагося наводненіемъ Франціи фальшивыми ассигнаціями, были болѣе страшны въ молвѣ народной, чѣмъ въ сущности. Вторая, *внутренняя* коалиція обладала всевозможными орудіями, пропитанными медленнымъ, но вѣрнымъ ядомъ: она начинала съ интриги, съ клеветы, съ инсинуаціи; она шла черезъ вызванныя ею самой баррикады, съ артиллеріей и бомбардированіемъ; она самовольно провозглашала терроръ и предъявляла себя спасительницей страны; она избавлялась отъ своихъ противниковъ изгнаніемъ, ссылками, депортаціей, огульнымъ разстрѣливаніемъ побѣжденныхъ и облачала свой терроръ въ легальный видъ созданіемъ военно-судныхъ коммиссій.

Внутренняя коалиція обочлась въ своемъ разсчетѣ: она довела республику до гибели, но она не довела своихъ претендентовъ до трона Франціи. При своихъ разсчетахъ она упустила изъ виду одинъ элементъ, бонапартистскій. Она не воображала, что явится еще непрошенный гость оспоривать львиную часть; она была увѣрена, что проведетъ этого новичка своей опытностью, своей парламентской тактикой; она надѣялась воспользоваться его услугами для союзной битвы противъ республиканцевъ и за тѣмъ отстранить его отъ всякаго покушенія на раздѣлъ добычи. Но она обочлась въ мнѣніи о своей силѣ и о немощи соперника; она увлеклась побѣдою Кавеньяковской арміи и фальшивыми докладами своихъ коммиссій. Она, которая считала въ своей средѣ столькихъ извѣстныхъ историковъ и философовъ (Тьеръ, Токвиль, Дювержье-де-Оранъ, Ремюза и пр. и пр.),

она забыла, что изъ народнаго кровопролитія никогда не выходятъ чистыми, что кровь побѣжденныхъ рано или поздно снова выступаетъ наружу и подмываетъ всякое зданіе, возводимое на ея почвѣ. Она въ своемъ увлеченіи не разсудила, что ея дѣйствія и поступки могутъ, въ концѣ концовъ, вызвать въ странѣ не сочувствіе, не поддержку, а наоборотъ — недовѣріе и озлобленіе. А между тѣмъ такъ и случилось.

Мы увидимъ ниже, что приверженцы республиканцевъ, какъ умѣренныхъ, такъ и красныхъ, не уменьшались, а значительно увеличивались; мы увидимъ, что это увеличеніе повело коалицію къ необдуманному принятію такой мѣры, которая прямо вызвала ея гибель. Рядомъ съ увеличеніемъ республиканцевъ, увеличивалось и число приверженцевъ бонапартизма, и вотъ гдѣ справедливымъ является наше положеніе, что удаленіе принца Луи-Наполеона изъ Франціи послужило ему въ пользу. Въ то время, какъ коалиція компрометировала себя, роняла себя въ глазахъ народа своимъ поведеніемъ и вызывала осужденіе себѣ, Бонапартъ оставался въ тѣни, въ таинственной неизвѣстности, не принужденный открыто заявлять то или другое свое отношеніе къ разнымъ обстоятельствамъ, сокрушившимъ республику.

Но это нисколько не мѣшало ему дѣйствовать иными, подпольными путями и неотступно вести свои подземныя мины. Среди рабочихъ въ городахъ и между земледѣльцами въ селахъ находились люди, ловкіе, смышленные люди, умѣвшіе красно говорить о бѣдствіяхъ республики, о томъ, какія бѣды уже постигали въ былыя времена несчастную Францію и какъ во время первой революціи удержала Францію на краю бездны могучая рука великаго императора. А у императора остались наслѣдники, но они внѣ Франціи, потому что ихъ осуждаетъ на изгнаніе свободное республиканское правительство, точно также, какъ ихъ осуждала реставрація (1816 г.) и Орлеаны; ихъ не пускаютъ во Францію, потому что знаютъ, что они не потерпѣли бы бѣдствій народа и не дозволили бы старымъ партіямъ обманывать народъ; они снова могли бы вывесть Францію изъ кровавой бѣды, и т. д. и т. д.—Этими розсказнями ловкіе агенты принца Луи-Наполеона дѣйствительно успѣвали настолько, что уже въ маѣ 1848 года, въ публичныхъ демонстраціяхъ стало раздаваться имя Луи-Наполеона.

Коалиція колебалась между двумя соображеніями. — Съ одной стороны, она могла быть довольна тѣмъ, что въ массѣ, повидимому, снова ощущали потребность въ одномъ человѣкѣ, въ спасителѣ и руководителѣ, и это ощущеніе можно было употребить въ дѣло для навязанія ей бурбонскихъ претендентовъ. Съ другой

стороны, ей не нравилось и казалось опаснымъ для ея интересовъ то обстоятельство, что «масса», «чернь» и отчасти «буржуазія» обращали свое вниманіе именно на Луи-Наполеона, а не на кого другого. Коалиція подозрѣвала, что вниманіе народа вызывалось въ значительной степени тайными интригами бонапартизма, не смотря на отсутствіе претендента; она думала при этомъ, что его пребываніе въ самой Франціи только увеличило бы возможность прозелитизма въ его пользу. Руководясь такими соображеніями, коалиція въ національномъ собраніи вознамѣрилась удержать въ силѣ законъ 1816 года, объ изгнаніи Бонапартовъ, только въ примѣненіи къ одному изъ ихъ членовъ, — къ принцу Луи-Наполеону. Другіе члены Бонапартовой династіи уже засѣдали въ національномъ собраніи, посланные въ него общими выборами 23-го апрѣля: принцъ Наполеонъ-Бонапартъ [1]), (сынъ короля Жерома), Пьеръ Бонапартъ, (сынъ Люсьена) и Люсьенъ Мюратъ.

Въ письмѣ изъ Лондона, отъ 24 мая 1848 года, обращенномъ къ національному собранію, Луи-Наполеонъ протестовалъ противъ исключенія, направленнаго противъ его одного:

«Я хочу спросить — говорилось въ посланіи — у представителей народа, чѣмъ я могъ заслужить такое наказаніе?... Тѣмъ ли, что желалъ торжества народной верховной воли? (souverainеté nationale). Тѣмъ ли, что я два раза былъ жертвой моей вражды къ правительству, которое вы низвергли? тѣмъ ли, что я согласился изъ почтенія къ временному правительству возвратиться за границу? тѣмъ ли, что, изъ безкорыстія, я отказался отъ предложенныхъ мнѣ кандидатуръ въ собраніи, рѣшившись возвратиться только тогда, когда конституція будетъ утверждена и республика упрочена? Тѣ же самыя причины, которыя заставили меня поднять оружіе противъ правительства Луи-Филиппа, заставили бы меня, *еслибъ потребовали моихъ услугъ*, отдаться защитѣ собранія, явившагося результатомъ всеобщей подачи голосовъ... При королѣ, избранномъ двумя стами депутатовъ я могъ помнить, что я наслѣдникъ имперіи, основанной на согласіи 4-хъ милліоновъ французовъ; при существованіи народной верховной воли, я не могу и не хочу отстаивать ни-

---

[1]) «Братство, равенство и свобода внутри, священный союзъ народовъ извнѣ — таковы основы, на коихъ мы должны построить республиканское зданіе», такъ говорилъ въ своемъ манифестѣ къ корсиканскимъ избирателямъ принцъ Наполеонъ. Въ этомъ же манифестѣ онъ заявлялъ ту тенденцію, которую не оставлялъ съ того времени и до сихъ поръ: именно стремленіе освободить Италію и Польшу: «Польша и Италія должны устроиться независимо; ихъ свобода нужна для упроченія свободы Европы; ихъ дѣло справедливо: оно есть дѣло нашей демократіи».

чего, кромѣ моихъ правъ французскаго гражданина, но этихъ правъ я буду требовать непрестанно съ тою энергіей, которая дается честному сердцу сознаніемъ, что оно никогда не утрачивало права на свое отечество.»

Вскорѣ за тѣмъ Луи-Наполеонъ далъ почувствовать собранію, что онъ можетъ войти во Францію, если не путемъ декрета, то путемъ народной воли. Четыре департамента выбрали его своимъ представителемъ, при дополнительныхъ выборахъ 8 іюня. Въ Сенскомъ департаментѣ, къ общему величайшему изумленію, имя Луи-Наполеона явилось однимъ изъ одиннадцати, и не послѣднимъ изъ одиннадцати: оно шло вслѣдъ за именами Косидьера, Шангарнье, П. Леру, В. Гюго, который получилъ только полторы тысячи голосовъ болѣе, чѣмъ принцъ, между тѣмъ какъ Прудонъ, вышедшій послѣднимъ изъ электоральной урны, получилъ семь съ половиною тысячъ голосовъ менѣе чѣмъ принцъ. Вопросъ о допущеніи Луи-Бонапарта представился собранію невольнымъ, насильственнымъ образомъ. Собраніе не могло уклониться отъ новыхъ дебатовъ, отъ принятія новаго рѣшенія въ виду воли избирателей. Собраніе тѣмъ болѣе было вынуждено снова рѣшать вопросъ о Луи-Наполеонѣ, что въ народѣ парижскомъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой его части, начиналась агитація, ходили разные раздражительные слухи, толпа собиралась нѣсколько дней у дверей національнаго собранія.

13-го іюня 48-го года, открывалось въ собраніи преніе объ избраніи Луи-Наполеона и о допущеніи его не только во Францію, но и въ самое собраніе. Одинъ изъ докладчиковъ, говорившихъ въ пользу допущенія, Ламартинъ предлагалъ вотировать допущеніе единодушнымъ согласіемъ. Л. Бланъ произнесъ цѣлую рѣчь о республиканской справедливости, о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать значеніе претендентовъ отдаленіемъ ихъ изъ опасенія, что гораздо удобнѣе слѣдить за ними вблизи, о томъ наконецъ, что «логика республиканская не допускаетъ, чтобъ сынъ былъ наказываемъ за преступленія, въ которыхъ виновенъ отецъ». (Эта *логика* республиканская была не совсѣмъ *логична:* какъ будто Наполеонъ I-ый былъ отецъ Наполеона III-го, и какъ будто посягательство на императорскій тронъ Франціи принадлежало не Луи-Наполеону?) Напрасенъ былъ рапортъ другого докладчика Бюшеза, который требовалъ уничтоженія избранія, на томъ основаніи, что принцъ Луи-Наполеонъ никогда, ни прежде, ни послѣ выборовъ, не призналъ открыто республики [1]). Напрасно тоже Ледрю-Ролленъ весьма сурово ратовалъ противъ

---

[1]) *L. Veron.* Mémoires d'un Bourgeois de Paris T. VI, стр. 77.

допущенія принца Луи-Наполеона и въ собраніе и во Францію, его протестъ остался безсиленъ предъ большинствомъ вотировавшимъ за уничтоженіе закона объ изгнаніи и за утвержденіе принца въ качествѣ избраннаго представителя народа.

Не малое удивленіе произошло, когда узнали отвѣтъ принца на такое великодушное рѣшеніе собранія. Онъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ жаловавшійся на обреченіе его на томительное бездѣйствіе и охотно принявшій избраніе, онъ, въ посланіи отъ 13-го же іюня отказывался отъ своего права возвращенія и предпочиталъ оставаться въ Англіи. Какъ на причины, налагавшія на него долгъ отказаться, принцъ указывалъ на оскорбительныя подозрѣнія, порожденныя выборами, на смуты, которымъ они послужили предлогомъ, на враждебность къ нему исполнительной власти. «*Скоро*, я надѣюсь, тишина возстановится и дозволитъ мнѣ вступить во Францію, какъ самому простому гражданину, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ одному изъ самыхъ преданныхъ спокойствію и благоденствію страны».

Такимъ образомъ, мы не увидимъ принца Луи-Наполеона въ собраніи ранѣе конца сентября. Въ началѣ іюня онъ, по всей вѣроятности, не считалъ еще положеніе республики благопріятнымъ для открытаго дѣйствія и для начала выполненія своихъ плановъ на самомъ мѣстѣ будущаго совершенія ихъ. Выборы показали ему, что у него есть вполнѣ преданные слуги и что отсутствіе не мѣшаетъ рости его популярности, а скорѣе наоборотъ. Какъ бы то ни было, былъ ли у него прямой разсчетъ или различныя частныя обстоятельства помѣшали ему возвратиться въ Парижъ, надо признать, что въ данномъ случаѣ имъ руководила счастливая звѣзда. Онъ остался *почти чистъ* и внѣ народнаго озлобленія, постигшаго большую частью людей, раздѣлявшихъ законодательную и исполнительную власть во время іюньскаго кровопролитія (23—26-го іюня). Мы сказали—*почти чистъ*, потому что въ историческихъ документахъ остались показанія, обличающія его въ тайномъ сѣяніи раздора среди рабочихъ, въ интригахъ бонапартистовъ, готовыхъ толкать рабочихъ на отчаянныя, непосильныя мѣры, для того только, чтобъ позже воспользоваться общественной катастрофой въ своихъ видахъ; документы указываютъ на прямое вербованіе между рабочими приверженцевъ императорскому знамени. Такъ, въ одной изъ прокламацій люксембургскихъ делегатовъ отъ рабочихъ (т. е. делегатовъ собиравшихся въ люксембургскомъ дворцѣ, обыкновенно служащимъ мѣстомъ для сената, а въ 48-мъ году отданномъ Луи-Блану для совѣщаній и для изложенія рабочимъ своихъ идей объ устройствѣ труда) и делегатовъ отъ національныхъ мастерскихъ, рабочіе призывали

не довѣряться легкомысленно разнымъ навѣтамъ и наущеніямъ, «не давать своихъ рукъ и своего сердца для поддержанія партизановъ трона, который они (рабочіе) сожгли»... и за тѣмъ въ заключеніе еще разъ остерегали рабочихъ отъ *императорскихъ* покушеній: «Исторія послѣдняго царствованія ужасна; не будемъ продолжать ее. Намъ столько же не надо *императора*, какъ и короля. Ничего другого, какъ свободы, равенства и братства». Луи-Бланъ въ главѣ «Возстаніе голода» приводитъ точныя подтвержденія и доказательства тайныхъ дѣйствій бонапартизма, много способствовавшихъ къ іюньской катастрофѣ.

Когда чрезъ три мѣсяца послѣ того, снова происходили мѣстные выборы, 17-го сентября, то Луи-Наполеонъ былъ выбранъ уже пятью департаментами, и на этотъ разъ побѣда была блистательная: въ самомъ Парижѣ принцъ-изгнанникъ получилъ 110,752 на 247,242 вотировавшихъ голоса и прошелъ первымъ на листѣ изъ трехъ депутатовъ. Банкиръ Фульдъ получилъ почти 79 тысячъ, соціалистическій кандидатъ Распайль 67 тысячъ. Очевидно было, іюньскіе дни послужили не въ выгоду коалиціонной партіи, и если многіе избиратели не относились съ боязнью къ соціалистамъ, которые, однако, все болѣе выигрывали почву, а не теряли ее, какъ увѣряла коалиція, то большинство избирателей останавливалось на Луи-Бонапартѣ, какъ на кандидатѣ стоявшемъ внѣ двухъ борющихся лагерей, и потому наиболѣе заслуживавшемъ общее довѣріе.

26-е сентября 1848 года было днемъ торжественнаго появленія принца Луи-Наполеона Бонапарта въ залѣ собранія, въ средѣ представителей народа. Небольшого роста, сутуловатый, трудно, неловко говорившій, съ смущеннымъ выраженіемъ, новый представитель вызывалъ не одну насмѣшку надъ собой, особенно, когда припоминались его страсбургское и булонское похожденія. Въ этой фигурѣ не было ничего величественнаго, ничего, что̀ обнаруживало бы присутствіе смѣлости, энергіи и мудрости, которыя заставляли бы заподозрить въ немъ способность овладѣть правленіемъ Франціи, особенно при столь трудномъ, запутанномъ состояніи страны. Наиболѣе безпристрастные историки, которые могли высказаться откровенно, утверждаютъ, что въ принцѣ Наполеонѣ дѣйствительно не было никакихъ подобныхъ качествъ, но что ими въ большой степени обладали тѣ приближенные друзья и слуги принца, которые играли роль можетъ быть важнѣйшую, чѣмъ самъ принцъ, и о которыхъ поэтому мы еще будемъ говорить. Странность, исключительность положенія, созданная всѣмъ прошлымъ принца и всей борьбой, которую онъ выдержалъ съ своими подозрительными врагами за

свое парламентское мѣсто, вели еще къ новой исключительности: принцъ Луи-Наполеонъ не вошелъ въ собраніе молча, по обыкновенію всѣхъ другихъ депутатовъ, онъ счелъ нужнымъ произнести во всеуслышаніе, оповѣстить всю Францію и чрезъ то и на всю Европу *«клятву признательности и преданности республикѣ»*.

«Граждане-представители — говорилъ Луи-Наполеонъ, входя въ первый разъ на трибуну національнаго собранія—мнѣ нельзя хранить молчанія послѣ столькихъ клеветъ, направленныхъ на меня.... Послѣ 33-хъ лѣтъ изгнанія и ссылки, я снова наконецъ обрѣтаю мое отечество и всѣ мои права гражданина! Республика дала мнѣ это счастіе, пусть же республика приметъ мою клятву признательности, мою клятву преданности.... Мое поведеніе, непрестанно внушаемое долгомъ, непрестанно одушевляемое уваженіемъ къ закону, докажетъ вопреки страстямъ, которыя пытались меня очернить для того, чтобъ еще разъ осудить меня на изгнаніе — докажетъ, что *никто здѣсь болѣе меня не обладаетъ готовностью отдаться защитѣ порядка и утвержденію республики*».

V.

Послѣднія слова первой рѣчи Луи-Наполеона выражали всю дальнѣйшую программу его дѣйствій и все дальнѣйшее отношеніе его къ той пользѣ, которую онъ, по своему мнѣнію, могъ принести Франціи своей дѣятельностью. Онъ прямо говорилъ, что никто болѣе его не готовъ посвятить себя служенію Франціи; это должно было означать, что онъ вовсе не намѣренъ уступить кому бы то ни было право или возможность бо̀льшаго, т. е. высшаго служенія странѣ; ясно было, что Луи-Наполеонъ всегда готовъ стремиться къ тому, чтобъ стать во главѣ правленія, — правленія, правда, республиканскаго, за неудобствомъ говорить въ тотъ моментъ о какомъ-либо другомъ. Затѣмъ онъ провозглашалъ своей главной задачей соглашеніе порядка съ существованіемъ республики. Такой постановкой своей программы онъ могъ надѣяться, не раздразнивъ никого, удовольствовать всѣхъ: своимъ приверженцамъ, бонапартистамъ, онъ указывалъ на свое тайное стремленіе, къ «служенію Франціи», т. е. къ своему личному возвышенію; республиканцамъ онъ обѣщалъ утвержденіе республики; реакціонную коалицію онъ привлекалъ заявленіемъ объ огражденіи порядка.

Въ такомъ же смыслѣ, въ такой же *косой*, какъ говорятъ

французы (louche), т. е. увертливой или изворотливой редакціи была опубликована въ журналахъ и замѣтка 24-го октября: «Лица, хорошо освѣдомленныя, предупредили представителя Луи-Бонапарта, что безумные люди работаютъ изподтишка и готовятъ мятежъ отъ его имени, съ очевиднымъ намѣреніемъ уронить его въ глазахъ *людей порядка* и *искреннихъ республиканцевъ*; Луи-Бонапартъ счелъ долгомъ своимъ извѣстить объ этихъ слухахъ г. Дюфора, министра внутреннихъ дѣлъ, и прибавить при этомъ, что онъ энергически отвергаетъ всякое участіе въ подобныхъ продѣлкахъ, столь противорѣчащихъ его политическимъ чувствамъ и всему его поведенію, начиная съ 24-го февраля».

Надо отдать справедливость извѣстной выдержанности, если не рѣчи, то молчанія Луи-Наполеона: онъ никогда не говорилъ ничего лишняго, его слова всегда были разсчитаны и соразмѣрены съ надобностью, съ требованіемъ его тайныхъ плановъ. Правда, иногда онъ бралъ въ своей рѣчи ноту, которая была какъ будто преждевременной или какъ бы невольно выдавала его замыслы; тогда появлялись въ газетахъ замѣтки съ поясненіемъ, а иногда просто въ напечатанной рѣчи были выпущены слишкомъ «значительныя» выраженія; но и такія поправки вовсе не обличали Луи-Наполеона въ поспѣшности или безтактности. Мы можемъ не безъ основанія думать, что «значительныя» выраженія всегда были произнесены обдуманно, они могли быть выпущены послѣ, но впечатлѣніе, эффектъ, произведенный ими, оставался, молва разносила ихъ, судила и рядила о нихъ, и тамъ, гдѣ нужно было, куда они направлены были, тамъ ихъ дѣйствіе не проходило безслѣдно. Эту черту сохранилъ онъ, ставъ императоромъ Наполеономъ III, и только въ послѣдніе года два, когда вмѣстѣ съ 60-тилѣтнею старостью и цѣлымъ рядомъ пораженій бонапартистской политики должна была пошатнуться у самого Наполеона вѣра въ свою наполеоновскую звѣзду,—его стала покидать и эта черта выдержанности въ молчаніи, и дѣйствительно стали приключаться неудобныя обмолвки и излишнія раздражительныя или недовѣрчивыя изліянія.

Глядя такимъ образомъ на рѣчи Луи-Наполеона, мы будемъ знать, что каждая изъ его рѣчей, съ 48 до 52 года—т. е. въ періодъ разбираемый нами, — представляетъ собою историческій документъ, служитъ, такъ сказать, мѣркою или маякомъ, освѣщающимъ для лѣтописца то или другое положеніе его надеждъ или колебаній, его успѣха, его шансовъ на пути къ своей опредѣленной цѣли—статъ властелиномъ Франціи. Въ каждой рѣчи его или нарочно затемняется его полутайное еще стремленіе, или наоборотъ, умышленно приготовляется общество къ возмож-

ности бонапартовской «реставраціи», или же наконецъ намѣренно испытывается, насколько общество уже расположено къ наполеоновскимъ идеямъ.

Такимъ образомъ и замѣтка 24-го октября имѣла свое особое значеніе: она напоминала людямъ о присутствіи Луи-Наполеона, и въ то же время поясняла, что имя Луи-Наполеона настолько извѣстно, что имъ можетъ быть произведено смятеніе, что значитъ найдутся люди, готовые встать за него. Что̀ бы ни говорили, какъ бы ни говорили о замыслахъ Луи-Наполеона, лишь бы говорили и чрезъ то выдѣляли его изъ общей группы представителей, — въ этомъ, казалось, состояла задача прозелитовъ бонапартизма, и это было особенно важно въ концѣ октября, потому что не болѣе, какъ чрезъ десять дней должна была быть вотирована конституція, а съ нею связаны новые выборы, и уже не въ національное собраніе, а гораздо выше.

4-го ноября 48-го года собраніе утвердило новую конституцію, обнародованную 12-го ноября. «Основной законъ республики,—говоритъ Тено (стр. 2)—окончательно провозглашенный учредительнымъ собраніемъ, 4-го ноября 1848 года, былъ сдѣлкою между демократическимъ влеченіемъ Франціи и ея монархическими традиціями. Ловко воспользовавшись впечатлѣніемъ, произведеннымъ злополучными іюньскими днями, реакціонеры собранія успѣли ввести какъ можно больше монархическаго элемента въ конституцію республики.... Эта конституція сохранила нетронутымъ весь деспотическій организмъ, введенный первымъ Бонапартомъ послѣ 18-го брюмера.... Учрежденіе наиболѣе несовмѣстное съ существованіемъ свободной республики, постоянная армія, набираемая конскрипціей, была сохранена.... Это не все еще. Конституція 1848 года отдавала всецѣлостно исполнительную власть одному президенту, назначенному всеобщею подачею голосовъ (suffrage universel). Она надѣляла его правами весьма широкими, даже превосходившими, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тѣ, которыми располагаютъ государи во многихъ парламентарныхъ монархіяхъ. Президентъ имѣлъ въ своихъ рукахъ высшую власть надъ двумя великими организованными силами, посредствомъ которыхъ господствуютъ надъ Франціей, надъ арміей административной и арміей въ собственномъ смыслѣ слова, надъ пятью стами тысячъ чиновниковъ и надъ пятью стами тысячъ солдатъ. Въ самомъ своемъ происхожденіи президентъ почерпалъ значительное вліяніе и авторитетъ: только одинъ президентъ былъ избранникомъ большинства народа. Въ то время, какъ каждый членъ собранія представлялъ въ сущности только нѣсколько

тысячъ избирателей, назначавшихъ его, президентъ получалъ свое званіе отъ милліоновъ гражданъ».

Къ этой характеристикѣ назначенія президента слѣдуетъ добавить нѣкоторые пункты изъ самой конституціи и за тѣмъ уже разъяснить себѣ вопросъ — чѣмъ было вызвано самое созданіе президентской власти? какія причины заставляли, съ одной стороны, такъ возвеличивать президента, съ другой, стараться такъ тщательно оградить прежде всего собраніе отъ какихъ-то покушеній президента?

Страннымъ образомъ, при исключеніи республиканскимъ правленіемъ присяги изъ всѣхъ должностей, она была возобновлена (§ 49) только для одного президента, предъ лицомъ національнаго собранія, между тѣмъ какъ члены этого собранія не приносили никакой клятвы, ни присяги. Президентъ избирался на четыре года (§ 48), члены собранія на три (§ 31); но вмѣстѣ съ тѣмъ, члены удерживали за собой право вторичнаго избиранія, а президентъ не имѣлъ права быть выбраннымъ иначе, какъ по истеченіи четырехъ-лѣтняго срока. Президентъ располагалъ военной силою и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ лишенъ власти личнаго предводительства надъ ней (§ 50). Президентъ заключалъ и ратифировалъ договоры съ иностранными державами, но ни одинъ договоръ не могъ стать окончательнымъ безъ одобренія національнаго собранія (§ 53). Президентъ печется о защитѣ государства, но онъ не можетъ предпринять войны безъ согласія собранія (§ 54). Въ §§ 57 и 58 устанавлялось отношеніе между исполнительною и законодательною властью, между президентомъ и національнымъ собраніемъ, касательно исполненія воли собранія: президентъ могъ предложить собранію еще разъ обсудить свои постановленія, но, по вторичномъ обсужденіи, обязанъ былъ привести въ исполненіе декреты собранія. Въ случаѣ же сопротивленія съ его стороны (§ 59) и непровозглашенія декретовъ въ извѣстный срокъ, исполненіе ихъ возлагается на президента національнаго собранія. — Наконецъ, въ § 68 установлялась отвѣтственность президента и та кара, которую онъ навлекалъ на себя въ случаѣ нарушенія конституціоннаго обязательства по отношенію къ національному собранію: «Президентъ республики, министры, агенты и чиновники общественной власти отвѣтственны каждый по своему вѣдомству во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства и администраціи. — Всякая мѣра, которою президентъ республики распускаетъ національное собраніе, или же ставитъ препятствія исполненію его обязанностей, есть преступленіе государственной измѣны. Самымъ таковымъ поступкомъ президентъ низ-

лагается и отрѣшается отъ своей должности, и граждане обязуются не оказывать ему повиновенія; исполнительная власть переходитъ по прямому праву къ національному собранію; судьи верховнаго суда немедленно собираются подъ страхомъ преступленія; они созываютъ присяжныхъ въ мѣстѣ, которое назначаютъ для суда надъ президентомъ и его сообщниками, а сами назначаютъ магистратовъ для прокурорской обязанности.»

Приведенныхъ здѣсь параграфовъ достаточно, чтобъ судить о взаимныхъ отношеніяхъ, съ одной стороны той власти, которая уже существовала, съ другой — той, которая создавалась, и создавалась никѣмъ инымъ, какъ самой же существовавшей властью, т. е. національнымъ собраніемъ. Этихъ параграфовъ достаточно также для того, чтобъ ясно увидѣть антагонизмъ, носящій уже въ своемъ зародышѣ, прежде даже появленія исполнительной власти, а только при опредѣленіи ея на бумагѣ, всѣ данныя недовѣрія и вражды двухъ установлявшихся властей. Какимъ же образомъ, спрашивается, создался этотъ антагонизмъ? откуда явилась его потребность, и неужели не было возможности не породить его? Какъ будто созданіе, начертаніе конституціи и устройство правительственныхъ органовъ и государственныхъ институтовъ не зависѣло отъ тѣхъ людей, которые взялись за конституцію, отъ членовъ учредительнаго собранія 48-го года!

Въ каждомъ параграфѣ опредѣленій власти президента республики вы наталкиваетесь, прежде всего, на ограниченіе каждаго изъ нравъ президента, на угрозу за нарушеніе такого и такого-то права, за превышеніе, за неисполненіе воли національнаго собранія. Но не трудно замѣтить, что въ то время, какъ права президентской власти, ея аттрибуты и преимущества чрезвычайно дѣйствительны и могучи, огражденіе ихъ и кара за нарушеніе обязанностей — относятся болѣе къ области метафизической и едва-ли могли казаться исполнимыми на практикѣ. Въ рукахъ президента находилась армія; онъ же могъ обладать, при надобности большими денежными средствами; на его сторонѣ находилось преимущество всенароднаго избранника Франціи, и такимъ образомъ, рядомъ съ матеріальной стороной шла въ его пользу и нравственная сторона въ глазахъ массъ. Ему грозили низложеніемъ въ случаѣ нарушенія имъ предписанныхъ въ конституціи гарантій законодательной власти, ему грозили судомъ за государственную измѣну, въ случаѣ посягательства на законодательное собраніе; но законодатели забывали при этомъ, что самое нарушеніе имъ конституціи, самое посягательство на законодательную власть равнялись, по своему значенію и смыслу,

прямому низложенію самого собранія, и не только суду надъ собраніемъ, но и приговору надъ нимъ въ одно и тоже время. Мы заранѣе знаемъ, что такъ и случилось при переворотѣ 2 декабря.

Законодатели обязывали президента клятвою, присягою; но такая присяга дѣйствительна только для искренняго, совѣстливаго государственнаго дѣятеля, а такой дѣятель и безъ присяги останется честнымъ, и не захочетъ быть вѣроломнымъ. Законодатели должны были бы вспомнить то, что̀ происходило въ знаменитомъ конвентѣ 92 года. Когда въ первомъ засѣданіи конвента, 21 сентября 92 года, была предложена однимъ изъ ставшихъ позже террористомъ, Кутономъ, клятва въ вѣрности народной верховной волѣ, то одинъ изъ монтаньяровъ, Базиръ, произнесъ слѣдующее грустное замѣчаніе: «Уже столько клятвъ было нарушено въ продолженіи четырехъ лѣтъ, что подобныя повторенія нисколько не могутъ внушать довѣрія народу.» Сколько нарушенныхъ клятвъ—прибавимъ мы отъ себя—пришлось бы еще прибавить къ тѣмъ, про которыя говорилъ Базиръ, еслибъ счесть всѣ покушенія, измѣны и забвенія клятвъ, которыми преисполнена исторія Франціи за послѣднія 80 лѣтъ! Въ тотъ періодъ, который мы разсматриваемъ, въ 1848 году, такія нарушенія клятвъ должны были быть слишкомъ живы въ памяти законодателей: въ то время многіе еще были въ живыхъ изъ тѣхъ, которые клялись въ вѣрности и верховной волѣ народа и Наполеону I, которымъ это не помѣшало привѣтствовать Лудовика XVIII, не помѣшало служить вѣрой и правдой Карлу X и потомъ съ той же вѣрой и правдой гнать его изъ Франціи; люди клялись Луи-Филиппу и, достигнувъ его паденія, объявили себя республиканцами, ненавидя республику; люди являлись предъ народомъ на выборахъ въ качествѣ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ представителей интересовъ новой республики, и вступали въ республиканское учредительное собраніе, съ единственною цѣлью ниспровергнуть республику. Мы не станемъ забѣгать впередъ и разсказывать, какъ люди, клявшіеся служить Луи-Филиппу и являвшіеся позже представителями республики, измѣнили еще позже и ему и ей, и принесли клятву на служеніе Наполеону III.

Остановимся на 48-мъ годѣ, и скажемъ, что у этихъ людей, повидимому, хватило смѣлости прямо указать на неудобства для нихъ самихъ новой клятвы, когда они рѣшились уклониться отъ такой клятвы для членовъ собранія, но у нихъ не хватило искренности и смысла, чтобы видѣть, что никакая формальная клятва нисколько не свяжетъ президента. А между тѣмъ, это только и служитъ главнымъ и, въ сущности, единственнымъ оплотомъ

противъ посягательства президента. Какимъ же образомъ создали законодатели такую власть, всегда грозящую, всегда могущую уничтожить мечемъ то, что̀ такъ краснорѣчиво повелѣвало ему перо? Воспоминаніе о конвентѣ, приведенное выше, наводитъ насъ на другое гораздо болѣе трагическое сравненіе. Уже не разъ справедливо попрекали дѣятелей 48-го года въ томъ, что они стремились подражать, копировать, такъ-сказать, революціонеровъ великой революціи: не одинъ изъ героевъ 48-го года мечталъ разыгрывать роль Робеспьера, Дантона, Мирабо, Лафайета; явилась «гора», монтаньяры, явились роялисты, явились конституціоналисты; выросли, словно изъ-подъ земли, клубы, снова раскинулась сѣть сношеній Парижа съ провинціями, даже появились комисары новаго Дантона, Ледрю-Роллена, въ провинціяхъ. Но наиболѣе печальныя копированія, наиболѣе грустнаго сходства не замѣтили повидимому даже сами виновники его: оно заключалось въ той запутанности отношеній между исполнительной и законодательной властью, которая повторилась почти съ буквальной точностью въ конституціи 4 ноября 1848 года, какъ бы въ подражаніе конституціи 3 сентября 1791 года. Поразительная аналогія оказывается и въ побужденіи, изъ котораго вытекала запутанность: она заключалась, съ одной стороны, въ *недовѣріи* къ тѣмъ лицамъ, которымъ суждено было сосредоточивать въ своихъ рукахъ исполнительную власть; съ другой стороны, въ тайныхъ *надеждахъ* извѣстныхъ партій обратить запутанность въ пользу своихъ началъ и довести положеніе дѣлъ до необходимости коренного измѣненія.

Въ 1791 году, полное недовѣріе господствовало среди членовъ конституанты по отношенію къ Людовику XVI, и эти члены старались всѣми способами оградить конституцію и новыя учрежденія отъ возможности покушеній со стороны короля, власть котораго являлась только исполнительною. Запутанность отношеній между королевской исполнительной властью и національною законодательной властью, внесенная въ самыя постановленія конституціи, происходила также отъ того, что ее *преднамѣренно* желали, съ одной стороны — ультра-роялисты, *надѣявшіеся*, что туманностью и запутанностью можно будетъ двору легко воспользоваться для овладѣнія снова въ полной силѣ браздами правленія, для уничтоженія самого національнаго собранія; съ другой стороны, партія республиканцевъ, которая надѣялась, что въ силу запутанности отношеній, королевская власть будетъ приведена къ нарушеніямъ, и тогда ее можно низвергнуть, провозгласить ея низложеніе за преступленіе противъ конституціи и довести народъ до республики.

Въ 1848 году, кандидатовъ на исполнительную власть, т. е. на президентство республики было много; и если въ 1791 году недовѣріе сосредоточивалось на Людовикѣ XVI и его дворѣ, то въ 1848 недовѣріе было повсемѣстное и взаимное: каждая партія, даже оттѣнки партій, имѣли своихъ кандидатовъ и вслѣдствіе этого относились озлобленно и недовѣрчиво къ остальнымъ кандидатамъ всѣхъ другихъ партій. Очевидно было для всѣхъ, что кандидатами на президентство могутъ являться люди, какъ Каваньякъ, противъ котораго злоба народа и соціалистической партіи была сильна; Луи-Бонапартъ, къ которому недовѣріе во всѣхъ партіяхъ, кромѣ бонапартистской, было не малое; Ледрю-Ролленъ, котораго столько же ненавидѣли либералы, сколько не жаловали соціалисты-республиканцы, не прощая ему его демократическую-соціальную республику внѣ соціализма; поэтому соціалисты могли выставить тоже своего кандидата, къ которому всѣ партіи относились бы съ злобою и съ боязнью. Но если недовѣріе дробилось и множилось, въ сравненіи съ 1791 годомъ, переходя теперь отъ одного лица на многихъ, за то *надежда* не была двоякая, а могла быть только единственная, т. е. только съ единственной стороны: надежда на то, что созданіе президентской власти, не смотря на всю запутанность, вызванную недовѣріемъ къ различнымъ кандидатамъ, приведетъ или пріучитъ скоро народъ снова къ олицетворенію исполнительной власти въ одномъ исключительномъ лицѣ, т. е. въ новомъ монархѣ.

Изъ этого послѣдняго положенія самъ собою вытекаетъ отвѣтъ на вопросъ, почему же законодатели вздумали создать такую запутанность, къ чему вообще изобрѣли они президента, поставленнаго съ одной стороны въ такое стѣсненіе, съ другой, въ такое исключительное положеніе народнаго избранника? — Потому, что прежде всего реакціонная коалиція смотрѣла на президента, какъ на переходный мостъ отъ республики къ монархіи; она до того не стѣснялась въ высказываніи своихъ видовъ, что въ 1851 году, при вопросѣ о новомъ избраніи президента, вздумала ставить такую кандидатуру на президентство, какъ сына Луи-Филиппа, принца Жуанвиля; и при этомъ легитимисты, не довѣряя и принцу Жуанвилю, очень ясно обнаружили свои отношенія къ президентству: «Мы не хотимъ принца Жуанвиля, потому что онъ овладѣетъ престоломъ Франціи, а онъ не законный наслѣдникъ, у насъ есть нашъ Генрихъ V!» Таково было ихъ искреннее отношеніе къ президентству, но они высказывали его только между собой, и даже предъ орлеанистами выражали свои опасенія совершенно въ иной формѣ: они приходили въ негодованіе будто оттого, что принцу Жуанвиль-

скому *непристойно* становиться республиканцемъ и клясться въ вѣрности республикѣ.

Такая постановка вопроса была для легитимистовъ и для исторіи чрезвычайно удачна, потому что она заставляла высказаться орлеанистовъ. Орлеанисты возвышались, такъ сказать, до небывалаго философскаго анализа и во имя его объясняли, что, «разъ, что уже поставлена конституція 48 года, то клятвою вѣрности республикѣ вовсе еще не значитъ провозглашать себя республиканцемъ; такая клятва вовсе не заключаетъ въ себѣ обязательства противодѣйствія всякой попыткѣ измѣнить *конституціоннымъ путемъ* существующія учрежденія. Развѣ конституція *по закону* неизмѣняема? Обязанность всякаго новаго представителя исполнительной власти, при принятіи должности президента, состояла въ обѣщаніи уважать и заставлять другихъ уважать установленные законы: но развѣ, принимая такое обязательство, принцъ Жуанвильскій лишилъ бы себя свободы своего личнаго мнѣнія? Развѣ, клянясь уважать законы, онъ утратилъ бы право судить о нихъ, и право присоединять свои усилія къ усиліямъ людей, которые хотѣли воспользоваться самыми положеніями основного закона для того, чтобъ идти къ достиженію перемѣнъ посредствомъ *правильныхъ путей*, посредствомъ *честнаго* и мирнаго обсужденія?... Еслибъ нація сочла нужнымъ призвать принца Жуанвиля на президентство, то своей клятвой онъ клялся бы не въ принятіи республики и, въ особенности, не въ одобреніи способа, которымъ она была установлена, но только въ томъ, чтобъ добросовѣстно (loyalement) принимать ее въ уваженіе *до тѣхъ поръ, пока она существовала бы*, и блюсти надъ тѣмъ, чтобъ старались о *реформѣ республики* не иначе, какъ подчиняясь правиламъ, начертаннымъ конституціей!» [1])

Мы сказали уже, что кандидатура принца Жуанвиля относится къ позднѣйшему періоду, къ 1851 году, но мы, тѣмъ не менѣе, привели здѣсь тѣ разсужденія конституціонной партіи, которыя высказывались по поводу ея, потому что они наиболѣе нагляднымъ образомъ рисуютъ и отношенія коалиціи къ президентству и побужденія ея къ принятію такого учрежденія, и, наконецъ, ея воззрѣніе на *добросовѣстное* исполненіе президентской обязанности, на самое назначеніе президента для того, чтобъ заботиться о *реформѣ* республики, т. е., говоря простымъ языкомъ, объ уничтоженіи республики — путемъ конституціоннымъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что такая постановка вопроса

---

[1]) См. Ch. Dunoyer. T. I, стр. 99 и слѣд.

впередъ уже значительно уменьшала вину Луи-Наполеона, за уничтоженіе имъ республиканскаго режима, и впередъ должна была обрекать реакціонную коалицію на молчаніе, а не на осужденіе Луи-Наполеона: онъ виноватъ былъ только тѣмъ, что предвосхитилъ ихъ намѣренія и, вмѣсто того, чтобъ предоставить произвести переворотъ союзу легитимистовъ и орлеанистовъ, произвелъ его самъ въ свою пользу. Изъ строкъ, приведенныхъ нами изъ Дюнойе, ясно, что даже обвиненіе въ нарушеніи клятвы не имѣетъ основанія со стороны легитимистовъ и орлеанистовъ, такъ какъ они сами хотѣли идти на прямое нарушеніе клятвы, крючкотворнымъ, риторическимъ истолкованіемъ ея. Все это важно для историческаго сужденія о томъ запутанномъ и, мы можемъ смѣло сказать, никогда еще добросовѣстно, сообразно съ одними фактами, неразобранномъ періодѣ; важно такое выясненіе намѣреній и взглядовъ коалиціи, потому что она составляла значительное большинство въ собраніи и согласно съ ея требованіями составлена конституція.

Рядомъ съ общими *государственными* побужденіями коалиціи къ учрежденію президентства, шли часто личныя побужденія отдѣльныхъ людей; господа, какъ Тьеръ, Ламартинъ, Каваньякъ, стояли за президентство потому, что считали себя заранѣе призванными народомъ къ этому великому сану [1]). Ламартинъ и Каваньякъ считались, однако, въ то время республиканцами; но дѣло въ томъ, что и въ лагерѣ болѣе истыхъ республиканцевъ нашлась тоже сильная поддержка учрежденію президентства.

Многіе изъ республиканцевъ были увлечены подражаніемъ Америкѣ, желаніемъ сравнять свою республику съ республикой Соединенныхъ-Штатовъ. Но въ этомъ желаніи не знаешь чему болѣе удивляться: наивности или незнанію. Французскіе республиканцы не знали или забыли, что между Франціей и Америкой коренная, не допускающая даже намека на сравненіе, разница шла во всѣхъ рѣшительно областяхъ, и государственнаго устройства, и народной жизни. Общественные обычаи и нравы столь же различны въ двухъ странахъ, сколь различна и исторія Франціи и Америки. Французскіе республиканцы забывали, что та централизація, которая приковываетъ всю Францію къ диктаторскому рѣшенію Парижа, не существуетъ въ Америкѣ; что вмѣсто Парижа въ Америкѣ стоитъ Вашингтонъ, нарочно по-

---

[1]) Chacun on le voit prêcha pour son saint, chacun se croyait adoré, l'idole du peuple, — замѣчаетъ г. Вейль въ своей курьезной, но вовсе не серьезной книгѣ: Dix mois de Révolution, par Al. Weill. P. 1869.

строенный для федеральнаго управленія, съ лишеніемъ всякой возможности вліять на судьбы федеральной республики, на рѣшенія и законодательной и исполнительной властей; что самое главное орудіе всѣхъ личныхъ, корыстныхъ замысловъ честолюбивыхъ искателей приключеній, — армія, солдатчина, столь всосавшаяся въ кровь и плоть французскаго государства, не существуетъ въ Америкѣ. Различные, противуположные нравы, понятія и привычки странъ дѣлаютъ то, что въ то время, какъ во Франціи будутъ умиляться предъ безкорыстіемъ генерала, имѣвшаго въ своихъ рукахъ диктаторскую власть хоть нѣсколько дней и не воспользовавшагося ею для насильственнаго переворота, для разогнанія національнаго собранія, —въ Америкѣ, хотя бы президентъ былъ окруженъ величіемъ и могуществомъ китайскаго богдыхана, онъ все же останется простымъ, отвѣтственнымъ за каждый свой поступокъ, гражданиномъ, и не только не разгонитъ никогда національнаго собранія, т. е. федеральныхъ палатъ, конгресса и сената, но и самъ явится на скамью обвиненнаго, по требованію народнаго представительства. При этомъ же, въ то время, какъ одна мысль объ обвиненіи, не только президента, но даже министровъ, ведетъ во Франціи къ переворотамъ (такъ было съ паденіемъ Луи-Филиппа, вслѣдствіе обвиненія противъ министра Гизо; и такое обвиненіе считалось во Франціи столь опаснымъ, что Наполеонъ III освободилъ министровъ своею конституціей отъ всякой отвѣтственности, и чрезъ то отъ всякой возможности обвиненія); въ Америкѣ весь процессъ, весь судъ законодательной власти надъ исполнительною совершается безъ малѣйшаго смятенія.

Но даже и при такихъ, самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, изъ среды республиканской партіи въ Америкѣ раздались въ послѣднее время голоса въ пользу преобразованія президентской власти, въ смыслѣ швейцарской федеральной конституціи, въ пользу замѣна единичной президентской власти федеральнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ семи лицъ. Прибавимъ къ этому, по поводу швейцарской конституціи, что вопросъ о способѣ избранія президента республики — прямо ли народомъ или же посредствомъ законодательнаго собранія и изъ его среды — этотъ вопросъ, столь волновавшій французовъ въ 1848 году, былъ поставленъ на очередь женевскими радикалами и нѣкоторыми другими при ревизіи федеральной конституціи въ 1866 году, предлагавшими избирать президента республики прямо народнымъ выборомъ, а не самимъ федеральнымъ собраніемъ и изъ своей же среды. Такая постановка была отвергнута почти единодушно

федеральнымъ собраніемъ, т. е. національнымъ и государственнымъ совѣтомъ.

Такимъ образомъ большая часть французскихъ республиканцевъ, не отличаясь глубокомысліемъ и серьезнымъ изученіемъ различныхъ учрежденій, мечтая только въ тщеславіи своемъ объ уподобленіи Франціи Америкѣ, — стояла въ этомъ вопросѣ заодно съ коалиціей легитимистовъ и орлеанистовъ, съ той только разницей, что за послѣдними было преимущество послѣдовательности, которымъ никакъ не могли похвастаться республиканцы. Только нѣкоторые извѣстные дѣятели предостерегали французскій народъ отъ катастрофъ, къ которымъ можетъ повести президентство и прямое народное избраніе президента. Феликсъ Піа, нынѣшній изгнанникъ и одинъ изъ злѣйшихъ враговъ Наполеона III, представлялъ неминуемую опасность президентскаго выбора народомъ, и въ его доводахъ впередъ и совершенно вѣрно отразилось позднѣйшее развитіе французской конституціонной жизни.

«Президентъ — писалъ Феликсъ Піа — избранный большинствомъ голосовъ націи, будетъ имѣть огромную, почти непреодолимую силу.... И какъ понимать отвѣтственность этого президента, который не зависитъ отъ національнаго собранія, тогда какъ всѣ его агенты подчинены авторитету того собранія? Нѣтъ отвѣтственности безъ свободы. А этотъ президентъ, происшедшій не изъ національнаго собранія, не свободенъ, долженъ брать своихъ министровъ и управлять по волѣ національнаго собранія, и быть отвѣтственнымъ за дѣйствія министровъ и правительства, которыхъ онъ не хотѣлъ, отвѣтственнымъ за людей и за вещи, которыхъ ему навязали. Это не имѣетъ смысла. Одно изъ двухъ: или президентъ не зависитъ отъ національнаго собранія и безотвѣтственъ какъ король, или же онъ зависитъ и отвѣтственъ за правительственныя дѣйствія, и тогда онъ долженъ быть выбираемъ національнымъ собраніемъ. *Внѣ этого единства будетъ только тайная или явная борьба, подчиненіе національнаго собранія или устраненіе президента*».

Къ этому же вопросу относилось пророчество Л. Блана, появившееся немного позже, но все же задолго до переворота. Превратность судьбы, необходимость обречь себя на изгнаніе изъ республики, столь долго имъ желанной и столь энергически званной, между тѣмъ какъ сверженная іюльская монархія оставляла его спокойно на свободѣ, научили Л. Блана относиться къ событіямъ подозрительнѣе и безъ увлеченій. Въ своей газетѣ «le Nouveau Monde», отъ 15-го іюля 49-го года, изъ Лондона, онъ напоминалъ тѣ мысли о президентствѣ, которыя намѣревался

развить при обсужденіи конституціи, еслибъ его не постигло какъ разъ въ то время изгнаніе. Онъ доказывалъ, что избраніе президента республики народомъ наноситъ ударъ всеобщей подачѣ голосовъ, ставя ее въ противорѣчіе съ самой собою; что президентство опирающееся на suffrage universel можетъ довести верховное правительство до анархіи; что, наконецъ, президентство есть учрежденіе, которое можетъ привести къ болѣе гибельнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ бывшая монархія. «Невозможно—пророчилъ Л. Бланъ—чтобъ рано или поздно не завязалась борьба между двумя великими властями одинаковаго происхожденія и различнаго свойства.... Когда *власть колеблется на авось между однимъ человѣкомъ и собраніемъ, можно считать за вѣрное то, что такое собраніе носитъ въ себѣ 10-е августа (низверженіе Людовика XVI съ трона), и что такой человѣкъ несетъ за собою 18-й брюмеръ (переворотъ Наполеона I).*

Но всѣхъ краснорѣчивѣе, всѣхъ энергичнѣе выступилъ въ этой критикѣ самого учрежденія президентства — Прудонъ:

«Ты сказалъ Кавеньякъ, и я слышалъ это моими ушами: Франція докажетъ выборомъ своего президента, республиканская ли она или нѣтъ... а я вамъ говорю: вашъ президентъ будетъ король или не будетъ вовсе ничѣмъ! и я докажу вамъ это.... Іюльская монархія опять у нашихъ дверей!... Народу мало дѣла, повѣрьте мнѣ, до вашего различія законодательной и исполнительной власти. Для него все заключается въ исполнительной власти.... Онъ смѣется и надъ вашими различіями, вашъ президентъ будетъ всесиленъ, этого достаточно. Мало того, онъ будетъ изъ «благородныхъ»; не забудьте, что президентъ республики есть прежде всего мужъ [1]) республики: все остальное достанется ему отъ брака.... Президентство—это мистификація народа; это борьба между властями, это гражданская война».

«Вы воображаете ослабить вашего президента, потому что ставите ему преграды. А я говорю вамъ, что вы только будете раздражать этимъ его порывы и пылъ, и не съумѣете ничѣмъ сдержать его. Развѣ я не слышалъ отъ васъ всѣхъ, по поводу президентства, тоже самое, что́ говорилось прежде о конституціонной монархіи, — что президентъ, всесильный для блага, будетъ немощенъ покуситься на зло? Какъ будто въ дѣлахъ правленія человѣкъ можетъ впередъ отвѣчать за свои дѣянія»!

Такъ ратовалъ Прудонъ противъ президентства въ своемъ

---

[1]) Можетъ быть Наполеонъ III вспомнилъ это изрѣченіе Прудона, когда лѣтомъ 1867 года въ одной рѣчи въ Лиллѣ заговорилъ о своемъ *бракѣ* съ Франціей

журналѣ «le Peuple»[1]). Впослѣдствіи, наканунѣ выборовъ, этотъ органъ соціальной демократіи выставилъ своимъ кандидатомъ на президентство доктора Распайля, «какъ живой протестъ противъ самаго принципа президентства». Другая партія республиканцевъ, и болѣе многочисленная, которой органомъ являлся журналъ «La Révolution démocratique et sociale», издававшійся подъ редакціей Делеклюза (того самаго, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи, и который замѣшанъ теперь въ процессѣ прессы, какъ редакторъ новаго журнала «Le Réveil») — выставила своимъ кандидатомъ на президентство *Ледрю-Роллена*. Изъ-за этихъ двухъ кандидатуръ завязалась самая ярая борьба, самая озлобленная перепалка между двумя лагерями республиканцевъ. Перепалка продолжалась съ ожесточеніемъ даже и тогда, когда «гора родила мышь», т. е. когда и кандидатъ *горы* Ледрю-Ролленъ провалился всего съ 370-ю тысячами голосовъ, и когда та же участь постигла Распайля, получившаго голосовъ ровно въ десять разъ менѣе, чѣмъ даже Ледрю-Ролленъ, т. е. всего 37 тысячъ. Ссора и брань главныхъ двухъ органовъ дошла до того, что въ концѣ декабря, Делеклюзъ вздумалъ вызвать Прудона на дуэль, отъ которой Прудонъ конечно отказался, будучи выходцемъ изъ простого народа и не обладая рыцарскимъ чутьемъ и рыцарскимъ понятіемъ о чести.

VI.

Иного рода борьба готовилась за президентство между двумя главными кандидатами, наиболѣе имѣвшими шансовъ на успѣхъ: между Кавеньякомъ и принцемъ Луи-Наполеономъ.

Прудонъ съумѣлъ весьма мѣтко очертить въ нѣсколькихъ строкахъ роли и значеніе обоихъ кандидатовъ: «Генералъ Кавеньякъ не можетъ разсчитывать на голоса рабочаго класса. Мы не обвиняемъ его, конечно, но іюньскіе дни принесли ему несчастіе, подобно тому, какъ побіеніе народа на Марсовомъ полѣ (27 іюля 1790 года) принесло несчастье Байльи и Лафайету. Пусть же буржуазія соединится для избранія генерала Каваньяка: она обязана въ этомъ по самому священному долгу, по долгу признательности».

Что касается до принца Наполеона, то Прудонъ, подобно всѣмъ другимъ, относясь сначала къ его кандидатурѣ весьма не-

[1]) См. извлеченіе изъ него въ вышедшемъ теперь XVIII томѣ сочиненій: Mélanges. Articles de journaux (passim.).

брежно, понялъ вскорѣ послѣ того, что у принца является серьезная возможность попасть въ президенты, и поэтому заговорилъ о немъ иначе: «Надъ Луи-Бонапартомъ смѣются и потѣшаются на всѣ лады; нѣкоторые уже доходятъ до негодованія. Что касается до меня, то, раздумавъ о немъ, я согласенъ съ мнѣніемъ самого принца: я нахожу, что его настоящее право, его основательное притязаніе на президентство состоитъ именно въ томъ, что онъ не представляетъ собою ничего такого, что̀ требуютъ отъ него его завистники; онъ ни человѣкъ войны, ни человѣкъ дѣла, ни государственный человѣкъ. Его право состоитъ въ томъ, что онъ Наполеонъ. Франція, монархическая до мозга костей, не требуетъ ничего болѣе».

Такимъ образомъ, партизаны двухъ главныхъ партій готовились на борьбу въ день избранія президента, 10 декабря (1848 г.). Естественно, обѣими партіями пущены были въ ходъ всѣ средства, позволительныя и, можетъ быть, непозволительныя. Началась дѣятельная агитація путемъ прессы,—журналовъ, брошюръ и памфлетовъ; путемъ усиленной, энергической пропаганды прозелитовъ, взаимно сѣявшихъ въ массахъ всевозможные навѣты на одного и обѣщанія во имя другого. Старый журналъ умѣренной республиканской партіи, «le National», былъ защитникомъ и опорою Кавеньяка; принцъ Луи-Наполеонъ нашелъ себѣ дѣятельныхъ слугъ въ редакторѣ «Presse'ы», Эмилѣ Жирарденѣ, который руководствовался преимущественно своей личной враждой къ Кавеньяку, и въ редакторѣ «Constitutionel'я», извѣстномъ докторѣ Веронѣ.

Докторъ Веронъ очень характеристично разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ [1]) о томъ, какъ Кавеньякъ искалъ поддержки въ журналахъ, какъ Тьеръ сначала, повидимому, тоже мечталъ о своемъ призваніи управлять судьбами Франціи, по народному избранію, и какъ, вскорѣ затѣмъ, оставивъ свои иллюзіи о президентствѣ, Тьеръ,—тотъ самый Тьеръ, который громитъ теперь въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ вторую имперію,—сталъ горячимъ партизаномъ кандидатуры принца Луи-Наполеона. Правда, нѣсколькими страницами дальше, неутомимый разсказчикъ всѣхъ закулисныхъ тайнъ, Веронъ объясняетъ читателю причину такого обращенія Тьера въ бонапартисты: оказывается, что видя невозможность стоять самолично во главѣ Франціи, Тьеръ обрекалъ себя на скромную роль управлять Франціей во имя президента Луи-Наполеона, во главѣ его министерскаго кабинета!

---

[1]) Mémoires d'un Bourgeois de Paris par le docteur L. Véron, 1855, т. VI, стр. 83—93.

Рядомъ съ прессой дѣйствовали въ пользу той или другой кандидатуры многочисленные, въ то время повсюду появившіеся, *клубы*. Въ Palais Royal'ѣ, обратившемся въ Palais National, въ ноябрѣ 1848 года образовывается *демократическая ассоціація друзей конституціи* (l'Association démocratique des amis de la Constitution) и зоветъ себя *cercle-club*. Цѣль ея основанія и существованія—провести успѣшно кандидатуру Кавеньяка на президентство. *Демократическій* клубъ, однако, вовсе не означалъ демократической бѣдности или скромности; члены его должны были внести 30 франковъ въ кассу ассоціаціи для поддержанія расходовъ, шедшихъ на агитацію въ пользу Кавеньяка; 30 франковъ нашлись, повидимому, у весьма многихъ, сочувствовавшихъ Кавеньяку, потому что печатные призывы, циркуляры, инструкціи, біографіи, каррикатуры, памфлеты на врага (Луи-Наполеона) и панегирики африканскому генералу, спасителю въ іюньскіе дни, распространились не только въ Парижѣ, но и по всей Франціи, въ громадномъ количествѣ.

Не менѣе дѣятеленъ былъ клубъ бонапартистовъ, тоже основанный въ ноябрѣ 1848 г., для торжественнаго избранія принца Бонапарта, подъ названіемъ: *Центральный выборный комитетъ* (Comité central électoral), и помѣщавшійся на Монмартрскомъ бульварѣ. Основанъ онъ былъ людьми, ждавшими наградъ и чиновъ, въ случаѣ торжества принца; дѣйствительно, за нѣсколько дней до выборовъ, принцъ самъ принималъ своихъ дѣятельныхъ партизановъ, учредителей комитета, въ особой аудіенціи, и они ушли отъ него съ самымъ горячимъ усердіемъ къ его дѣлу, потому что имъ были обѣщаны всевозможныя великолѣпныя мѣста и званія, которыхъ, однако, они и близко не видѣли впослѣдствіи, когда надобность въ нихъ окончилась. Комитетъ созывалъ собранія не только въ своемъ главномъ мѣстѣ, но и въ разныхъ, наиболѣе населенныхъ пунктахъ Парижа. Долго сохранялось у парижскихъ весельчаковъ воспоминаніе о президентѣ комитета, Паторни (Patorni, ancien consul général de la République); вмѣсто всякихъ рѣчей и призывовъ, онъ предпочиталъ, взойдя на трибуну, пѣть романсъ Беранже «les Souvenirs du Peuple», и традиціонный энтузіазмъ въ простомъ народѣ въ такой степени переносился съ «великаго дяди» на «маленькаго племянника», что вмѣсто насмѣшекъ и гнилыхъ яблоковъ, оратора-пѣвца осыпали аплодисментами и привѣтствіями въ честь кандидата въ президенты. Помимо пѣсенъ президента, комитетъ, въ своихъ прокламаціяхъ, воспѣвалъ заслуги, добродѣтели и величіе будущаго президента. Первый манифестъ этого комитета явился съ девизомъ: «Слава обязываетъ». Обѣщанія всѣмъ, отъ

мала до велика, блага и довольства шли въ немъ рядомъ съ шовинистскимъ щекотаніемъ французскаго тщеславія. «Мы знаемъ — говорилось въ манифестѣ — чего хочетъ Францiя.... Она хочетъ полнаго и искренняго удовлетворенія интересамъ всѣхъ; она хочетъ идти *впередъ* подъ *покровительствомъ порядка;* она хочетъ, чтобъ *права работниковъ* были законно опредѣлены; она хочетъ, чтобъ страданія были облегчены; она хочетъ, наконецъ, чтобъ *нищета, которая вторгается во всѣ классы, была преодолѣна и побѣждена....* Гражданинъ Луи-Бонапартъ добивается славы полезной (gloire utile!): *исторія его имени* представляетъ ему для того торжественныя поученія.... Луи-Наполеонъ-Бонапартъ вручитъ себя великому принципу suffrage universel'я.... Въ увѣренности, что существуетъ полнѣйшее согласіе между волею Франціи и желаніемъ Луи-Наполеона-Бонапарта, мы соединились для того, чтобы дать этому кандидату, призываемому столь великими и торжественными воспоминаніями, наше содѣйствіе, наши усилія, нашу опору.... То, что̀ происходитъ въ Европѣ, подтверждаетъ, что Францiя дѣйствительно есть свѣтило европейской политики; нашъ кандидатъ докажетъ, что Францiя стоитъ во главѣ цивилизаціи міра!»

Наканунѣ избранія, 9 декабря 1848 года, центральный избирательный комитетъ обращался къ избирателямъ уже съ полной увѣренностью въ торжество своего кандидата: «Еще нѣсколько часо̀въ, и Луи-Наполеонъ избранъ президентомъ республики! Своимъ голосованіемъ народъ произнесетъ приговоръ надъ всѣми клеветами, надъ всѣми оскорбленіями, надъ всѣми несправедливостями.... Онъ произнесетъ свой приговоръ надъ наглыми хвальбами, надъ *кровавыми* лаврами, даруемыми Евг. Кавеньяку.... Граждане, еще нѣсколько часовъ!... имѣйте искреннюю вѣру *въ возвращеніе этого имени*, связаннаго съ девизомъ: «Богъ хранитъ Францію!»

Увѣренность въ успѣхъ дошла до того, что комитетъ не боялся, какъ видимъ, прямо указывать на цѣль племянника императора. Остается прибавить, для характеристики дѣятельности комитета, что за нѣсколько дней до избранія, распустили слухъ, будто Кавеньякъ хочетъ похитить Луи-Бонапарта для того, чтобъ уничтожить въ немъ своего соперника; комитетъ немедленно воспользовался этимъ, чтобъ отрядить изъ своей среды охранную стражу, которая и находилась на часахъ день и ночь около Hôtel du Rhin, на Вандомской площади, гдѣ жилъ принцъ. Этимъ подвигомъ оканчивается дѣятельность комитета. Позже, предъ болѣе критическимъ и важнымъ моментомъ, предъ де-

кабрьскимъ переворотомъ мы встрѣтимся съ тѣми же самыми элементами, организованными въ «Общество Десятаго Декабря».

«Нѣсколько часовъ» прошло и дѣйствительно, 10-го декабря 1848-го года, Луи-Наполеонъ Бонапартъ былъ избранъ народомъ въ президенты республики. Изъ 7,327,345, Наполеонъ-Бонапартъ получилъ 5,434,226 въ то время, какъ Кавеньякъ потерпѣлъ пораженіе съ 1,448,107 голосовъ.

Какимъ же образомъ смотрѣлъ самъ Луи-Бонапартъ на свое назначеніе? Какъ намѣревался самъ онъ относиться къ своей роли? Отвѣтъ на эти крайне важные вопросы мы должны искать въ его собственныхъ признаніяхъ, въ его собственныхъ рѣчахъ, которыя позже необходимо будетъ провѣрить столько же его оффиціальными распоряженіями, сколько и его личными, интимными поступками. И при этомъ, въ нашемъ историческомъ сужденіи о значеніи и качествахъ принца Наполеона-Бонапарта какъ правителя и какъ человѣка, мы будемъ имѣть въ виду двѣ стороны: первую, насколько человѣкъ умѣлъ и хотѣлъ сохранять свои обязательства, неразлучно связанныя съ самымъ понятіемъ о достоинствѣ человѣческой личности? Вторую — насколько дѣйствія и поступки правителя были полезны для избравшей его страны, насколько безкорыстно служили они общественнымъ интересамъ Франціи? Если мы съумѣемъ рѣшить эти вопросы, то мы разрѣшимъ тѣмъ самымъ и вопросы о пользѣ или ущербѣ для Франціи, а чрезъ нея и для всей Европы, — отъ этого 20-тилѣтняго періода наполеоновскаго режима, точно также какъ и о неосновательности или неизбѣжности всѣхъ обвиненій, подрывающихъ все болѣе и болѣе вторую имперію, раздающимся все громче и озлобленнѣе и пророчащихъ новыя катастрофы разсчета, и новыя бури долго сдавленнаго общественнаго движенія. Такой постановкой, такимъ обсужденіемъ и разъясненіемъ мы выполнимъ въ данномъ случаѣ задачу исторической критики: чрезъ уясненіе прошлаго дѣлать понятнымъ будущее.

Уже въ своемъ избирательномъ манифестѣ Луи-Наполеонъ высказывалъ взглядъ на свое назначеніе спасителя: «мое имя является какъ символъ порядка и безопасности».... Онъ успокоивалъ общество, обѣщая охранять его отъ покушеній враговъ (т. е., конечно отъ ярыхъ республиканцевъ и соціалистовъ): «Я пойду на всякую опасность для защиты общества отъ дерзкихъ нападеній враговъ». Онъ завѣрялъ Францію, что создастъ въ ней царство свободы и славы: «Я безъ всякихъ корыстныхъ видовъ всецѣло отдамся своему долгу—упрочить республику, мудрую въ своихъ законахъ, честную въ своемъ образѣ мыслей, великую и сильную въ своихъ дѣйствіяхъ». Вмѣстѣ съ Франціей онъ за-

ранѣе сулилъ Европѣ эру вожделѣннаго мира: «При войнѣ невозможно никакое уменьшеніе нашихъ бѣдствій; Францію теперь никто не вызываетъ, она употребитъ поэтому всѣ свои средства на мирное совершенствованіе». Это не мѣшало однако польстить тщеславію Франціи и обнадежить ее, что она станетъ первенствующею державою, что ея слово будетъ всемогуще въ судьбахъ міра: «*Великая нація должна молчать и никогда не терять словъ напрасно.* Заботиться о національномъ достоинствѣ значитъ заботиться объ арміи, благородной и самоотверженной, любви которой къ отечеству не всегда отдавали справедливость». Наконецъ на праздникѣ мира и благоденствія всѣмъ обѣщалось мѣсто, всѣ призывались на него отовсюду и никто не былъ обреченъ на исключеніе: «Я, испытавшій изгнаніе, заключеніе, *всѣмъ своимъ желаніемъ призываю день, когда отечество безъ всякой опасности возъимѣетъ возможность прекратить всякія изгнанія изъ страны* и уничтожить послѣдніе слѣды нашихъ гражданскихъ раздоровъ». Увы! еслибъ эти обѣщанія припомнились Наполеону III-му послѣ декабрьскаго переворота, послѣ тысячныхъ депортацій и изгнаній навѣчно, потому что ссылки въ Кайенну вели за собою смерть, послѣ всѣхъ 20-ти-лѣтнихъ войнъ и человѣческихъ боенъ,—какимъ бы страннымъ анахронизмомъ прозвучали они въ ушахъ человѣка, произносившаго ихъ въ торжественный моментъ своего избранія, выражавшаго полное довѣріе къ нему, драгоцѣнную надежду на него народа Франціи....

Не менѣе торжественны были обѣщанія произнесенныя въ день присяги... 20-го декабря, послѣ единогласнаго принятія національнымъ собраніемъ заключеній коммиссіи по выборамъ, президентъ Арманъ Марра (Marrast) произнесъ окончательно утвержденіе: «Такъ какъ по выборамъ, произведеннымъ на всемъ пространствѣ французской территоріи для избранія президента, гражданинъ Шарль-Луи-Наполеонъ Бонапартъ получилъ абсолютное большинство голосовъ; то въ силу § 47 и 48 конституціи, національное собраніе провозглашаетъ его президентомъ республики отъ сего дня, до второго воскресенія мѣсяца мая 1852-го года. По постановленію декрета, я приглашаю гражданина-президента республики потрудиться войти на трибуну для принесенія клятвы.»

(Гражданинъ Шарль-Луи-Наполеонъ Бонапартъ, президентъ республики, входитъ на трибуну).

Гражданинъ-президентъ собранія: Я прочту формулу клятвы: «предъ Богомъ и предъ народомъ французскимъ, который представленъ національнымъ собраніемъ, я клянусь пребывать вѣрнымъ республикѣ демократической, единой и нераздѣльной, и исполнять обязанности, возлагаемыя на меня конституціей.»

Гражданинъ-президентъ республики, поднимая руку: — Я клянусь въ этомъ!

Гражданинъ-президентъ собранія. Мы призываемъ Бога и людей въ свидѣтели произнесенной клятвы; національное собраніе свидѣтельствуетъ о ней, повелѣваетъ, чтобы она была внесена въ протоколъ, помѣщена въ Монитёръ, обнародована и оповѣщена въ формѣ законодательныхъ актовъ.

Гражданинъ-президентъ республики.—Я прошу слова.

Гражданинъ-президентъ собранія. Я даю вамъ слово. (Общее вниманіе).

Гражданинъ-президентъ республики.—Голосъ націи и клятва произнесенная мною повелѣваютъ моимъ будущимъ поведеніемъ. Мой долгъ начертанъ; я буду *исполнять его какъ человѣкъ чести* (un homme d'honneur). Я буду видѣть враговъ отечества во всѣхъ тѣхъ, которые вздумали бы пытаться измѣнить *незаконными путями* то, что Франція постановила. (Очень хорошо, очень хорошо!) Между вами и мною, граждане-представители, не должно быть серьезныхъ разногласій; наша воля одна и таже.—Я хочу, также какъ и вы, снова утвердить общество въ его основахъ, укрѣпить демократическія учрежденія и изыскать всѣ средства, пригодныя для облегченія бѣдствій этого великодушнаго и мудраго народа, который даетъ *мнѣ* столь блестящее доказательство *своего довѣрія* (Очень хорошо, очень хорошо!). Большинство голосовъ, которое я получилъ, не только проникаетъ меня признательностью, *но оно даетъ новому правительству нравственную силу, безъ которой власть немыслима.....* Мы должны, граждане-представители, исполнить великое назначеніе: основать *республику* въ интересѣ всѣхъ и *справедливое,* твердое правительство, которое было бы одушевлено искренней любовью прогресса, не будучи ни реакціоннымъ, ни утопическимъ (Очень хорошо!). Будемте людьми страны, а не людьми партіи, и, съ Божіей помощью, мы покрайней мѣрѣ будемъ дѣлать добро, если не можемъ совершать великихъ дѣлъ». Когда президентъ республики, Наполеонъ-Бонапартъ, окончилъ свою рѣчь, все собраніе поднялось съ мѣста и раздался многократный кликъ: «да здравствуетъ республика!»

И. Н.

НАШИ ГИМНАЗІИ

и

ИХЪ ДВОЙНОЙ КЛАССИЦИЗМЪ*).

(Изъ Харькова.)

Въ концѣ прошедшаго года, харьковская губернская управа, въ докладѣ своемъ, объяснила собранію мѣры, принятыя земскими учрежденіями Харьковской губерніи для поддержанія народныхъ школъ.

Мѣры эти вызваны не только указомъ 6-го марта 1867 года, но и сознаніемъ тѣхъ интересовъ земства, которые открылись съ преобразованіями нашего хозяйства, суда и общественнаго быта. Нашему сельскому сословію предоставлено быть самостоятельнымъ хозяиномъ своей общины; въ дѣлахъ земскихъ и въ устройствѣ мировыхъ учрежденій, оно принимаетъ участіе съ другими сословіями, съ тѣми же правами, съ тѣмъ же и, можетъ быть, еще болѣе сильнымъ голосомъ. Мы не намѣрены оспоривать этихъ правъ у народа и не считаемъ ихъ преждевременными, но скажемъ съ сожалѣніемъ, что онъ невполнѣ можетъ, за недостаткомъ образованія, пользоваться орудіями ему предоставленными для лучшаго устройства его быта и для защиты собственныхъ интересовъ—ему нужна грамота, нужны школы.

---

*) Мы помѣстили въ январьской книгѣ одинъ изъ многочисленныхъ голосовъ, раздающихся нынѣ въ Англіи, противъ классицизма, какъ *исключительной* основы общественнаго образованія. «Московскія Вѣдомости» въ передовой статьѣ, въ концѣ января, прибѣгли къ недостойнымъ средствамъ, чтобы возражать мнѣнію противниковъ. Мы помѣщаемъ ниже отвѣтъ г-на *А.* «Московскимъ Вѣдомостямъ», а теперь представляемъ имъ въ настоящей статьѣ новый случай для знакомаго имъ упражненія въ ругательствахъ и заклинаніяхъ, позорящихъ не того, къ кому они обращаются, а тѣхъ, которые по личнымъ счетамъ или по безсильной злобѣ прибѣгаютъ къ средствамъ, болѣе или менѣе предосудительнымъ. — *Ред.*

Отчеты земскихъ управъ Харьковской губерніи и труды земскихъ собраній ясно свидѣтельствуютъ, какъ народное образованіе принимается земствомъ близко къ сердцу. Земство занесло въ свои смѣты значительныя суммы на этотъ предметъ. Сами крестьяне изъ своего тощаго кармана и приходскія попечительства, изъ ихъ среды избранныя, жертвуютъ на школы. Въ земскую управу Харьковскаго уѣзда поступили значительныя приношенія со стороны университета и частныхъ лицъ; составился проектъ общества грамотности, представленный на утвержденіе высшаго начальства. Общество это обѣщаетъ помочь нашему дѣлу своимъ трудомъ и матеріальными средствами.

Земское собраніе въ настоящее время разсматриваетъ отчетъ о школахъ и дѣлаетъ свое о нихъ постановленіе; но не однѣ народныя школы требуютъ попеченій и поддержки отъ земства. Учебное вѣдомство, общество и правительство указываютъ намъ на гимназическое воспитаніе; нужды гимназій слишкомъ велики и настоятельны, и мы не можемъ и не должны уклоняться отъ пріема участія въ ихъ положеніи. Въ Харьковѣ есть университетъ и три гимназіи; наши дѣти тамъ воспитываются — слѣдовательно заведенія эти намъ близки и дороги. Какъ родители или какъ члены земства мы не можемъ быть равнодушны къ участи этихъ заведеній, отъ которыхъ зависитъ будущность нашихъ дѣтей. Конечно, было бы безсмысленно, если бы каждому родителю предоставить право указывать учебному заведенію, чему и какъ должно учить его сына, какъ долженъ преподаваться тотъ или другой предметъ, но мы желаемъ сказать, что система образованія не должна исключительно зависѣть отъ приговора педагоговъ или усмотрѣнія учебнаго вѣдомства.

Въ дѣлѣ образованія, кромѣ нуждъ и цѣлей государственныхъ, должны быть приняты во вниманіе нужды народа общественныя, промысловыя и, конечно, педагоги не могутъ быть здѣсь лучшими истолкователями и лучшими судьями. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливы слова министерства народнаго просвѣщенія: «школа не есть установленіе, которое можно создавать и совершенствовать произвольно усиліями правительства или частныхъ лицъ; она, напротивъ того, составляетъ одинъ изъ жизненныхъ элементовъ великаго и цѣлостнаго организма, образуемаго народомъ и сама по себѣ составляетъ также живой организмъ, находящійся въ непосредственной жизненной связи съ семействомъ, обществомъ, церковью и государствомъ».

Мы не касаемся законовъ педагогики, но желаемъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ нашему земскому обществу разсуждать о своихъ пользахъ и нуждахъ мѣстныхъ и, конечно, воспитаніе дѣтей есть нужда самая настоятельная. Право наше въ этомъ отношеніи вполнѣ законно, неотъемлемо и естественно.

Итакъ, намъ позволительно судить о дѣлѣ народнаго образованія

со стороны общественныхъ интересовъ. Наши заявленія преимущественно касаются гимназій и мы судимъ о нихъ по оффиціальнымъ отчетамъ, по правиламъ, начертаннымъ въ уставѣ гимназій и прогимназій и, наконецъ, по тѣмъ результатамъ обученія, какіе мы видимъ на дѣтяхъ нашихъ.

Параграфомъ 49-мъ новаго гимназическаго устава опредѣлено число учениковъ въ каждомъ классѣ. Оно не должно превышать 40, слѣдовательно въ семи классахъ гимназіи должно быть не болѣе 280 учащихся; только при подобномъ ограниченіи наставники могутъ слѣдить за обученіемъ своихъ учениковъ, но изъ отчета о числѣ учащихся въ нашихъ гимназіяхъ съ 1857 по 1866 годъ, напечатаннаго въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія видно, что изъ 53 гимназій въ 37 оказывается число ихъ выше опредѣленнаго уставомъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (кіевская 2-я) среднимъ числомъ доходитъ до 733 учениковъ. Въ нашихъ харьковскихъ гимназіяхъ среднимъ числомъ за 10 лѣтъ обучалось: въ 1-й—417, во 2-й—301, въ 3-й за 6 лѣтъ по 274. Въ настоящее время считается въ 1-й гимназіи 327, во 2-й—374, а въ 3-й—331. Итакъ, въ классахъ нашихъ гимназій помѣщается столько учениковъ, что учителю трудно внимательно слѣдить за ихъ успѣхами и, какъ выражено въ отчетѣ 3-й харьковской гимназіи, за послѣдній годъ воспитанники, помѣщенные тѣсно въ классахъ, терпятъ отъ сперогаго воздуха, вредно дѣйствующаго на ихъ здоровье и успѣхи. Гимназіи наши переполнены и за недостаткомъ помѣщенія отказываютъ многимъ въ пріемѣ.

Вотъ таблица, означающая число желавшихъ поступить въ наши гимназіи, но получившихъ отказъ за недостаткомъ помѣщенія въ теченіи 4-хъ послѣднихъ годовъ:

	въ $18^{65}/_{66}$ г.	въ $18^{66}/_{67}$ г.	въ $18^{67}/_{68}$ г.	въ $18^{68}/_{69}$ г.
Въ 1-й гимназіи . . .	49	61	64	64
Во 2-й гимназіи . . .	29	42	62	80
Въ 3-й гимназіи . . .	54	31	89	119
Итого . . .	132	134	215	263

Изъ этой таблицы видно, что число тѣхъ юношей, которымъ отказываютъ, съ каждымъ годомъ возрастаетъ; въ четыре года оно увеличилось вдвое. 3-я гимназія по этому случаю въ своемъ отчетѣ выразилась такъ: «Мы не могли быть равнодушными къ неотступнымъ просьбамъ, часто слезамъ родителей; на увѣреніе наше, что мальчика

посадить негдѣ, намъ отвѣчали: «Пусть стоитъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, да только учится».

Куда же должны обратиться тѣ несчастные, предъ которыми запираются двери гимназіи? Терпящіе отъ голода, обращаются къ людской благотворительности, испрашивая кусокъ хлѣба — но нуждающіеся въ умственной пищѣ не найдутъ ее на улицахъ, развѣ будутъ возстановлены для нихъ классическія школы древней Греціи подъ открытымъ небомъ; но нашъ суровый климатъ и этого не дозволитъ.

Можно думать, что родители, умоляющіе о пріемѣ ихъ дѣтей найдутъ тамъ истинное для нихъ благо, когда слезныя ихъ просьбы будутъ услышаны. Посмотримъ, какимъ счастіемъ пользуются наши гимназисты, каковы успѣхи ихъ, чему и какъ ихъ учатъ: изъ свѣдѣній министерскихъ видно, что въ пяти учебныхъ округахъ окончившіе курсъ гимназисты составляютъ едва 4,2% всего числа учащихся; такой же процентъ кончающихъ курсъ съ аттестатомъ оказывается и въ трехъ нашихъ харьковскихъ гимназіяхъ: изъ поступившихъ въ наши гимназіи учениковъ едва половина достигаетъ 5-го класса. Въ сосѣдней намъ курской гимназіи на 100 учащихся оканчиваютъ курсъ только два ученика.

Уставомъ опредѣлена цѣль гимназій, именно доставить воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ они должны быть приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища; но приведенныя выше числа показываютъ, что наибольшая часть учениковъ оставляютъ гимназію не кончивши курса, слѣдовательно немногіе изъ нихъ получаютъ общее образованіе вполнѣ. Каждая изъ трехъ нашихъ гимназій выдаетъ своимъ воспитанникамъ отъ 10 до 15 аттестатовъ, дающихъ право быть принятыми въ университетѣ. Если бы гимназіи имѣли единственною цѣлью приготовлять юношество къ поступленію въ университетъ, то каждый гимназическій аттестатъ стоилъ бы казнѣ не менѣе 1000 руб. (на содержаніе гимназій по новому штату отпускается до 15 т. рублей въ годъ); въ курской гимназіи, гдѣ оканчиваютъ курсъ, среднимъ числомъ, только 4 ученика, каждый аттестатъ стоилъ бы до 4000 руб. Что же касается приготовленія воспитанниковъ для поступленія въ высшія спеціальныя училища, то назначеніе это, по крайней мѣрѣ относительно харьковскихъ гимназій, оказывается излишнимъ; почти никто изъ окончившихъ курсъ въ нашихъ гимназіяхъ не избираетъ себѣ этой дороги для дальнѣйшаго образованія.

Итакъ, гимназіи не достигаютъ цѣли, уставомъ для нихъ предназначенной. Мы видимъ здѣсь весьма неудовлетворительные результаты гимназическаго ученія и, раскрывая причины, мы не позволяемъ себѣ обвинять то или другое учебное заведеніе: одни и тѣже явленія повторяются не только въ харьковскихъ, но и въ другихъ гимназіяхъ внѣ

Харькова, и мы можемъ только хвалить усердіе преподавателей, одушевленныхъ наилучшими намѣреніями. Истинныя причины, по нашему мнѣнію, заключаются въ слѣдующемъ: гимназическій курсъ слишкомъ многосложенъ и самый трудный изъ всѣхъ учебныхъ курсовъ имперіи. Въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства наставниковъ и лицъ поставленныхъ во главѣ просвѣщенія. Трудность ученія доказывается еще тѣмъ, что многіе, желающіе получить гимназическій аттестатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ право на поступленіе въ университетъ, оставляютъ гимназію и, занимаясь частно, приготовляются къ окончательному гимназическому экзамену. Такъ, изъ воспитанниковъ VII класса 3-й гимназіи, экзаменовались на полученіе аттестатовъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ (съ 1864 по 1867) только 43; постороннихъ же молодыхъ людей, приготовлявшихся внѣ гимназіи 131.

Учебный курсъ классическихъ гимназій составляютъ слѣдующіе предметы: 1) законъ Божій, 2) русскій языкъ съ церковнославянскимъ и словесность, 3) латинскій языкъ, 4) греческій языкъ, 5) математика, 6) физика, 7) космографія, 8) исторія, 9) географія, 10) естественная исторія, 11, 12) нѣмецкій и французскій языки, 13) рисованіе и черченіе.

Кромѣ этого перечня, надобно видѣть программы преподавателей и учебники, чтобы точнѣе понять, въ какомъ размѣрѣ преподаются предметы. Исчисляя ихъ, мы только замѣтимъ, что гимназистамъ прихоходится изучать пять языковъ, что имъ преподается отдѣльно естественная исторія, т. е. начала зоологіи, минералогіи и ботаники; изъ разряда естественныхъ наукъ преподается еще физика съ космографіею въ трехъ послѣднихъ классахъ. Конечно, никто не сомнѣвается въ пользѣ изученія поименованныхъ предметовъ, точно также нельзя отрицать и нѣкоторой доли пользы, если бы въ гимназіяхъ преподавали начальныя основанія механики, медицины, или по крайней мѣрѣ гигіены, законовъ гражданскихъ, военныхъ наукъ и сельскаго хозяйства; было же время, когда и эти науки считались нужными для гимназистовъ!

Кромѣ латинскаго, греческаго, французскаго и нѣмецкаго, гимназистъ долженъ изучать русскій языкъ въ связи съ древнимъ церковнымъ, церковно-славянскимъ и древне-русскимъ. (Нужно имѣть особенныя способности, необыкновенную и твердую память, чтобы изучать всѣ 8 языковъ. Заботясь о многоязычіи, мы какъ будто ожидаемъ столпотворенія вавилонскаго или, вѣруя въ воскресеніе нашихъ предковъ, готовимся говорить съ ними на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ).

Такое разнообразіе предметовъ въ гимназіяхъ и особенно изученіе многихъ языковъ заставляетъ гимназистовъ напрягать наиболѣе память, не позволяетъ имъ сосредоточить вниманіе на такіе предметы, которые учащимся болѣе нужны.

Не въ числѣ изучаемыхъ предметовъ и языковъ заключается дос-

топнство гимназическаго курса, но въ самой методѣ преподаванія. Мы не беремся анализировать всего курса гимназическихъ наукъ, но скажемъ нѣсколько словъ о преподаваніи русскаго языка, какъ главнаго предмета. Изученіе его изъ всѣхъ предметовъ оказывается наиболѣе отяготительнымъ и, къ сожалѣнію, наименѣе успѣшнымъ. Это есть общее мнѣніе всѣхъ лицъ, слѣдящихъ за гимназическими курсами. Гимназистовъ заставляютъ изучать родной языкъ исторически, филологически, сравнительно съ древними отраслями славянскаго языка. Грамматика Перевлѣсскаго, принимаемая за руководство во многихъ гимназіяхъ, при всемъ ея научномъ достоинствѣ, оказывается непонятною для дѣтей 11—13 лѣтняго возраста. Мы не знаемъ, какъ опредѣленія ея передаются дѣтямъ и какими пріемами доводятся они до ознакомленія съ правилами грамматическими, слишкомъ учено изложенными, но мы для примѣра беремъ замѣтки одного учителя гимназіи (уже умершаго), продиктованныя имъ гимназистамъ 1-го класса 10-лѣтняго возраста при чтеніи какого-то сочиненія: «*элементомъ* называется часть какого-нибудь предмета; *рѣетъ* происходитъ отъ слова *ру*—это на санкритскомъ языкѣ значитъ: плыветъ тихо; слово *облако* происходитъ отъ слова *обволочь*. Прежде писали *оболоко*; *оло* выбрасывается, пишется *обвлако*; *вла* замѣняетъ *оло*. *Учитель* происходитъ отъ *ук*, *к* переходитъ въ *ч*; *л* означаетъ дѣйствіе какого-нибудь предмета, а *т* прибавка и проч.» Гимназисту остается или затверживать подобные уроки, или оставить гимназію.

Уставомъ назначены два рода гимназій: классическія и реальныя. Первыя даютъ право ученикамъ, окончившимъ курсъ, поступать въ университетъ; вторыя же не имѣютъ этой привилегіи, но воспитанники ихъ могутъ переходить для дальнѣйшаго обученія только въ высшія спеціальныя училища. Многія общества ходатайствовали объ открытіи гимназій съ классическимъ курсомъ; реальныя же гимназіи, еслибы они были открыты въ губерніяхъ, остались бы пусты, исключая столицъ. Изъ этого впрочемъ выводится вовсе несправедливое заключеніе, будто бы общества предпочитаютъ классическіе курсы; реальные же считаются ненужными. Общественное мнѣніе по этому предмету высказывается принужденно по двумъ причинамъ: высшія спеціальныя заведенія у насъ имѣются только въ столицахъ, куда весьма немногіе могутъ посылать своихъ дѣтей, кончившихъ курсъ въ реальной гимназіи, и потому гимназіи эти считаются ненужными. Дѣти родителей изъ многочисленнаго промышленнаго сословія воспитываются большею частію въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, спеціальнаго же образованія они не получаютъ вовсе. Ученики изъ этого сословія, поступающіе въ классическія гимназіи остаются тамъ недолго. Немногіе изъ нихъ, окончившіе курсъ въ гимназіи и въ университетѣ, переходятъ въ разрядъ чиновниковъ, оставляя родительскій промыселъ.

Другая причина предпочтенія классическаго курса заключается въ томъ, что *безъ знанія латинскаго языка и славянскихъ нарѣчій ученики, окончившіе курсъ реальной гимназіи, не принимаются въ университетъ.* Не отвергая пользы въ своемъ мѣстѣ латинскаго языка, мы здѣсь замѣтимъ совершенно справедливо, что если по уставу для поступленія въ университетъ будетъ требоваться знаніе китайскаго языка, то родители, безъ сомнѣнія, будутъ отдавать своихъ дѣтей въ ту гимназію, гдѣ преподается китайскій языкъ.

Новый уставъ, умноживши число преподаваемыхъ предметовъ и число уроковъ, имѣлъ въ виду сообщить молодымъ людямъ болѣе солидное и многостороннее образованіе; для развитія умственныхъ способностей онъ обязываетъ изучать древніе языки и, чтобы усилить умственную гимнастику, подвергаетъ молодой умъ еще другому классицизму—славянскому. Но не помогаетъ намъ и двойной классицизмъ. Въ общемъ итогѣ оказывается, что гимназисты обременены предметами, что чрезъ мѣру напрягаютъ ихъ память заучиваніемъ словъ и правилъ разныхъ языковъ, что трудъ этотъ не по силамъ дѣтей, что обученіе родного языка тягостно и безуспѣшно, что нужны особенныя способности, хорошее здоровье и много терпѣнія, чтобы пройдти полный гимназическій курсъ. Это не есть развитіе, но притупленіе умственныхъ способностей. Та вещь, которой даютъ многогранную полировку, быть можетъ получитъ особенный блескъ, но углы у нея выходятъ тупые. Мы не желаемъ, чтобы изъ смѣси многихъ наукъ составлялась умственная пища, въ которой трудно отличить вкусъ, которая не возбудитъ аппетита, не усвоится дѣтскимъ организмомъ, но разстроитъ здоровье молодого поколѣнія. Объяснивши положеніе гимназій, понятнымъ становится сѣтованіе родителей: не находя другого исхода, они со слезами отдаютъ дѣтей своихъ въ гимназію на мученіе. Но слезы родительскія остаются у порога гимназіи, кому же сказать за нихъ слово? кто долженъ ходатайствовать объ ихъ кровной нуждѣ?

По ст. 2 п. X. полож. о земск. учрежд., земству предоставлено право представлять чрезъ губернское начальство высшему правительству свѣдѣнія и заключенія по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи и ходатайствовать по симъ предметамъ.

Мы уже указали на предметъ наиболѣе нужный земству, которое, пользуясь правомъ ходатайства, могло бы выразить слѣдующія желанія:

1. Умножить число гимназій въ губерніи и, при недостаткѣ средствъ, учредить по крайней мѣрѣ прогимназіи въ нѣсколькихъ уѣздахъ, какъ-то: въ Изюмѣ, Сумахъ, Ахтыркѣ и Харьковѣ. Съ открытіемъ прогимназій въ уѣздныхъ городахъ уменьшится накопленіе учениковъ въ трехъ харьковскихъ гимназіяхъ, предоставится возможность родителямъ съ ограниченнымъ состояніемъ дать гимназическое образованіе

своимъ дѣтямъ, такъ какъ содержаніе ихъ въ уѣздныхъ городахъ обойдется гораздо дешевле и дѣти, въ первые годы ихъ ученія, будутъ подъ ближайшимъ надзоромъ своихъ родителей. Въ видахъ уменьшенія издержекъ на этотъ предметъ можно уѣздныя училища преобразовать въ прогимназіи, прибавивши къ штатной суммѣ не болѣе 4,000 въ годъ, и назначивши извѣстную плату за ученіе.

2. Вмѣсто учрежденія отдѣльныхъ реальныхъ и классическихъ гимназій—открыть въ трехъ послѣднихъ классахъ гимназическихъ реальные курсы, согласно уставу 1828 года, и какъ это дѣлается въ с.-петербургской Анненской школѣ, но съ тѣмъ, чтобы окончившіе реальный курсъ принимаемы были одинаково какъ въ высшія спеціальныя заведенія, такъ и въ университеты.

3. Освободить гимназистовъ отъ изученія многихъ языковъ, удержавши (только въ классическомъ отдѣленіи) латинскій и одинъ изъ новѣйшихъ языковъ; преподавать русскій языкъ безъ филологическихъ объясненій, спутывающихъ только прямое разумѣніе живого языка мертвыми образами рѣчи. Вмѣсто изученія древне-славянскаго и древне-русскаго языка достаточно будетъ вразумительное чтеніе св. писанія.

4. Преподаваніе естественныхъ наукъ отнесть только къ реальному курсу.

5. Ввести во всѣ гимназіи однообразные учебники, примѣненные къ возрасту и понятіямъ учащихся. Предполагая умножить число гимназій и прогимназій, какъ настоятельную потребность, мы обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ указать и средства для устройства этихъ учебныхъ заведеній.

Мы припоминаемъ слѣдующія слова министра народнаго просвѣщенія, сказанныя имъ 11 сентября въ варшавской Главной школѣ: «Въ настоящее время, на относительно небольшомъ пространствѣ этой страны (польскія губерніи) находятся 22 гимназіи, 15 прогимназій, 9 женскихъ гимназій и 5 таковыхъ же прогимназій. Если сравнить число учащихся въ этихъ заведеніяхъ съ соотвѣтственными училищами въ остальныхъ губерніяхъ имперіи и расходы на этотъ предметъ государственнаго казначейства, то оказывается, что на нихъ израсходуется почти втрое болѣе, а число учащихся пропорціонально къ населенію почти вчетверо болѣе. Женскія гимназіи во внутреннихъ губерніяхъ почти ничего не стоятъ государственному казначейству, такъ какъ онѣ, по большей части, существуютъ на мѣстныя средства, тогда какъ здѣшнія женскія гимназіи исключительно содержатся на счетъ казны. Мнѣ неизвѣстно другое европейское государство, въ которомъ было бы подобное отношеніе между училищами въ провинціяхъ коренныхъ и присоединенныхъ».—Бюджетъ народнаго просвѣщенія на 70—милліонное населеніе цѣлой Имперіи едва достигаетъ 7 милліон. руб.

на учебныя заведенія; 10 небольшихъ привислинскихъ губерній съ 5—мильон. населеніемъ ихъ, истрачиваетъ ежегодно 1,600,000 руб. или 32 коп. на душу; въ остальной же Россіи на 65 милліон. издерживается 5,400,000, т. е. $9^{3}/_{10}$ коп. на душу; но если вспомнить, что нашъ прибалтійскій край пользуется въ этомъ отношеніи привилегіями присоединенныхъ губерній, то приходится еще 9 коп. значительно сократить для внутреннихъ губерній. Г. министръ народнаго просвѣщенія замѣтилъ, что сравненіе имъ сдѣланное относится не къ тому, чтобы закрывать польскія гимназіи въ видахъ уравненія—и это справедливо, но отсюда выходитъ логическое заключеніе, что государственному казначейству слѣдуетъ увеличить свой расходъ на содержаніе русскихъ гимназій по крайней мѣрѣ до той цифры, какая назначается въ пользу некоренного населенія, чтобы по крайней мѣрѣ уравнять съ нимъ господствующее населеніе въ правѣ на пользованіе суммами государственнаго казначейства; тогда бы у насъ число гимназій учетверилось, и онѣ вполнѣ отвѣчали бы нуждамъ русскаго населенія.

Земство и сословія готовы съ своей стороны приносить жертвы, и уже на ихъ счетъ открыты многія женскія гимназіи и прогимназіи при ничтожномъ пособіи государственнаго казначейства. Земство занесло въ свои смѣты значительныя суммы на народное образованіе. Оно не откажется отъ пожертвованій въ пользу гимназій и прогимназій и только *его удерживаетъ программа гимназическихъ курсовъ*, не отвѣчающая нуждамъ земства и слишкомъ тягостная для учащихся.

Е. Гордѣенко.

Харьковъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ

на 1869 годъ.

VI *).

Въ предъидущей статьѣ разсматривалась общность нашей государственной росписи и значеніе подведеннаго въ ней баланса. Но государственная роспись представляетъ интересъ не только какъ эскизъ предполагаемаго за данный годъ положенія финансовъ, а также какъ опредѣлительная рамка, можно даже сказать, картина всей административной дѣятельности въ государствѣ; ежегодная роспись доходовъ и расходовъ, это—бюллетень нуждъ и потребностей государства въ данную эпоху, какъ они представляются администраціи, и усилій администраціи къ удовлетворенію этихъ нуждъ и потребностей. Подробное разсмотрѣніе государственной росписи въ этомъ смыслѣ было бы разсмотрѣніе всей дѣятельности администраціи, сообразно съ нуждами страны. Такъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ роспись подвергается дебатамъ, дебаты эти имѣютъ даже по преимуществу характеръ политическій. У насъ существуетъ de facto собраніе, которое подвергаетъ предположеніе министровъ обсужденію съ точки зрѣнія политической, то-есть, входитъ въ разсмотрѣніе представленій министровъ не только въ согласованіи съ собственными ихъ основными предположеніями, но и независимо отъ этихъ отдѣльныхъ предположеній, на основаніи общихъ нуждъ государства, общаго положенія его въ данное время, наконецъ, на основаніи предначертанныхъ общихъ цѣлей. Такое собраніе у насъ—совѣтъ министровъ.

Но подробное разсмотрѣніе смѣтъ, представляемыхъ министерствами, и составляемыхъ для соглашенія ихъ съ финансовыми средствами

---

*) См. выше, февр. 931 стр.

государства общихъ предположеній министерства финансовъ, лежитъ у насъ на обязанности, съ одной стороны — государственнаго контроля, съ другой — департамента экономіи, въ государственномъ совѣтѣ. Это разсмотрѣніе характера политическаго не имѣетъ, а ограничивается документальною повѣркою исчисленій, на основаніи предположеній самихъ министерствъ. Само по себѣ и такое разсмотрѣніе смѣтъ, собственно для провѣрки и соглашенія ихъ не только полезно, но и совершенно необходимо, хотя бы уже потому, что оно исправляетъ ошибки, вкрадывающіяся въ смѣты отдѣльныхъ вѣдомствъ, ошибки, которыя могли бы до нѣкоторой степени дѣлать призрачными самые выводы смѣтъ.

Напримѣръ, представимъ себѣ, что министерство финансовъ включило въ свою смѣту на изготовленіе въ нынѣшнемъ году государственныхъ бумагъ сумму 360 тысячъ рублей. Въ нашемъ порядкѣ разсмотрѣнія смѣты будетъ непремѣнно замѣчено, что тутъ должна быть ошибка, такъ какъ 360 т. р. достаточны на заготовленіе цѣлыхъ 36 милліоновъ листовъ билетовъ государственнаго казначейства, на сумму 1 милліардъ 800 милліоновъ рублей, которыхъ министерство финансовъ не могло же имѣть въ виду выпустить въ теченіи одного года. Итакъ, вмѣсто 360 т. р. будетъ назначено на заготовленіе государственныхъ бумагъ всего 3,600 рублей.

Возьмемъ еще примѣры. Министерство путей сообщенія вовсе исключило изъ смѣты доходовъ и расходовъ Николаевскую дорогу, за передачею ея Главному Обществу, между тѣмъ, какъ на основаніи условій передачи ея, Общество обязано принять на себя уплату процентовъ и погашенія по выпущеннымъ уже правительствомъ облигаціямъ этой дороги, а также и имѣющимъ быть выпущенными отъ имени Общества. При разсмотрѣніи смѣты эта статья дохода, опущенная министерствомъ, будетъ включена въ смѣту. Или военное министерство предположило сумму въ 2½ милліона рублей на уплату казеннымъ оружейнымъ заводамъ по новому наряду, котораго однакоже эти заводы исполнить въ этомъ году не въ состояніи. Суммѣ этой дано будетъ иное назначеніе.

Приведенными примѣрами мы хотѣли пояснить сущность того разсмотрѣнія, какому подвергаются смѣты министерствъ у насъ.

Мы, конечно, не можемъ имѣть притязанія сколько-нибудь восполнить такого рода разсмотрѣніе смѣтъ подробнымъ обсужденіемъ ихъ съ политической точки зрѣнія; такое обсужденіе бюджета занимаетъ важнѣйшую часть парламентскихъ работъ въ цѣлую сессію. Но мы не можемъ ограничиться также представленнымъ въ предшествовавшей статьѣ разсмотрѣніемъ собственно финансовыхъ выводовъ нынѣшней росписи, и считаемъ не лишнимъ представить теперь нѣсколько замѣчаній по нѣкоторымъ пунктамъ смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ.

Военному вѣдомству принадлежитъ первое мѣсто по значительности бюджета. Изъ росписи, въ которой обыкновенный, чистый государственный доходъ доходитъ только до 373½ милл. рублей, военное министерство беретъ на свою долю 136 милл. 774 т. рублей (при чемъ, впрочемъ, слѣдуетъ исключить доходы военнаго министерства, исчисленные около 8 милл. р.). Бюджетъ французскаго военнаго министерства на 1868 г. исчисленъ былъ въ 348 милл. франковъ. Бюджетъ нашего военнаго министерства, вслѣдствіе разныхъ причинъ, а преимущественно вздорожанія всѣхъ потребностей, значительно возросъ. Военное министерство начало, въ 1853 году, европейскую войну съ гораздо меньшимъ бюджетомъ, чѣмъ нынѣшвій, именно съ бюджетомъ всего въ 103½ милл. рублей. А нынѣ, говоря о военномъ бюджетѣ слишкомъ въ 136½ милл. руб., мы имѣемъ въ виду только бюджетъ мирнаго времени. Чтобы судить о томъ, до какой степени можетъ увеличиться этотъ бюджетъ при мобилизаціи арміи и сколько-нибудь серьезной европейской войнѣ, достаточно напомнить, что вслѣдствіе одного польскаго мятежа 1863—1864 гг., который уже, конечно, не могъ идти въ сравненіе съ какой-либо серьёзной войной, бюджетъ военнаго министерства въ одинъ годъ (1863 — 1864) вдругъ увеличился съ 118 до 151½ милліоновъ.

Изъ причинъ значительнаго увеличенія бюджета военнаго министерства за послѣдніе годы, мы назвали одну, главную, именно — общее возвышеніе цѣнъ, которое ни на одномъ вѣдомствѣ не могло отозваться такъ чувствительно, какъ именно на вѣдомствѣ военномъ. Въ числѣ другихъ причинъ, обусловившихъ собственно номинальное увеличеніе бюджета военнаго министерства, назовемъ включеніе въ смѣту новаго расхода по управленію Туркестанскою областью и введеніе общей кассовой системы на Кавказѣ. Прибавленіе расхода по Туркестанской области мы называемъ номинальнымъ потому, что ему соотвѣтствуетъ въ общей росписи и новая статья дохода. Правда, цифра этихъ доходовъ въ бюджетѣ и на этотъ разъ представляетъ одно предположеніе. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что расширеніе нашихъ среднеазіатскихъ владѣній будетъ со-временемъ скорѣе новымъ источникомъ, чѣмъ обремененіемъ для нашихъ финансовъ.

Но сверхъ этихъ причинъ номинальнаго увеличенія военнаго бюджета, есть еще двѣ существенныя причины *дѣйствительнаго*, но положительно-необходимаго увеличенія: мы говоримъ объ улучшеніи содержанія арміи, посредствомъ назначенія добавочныхъ окладовъ и о неизбѣжныхъ издержкахъ по преобразованію нашего оружія.

Исчисленіе суммы на добавочное жалованье нижнимъ чинамъ даетъ въ результатѣ цифру около 1 милліона р. Нельзя при этомъ не замѣтить, что расходы на центральную администрацію вообще возвысились немного, несмотря на то, что она совершенно преобразована со зна-

чительнымъ увеличеніемъ окладовъ. Преобразованіе это исполнено въ 1867 году, и результатомъ введенія новыхъ штатовъ оказалось увеличеніе расхода, всего около 20 тысячъ р. Что касается администраціи мѣстной, то увеличеніе здѣсь произошло, главнымъ образомъ, вопервыхъ, отъ введенія новаго военно-суднаго управленія, во-вторыхъ, отъ учрежденія военныхъ округовъ Туркестанской области.

Общая сумма расходовъ по военному министерству въ бюджетѣ 1869 года противъ прошлогодней представляетъ увеличеніе на 5 мил. 245 т. р. Увеличеніе въ нынѣшнемъ году образовалось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе расходовъ на преобразованіе оружія. Бюджетъ главнаго артиллерійскаго управленія представляетъ главную часть этого увеличенія, именно болѣе 3 милл. р. На одни расходы по усовершенствованію артиллеріи превышеніе составило гораздо болѣе 1½ милл. рублей. Издержки по этому предмету въ послѣдующіе годы должны значительно сократиться, такъ какъ, сколько извѣстно, преобразованіе собственно нашей артиллеріи ведено очень успѣшно и приближается къ концу.

Нельзя, повидимому, сказать того же о преобразованіи пѣхотнаго вооруженія. Съ ружьями новой системы мы еще далеко не поспѣли. Здѣсь встрѣтились и неисправности заводовъ, и въ послѣднее время даже сомнѣніе, насчетъ вводимой системы, такъ, что теперь еще возбудился (впрочемъ, не со стороны военнаго министерства) вопросъ о преимуществахъ ружей новой, русской системы. Мы не станемъ, конечно, входить здѣсь, при изложеніи главныхъ чертъ нашего финансоваго хозяйства, въ этотъ посторонній, спеціальный вопросъ. Относительно возбужденія теперь вопроса о новыхъ ружьяхъ, скажемъ только, что надо же на чемъ-нибудь остановиться и кажется давно пора. Сошлемся на примѣръ Франціи: тамъ точно также, когда были уже сдѣланы подряды на все нужное количество ружей системы Шасспо, неожиданно возбужденъ былъ вопросъ о преимуществахъ ружей винчестеровой системы и поднялась сильная агитація по этому поводу. Этотъ вопросъ о ружьяхъ именно такой, что его никогда нельзя рѣшить, если допускать перерѣшеніе, потому что новыя системы являются безпрестанно, испытываются онѣ разными лицами, при разныхъ обстоятельствахъ, а всѣмъ имъ недостаетъ существеннаго опыта — который показалъ бы, которая изъ нихъ, въ суммѣ качествъ и недостатковъ — лучшая. Этотъ рѣшительный опытъ можетъ быть данъ только войною, а ружья новой системы должны быть готовы въ достаточномъ количествѣ *до войны;* въ этомъ-то и все дѣло. Во Франціи, правительство не поддалось увѣреніямъ приверженцевъ винчестеровой системы и спокойно продолжало исполненіе своего плана преобразованія; потому-то французская армія уже и вооружена теперь новыми ружьями, а иначе она и теперь продолжала бы дѣлать опыты.

Мы сказали выше, что снабженіе пѣхоты усовершенствованнымъ оружіемъ идетъ, повидимому, не вполнѣ успѣшно. Новыя скорострѣльныя ружья были заказаны въ Америкѣ, на нѣкоторыхъ русскихъ частныхъ заводахъ (напр. Нобеля) и на казенныхъ заводахъ, состоящихъ на арендѣ. Этимъ послѣднимъ поручена, разумѣется, главная часть всего потребнаго количества, потому что цѣны объявленныя ими дешевле. Въ Америкѣ, сколько намъ извѣстно, было заказано 30 тысячъ ружей системы Бердона, тульскому же заводу было заказано 120 т. новыхъ ружей, да передѣлка 100 т. старыхъ; ижевскому 60 т. новыхъ и передѣлка 200 т. старыхъ [1]. Въ нынѣшнемъ году предположено было приготовить на казенныхъ же заводахъ еще 100 тысячъ скорострѣльныхъ ружей (при чемъ, впрочемъ, еще не былъ опредѣленъ образецъ).

Между тѣмъ, исполненіе уже данныхъ казеннымъ заводамъ нарядовъ подвигалось такъ медленно, что исполненіе ими еще столь значительнаго новаго наряда въ текущемъ году сдѣлалось мало вѣроятнымъ. Такъ, напримѣръ, тульскій заводъ долженъ былъ выдѣлать къ первому января нынѣшняго года, изъ прежнихъ (1867 и 1868) нарядовъ 90 тысячъ ружей, а онъ сдѣлалъ всего около 30 тысячъ; затѣмъ еще оставалось приготовить въ нынѣшнемъ году, изъ прежнихъ нарядовъ, около 57 тысячъ. Если бы на его долю предоставить, положимъ, треть изъ новаго наряда, т. е. около 30 тысячъ ружей, то вышло бы, что на обязанности его лежало бы сдѣлать, въ теченіи нынѣшняго года около 87 тысячъ ружей. Между тѣмъ, тульскій заводъ по средствамъ своимъ не можетъ приготовить въ годъ болѣе 60 тысячъ винтовокъ. Стало быть, если въ теченіи всего нынѣшняго года онъ додѣлаетъ остающееся за нимъ количество изъ прежнихъ нарядовъ, то-есть, опоздаетъ годомъ въ исполненіи ихъ, то все-таки онъ не будетъ имѣть возможности взять на себя часть новаго подряда. Вообще же на трехъ заводахъ (тульскомъ, ижевскомъ и сестрорѣцкомъ) изъ заказанныхъ имъ къ 1 января нынѣшняго года около 150 тысячъ ружей, въ дѣйствительности могло поспѣть къ началу 1869 года только около 90 тысячъ.

Послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ была отмѣна предположенія о заказѣ казеннымъ оружейнымъ заводамъ въ нынѣшнемъ году 100 тысячъ новыхъ скорострѣльныхъ ружей [2]. Однако же сумма около $2\frac{1}{2}$ милл. рублей, которая могла быть исключена изъ смѣты военнаго министерства, вслѣдствіе отмѣны такого новаго наряда казен-

[1]) Приводимыя нами цифры не представляютъ полнаго количества заказанныхъ и готовыхъ ружей, которыхъ нѣтъ надобности приводить. Мы хотимъ только показать наглядно, какъ идетъ это дѣло.

[2]) Образецъ ихъ, какъ сказано выше, не былъ еще опредѣленъ, но требовались ружья малокалиберныя американской системы.

нымъ заводамъ, въ конечномъ результатѣ исключена не была, а распредѣлена на разныя потребности, относящіяся къ тому же предмету, именно къ снабженію арміи новыми скорострѣльными ружьями. При этомъ, половина этой суммы обращена теперь на новый, по возможности, заказъ въ Америкѣ ружей той же системы.

Мы остановились преимущественно на издержкахъ по приготовленію новыхъ винтовокъ не для того, конечно, чтобы показывать, какъ онѣ значительны. Имѣть новое оружіе — необходимость, и цѣны, по которымъ его заготовляетъ военное министерство на казенныхъ заводахъ, скорѣе слишкомъ малы [1]), чѣмъ слишкомъ велики.

Издержка эта не только необходима, но и не велика, въ сравненіи съ итогомъ бюджета военнаго министерства, и въ особенности съ неисчислимымъ итогомъ тѣхъ тягостей, какія несетъ страна (Россія болѣе чѣмъ иныя) по исполненію воинской повинности и содержанію войскъ. Много сдѣлано въ послѣднее время для облегченія этихъ тягостей; сокращены сроки службы, въ каждомъ манифестѣ о наборѣ являются новыя облегченія по поставкѣ рекрутъ. Мы идемъ безостановочно къ уничтоженію того порядка, при которомъ, для исполненія набора въ томъ количествѣ, какъ онъ бываетъ нынѣ, то-есть около 90 тысячъ человѣкъ, требовалось сгонять къ рекрутскимъ присутствіямъ тысячъ 200 народу. Улучшено и содержаніе солдата, а въ особенности много сдѣлано для поднятія его нравственнаго уровня отмѣною тѣлесныхъ наказаній, сдачи въ солдаты порочныхъ людей, наконецъ распространеніемъ въ войскахъ грамотности, которое идетъ такъ успѣшно. Но относительно облегченія для народа тяжести рекрутчины и постоя много еще остается сдѣлать.

Переходимъ къ министерству финансовъ. Министерство финансовъ составляетъ государственный бюджетъ, *управляетъ* финансами. Но, само собою разумѣется, что дѣйствительно *управлять* финансами не можетъ никакое административное вѣдомство, какъ бы способенъ ни былъ стоящій во главѣ его финансистъ. Возможная дѣятельность министра финансовъ у насъ — соглашать денежныя требованія другихъ министровъ. Самъ онъ непосредственно не много можетъ имѣть вліянія на уменьшеніе общихъ государственныхъ расходовъ. Займы отъ него зависятъ, но и то только въ извѣстной степени, то-есть отъ него зависитъ, сообразивъ требованія отъ него независящія, сдѣлать выводъ о необходимости прибѣгнуть къ новому займу въ нынѣшнемъ году или только въ слѣдующемъ. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что на *причины* всѣхъ займовъ сдѣланныхъ русскимъ правительствомъ за послѣдніе года, внутри или внѣ страны, министры фи-

[1]) Напр. на тульскомъ заводѣ менѣе 16 р. Впрочемъ уже оказалась необходимымъ дополнительная плата этимъ заводамъ.

нансовъ не имѣли вліянія, за исключеніемъ развѣ неудачной попытки, сдѣланной въ 1862 году, для возстановленія размѣна, когда было занято на не легкихъ условіяхъ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на подкрѣпленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ (седьмой 5% заемъ), съ обязательствомъ не начинать погашенія этого займа до истеченія 20 лѣтъ со времени его заключенія, т. е. съ 14 апрѣля (1 мая) 1862 года. По этому займу мы платимъ 750 т. рублей ежегодно, не приступая къ погашенію, а между тѣмъ самая сумма, вырученная займами, пропала безслѣдно для улучшенія нашего кредита, такъ какъ поддержать размѣна все-таки не удалось, а впослѣдствіи выпущено не мало новыхъ кредитныхъ билетовъ.

Такія операціи, какъ эта, или какъ покупка золота банкомъ, причемъ онъ ассигнаціи принимаетъ отъ публики 17-ю процентами дешевле ихъ нарицательной цѣны, между тѣмъ какъ собственные платежи частнымъ лицамъ производитъ бумажками al pari — вотъ все, что въ дѣйствительности представляетъ самостоятельную дѣятельность министерства финансовъ относительно улучшенія общаго ихъ положенія. Затѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что военное министерство, напримѣръ, распоряжается нашими финансами, въ дѣйствительности, гораздо болѣе, чѣмъ министерство финансовъ. Иначе и быть не можетъ. Дѣло въ томъ, что административное вѣдомство не можетъ ограждать финансовъ; оно можетъ только распредѣлять расходы *требуемые* отъ него по наличнымъ, или имѣющимся въ виду источникамъ, съ большею или меньшею раціональностью, съ большею или меньшею пользою.

Изъ этихъ источниковъ первое мѣсто принадлежитъ, какъ извѣстно, доходу питейному. Питейный доходъ, по бюджету 1869 года, исчисленъ въ 131 м. 276 т. Издержки взиманія здѣсь составляютъ 8 м. 632½ т. р., такъ что чистаго дохода ожидается около 122 м. 643½ рублей. Предвидѣніе это превышаетъ предвидѣніе прошлогодней смѣты на 3 м. 219 т. р. Такое предположеніе составлено на основаніи дѣйствительнаго поступленія «за послѣднее время», какъ выражается докладъ министра финансовъ. На основаніи двухъ послѣдовавшихъ одинъ за другимъ неурожаевъ можно бы ожидать скорѣе уменьшенія суммы этого дохода. Но коль скоро исчисленіе сдѣлано на основаніи дѣйствительнаго поступленія за послѣднее время—цифры, исчисленныя въ бюджетѣ на 1869 г., мы оспаривать не можемъ.

Замѣтимъ, что издержки на взиманіе питейнаго дохода сравнительно съ тѣми же издержками по другимъ государственнымъ доходамъ у насъ не велики: на 131¼ м. р. 8½ м. р. Между тѣмъ, какъ на взиманіе, напримѣръ, таможенныхъ сборовъ около 37 м. требуется гораздо болѣе 4½ м. На взиманіе почтоваго сбора слишкомъ въ 15½ м. требуется издержка почти 12 м., такъ что весь чистый доходъ съ почтъ у насъ составляетъ только 3 м. 885 т. р. Но

если сумма издержекъ взиманія по питейному доходу, говоря относительно, не велика, то едва ли не слѣдовало оставить въ силѣ прежній порядокъ вознагражденія акцизныхъ чиновниковъ.

Такъ какъ акцизно-питейный доходъ у насъ—главный доходъ государства, то не мѣшаетъ заботиться о томъ, чтобы онъ не былъ пораженъ въ источникѣ злоупотребленіями. Когда у насъ вводилась новая акцизная система, то на ея долю, какъ извѣстно, выпалъ первый «наборъ» людей вполнѣ благонадежныхъ (въ самомъ существованіи которыхъ у насъ многіе до тѣхъ поръ, сжившись со старой системой, сомнѣвались). Высшее управленіе акцизной частью и выборъ акцизныхъ чиновниковъ были предоставлены человѣку, который въ высокой степени оправдалъ возложенное на него довѣріе. Впослѣдствіи пришли, повидимому, къ заключенію, что и у насъ людей вполнѣ благонадежныхъ вовсе не такъ мало, какъ смиренно думали прежде, и хотя опыты, оказавшіеся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной окраины государства должны бы, кажется, напротивъ, подтвердить мнѣніе, что находить вполнѣ благонадежныхъ людей у насъ все-таки еще не легко, однако благонадежность акцизныхъ чиновниковъ стали вознаграждать въ размѣрѣ значительно меньшемъ противу прежняго времени. Замѣтимъ, мимоходомъ, что едва ли эта система, хотя бы она и уменьшала издержки взиманія, вполнѣ согласна съ государственнымъ интересомъ; тѣмъ болѣе, что, какъ замѣчено выше, издержки взиманія по акцизной части сравнительно не высоки.

Мы не будемъ входить теперь въ обсужденіе общаго положенія нашихъ финансовъ, которому посвятили первую статью, а перейдемъ прямо къ тѣмъ экстраординарнымъ рессурсамъ и истекающимъ изъ нихъ обязательствамъ, которыя въ смѣтѣ министерства финансовъ отражаются въ ежегодной цифрѣ около 76 милл. рублей, платимыхъ по государственному долгу.

Цифра, внесенная въ роспись 1869 года (76.097.804½ руб.), оказывается на 541 т. р. менѣе противъ бюджета прошлаго года. За исключеніемъ суммы 288 т. р., до-срочно уплаченныхъ государственному банку въ 1868 нѣкоторыхъ долговъ государственнаго казначейства, мы имѣемъ въ приведенной выше цифрѣ уменьшеніе: 100 т. р. происходящіе отъ уменьшенія расхода на уплату разницы въ курсѣ по заграничнымъ платежамъ и 149 т. р., которые представляютъ собственно постепенное уменьшеніе платежа процентовъ и погашеній по нѣкоторымъ займамъ.

Наши государственные долги обращаютъ на себя вниманіе, во-первыхъ, въ смыслѣ исторіи финансовъ, во-вторыхъ, въ смыслѣ практическо-финансовомъ. Въ первомъ смыслѣ не лишне будетъ перечислить здѣсь долги, сдѣланные Россіею за послѣдніе годы; во второмъ смыслѣ, надо показать, сколько, за произведенными уже уплатами, соста-

вляетъ въ настоящее время итогъ нашихъ государственныхъ долговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ.

Послѣдній періодъ нашей финансовой исторіи можно считать съ 1859 года, когда, вслѣдъ за пониженіемъ процента на банковые вклады, послѣдовало преобразованіе кредитныхъ установленій и объявленъ былъ внутренній заемъ четырехъ-процентный, въ непрерывно-доходныхъ билетахъ. Этотъ заемъ составлялъ почти *154 милл.* р. сер., и цифра остающагося по немъ капитала почти таже и теперь. За нимъ, въ порядкѣ времени, послѣдовалъ 4% же металлическій заемъ (1860, 1863, 1864) на *60 милл.* р., котораго, за произведенными уплатами, остается теперь около 55½ милл. р. Съ 1861 по 1868 г. включительно выпущено билетовъ казначейства (такъ-называемыхъ серій) на *216 милл.* р., которыя и нынѣ составляютъ одинаковую цифру долга, такъ какъ билеты эти выпускаются на 8 лѣтъ. Да и по истеченіи 8 лѣтъ (для билетовъ 1861 года срокъ наступитъ въ нынѣшнемъ году), сумма эта не уменьшится, такъ какъ билеты разряда, которому наступаетъ срокъ, могутъ быть замѣнены билетами новыхъ разрядовъ.

Въ 1862 году сдѣланъ былъ седьмой заграничный заемъ въ 15 м. фунтовъ стерл. на подкрѣпленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ. Сумма его остается та же и нынѣ, такъ какъ онъ—безсрочный. Въ 1863 году выпущено пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ на 10 милл. рублей, которые, за произведенными погашеніями, представляютъ нынѣ невыплаченнаго капитала около 9 м. 750 т. р. Эти билеты были выпущены для подкрѣпленія государственнаго банка.

Остановимся на минуту. Замѣтьте: мы сперва понижаемъ банковый процентъ, такъ что частные вклады уходятъ изъ банка. Затѣмъ, предлагается 4% заемъ въ непрерывно-доходныхъ билетахъ. Хотя это помѣщеніе въ этотъ заемъ вкладовъ было помѣщеніе ихъ à fond perdu, однако заемъ реализировался, благодаря именно предшествовавшему ему пониженію банковаго процента. 4% казались въ то время выгоднымъ процентомъ при ссудахъ правительству. Далѣе является уже рѣшительно болѣе выгодное помѣщеніе — металлическій, хотя и тоже 4% заемъ. Потомъ предлагается заемъ ужъ по 5%. Наконецъ, какъ сейчасъ увидимъ, являются два займа тоже 5%, но уже съ приманкой выигрышей.

Понятно, что изъ такого прогрессивнаго слѣдованія внутреннихъ займовъ должны были проистекать два факта: во-первыхъ, всѣ частные вклады, которые въ прежнемъ банкѣ приносили владѣльцамъ 4% при такомъ условіи, что владѣльцы могли взять ихъ обратно во всякое время, обратились въ безсрочныя и срочныя помѣщенія займовъ, принося владѣльцамъ частью столько же, сколько прежде, частью болѣе. Во-вторыхъ, множество сбереженій, какія могли накопляться въ промышленные капиталы и оживлять, развивать промышленную пред-

пріимчивость, поглощались займами, которые приносятъ безъ всякихъ хлопотъ значительный процентъ. Этотъ фактъ самъ по себѣ, конечно, не можетъ быть благопріятенъ для частной предпріимчивости. Когда за 5% займами съ выигрышами въ сторублевыхъ билетахъ послѣдуетъ, какъ о томъ уже былъ слухъ, такой же заемъ въ 50-рублевыхъ билетахъ, то можно будетъ сказать, что сбереженія, даже самыя малыя отвлечены на государственныя цѣли. Въ настоящее время два выигрышные займа, какъ извѣстно, составляютъ наиболѣе популярное помѣщеніе небольшихъ сбереженій; билеты этихъ займовъ находятся въ рукахъ не капиталистовъ, а именно средняго торговаго и служащаго класса.

Въ-третьихъ, наконецъ, предлагая вслѣдъ за однимъ внутреннимъ займомъ другой на болѣе выгодныхъ условіяхъ—нельзя избѣжать естественнаго послѣдствія, что предшествовавшій заемъ падаетъ въ цѣнѣ, т. е. вчерашніе кредиторы теряютъ не только въ сравненіи съ сегодняшними новыми кредиторами, но потеряютъ и безотносительно: цѣнность, за которую они вчера дали государству столько-то рублей, сегодня упала, вслѣдствіе новаго распоряженія государства, ниже того, что̀ они за нее внесли.

Но возвратимся къ исчисленію займовъ за послѣднее десятилѣтіе. Въ апрѣлѣ 1864 года объявленъ англо-голландскій 5% заемъ около 48 милліоновъ гульденовъ, и почти 2 милліона фунт. стерл. Этотъ капиталъ, за произведенными платежами, составляетъ въ настоящее время около 46½ милл. гульденовъ и 1 м. 877 т. фунт. стерл. Мотивированъ онъ былъ просто: «для усиленія средствъ государственнаго казначейства».

Въ ноябрѣ того же года объявленъ первый пятипроцентный, съ выигрышами, внутренній заемъ въ 100 м. рублей. Изъ него, за произведенными тиражами, остается теперь около 98½ м. р.

1865 годъ отличался, какъ и 1867 годъ тѣмъ, что займовъ сдѣлано не было (если не считать выпускъ серій, кредитныхъ билетовъ и заемъ подъ Николаевскую дорогу, о первомъ мы уже упомянули; о кредитныхъ билетахъ мы здѣсь не говоримъ, а упомянемъ ниже общую ихъ сумму; наконецъ, о третьемъ, т. е. о займѣ подъ Николаевскую дорогу мы не упоминаемъ потому, что онъ входитъ въ категорію средствъ спеціальныхъ—на устройство желѣзныхъ дорогъ).

Въ 1866 году было сдѣлано два займа: одинъ внѣшній, другой внутренній. Внѣшній (второй англо-голландскій) былъ сдѣланъ для обезпеченія заграничныхъ платежей государственнаго казначейства на сумму нѣсколько менѣе 31½ м. гульденовъ и 3 м. 343 т. фунт. стерл. Этотъ заемъ тоже пятипроцентный. Изъ него, за произведенными платежами, остается на государственномъ казначействѣ сумма около 31 м. гульденовъ и 3 м. 300 т. фунт. стерл. Внутренній заемъ 1866 года

былъ второй выигрышный, пятипроцентный, на сумму 100 м. р., изъ которыхъ остается теперь на государственномъ казначействѣ не много болѣе 99 м. р. Замѣчательно, что этотъ второй выигрышный заемъ въ продажѣ стоитъ постоянно ниже перваго, хотя условія его—тѣже самыя.

Еслибы, опуская займы со спеціальною цѣлью, какъ заемъ подъ Николаевскую дорогу и выпускъ выкупныхъ свидѣтельствъ, мы подвели итогъ подъ займами послѣднихъ 10-ти лѣтъ и сопоставили ее съ суммою дефицитовъ за тотъ же періодъ, то оказалось бы, что цифра займовъ превышаетъ сумму бюджетныхъ дефицитовъ. Она, разумѣется, должна быть равна суммѣ дефицитовъ не бюджетныхъ, а дѣйствительныхъ. Но послѣднихъ мы исчислить не можемъ, такъ какъ отчеты по дѣйствительному исполненію смѣтъ мы имѣемъ только за 1866 и 1867 годы. Современемъ, подобная повѣрка станетъ возможною, за время начиная съ 1866 года.

Обратимся теперь къ тому положенію нашей системы государственнаго кредита, какое произошло вслѣдствіе займовъ, заключенныхъ не только за десятилѣтній періодъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, но въ разныя времена.

Государственные долги у насъ отличаются разнообразіемъ своихъ условій. Такъ, у насъ долги трехпроцентные (1859 г. внѣшній), четырехпроцентные (для примѣра назовемъ еще разъ непрерывно-доходный; но онъ далеко не одинъ: есть пять 4% займовъ, заключенныхъ въ сороковыхъ годахъ); есть долги четырехъ-съ-половиною-процентные (1849, 1860); наконецъ — пятипроцентные. Въ государственной финансововой практикѣ извѣстны средства объединенія долга и конверсіи тѣхъ долговъ, которые, бывъ заключены по сравнительно-высокому проценту, могутъ быть облегчены соотвѣтственно болѣе благопріятному проценту, установившемуся впослѣдствіи. Но эти средства вовсе не идутъ къ нашей системѣ государственнаго кредита, потому что мы занимали всякій разъ по болѣе и болѣе высокой цѣнѣ. Правда, 5½% выкупныя свидѣтельства могли бы быть конвертированы въ 5%. Но это было бы несправедливо сдѣлать до тѣхъ поръ, пока эти бумаги передаются только крѣпостнымъ порядкомъ и пока можно полагать, что они находятся въ рукахъ землевладѣльцевъ, которымъ выданы, какъ вознагражденіе. Сверхъ того, новѣйшіе 5% выигрышные займы способствовали упадку въ цѣнѣ всѣхъ прежнихъ бумагъ и конвертировать такія бумаги, которыя и безъ того стоятъ ниже pari, не представляется возможности.

Между тѣмъ, вотъ неудобство разнообразныхъ условій внутреннихъ государственныхъ обязательствъ: лица, которыя должны казнѣ по прежнимъ залогамъ недвижимыхъ имуществъ, покупаютъ нынѣ 5% и 5½% выкупныя свидѣтельства и платятъ ими свои проценты и капиталъ своего долга, при чемъ казна теряетъ 10—18%.

Внѣшніе долги наши раздѣляются на срочные и безсрочные. Срочные были заключены для усиленія средствъ государственнаго казначейства, а также на постройку Николаевской дороги. Они въ настоящее время составляютъ въ сложности: около 102½ милл. голландскихъ гульденовъ, 14½ милл. фунтовъ стерл. и 38 милл. серебряныхъ рублей. Безсрочные были заключаемы съ цѣлью погашенія ассигнацій, усиленія средствъ казначейства и размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ. Сумма ихъ составляетъ около 21½ милл. фунтовъ стерл. и 161 милл. серебряныхъ рублей.

Внутренніе долги раздѣляются на слѣдующія категоріи: 1) государственному банку, по займамъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій; 2) разныхъ учрежденій и лицъ, по займамъ уплачиваемымъ государственному банку изъ государственнаго казначейства, съ возвратомъ отъ этихъ учрежденій и лицъ; 3) разнымъ мѣстамъ и лицамъ (для примѣра упомянемъ о милліонѣ, назначенномъ князю Мингрельскому, за отреченіе отъ владѣльческихъ правъ); 4) четырехпроцентные билеты банка; 5) билеты казначейства (серіи); 6) два выигрышные займа; 7) 5% банковые билеты, 8) 4% облигаціи царства польскаго; 9) долги обыкновенные и неприкосновенные. Это—безсрочные внутренніе долги; они образовались въ 1807 и 1818 годахъ; ихъ остается теперь около 49½ милл. р.; 10) духовенству въ царствѣ польскомъ разныхъ исповѣданій (кромѣ католическаго) и учрежденіямъ (не-духовнымъ) тамъ же; 11) 4% непрерывно-доходные билеты; 12) вѣчные вклады.

Считаемъ излишнимъ приводить въ отдѣльности по каждому долгу цифру первоначальную и нынѣ остающуюся. Ограничимся общимъ выводомъ, что въ настоящее время итогъ нашихъ государственныхъ долговъ составляетъ: 102½ милл. гульденовъ, 36 милл. слишкомъ фунт. стерл. и 937½ милл. серебрян. рубл. Сюда надо причислить безпроцентный долгъ въ кредитныхъ билетахъ, который нынѣ, по отчетамъ государственнаго банка, составляетъ 724½ милл. рублей.

Бюджетъ министерства иностранныхъ дѣлъ представляетъ ту особенность, что цѣлая четверть его предназначена на потребности, обозначенныя общими названіями: «чрезвычайные расходы», «чрезвычайные за границею расходы», «разные расходы» и «случайные расходы». Изъ испрашиваемыхъ по смѣтѣ 2 м. 327 тысячъ р. подъ названныя нами сейчасъ категоріи подходило около 522 т. р. Часть этихъ расходовъ, правда, идетъ на фельдъегерей и курьеровъ, и поѣздки дипломатовъ; но около 200 т. р. показаны на случайные расходы и пособія, а между тѣмъ нѣтъ возможности свесть итога, кромѣ того, какъ мы его сейчасъ представили, именно что ¼ бюджета идетъ на потребности если и на неопредѣленныя (конечно, часть изъ нихъ обусловлена отдѣльными законодательными актами), но во всякомъ случаѣ

неизвѣстными даже государственному совѣту, который разсматриваетъ роспись.

Напримѣръ, въ «Almanach de Gotta» на 1869 г. упомянуто, что князь Черногорскій Николай получаетъ отъ русскаго правительства ежегодное пособіе въ 6 тысячъ червонцевъ. Что многіе иностранные принцы получали въ прежнее время пособія отъ нашего правительства—извѣстно, а потому мы не видимъ причины, почему не повѣрятъ показанію «Готскаго альманаха». Почему же сумма эта, если она отпускается, не указана прямо въ смѣтѣ? Это тѣмъ болѣе странно, что если составителямъ «Готскаго альманаха» она извѣстна, стало быть иностраннымъ правительствамъ и подавно, то почему же она не могла быть сдѣлана извѣстною и членамъ русскаго государственнаго совѣта?

Значительныя измѣненія въ нынѣшней смѣтѣ противъ прошлогодней по министерству путей сообщенія происходятъ преимущественно отъ простого перечисленія, какъ-то именно: исключеніе расходовъ по николаевской дорогѣ и т. д. Въ этой смѣтѣ интереснѣе всего цифры ожидаемаго увеличенія дохода отъ правительственныхъ дорогъ московско-курской, по соображенію дѣйствительнаго поступленія за прошлый годъ — на 2 м. р., вслѣдствіе открытія движенія по всей линіи, и отъ дороги одесско-елисаветградской—слишкомъ на милліонъ рубл. вслѣдствіе открытія новаго участка. Московско-курская дорога, по предположенію министерства, въ нынѣшнемъ году принесетъ сбора около $4^3/_4$ м. р., что, за исключеніемъ около 3 м. издержекъ взиманія, дастъ чистаго дохода около $1^3/_4$ м. р.

Отъ дороги одесско-елисаветградской, съ вѣтвями къ Тирасполю и Куяльницкому Лиману ожидается сборъ около $3^3/_4$ м. р., изъ него около 1 м. р. чистаго дохода. Московско-курская дорога имѣетъ протяженія около 500 верстъ. Конечно, если сравнить исчисленные съ нея $4^3/_4$ м. р. сбора со сборомъ съ 600-верстной николаевской дороги, который по смѣтѣ № 68 былъ исчисленъ слишкомъ въ $14^1/_2$ м. р., то доходъ со всей дороги покажется малымъ. Но если сравнить доходъ московско-курской дороги съ тѣмъ, какой давала николаевская въ первые годы послѣ ея открытія, то оказывается, что новая дорога обѣщаетъ быть столь же доходною какъ николаевскяя (одна изъ самыхъ доходныхъ въ Европѣ дорогъ).

Нельзя не пожалѣть, что въ нынѣшнюю смѣту министерства путей сообщенія еще не могло войти исчисленіе расходовъ по содержанію центральнаго и мѣстнаго управленій на основаніи новыхъ штатовъ. Вознагражденіе служащихъ въ администраціи министерства путей сообщенія крайне недостаточно и его давно слѣдовало возвысить, тѣмъ болѣе, что это вѣдомство едва ли не менѣе всѣхъ другихъ пользовалось какими либо наградами и пособіями. Главное управленіе имъ до настоящаго министра всегда поручалось лицамъ постороннимъ, ко-

торые не могли принимать къ сердцу положеніе чиновъ этого управленія (говоримъ собственно о чиновникахъ и инженерахъ, исполнявшихъ бюрократическія должности). Впрочемъ, проектъ новыхъ штатовъ, какъ слышно, готовъ, и ожидалось внесеніе его въ государственный совѣтъ.

Переходя къ смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, обратимъ вниманіе прежде всего на важнѣйшую потребность, которой оно должно было бы удовлетворять, именно на распространеніе первоначальнаго въ народѣ образованія. Расходъ на народныя училища, то-есть на устройство, содержаніе ихъ, приготовленіе для нихъ учителей и содержаніе дирекцій по министерству народнаго просвѣщенія составляетъ около 363 тысячъ р. по нынѣшней смѣтѣ; постоянный расходъ по этому предмету—около 575 тысячъ р.—тотъ же самый, что и въ прошлогодней; уменьшеніе же итога зависѣло отъ исключенія изъ цифры временного расхода 19½ тысячъ р., относимыхъ на счетъ процентнаго сбора съ сѣверозападнаго края. Въ предшествовавшихъ замѣчаніяхъ мы имѣли дѣло все съ милліонами; въ сравненіи съ ними, или хотя бы даже съ тѣмъ полумилліономъ рублей, которые получаетъ министерство иностранныхъ дѣлъ на «чрезвычайные, случайные и разные» расходы, какъ скромна представляется цифра 4.550 рублей. Это—сумма, употребляемая «на пріобрѣтеніе книгъ для складовъ при дирекціяхъ народныхъ училищъ.»

Всѣ вообще цифры на народныя училища съ ихъ дирекціями, представляются ужъ слишкомъ скромными, даже въ сравненіи съ бюджетомъ самого министерства народнаго просвѣщенія, который все-таки составляетъ больше 8¾ мил. рублей. 4550 рублей на книги для народныхъ училищъ по всей Россіи — вѣдь это гораздо меньше, чѣмъ сумма отпускаемая изъ процентнаго сбора по сѣверозападному краю на содержаніе одной редакціи «Виленскаго Вѣстника» (6,000 р). Между тѣмъ, одинъ недавно основанный историко-филологическій институтъ стоитъ казнѣ почти по 100 т. рублей въ годъ. Это новое добавленіе къ издержкамъ на высшія образовательныя заведенія (университеты и лицеи), которое само по себѣ составляетъ болѣе 1 милл. 900 тысячъ въ годъ, было сочтено возможнымъ, а на содержаніе всѣхъ народныхъ училищъ изъ государственнаго казначейства не прибавлено почти ничего послѣ 1864 года. Всѣ ассигнованія по этому предмету изъ государственнаго казначейства послѣдовали между 1862 и 1865 годами. Между тѣмъ, народныя училища—и именно училища состоящія въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, отъ которыхъ можно ожидать чего либо кромѣ обученія церковному букварю — для Россіи едва ли не важнѣе не только трехъ или десяти историко-филологическихъ институтовъ, но и любого ихъ числа; потому именно, что отъ послѣднихъ, сколько бы ихъ учреждено ни было, мы можемъ

ожидать только распространенія «эллинской мудрости» и увеличенія наличнаго числа титулярныхъ совѣтниковъ въ государствѣ, между тѣмъ, какъ отъ народныхъ училищъ мы ожидаемъ обновленія русскаго народа. Доводы въ пользу усиленія классическаго образованія могутъ быть очень хороши, но главный изъ нихъ — поставленіе русскаго народа на степень европейской мысли конечно вѣрнѣе могъ бы быть примѣненъ къ народнымъ училищамъ. Не только классическое, но и всякое высшее образованіе дѣлаетъ *среди* насъ европейцевъ,—это правда; но только народное образованіе можетъ сдѣлать насъ европейцами. Названіе, данное закономъ министерству, о которомъ мы говоримъ, означаетъ не «общественное образованіе» (instruction publique), а именно и буквально—«народное просвѣщеніе.»

Въ сравненіи со скудостью средствъ, какими располагаетъ министерство народнаго просвѣщенія для исполненія этого, важнѣйшаго своего назначенія, нельзя кажется не признать излишнею ежегодную издержку въ 25 тысячъ рублей (!), ассигнуемыхъ по смѣтѣ на редакцію «Журнала» министерства, на основаніи разрѣшенія испрошеннаго въ 1867 году. Ровно половина этой суммы падаетъ на государственное казначейство безвозвратно, такъ какъ подписка на это изданіе даетъ только 12½ тысячъ р. Но сверхъ того, такъ какъ почти всѣ подписчики «Журнала»—обязательные, именно учебныя заведенія того же министерства, то слѣдуетъ признать, что и эти 12½ т. р. ложатся прямо на казенныя же средства, и ложатся самымъ невыгоднымъ образомъ, именно на счетъ и безъ того скудныхъ средствъ учебныхъ заведеній. Было бы раціональнѣе—если уже предстоитъ надобность въ органѣ такому министерству, которое по самому назначенію своему должно быть чуждо всякой тенденціозности, а потому въ особомъ «проводникѣ своихъ идей» должно бы нуждаться менѣе всѣхъ—было бы раціональнѣе, говоримъ, отмѣнить вовсе обязательную подписку на «Журналъ», этотъ прямой налогъ на учебныя заведенія въ пользу ученыхъ вкусовъ, и показывать на «Журналъ» по смѣтѣ расходовъ 25 т. р., а по смѣтѣ доходовъ ничего, или тѣ двѣ, три сотни рублей, какія можетъ дать вольная на него подписка.

Замѣчаніе наше на смѣту министерства народнаго просвѣщенія окончимъ указаніемъ, что содержаніе центральнаго управленія этого министерства, обходящееся слишкомъ въ 184 тысячи рублей, составляетъ почти пятую часть всего бюджета народнаго просвѣщенія.

Л. П.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го марта 1869.

Юбилей петербургскаго университета.—Высочайшій рескриптъ.—Положеніе желѣзнодорожнаго дѣла. — Экономическіе результаты. — Желѣзнодорожная политика. — Элементы стратегическій и экономическій. — Восемь предположенныхъ линій. — Дороги безъ гарантіи. — Новая концессія. — Моршанское дѣло. — Расколъ и школы. — Московское земство и народныя школы. — Вопросъ объ учителяхъ. — Проектъ учительской семинаріи.

Прошлый мѣсяцъ ознаменовался въ Петербургѣ празднованіемъ пятидесятилѣтняго юбилея университета. Петербургскій университетъ былъ основанъ въ такую эпоху, когда наша общественная и государственная жизнь впервые потекла какъ будто спокойно, оставя за собою тѣ внѣшнія потрясенія, которыя колебали самыя основныя ея условія. Петербургскій университетъ былъ основанъ черезъ четыре года по умиротвореніи Европы. Неизбѣжныя, въ полувѣковомъ періодѣ, колебанія и въ общественномъ настроеніи, и въ воззрѣніяхъ правительства едва ли на какомъ-либо изъ нашихъ учрежденій отразились такъ быстро и сильно, какъ на петербургскомъ университетѣ. Бывали для него и тяжелыя эпохи, когда поощреніе смѣнялось недовѣріемъ, и времена испытаній, когда университетъ съ особой живостью стремился сблизиться съ обществомъ, расширить благотворное вліяніе науки на общество, а вмѣстѣ и самому освѣжиться принятіемъ въ себя общественныхъ силъ; но обстоятельства не всегда благопріятствовали, а враги просвѣщенія истолковывали всякій разъ превратно естественное стремленіе науки къ жизни, видя въ этомъ опасность для самихъ себя.

Позднѣйшей исторіи предоставимъ очистить сѣмена отъ плевелъ. Высочайшій рескриптъ петербургскому университету долженъ всѣмъ служить примѣромъ, какъ можно относиться къ прошедшему въ такіе торжественныя минуты, которыя отдѣляютъ одну половину вѣка отъ другой. Рескриптъ обращается ко всѣмъ преподавателямъ и питом-

цамъ университета, которые «расширяли своими учеными трудами предѣлы различныхъ отраслей знанія, обширными своими свѣдѣніями содѣйствовали важнымъ частямъ государственнаго управленія и составили себѣ почетное имя въ наукѣ, литературѣ и государственной службѣ». Далеко не такъ отнесся нынѣшній составъ профессоровъ къ исторіи своего университета, если судить по исторической запискѣ, читанной на актѣ, 8-го февраля, г. Андреевскимъ. Она не напечатана, и мы можемъ вспомнить о ней по одному грустному впечатлѣнію, которое она произвела на всѣхъ; но объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе, когда записка явится въ печати и сдѣлается литературнымъ фактомъ. Въ эту минуту въ насъ преобладаетъ одно желаніе великихъ успѣховъ университета въ будущемъ, что̀ такъ необходимо при новой эрѣ, въ которую мы вступили въ нынѣшнее царствованіе. Мы понимаемъ всю важность непосредственныхъ заботъ о народномъ образованіи, но это не исключаетъ необходимости процвѣтанія университетовъ: правда, одинъ изъ тысячъ посвящается высшему образованію, но за то этотъ одинъ впослѣдствіи можетъ содѣйствовать просвѣщенію тысячъ и тысячъ.

Мы избѣгаемъ оцѣнки современнаго состоянія университета, оставаясь глубоко убѣжденными въ той простой истинѣ, что кромѣ университетской науки есть еще университетская жизнь; университетская наука можетъ быть представляема въ данное время крайне плохо, но тѣмъ не менѣе поколѣнія вырабатываются университетскою жизнью, преданія такимъ образомъ сохраняются, и явись только на каѳедрѣ талантъ, оживленная любовь къ дѣлу, и университетъ поднимается снова на ноги, какъ будто бы онъ никогда не падалъ, и снова ему отводится почетное мѣсто въ ряду высшихъ сферъ общественной жизни.

Новому положенію нашего общества, призваннаго къ воскрешенію реформами, мы сказали, должно соотвѣтствовать и возрастаніе университетовъ. Уроки исторіи, и исторіи собственной, слишкомъ поучительны, чтобы мы могли бояться роста университетовъ. Петербургскій университетъ родился въ эпоху необыкновеннаго оживленія общественныхъ силъ Россіи: великодушныя стремленія Александра I призывали къ жизни всѣ общественныя отправленія. Университетъ своимъ развитіемъ и шелъ общею дорогою, но въ 20-хъ годахъ поплатился за это развитіе, лишившись лучшихъ своихъ профессоровъ. Магницкіе могли бы, конечно, еслибъ они праздновали первое десятилѣтіе петербургскаго университета, говорить, что университетъ уклонился-было отъ прямого пути, что теперь, при нихъ, онъ достигъ необыкновеннаго процвѣтанія; но въ 30-хъ годахъ пустота этого процвѣтанія обнаружилась сама собою, и графу Уварову пришлось выписывать профессоровъ изъ-за границы или на скорую руку высылать молодыхъ

людей туда же, чтобы кѣмъ-нибудь наполнить опустѣвшія каѳедры. Итакъ, мы теперь умудрены опытомъ; мы не повѣримъ больше, если кто-нибудь намъ скажетъ что́-нибудь подобное тому, что́ могло бы говориться въ эпоху недостойной памяти Магницкихъ. Вмѣсто того, мы лучше обратимся снова къ рескрипту, гдѣ выражается увѣренность, «что ученое сословіе, проникнутое сознаніемъ своихъ высокихъ обязанностей, будетъ попрежнему утверждать въ многочисленныхъ своихъ слушателяхъ знанія, основанныя на истинѣ и добрѣ, а пользующіеся его научнымъ руководствомъ современемъ сами окажутъ услуги отечественному просвѣщенію, государственной и общественной дѣятельности, и подобно достойнѣйшимъ изъ ихъ предшественниковъ, сослужатъ свою службу Россіи». Итакъ, пусть по прежнему наши профессора утверждаютъ въ своихъ слушателяхъ знанія, основанныя на истинѣ и добрѣ, и тогда не они воздадутъ себѣ хвалу, какъ то было на актѣ, а мы—имъ. Пусть они помнятъ, что слова, которыя признаютъ, что петербургскій университетъ, со времени своего основанія, исполнилъ свой долгъ передъ Россіею и передъ наукою, и вмѣстѣ выражаютъ ожиданіе отъ новыхъ дѣятелей, что они пойдутъ по тому же пути, — что слова эти сказаны наукѣ тою же властью, которая сама избрала себѣ высокую задачу обновленія нашего отечества на просвѣтительныхъ началахъ свободы и гражданской равноправности. Періодъ колебаній заключился, и университетъ могъ праздновать въ день юбилея не только воспоминаніе о своемъ прошедшемъ, но и свѣтлую надежду на будущность свою и Россіи. Верховная власть благоволительно отнеслась ко всему прошедшему періоду исторіи университета, и потому мы считаемъ вычеркнутымъ изъ числа памятниковъ отчетъ, сочиненный г. Григорьевымъ и читанный г. Андреевскимъ.

Государю Императору угодно было ознаменовать юбилей петербургскаго университета пожалованіемъ 20 т. р. для единовременнаго пособія нуждающимся студентамъ, и ежегодно по 30 т. р. на учрежденіе 100 стипендій. Это даръ не одному университету, а и цѣлой Россіи: 30,000 рублей предназначены на то, чтобы обращаться ежегодно въ 100 человѣкъ, въ 100 силъ человѣческаго ума; и эти 100 силъ будутъ уходить ежегодно въ Россію, разнося по ней свѣтъ науки и правды.

Предоставляемъ нашей хроникѣ общественной жизни поговорить о подробностяхъ юбилейнаго торжества, а сами перейдемъ отъ праздника въ честь наукъ къ одному изъ видовъ непрерывнаго торжества науки въ ея служеніи пользамъ человѣческихъ обществъ.

Подчиняя себѣ, своимъ потребностямъ и стремленіямъ, пространство и время, умъ человѣка примѣняетъ и къ этимъ математическимъ

даннымъ, которыя являются препятствіями на пути его дѣятельности, условія жизни органической, жизни, которая первымъ закономъ признаетъ законъ усовершенствованія. Въ жизнь государства, которое въ древнія времена представляло совокупность группъ разнородныхъ, отчужденныхъ пространствомъ, отсутствіемъ связей, не имѣющихъ общихъ интересовъ и склонныхъ къ распаденію, новое время внесло сѣти желѣзныхъ дорогъ, то-есть систему венъ, по которымъ быстро струится общая, однородная кровь, и сѣть электрическихъ телеграфовъ — нервную систему, которая удвоиваетъ чувствительность центра къ фактамъ происходящимъ на окраинахъ и удесятеряетъ могущество центральнаго узла. Въ наше время, то, что̀ взамѣнъ недѣли времени, въ полчаса узнается центральною властью, можетъ быть, взамѣнъ мѣсяцовъ, въ недѣлю исполнено при помощи желѣзныхъ дорогъ. Желѣзныя дороги и телеграфы ни одному государству не оказали такой услуги въ смыслѣ объединенія его и усиленія средствъ центральной власти, какъ именно Россіи, въ которой органическія государственныя отправленія были слабы по громадности ея, разъединенности ея необозримымъ пространствомъ.

Осужденная, повидимому, потерею вѣковъ въ прошломъ, на отсталость и громадностью своею на застой, Россія имѣетъ въ своемъ народѣ драгоцѣнное качество—энергію. Энергія эта, какую бы отрасль дѣятельности мы ни взяли въ примѣръ, обыкновенно находится долгое время въ состояніи усыпленія, обусловливаемаго прежде всего тѣмъ недовѣріемъ къ себѣ, которое даетъ незнаніе. Но два, три счастливыхъ примѣра, и вотъ возбуждается эта énergie latente великорусской расы, одной изъ энергическихъ, предпріимчивыхъ и смѣлыхъ расъ — что̀ бы ни говорили. Едва ли гдѣ-нибудь бросаются съ такою энергіею на любую новую мысль, когда есть на-лицо два, три факта, свидѣтельствующіе о ея полезности, свидѣтельствующіе противъ коснѣнія, которое у насъ происходитъ единственно отъ незнанія. Русскій человѣкъ способенъ даже вдаться, при новомъ дѣлѣ, въ крайность, и можно сказать, что едва ли у насъ любое новое предпріятіе не было отчасти испорчено массою конкурренціи при своемъ началѣ.

О новой силѣ, какую даютъ центральной власти желѣзныя дороги, и о промышленной энергіи русскаго народа, упрекаемаго отчасти несправедливо въ природной будто бы апатіи и лѣности, нельзя не подумать въ то время, когда, на нашихъ глазахъ, Россія рѣшительно обновляется желѣзными дорогами, и въ ней важныя условія государственнаго и общественнаго быта измѣняются подъ вліяніемъ значительнаго ихъ развитія.

Въ этомъ развитіи, въ самомъ дѣлѣ замѣчательномъ по своей быстротѣ, отразилась пробужденная энергія русскаго племени, которой

необходимъ начальный фактъ, примѣръ, но которая за то, послѣ такого примѣра, развивается широко — иногда даже слишкомъ широко. Что касается политической стороны проведенія желѣзныхъ дорогъ,— объединенія государства и усиленія центральной власти, то у насъ— по самому складу государства — эта сторона должна была проявиться и дѣйствительно проявилась особенно наглядно, такъ какъ въ системѣ нашихъ уже построенныхъ и теперь предположенныхъ на первомъ планѣ желѣзныхъ дорогъ преобладаетъ именно мысль политическая, или, употребляя болѣе тѣсный терминъ—стратегическая.

Принявшись всего съ 1859 года усердно за построеніе желѣзныхъ дорогъ, мы имѣемъ ихъ въ настоящее время уже готовыхъ около 6½ тысячъ верстъ, да еще строится ихъ у насъ приблизительно 3½ тысячи верстъ. Если же сюда прибавить тѣ линіи, которыя непремѣнно будутъ осуществлены въ ближайшемъ будущемъ, потому что правительство формально объявило ихъ наиболѣе нужными, а стало быть тѣмъ самымъ какъ бы обѣщало имъ поощреніе своей гарантіи, то у насъ, чрезъ два-три года будетъ желѣзныхъ путей верстъ на 14,000. Одинъ прошлый годъ видѣлъ открытіе рельсовыхъ путей 1,600—1,700 верстъ, и не даромъ прозванъ «желѣзно-дорожнымъ» годомъ. Но и наступившій годъ не уступитъ ему; въ нынѣшнемъ году предполагается открытіе дорогъ даже на болѣе значительное число верстъ.

Въ прошломъ году открыты на всемъ протяженіи казенныя линіи: московско-курская и балтско-елисаветградская и частныя: козловско-воронежская, орловско-витебская, елецко-грязская, шуйско-ивановская, рижско-митавская. Протяженіе всѣхъ этихъ дорогъ въ цѣлости составляетъ болѣе 2,000 верстъ, изъ которыхъ на долю прошлаго года выпало открытіе именно приведеннаго выше количества. Сверхъ того, выдано концессій и разрѣшено дорогъ еще на болѣе 3 тысячъ верстъ, дорогъ, которыхъ постройка потребуетъ около 220 милліоновъ металическихъ рублей. Продолжая такимъ образомъ, мы скоро войдемъ въ систему западно-европейскихъ государствъ и по протяженію нашихъ рельсовыхъ путей, хотя, конечно, десятокъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, существующій въ сѣверной Германіи имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, сравнительно съ пространствомъ страны, чѣмъ таже цифра можетъ имѣть у насъ.

Теперь спрашивается, ощущается ли уже вліяніе такого развитія желѣзныхъ дорогъ на экономическія условія въ Россіи? Въ этомъ отношеніи результаты еще не достаточно выяснились, чтобы можно было говорить о нихъ съ полной увѣренностью. До сихъ поръ преимущественно ясно — именно политическое значеніе распространенія у насъ желѣзно-дорожной сѣти, да и иначе и быть не могло, такъ какъ при начертаніи ея доселѣ преобладала именно мысль политическая. Наши желѣзныя дороги до сихъ поръ неудовлетворяли даже самой простой

и въ буквальномъ смыслѣ насущной экономической задачѣ — соединенію южныхъ, изобилующихъ хлѣбомъ губерній съ губерніями сѣверозападными и сѣверо-восточными, которыя въ хлѣбѣ постоянно нуждаются: полтавская, харьковская, екатеринославская, херсонская, волынская, подольская губерніи не были соединены рельсами съ псковскою, витебскою, могилевскою, смоленскою губерніями; весь громадный сѣверо-востокъ европейской Россіи не соединенъ съ хлѣбодарною Волгою. Обширная система желѣзныхъ дорогъ приводитъ каждый торговый пунктъ въ соприкосновеніе съ общимъ хлѣбнымъ рынкомъ, а потому первымъ дѣйствіемъ ея бываетъ повсемѣстное уравненіе цѣнъ на хлѣбъ, это правда. Цѣны на хлѣбъ возвышаются въ мѣстностяхъ плодородныхъ, а въ мѣстностяхъ бѣдныхъ падаютъ. Но для этого надобно, чтобы сѣть охватывала, соединяла именно такія разнородныя мѣстности и притомъ соединяла путями въ прямомъ направленіи, такъ, чтобы перевозка хлѣба по желѣзнымъ путямъ была выгодна для промышленниковъ.

Такъ какъ это условіе у насъ еще недостаточно выполнено, то понятно, что и самое дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ покамѣстъ проявилось только въ явленіяхъ *мѣстныхъ*, а не въ общемъ смыслѣ. Желѣзныя дороги не помѣшали голодать губерніямъ съ бѣдною землею, но въ тѣхъ пунктахъ, которыхъ сѣть коснулась, явленіе уравненія цѣнъ дѣйствительно сказалось, и сказалось преимущественно именно возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и на землю въ пунктахъ, прилежащихъ къ желѣзнымъ дорогамъ. Что касается мѣстностей голодныхъ, то имъ желѣзныя дороги до сихъ поръ если и принесли пользу, то развѣ въ смыслѣ доставленія работы населенію (какъ въ Финляндіи) и нѣкотораго удобства въ закупкѣ хлѣба для благотворительной цѣли—раздачи его въ голодавшихъ мѣстностяхъ. Фактъ общаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ у насъ дѣйствительно оказался, но едва ли тутъ желѣзныя дороги были главною причиною. Главную причину—не зачѣмъ скрывать ее отъ себя, хотя бы съ самой лучшею политическою цѣлью—составляли все-таки общее уменьшеніе запашки, уменьшеніе скота и истощеніе земли. Мы вѣримъ, что это трудное время, переживаемое нашимъ сельскимъ хозяйствомъ, есть неизбѣжный, но преходящій кризисъ, который пройдетъ, какъ только земледѣльцы мелкіе и крупные успѣютъ, что́ называется, встать на ноги. Но для того, чтобы встать на ноги, чтобы поправиться не случайно, на годъ, а прочно, то-есть увеличить производительность почвы, нужно прежде всего имѣть доступное пропитаніе на сегодня и на завтра. Иначе, невозможно остановиться на томъ роковомъ склонѣ, который характеризуется такъ: уменьшеніе запашки, возвышеніе платежей, недостатокъ дневного пропитанія, продажа скота, истощеніе земли, безсиліе противъ случайнаго неурожая и т. д.

Вотъ почему распространеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ по програмѣ *преимущественно-экономической*, соединеніе мѣстностей бѣдныхъ съ хлѣбородными, для Россіи теперь вопросъ первостепенной важности, такой вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ будущность хозяйства въ половинѣ ея пространства.

Программа распространенія нашей желѣзнодорожной сѣти въ ближайшемъ будущемъ, недавно опредѣлена. Мы уже говорили о назначеніи особаго комитета желѣзныхъ дорогъ, которому было поручено опредѣлить, какія именно новыя линіи рельсоваго сообщенія заслуживаютъ преимущественно поощренія. Этотъ комитетъ исполнилъ свою задачу, и опредѣленная имъ программа нынѣ утверждена правительствомъ, при чемъ рѣшено: «обратить все стараніе правительства и призвать частную предпріимчивость на постепенное обезпеченіе сихъ важнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ; предположенія же о другихъ желѣзныхъ дорогахъ отложить до того времени, когда исполненіе поименованныхъ линій будетъ обезпечено».

Польза такого опредѣленія и ограниченія несомнѣнна. Мы только-что говорили о русской энергіи, которая, однажды пробужденная, склонна броситься въ крайности. Такъ-называемая желѣзнодорожная лихорадка очень можетъ вести именно къ крайностямъ, потому особенно, что при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ выгоды предпринимателей несовсѣмъ солидарны съ выгодами окончательныхъ владѣльцевъ-акціонеровъ, а выгоды строителей и совершенно не зависятъ отъ интересовъ владѣльцовъ акцій. Получить концессію всегда выгодно, хотя дорога можетъ быть совсѣмъ невыгодною. Наконецъ, излишняя конкуренція въ этомъ дѣлѣ вредна потому, что ведетъ къ сооруженію линій параллельныхъ, которыя отнимали бы одна у другой доходъ. Но независимо отъ ограниченія такой чрезмѣрной горячки, было необходимо опредѣлить сѣть предполагаемыхъ дорогъ и для того, чтобы дать развитію желѣзнодорожнаго дѣла у насъ направленіе преимущественно-экономическое. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ этому послѣднему условію утвержденная теперь сѣть предполагаемыхъ въ ближайшемъ будущемъ линій.

Подлежащими разрѣшенію, предпочтительно передъ другими, признаны слѣдующія дороги: отъ станціи Лозовой, на харьково-азовской линіи до севастопольскаго порта, включая сопряженіе съ р. Днѣпромъ, выше и ниже пороговъ; отъ Либавы до одного изъ удобнѣйшихъ пунктовъ ковно-виленской линіи; отъ одного изъ пунктовъ курско-кіевской линіи до Могилева; отъ Могилева, чрезъ Минскъ и Спнявку, до Бреста; отъ Борисоглѣбска до Царицына; отъ Воронежа до Грушевки; отъ Самары до Бузулука; отъ одного изъ пунктовъ кіево-балтской дороги къ Бресту.

Итакъ, линіи, которымъ дано предпочтеніе, за исключеніемъ не-

большой и совершенно изолированной самарско-бузулукской линіи, всѣ пройдутъ по западному и юговосточному краямъ Россіи. Линіи отъ Могилева, чрезъ Минскъ до Бреста, отъ Бреста до одного изъ пунктовъ кіево-балтской дороги и дорога къ севастопольскому порту имѣютъ опять значеніе преимущественно-стратегическое. Брестъ, стоя во главѣ двухъ линій: бѣлорусской на Минскъ и Могилевъ, и волынской, положимъ на Бердичевъ или Житоміръ будетъ самымъ сильнымъ нашимъ аванпостомъ, въ случаѣ занятія царства польскаго непріятелемъ; севастопольская же дорога предупредитъ возможность сколько-нибудь продолжительной стоянки непріятеля въ Крыму, въ случаѣ новой его тамъ высадки.

Но въ программу включены и такія линіи, которыя очень важны въ смыслѣ именно экономическомъ. Изъ нихъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить двѣ западныя линіи: либавско-ковенскую и отъ Могилева къ кіево-курской дорогѣ. О достоинствахъ порта Либавы, о преимуществахъ его передъ портомъ Риги, и о необходимости удержать, посредствомъ соединенія Либавы съ нашимъ югомъ, въ пользу Россіи ту выгоду, какою пользуется теперь восточная Пруссія отъ направленія нашихъ продуктовъ на Кенигсбергъ, было уже говорено въ печати слишкомъ много, и вопросъ этотъ, столь простой и ясный съ самаго начала, если и сдѣлался, и оставался такъ долго вопросомъ, то именно только благодаря преобладанію въ нашей желѣзнодорожной политикѣ мысли стратегической. Нѣтъ сомнѣнія, что со-временемъ и рижско-митавская дорога будетъ продолжена на Либаву, и тогда не только отпускная торговля нашего запада, но и привозная торговля наша, во время замерзанія сѣверныхъ портовъ, въ значительной степени освободятся отъ коммиссіонерства Пруссіи. Не даромъ разнесся недавно слухъ, будто графъ Бисмаркъ дѣлалъ нашему правительству представленія противъ постройки либавской дороги: слухъ этотъ передавалъ фактъ положительно-невозможный въ его прямомъ значеніи, но представлялъ собою вѣрное отраженіе того неудовольствія, какое вызоветъ въ восточной Пруссіи, которой торговля въ значительной степени живетъ именно учетомъ нашихъ выгодъ, соединеніе Либавы съ внутренностью имперіи. Не даромъ «Крестовая Газета», по поводу внесенной въ правительственную программу линіи изъ Бреста къ кіевско-балтской дорогѣ, т. е. на Волынь, рекомендуетъ вниманію нашего правительства преимущественно эту линію, доказывая, что она необходима намъ для защиты противъ Австріи (!), и выражаетъ надежду, что эта именно дорога получитъ предпочтеніе предъ всѣми другими, которыхъ доходность «еще очень сомнительна». Понятно, что нашимъ пріятелямъ-пруссакамъ хотѣлось бы видѣть эту стратегическую дорогу оконченною прежде либавской, которая будетъ имѣть столь важное экономическое значеніе. Соединеніе Могилева съ однимъ изъ пунктовъ

кіево-курской дороги, положимъ съ Нѣжинымъ или Борзною, представляетъ необходимѣйшій путь для поправленія экономическаго положенія нѣкоторыхъ сѣверозападныхъ губерній. Мало того, эта же линія послужитъ колѣномъ для соединенія Либавы съ плодороднѣйшими губерніями юга, которыя, вслѣдствіе того, пріобрѣтутъ новый, важный хлѣбный рынокъ. Правда, одесскій портъ, соединенный съ ними кіево-балтскою и балтско-елисаветградскою линіями для нихъ ближе либавскаго, но надо имѣть въ виду, что за то цѣны на хлѣбъ въ портахъ балтійскихъ выше, чѣмъ въ портахъ Чернаго моря.

Въ обоихъ этихъ значеніяхъ могилевско-нѣжинская линія чрезвычайно важна, едва ли даже не важнѣе всѣхъ прочихъ въ экономическомъ отношеніи. Для того, чтобы могилевско-нѣжинская дорога могла соотвѣтствовать второму изъ указанныхъ сейчасъ назначеній, именно дать югу доступъ къ либавскому порту, необходимо только соединить Могилевъ съ Вильною. Часть нужнаго для этого колѣна уже входитъ въ составленную нынѣ програму; это именно одна изъ сторонъ угла, который образуетъ дорога отъ Могилева до Бреста на Минскъ. Затѣмъ, останется только соединить Минскъ съ Вильною и тогда соединеніе Либавы съ Нѣжинымъ готово. Эта соединительная линія между Минскомъ и Вильною необходима для того, чтобы какъ могилевско-нѣжинская, такъ и либавская дороги получили полное свое значеніе. Правда, въ нынѣшней программѣ не значится вѣтви отъ Минска къ Вильнѣ, но необходимость ея въ системѣ линій, предположенныхъ программою, такъ очевидна, что нельзя сомнѣваться, что она была бы разрѣшена правительствомъ. Она именно наиболѣе подходитъ къ категоріи тѣхъ «небольшихъ, питательныхъ линій», въ пользу которыхъ правительственная программа обѣщаетъ исключеніе изъ общаго пріостановленія по разрѣшенію линій, не вошедшихъ въ эту программу.

Но рельсовый путь, съ Либавой во главѣ, доведенный, такимъ образомъ, до одного изъ пунктовъ кіево-курской дороги, Нѣжина и Борзны, едва ли остановится и тутъ, въ черниговской губерніи. Онъ слишкомъ важенъ, чтобы не желать продолженія его еще далѣе къ югу; онъ долженъ будетъ пересѣчь курско-кіевскую дорогу и дойти до южнѣйшей, паралельной ей линіи елисаветградско-харьковской, напримѣръ до Кременчуга, и оттуда можетъ со-временемъ примкнуть къ Днѣпру ниже пороговъ, напримѣръ въ Александровскѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, начнется одна изъ вѣтвей предполагаемой севастопольской дороги. Тогда Балтійское море будетъ соединено съ Чернымъ двумя новыми системами желѣзныхъ дорогъ: западною изъ Одессы на Балту, Брестъ, Минскъ, Вильну и Либаву, и среднею: изъ Севастополя, Таганрога и Ростова на Александровскъ, Кременчугъ, Нѣжинъ, Могилевъ, Минскъ, Вильну и Либаву. Посредствующимъ звеномъ, такъ

сказать, устьемъ обѣихъ этихъ системъ была бы именно еще непредположенная минско-виленская линія.

Соединеніе Могилева со Смоленскомъ, т. е. системы юго-и сѣверозападныхъ дорогъ съ орловско-витебскою, съ своей стороны упрочитъ снабженіе хлѣбомъ всего бѣлорусскаго края, которому сильнымъ подспорьемъ служитъ съ другой стороны дорога орловско-витебская. Будемъ надѣяться, что въ порядкѣ построенія упомянутыхъ линій первое мѣсто займетъ именно либавско-ковенская и могилевсконѣжинская, какъ наиболѣе важныя въ экономическомъ отношеніи. Обезпеченіе хлѣбомъ одной изъ наиболѣе нуждающихся мѣстностей Россіи и эмансипація нашей западной заграничной торговли отъ посредства прусскихъ портовъ—это такія полновѣсныя соображенія, что надо кажется отдать имъ преимущество надъ соображеніями стратегическими, которыя преимущественно имѣются въ виду при начертаніи балтскобрестской, а въ особенности—минско-брестской линіи. Нельзя, конечно, отрицать экономическаго значенія и этой послѣдней линіи, а также и линіи лозово-севастопольской; первая изъ нихъ оживитъ Волынь, а вторая со-временемъ произведетъ переворотъ въ направленіи юговосточной отпускной торговли, такъ какъ Севастополь—портъ безспорно лучшій, чѣмъ порты азовскаго моря—но это выгоды болѣе отдаленныя, потребности не столь насущныя.

Относительно севастопольской дороги прибавимъ еще, что она, по всей вѣроятности, потребуетъ вѣтви на Ѳеодосію. Обращаясь затѣмъ къ тремъ линіямъ, предполагаемымъ на юговостокѣ и востокѣ, намъ приходится высказать сожалѣніе, что онѣ получили въ программѣ предпочтеніе передъ какимъ либо соединеніемъ Волги съ сѣверною Двиною. Сѣверовосточный край больше всѣхъ мѣстностей Россіи нуждается въ удешевленіи хлѣба и въ заработкахъ. Правда, край этотъ—малонаселенный и сколько-нибудь значительное развитіе рельсовыхъ сообщеній тамъ принадлежитъ къ области отдаленнаго будущаго. Но американцы и не черезъ такія пустыни пролагаютъ желѣзныя дороги и оживляютъ, населяютъ ими такія мѣстности. Сверхъ того, рельсовое соединеніе Волги съ Сѣверною Двиною, изъ Ярославля, хотя конечно и не можетъ быть однимъ изъ самыхъ выгодныхъ желѣзныхъ путей, но едва ли было бы и совершенно недоходно. Безъ гарантіи правительства здѣсь, разумѣется, немыслимо желѣзнодорожное предпріятіе, но едва ли при выдачѣ гарантіи слѣдуетъ руководствоваться единственно соображеніемъ о доходности концессируемой линіи; вѣдь гарантирована же петербурго-варшавская дорога. Та жертва, какую здѣсь государство приняло на себя съ цѣлью стратегическою, вполнѣ оправдывалась бы тамъ, на сѣверо-востокѣ, необходимостью поднять благосостояніе обширнаго края, который, въ своемъ отчужденіи, предоставленъ на полный произволъ неурожаевъ и недостатка заработковъ.

Изъ включенныхъ въ нынѣшнюю программу юговосточныхъ линій легче всего, казалось бы, пожертвовать, въ пользу сѣверовостока, предположенною линіею отъ Борисоглѣбска до Царицына. Линія отъ Воронежа къ Ростову, чрезъ Грушевку, соединяетъ портъ на Азовскомъ морѣ съ рязанско-козловскою дорогою, но въ этомъ отношеніи едва ли можетъ имѣть значеніе, такъ какъ хлѣбная торговля, которой рязанско-козловская дорога служитъ самой живой артеріею, имѣетъ цѣлью срединныя губерніи и сѣверъ. За то эта линія все-таки представляетъ ту пользу, что проходитъ къ порту, по обширному и плодородному краю, который заключается между уже строющимися линіями харьковско-азовскою и тамбовско-саратовскою. Но борисоглѣбская дорога, которая прошла бы между воронежско-ростовскою и тамбовско-саратовскою, почти параллельно съ послѣднею и по направленію къ той же Волгѣ, едва ли принадлежитъ къ числу необходимѣйшихъ. Собственно изъ того обстоятельства, что въ грязе-борисоглѣбской дорогѣ представится уже готовое начало для линіи на Царицынъ, еще не слѣдуетъ, что такая линія настоятельно нужна.

Къ наименѣе настоятельно-нужнымъ, въ экономическомъ отношеніи, конечно, слѣдуетъ причислить и самарско-бузулукскую дорогу, которая представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ маленькаго рельсоваго оазиса среди обширныхъ степей. Понятно, что самарско-бузулукская дорога имѣетъ смыслъ только какъ начало для обширной дороги въ оренбургскій край. Эта послѣдняя дорога, въ свою очередь, имѣла бы пока, конечно, только стратегическое значеніе. Но интересъ въ приближеніи къ Россіи посредствомъ желѣзнаго пути средне-азіатскаго края такъ важенъ, что вполнѣ понятно включеніе, въ число необходимѣйшихъ дорогъ небольшой линіи отъ Волги въ степь, линіи, которая послужитъ началомъ линіи болѣе пространной, но уже и сама по себѣ облегчитъ продовольствованіе оренбургскаго корпуса.

Изъ фактовъ желѣзнодорожной дѣятельности у насъ за послѣдніе мѣсяцы важенъ фактъ концессіи балтійской дороги, въ томъ смыслѣ, что она представляетъ второй примѣръ у насъ частнаго желѣзнодорожнаго предпріятія, безъ всякой гарантіи (если не считать трехъ дорогъ въ окрестностяхъ столицъ). Положеніе акцій рыбинско-осѣченской и балтійской дорогъ обнаруживаетъ, что общество еще далеко не довѣряетъ такимъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, которыя берутъ все дѣло на свой страхъ. При этомъ замѣчательно и то, что акціи балтійской дороги стоятъ нѣсколько выше рыбинско-осѣченской, хотя доходность послѣдней, если она только осуществится, вѣроятнѣе. Самая послѣдняя, по времени, выдача концессіи послѣдовала на линію московско-смоленскую. Въ силу одного изъ условій концессіи, дорога эта должна быть вся открыта для движенія не позже, какъ чрезъ три года.

Намъ уже случилось указывать, что по свѣдѣніямъ самого духовнаго вѣдомства, расколъ въ Россіи, несмотря на частныя пораженія, въ общемъ итогѣ скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Мы отнеслись съ сочувствіемъ къ допущенію дѣтей раскольниковъ въ учебныя заведенія, основанныя правительствомъ, безъ принужденія ихъ къ экзамену изъ закона божія и къ обязательному слушанію поученій въ православномъ исповѣданіи. Теперь мы должны возвратиться къ обоимъ этимъ вопросамъ, по поводу фактовъ, изъ которыхъ одинъ свидѣтельствуетъ о силѣ раскола, а другой о нежеланіи раскольниковъ посылать своихъ дѣтей въ общія заведенія даже на основаніи вѣротерпимости.

Моршанское дѣло, въ подробности котораго намъ нѣтъ нужды входить, открываетъ глаза насчетъ той громадной силы, какою обладаетъ расколъ. Казалось бы, въ этомъ именно, противоестественномъ и слишкомъ нелѣпомъ видѣ, онъ всего менѣе могъ бы дѣлать прозелитовъ, всего менѣе собирать средствъ и оказывать вліяніе. Между тѣмъ, оказывается наоборотъ. Дѣло это еще не разъяснено и полагаться на слухи о 30-ти милліонахъ, найденныхъ у Плотицына, и составлявшихъ, будто бы, общественный капиталъ секты, было бы слишкомъ легковѣрно. Важный вопросъ въ этомъ дѣлѣ заключается еще въ томъ, принадлежалъ ли самъ Плотицынъ къ сектѣ, или былъ только покровителемъ ея, какъ сообщаетъ новѣйшій слухъ, упоминающій о преданіи его суду (хотя слѣдствіе едва ли уже кончилось).

Но, оставивъ въ сторонѣ невыясненныя подробности этого дѣла, общее значеніе его только подкрѣпляетъ тотъ фактъ, который у всѣхъ на глазахъ: секта, къ которой принадлежитъ или которой покровительствовалъ М. Плотицынъ, нигдѣ не имѣетъ столь многочисленныхъ адептовъ, какъ въ обѣихъ столицахъ. Здѣсь, у насъ въ Петербургѣ, было нѣкогда нѣчто въ родѣ монастыря этой секты, здѣсь дѣйствовали самые извѣстные пропагандисты. Не странно ли это? Секта строго преслѣдуется закономъ, адепты ея узнаваемы по первому на нихъ взгляду, а между тѣмъ, они дѣйствуютъ свободно, пріобрѣтаютъ капиталы и сосредоточиваются въ силу, постоянно поддерживая секту наборомъ новыхъ прозелитовъ. Кажется, чтó могло бы быть проще, какъ при встрѣчѣ полиціи съ кѣмъ-либо изъ такихъ людей, немедленно приступать къ составленію акта и затѣмъ къ слѣдствію, съ цѣлью наказывать не жертвъ, а именно варварскихъ пропагандистовъ. Между тѣмъ, этого не дѣлали. Дѣла о подобныхъ сектаторахъ возникали всегда не иначе, какъ по доносамъ, да и то кончались ссылкою двухъ, трехъ личностей, безъ преслѣдованія всей организаціи этого пагубнаго дѣла.

Чѣмъ объяснить такой фактъ, какъ не тѣмъ, что секта эта составляетъ силу, силу основанную, конечно, на деньгахъ. Передъ этимъ

неоспоримымъ фактомъ, пожалуй, даже неваженъ тотъ фактъ, сколько именно милліоновъ найдено у Плотицына, и даже вообще найдены ли милліоны именно у него.

Ни одной изъ нашихъ сектъ, кромѣ этой, не удавалось пріобрѣсть такую силу, чтобы рѣшительно обезпечить себѣ безнаказанность. Считая нераціональными мѣры преслѣдованія въ дѣлѣ религіознаго разномыслія, мы, конечно, должны допустить исключеніе въ этомъ случаѣ, потому именно, что совращеніе въ эту секту, какъ дѣло противуестественное, всегда есть дѣло насилія, матеріальнаго или нравственнаго, все равно. А противъ насилія и есть только одно средство въ огражденіе жертвъ — преслѣдованіе тѣхъ, кто употребляетъ и распространяетъ насиліе.

Но самый фактъ, что наибольшую силу, хотя и не наибольшее число приверженцевъ, конечно, получила у насъ самая нелѣпая секта, доказываетъ, что вѣрнѣйшимъ орудіемъ противъ силы раскола вообще, должно быть именно распространеніе въ народѣ и въ средѣ раскольниковъ въ особенности — общечеловѣческаго образованія.

Министерство народнаго просвѣщенія, съ согласія духовной власти, уже допустило дѣтей раскольниковъ въ свои учебныя заведенія. Но эта мѣра еще далеко недостаточна. Доказательствомъ тому служитъ новѣйшее ходатайство московскихъ старовѣровъ о дозволеніи имъ имѣть свои отдѣльныя школы. Пропагандистская мысль, хотя бы самая гуманная по средствамъ, всегда слишкомъ ясна для тѣхъ, на кого она расчитана. Въ силу того самаго соображенія, которое имѣлось въ виду при допущеніи дѣтей раскольниковъ въ православныя школы — съ надеждою косвеннымъ образомъ убѣдить ихъ въ превосходствѣ православнаго ученія — раскольники именно и не пошлютъ своихъ дѣтей въ эти школы, за незначительными исключеніями. Что́ мы предвидимъ, но считаемъ незамѣтнымъ для другихъ, то эти другіе, навѣрное, замѣтятъ не хуже насъ, если они прямо въ томъ заинтересованы. Кажется, пора уже было бы убѣдиться, что расколъ не поддастся и косвеннымъ мѣрамъ, какъ онъ не поддался въ теченіи вѣковъ мѣрамъ прямымъ самаго энергическаго свойства. Пора бы уже, по крайней мѣрѣ, государству примириться съ существованіемъ тѣхъ, сектъ, которыя не нарушаютъ ни спокойствія государства, ни личной безопасности гражданъ. У насъ есть школы не только для приверженцевъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, но и для евреевъ; есть даже казенныя для нихъ училища. Почему же не допускать школъ старообрядческихъ? Въ этомъ недопущеніи отражается фальшивый и государству собственно чуждый, навязанный ему взглядъ на расколъ, какъ на нѣчто существующее будто бы только такъ, на короткое время: закрыть предъ этимъ фактомъ глаза, пообождать, и онъ будто бы изчезнетъ; только обождать надо. Пора государству признать въ

большинствѣ старообрядцовъ вѣрныхъ гражданъ, доказавшихъ фактически ему свою преданность.

Старообрядцы уже нѣсколько разъ ходатайствовали о томъ, о чемъ просятъ теперь снова, и ходатайства ихъ находили защитниковъ въ просвѣщенныхъ государственныхъ людяхъ; но ходатайства эти уважены не были въ силу слiянiя принципа духовнаго съ принципомъ государственнымъ. Надо надѣяться, что наступила уже пора для эмансипацiи государственной политики. Съ точки зрѣнiя государственной очевидна совершенная необходимость внесть въ среду раскола образованiе; только въ силу образованiя могутъ исчезнуть именно тѣ секты, которыя нелѣпы и вредны. Моршанское дѣло представляетъ осязательный примѣръ того, много ли выиграло государство, закрывая глаза предъ фактомъ раскола и смѣшивая всѣхъ раскольниковъ въ одну, непризнаваемую имъ и неизвѣстную ему массу.

Новая газета министерства внутреннихъ дѣлъ — «Правительственный Вѣстникъ», открыла у себя постоянный и обширный отдѣлъ свѣдѣнiй о дѣйствiяхъ земскихъ учрежденiй. При той, менѣе чѣмъ полугласности, которая окружаетъ у насъ пренiя земскихъ собранiй, задача, принятая на себя правительственною газетою, вполнѣ рацiональна, хотя само собою разумѣется, что правительственная газета органомъ земскихъ учрежденiй можетъ быть только до извѣстной степени. Правда, мѣстные органы даютъ отчетъ о дѣятельности своихъ земствъ, но необходимо, чтобы свѣдѣнiя эти сосредоточивались въ какомъ-нибудь центральномъ органѣ, дабы вся Россiя могла слѣдить за общимъ ходомъ земскаго дѣла.

Изъ свѣдѣнiй, помѣщенныхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», о дѣятельности послѣдняго московскаго губернскаго земскаго собранiя, мы остановимся здѣсь на тѣхъ, которые относятся къ происходившимъ въ этомъ собранiи пренiямъ по вопросу о народномъ образованiи.

Еще въ январскую сессiю прошлаго года, обсуждая этотъ вопросъ, московское земское собранiе признало необходимость раздѣленiя, въ дѣлѣ содѣйствiя земства народному образованiю, труда между губернскимъ и уѣздными земствами, такимъ образомъ, чтобы уѣздныя земства участвовали въ пособiи мѣстнымъ училищамъ, а губернское — въ образованiи для нихъ учителей. Вслѣдствiе того, собранiе поручило особой коммисiи представить докладъ объ учрежденiи учительской школы. Докладъ по этому предмету коммисiи и обсуждался въ декабрьской сессiи губернскаго собранiя.

Коммиссiя, въ своемъ докладѣ, отправляется съ той фактически-уясненной точки зрѣнiя, что удовлетворительныхъ учителей для народныхъ школъ въ настоящее время нѣтъ, и что педагогическiе курсы,

учрежденные съ цѣлью приготовленія ихъ правительствомъ, при духовныхъ семинаріяхъ и уѣздныхъ училищахъ, неудовлетворяютъ этой цѣли, потому именно, что въ нихъ педагогическое образованіе является только какъ предметъ придаточный. Коммиссія убѣдилась въ необходимости спеціальнаго, учебно-воспитательнаго заведенія для приготовленія народныхъ учителей, приняла въ соображеніе положенія и программы учительскихъ семинарій дерптской и молодечнянской, а также существующей въ Москвѣ учительской школы военнаго вѣдомства, предположила сдѣлать предполагаемую школу народныхъ учителей заведеніемъ закрытымъ, и выработала проектъ учрежденія такой школы, приготовленіе для нея учениковъ, пособій ея воспитанникамъ отъ земства, при вступленіи ими въ дѣятельность, льготъ, которыя слѣдовало бы испросить для нихъ, наконецъ, общія смѣтныя основанія по устройству всего этого дѣла.

Докладъ коммисіи представлялъ добросовѣстное и всестороннее изученіе порученнаго ей вопроса и раціональное, практическое рѣшеніе его на основаніи собранныхъ ею данныхъ. Въ этихъ данныхъ и въ выводахъ, извлеченныхъ изъ нихъ коммиссіею, мы находимъ подтвержденіе почти всего, что̀ намъ самимъ случалось высказывать по вопросу о народномъ образованіи въ Россіи. Напрасно обвиняютъ народъ въ несклонности къ заведенію школъ и пожертвованіямъ на нихъ, народъ сознаетъ пользу образованія и готовъ несть жертвы на него, если что̀ его останавливаетъ, такъ это неудовлетворительность, безплодность, мертвенность того ученія, которое онъ видѣлъ до сихъ поръ въ большинствѣ сельскихъ школъ. Такъ, и единственно такъ, мы считали возможнымъ объяснить почти повсемѣстное закрытіе школъ прежнихъ вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго, за отказомъ крестьянъ платить на нихъ добровольно тотъ сборъ, который они прежде несли обязательно. Надо, чтобы школа представляла не потерю времени на церковные и гражданскіе склады, а дѣйствительно обучала бы чтенію, письму, счету, и сообщала другія полезныя свѣдѣнія, развивала, а не забивала ученика: тогда и крестьяне охотно станутъ жертвовать на нее, особенно, если при пособіи земства, окажутся средства достаточныя для того, чтобы устроить и поддерживать школы вполнѣ соотвѣтствующія именно такому назначенію.

Все это подтверждено въ докладѣ коммиссіи, и сверхъ того, въ немъ представленъ фактъ, что ученики для предположенной учительской семинаріи уже имѣются въ виду, именно по полученнымъ коммиссіею свѣдѣніямъ уже нашлись 33 способныхъ мальчика, изъявившіе желаніе поступить въ учительскую школу.

Не входя въ подробности проекта, скажемъ только, что имъ предполагалось допустить въ учительскую школу лицъ всѣхъ сословій, подготовленныхъ для вступленія въ нее, но кромѣ того взять непо-

средственно на попеченіе земства нѣкоторое число воспитанниковъ и поручить ихъ приготовленіе въ школу извѣстнымъ лицамъ, съ платою по 60 р. за мальчика, въ годъ, опредѣлить курсъ въ школѣ трехгодичный, съ тѣмъ, чтобы часть курса была посвящена на практическія занятія преподаваніемъ въ образцовой народной школѣ, которая бы состояла при этой учительской школѣ; обязать воспитанниковъ земства, приготовленныхъ въ учителя, прослужить въ этомъ званіи 6 лѣтъ; обезпечить этихъ учителей прибавкою отъ земства къ тому содержанію, какое они могутъ получить отъ крестьянскихъ обществъ и которое принято примѣрно въ 150 рублей, еще въ 100 р. на человѣка, такъ-что считая ежегодный выпускъ учителей изъ школы въ 16 человѣкъ, земству пришлось бы издержать въ первый годъ 1600 рублей, потомъ 3200 р. и т. д. до окончанія шестилѣтняго срока, а потомъ сдѣлать новыя предположенія.

Вотъ сущность подробнаго проекта коммиссіи. На основаніи его, московское земство, въ теченіи девяти лѣтъ, приготовило бы для народныхъ школъ своей губерніи 96 развитыхъ и снабженныхъ раціональною методою преподаваніе учителей.

Можно, конечно, остановиться на проектѣ въ частностяхъ различными отъ того какой выработала коммисія московскаго земства. Но не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло народнаго образованія можетъ быть поднято серьезнымъ и раціональнымъ образомъ только посредствомъ приготовленія удовлетворительныхъ учителей, а этого именно нельзя достигнуть, вводя педагогическіе курсы какъ нѣчто придаточное въ такія заведенія, которыя, какъ духовныя семинаріи имѣютъ совсѣмъ иную, специяльную цѣль, и воспитанники которыхъ будутъ смотрѣть на должность народныхъ учителей съ 250 рублей жалованья во всякомъ случаѣ только какъ на pis-aller. Между тѣмъ, именно эти-то два пункта, т. е. необходимость приготовленія учителей, и притомъ спеціяльнаго ихъ приготовленія, и возбудили въ московскомъ собраніи наиболѣе противорѣчія. Одни говорили, что если сумму, исчисленную по проекту коммиссіи на семинарію, именно 50 тысячъ руб. просто раздать въ видѣ преміи по 100 р. на открытіе новыхъ, народныхъ школъ, то цѣль будетъ достигнута прямѣе, между тѣмъ, какъ весь смыслъ нынѣшняго положенія дѣла народнаго образованія свидѣтельствуетъ, что неудовлетворительныя школы ни къ чему не ведутъ, и что крестьяне, совершенно основательно, жалѣютъ на нихъ и малой издержки. Съ другой стороны—а именно гласнымъ Погодинымъ—заявлена была мысль, что воспитанники духовныхъ семинарій будутъ гораздо благонадежнѣе 20-ти лѣтнихъ учителей, приготовленныхъ спеціяльно учительскою школой, что воспитанники, кончившіе курсъ въ семинаріяхъ, могутъ успѣшно заниматься преподаваніемъ въ народныхъ школахъ, въ ожиданіи *полученія приходовъ*. Возраженія эти

можно перевесть такъ: 1) для успѣшнаго устройства врачебной части среди народа, лучше открыть вдругъ побольше аптекъ, какія бы лекарства въ нихъ ни были и кто бы ни лечилъ этими лекарствами, чѣмъ задаваться долговременнымъ дѣломъ приготовленія знающихъ врачей; 2) народное образованіе — дѣло столь легкое, что въ немъ главное условіе со стороны учителей именно—благонадежность, и оно вполнѣ удовлетворялось бы заимствованіемъ учителей для народа исключительно изъ духовныхъ учебныхъ заведеній; затѣмъ, пусть они смотрятъ на учительскую должность хотя бы какъ на постъ въ ожиданіи розговѣнъ и занимаются этимъ дѣломъ, до полученія болѣе подходящаго мѣста, кто по году, кто по два, и хотя учителя въ народныхъ школахъ смѣнятся чаще учениковъ — дѣло все-таки пойдетъ хорошо, потому что будетъ выполнено главное условіе — благонадежность.

Странно видѣть, какъ въ преніяхъ нашихъ собраній вопросъ обыкновенно не проходитъ въ умахъ участниковъ постепенно всѣхъ стадій своего развитія, а все вертится около самой точки отправленія, и даже когда близится, повидимому, къ концу, вдругъ снова срывается и соскакиваетъ на эту исходную точку. Возраженія, изъ которыхъ мы указали главныя, были опровергаемы гласнымъ Васильчиковымъ и Самаринымъ полновѣсными доводами. Тѣмъ не менѣе, и хотя собраніе перешло отъ общихъ преній къ частнымъ, и баллотировало всѣ пункты проекта, ввело въ нихъ даже измѣненія,—результатъ всего этого былъ таковъ: собраніе не утвердило просимаго коммиссіею ассигнованія на учительскую школу 20 тысячъ руб. въ годъ, а положило внесть въ нынѣшнюю смѣту изъ 35 т. р., предположенныхъ на народное образованіе, 30 т. р. въ смѣту 1869 года, какъ спеціяльный по народному образованію капиталъ, «которому земство предоставляетъ себѣ право дать назначеніе впослѣдствіи.» Такимъ образомъ, вопросъ о содѣйствіи московскаго губернскаго земства дѣлу народнаго образованія и на этотъ разъ остался еще неразрѣшеннымъ на практикѣ.

Изъ предложеній коммисіи нельзя не признать особо заслуживающею вниманія мысль объ освобожденіи учителей приготовленныхъ для народныхъ школъ отъ рекрутской повинности и притомъ такимъ образомъ, какъ она была формулирована во время преній, именно, чтобы семейству, къ которому принадлежитъ учитель выдавалась рекрутская квитанція. Если законъ освобождаетъ отъ военной повинности воспитанниковъ казенныхъ сельско-хозяйственныхъ фермъ, то конечно слѣдовало бы дать эту льготу и образованнымъ учителямъ народныхъ школъ, то есть тѣмъ людямъ, въ которыхъ Россія нуждается наиболѣе, и которыхъ въ настоящее время у насъ пожалуй менѣе, чѣмъ концессіонеровъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го марта 1869.

Заключеніе парижской конференціи. — Декларація. — Тяжелое положеніе Греціи. — Торжество Турціи. — Смерть Фуадъ-паши. — Политическая карьера въ Турціи. — Графъ Бисмаркъ и дѣло о конфискаціи имѣній ганноверскаго короля и гессенск. электора. — Пренія французскаго сената, и дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. — Открытіе кортесовъ въ Испаніи и рѣчь маршала Серрано. — Первыя дѣйствія кортесовъ. — Тронная рѣчь англійской королевы и открытіе парламента. — Рѣчь Гладстона объ Ирландіи.

Дипломатія торжествуетъ, она еще разъ одержала побѣду, ей снова удалось уладить распрю, которая могла повести къ крупнымъ политическимъ событіямъ, къ страшнымъ столкновеніемъ, грозившимъ миру цѣлой Европы. Долго ли дипломатія будетъ торжествовать, это совершенно другой вопросъ. Если держаться той теоріи, что всякое промедленіе, всякая отсрочка кризиса есть уже выгода для націй, тогда, разумѣется, парижскую конференцію, собравшуюся, нѣсколько недѣль тому назадъ для улаженія греко-турецкаго столкновенія, можно поздравить съ полнымъ успѣхомъ. Но, соглашаясь на требованія европейской конференціи, греческому правительству приходилось стать въ разрѣзъ съ возбужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ Европы; отсюда колебанія и трудность положенія правительства, такъ какъ, собственно говоря, не было другого выхода, какъ согласиться, въ эту минуту, на какія бы то ни было представленія и требованія, давая себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣтъ нарушить ихъ при первой возможности.

Общественное мнѣніе было возбуждено до такой степени, что, когда декларація, порицавшая поведеніе греческой націи, явилась въ Аѳины, можно было думать, что развязка возникнувшаго вопроса будетъ нѣсколько иная, чѣмъ та, которую мы видимъ въ дѣйствительности. На улицахъ Аѳинъ постоянно происходили воинственныя демонстраціи. Увлеченіе охватывало не одну массу народа, мало способную въ минуту раздраженія на спокойное обсужденіе дѣла, оно

простерлось и на правительственныя сферы, на государственныхъ людей Греціи, которые не желали примириться съ политикою безусловнаго подчиненія. Къ этой партіи, воодушевленной пламеннымъ патріотизмомъ, принадлежало и министерство, поспѣшившее подать въ отставку, какъ только греческій король Георгъ I выразилъ намѣреніе дать свое полное и безусловное соглашеніе на декларацію. Одно лицо за другимъ призывалъ къ себѣ король, прося принять на себя составленіе новаго министерства, но никто не соглашался, никто не хотѣлъ навлечь на себя народное порицаніе. Послѣ долгихъ переговоровъ съ различными государственными людьми Греціи, королю удалось наконецъ найти человѣка, который принялъ на себя составленіе кабинета и согласился на неизбѣжный для этого шагъ — принятіе деклараціи. Заимисъ, ставшій во главѣ новаго кабинета, имѣетъ репутацію способнаго государственнаго человѣка; сынъ одного изъ главныхъ вождей войны за независимость, онъ рано началъ политическую карьеру и много разъ уже принималъ участіе въ управленіи страною. Во время революціи 1862 года, имѣвшей своимъ результатомъ изгнаніе короля Оттона, Заимисъ занималъ должность министра внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдъ за тѣмъ, когда учредительное собраніе выбрало греческимъ королемъ датскаго принца Георга, Заимисъ былъ отправленъ въ Копенгагенъ для предложенія ему короны, и послѣ того два, три раза уже былъ членомъ правительства Георга I. Онъ принадлежитъ къ партіи умѣренныхъ, что, впрочемъ, вовсе не значитъ, чтобы онъ былъ чуждъ тѣхъ національныхъ стремленій, которыя сказались въ послѣднее время съ такою силою. И лучшимъ ручательствомъ того, что министерство Заимиса, принимая декларацію парижской конференціи, нисколько не отказывается отъ осуществленія «великой идеи», можетъ служить тотъ манифестъ, который былъ обнародованъ въ Греціи новымъ министерствомъ. «Принятіе двухъ условій протокола, говоритъ прокламація, безъ сомнѣнія, тяжело для Греціи (обязательство во 1-хъ, недопускать составленія бандъ, рекрутируемыхъ съ цѣлію вторженія въ Турцію, и во 2-хъ, вооруженіе въ греческихъ портахъ кораблей, назначенныхъ подавать помощь всякой попыткѣ возстанія въ Турціи). Но эти два условія, продолжаетъ прокламація, никакъ не могутъ связать Грецію въ будущемъ, или служить препятствіемъ для ея законныхъ національныхъ стремленій.» Трудно сказать яснѣе во всеуслышаніе цѣлой Европы, что если греческое правительство соглашается въ эту минуту подчиниться Европѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы при первой возможности, оно не воспользовалось случаемъ снова начать то дѣло, къ которому оно естественно стремится.

Въ нашемъ послѣднемъ иностранномъ обозрѣніи мы уже показали, какъ вели себя англійское и французское правительства по отношенію того самого возстанія, которое они энергически поддерживали

при его первой вспышкѣ. Мы осуждали политику этихъ державъ въ непослѣдовательности, безтактности, чтобы не сказать въ недобросовѣстности, и изъ этого осужденія совершенно исключали политику русскаго кабинета, представляемаго на Востокѣ генераломъ Игнатьевымъ, дѣйствовавшимъ совершенно противоположно англійскому представителю Эллиоту и французскому послу Бурре. Теперь мы познакомились съ новыми фактами. Если поведеніе французскаго и англійскаго правительства заслуживаетъ порицанія за то, что они измѣнили свою политику по отношенію къ возстанію въ Кандіи, а слѣдовательно и по отношенію къ Греціи, то нельзя не отдать имъ справедливости въ томъ, что они, въ послѣднее время, дѣйствовали очень рѣшительно и прямо противъ всякихъ національныхъ стремленій Греціи и совершенно не питали и не обманывали надеждами на свое сочувствіе и содѣйствіе ея «великой идеи». Они быстро сдѣлали volte-face, стали на сторону Турціи, и со всею рѣзкостью обвиняли греческое правительство, что оно нарушаетъ основанія международнаго права. Вотъ отчего поведеніе западныхъ державъ въ послѣдній кризисъ, требованія, формулированныя ими въ деклараціи парижской конференціи, совершенно естественны и понятны и никакъ не могли удивить греческій народъ. Онъ не надѣялся на ихъ сочувствіе и не ждалъ отъ нихъ помощи. Нельзя сказать, чтобы мы обнаружили такую же послѣдовательность въ послѣднемъ кризисѣ на Востокѣ. Греческая нація была бы совершенно права, еслибы, обратившись къ намъ, спросила, зачѣмъ все время мы не переставали ей выказывать симпатію, сочувствіе, зачѣмъ вся пресса, какъ офиціальная такъ и полуофиціальная, не переставала увѣрять, что дѣло Греціи есть правое дѣло, зачѣмъ устраивались среди русскаго общества подписки, балы, спектакли и т. д. и т. д. въ пользу возстанія въ Турціи, если въ послѣднюю и рѣшительную минуту, когда болѣе чѣмъ когда-нибудь нужна была поддержка и помощь, мы вдругъ пристали къ западнымъ державамъ и дали такимъ образомъ достойному поведенію генерала Игнатьева самое полное опроверженіе. Не правы ли будутъ и греческое правительство и вся нація, если они перестанутъ довѣрять нашей политикѣ, и убѣдившись, какъ много во всемъ ея поведеніи словъ и какъ мало отъ нихъ пользы, обратятся къ Западу и только въ немъ будутъ искать себѣ помощи? Европейская пресса не оставила безъ вниманія такую политику Россіи и тотчасъ же поспѣшила обратиться къ Греціи и указать ей, какую цѣну могутъ имѣть тѣ планы, въ которые она до сихъ поръ безъотчетно вѣрила и съ которой стороны она можетъ надѣяться найти болѣе серьезную помощь. «Греки видятъ теперь, говоритъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ органовъ французской прессы, что принесла имъ шумная дружба Россіи. Два года назадъ среди огромной Имперіи только и слышались, что громкія рѣчи

въ пользу грековъ; въ церквахъ, театрахъ, салонахъ проповѣдывали, пѣли, танцовали и говорили въ пользу возставшихъ кандіотовъ. Когда же дѣло коснулось того, чтобы поддержать ихъ болѣе серьезнымъ образомъ, Россія благоразумно присоединилась къ мнѣнію западныхъ державъ, и всѣ симпатіи славянскаго міра, на которыя Греція возлагала такія надежды, оказались безсильны въ тотъ день, когда рѣчи должны были уступить мѣсто дѣйствію». Такого рода упреки посыпались на Россію, когда въ Европѣ узналось, что она дѣйствовала за одно съ западною Европою, чтобы заставить Грецію принять только въ нѣсколько болѣе мягкой формѣ турецкій ультиматъ 11-го декабря.

Турецкое правительство можетъ въ настоящемъ дѣлѣ торжествовать, требованія его уважены, и немудрено, если султанъ Абдулъ-Азисъ снова повѣритъ въ ту картину процвѣтанія турецкой имперіи, которую такъ недавно еще рисовалъ ему одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей Турціи—Фуадъ-паша, нѣсколько дней тому назадъ, послѣ продолжительной болѣзни, скончавшійся въ Ниццѣ. Фуадъ-паша игралъ слишкомъ важную роль, онъ имѣлъ слишкомъ большое вліяніе на дѣла Оттоманской Имперіи, чтобы удаленіе его съ политической сцены Европы можно было пройти полнымъ молчаніемъ. Жизнь этого ловкаго государственнаго человѣка, любопытная сама по себѣ, представляетъ много такихъ характеристическихъ чертъ, по которымъ можно судить не только о самомъ человѣкѣ, но и о его родной странѣ, доставившей ему богатое поле для дѣятельности.

Достигнувъ званія великаго визиря, Фуадъ-паша сдѣлался почти полновластнымъ монархомъ, и тутъ уже не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы добиться своихъ цѣлей. Онъ опуталъ сѣтями новаго султана Абдулъ-Азиса, и какъ разсказываютъ, имѣлъ самое пагубное на него вліяніе. Въ видахъ личной выгоды, онъ старался отвратить его отъ всѣхъ серьезныхъ реформъ, увѣряя, что страна вовсе не находится въ такомъ печальномъ положеніи, какъ это стараются представить цѣлой Европѣ враги Турціи. При помощи лести, услужливости, всякаго рода увѣреній Абдулъ-Азиса, что онъ величайшій изъ всѣхъ монарховъ и самый замѣчательный изъ преобразователей страны, Фуадъ-паша добился того, что получилъ самое полное довѣріе и безграничную власть надъ всѣми и всѣмъ. Впрочемъ, если Фуадъ-паша увѣрялъ каждый день султана, что все въ его царствѣ обстоитъ благополучно, то можетъ быть въ этомъ онъ былъ болѣе искусенъ, чѣмъ предполагаютъ. «Болѣе пятидесяти лѣтъ, говорилъ онъ въ одномъ разговорѣ, что намъ каждое утро предсказываютъ на вечеръ нашу смерть; приходитъ вечеръ, а мы ложимся спать совершенно живыми. Мы пережили много тѣхъ пророчествъ и еще много переживемъ, потому что мы не мертвецы, не умирающіе, что бы ни утверждали. — По крайней мѣрѣ вы больны. — Да, это говорилъ императоръ Николай; но если вы желаете

знать о нашемъ здоровьи, то не съ этимъ докторомъ нужно совѣтоваться. Я знаю Турцію лучше чѣмъ онъ и чѣмъ кто-бы то ни былъ, и результатъ моихъ наблюденій тотъ, что мы представляемъ собою совершенно здоровый организмъ»…. Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ таково было мнѣніе Фуадъ-паши, но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ правъ: самые умные люди склонны питать себя иллюзіями и ошибаться, особенно когда дѣло касается ихъ самихъ. Если Фуадъ-паша и думалъ, что конецъ Турціи еще не близокъ, и что она имѣетъ отличную причину существовать, именно съ необходимостью для самой Европы, то нужно все-таки сказать, что подобное управленіе страною, какъ управленіе Фуадъ-паши можетъ значительно приблизить послѣдній, смертельный часъ.

Рядомъ съ политикою усыпленія и напугиванія всякими ужасами султана, онъ подстрекалъ его къ самой распущенной жизни, къ затратѣ громадныхъ капиталовъ на постройку дворцовъ, содержаніе гаремовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался удалять отъ него всѣхъ близкихъ и довѣренныхъ лицъ, если только замѣчалъ, что они сколько-нибудь могутъ противодѣйствовать его вліянію. Своею хитростію онъ умѣлъ даже расторгать родственныя, семейныя связи. Мало-по-малу онъ соединилъ въ своей особѣ всѣ высшія должности, добившись того, чтобы у Мехмедъ-Али, зятя султана, было отнято военное министерство, у Мустафа-паши, брата вице-короля, съ искусствомъ управлявшаго финансами, былъ одинаково отнятъ этотъ важный постъ, и всѣ эти должности слились въ одномъ лицѣ — Фуадъ-паши. Въ одно и тоже время онъ былъ и великимъ визиремъ, и военнымъ министромъ и министромъ двора и т. д. и т. д. Фуадъ-паша пользовался всѣми средствами для поддержанія себя и для того, чтобы держать Абдулъ-Азиса въ полномъ невѣдѣніи истиннаго положенія Турціи. Онъ очень хорошо зналъ, какую роль играетъ при этомъ пресса, и потому милостиво обращался съ тѣми редакторами и журналистами, которые готовы были служить ему, и преслѣдовалъ тѣхъ, которые отказывались быть его орудіемъ. Миллингенъ разсказываетъ, что одинъ изъ редакторовъ ежедневной газеты, Кинази, извѣстный своею ученостью и либеральнымъ образомъ мыслей, никогда не соглашался марать страницъ своего журнала всевозможными низостями и вообще быть орудіемъ вредной для его родины политики. Признанный министерствомъ за вреднаго человѣка, Кинази былъ лишенъ своей должности, подвергся различнымъ преслѣдованіямъ, и наконецъ принужденъ былъ покинуть Турцію и удалиться во Францію. Собственно говоря, поведеніе Фуадъ-паши въ этомъ случаѣ можно еще считать либеральнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ полную возможность распорядиться съ нимъ болѣе суровымъ образомъ.

Рядомъ съ обвиненіями, которыя взводятъ на Фуадъ-пашу, даже

самые истые враги его не отказываютъ ему въ большомъ умѣ и разносторонних талантахъ. Необыкновенная ловкость и умѣнье пользоваться обстоятельствами дѣлали его замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ. Дѣятельность его, породившая множество злоупотребленій, имѣла также и хорошія стороны. Онъ далъ толчокъ народному образованію, улучшилъ положеніе арміи, и если непроизводительно затратилъ большіе капиталы и помогъ разстройству турецкихъ финансовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ въ финансовомъ отношеніи одно либеральное нововведеніе: онъ сталъ обнародовать государственный бюджетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, обнародованіе бюджета имѣетъ мало значенія до тѣхъ поръ, покамѣстъ общество самымъ близкимъ образомъ не участвуетъ въ его составленіи, пока опредѣленіе доходовъ и расходовъ не подлежитъ непосредственному надзору народныхъ представителей, и главнымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока власть, его публикующая, вольна дѣлать это или не дѣлать, вольна писать, что̀ ей вздумается и дѣлать затраты, какія ей заблагоразсудится; но тѣмъ не менѣе мѣра, введенная Фуадъ-пашой, доказываетъ, что въ правительствѣ страны пробуждается совѣсть и сознаніе, что народъ имѣетъ право знать, на что̀ употребляются добытыя его по̀томъ деньги. Власть Фуадъ-паши росла и росла, султанъ смотрѣлъ на него какъ на единственную свою опору, какъ на спасеніе Турціи, довѣріе Абдулъ-Азиса къ своему министру дошло до того, что онъ просилъ смотрѣть на него какъ на своего сына и далъ Фуадъ-пашѣ почетный титулъ отца. Ему предложено было пожизненное званіе великаго визиря, помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ, однимъ словомъ онъ дѣлался настоящимъ властелиномъ. Но нигдѣ такъ не превратна судьба, какъ въ деспотическомъ государствѣ: тутъ не нужно ни слѣдствія, ни суда, чтобы лишить человѣка всѣхъ его званій, почестей, титуловъ — довольно одного слова безграничнаго владыки. Какъ ни высоко положеніе человѣка въ такой странѣ, онъ никогда не можетъ быть увѣренъ, что завтра онъ не будетъ сброшенъ съ высоты своего величія при помощи какой-нибудь интриги или придворной кабалы. Такъ случилось и съ Фуадъ-пашой. Цѣлая партія недовольныхъ временщикомъ составила родъ заговора и достигла того, что представила султану всѣ дѣйствія Фуадъ-паши въ самомъ мрачномъ видѣ; Абдулъ-Азисъ внезапно перемѣнилъ свою милость на гнѣвъ, и паденіе Фуада было рѣшено. Чтобы сдѣлать паденіе ему болѣе чувствительнымъ, одинъ изъ участниковъ дворцоваго coup d'état пригласилъ къ себѣ Фуадъ-пашу на пиръ, куда собралась также вся партія недовольныхъ. Все было разсчитано на эффектъ: среди пиршества двери залы открылись, и Фуадъ-пашѣ былъ переданъ публично декретъ объ его отставкѣ, съ требованіемъ немедленно возвратить печать султана—эту эмблему власти. Фуадъ-паша удалился съ пира, а

враги его ликовали. Но торжество было непродолжительно. Не прошло и года послѣ паденія Фуадъ-паши, какъ 11 февраля 1867 г. онъ снова призванъ былъ управлять страною; и хотя не сдѣланъ былъ великимъ визиремъ, но въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ онъ съумѣлъ возвратить весь свой прежній вѣсъ и свое прежнее вліяніе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ снова оставилъ министерство, но оставилъ уже вслѣдствіе той болѣзни, которая свела его въ могилу.

Сколько бы грѣховъ ни лежало на душѣ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка, нужно сказать, тѣмъ не менѣе, что для Турціи потеря его будетъ крайне чувствительна. Не смотря на недостойные поступки его, какъ напр. въ придунайскихъ княжествахъ, и затѣмъ гораздо позже въ 1860 году въ Сиріи, Фуадъ-паша былъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ людей турецкой имперіи, и такъ какъ прямота и честность не всегда составляютъ необходимыя условія для управленія сложною машиною государства, то, говоря дипломатически, изворотливый умъ Фуадъ-паши былъ какъ нельзя болѣе важенъ, чтобы побѣждать тѣ трудности, которыя каждый день возникаютъ и каждый день снова подымаютъ въ Европѣ вопросъ о самомъ существованіи Турціи. Если бы эта страна находилась въ болѣе нормальномъ положеніи, то такой человѣкъ, какъ Фуадъ-паша, съ его большимъ умомъ, замѣчательнымъ талантомъ, хорошимъ образованіемъ и поставленный на вершину власти, сдѣлалъ бы, безъ сомнѣнія, очень много для развитія силъ своей родины; но положеніе Турціи таково, что самые замѣчательные люди должны разбиваться о тысячи мелкихъ подводныхъ камней, которыми переполнено ея существованіе. Слабый, но капризный абсолютизмъ, попадающій въ сѣти всевозможныхъ интригъ, подчиняющійся самымъ противоположнымъ вліяніямъ— вотъ что̀ неизбѣжно развращаетъ въ Турціи всякаго, попадающаго въ высшую правительственную сферу, какъ бы ни были велики достоинства этого человѣка, и какъ бы ни была велика власть, доставшаяся ему, на часъ или день. Фуадъ-паша подпалъ общему закону, не смотря на всѣ свои личныя качества. Лучше можетъ быть было бы, если бы вмѣсто того, чтобы сдѣлаться визиремъ, онъ оставался въ изгнаніи, какъ его отецъ, можетъ быть Турція обладала бы тогда однимъ замѣчательнымъ поэтомъ и ученымъ больше, такъ какъ Фуадъ-паша, будучи замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, былъ и замѣчательнымъ поэтомъ и ученымъ. Его поэма «Альхамбра», написанная въ Испаніи, и грамматика турецкаго языка, считаются образцовыми произведеніями въ турецкой литературѣ.

Смерть закрыла глаза Фуадъ-пашѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда вопросъ о греко-турецкомъ столкновеніи, къ его удовольствію, былъ окончательно рѣшенъ европейскимъ ареопагомъ, и когда Европа, нѣсколько наскученная Турціею и Греціею, спѣшила обратить свое

августѣйшее вниманіе на другія дѣла, другія событія, не заставившія себя, впрочемъ, ждать. Въ общей свалкѣ всевозможныхъ вопросовъ, все такъ перепутано и переплетено, что часто вниманіе общества останавливается съ какимъ-то недоумѣніемъ и робостью передъ мелкими событіями, быстро проходящими и не оставляющими по себѣ никакого слѣда, въ то самое время, когда передъ глазами его совершаются такія событія и разрѣшаются такіе вопросы, которымъ суждено можетъ быть дать другое направленіе жизни цѣлаго народа. Такъ незаслуженно, по нашему мнѣнію, слухъ и зрѣніе европейскаго общества съ напряженнымъ вниманіемъ остановились въ послѣдніе дни на дѣйствіяхъ прусскаго парламента и на рѣчахъ «желѣзнаго человѣка», какъ называютъ иногда графа Бисмарка. Что́, въ самомъ дѣлѣ, особенно замѣчательнаго, что́ наконецъ особенно интересно въ томъ фактѣ, что прусскій министръ нашелъ удобнымъ и выгоднымъ конфисковать имѣнія ех-короля ганноверскаго и ех-электора гессенскаго? Не есть ли это капля въ морѣ, не было ли даже это весьма разумно и логично послѣ того, что совершился самый фактъ. Если можно тутъ чему-нибудь удивляться, такъ только тому, что такой умный человѣкъ, какъ «желѣзный графъ», считаетъ необходимымъ кидать громомъ и молніею по такому ничтожному поводу. Излишняя горячность въ спорѣ всегда выдаетъ слабыя стороны спорящаго, такъ точно и въ рѣчахъ, полныхъ огня, произнесенныхъ графомъ Бисмаркомъ, нельзя не подмѣтить одного больного мѣста, которое, конечно, онъ старается тщательно скрыть отъ взоровъ профановъ. Больное мѣсто—это продолжающееся недовольство жителей Ганновера, которыхъ онъ не можетъ заставить полюбить введенный туда прусскій порядокъ, и нужно полагать, что чѣмъ дальше онъ будетъ тамъ дѣйствовать всякими строгостями, тѣмъ дольше онъ не добьется улыбки на угрюмыхъ лицахъ силою присоединенныхъ ганноверцевъ. Какъ благодѣтельно дѣйствуетъ прусская система въ завоеванныхъ вновь земляхъ, видно изъ того, что даже во владѣніяхъ электора гессенскаго начинаютъ жалѣть о прежнемъ монархѣ, хотя, собственно говоря, жалѣть тутъ уже рѣшительно нечего, потому что едва-ли когда-нибудь на землѣ было что-нибудь хуже того начала, которое, божіею милостію, управляло сотнями тысячь народа. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что введеніе въ бывшія владѣнія электора прусскаго порядка можетъ считаться истиннымъ благодѣяніемъ для народа, и новой власти не много стоило бы труда, чтобы привязать къ себѣ бывшихъ подданныхъ электора. Его поступки, дѣйствія, получили какой-то баснословный характеръ, его именемъ пугали капризныхъ дѣтей, однимъ словомъ, это былъ послѣдній могиканъ деспотизма, грубаго и свирѣпаго. Дальше его идти было нельзя, сравняться съ нимъ — возможно, но трудно. Въ своемъ владѣніи со всѣми онъ обращался какъ съ рабами, никого не удостоивалъ милостивымъ словомъ или взгля-

домъ; онъ всегда говорилъ въ третьемъ лицѣ и въ слѣдующей формѣ: «Можешь идти! Не понять моего приказа! Лучше понять въ другой разъ! Молчать, когда говоритъ электоръ! Конституція, глупости! Лучшая конституція, палка. Понимать это! Выходить теперь». Нужно, въ самомъ дѣлѣ, было много безтактности, чтобы заставить жалѣть такого «гада», какъ назвалъ его графъ Бисмаркъ въ своей рѣчи въ прусскомъ парламентѣ.

Не многимъ болѣе заслуживаетъ вниманія другая рѣчь, произнесенная въ другой странѣ, именно рѣчь Мопà во французскомъ сенатѣ. Если мы упоминаемъ о ней, то только какъ о лишнемъ симптомѣ, прибавившемся ко многимъ другимъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить, симптомѣ разложенія, правда, медленнаго, второй имперіи. Мопà — одинъ изъ героевъ 2-го декабря, одинъ изъ создавшихъ настоящій порядокъ, ярый защитникъ абсолютизма, вдругъ, безъ всякаго приготовленія, обрушивается какъ громъ на голову Наполеона III и требуетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ парламентской формы, отнимаетъ свою помощь у личнаго правленія, и хочетъ одной изъ главныхъ основъ парламентаризма — отвѣтственности министровъ. Чѣмъ бы ни прикрывались подобныя требованія со стороны, еще такъ недавно, одного изъ ярыхъ защитниковъ абсолютизма, требованія эти выражены ясно и не могли поэтому не произвести большого впечатлѣнія во Франціи. Если Мопà, тотъ самый Мопà, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей во время переворота, измѣняетъ императорскому знамени, которое своимъ девизомъ имѣло до сихъ поръ: «все отъ меня, все черезъ меня», то покачнулся значитъ императорскій тронъ во Франціи. Недобрая улыбка должна была пробѣжать на лицѣ Наполеона III. Бывшій префектъ полиціи, бывшій покорный, и хорошо вознагражденный слуга Мопà отрекается отъ дѣла собственныхъ своихъ рукъ! Да во снѣ это или на яву, могъ спросить себя состарѣвшійся монархъ. Одна бѣда влечетъ за собой другую; не успѣлъ кончить Мопà своей рѣчи, какъ графъ Сартижъ встаетъ съ своего мѣста, и давая свое полное одобреніе требованію Мопà, прибавляетъ отъ себя другое: полную свободу печати. Освободите — говоритъ онъ — печать даже отъ тѣхъ стѣсненій, которыми ее постарались обставить при новомъ законѣ, и онъ призываетъ на помощь Италію, Англію, Швейцарію, гдѣ печать совершенно свободна, и гдѣ отъ нея не происходитъ никакой бѣды. По истинѣ, любопытное зрѣлище. Французскій сенатъ, учрежденіе, до сихъ поръ раболѣпно исполнявшее только всѣ приказанія высшей власти, требуетъ отвѣтственности министровъ, полной свободы печати, полной свободы собраній, недостаетъ только, чтобы онъ потребовалъ удаленія самого Наполеона. О люди, люди, вы изъ камня! можетъ онъ смѣло воскликнуть.

Вѣроятно, пренія во французскомъ сенатѣ долго бы еще занимали

собою общественное мнѣніе, если бы не подоспѣло на выручку другое событіе, которое чуть не приняло размѣровъ casus belli, несмотря на то, что въ немъ не было ничего враждебнаго и ничего непріязненнаго по отношенію къ Франціи. Мы говоримъ о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ и о новомъ законѣ, принятомъ бельгійскимъ парламентомъ, по которому никакая бельгійская компанія не имѣетъ права передать бельгійской линіи желѣзныхъ дорогъ въ руки иностранной компаніи. Какъ только законъ этотъ былъ принятъ, въ нѣсколькихъ французскихъ органахъ, и главнымъ образомъ полуофиціальныхъ, раздался крикъ: предательство! недовѣріе! и т. д. и т. д., какъ-будто бы въ Бельгіи открытъ былъ какой-нибудь заговоръ противъ цѣлой Франціи. Между тѣмъ, весь этотъ вопросъ бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, успѣвшій надѣлать столько шума, могъ быть устраненъ однимъ простымъ разсужденіемъ. Что̀ бы вы сказали, можно было бы обратиться къ тѣмъ, которые кричали о предательствѣ и измѣнѣ Бельгіи, если бы какая-нибудь французская компанія желѣзныхъ дорогъ передала свои права, однимъ словомъ, продала бы свою линію прусской компаніи, и чтобы пруссаки такимъ образомъ сдѣлались полновластными господами линіи, ведущей напр. отъ Страсбурга до Парижа? Развѣ вы были бы довольны, если бы правительство допустило подобную сдѣлку? Конечно нѣтъ! Зачѣмъ же тогда обвинять бельгійское правительство, если оно дѣлаетъ тоже, чего вы потребовали бы и отъ вашего правительства. Мы упоминаемъ о всѣхъ подобныхъ вспышкахъ потому только, что онѣ какъ нельзя лучше доказываютъ тревожное состояніе общества, его крайнюю раздражительность, которая идетъ все crescendo и crescendo. Что̀ же, можно спросить, станется тогда, когда настоящая огненная искра упадетъ на этотъ такъ легко воспламеняющійся матеріалъ—какой страшный взрывъ потрясетъ тогда всю Европу!

Отъ мелкихъ вопросовъ и мелкихъ событій обратимся теперь къ болѣе важнымъ, и тутъ на первомъ планѣ мы находимъ открытіе кортесовъ въ Испаніи, которое совершилось 11-го февраля, на перекоръ многочисленной толпѣ пессимистовъ, не перестававшихъ утверждать, что кортесы никогда не соберутся, что Испанія прежде потонетъ въ потокахъ собственной крови, изъ которой выплыветъ на поверхность какой-нибудь генералъ-диктаторъ, какъ это случалось два раза уже во Франціи. Ничего подобнаго однако здѣсь не произошло. Послѣ того, что выборы были окончены, и окончены съ большимъ спокойствіемъ, не вызвавъ никакихъ безпорядковъ, народные представители Испаніи собрались въ Мадридъ, гдѣ съ большимъ торжествомъ произошло открытіе учредительнаго собранія Испаніи. Первое засѣданіе было посвящено избранію президента и рѣчи маршала Серрано, главы временного правительства. Значительнымъ боль-

шинствомъ голосовъ, президентомъ избранъ демократъ Риверо, отдѣлившійся отъ партіи демократовъ-республиканцевъ, но только потому, что не считалъ и не считаетъ Испанію достаточно подготовленною къ этой формѣ правленія. Тѣмъ не менѣе выборъ Риверо въ президенты кортесовъ служитъ первымъ залогомъ того, что кортесы не сдѣлаются игрушкою какой-нибудь партіи или, еще хуже, какого-нибудь лица. Предпочтеніе Риверо передъ Олозагой, который оставилъ свой постъ посланника въ Парижѣ и поспѣшилъ въ Мадридъ, увѣренный, что на его долю выпадетъ предсѣдательствовать первыми кортесами, избранными всеобщею подачею голосовъ, доказываетъ большой тактъ народныхъ представителей Испаніи. Они поняли, что возложить такую важную и почетную обязанность, какъ предсѣдательство кортесами, на человѣка, который не вышелъ чистымъ изъ прежняго порядка и значительной массою считается интриганомъ, значило бы съ перваго шага вселить недовѣріе въ собраніи, на отвѣтственности котораго лежитъ будущая судьба испанскаго народа. Рѣчь маршала Серрано была послѣднимъ актомъ временного правительства, которое не замедлило сложить съ себя власть и передать ее въ руки законныхъ представителей страны. Эта рѣчь какъ нельзя лучше можетъ отвѣчать всѣмъ тѣмъ, которые, цѣпляясь за то, что существующій порядокъ всегда самый лучшій, не разъ уже указывали на Испанію съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Теперь, когда прошло пять мѣсяцевъ съ той поры, какъ раздался первый крикъ: долой Бурбоновъ, когда окончился періодъ временного правительства, и когда страна получила самое законное изъ правительствъ, благодаря всеобщей подачѣ голосовъ, теперь можно подвести итоги революціи и отвѣтить на вопросъ: принесла ли революція пользу или вредъ Испаніи? Если уничтоженіе вѣкового деспотизма, если введеніе истиннаго народнаго представительства, если провозглашеніе религіозной свободы, свободы совѣсти, свободы слова, свободы печати, свободы народныхъ сборищъ, ассоціацій, свободы обученія, если, однимъ словомъ, провозглашеніе и немедленное примѣненіе къ дѣлу всѣхъ «основныхъ принциповъ самаго радикальнаго либерализма», какъ выразился Серрано, можно назвать вреднымъ, тогда, безъ сомнѣнія, революція оказала Испаніи самый страшный вредъ. Мы не раздѣляемъ нападковъ на временное правительство Испаніи, потому что, если на его душѣ и лежатъ несчастныя и кровавыя событія Кадикса и Малаги, то вспоминая, какою дорогою цѣною досталось другимъ странамъ водвореніе свободы, и какія страшныя бѣды, въ сто разъ бóльшія, чѣмъ тѣ, которыя выпали на долю Испаніи, порождала слѣпая борьба партій, то мы не можемъ не сказать, что относительно другихъ странъ Испанія купила свободу неслишкомъ еще дорогою цѣною. И притомъ, кто былъ виновникомъ возстанія въ Кадиксѣ и Малагѣ, до сихъ поръ еще не выяснено, но нѣтъ сомнѣнія, что старая

сгнившая партія, поддерживавшая Бурбоновъ, не была тутъ безучастна. Серрано прямо указываетъ на «партизановъ уничтоженной династіи», мѣшавшихъ правильному и спокойному развитію революціи. «Правительство побѣдило, говоритъ Серрано, и если въ разгарѣ борьбы оно было слишкомъ сурово и рѣшительно, за то оно съ гордостію можетъ сказать, что послѣ побѣды оно не потерпѣло, чтобы имя хотя одной жертвы увеличило скорбный списокъ, къ несчастію, слишкомъ богатый въ нашихъ старыхъ распряхъ». Въ самомъ дѣлѣ, временному правительству нельзя не отдать чести, что въ самыя критическія для него минуты, оно ни разу не подписало смертнаго приговора и ни разу не потерпѣло его. Оно съумѣло сдержаться даже тогда, когда страшное преступленіе было совершено въ Бургосѣ фанатическими приверженцами рушившагося порядка.

Учредительное собраніе испанскаго народа вознаградило главу временного правительства своимъ полнымъ довѣріемъ и поручило маршалу Серрано верховную исполнительную власть, отнявъ у него впрочемъ возможность что-нибудь сдѣлать безъ согласія кортесовъ. Ей не предоставлено ни право veto, ни права войны и мира; однимъ словомъ, она обстановлена такими условіями, которыя дѣлаютъ ее согласною съ принципомъ верховной власти народа.

Теперь передъ кортесами лежитъ одинъ важный вопросъ: къ какой окончательной формѣ правленія придутъ народные представители, на чемъ остановятся они, чѣмъ подарятъ они страну. Нельзя не признать того факта, что значительное большинство въ кортесахъ принадлежитъ партіи, желающей монархическую форму правленія, но трудность заключается въ выборѣ лица, на главу котораго можно было бы возложить вѣнецъ, съ увѣренностью, что лицо это не отплатитъ за дарованную ему корону черною неблагодарностію. Народные представители Испаніи отлично понимаютъ, какъ осторожно нужно дѣйствовать въ данномъ случаѣ и какъ легко испортить дѣло, столь счастливо начатое. Впрочемъ, еслибы большинство и забыло объ этомъ, то, замѣтимъ, въ кортесахъ существуетъ сильная партія республиканцевъ, составляющая хотя и меньшинство, но тѣмъ не менѣе меньшинство, съ которымъ нужно считаться. Эта партія, которая недавно еще едва существовала, теперь выросла и окрѣпла, будетъ зорко слѣдить за выборомъ конституціоннаго монарха, и если не въ состояніи будетъ удержать кортесы отъ этого шага, то тѣмъ не менѣе окажетъ ту пользу, что выскажетъ все, что́ можно будетъ только найти *противъ* того или другого кандидата. Кортесы, очевидно, не считаютъ выборъ короля очень спѣшнымъ дѣломъ, потому что они устраиваютъ такъ управленіе страною, чтобы она долго могла обойтись безъ этого дополненія. Конечно, этой осторожности можно только радоваться, потому что въ этомъ дѣлѣ, больше чѣмъ въ какомъ-нибудь

другомъ, десять разъ нужно отмѣрить, если уже нельзя не отрѣзать. За отказомъ Фердинанда португальскаго и его сына—царствующаго короля, которые болѣе всѣхъ остальныхъ могли быть полезны Испаніи, остаются еще два кандидата: герцогъ д'Аоста, второй сынъ Виктора-Эммануила и герцогъ Монпансье. Первый едва ли рѣшится оставить Италію, такъ какъ Савойскій домъ не великъ, и за отсутствіемъ дѣтей у его брата онъ самъ можетъ вступить на итальянскій престолъ; второй же..... съ радостію приметъ испанскую корону, если она ему будетъ предложена, но онъ слишкомъ близокъ къ прогнанной династіи, чтобы выборъ его былъ особенно пріятенъ Испаніи.

Вслѣдъ за открытіемъ кортесовъ открылось другое важное собраніе въ Европѣ. Англійскій парламентъ, послѣ чисто формальнаго засѣданія въ декабрѣ прошлаго года, 16 февраля открылся наконецъ дѣйствительнымъ образомъ, т. е. теперь онъ собрался для той бурной дѣятельности, для которой былъ избранъ, для разрѣшенія проведенія капитальной реформы, возложенной на плечи Гладстона и его товарищей по министерству. Важность открытія англійскаго парламента двоякая: во 1-хъ, это первый парламентъ, избранный на основаніи новыхъ законовъ о выборахъ, въ избраніи его приняли участіе новыя силы, до сихъ поръ не участвовавшія въ управленіи страною; и во-2-хъ, на его долю выпала славная задача: уничтожить вѣковую, вопіющую несправедливость, позорившую имя свободной Англіи—угнетеніе Ирландіи. Эти обстоятельства дѣлали то, что дѣйствительное открытіе новаго парламента ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ, и казалось, что тронная рѣчь въ этотъ разъ должна будетъ имѣть болѣе значенія, чѣмъ это обыкновенно бываетъ. Но общее ожиданіе не оправдалось — послѣдняя королевская рѣчь также безцвѣтна, какъ и всѣ предъидущія. Вотъ отчего для насъ гораздо важнѣе и несравненно интереснѣе обратиться къ одному банкету, на которомъ присутствовали Гладстонъ, Брайтъ, Лове и другіе министры, къ банкету, который гораздо болѣе открывалъ парламентскую сессію, чѣмъ тронная рѣчь 16-го февраля.

«Никогда, говорилъ Гладстонъ, общіе выборы такъ ясно не показали мысль общества. Вердиктъ, произнесенный избирателями, рѣшительный; никогда нація такъ ясно не указывала своихъ желаній, никогда она не опредѣляла съ такою энергіею тотъ путь, которому нужно слѣдовать». Путь указанъ, но не указаны тѣ средства, при помощи которыхъ было бы легко пройти его до достиженія цѣли. Гладстонъ сознаетъ, что если имъ не удастся возложенная на нихъ задача, то они понесутъ большую отвѣтственность передъ націею; если же они справятся и выполнятъ съ успѣхомъ свое дѣло, тогда, сказалъ онъ, «никогда государственные люди не были такъ счастливы: такъ хороша задача, возложенная на насъ». Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть лучше,

какъ справедливость поставить на мѣсто несправедливости, ненависть замѣнить любовью и изъ враговъ сдѣлать братьевъ! Если счастливы тѣ люди, на долю которыхъ выпадаетъ такая задача, то еще счастливѣе народъ, который даетъ просторъ и возможность дѣйствовать этимъ людямъ.

«Что́ можетъ достойнѣе, говорилъ Гладстонъ, занимать умъ и сердце, какъ предпріятіе, заключающееся въ томъ, чтобы въ обширное государство внести единство чувствъ и интересовъ, которое какъ неполно оно было до сихъ поръ, тѣмъ не менѣе уже составляло нашу силу и нашу славу. Мы хотимъ сдѣлать этотъ союзъ такимъ, чтобы никто изъ гражданъ не вспомнилъ, что онъ шотландецъ, англичанинъ или ирландецъ, когда дѣло коснется общаго интереса отечества». И ни насиліями, ни притѣсненіями, ни искусственными подчиненіями, а уступчивостію и самыми либеральными реформами хотятъ они осуществить этотъ союзъ. Безъ сомнѣнія, не въ одинъ день погаснетъ недоброе чувство, которое вправѣ питать Ирландія къ Англіи, но оно погаснетъ, когда ирландцы убѣдятся, что Англія не хочетъ себѣ никакихъ преимуществъ, что она отказалась отъ религіозной нетерпимости и того привилегированнаго положенія, котораго она держалась въ Великобританіи. «Мы призваны, говорилъ Гладстонъ, чтобы сдѣлать послѣднее усиліе для достиженія братства между тремя королевствами Великобританіи. Это дѣло не одного дня, не одной мѣры»! Гладстонъ понимаетъ, что нужно будетъ много реформъ, чтобы достигнуть этого единства, но онъ понимаетъ также и то, что мѣры, основанныя на справедливости всегда кончаютъ тѣмъ, что порождаютъ любовь между людьми. Что́ станется съ ирландскимъ вопросомъ, какъ будетъ онъ постановленъ, какія мѣры предложены будутъ для уврачеванія этой раны, которая, къ стыду Англіи, до сихъ поръ еще гноится,—все это мы увидимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ обозрѣній, когда неминуемо встрѣтимся съ выработаннымъ, конечно, Гладстономъ проектомъ той цѣлой системы законовъ, которые необходимы, чтобы вдохнуть въ Ирландію новую жизнь. Не зная еще проекта, плана, мѣръ, которыя будутъ предложены министерствомъ, мы можемъ пока сказать только одно, что если для этой задачи Англія должна была встрѣтить искренняго, честнаго и вмѣстѣ рѣшительнаго и передового человѣка, то она встрѣтила его, безъ сомнѣнія, въ Гладстонѣ.

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus! — дружно раздалось 8-го февраля на обѣдѣ бывшихъ студентовъ петербургскаго университета за истекшее пятидесятилѣтіе, бывшихъ университетскихъ юношей, начиная съ 1823 года по 1868 г. включительно. Въ 50 лѣтъ, изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, входившихъ въ университетскую дверь, другою дверью въ общество вошло, если взять за среднюю цифру около 100 человѣкъ въ годъ, до 5,000 человѣкъ; изъ этихъ 5,000 собралось на обѣдъ около 700 лицъ, представлявшія собою нѣсколько десятковъ ступеней текущаго вѣка. Какъ шли они другъ за другомъ въ жизни, такъ и за столомъ слѣдовали выпускъ за выпускомъ, составляя непрерывную и живую цѣпь, которую можно было бы назвать «танцемъ жизни». Каждый подходилъ къ столу своего года, и предъ нимъ являлись тѣже самыя лица, съ которыми онъ 10, 20, 30 и 40 лѣтъ назадъ сидѣлъ четыре года въ одной и той же аудиторіи, на одной скамьѣ. Многимъ случалось впервые увидѣться за столомъ, послѣ студентскаго прощанья, когда судьба разсѣяла ихъ по лицу земли. Однимъ словомъ, обѣденное зало обратилось на этотъ часъ въ живой отчетъ о дѣятельности университета за полувѣковое его существованіе, которымъ можно было утѣшиться послѣ отчета, прочтеннаго въ этомъ же залѣ, утромъ того же дня, профессоромъ Андреевскимъ. Вообще, празднество юбилея, во всемъ томъ, что̀ совершилось независимо отъ совѣта университета, представляетъ много искренняго, задушевнаго и теплаго, начиная съ самаго рескрипта; все же прочее носило на себѣ печать оффиціальности, натянутости, а что̀ касается до упомянутаго отчета, то, какъ мы увидимъ, всѣ были поражены его тономъ фельетона и безтактностью, чтобъ не сказать чего-нибудь хуже. Конечно, этотъ отчетъ имѣлъ своего сочинителя, но разъ принятый, про-

чтенный и одобренный совѣтомъ, онъ можетъ считаться выраженіемъ мысли по крайней мѣрѣ его большинства. Оффиціальность въ празднествѣ была даже не совсѣмъ умѣлою: мы, напримѣръ, не замѣтили, чтобы была выбита медаль въ память этого дня, какъ то водится въ подобныхъ случаяхъ. Нельзя объяснить это скромностью современныхъ намъ профессоровъ, такъ какъ въ финалѣ отчета они превознесли себя до небесъ, а въ газетѣ «Голосъ», передовая статья, весьма похожая на краткое изложеніе того отчета, извѣстила насъ, что нынѣшніе студенты не то, что прежніе, какъ наприм., начала шестидесятыхъ годовъ, и дѣлаютъ такіе успѣхи, подъ руководствомъ нынѣшнихъ профессоровъ, что «студенты второго курса рѣшаютъ вопросы, которые были бы не подъ силу иному западному ученому». Однимъ словомъ, многимъ профессорамъ петербургскаго университета, не рѣшающимъ такихъ вопросовъ, которые были бы не подъ силу западнымъ ученымъ — ничего послѣ этого не остается, какъ уступить свое мѣсто студентамъ второго курса. Вотъ что̀ можно назвать настоящимъ популярничаньемъ! Почтенная редакція «Голоса» не могла воздержаться отъ изумленія, печатая такое извѣстіе, лишенное здраваго смысла, однако напечатала, хотя съ оговоркой. Золотыя и серебряныя медали, розданныя на актѣ, конечно, свидѣтельствуютъ о домашнихъ работахъ студентовъ; на нынѣшнемъ актѣ, два сына профессора Срезневскаго получили каждый по медали, и возбудили тѣмъ изумленіе, но это изумленіе опять относилось вовсе не къ тому, чтобы молодые люди рѣшали такіе вопросы, какихъ не рѣшатъ западные ученые.

Если описывать празднество по порядку, то слѣдуетъ начать съ кануна, съ 7-го февраля, когда былъ совершенъ въ университетѣ религіозный обрядъ, а именно панихида по усопшимъ профессорамъ и студентамъ. Все это въ порядкѣ вещей; но оказалось, что распорядители тѣмъ только и ограничились въ отношеніи усопшихъ, и въ отчетѣ прошли почти молчаніемъ дѣятельность и время такихъ людей, какими были для университета Евг. П. Ковалевскій и П. А. Плетневъ, занимавшій почти 20 лѣтъ сряду постъ ректора университета; въ отсутствіе послѣдняго заграницею, когда за него исправлялъ должность ректора профессоръ Срезневскій, былъ закрытъ университетъ въ 1861 году; П. А. Плетневъ не пережилъ своего университета и вышелъ въ отставку. Послѣ религіознаго обряда, публика могла осматривать помѣщеніе университета, его аудиторій, музеевъ и т. д.; нельзя не поблагодарить распорядителей за эту подробность программы праздника, такъ какъ теперь университетъ закрытъ для публики, а между тѣмъ намъ, бывшимъ студентамъ, пріятно было хоть взглянуть на ту мѣстность, гдѣ протекали лучшіе дни юности; мысленно населяли мы знакомыя аудиторіи своими сверстниками, своими профессорами, вспоминали тѣ годы, когда, наприм., у одного профессора Костома-

рова собиралось слушателей столько, сколько теперь студентовъ въ цѣломъ университетѣ. При этомъ внѣшнемъ обзорѣ мы съ удовольствіемъ увидѣли, что университетъ въ послѣдніе годы живетъ не на прежнія скромныя средства: благодаря новымъ штатамъ, утвержденнымъ при бывшемъ министрѣ Головнинѣ, университетъ весьма обогатился своими научными средствами. По поводу юбилея, Государь Императоръ внесъ новое живое богатство открытіемъ 100 щедрыхъ стипендій; при этомъ остается только пожелать, чтобы выборъ молодыхъ людей былъ дѣланъ по всей справедливости, и чтобы городскіе слухи, будто иногда профессора (нынѣшніе профессора пользуются 3,000 руб. содержанія) назначаютъ стипендіатами своихъ сыновей, оказались бы чистою клеветою. Слѣдовало бы даже принять за правило, что стипендіатами можно не назначать тѣхъ, у кого отцы вообще получаютъ до 3,000 рублей, а особенно, если они эту сумму получаютъ отъ этого же самаго университета.

Мы не можемъ, по поводу новыхъ стипендіатовъ, названныхъ императорскими, пройти молчаніемъ тѣхъ мыслей, которыя были возбуждены въ газетѣ «Вѣсть» щедротами монарха. Этотъ органъ явился со внушеніемъ будущимъ стипендіатамъ; а именно, по мнѣнію его, молодые люди, осчастливленные такими стипендіями, должны всегда помнить это и отличаться впослѣдствіи особенною вѣрностью къ Тому, кто ихъ облагодѣтельствовалъ. Мы поняли бы смыслъ этихъ словъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ верховная власть имѣетъ основаніе предполагать въ населеніи массу недовольныхъ, и въ силу того вынуждено прибѣгать къ вербованію приверженцевъ; но у насъ, мораль, проповѣдуемая такимъ образомъ, лишена смысла, и обнаруживаетъ со стороны проповѣдующаго какую-нибудь исключительную потребность поставить на видъ свои намѣренія. Сказать однимъ, что вы должны обнаружить особую привязанность, не значитъ-ли сказать другимъ: а вы отъ этого свободны. Вотъ къ какимъ, по меньшей степени, неловкостямъ приводитъ мораль, когда морализирующій вовсе не имѣетъ въ виду тѣхъ, къ кому она обращена, а желаетъ только указать на себя, быть можетъ, въ видахъ прикрыться и быть свободнѣе въ распространеніи другихъ идей, не соотвѣтствующихъ проповѣдуемой имъ морали.

Второй день празднества былъ проведенъ въ залѣ дворянскаго собранія. Историческая записка объ университетѣ, прочтенная проф. Андреевскимъ, не въ состояніи была омрачить счастливаго настроенія, которое было принесено готовымъ публикою, составленной въ огромномъ большинствѣ изъ «дѣтей» университета. Чтеніе рескрипта, которымъ началось торжество, еще болѣе возвысило то настроеніе. Историческая записка съ напускнымъ восторгомъ, но безъ всякаго такта, утверждала предъ многочисленными депутаціями прочихъ высшихъ спе-

ціальныхъ учебныхъ учрежденій, что только университетъ дѣлаетъ насъ людьми, и депутаціямъ предоставлялось самимъ сообразить, чѣмъ дѣлаютъ своихъ питомцевъ ихъ заведенія. Даже самъ читавшій эту записку, и преподающій въ другихъ спеціальныхъ заведеніяхъ, профессоръ Андреевскій, долженъ былъ считать себя оскорбленнымъ, но, вѣрный своей ролѣ, торжественно произносилъ написанное не имъ. Та же записка съ горечью отозвалась о недавней эпохѣ университета, когда, съ новыми реформами нынѣшняго царствованія, университетъ обнаружилъ быстрый ростъ, между тѣмъ какъ юбилей былъ случаемъ возстановить истину во всей ея простотѣ. Но совѣтъ университета поручилъ изложить свою собственную исторію профессору монгольскаго языка г. Григорьеву, какъ будто гуманныя науки въ университетѣ представлены уже такъ дурно, что историка пришлось искать между оріенталистами!

Студентскій обѣдъ въ томъ же залѣ составлялъ самую оживленную, искреннюю и задушевную сторону всего торжества, и это понятно. Мы не поняли только, почему бывшіе студенты не могли найти распорядителей изъ своей среды, и въ концѣ каждаго стола сидѣли нынѣшніе профессора, не бывшіе студентами университета, на томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщаютъ въ пансіонахъ гувернеровъ. Послѣ перваго тоста за Государя Императора, бывшій студентъ, а нынѣ профессоръ Андреевскій, произнесъ тостъ за процвѣтаніе университета, предпославъ спичъ, навѣянный очевидно «Историческою запиской», относительно презрѣнія къ питомцамъ другихъ спеціальныхъ заведеній; намекая на благосостояніе другихъ питомцевъ, легко получающихъ мѣста и почетъ, онъ указалъ намъ на тернистый путь, которымъ пробираются университетскіе питомцы. Конечно, профессоръ Андреевскій, говоря такъ, не имѣлъ въ виду себя, но за то онъ на этотъ разъ могъ имѣть увѣренность, что его словъ не слышатъ его же питомцы другихъ спеціальныхъ заведеній, къ которымъ онъ отнесся съ такой отдаленною, но прозрачною ироніею.

Юбилейное торжество заключилось вечеромъ будущихъ «бывшихъ студентовъ» и обѣдомъ на слѣдующій день нынѣшнихъ профессоровъ и депутацій. Вечеръ, какъ и надобно было ожидать, прошелъ съ тѣмъ неподдѣльнымъ весельемъ, какимъ отличается молодежь вообще, а университетская въ особенности. Объ обѣдѣ мы не имѣемъ понятія, а участвовавшіе не сочли нужнымъ послать рефератъ въ газеты, какъ это водится въ другихъ странахъ, гдѣ любятъ, чтобы общество интересовалось всѣмъ, что́ касается университета.

Отъ исторической записки объ университетѣ легко перейдти къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ зрѣлищъ современности, какое дала намъ, втеченіи карнавала, полемика между «Московскими Вѣдомостями» и «Вѣстью». Не знаю, быть можетъ, моему читателю нравились больше

масляничныя увеселенія. Но мнѣ зрѣлище вышеупомянутой полемики понравилось болѣе всѣхъ пикантныхъ представленій, вѣроятно, потому именно, что представленіе, происходившее въ этомъ театрѣ, было еще болѣе «забирательнаго» свойства. Какія ставки въ этомъ écarté, который разыгрывали двѣ названныя газеты! Какіе козыри тѣ, которыми онѣ пришибаютъ другъ друга!

Газетная и журнальная полемика у насъ издавна процвѣтаетъ. Едва ли есть во всемъ мірѣ другая публицистика, которая бы такъ спеціально занималась самоѣдствомъ, какъ наша. Но доселѣ, въ нашей полемикѣ если употреблялись, въ видѣ орудій, авторитеты, то это были авторитеты свойства необыкновенно-важнаго или же авторитеты иностранные. Такъ, въ нашей полемикѣ употреблялись обыкновенно имена Базарова, Кирсанова, Кукшиной, Литвинова, — имена вымышленныя; или имена самихъ борцовъ, съ разными придуманными характеристичными эпитетами, напримѣръ: «Скарятинъ-Смоленскій», «Катковъ, макающій перо въ разумъ», «Аскоченскій и палка», и тому подобныя забавныя изобрѣтенія фельетонистовъ. Если ссылались на авторитеты, то это были авторитеты иностранные: Милль или Тьеръ какой-нибудь, однимъ словомъ, такіе авторитеты, что противникъ могъ тотчасъ подрѣзать однимъ ихъ неодобрительнымъ словомъ и тѣмъ одержать побѣду.

А тутъ, посмотрите: въ распрѣ между «Московскими Вѣдомостями» и «Вѣстью» съ какихъ картъ ходятъ: «Сошлемся на П. А. Валуева, котораго «Вѣсть» не признаетъ же радикаломъ», говорятъ «Московскія Вѣдомости».—«Укажемъ на Н. А. Милютина, котораго «Московскія Вѣдомости» не причтутъ же къ крѣпостникамъ», — возражаетъ «Вѣсть».

Кромѣ этого, «Московскія Вѣдомости» объявляли, что за «Вѣстью» стоитъ плотно-организованная и дисциплинированная партія, а «Вѣсть», въ свою очередь, утверждала, что за «Московскими Вѣдомостями» стоитъ какой-то «канцелярскій ржондъ»; тѣмъ не менѣе, плотно-организованная партія у «Вѣсти» если и есть, то она, должно быть, находится въ закупоренномъ видѣ, ибо дѣйствій ея никакихъ не видать, и лица, ее составляющія, неизвѣстны.

Точно такъ, «канцелярскій ржондъ», стоящій, по увѣренію «Вѣсти», за «Московскими Вѣдомостями», сохраняетъ полное инкогнито. Имена гг. Валуева и Милютина не бросаютъ никакого свѣта ни на ту, ни на другую изъ этихъ мнимыхъ партій, такъ какъ ни тотъ, ни другой изъ этихъ государственныхъ людей не принимаетъ, въ настоящее время, участія въ управленіи.

Мы упоминаемъ объ этой полемикѣ никакъ не съ тѣмъ, чтобы выводить изъ нея какія-нибудь соображенія о настоящемъ политическомъ положеніи, а тѣмъ менѣе о будущности нашего отечества. По-

лемика эта просто—современный курьёзъ и является на нашихъ страницахъ именно только въ этомъ качествѣ. Она, отчасти, похожа на новую оперу, которую мы назовемъ ниже: здѣсь, какъ и тамъ, много старанія и малый результатъ; здѣсь, какъ и тамъ, усердно исполняется поученіе «толцыте», — и однакожъ ровно ничего не «отверзается».

Между тѣмъ какъ органы нашей журналистики борются за принципы, ищутъ разрѣшенія высшихъ вопросовъ внутренней политики, въ дѣйствительной жизни у насъ остаются неразрѣшенными въ сознаніи многихъ самыя простыя вещи, въ родѣ того, имѣетъ ли отецъ право переломать сыну бока, въ видѣ назиданія.... Г. Мѣняевъ того мнѣнія, что сына посѣчь не только можно, но и должно, а то, что г. Мѣняевъ называетъ «посѣчь», другіе называютъ бить сына головой объ столъ, а потомъ поваливъ его, бить ногою. Вотъ какъ разнообразны бываютъ понятія, обозначаемыя однимъ и тѣмъ же словомъ. Въ прекратившейся нынѣ газетѣ «Русскій», М. П. Погодинъ описывалъ однажды, какъ мужикъ просилъ на мірской сходкѣ посѣчь себя, и по окончаніи операціи, когда его спросили: доволенъ-ли?—сказалъ: «дайте еще десятокъ». «Почтенный человѣкъ!» прибавлялъ г. Погодинъ къ этому разсказу. Но если бы этому почтенному человѣку было извѣстно то распространенное толкованіе слова «посѣчь», какое намъ представилъ нынѣ г. Мѣняевъ, то едва-ли бы онъ прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ самоисправленія, при помощи міра.

Судья приговорилъ г. Мѣняева къ аресту, и этимъ приговоромъ остались недовольны, кромѣ него, еще многіе. Эти господа утверждаютъ, что въ семейныя дѣлá никто, даже судъ, мѣшаться не вправѣ. Они толкуютъ о священномъ характерѣ семейныхъ отношеній. Когда г. Мѣняевъ билъ сына головою объ столъ, то вѣроятно, по ихъ мнѣнію, онъ въ нѣкоторомъ родѣ священнодѣйствовалъ.

Какъ будто есть какая-либо сфера, въ которой вся дикость нравовъ, вся необузданность грубыхъ страстей проявлялась бы такъ часто, а иногда такъ ужасно, какъ именно сфера семейныхъ отношеній, власти родителей надъ дѣтьми, мужа надъ женою. На глухихъ дорогахъ по ночамъ ѣздятъ патрули изъ казаковъ; на лучшихъ улицахъ до сихъ поръ при будкахъ стоятъ сторожевые. Въ семейныя отношенія—дорóги самыя глухія, улицы ихъ опасныя. Здѣсь-то болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь нуженъ дозоръ, нужны патрули и часовые. Семья должна быть открыта передъ обществомъ, общество должно контролировать семью, какъ оно контролируетъ всякія отношенія между людьми. Иначе изъ семьи вы сдѣлаете такую тюрьму, какой нѣтъ и для острожниковъ; тюрьму безотвѣтную, тюрьму, изъ которой не только нельзя вырваться, но нельзя и принесть жалобы.

Вотъ къ какимъ выводамъ можно придти, по поводу дѣла г. Мѣ-

няева и ему подобныхъ; необходимо, чтобы въ дѣлахъ жестокаго обращенія съ малолѣтными и несовершеннолѣтними право вчинанія дѣла въ судѣ предоставлено было *не только* самимъ жертвамъ, которыя какъ лица, прямо зависящія отъ своихъ мучителей, боятся пользоваться этимъ правомъ, и сверхъ того, по самому возрасту своему не умѣютъ имъ пользоваться, хотя бы и хотѣли, вслѣдствіе чего проступки старшихъ родственниковъ противъ дѣтей почти всегда остаются безъ наказанія. Далѣе, необходимо, чтобы право вчинанія такихъ дѣлъ не было ограничено и ближайшими родственниками, опекунами или попечителями преслѣдуемыхъ дѣтей, потому именно, что самый фактъ жестокаго обращенія почти всегда бываетъ только тамъ, гдѣ у ребенка такихъ естественныхъ заступниковъ нѣтъ. Необходимо это право вчинанія судебныхъ дѣлъ въ защиту малолѣтныхъ предоставить всякому свидѣтелю грубаго насилія. Только такое расширеніе закона можетъ оказать дѣйствительное вліяніе на грубыя нравы огромнаго большинства. Всѣ насилія происходятъ именно на основаніи укоренившагося въ массѣ убѣжденія, что дѣти будто бы находятся въ безотвѣтномъ распоряженіи родителей, составляя ихъ собственность. Между тѣмъ, это убѣжденіе невѣрно не только въ смыслѣ нравственномъ, но и въ смыслѣ положительно-юридическомъ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что главную надежду въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ возлагать на распространеніе въ массѣ образованія. Мы согласны съ этимъ замѣчаніемъ, если оно — только замѣчаніе, а не возраженіе. Въ смыслѣ же возраженія, ссылка на благодѣтельныя послѣдствія отъ успѣховъ въ образованіи, въ этомъ случаѣ, какъ часто и въ иныхъ, излагала бы только нежеланіе что́-либо предпринять. Спрашиваемъ, скоро-ли вся масса будетъ по образованію стоять хотя бы на уровнѣ петербургскаго купца Мѣняева?

Въ большинствѣ случаевъ домашней расправы, только признаніе за всѣми права отвращать насиліе и преслѣдовать родственниковъ тиранящихъ дѣтей, преслѣдовать независимо отъ согласія послѣднихъ, дало бы возможность успѣшнаго вмѣшательства, а такое вмѣшательство всегда будетъ: надо только чтобы оно было основано на правѣ, чтобы непризванный заступникъ не получалъ въ единственный отвѣтъ такой резонъ: «а вамъ молъ какое дѣло»?

Какое дѣло! Какое дѣло членамъ общества покровительства животнымъ до участи лошади, къ которой извощикъ примѣняетъ слишкомъ усердно «исправительныя мѣры взысканія»? Тутъ не требуется родства съ жертвою, иначе на истязаніе лошади могли бы жаловаться только ея же сестры; нѣтъ, тутъ каждый свидѣтель имѣетъ право вступиться, а полицейскій имѣетъ даже право задержать и лошадь и хозяина. Имѣютъ ли свидѣтели право преслѣдовать г. Мѣняева? Нѣтъ, не имѣютъ: они въ этомъ случаѣ могутъ дѣйствовать развѣ только

увѣщаніями, да потомъ свидѣтельствовать въ судѣ, если малолѣтный сынъ позоветъ ихъ въ свидѣтели, чего не будетъ 99 разъ изо ста.

Необходимо распространить на малолѣтныхъ ту гарантію общественнаго заступничества, какая уже предоставлена лошадямъ, собакамъ, кошкамъ, даже птицамъ и рыбамъ.

Кстати ужъ о городовыхъ. Мы какъ-то упоминали, что въ Москвѣ будетъ происходить судъ надъ городовымъ «за вымогательство пятачка». Теперь этотъ судъ происходилъ. Оказалось, что за пятачокъ судился не одинъ городовой, а двое: Колосовъ и Сулимовъ. Въ этомъ дѣлѣ есть нѣсколько фактовъ интересныхъ въ разномъ отношеніи. Во-первыхъ, городовой Колосовъ годъ находился подъ судомъ по обвиненію въ «зловредномъ взяточничествѣ въ размѣрѣ пяти копѣекъ», не говоря о дисциплинарномъ наказаніи, которому онъ подвергся по обвиненію въ грубости противъ начальства.

Во-вторыхъ, самый пятачокъ—орудіе преступленія—давно возвращенъ по принадлежности и въ удостовѣреніе этого возвращенія съ получателя взята росписка, съ приложеніемъ къ ней марки въ пять копѣекъ, за засвидѣтельствованіе руки получателя полиціею. Такимъ образомъ, это засвидѣтельствованіе, имѣвшее прямою цѣлью окончательно удостовѣрить фактъ возвращенія собственности цѣнностью въ пять копѣекъ, само разрушило эту собственность.

Судъ призналъ обвиненныхъ невиновными. Но безъ сомнѣнія, дѣло это произведетъ очень благопріятную острастку для крупныхъ взяточниковъ и для банкротовъ; ужъ если изъ-за пятачка судятъ двухъ человѣкъ цѣлый годъ, то какую же кару понесутъ похитители тысячь рублей? Правда, судъ въ концѣ концовъ оправдалъ-таки городовыхъ; но какъ же было не оправдать ихъ, тѣмъ болѣе, что пятачокъ возвращенъ сполна, между тѣмъ, какъ именно въ Москвѣ такъ нерѣдко возвращеніе пятачка за рубль.

Въ музыкальномъ мірѣ прошедшій мѣсяцъ ознаменовался постановкою на сцену въ Маріинскомъ театрѣ оперы г. Ц. Кюи: «Вильямъ Ратклиффъ». Про партитуру этой оперы можно сказать, что она представляетъ полный контрастъ съ сюжетомъ: тутъ все страстные порывы, доходящіе даже до предѣловъ здраваго смысла и отважно ихъ переступающіе; тамъ — въ партитурѣ — преобладаютъ совсѣмъ иныя свойства, именно усердіе и усидчивость. Тутъ ужъ нѣтъ ничего страстнаго, ни одного порыва звуковъ, который вы могли бы признать за нѣчто органически-живое; во всей оперѣ г. Кюи, состоящей изъ трехъ актовъ, почти нѣтъ даже тѣхъ случайныхъ удачъ, какія иногда выпадаютъ даже на долю мало даровитыхъ композиторовъ: такія музыки, какую написалъ г. Кюи, имѣютъ сходство съ системой фехтованія мольеровскаго M-r Jourdain: онѣ хотятъ нравиться par raison démonstrative. Скучно вамъ отъ этого длиннаго монолога, въ которомъ

г. Мельниковъ (Вильямъ Ратклиффъ) осужденъ плаксиво разсказывать самымъ тривіальнымъ образомъ самыя невѣроятныя несчастія—г. Кюи можетъ *доказать* вамъ, что если вы скучаете, такъ это не его вина: онъ сдѣлалъ все что̀ могъ; въ его оркестровкѣ бездна намѣреній: слышите ли, какъ неожиданно является этотъ минорный аккордъ, заимствованный у Берліоза; понимаете ли, какой глубокій смыслъ имѣетъ въ этомъ мѣстѣ унисонъ трубъ, около котораго чирикаютъ по временамъ флейты? Все это недаромъ, все это должно изображать самымъ эффектнымъ и въ то же время самымъ вѣрнымъ образомъ самыя невѣроятныя вещи. Что за дѣло, если г. Мельникову приходится распѣвать какія-то дѣтскія рапсодіи, лишенныя не только какого-либо музыкальнаго достоинства, но даже и музыкальнаго смысла, простое причитываніе, изъ тона въ тонъ, словъ весьма жалкихъ. Что̀ за дѣло—когда оркестръ поясняетъ вамъ все это, говоритъ все то, чего не говоритъ пѣніе г. Мельникова, говоритъ глубокомысленные пустяки самымъ обдуманнымъ и разнообразнымъ образомъ?

Это—музыка par raison démonstrative; вы вольны скучать, но не имѣете права сказать, что музыка не хороша, потому что вамъ тотчасъ можно объяснить, какъ все это обдуманно, и сколько во всемъ этомъ есть смысла. Если жанръ подобный тому, котораго представителемъ является г. Кюи, привьется къ нашей сценѣ, если публика дастъ себя убѣдить, что музыку нужно разбирать, а не слушать, что арія или дуэтъ должны писаться не увлекательно, а *убѣдительно*, какъ хорошая передовая статья въ газетѣ — то для школы такихъ композиторовъ мы впередъ предлагаемъ спеціальное названіе: «мостителей музыкальнаго ада».

Первая попытка молодого, хотя и мало талантливаго композитора, конечно, имѣла бы право на снисхожденіе; слѣдовало бы отнестись съ сочувствіемъ къ этой «безднѣ намѣреній» и поощрить автора къ чему-нибудь болѣе состоятельному. Но мы считаемъ это лишнимъ потому, что въ оба первыя представленія въ театрѣ было нѣсколько усердныхъ хлопальщиковъ, которые уже приняли на себя эту обязанность поощренія. Они регулярно хлопали всему, по окончаніи каждой сцены. Мимоходомъ мы слышали такой разговоръ:

— Въ этой оперѣ слишкомъ много...

— Чего? трубъ? да, есть злоупотребленіе ими.

— Нѣтъ — въ этой оперѣ еще больше чѣмъ трубъ — пріятелей автора.

И г. Сѣровъ слишкомъ увлекается Вагнеромъ, слишкомъ склоненъ стѣснять свой талантъ предвзятою мыслью. Но у г. Сѣрова есть большой талантъ, который не можетъ подчиниться вполнѣ такому неестественному требованію. Самъ Вагнеръ скученъ, но талантъ дѣйствительно могучій выручаетъ его, независимо отъ его воли, нѣсколь-

кими чудными мѣстами, въ которыхъ талантъ Вагнера одерживаетъ побѣду надъ самимъ Вагнеромъ, и выкупается тенденціозная скучность остальнаго. Тоже можно сказать и о г. Сѣровѣ.

Но композиторамъ малоталантливымъ не остается такого ресурса. Иди они обыкновеннымъ путемъ, они могли бы достигать умѣреннаго успѣха и разсчитывать хотя бы на мѣста utilité, въ оперномъ репертуарѣ. Но выйдя на ложный путь, они вполнѣ подвергаются всѣмъ его требованіямъ и условіямъ, то-есть производятъ нѣчто совсѣмъ несостоятельное, нѣчто такое, въ чемъ скука цѣлаго не выкупается даже удачными отдѣльными мѣстами.

Что у Глинки, какъ и у другихъ самобытныхъ геніевъ, васъ поражаетъ богатство колорита, изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, что достаточно натереть на музыкальное полотно всѣ краски, какія только извѣстны въ техникѣ, и будешь Глинкою. При отсутствіи рисунка, при слабости мысли, изъ богатства колорита выйдетъ только аффектація, мѣстами забавная, но по большей части невыразимо скучная.

Такъ, г. Кюи въ своей оперѣ можно сказать поставилъ Пеліонъ на Оссу: уже самый сюжетъ, выбранный имъ, разсчитанъ на внѣшній, насильственный эффектъ. Въ «Ратклиффѣ» Гейне хороши только стихи Гейне, а сама драма представляетъ хаосъ ребяческихъ ужасовъ: призраки, пляшущіе воры, безумная, и обиліе смертей доходящее до того, что покойниковъ набирается къ концу дѣйствія съ полдюжины. Прелесть стиховъ Гейне г. Кюи старался замѣнить всевозможными эффектами музыкальной техники. Остановимся хотя бы на второмъ дѣйствіи. Здѣсь, воры, совершивъ свою пляску, поютъ: «друзья, друзья, давайте снова спать, глаза смыкаются невольно», и вотъ композиторъ считаетъ обязанностью передать оркестровкою эффектъ человѣческаго зѣвка. Мысль переложить зѣвокъ на музыку—всецѣло принадлежитъ г. Кюи; эта заслуга и останется при немъ. Но осуществленіе такой удачной мысли все-таки не ограждаетъ слушателей отъ другихъ зѣвковъ, на музыку не положенныхъ. Затѣмъ—монологъ Ратклиффа «при лунѣ», «у *чернаго* камня», въ присутствіи «туманныхъ призраковъ». Ратклиффъ начинаетъ: «У, свистъ какой!» и вотъ флейты въ самомъ дѣлѣ тотчасъ взвизгиваютъ, такъ что сомнѣваться въ свистѣ не остается возможности. Потомъ, оркестръ изъ себя выходитъ, чтобъ испугать слушателя и привесть его въ требуемое настроеніе таинственнаго ужаса. Но все напрасно, самое чрезмѣрное стараніе оркестра производитъ на слушателя совсѣмъ другое впечатлѣніе, то впечатлѣніе, какое всегда производитъ аффектація. Затѣмъ слѣдуетъ дуэтъ Дугласа съ Ратклиффомъ: хотя бы капля живой страсти, хотя бы одно живое, исшедшее изъ души композитора движеніе, ничего: трудъ, и трудъ! Разговоръ Ратклиффа съ Дугласомъ во время поединка представляетъ, и по мысли и по фактурѣ, образецъ тривіяльности. Но довольно. Мы

распространились о произведеніи г. Кюи потому только, что въ немъ отражается направленіе, которое можетъ повредить успѣхамъ русской музыки; пусть наши начинающіе композиторы воздерживаются отъ штукъ, и не думаютъ замѣнить мысль внѣшними эффектами.

Мы готовы были уже заключить нашу хронику, какъ прочли въ одномъ изъ новыхъ журналовъ «Заря» статью г. О. Миллера: «Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ», съ «Замѣткой для (?!) Вѣстника Европы». Вѣстникъ Европы, вѣроятно, не найдетъ чѣмъ воспользоваться у г. О. Миллера, и придется мнѣ одному прочесть и написать свою замѣтку для О. Миллера. Читатели будутъ при этомъ довольны по крайней мѣрѣ тѣмъ, что отъ г. О. Миллера они узнáютъ наконецъ, кто это такой —о—, подписывающійся подъ «Хроникою общественной жизни». Новый нашъ Шампольонъ почтилъ меня спеціальнымъ изслѣдованіемъ и рѣшился дешифрировать одну изъ буквъ русскаго алфавита, избранную мною для подписи Хроники. Открывъ азбуку, г. О. Миллеръ узналъ бы просто, что это буква *о;* но изслѣдованіе почтеннаго ученаго имѣло только по внѣшности серьезныя намѣренія открыть имя врага; на дѣлѣ оказалось, что нашъ ученый пустился въ плясъ и оповѣстилъ публику, что это *о* есть не что иное, какъ 0, т. е. *нуль*, и затѣмъ, признавъ самъ остроумною свою находку, онъ продолжалъ далѣе обращаться ко мнѣ, называя по открытому имъ имени, а именно, г-нъ Нуль! Ворамъ даютъ совѣтъ не оставлять рукавицъ, а острякамъ, и притомъ изъ ученыхъ, можно дать совѣтъ брать булавку за головку, а не за остріе. Я также былъ озадаченъ оригинальностью подписи г. *О.* Миллера; чтó означаетъ это *О?* Нѣтъ сомнѣнія, что это тоже нуль, а не буква *о*, а потому нѣтъ сомнѣнія, что и я имѣю дѣло съ г. Нуль-Миллеромъ; итакъ, споръ происходитъ между двумя нулями, съ тою только разницею, что мой нуль пишется не съ лѣвой стороны, а г. Миллеръ является нулемъ, поставленнымъ съ лѣвой, т. е. дѣйствительнымъ нулемъ; мой нуль увеличиваетъ единицу въ 10 разъ, а нуль г. Миллера уменьшаетъ ее въ таковое же количество разъ. Мы признаемъ, что все это наше остроуміе весьма дешево, но г. Нуль-Миллеръ долженъ защитить насъ, такъ какъ мы остримъ по его ученому рецепту.

Впрочемъ, г. Миллеръ самъ не считаетъ себя нулемъ, и храбро отвѣчаетъ на нѣкоторыя выраженныя мною недоумѣнія относительно его взглядовъ и быстроты измѣненій ихъ, на основаніи чего я вспомнилъ исторію личинки и бабочки. «Но мнѣ бы хотѣлось знать, восклицаетъ г. О. Миллеръ, прибѣгнетъ ли къ чему-нибудь подобному И. С. Тургеневъ, когда въ статьѣ, имъ обѣщанной «Вѣстнику Европы», долженъ будетъ говорить о Бѣлинскомъ (куда мѣтитъ г. Миллеръ!) *первыхъ*, и Бѣлинскомъ *послѣднихъ* годовъ?» Намъ пріятно увѣдомить г. Миллера, что статья И. С. Тургенева находится уже въ редакціи

и будетъ напечатана въ апрѣльской книгѣ. И. С. Тургеневъ, оказывается, совсѣмъ не предвидѣлъ притязаній г. О. Миллера стать рядомъ съ Бѣлинскимъ; но если бы предвидѣлъ, то отвѣтъ его не подлежитъ никакому сомнѣнію: Quod licet Jovi, non licet bovi!

Вотъ образецъ ученыхъ отвѣтовъ г. Миллера; остальное не заслуживаетъ даже и шутки. Г. Миллеръ принимаетъ на себя еще защиту г. Градовскаго, нападаетъ мимоходомъ на проф. Соловьева за его статьи въ «Вѣстникѣ Европы», и упрекаетъ журналъ въ томъ, что онъ въ 66 году напечаталъ его статью о Ломоносовѣ, слѣдовательно, считалъ г. Миллера на что́-нибудь годнымъ, и т. д. «Вѣстникъ Европы» знаетъ одно, что труды г. Миллера печатать весьма опасно: онъ получилъ степень магистра за диссертацію, а потомъ отказалъ своей диссертаціи въ смыслѣ, удержавъ впрочемъ ученую степень, полученную за нее. Кончая свои шутки съ «Вѣстникомъ Европы», г. Миллеръ пророчитъ превращеніе нашего «историческаго журнала» въ юмористическій. «Будемъ — восклицаетъ онъ — ждать съ любопытствомъ такого еще небывалаго происшествія!» «Вѣстникъ Европы» могъ бы также остаться въ ожиданіи окончательнаго превращенія нашего ученаго въ шуты, но такой надобности, послѣ отвѣта мнѣ со стороны г. Миллера, вовсе не предстоитъ. При всемъ томъ, мы продолжаемъ думать, что г. О. Миллеръ на диспутѣ д-ра Владиславлева поступилъ весьма благородно, не согласившись ограничить его противника, г. Ушинскаго, знаменитыми «пятью минутами».

Намъ пришелъ этотъ диспутъ на память, по поводу напечатаннаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» извѣстія, что тотъ параграфъ новаго устава университетовъ, который требуетъ двухъ-третей голосовъ для выбора отслужившихъ профессоровъ на новое пятилѣтіе, можетъ быть отмѣненъ. Что же будетъ тогда съ университетами, когда уничтожатъ эту препону, при помощи «коллегъ», продолжать въ туманную даль не чтеніе лекцій — о нѣтъ! — но полученіе хорошаго оклада. Хорошій профессоръ и теперь найдетъ себѣ не только $^2/_3$ голосовъ, но и больше; а какъ отдѣлаться отъ профессора, пережившаго себя. Петербургскій университетъ теперь богатъ такими докторами, какъ г. Бауэръ, Градовскій, Владиславлевъ; какая же перспектива предстоитъ университету, если современное намъ «similis simili gaudet» продолжится «in perpetuum», и мы получимъ когда-нибудь не «perpetuum mobile», а «perpetuum immobile»? Мы остаемся однако въ надеждѣ, что извѣстный параграфъ о двухъ-третяхъ, служащій залогомъ будущаго успѣха университетовъ, найдетъ себѣ пощаду.

—о—

СОВРЕМЕННЫЯ УСЛОВІЯ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Новая комедія А. Н. Островскаго: «Горячее сердце».

Мы давно не говорили о русскомъ театрѣ; но говорить о русской сценѣ ради того только, чтобы говорить, мало пользы. Не останавливаться же на такихъ пьесахъ, какъ «Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ», «Наканунѣ ссылки» и т. п.—только для того, чтобы сказать, что всѣ эти пьесы никуда не годятся. Еслибы еще въ подобныхъ произведеніяхъ рядомъ съ большими недостатками были еще и какія-нибудь достоинства, которыя подсказывали, что авторъ обладаетъ дѣйствительнымъ драматическимъ талантомъ, но только случайно, по неопытности, незнанію сцены, непривычкѣ къ дѣлу, оступился или даже вовсе провалился,— тогда, не обращая вниманія на то, что пьеса упала, мы бы съ радостью занялись ею, стараясь указать на все, что́ въ ней есть хорошаго и указывая недостатки, отъ которыхъ авторъ впослѣдствіи могъ бы освободиться. Притомъ, одно паденіе пьесы не доказываетъ ровно ничего, и мы не разъ видѣли, что самые талантливые, самые замѣчательные авторы падали, но только для того, чтобы потомъ выше взлетѣть. Мы бы зашли слишкомъ далеко, если бы захотѣли разобрать всѣ причины успѣха или неуспѣха пьесы, что́ могло бы составить предметъ особой статьи — мы хотимъ только сказать, что въ опредѣленіи достоинствъ или недостоинствъ пьесы мы вовсе не руководствуемся тѣмъ, насколько пьеса имѣла успѣха или насколько не имѣла.

Мы живемъ въ такое странное время, когда «Прекрасная Елена», «Всѣ мы жаждемъ любви», и мн. другое въ этомъ же родѣ, не сходятъ съ афиши, въ то время какъ лучшія произведенія русскаго репертуара, «Горе отъ ума», «Ревизоръ», прежнія произведенія Островскаго, А. Потѣхина, появляются ровно настолько, чтобы не дать имъ быть задавленными цѣлою стѣною пыли. Нечего уже и говорить, что переводныхъ произведеній геніальныхъ драматурговъ Запада мы не видимъ почти никогда. А между тѣмъ не слѣдовало бы, кажется, ими пренебрегать. Если мы не ошибаемся, намъ кажется, что несравненно лучше было бы играть отъ времени до времени Шекспира, Шиллера, поставить нѣкоторыя изъ геніальныхъ драмъ Гёте, и даже нѣкоторыхъ изъ современныхъ иностранныхъ драматурговъ, чѣмъ питать

русскую публику французскими оперетками, часто изуродованными русскимъ переводомъ, которыя смѣло можно было предоставить театру Берга и Комп. Разумѣется, намъ отвѣтятъ на это: «театръ полонъ, публика ломится, это нравится, чего же вы хотите»; но этими доводами мы никакъ не убѣдимся, вѣдь и въ кабаки «публика» ломится, вѣдь и въ балаганы, которыя строятся на праздникахъ, публика ломится, вѣдь и...... однимъ словомъ, въ различныя мѣста публика ломится, однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы сцену Александринскаго театра превратить въ кабакъ, или заставить ходить на ней по канату, призвать клоуновъ и тому подобное. Мы не возстаемъ противъ всѣхъ подобныхъ удовольствій, мы не пуритане, которые желали бы заставить весь міръ отвернуться отъ подобныхъ зрѣлищъ, но мы только думаемъ, что если театральной дирекціи особенно лежитъ на душѣ знакомить русскую публику съ игривыми произведеніями маленькихъ французскихъ театровъ, то было бы гораздо лучше, еслибы театральная дирекція обратилась къ свободѣ театровъ, вмѣсто того, чтобы отнимать у драматическаго искусства единственную петербургскую сцену—сцену Александринскаго театра. Пусть будутъ сцены, гдѣ давались бы «Прекрасная Елена», «Орфей въ Аду», «Всѣ мы жаждемъ любви» и всевозможныя tutti quanti,—мы противъ этого ничего не имѣемъ, но пусть только будетъ хоть одна сцена, гдѣ можно было бы провести вечеръ тогда, когда человѣкъ не находится въ игривомъ расположеніи духа. Намъ кажется, что требованіе это ужъ не богъ-знаетъ какъ велико!

Но помимо возраженія: «театръ полонъ, сборъ превосходный», театральная дирекція, можетъ быть, скажетъ намъ: «Чего вы хотите! Шиллера, Гёте, Шекспира, Грибоѣдова, Гоголя, да вѣдь для того, чтобы ими можно было дѣлать сборъ, для этого вѣдь нужна труппа, которая съумѣла бы вынести такого рода произведенія, а такой труппы у насъ нѣтъ!» Подобный доводъ одинаково неубѣдителенъ, какъ и первый; это не наша вина, если театральное училище выпускаетъ актеровъ и актрисъ, которые способны разъигрывать оперетки и фарсы и неспособны передать намъ серьезнаго произведенія драматическаго искусства. «Замѣчательные таланты, скажутъ намъ, не дѣлаются,—Тальмы, Кины, Рашели рождаются»; и мы не станемъ спорить противъ этого, мы вовсе и не требуемъ того, мы знаемъ, что театральное училище скорѣе забьетъ, уничтожитъ, чѣмъ разовьетъ талантъ; все что мы хотимъ, что мы имѣемъ право требовать,—чтобы у насъ была «средняя» труппа, которая при помощи труда, нѣкотораго образованія, старанія, могла бы исполнить ровно—не болѣе—хорошую комедію или драму. Какъ ни умѣренно такое желаніе, русская драматическая труппа далека до его осуществленія, за исключеніемъ двухъ, трехъ лицъ, она въ общемъ уровнѣ стоитъ ниже посредственности. Взгляните на мно-

гочисленныя сцены Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, и вы увидите, что тамъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ талантовъ, тоже не богъ-знаетъ какое исполненіе, взятое конечно само по себѣ или по сравненію ихъ между собою; но сравните съ тѣмъ исполненіемъ, которое мы видимъ на нашей сценѣ, и тогда нельзя не ужаснуться, подумавъ, за какіе грѣхи мы обречены терпѣть это чистое наводненіе бездарностей, и главное бездарностей, испорченныхъ еще какою-то неумѣстною самоувѣренностью и развязностью. Въ любой странѣ западной Европы существуетъ огромное количество театровъ, и на очень многихъ изъ нихъ всегда можно увидѣть хорошее произведеніе драматическаго искусства, разыгранное какъ нельзя болѣе дружно, добросовѣстно, не говоря о тѣхъ случаяхъ, когда вы выносите потрясающее впечатлѣніе отъ игры такихъ замѣчательныхъ талантовъ какъ Росси, Сальвини, Девріентъ и т. д. У насъ существуетъ всего по одному русскому театру въ Петербургѣ и Москвѣ, и то мы не можемъ добиться, чтобы имѣть сносную «среднюю труппу». Мы упомянули Москву, потому что по отзыву самихъ москвичей, понимающихъ въ дѣлѣ сценическаго искусства, московская труппа живетъ только своею прошедшею славою, падая изъ года въ годъ все ниже и ниже.

Гдѣ искать причины такого неотраднаго состоянія сценическаго искусства, въ чемъ должны мы видѣть корень зла? Не нужно очень углубляться, чтобы отыскать эту причину, она лежитъ передъ глазами и поражаетъ своею уродливостью. Театральное училище должно по праву нести отвѣтственность за то, что русская труппа въ общемъ составѣ стоитъ ниже посредственности. Принявъ на себя монополію постановки актеровъ и актрисъ на русскую сцену, оно заслуживаетъ самаго строгаго порицанія въ двухъ отношеніяхъ: во-1-хъ, доказавъ свою полную неспособность къ выработкѣ, повторяемъ еще разъ, не талантовъ, а просто толковыхъ и не портящихъ пьесы исполнителей, какихъ мы находимъ вездѣ на многочисленныхъ европейскихъ сценахъ; и во-2-хъ отталкивая, запирая, за рѣдкими исключеніями, двери театра для всякаго непосвященного въ таинства театральнаго училища. Оно и понятно. Какъ ни великъ можетъ быть бюджетъ русскихъ театровъ, но онъ долженъ поглощаться тою массою питомцевъ театральнаго училища, которые входятъ въ составъ русской драматической труппы. Какое дѣло до того, что многіе и многіе изъ этой труппы никогда не появляются на сценѣ, одни по полной неспособности, другіе по другимъ, неизвѣстнымъ намъ причинамъ, они тѣмъ не менѣе продолжаютъ высасывать свои пансіоны, которые съ пользою могли бы быть обращены на другихъ, не-казенныхъ актеровъ, когда, хотя и рѣдко это бываетъ, они предлагаютъ свои услуги дирекціи. Конечно, вольные актеры являются теперь не часто, но иначе

и быть не можетъ, такъ какъ кому не извѣстно, что театральная дирекція смотритъ косо, и даже вовсе криво на свободныхъ артистовъ, непрошедшихъ черезъ торную дорогу театральнаго училища. Какая можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, охота принимать въ труппу пришедшихъ съ вольнаго воздуха артистовъ, когда дирекція не знаетъ, что ей дѣлать и со своими. А что до того, что свои могутъ никуда не годиться, посторонніе могутъ быть хороши, это вовсе другой вопросъ, о которомъ повидимому никто особенно не заботится. Такъ и идетъ изо дня въ день, и въ обществѣ утверждается понятіе, что для того, чтобы быть актеромъ нужно непремѣнно съ десяти лѣтъ поступить въ училище, гдѣ васъ будутъ ломать, коверкать, учить ходить, раскланиваться, и гдѣ вы не получите никакого порядочнаго образованія, безъ котораго артистъ, какъ онъ даже ни будетъ талантливъ, теряетъ больше чѣмъ на половину своей силы, а человѣкъ, лишенный большого таланта, становится вовсе неспособнымъ къ пониманію маломальски серьезной роли.

Вотъ слѣдовательно корень зла, и покуда онъ не будетъ совершенно уничтоженъ, покуда не закроется театральное училище, стоющее такихъ суммъ, до тѣхъ поръ положеніе сценическаго искусства все будетъ падать больше и больше, такъ какъ пріобрѣтенія, дѣлаемыя человѣкомъ въ театральномъ училищѣ, остаются тѣже, а требованія отъ актера все болѣе увеличиваются. Впрочемъ, если существованіе театральнаго училища кому-нибудь особенно дорого, то пусть оно остается, но пусть за то будетъ сдѣлана другая реформа, которая одинаково должна будетъ благодѣтельно подѣйствовать на возвышеніе уровня драматической труппы. Пусть будетъ дана свобода театровъ, и тогда рядомъ съ питомцами театральнаго училища явится у насъ значительное количество конкуррентовъ, которые отгоняются теперь отъ русской сцены монополіею театральной дирекціи. Тогда только, когда будетъ предоставлена свобода театровъ, въ дѣятельности русскаго люда явится новая вѣтвь — служеніе сценическому искусству, тогда только люди, чувствующіе въ себѣ призваніе, страсть, священный огонь къ этому дѣлу, не будутъ смотрѣть на свое призваніе какъ на шалость, забаву, а будутъ вполнѣ ему отдаваться и посвящать себя исключительно сценѣ. Конечно, при свободѣ театровъ, цѣна исключительнымъ талантамъ значительно повысится, и такой артистъ безъ сомнѣнія не останется на сценѣ казеннаго театра, если частный директоръ театра предложитъ ему больше, но за то обыкновенные, порядочные актеры, простыя «полезности» перестанутъ прикидываться олимпійцами и диктовать законы, такъ какъ подобныхъ актеровъ явится много, и дирекція получитъ возможность выбора.

Какъ важна свобода театровъ въ дѣлѣ возвышенія уровня драматической труппы, такъ точно важна она и для улучшенія нашего дра-

матическаго репертуара. Со всѣхъ сторонъ мы только и слышимъ жалобы на то, что вовсе нѣтъ порядочныхъ пьесъ, и нельзя не сказать, что жалобы эти какъ нельзя болѣе справедливы. Конечно, въ этомъ дѣлѣ одной свободы театровъ еще мало, тутъ есть другія условія, которыя пагубнымъ образомъ дѣйствуютъ на состояніе драматическаго искусства въ Россіи. Мы не станемъ останавливаться на томъ, какія это условія, онѣ ясны, какъ день, и театральная дирекція въ нихъ неповинна. Мы говоримъ о чрезвычайной строгости цензуры, допускающей пьесы къ представленію или останавливающей ихъ вслѣдствіе своихъ особыхъ соображеній. Положеніе русскаго драматурга несравненно труднѣе, чѣмъ положеніе любого драматурга западной Европы, потому что изъ области русской драматической дѣятельности должны быть исключены очень многіе и очень важные жизненные вопросы, которые послужили темой для столькихъ прекрасныхъ произведеній въ иностранной драматургіи. Стóитъ только взять нѣсколько произведеній драматическаго искусства во Франціи, на которую у насъ сдѣлалось модой накидываться и обвинять въ отсталости и чуть не безвозвратномъ паденіи, чтобы убѣдиться, сколько отличныхъ комедій и драмъ было написано на канву политической, религіозной и соціальной жизни общества, безъ того, чтобы изъ этого произошли какія-нибудь бѣды. Еслибы всѣ эти области были отняты у современныхъ французскихъ драматурговъ, то театръ лишенъ бы былъ такихъ пьесъ, какъ «Les Effrontés», «Les Parisiens», «Séraphine» и многихъ другихъ произведеній Ожье и Сарду, Дюма и Барьера. Чѣмъ шире будетъ область наблюденій, предоставленная русскому драматургу, чѣмъ крупнѣе интересы онъ будетъ затрогивать, тѣмъ выше поднимется русское драматическое искусство, тѣмъ шибче пойдетъ его развитіе. Чѣмъ строже и ревнивѣе будетъ относиться театральная цензура къ драматическимъ произведеніямъ, тѣмъ больше будетъ оно падать, тѣмъ беднѣе будетъ становиться нашъ репертуаръ. Тамъ, гдѣ нѣтъ воздуха, тамъ нѣтъ и жизни. Мы смиренно предлагаемъ театральной цензурѣ одинъ вопросъ, въ который, мы отъ души желаемъ, чтобы она вдумалась какъ можно глубже: чтó считаетъ она болѣе вреднымъ, чтó больше деморализируетъ массу, чтó пагубнѣе дѣйствуетъ на нее: «Прекрасная-ли Елена», которая не сходитъ эту зиму съ афиши, или комедія А. Потѣхина «Рыцари нашего времени», недопущенная ею до представленія и появившаяся теперь въ печати. Мы не хотимъ сомнѣваться, чтобы театральная цензура, задавъ себѣ этотъ вопросъ, не пришла бы къ тому же разрѣшенію, какъ и мы.

Но помимо условій, задерживающихъ развитіе русскаго драматическаго искусства, въ которомъ неповинна театральная дирекція, она все-таки вноситъ и свою лепту въ общій тормозъ, представляя изъ себя верховнаго властелина, рѣшающаго участь каждой драмы или

комедіи, съ сценической точки зрѣнія. Мы полагаемъ, что театральный комитетъ, черезъ который проходитъ всякая пьеса, не считаетъ себя непогрѣшимымъ, и можетъ быть очень легко, что пьеса, забракованная имъ, имѣла бы тѣмъ неменѣе значительный успѣхъ на сценѣ. При монополіи казенныхъ театровъ, что̀ выходитъ? Пьеса представляется въ театральный комитетъ, по какимъ-нибудь причинамъ она не понравилась, комитетъ кладетъ свое veto, и затѣмъ для автора нѣтъ уже никакого выхода, апеллировать ему некуда. Кто знаетъ, не погибло ли такимъ образомъ многое множество пьесъ, которыя имѣли бо̀льшія достоинства, чѣмъ произведенія, появившіяся на афишѣ. И мы нисколько не винимъ за это комитетъ, и не желаемъ дѣлать ему какихъ бы то ни было упрековъ. Онъ совершенно неповиненъ; кому не приходилось ошибаться, и комитетъ не претендуетъ, конечно, составить исключеніе изъ общаго правила. Но неповинны, однако, и тѣ, которые написали пьесу, можетъ быть, хорошую, и все-таки должны бросать ее въ свой бумажный хламъ. Виновна одна система театральной монополіи, на которую мы указываемъ, такъ какъ при свободѣ театровъ такіе случаи были бы просто немыслимы. Предполагая, что театральная дирекція казеннаго театра отказываетъ какую-нибудь пьесу, авторъ имѣетъ возможность снести ее къ частному директору, онъ не принялъ, къ другому, и т. д. Нѣтъ никакой вѣроятности, что пьеса, имѣющая дѣйствительныя достоинства, хотя и перемѣшанныя съ недостатками, не попала бы на какую-нибудь сцену, и разыгранная, показала бы, что̀ въ ней есть хорошаго, что̀ дурного. Развѣ не каждый день мы видимъ въ западной Европѣ подобные случаи, развѣ мы не знаемъ примѣровъ, что комедія приносилась, напр., въ Comédie Française, получала отказъ, переходила къ какому-нибудь директору, снова отказъ, и такъ пространствовавъ изъ одного театра въ другой, изъ Gymnase dramatique въ театръ Vaudeville, отсюда въ театръ Odéon, достигала какого-нибудь маленькаго театра, въ родѣ Cluny, и тутъ, къ досадѣ всѣхъ директоровъ, у которыхъ пьеса была, но которые отказали, имѣла громадный успѣхъ. Такъ случилось въ послѣднее время съ нѣсколькими пьесами въ Парижѣ.

Мы могли бы пойти дальше и показать, въ какихъ еще отношеніяхъ свобода театровъ имѣла бы большое значеніе, но мы остановимся, думая, что достаточно и того, что нами сказано, чтобы убѣдиться, какую важность имѣетъ отмѣна театральной монополіи для дальнѣйшаго развитія драматическаго искусства, а слѣдовательно и для русской жизни. Только при свободѣ театра, онъ займетъ въ этой жизни то мѣсто, которое должно ему принадлежать, только тогда явится онъ какъ одно изъ могущественныхъ средствъ цивилизаціи. До тѣхъ поръ, пока не настанетъ для русскаго театра эта желанная эпоха свободы, до тѣхъ поръ не возвысится и уровень драматической

труппы, до тѣхъ поръ не раскинется широко и драматическій репертуаръ, и по прежнему онъ будетъ держаться одинмъ или двумя авторами, во всемъ остальномъ представляя крайнюю посредственность; наконецъ, тогда только баснословный успѣхъ «Прекрасной Елены» и тому подобныхъ фарсовъ, въ ущербъ серьезнымъ произведеніямъ не будетъ особенно печалить всякаго, кому дорого русское искусство, потому что только тогда мы будемъ увѣрены, что французскія оперетки не узурпируютъ чужого мѣста. Тогда пусть являются «Елены», «Орфеи», «Всѣ мы жаждемъ любви», пусть тогда они привлекаютъ публику, мы будемъ знать, что рядомъ съ этими сценами для фарсовъ будутъ сцены и для дѣльныхъ комедій, что вкусъ публики не будетъ искуственно развращаться «Еленами» на счетъ серьезнаго репертуара драматическаго искусства.

Мы боимся, чтобы такое явленіе, если бы оно оказалось продолжительнымъ, не свидѣтельствовало о пониженіи уровня въ общественномъ вкусѣ. Успѣхъ однихъ и неуспѣхъ другихъ приводитъ насъ къ тому положенію, изъ котораго мы вышли, что успѣхъ не доказываетъ, чтобы пьеса была хороша, точно также, какъ неуспѣхъ не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы пьеса была дурна. Послѣдняя комедія Островскаго: «Горячее Сердце», какъ нельзя лучше говоритъ въ пользу нашего положенія; если бы мы должны были опредѣлять достоинство пьесы потому, насколько она имѣла успѣха, то про «Горячее Сердце» мы должны были бы сказать, что комедія эта есть очень слабое произведеніе, съ чѣмъ конечно мы далеко не согласны, хотя и должны сознаться, что въ этомъ новомъ произведеніи кроются такіе недостатки, которые объясняютъ болѣе или менѣе тотъ равнодушный пріемъ, который встрѣтила эта комедія на сценѣ Александринскаго театра.

Въ «Горячемъ Сердцѣ» г. Островскій снова вернулся въ міръ самодуровъ, послужившій ему такимъ богатымъ матеріаломъ для прежнихъ его произведеній, ему посвященъ почти весь театръ Островскаго, за исключеніемъ двухъ или трехъ пьесъ. Самодуры въ низшемъ слоѣ общества, въ классѣ мѣщанъ или купцовъ, снова явились передъ нами, тогда, когда мы думали, что, благодаря самому г. Островскому, этотъ міръ исчерпанъ до конца, и что подъ опасностью повторенія, къ нему едва-ли возможно обращаться. Почва обѣднѣла, мы полагали, вслѣдствіе долгой и безостановочной эксплуатаціи, и едва ли мы ошиблись въ нашемъ предположеніи. Какими бы достоинствами ни отличалось произведеніе, написанное на старую, хорошо знакомую намъ тему, оно всегда будетъ терять половину своей силы, если въ каждомъ выведенномъ типѣ мы встрѣчаемъ типъ, много разъ повторенный уже прежде тѣмъ же самымъ авторомъ. Такъ случилось, и съ «Горячимъ Сердцемъ». Читая или слушая на сценѣ новое произведеніе г. Остров-

скаго невольно приходитъ на мысль, что слушаешь или читаешь вовсе не новую комедію, что всѣ эти типы, всѣ отношенія ихъ между собою, многія сцены не разъ уже проходили передъ вами, и вы ищете только, въ какой комедіи или драмѣ встрѣчали вы ту или другую фигуру. Быть можетъ, это замѣчаніе приходило и въ голову самому автору въ то время, когда онъ писалъ свою комедію, и чувствуя, что трудно прибавить къ тому, что̀ было имъ сдѣлано, что-нибудь новое, онъ постарался придать выведеннымъ въ этой комедіи лицамъ большую рѣзкость, которая подчасъ переходитъ въ каррикатурность, и тѣмъ вредитъ «правдѣ» цѣлаго произведенія. Вотъ общее впечатлѣніе, выносимое изъ новой комедіи, впечатлѣніе, котораго справедливость мы постараемся показать, сдѣлавъ хоть бѣглый разборъ «Горячаго Сердца».

Мы желали бы прежде всего разсказать сюжетъ новой комедіи, передать въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе, ея интригу, и тутъ встрѣчаемъ значительную трудность, которую едва-ли не слѣдуетъ вмѣнить въ вину г. Островскому. Мы не знаемъ, что слѣдуетъ считать главнымъ сюжетомъ комедіи: отношенія-ли Параши къ Васѣ, отношенія-ли Матрены къ Наркису, кто тутъ занимаетъ главную роль, кто является на второстепенномъ планѣ, все тутъ перемѣшано, перепутано, сцены всѣ скучены, и вы съ трудомъ отыскиваете ту нить, которая связываетъ между собою всѣ выведенныя лица и всѣ намѣченныя сцены. Присутствіе такой нити есть неизбѣжная необходимость въ комедіи или драмѣ, безъ нея можетъ быть рядъ сценъ, изъ которыхъ одна болѣе удачна, чѣмъ другая, но не будетъ цѣльности, безъ которой комедія не комедія, драма не драма. Нить эта должна сплочивать между собою всѣ сцены, всѣ явленія, и тѣ которыя ускользаютъ, не поддаются ей, должны быть считаемы излишними въ драматическомъ произведеніи. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы этой нити вовсе не было въ новой комедіи г. Островскаго, но она двадцать разъ обрывалась у него во время работы, и онъ, не прилагая особеннаго старанія, какъ попалось, связывалъ ее наскоро, вслѣдствіе чего и попадаются болѣе или менѣе неуклюжіе узлы.

У испитаго и заспавшагося купца Курослѣпова есть дочь отъ первой жены, Параша, которую притѣсняетъ мачиха, вторая жена Курослѣпова—Матрена. Послѣдняя обзавелась любовникомъ, который изображенъ запивающимъ и важничающимъ своимъ успѣхомъ Наркисомъ, приказчикомъ Курослѣпова, а первой полюбился купеческій сынъ Вася Шустрый. Матрена воруетъ у мужа деньги, чтобы угодить только алчному Наркису, а Параша выходитъ по вечерамъ на свиданіе съ Васей. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда Вася, потолковавши съ Парашей, и услышавъ шаги Курослѣпова, прячется въ кустахъ, на сцену появляется Курослѣповъ, городничій, Матрена и между прочими дѣлами ведутъ они разговоръ о покражѣ двухъ тысячъ рублей изъ-

подъ подушки Курослѣпова. Городничій обѣщаетъ отыскать вора и тутъ же предлагаетъ измѣрить шагами, какъ велико пространство отъ дому до забору. Курослѣповъ и городничій начинаютъ шагать и натыкаются на Васю и Гаврилу (служащаго у Курослѣпова и влюбленнаго въ Парашу). Воры найдены. Васю Шустраго немедленно отправляютъ въ арестантскія роты и тутъ же рѣшаютъ отдать его въ солдаты. Параша узнавъ, что Вася Шустрый, пришедшій къ ней на свиданіе, отправленъ въ арестантскія роты съ тѣмъ, чтобы быть отданнымъ въ солдаты, рѣшается сама бросить родительскій домъ и сдѣлаться солдаткой, выйдя замужъ за Васю. Вася совсѣмъ убитъ горемъ, но къ его счастью на выручку является разжившійся изъ крестьянъ самодуръ Хлыновъ, проводящій всю жизнь въ вѣчномъ пьянствѣ и забавляющій себя всякими забавами. Онъ выкупаетъ Васю, поставляетъ вмѣсто него наемника и опредѣляетъ его къ себѣ въ новые запѣвалы. Деньги все-таки не розыскиваются, а городничему сильно хочется прибрать ихъ къ своимъ рукамъ. Онъ узнаетъ черезъ Силана, дядю Курослѣпова, служащаго у него въ дворникахъ, что жена Курослѣпова живетъ съ Наркисомъ, и рядомъ съ этимъ ему доносятъ и то, что Наркисъ въ пьяномъ видѣ хвастался тѣмъ, что недавно приказалъ хозяйкѣ принести двѣ тысячи рублей, и что та исполнила приказаніе. Позднимъ вечеромъ, когда Матрена пошла во флигель къ Наркису, городничій, Куроспѣловъ и другіе накрываютъ ее, дѣло выясняется, Матрену отсылаютъ въ родительскій домъ, Наркиса въ арестантскія роты. Въ это время Параша, успѣвшая разлюбить Васю, за то, что онъ пошелъ въ паясы къ Хлынову, возвращается домой и выходитъ за мужъ за Гаврилу, который съумѣлъ доказать свою преданность и любовь.

Вотъ въ сущности остовъ новаго произведенія г. Островскаго, изъ котораго авторъ при большемъ трудѣ могъ извлечь гораздо болѣе, нежели онъ это сдѣлалъ. Еслибы всѣ эти основныя положенія комедіи были крѣпко связаны между собою, а не брошены вмѣстѣ какъ попало, часто разрѣшая трудность положенія натянутой сценой сомнительнаго комизма, еслибы всѣ выведенныя тутъ лица были начерчены съ обычнымъ мастерствомъ нашего талантливаго драматурга, а не опредѣлены нѣсколькими штрихами, часто неподходящими другъ къ другу, тогда, несмотря на отсутствіе новизны въ типахъ, «Горячее Сердце» заняло бы несравненно высшее мѣсто въ репертуарѣ Островскаго.

Передавъ, насколько было возможно, общее содержаніе комедіи, остановимся теперь на отдѣльныхъ характерахъ и сценахъ, между которыми мы найдемъ много удачнаго и истинно комичнаго. Фигура самого Курослѣпова, принадлежащаго и тѣломъ и душою къ породѣ самодуровъ, мѣтко очерчена Островскимъ, съ первыхъ словъ, произнесенныхъ «именитымъ купцомъ»: «И съ чего это небо валилось? Такъ

вотъ и валится, такъ вотъ и валится. Или это мнѣ во снѣ, что-ль? Вотъ угадай поди, что такое теперь на свѣтѣ, утро или вечеръ?» Послѣ такого вступленія не трудно уже составить себѣ понятіе о характерѣ Курослѣпова, который до того спился и до того заспался, что не умѣетъ различить утро отъ вечера, и все ему представляются какія-то страсти, то, что пятнадцать часовъ бьетъ: «Боже мой! Боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать!» То ему кажется, что небо лопнуло, и все въ этомъ родѣ. Съ самаго перваго монолога, который онъ произноситъ, характеръ его уже опредѣленъ Островскимъ, и далѣе изъ его разговоровъ мы ничего особеннаго не узнаемъ. Что же касается его отношенія къ остальнымъ лицамъ комедіи, то отношеніе это не иное какъ и всѣхъ остальныхъ самодуровъ, хорошо намъ извѣстныхъ: оттрепать за волосы, разбить балалайку объ голову, не выносить никакихъ противорѣчій, требовать себѣ подчиненія, и уважать одну только силу, рядомъ съ полнымъ отрицаніемъ всякихъ правъ за другими, и всякихъ обязанностей за собою — все это общія черты самодурства, набросанныя съ обычнымъ мастерствомъ Островскаго, усѣянныя необыкновенно «смѣшными словами», смѣшными выраженіями, которыя не могутъ не вызывать общаго смѣха. Обращеніе Курослѣпова съ своими домочадцами и посторонними такое, какое и полагается имѣть самодуру, и еслибы только не послѣдняя сцена комедіи, тогда характеръ этотъ нельзя было бы обвинить въ нецѣльности. Въ послѣдней сценѣ Курослѣповъ застаетъ жену въ комнатѣ Наркиса, узнаетъ объ ихъ связи, узнаетъ, что никто иной, а она воровала у него деньги, и что́ же дѣлаетъ самодуръ новой комедіи? Мы ждемъ, что онъ по крайней мѣрѣ вцѣпится въ нее, начнетъ бить, издѣваться, разсыпа́ть на нее самую сильную брань, и вмѣсто этого, что́ же мы находимъ: «Ну, какъ же, Матрена Харитовна?» произноситъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ. И на отвѣтъ Матрены, что она не своей волей, а что ее «врагъ попуталъ», Курослѣповъ ограничивается словами, на которыя едва ли былъ бы способенъ въ такую минуту даже иной образованный человѣкъ: «Вы вчера тутъ проповѣдывали, говоритъ онъ, что у тятеньки вамъ не въ примѣръ лучше, что тамъ оченно по васъ убиваются, такъ ужъ вы теперича къ нему поступайте»; и за этимъ ни одного слова брани, ни одного удара, ни одного упрека. О, еслибы всѣ мужья въ ту минуту, когда они узнаютъ объ измѣнѣ жены, могли сдѣлаться самодурами, какое счастливое бы наступило время. Но намъ кажется, и мы увѣрены, что съ нами мало кто станетъ спорить, что подобная черта въ характерѣ самодура Курослѣпова есть чисто фальшивая, неудачно вымышленная г. Островскимъ для того, чтобы испортить типичную, хотя и нѣсколько каррикатурную фигуру Курослѣпова.

Если въ характерѣ Курослѣпова попадается только одна черта, ко-

торая невольно рѣжетъ глаза своею фальшью, за то характеръ Параши, очевидно героини пьесы, состоитъ весь изъ противорѣчащихъ между собою сторонъ. Изъ разбиравшихъ до насъ «Горячее Сердце», одни находили въ ней сходство съ Катериной, другіе не признавали между этими двумя типами ничего общаго. Намъ кажется, что и тѣ и другіе правы, или и тѣ и другіе неправы. Между Парашей и Катериной въ одномъ только отношеніи нѣтъ ничего общаго, это въ томъ, что Катерина представляетъ собою, правда идеальный, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно цѣльный и прекрасно законченный художественный образъ; между тѣмъ, какъ Параша, въ отношеніи цѣльности и законченности, представляетъ нѣчто совершенно противоположное. Въ первомъ дѣйствіи Параша представляется намъ хорошею, простою русскою дѣвушкою, выросшею среди самодуровъ и носящей на себѣ всѣ его слѣды. Она нисколько тутъ не идеализирована, умѣетъ отгрызаться отъ своей мачихи, ей нечего лазить въ карманъ за словомъ, въ ней есть своя воля, есть энергія, есть даже нѣкоторая доза самодурства. Такой типъ, хорошей, простой, не идеализированной дѣвушки Островскій представилъ намъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ созданій, именно въ типѣ Груши въ комедіи: «Не такъ живи какъ хочется», и въ самыхъ удачныхъ мѣстахъ Параша намъ именно напоминаетъ этотъ характеръ. Груша, дѣвушка съ хорошей душою, умѣетъ глубоко чувствовать, безъ словъ она умѣетъ глубоко любить, все въ ней необыкновенно просто, необыкновенно правдиво, вы смотрите на нее и думаете: какая хорошая женщина попадается въ этой грубой средѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, глядя на нее ваше сердце не надрывается, потому что передъ вами женщина, не задавленная, не пришибленная, какъ Катерина, а сжившаяся съ извѣстною средою и съумѣвшая остаться въ ней совершенно свободною, обладающая собственною волею женщина. Вотъ какой типъ напомнила намъ Параша въ первомъ дѣйствіи и въ разговорѣ съ Васей, когда она проситъ его поскорѣй жениться на ней, потому что «терпѣнья моего не хватаетъ». Есть въ ней тутъ вся отвага, вся энергія, она не подчиняется добровольно, она не любитъ боязливо, она требуетъ, чтобы и ей платили тѣмъ же, чтобы и въ человѣкѣ, котораго она любитъ, была таже отвага и энергія. Когда Вася говоритъ ей, чтобы она потерпѣла, что ему нужно дѣлишки устроить, то, да другое, но какъ устроится, такъ и женится, то Параша съ настойчивостью допрашиваетъ его: «Да когда же, когда? День-то скажи! Ужъ я такъ замру до того дня, заморю сердцето, зажму его, руками ухвачу... Какой ты человѣкъ, дрянной ты, что ли? Что слово, что дѣло, говоритъ она, у меня все одно. Ты меня водишь, ты меня водишь — а мнѣ смерть видимая. Мука нестерпимая, часу мнѣ терпѣть больше нельзя, а ты мнѣ: «Когда Богъ дастъ; да въ Москву съѣздить, да долги получить!» Или ты мнѣ не вѣришь,

или ты дрянь такая на свѣтъ родился, что глядѣть-то на тебя не стоитъ, не токмо что любить». Тутъ нельзя не чувствовать большой силы, большой энергіи, выросшей на почвѣ самодурщины.

Если бы характеръ Параши былъ до конца выдержанъ въ этомъ тонѣ, мы были бы рады привѣтствовать ее, какъ родную сестру Груши, но, къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ здѣсь той послѣдовательности, той законченности, той глубокой правды въ цѣломъ характерѣ, всѣхъ тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ героиню комедіи «Не такъ живи какъ хочется» однимъ изъ лучшихъ и самыхъ симпатичныхъ женскихъ типовъ Островскаго. У Параши точно два лица, однимъ она напоминаетъ Грушу, съ этой стороны она является хорошей, простой, не исключительной дѣвушкой; другимъ, она невольно вызываетъ въ вашей памяти образъ печальной, идеализированной Катерины, и тутъ вы встрѣчаете въ ней какую-то излишнюю нѣжность, переходящую въ сантиментальничанье, мечтательность, дурно вяжущихся съ типомъ Параши, напоминающимъ Грушу. Вотъ отчего и выходитъ, что Параша поминутно бросаетъ васъ изъ одного впечатлѣнія въ другое: то она непріятно поражаетъ васъ своею рѣзкостью, которая, вы не можете не чувствовать, идетъ въ разрѣзъ съ мягкимъ образомъ Параши-Катерины, то вы чувствуете диссонансъ, когда она впадаетъ въ сантиментальничанье, не подходящее къ Парашѣ-Грушѣ. Послѣ первой сцены, въ которой мы видимъ Парашу, бранящуюся съ своей мачихой, сцены, въ которой Параша является намъ какъ характеръ, не чуждый самодурства, послѣ сцены съ Васей, въ которой мы видимъ въ ней энергичную, вполнѣ реальную дѣвушку, которая не хочетъ словъ, которая не желаетъ удовлетворять вздохами любви, которая требуетъ фактовъ, дѣла, которая прямо смотритъ въ глаза жизни, готовая бороться, трудиться, послѣ многихъ другихъ сценъ, какъ прощанье съ домомъ, когда она убѣгаетъ, сцены съ Васей, когда она упрекаетъ его, что онъ сдѣлался паясомъ, мы никакъ не соглашаемся смотрѣть на Парашу, какъ на до-нельзя мягкую, нѣжную, идеализированную натуру. А между тѣмъ, рядомъ со всѣми сценами, о которыхъ мы упомянули, идутъ другія сцены, въ которыхъ Параша является именно такою. Стоитъ припомнить то мѣсто, когда Параша появляется въ началѣ 2-го акта и произноситъ свой небольшой монологъ: «Тихо... Никого... А какъ душа-то поетъ. Васи нѣтъ, должно быть. Не съ кѣмъ часокъ скоротать, не съ кѣмъ сердечко погрѣть. Сяду я да подумаю, какъ люди на волѣ живутъ, счастливые...» и нѣсколько дальше: «Вонъ звѣздочка падаетъ. Куда это она? А гдѣ-то моя звѣздочка, что-то съ ней будетъ?» Вамъ такъ и представляется, что передъ вами сидитъ Катерина. Или, напр., въ третьемъ актѣ, сцена прощанья съ Васей, сцена передъ тюрьмой, гдѣ она между прочимъ говоритъ: «...буду я, Васинька, молиться весь день, весь-то денечекъ, чтобы все, что мы съ

тобой задумали, Богъ намъ далъ. Неужели моя грѣшная молитва не дойдетъ! Куда-жъ мнѣ тогда? Люди обижаютъ и... (плачетъ)» и далѣе въ этомъ родѣ. Точно также и въ четвертомъ актѣ мы еще разъ встрѣчаемъ Парашу нѣжною, мягкою, совершенно идущею въ разрѣзъ той Парашѣ, которую мы видѣли въ первомъ дѣйствіи, во 2-мъ, и которую мы встрѣчаемъ опять въ послѣднемъ. Эта двойственность въ характерѣ Параши, напоминающая въ одно время и Катерину и Грушу, какъ нельзя болѣе вредитъ впечатлѣнію, и дѣлаетъ то, что вы дѣлаетесь равнодушны какъ къ ея горю, къ ея жалобамъ, къ ея страданіямъ, такъ и къ ея силѣ и энергіи. Ни то, ни другое болѣе не трогаетъ васъ. Параша, въ которой г. Островскій точно желалъ соединить два лучшихъ созданныхъ имъ типа, цѣлою пропастью отдѣлена, по своему достоинству, отъ того и другого. Противорѣчіе въ характерѣ Параши слишкомъ рѣзко бросается въ глаза; г. Островскій, можетъ быть, и могъ бы, но очевидно, онъ недостаточно потрудился, чтобы слить въ одно цѣлое разнородныя черты, которыя съ одной стороны были подсказаны ему Катериной, съ другой, и еще больше, Грушей. Вотъ отчего мы и считаемъ Парашу далеко неудавшимся типомъ г. Островскаго.

Мы не станемъ долго останавливаться на остальныхъ лицахъ новой комедіи, не станемъ указывать, какіе типы мы уже не разъ встрѣчали въ театрѣ Островскаго и какіе выведены имъ въ первый разъ, не станемъ, по поводу фигуры Матрены Харитоновны, припоминать комедію «На бойкомъ мѣстѣ», по поводу Гаврилы — «Не въ свои сани не садись» и т. д., что завлекло бы насъ дальше, чѣмъ мы предположили, и чѣмъ мы имѣемъ возможность сдѣлать. Не станемъ, впрочемъ, и потому, что во всѣхъ выведенныхъ лицахъ, о которыхъ мы еще не говорили, если нѣтъ особенныхъ недостатковъ, за то нѣтъ и особенныхъ достоинствъ.

Фигурѣ городничаго Градобоева, въ послѣдней комедіи Островскаго, нѣтъ сомнѣнія, слишкомъ мѣшаетъ сосѣдство безсмертнаго городничаго Гоголя. Градобоевъ занимаетъ въ комедіи второстепенное мѣсто, и если онъ набросанъ очень удачными и типичными чертами, то тѣмъ не менѣе онъ только набросанъ. Городничій Градобоевъ можетъ быть отлично охарактеризованъ его же собственными словами, когда онъ говоритъ Курослѣпову: «Вотъ я какой городничій! О туркахъ съ вами разговариваю, водку пью, невѣжество ваше всякое вижу, и мнѣ ничего. Ну не отецъ ли я вамъ, скажи?» И въ самомъ дѣлѣ, Градобоевъ является настоящимъ отцомъ, и главное, отцомъ, который не тужитъ о своихъ дѣтяхъ. Пьянствуетъ онъ вмѣстѣ съ ними, въ невѣжествѣ не уступаетъ имъ и, вдобавокъ, еще пользуется отъ нихъ невиннымъ доходцемъ. Ну не идеалъ ли градоначальника представляетъ изъ себя городничій Градобоевъ? Брать съ

своихъ подданныхъ все, чтó только онъ можетъ брать, ему не токмо законъ, но самъ Богъ повелѣваетъ, а подданнымъ его вмѣняется съ ихъ стороны любить, уважать и повиноваться поставленному свыше властелину. Градобоевъ, съ такимъ сознаніемъ своего права, не хуже всякаго другого, облагаетъ подданныхъ своихъ налогами и выражаетъ это въ самой безцеремонной формѣ. Онъ наткнулся на Ваську, отыскалъ, по ихъ общему рѣшенію, вора, слѣдовательно, ему слѣдуетъ за это «мерси». На вопросъ Курослѣпова: «Какая такая мерси?»—тотъ отвѣчаетъ: «Ты не знаешь? Это—покорно благодарю. Понялъ теперь? Что-жъ я даромъ для тебя пропажу-то искалъ?» — «Да вѣдь не нашелъ.»—«Еще бы найдти! Тогда-бъ я не такъ съ тобой заговорилъ». Можно ужъ догадываться и по тому, кàкъ бы заговорилъ городничій Градобоевъ съ именитымъ купцомъ Курослѣповымъ, еслибы ему удалось найти украденныя двѣ тысячи. Вотъ эта часть моя, сказалъ бы онъ, за то, что всѣхъ сильнѣе, вотъ эта, и т. д., какъ слѣдуетъ по баснѣ. Но нигдѣ такъ хорошо, такъ рельефно не выступаетъ этотъ представитель власти, какъ въ сценѣ, въ которой Градобоевъ правитъ судъ надъ гражданами. Эта сцена можетъ служить надгробнымъ словомъ отжившему порядку судопроизводства. «До Бога высоко, а до царя далеко. Такъ я говорю?» спрашиваетъ отецъ города. — «Такъ, Серапіонъ Мордарьичъ! Такъ, ваше высокоблагородіе», отвѣчаютъ голоса.— «А я у васъ близко,—значитъ, я вамъ и судья».—«Такъ, ваше высокоблагородіе! Вѣрно, Серапіонъ Мордарьичъ». — «Какъ же мнѣ васъ судить теперь? Ежели мнѣ судить васъ, по законамъ....» — «Нѣтъ ужъ, за что же, Серапіонъ Мордарьичъ».—«Ты говори, отвѣчаетъ Серапіонъ Мордарьичъ, когда тебя спросятъ, а станешь перебивать, такъ я тебя костылемъ. Ежели судить васъ по законамъ, такъ законовъ у насъ много.... Сидоренко, покажи имъ сколько у насъ законовъ....» и такъ далѣе, все въ этомъ родѣ, пока Серапіонъ Мордарьичъ не соглашается судить ихъ по душѣ, какъ Богъ ему «на сердцѣ положитъ.» Эта сцена едва ли не самая типичная въ цѣлой комедіи, и въ мѣтко-наброшенномъ образѣ городничаго нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть плотной канвы, по которой г. Островскій могъ создать, при большей разработкѣ, отдѣлкѣ и развитіи характера, такой типъ, который вошелъ бы въ поговорку, характеризовалъ собою цѣлый порядокъ и смѣло могъ бы стать рядомъ съ городничимъ Гоголя. Тѣмъ болѣе жаль, что г. Островскій не сдѣлалъ этого и не достаточно потрудился надъ нимъ.

Одинаково на второстепенномъ планѣ является фигура купца Хлынова, этого услаждающаго свою жизнь шампанскимъ самодура, который говоритъ: «я все могу»! считаетъ своею обязанностью куражиться: «отчего же мнѣ господинъ Курослѣповъ и не куражиться?» спрашиваетъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ ему нѣтъ причины не куражиться. Онъ

имѣетъ полное право безобразничать, потому что у него есть куча денегъ, и онъ знаетъ, что ему ничего нестоитъ за всякое свое безобразіе заплатить губернатору нѣсколько тысячъ рублей въ пользу города. Сегодня онъ жертвуетъ на пожарную команду, завтра на перестройку арестантскихъ ротъ, одинъ день богадельню устроитъ, другой на пріютъ пожертвуетъ — и вотъ за эти-то благодѣянія онъ и получаетъ право безобразничать вмѣстѣ съ полученіемъ медалей, орденовъ, наградъ, которыя падаютъ также и на губернатора, неповиннаго въ жертвованіяхъ Хлыновыхъ. Къ сожалѣнію и этой фигурѣ не особенно посчастливилось; г. Островскій придалъ ей излишнюю каррикатурность, онъ ни разу почти не показалъ его трезвымъ, а впрочемъ можетъ быть авторъ «Горячаго сердца» и правъ, можетъ быть такіе люди и не бываютъ никогда трезвы. Но какъ бы то ни было, постоянное кривлянье Хлынова много мѣшаетъ типичности лица, намъ хотѣлось бы хоть на минуту увидѣть Хлынова, неиграющимъ роли не то шута, не то спившагося самодура. Меньше каррикатуры и больше простоты въ Хлыновѣ сдѣлали бы его въ одно и то же время болѣе правдивымъ и болѣе отталкивающимъ. Теперь же на него смотришь какъ на паяса, а не какъ на живое лицо. Въ этой фигурѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ новой комедіи, нельзя не признать хорошо задуманнаго типа, очень удачнаго замысла, къ сожалѣнію только не приведеннаго въ исполненіе, неосуществленнаго и невыработаннаго.

Вася Шустрый это самый обыкновенный человѣкъ въ самодурной средѣ Курослѣповыхъ, Хлыновыхъ, градоначальниковъ Градобоевыхъ; въ немъ нѣтъ никакого понятія о чести, о собственномъ достоинствѣ, онъ всѣмъ бросается въ ноги: кланяйся, говорятъ ему, и онъ кланяется. Параша какъ нельзя вѣрнѣе опредѣлила его, когда въ первомъ же разговорѣ съ нимъ она говоритъ ему: «или это дрянь такая на свѣтъ родится, что глядѣть-то на тебя не стоитъ, не токмо что любить», и въ самомъ дѣлѣ странно, за что она его любитъ, когда сама сознаетъ, что онъ дрянь человѣкъ. Гораздо интереснѣе другой, любящій безъ памяти Парашу, Гаврило; онъ точно также забитъ какъ и Васька, только съ тою разницею, что въ немъ жива осталась струнка человѣческаго достоинства, онъ переноситъ все, что съ нимъ только дѣлаютъ, онъ переноситъ, когда треплютъ за волосы, но онъ не кланяется за это, не кидается въ ноги, а внутренно убивается и жалуется на судьбу. Въ немъ живетъ сознаніе, что человѣкъ имѣетъ извѣстныя права, и что только у него-то ихъ нѣтъ. «Какихъ правъ! говоритъ онъ Матренѣ, раскричавшейся на него, у меня и нѣтъ никакихъ». Гаврило способенъ любить до самопожертвованія, и онъ доказываетъ это своею безнадежною любовью къ Парашѣ. Хотя Гаврило и стоитъ на одномъ изъ заднихъ плановъ, тѣмъ не менѣе это одна изъ самыхъ цѣльныхъ фигуръ новой комедіи Островскаго. Одно только вредитъ

Гаврилѣ, именно что онъ слишкомъ напоминаетъ Бородкина въ комедіи «Не въ свои сани не садись. Точно также хорошо набросаны фигуры старика Силана, дяди и вмѣстѣ дворника Курослѣпова, и Нархиса—любовника Матрены, но они имѣютъ слишкомъ мало значенія, чтобы о нихъ стоило говорить.

Обращаясь отъ разбора выведенныхъ характеровъ къ разбору самаго построенія комедіи, движенію пьесы, нѣкоторыхъ сценъ, мы вынуждены сдѣлать г. Островскому еще бо́льшіе упреки. Если первое дѣйствіе мы можемъ только упрекнуть въ растянутости, за то со втораго дѣйствія начинаются такіе недостатки, которыхъ г. Островскій могъ смѣло избѣжать, еслибы онъ далъ себѣ нѣсколько болѣе труда. Намъ кажется, что завязывать серьезную комедію, а не водевиль, на такомъ вздорномъ случаѣ, какъ тотъ, что Вася попадается въ кустахъ, пріемъ совершенно неудачный, и которымъ такому опытному драматургу какъ г. Островскій рѣшительно не слѣдовало бы пользоваться. Вѣдь нельзя сказать, чтобы эта сцена была чисто вводная, что приведена она между прочимъ и т. д.; совсѣмъ нѣтъ, изъ этой сцены, изъ того, что вечеромъ безъ всякой надобности и безъ всякаго à propos городничій начинаетъ измѣривать разстояніе отъ дома до забора и попадаетъ на Васю, изъ этого вытекаетъ вся драматическая сторона пьесы, Параша бросаетъ домъ, Васю отдаютъ въ солдаты, однимъ словомъ, на этомъ чисто случайномъ фактѣ держится цѣлая комедія. Главное условіе хорошей комедіи это простота и естественность въ завязкѣ; тутъ же напротивъ, мы натыкаемся на искусственность и натянутость въ самомъ поводѣ къ драматическому положенію пьесы. Рядомъ съ этимъ, во время этой же сцены, мы наталкиваемся на другой недостатокъ, который не можемъ не выставить на видъ, такъ какъ г. Островскій подаетъ дурной примѣръ всѣмъ нашимъ остальнымъ драматургамъ. Къ чему, желали бы мы знать, г. Островскій ввелъ сцену, приводящую въ восторгъ весь раекъ, сцену, въ которой Силанъ схватываетъ въ темнотѣ Курослѣпова, принимая его за одного изъ воровъ, и начинаетъ бить въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Неужели въ этомъ заключается комизмъ? Нѣтъ, это чисто внѣшній комизмъ, не вытекающій изъ необходимости положенія, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ подобныхъ же сценахъ у Мольера. Въ комедіи г. Островскаго это избіеніе Курослѣпова приведено только для того, чтобы вызвать смѣхъ въ театрѣ, но талантливый авторъ «Горячаго сердца» можетъ быть въ поспѣшности работы позабылъ, что не всѣ средства для этого хороши, и что смѣхъ, раздающійся въ балаганѣ, не есть еще цѣль, къ которой слѣдовало бы стремиться. Подобный смѣхъ долженъ скорѣе оскорблять, нежели радовать драматурга-художника.

Относительно хода третьяго дѣйствія мы можемъ указать только

на то, что лучшая сцена, именно та, о которой мы говорили, сцена суда городничаго вовсе лишняя въ комедіи, что она нисколько не нужна, могла быть вставлена какъ въ одну комедію, такъ и другую, и что «Горячее сердце» могло смѣло обойтись безъ нее. Мы указываемъ на это, потому что, какъ ни хороша сцена, но лишь только она является лишнею, когда она не вызвана необходимостью самого плана комедіи, она непремѣнно задерживаетъ развитіе и останавливаетъ дѣйствіе. Когда же нѣсколько такихъ сценъ закрадываются въ драматическое произведеніе, тогда это доказываетъ то, что у автора не было строгаго, обдуманнаго плана, что онъ писалъ какъ ему приходилось, и что́ не можетъ не отзываться на достоинствѣ комедіи. Къ несчастію эта сцена не одна лишняя, лишнимъ намъ кажется все, что Островскій представилъ намъ во 2-й картинѣ 4-го акта. Ничто по нашему мнѣнію не заслуживаетъ въ этой комедіи такого рѣшительнаго порицанія, какъ неудачная сцена въ лѣсу, гдѣ Хлыновъ съ цѣлой компаніей переодѣты въ разбойниковъ, ради потѣхи пьянаго самодура, но безъ всякаго сомнѣнія въ ущербъ самой пьесы. Что́ хотѣлъ представить въ этой сценѣ авторъ «Горячаго сердца», къ чему онъ допустилъ ее, считалъ ли онъ ее удивительно интересною и забавною или необходимою для развитія комедіи? По нашему мнѣнію, она и не забавна, даже скучна и совершенно ненужная въ пьесѣ. Но что хуже всего, дѣйствующія лица являются въ этой сценѣ какъ куклы, по волѣ автора. Лишь только «баринъ», пріятель Хлынова, достаточно напившись, говоритъ: «хорошо было бы теперь барышню, какую-нибудь воспитанную институтку... я бы сейчасъ палъ на колѣни передъ ней, и сцену изъ трагедіи», и не успѣлъ онъ это произнести, какъ въ лѣсъ является Параша, отправившаяся на богомолье; «баринъ», какъ онъ желалъ, падаетъ передъ ней на колѣни и стрѣляетъ холостымъ зарядомъ въ Гаврилу, сопутствующаго Парашу. Гаврилу схватываютъ и уносятъ люди, а на выручку Параши является ея крестный отецъ Аристархъ. Все это до-нельзя натянуто и неправдоподобно, и неизвѣстно для чего придумано г. Островскимъ? Неужели только для того, чтобы попавшійся сюда Наркисъ проговорился, что двѣ тысячи рублей украдены Матреной у мужа для него? Точно также натянута и та сцена въ 5-мъ актѣ, когда Матрена, одѣвъ на себя платье мужа, отправляется подъ видомъ Курослѣпова къ своему дружку Наркису, вступаетъ на дворѣ въ разговоръ съ Силаномъ, который, разумѣется, узнаетъ ее и предупреждаетъ городничаго. Все это приведено только для того, чтобы закончить пьесу, распутать положеніе, и г. Островскій не задумался передъ средствами, онъ не выбиралъ дороги, не заботился о правдѣ, лишь бы закончить.

Вотъ собственно всѣ слабыя стороны новой комедіи г. Островскаго. Мы болѣе настаивали и указывали на недостатки, чѣмъ на достоинства

пьесы, потому что въ комедіи написанной авторомъ «Свои люди сочтемся», «Грозы», «Не такъ живи какъ хочется», не можетъ не быть достоинствъ, и это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если «Горячее сердце» не лишено многихъ достоинствъ, то мы видѣли также, что эта комедія не лишена и недостатковъ, и главное, недостатковъ самаго опаснаго свойства. Ничто не можетъ быть печальнѣе для автора, какъ повтореніе самого себя, ничто не можетъ быть пагубнѣе для пьесы того, когда планъ, характеры, положенія недостаточно придуманы и выработаны, когда для того, чтобы сдѣлать развязку, авторъ, не находя ее готовою въ самомъ сюжетѣ, прибѣгаетъ къ натянутымъ положеніямъ и сценамъ, лишеннымъ всякой правдоподобности и естественности. Послѣ цѣлаго ряда замѣчательныхъ и рѣзкихъ типовъ, выведенныхъ Островскимъ, характеры, изображенные въ «Горячемъ сердцѣ», кажутся намъ—одни только слабо набросанными образами, другіе лишенными силы, благодаря своей нецѣльности и невыдержанности. Эта комедія, не смотря на то, что она посвящена изображенію уже хорошо знакомой и ярко освѣщенной самимъ авторомъ среды, тѣмъ не менѣе, безъ указанныхъ нами недостатковъ, могла бы быть послѣднимъ, заключительнымъ словомъ г. Островскаго, представляя самодурство, доведенное въ Курослѣповыхъ, Хлыновыхъ и Градобоевыхъ до послѣдней границы. «Горячее сердце» резюмировало бы, такъ сказать, всѣ тѣ прежнія произведенія Островскаго, въ которыхъ онъ съ такимъ мастерствомъ изобразилъ грубость и дикость русской жизни. Онъ не сдѣлалъ того, что мы могли ожидать, и въ этомъ мы конечно обвинимъ не его талантъ, а скорѣе ту небрежность, которая бросается въ глаза зрителямъ послѣдней его комедіи. Мы сознаемся, что намъ было бы гораздо отраднѣе не такъ часто встрѣчаться съ новыми произведеніями г. Островскаго, но за то не имѣть случая указывать ему на такіе промахи, которые подсказываютъ, что авторъ не съ достаточною любовью относится къ своимъ произведеніямъ, а слѣдовательно, и къ тому искусству, которому онъ служитъ, и служитъ такъ долго, и съ такою честью.

Е. У.

ОТВѢТЪ „МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

«Языкъ безъ костей» — это мы всѣ знаемъ, и знаемъ, чтó именно этимъ хочетъ выразить наша поговорка. Намъ слѣдовало бы знать, что у «Московскихъ Вѣдомостей» не одинъ языкъ безъ костей; но если бы мы этого и не знали до сихъ поръ, то ихъ передовая статья, отъ 28 января, легко просвѣтила бы насъ на счетъ нашихъ почтенныхъ противниковъ. Вотъ нашъ отвѣтъ имъ:

Въ передовой статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщено возраженіе на статью, напечатанную въ «Вѣстникѣ Европы», подъ заглавіемъ: *Вопросъ о классическихъ языкахъ въ Англіи;* эта передовая статья не важна сама по себѣ, но не лишена интереса въ томъ отношеніи, что обличаетъ пріемы, къ какимъ прибѣгаютъ, въ разсчетѣ на невниманіе читателей, противники введенія обще-европейской системы ученія въ русскія школы, повидимому, пламенѣющіе духомъ времени, а на самомъ дѣлѣ являющіе прыть свою только въ извращеніи истины, лжесвидѣтельствахъ и усиліяхъ сбить съ толку общественное мнѣніе...

Читатель, незнакомый съ упомянутой передовой статьей «Московскихъ Вѣдомостей», быть можетъ, оскорбился неприличіемъ нашего тона, грубыми выходками и нашею дурною привычкою немедленно взводить на своего противника различныя уголовныя преступленія, предусмотрѣнныя «Уложеніемъ о наказаніяхъ», какъ напр. лжесвидѣтельство; и читатель совершенно справедливъ. Но дѣло въ томъ, что мы, вмѣсто отвѣта «Московскимъ Вѣдомостямъ» слово-въ-слово перепечатали начàло ихъ передовой статьи, поставивъ «Московскія Вѣдомости» тамъ, гдѣ у нихъ былъ названъ Вѣстникъ Европы. Мы могли бы такъ поступить до самаго конца статьи, въ доказательство того, что «Московскія Вѣдомости» не нуждаются даже въ противникѣ или въ фактѣ: у нихъ есть свои окаменѣвшія слова, заранѣе заготовленныя, и въ случаѣ полемики имъ остается дѣлать одни корректурныя поправки. У нихъ, мы подозрѣваемъ, есть алфавитные указатели съ авторитетами и цитатами, которыя они приводятъ при своей аргументаціи. Но пусть они знаютъ, что и ихъ противники могутъ, для потѣхи, составить алфавитные указатели другого рода авторитетовъ и другихъ цитатъ. Такъ, въ поддержку той брани и уголовныхъ обви-

ненiй, съ которыхъ начинается передовая статья, и которыми мы поспѣшили воспользоваться, для начала своего отвѣта, «Вѣдомости» призываютъ на помощь Дюрюи, министра народнаго просвѣщенiя во Францiи и заставляютъ его вторично декламировать рѣчь, произнесенную имъ на торжественномъ собранiи въ Сорбоннѣ, въ августѣ 1866 года: «Вѣкъ, въ который мы родились, конечно, не заслужитъ въ исторiи упрека въ неподвижности; но (слушайте!) если многое перемѣнилъ онъ, то одно оставилъ незыблемымъ: и нынѣ, какъ во времена Роллена (мы имѣли бы право сказать: какъ во времена Тредьяковскаго), классическое образованiе считается лучшею умственною дисциплиной (замѣтьте: только дисциплиной) для воспитанiя избраннаго (замѣтьте: только избраннаго) юношества. Церковь (т. е. латинская: очень убѣдительно въ Сорбоннѣ, но для насъ — доводъ не особенной важности) сохранила это преданiе, какъ и университеты. Оксфордъ сходится въ этомъ съ Сорбонной, и отъ сѣвера до юга Германiи я не встрѣчалъ ни малѣйшаго разногласiя по отношенiю къ этому вопросу. И нынѣ, какъ прежде, классическое ученiе считается первымъ, наиболѣе дѣйствительнымъ приготовительнымъ средствомъ, чтобъ образовать людей практическихъ, полезныхъ, ученыхъ гражданъ, искусныхъ въ дѣлахъ.»

Вотъ авангардъ пресловутой передовой статьи: обвиненiя въ уголовныхъ преступленiяхъ, какъ напр. лжесвидѣтельство, а затѣмъ авторитетъ. Все это хорошо, но «Московскимъ Вѣдомостямъ» слѣдовало бы освѣжать свой алфавитный указатель съ изрѣченiями авторитетовъ, и не останавливаться только на тѣхъ фразахъ, которыя пригодны имъ. «Московскимъ Вѣдомостямъ» понравилось то изрѣченiе г. Дюрюи, гдѣ онъ приводитъ богословскiя причины, побуждающiя во Францiи строить все на классицизмѣ; а намъ болѣе нравится циркуляръ г. Дюрюи, публикованный въ апрѣлѣ того же 1866 года, по поводу учрежденiя Спецiальной Нормальной Школы: «Время наступило торопиться — говорилъ г. Дюрюи: — въ мирной, но безпощадной борьбѣ, которая завязалась между промышленными народами (да не подумаютъ «Московскiя Вѣдомости», что здѣсь дѣло идетъ объ искусствѣ писать греческiе и латинскiе стихи), побѣда предназначена не тому, кто будетъ располагать наибольшимъ числомъ рукъ и капиталовъ (прибавимъ: и кто умѣетъ склонять и спрягать по-латыни), но той нацiи, среди которой трудящiйся классъ будетъ имѣть болѣе благоустройства, смысла и познанiй. Наука (конечно, не латинская грамматика) продолжаетъ свои открытiя, и каждый день добываетъ новаго агента на службу промышленности; но, чтобы быть хорошо примѣнимыми, эти могущественные агенты желаютъ для себя умѣнья съ ними обращаться. Вотъ почему успѣхъ промышленности тѣсно связанъ съ успѣхомъ школы!»

Идя шагъ за шагомъ, мы могли бы такимъ образомъ написать

такую же передовую статью, только въ обратномъ смыслѣ. Но вопросъ о классическихъ языкахъ, благодаря журнальной полемикѣ, сдѣлался пугаломъ для читателей, и потому мы ограничимся отраженіемъ только тѣхъ политическихъ инсинуацій, къ которымъ такъ охотно прибѣгаютъ «Московскія Вѣдомости» по какому вопросу угодно. Почтенная газета намекаетъ на то, что, конечно, есть и на Западѣ люди, сомнѣвающіеся въ заслугахъ классицизма въ наше время; но тамъ есть и соціалисты, и Бабёфы, и Прудоны, которые сомнѣваются въ значеніи собственности; но кто же изъ этого выведетъ,—восклицаютъ «М. В.», что въ западной Европѣ не питаютъ уваженія къ собственности! Въ сущности «М. В.» хотятъ смѣшать въ понятіи читателя Бабёфовъ, Прудоновъ и антиклассиковъ, а остальное—думаютъ «Вѣдомости»—будетъ додѣлано безъ нихъ. Эта уловка слишкомъ стара, чтобы кто-нибудь поддался на нее, и слишкомъ ясна, чтобы серьезно возражать и доказывать, что вопросъ чисто педагогическій не имѣетъ ничего общаго съ теоріею Прудона, и смѣшеніе его можетъ вызвать одну улыбку. «Московскимъ Вѣдомостямъ» хочется дискредитовать антиклассиковъ, и хочется очень — вотъ и все.

Но центръ возраженія «Московскихъ Вѣдомостей» относится къ тому, чтобы доказать, что антиклассики суть тайные враги величія отечества, такъ какъ «они невольно сознаются, что желаютъ для Россіи *низшаго* образованія.» Вотъ рядъ мыслей, на которыхъ построено такое заключеніе: 1) высшее образованіе можно получить только въ университетѣ; 2) въ университетъ могутъ поступать только учившіеся полатыни и по-гречески, на основаніи самаго Устава; 3) слѣдовательно, тѣ, которые желаютъ, чтобы не учили по-латыни и по-гречески, въ душѣ желаютъ, чтобы никто не могъ поступить въ университетъ. На все это можно отвѣчать анекдотомъ, который ходилъ по поводу вопроса разрѣшенія курить на улицахъ: противникъ этого разрѣшенія сослался на то, что такое разрѣшеніе было бы противно существующимъ законамъ. Но вѣдь дѣло и шло именно объ измѣненіи закона. Не было ли бы лучше и въ нашемъ случаѣ, догадаться «Московскимъ Вѣдомостямъ», что дѣло и идетъ именно о томъ, чтобы измѣнить тотъ параграфъ Устава, гдѣ классицизмъ одинъ отворяетъ двери въ университетъ. «Гимназіи существуютъ для университета» — повторяютъ на разные лады «Вѣдомости»; а общество имъ отвѣчаетъ простымъ фактомъ: изъ 100 человѣкъ, кончающихъ курсъ въ гимназіяхъ, только 4 человѣка поступаютъ въ университетъ. Остается спросить «Московскія Вѣдомости»: что больше—4 или 96?

Мы могли бы сдѣлать болѣе серьезное обвиненіе нашимъ противникамъ: не хотятъ ли они своимъ классицизмомъ предать насъ въ руки иностранцевъ, и сдѣлать то, чтобы наши фабрики, заводы и проч. управлялись иностранцами, а мы ограничивались бы при этомъ зна-

ніемъ спряженій и склоненій латинскаго и греческаго языка? А этимъ кончится и этимъ до сихъ поръ кончались всѣ наши позывы къ классицизму.

Всѣ остальныя возраженія и обвиненія «Московскихъ Вѣдомостей», какъ-то, въ подлогѣ, умышленно невѣрномъ переводѣ Фоулера и т. д. составляютъ одинъ полемическій пріемъ, и мы не будемъ, ради читателей, разоблачать всю эту махинацію. Приведемъ только для образчика одинъ изъ такихъ пріемовъ: статья Фоулера противъ классицизма, приведенная нами, помѣщена въ англійскомъ журналѣ «Fortnightly Review». «Московскія Вѣдомости», чтобы бить насъ на всѣхъ пунктахъ, обзываютъ этотъ весьма почтенный журналъ — «журнальцемъ». Какъ прикажете на это возражать? Объявить противное — это не будетъ обязательно для редакціи «Московскихъ Вѣдомостей»; потому мы рѣшаемся прикрыться авторитетомъ «Русскаго Вѣстника», редакціи котораго «Московскія Вѣдомости» имѣютъ причину довѣрять. Въ январьской книгѣ «Русскаго Вѣстника», за нынѣшній годъ, вышедшей вскорѣ за январьскою передовою статьей «Московскихъ Вѣдомостей», мы читаемъ совершенно иной отзывъ о томъ же англійскомъ журналѣ: это уже не «журналецъ», а серьезный, «критическій журналъ», авторитетомъ котораго объясняется отчасти, почему было обращено вниманіе на произведеніе англійскаго поэта В. Морриса, поэма котораго переведена въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Вотъ, какимъ образомъ у насъ полемизируютъ: въ январѣ обзовутъ «журнальцемъ», когда нужно ударить противника, а въ февралѣ пожалуютъ въ серьезный «критическій журналъ», если находятъ случай сами воспользоваться имъ! Такіе критики напоминаютъ такъ-называемыхъ «суздальскихъ богомазовъ», пріемы которыхъ выражены въ пословицѣ: «годится — такъ Богу молиться; а не годится — такъ бабамъ горшки покрывать». Кто былъ въ данномъ случаѣ «богомазомъ», редакція ли «Московскихъ Вѣдомостей», или «Русскаго Вѣстника» — не рѣшаемъ, да это и не особенно интересно. Д.

ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА.

(Для иногородныхъ подписчиковъ.)

Разсылка январьской книжки вызвала столько жалобъ на несвоевременное полученіе ея, которое, можетъ быть, заключится во многихъ случаяхъ окончательною потерею, что мы считаемъ себя обязанными объяснить иногороднымъ подписчикамъ настоящую причину ихъ справедливаго неудовольствія. Мы препровождали ихъ жалобы въ Газетную Экспедицію и по нѣкоторымъ жалобамъ успѣли получить отъ нея отвѣтъ. Для ясности представимъ въ формѣ таблицы какъ эпоху сдачи январьской книги на почту, такъ и эпоху ея отправки съ почтою. По этимъ отдѣльнымъ случаямъ можно заключить объ остальномъ.

	Когда сдано въ Газ. Эксп.	Когда отправ. изъ Газ. Эксп.	Пролежало въ Газ. Эксп.
Г. Тренбицкому — на станцію Соловьевъ-перевозъ, Смоленской губ.	10 янв.	30 янв.	20 дней!
Уѣздному Училищу—въ г. Кинешму, Костромской губ.	10 »	25 »	15 »
Губернскому Правленію — въ г. Архангельскъ	16 »	4 фев.	19 »
Г. Киселеву—въ г. Екатеринославъ .	20 »	29 янв.	9 »
Библіотекѣ 30 пѣх. Полтав. полка — въ Замостье	20 »	5 фев.	16 »
Г. Боткину — въ г. Москву . . .	20 »	5 фев.	16 »

Только на эти жалобы мы получили отвѣтъ; другія остались пока безъ отвѣта, но отвѣтъ собственно и излишенъ, такъ какъ по этимъ шести случаямъ легко понять и всѣ остальные. Спрашивается: на какомъ основаніи наши книги, по сдачѣ на почту, хранились въ кладовыхъ Газетной Экспедиціи отъ 9 и до 20 дней, т. е. до трехъ недѣль? Мы не вправѣ требовать отъ Почтамта отвѣта, но увѣрены, что почтовое начальство не оставитъ этого безъ разбора.—Гг. подписчики не совсѣмъ справедливо требуютъ отъ редакціи «принять мѣры» къ ускоренію доставки: редакціи могутъ только принять мѣры къ ускоренію сдачи, но не имѣютъ даже возможности знать, что̀ происходитъ съ книгами, по сдачѣ ихъ на почту, и почему книга должна лежать въ Газетной Экспедиціи до 3-хъ недѣль, изготовляясь въ путешествіе, которое иногда не требуетъ и 2 дней.—Намъ пріятно при этомъ сообщить своимъ читателямъ, что въ теченіе февраля редакторы петербургскихъ журналовъ совѣщались нѣсколько разъ между собою, испросивъ предвари-

тельно согласіе г. министра почтъ и телеграфовъ на принятіе отъ нихъ проекта измѣненій и упрощеній въ разсылкѣ. Этотъ проектъ въ настоящую минуту уже представленъ куда слѣдуетъ, и будетъ, надѣемся, вскорѣ разсмотрѣнъ, какъ то было обѣщано намъ, въ Почтовомъ Департаментѣ опытными чиновниками Департамента и Газетной Экспедиціи, при чемъ будутъ приглашены и редакторы, принявшіе участіе въ составленіи проекта. Новая реформа, при всемъ неудовольствіи, которое она вызвала, представляетъ много преимуществъ предъ прежнимъ порядкомъ; но практика показала, что мало положить въ основаніе новой реформы лучшее начало: необходимо еще допустить измѣненія, требуемыя особыми мѣстными условіями, опредѣлить подробности и обставить самое дѣло такими гарантіями, которыя ручались бы, что почтовая операція не пострадаетъ отъ того, что̀ мы такъ часто встрѣчаемъ въ нашей общественной и гражданской жизни, а именно: предписывающіе весьма хорошо предписываютъ, а исполняющіе не обращаютъ на то никакого вниманія, отчасти по небрежности и по надеждѣ на безнаказанность, отчасти же и потому, что они иногда поставлены предписывающими въ невозможность исполнить съ точностью ихъ приказанія. Потому въ своемъ проектѣ редакторы обратили особое вниманіе на облегченіе операціи и на легкость контроля. Если Почтовое Вѣдомство приметъ въ уваженіе нашъ проектъ, въ чемъ мы не сомнѣваемся, судя по готовности, съ которою выслушалъ г. министръ почтъ наше словесное заявленіе, то вышеупомянутые факты, какъ-то, «пролежаніе» журнала въ Газетной Экспедиціи до трехъ недѣль, отойдутъ немедленно въ область прошедшаго и будутъ впослѣдствіи считаться вымысломъ и сказкою, а не горькою дѣйствительностью, въ существованіи которой мы имѣемъ подлинныя росписки Газетной Экспедиціи. — Считаемъ долгомъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы выразить нашу искреннюю признательность Казанской Почтовой Конторѣ, которая, въ виду совершающагося, сдѣлала болѣе, нежели сколько предписываютъ ей обязанности ея, а именно составила подробный списокъ всѣхъ дошедшихъ до нея экземпляровъ, и прислала въ редакцію на провѣрку, чтобы успокоить тѣмъ въ одинъ разъ всѣхъ нашихъ казанскихъ подписчиковъ и возстановить порядокъ. Мы отвѣчали Казанской Почтовой Конторѣ съ первою же почтою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

сельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ. Статистическое изслѣдованіе *Ф. Юнгъ-Штиллинга*, секретаря лифляндскаго статистическаго комитета. Спб. 1868 г.

Статистическое изслѣдованіе о лифляндкихъ крестьянахъ! Такое явленіе особенно ріятно именно въ наше время, когда русская ечать старается увѣрить русскую публику, акъ прошлымъ, такъ и настоящимъ прибалійскихъ губерній, что тамошнее положеніе крестьянъ не довольно удовлетворительно. Намъ аютъ надрывающія сердце картины притѣненій, экзекуцій, бѣдности; намъ рисуютъ крестьянина-батрака, у котораго ничего нѣтъ, ромѣ одежи и многочисленнаго семейства, оторый питается мякиною или хлѣбомъ, но лизко подходящимъ къ мякинѣ, который ринужденъ платить помѣщику, если не хоетъ умереть съ голоду, огромныя деньги за лочекъ земли и работать больше вола для ріобрѣтенія мякины; намъ повторяютъ стаую пословицу, что «Лифляндія для дворянъ—ай, для купцовъ — золотое дно, для крестьнъ—адъ». Намъ указываютъ на всю вторую оловину прошлаго года, когда толпы обранцевъ текли по сушѣ и морямъ, изъ благоловеннаго Богомъ балтійскаго края, въ Пеербургъ, чтобъ тутъ получить разрѣшеніе на выселеніе во внутреннія губерніи Россіи. Газеты разсказывали, что переселенцы одного отряда, отправленные обратно на родину, хотѣли побросаться въ море и что желаніе это съ ихъ стороны было столь сильно, что корабельщикъ счелъ за благо войти въ мирную пристань и высадить безумцевъ на сушу. Вообще въ послѣдніе годы русская печать очень много занималась крестьянскимъ вопросомъ въ Прибалтійскомъ краѣ, не смотря на многія, внѣшнія препятствія, и въ русскомъ обществѣ составилось опредѣленное понятіе о положеніи прибалтійскихъ крестьянъ, къ сожалѣнію, понятіе не очень лестное для землевладѣльцевъ и вообще остзейской интеллигенціи. Г. Юнгъ-Штиллингъ, хорошо сознавая это, предпринялъ трудъ свой для разсѣянія подобнаго предубѣжденія, по крайней мѣрѣ относительно одной лифляндской губерніи. «Положеніе лифляндскихъ крестьянъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ—сдѣлалось предметомъ страстнаго спора партій. На предположеніяхъ дутыхъ строятъ обманчивыя заключенія; умышленныя искаженія или воображаемые факты принимаютъ за основаніе къ самымъ невѣроятнымъ увѣреніямъ; явныя нелѣпости съ горячностью выдаются за непреложеныя (то-есть непреложныя) истины. Цѣль моего труда — дать возможность всѣмъ, незна-

комымъ изъ личнаго наблюденія съ положеніемъ крестьянъ въ Лифляндіи, составить себѣ самостоятельное и безпристрастное сужденіе о немъ». Конечно, все это не совсѣмъ по-русски сказано, но человѣкъ, желающій найти путеводную нить въ «страстномъ спорѣ партій» не обращаетъ вниманія на такую мелочь, и поспѣшитъ успокоиться на цифрахъ, какъ на такомъ щитѣ, который не разбить сантиментальнымъ и ужасающимъ картинамъ, ибо всѣ эти картины можно отнести отчасти къ плодамъ воображенія и упражненію въ словесности на благодарныя, трогательныя темы, отчасти къ неизбѣжнымъ во всякомъ, даже столь благоустроенномъ обществѣ, какъ прибалтійское, случайностямъ. Къ тому же, рядомъ съ цифрами, г. Юнгъ-Штиллингъ даетъ «вѣрный историческій очеркъ» крестьянскаго вопроса, составленный имъ при содѣйствіи секретаря лифляндской коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, г. Э. фонъ-Мензенкампфа. Итакъ, статистика и исторія идутъ рука объ руку, и два секретаря предлагаютъ себя желающимъ въ проводники по Лифляндіи.

Прежде, чѣмъ мы пойдемъ за ними, необходимо сказать нѣсколько словъ о предисловіи къ брошюрѣ, гдѣ опредѣляется тотъ методъ, котораго держался авторъ въ своемъ изслѣдованіи. Съ первыхъ же строкъ насъ непріятно поражаетъ то обстоятельство, что г. Юнгъ-Штиллингъ «изъ всѣхъ положительныхъ данныхъ выбиралъ только тѣ, которыя по опыту оказались надежными». Какимъ образомъ пришелъ онъ къ этому опыту, что̀ за данныя ненадежныя, хотя и «положительныя», и какъ, наконецъ, произведенъ былъ выборъ? Обо всемъ этомъ авторъ благоразумно умалчиваетъ; онъ не даетъ намъ, хотя бы въ приложеніи къ своему труду, подробнаго необработаннаго статистическаго матеріала, изъ котораго производилъ онъ выборъ; онъ обязываетъ насъ вѣрить ему на слово и считаетъ надежнымъ только то, что считаетъ надежнымъ онъ, не желающій посвящать насъ въ тотъ «опытъ», который научилъ его нѣкоторыя «положительныя данныя» признавать сомнительными, а нѣкоторыя надежными. «Мы воспользовались безъ пропуска всѣмъ, что оказалось надежнымъ, и *безусловно* отбросили все ненадежное». Такъ говоритъ г. Юнгъ-Штиллингъ, и въ рѣшимости характера ему отказать отнюдь нельзя; но можно ли призна[ть] его трудомъ безпристрастіе, вѣрную оц[ѣнку] цифръ, даже вѣрность самыхъ цифръ? По[-ви]димому, этотъ вопросъ интересуетъ и его [са]мого и онъ спрашиваетъ: «будутъ ли ни[-] нижеслѣдующее (ія) числовыя данныя влія[ть] на правильный взглядъ общественнаго м[нѣ]нія»? и отвѣчаетъ «мы не знаемъ». Съ сво[ей] стороны, мы тоже не знаемъ, но замѣти[мъ,] что остаемся при томъ убѣжденіи, что б[ез]пристрастный изслѣдователь, убѣжденный [въ] вѣрности и непогрѣшимости своихъ циф[ръ,] съ отмѣннымъ удовольствіемъ, въ особенно[сти] въ спорныхъ, жгучихъ вопросахъ, произвелъ [бы] передъ нами всю сложную статистическую р[а]боту, разсказалъ бы, почему онъ одно счита[етъ] надежнымъ, другое ненадежнымъ и снабди[лъ] бы свой трудъ многочисленными и подробны[ми] приложеніями, которыми недовѣрчивый ч[и]татель могъ бы провѣрить «ближайшія, неп[о]средственныя выводы изъ цифръ», каковы[ми] ограничился г. Юнгъ-Штиллингъ, изложи[въ] ихъ на великолѣпной бумагѣ, крупнымъ шри[ф]томъ, съ большими пробѣлами. Если секр[е]тарь-статистикъ боялся, что вмѣстѣ съ бо[ль]шимъ объемомъ труда, возвысится его ц[ѣ]ность и, слѣдовательно, уменьшится обраще[]ніе въ публикѣ, то онъ могъ бы великолѣпну[ю] бумагу замѣнить хорошею, и крупный шрифтъ — болѣе сжатымъ, безъ всякаго ущерба для рас[]пространенія книги. Теперь же мы принужде[]ны относиться съ крайнею осторожностью къ выводамъ г. Юнгъ-Штиллинга и постоянно спрашивать у себя, не подведены ли искус[]ственно всѣ эти цифры къ тому знаменателю, который выраженъ заключительными словами брошюры: «не только положеніе крестьянскаго населенія лифляндской губерніи хорошо, но и сами крестьяне признаютъ его таковымъ»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ читатели найдутъ ниже.

Повѣствованіе свое о благосостояніи крестьянъ, г. Юнгъ-Штиллингъ начинаетъ указаніемъ на тотъ фактъ, что въ лифляндской губерніи не преобладаетъ крупное хозяйство, представителями котораго являются помѣстья: крестьянскихъ участковъ считается 35,699, крупныхъ же хозяйствъ, то есть-мызъ или помѣстій всего 945; сама по себѣ пропорція эта благопріятна, но она выходитъ не совсѣмъ такою, если мы примемъ во вниманіе виды пользованія крестьянскими землями. Изъ всей кре-

ьянской земли только 14% находится въ лной собственности крестьянъ, остальные % находятся на денежной, смѣшанной и на дѣльной (барщинной) арендѣ. Да и это отшеніе существуетъ только съ прошлаго года. ь 1864 г., больше половины крестьянъ были рщинниками, и только двое изъ ста имѣли бственность. Г-на Юнгъ-Штиллинга восхиетъ та постепенность, которая усматриется въ положеніи крестьянина: сначала ъ былъ рабомъ, изъ раба сталъ барщинкомъ, то-есть еще бо́льшимъ же рабомъ, къ увидитъ это читатель дальше при обоѣніи исторической части брошюры нашего авра, изъ барщинника—арендаторомъ, неувѣннымъ въ своемъ будущемъ, которое часто висить не отъ его доброй воли и усилій, и конецъ собственникомъ, съ великими портвованіями. Необходимость этихъ ступей, благоразумно и благотворно для русскихъ естьянъ обойденныхъ Положеніемъ 19 февля, г. Юнгъ-Штиллингъ объясняетъ тугимъ звитіемъ круга экономическихъ понятій земдѣльца и его «нелюбовью къ нововведеніямъ», къ будто остзейское дворянство когда-нидь спрашивало мнѣнія крестьянъ и какъ дто само оно когда-нибудь отличалось любью къ нововведеніямъ. Такими фальшивыми разами едва ли кого можно убѣдить, а у наего автора они встрѣча́ются постоянно. По о увѣренію, барщина существовала не по му другому, какъ потому, что не было спроса аренды; какъ скоро явился спросъ, предженія даже его превысили, и помѣщики отвали часть своихъ владѣній за низкую плату. гда же «предложеніе остается твердо, а росъ постоянно растетъ», арендная плата вышается. Предвидя, однако, что такое нетрое объясненіе можетъ подать поводъ предлагать въ будущемъ невѣроятное возвышеніе ендной платы, нашъ авторъ прибавляетъ, о «съ развитіемъ сельскаго хозяйства сами е. самые) доходы съ арендныхъ статей степенно возвышаются». Мы повѣрили бы кретарю-статистику, еслибъ все это онъ подердилъ цифрами; къ сожалѣнію, онъ именно гда и не представляетъ цифръ, когда онѣ ѣе всего нужны. Напримѣръ, арендная ата во всѣхъ уѣздахъ Лифляндской губерніи, ключая рижскаго, удвоилась и даже утроиь въ промежуткѣ 1854—1868 годовъ; слѣдуя объясненію автора, мы должны предполагать, что и доходы съ арендуемыхъ участковъ удвоились и утроились; ищемъ въ доказательство цифръ и не находимъ ихъ, за то находимъ голословное увѣреніе автора, что «размѣръ арендной платы теперь сталъ въ прямую зависимость отъ доходности арендуемой статьи». Мало этого, онъ старается насъ убѣдить, что, въ виду быстро возрастающей арендной платы, не только не предстоитъ надобности, путемъ законодательства, установить норму ея, но что такое вмѣшательство закона въ «свободныя соглашенія» равнялось бы «преміи за тунеядство». Почему? «Отъ теоретическаго обсужденія этого вопроса избавляютъ насъ статистическія данныя», скромно отвѣчаетъ нашъ скромный авторъ, и разсказываетъ, что въ казенныхъ имѣніяхъ прибалтійскаго округа государственныхъ имуществъ, аренды значительно ниже, чѣмъ въ частныхъ имѣніяхъ. «Можно было бы ожидать,—говоритъ онъ,—что крестьянинъ-арендаторъ воспользуется выгодными условіями найма для упроченія своего хозяйства, но на дѣлѣ оказывается противное: онъ предпочитаетъ передать участокъ другому крестьянину, который доплачиваетъ ему отступныя деньги въ размѣрѣ разности между низкою казенною арендою и обычною дѣйствительною арендою. Прежній же арендаторъ перестаетъ заниматься хозяйствомъ и живетъ пріобрѣтенными безъ труда барышами или же обращается къ другому промыслу.... Подобная система, при большемъ распространеніи, должна обратиться въ премію за тунеядство». Читатель видитъ, что тутъ говорится о передачѣ арендъ, какъ о фактѣ повсемѣстномъ, какъ объ общемъ правилѣ, а не какъ о явленіяхъ исключительныхъ, какъ о постоянномъ блужданіи крестьянъ съ одного участка на другой. Предпосылая это разсужденіе, г. Юнгъ-Штиллингъ обращается, наконецъ, къ статистическимъ таблицамъ. Вмѣсто «таблицъ» мы встрѣчаемъ таблицу, въ которой указано всего девять случаевъ передачи аренды на 6,000 казенныхъ участковъ, то-есть одинъ случай на 666. Правда, г. Юнгъ-Штиллингъ говоритъ, что «въ дѣлахъ прибалтійской палаты государственныхъ имуществъ, гдѣ свидѣтельствуются всѣ контракты, можно найдти *множество* подобныхъ примѣровъ"; но, во-первыхъ, мы имѣемъ дѣло не съ прибалтійской

палатой государственныхъ имуществъ; во-вторыхъ, въ такой точной наукѣ, какъ статистика, слово „множество" не имѣетъ ровно никакого значенія, и ни одинъ добросовѣстный статистикъ его никогда не употреблялъ, какъ аргументъ; въ-третьихъ, авторъ разбираемой нами книжки, и при указанныхъ имъ 9-ти примѣрахъ, не обозначилъ ни того, въ какихъ уѣздахъ передача совершалась, ни того, въ какіе годы, ни того даже, въ какой промежутокъ времени, въ одинъ ли годъ, или въ нѣсколько лѣтъ, то-есть не указалъ именно тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ, хоть по 9-ти ничего незначущимъ примѣрамъ, можно было бы оправдать огульное осужденіе арендной системы въ казенныхъ имѣніяхъ. Представьте себѣ, что не только эти девять примѣровъ, но даже вышеупомянутое неопредѣленное „множество" ихъ случилось на пространствѣ девяти или множества лѣтъ. Какую же цѣну имѣютъ цифры г. Юнгъ-Штиллинга? Онъ ссылается на самыя ничтожныя, когда это служитъ его цѣлямъ, и не даетъ никакихъ, когда читатель ожидаетъ непремѣнно ихъ встрѣтить. Приведемъ другой примѣръ. Нашъ авторъ указываетъ на незначительную цифру выселенія крестьянъ изъ одной волости въ другую, и изъ Лифляндской губерніи въ губерніи русскія, какъ на несомнѣнное доказательство въ пользу того, что „сами крестьяне признаютъ свое положеніе хорошимъ". Не касаясь вѣрности приводимыхъ имъ казенныхъ цифръ, если мы докажемъ, что цифры эти ничего не доказываютъ, то тѣмъ самымъ докажемъ ли, что крестьяне не благоденствуютъ? Г. Юнгъ-Штиллингъ иногда выдаетъ себя читателю съ такою безпримѣрною наивностью, что не знаемъ, чѣмъ объяснить ее: увѣренностью ли въ силѣ своихъ аргументовъ, или увѣренностью въ близорукости читателя. Въ настоящемъ примѣрѣ эта наивность особенно ярко бросается. Дѣйствительно, цифры выселенія крестьянъ незначительны, особенно до 1864 года. Но доказываетъ ли это что-нибудь? Не говоря о томъ, что крестьянинъ привязывается къ мѣсту своего жительства, какъ бы оно ни было дурно, привязывается вопреки здравому смыслу и собственной выгодѣ, такъ-что только самая настоятельная крайность можетъ заставить его бродить, въ исторической части брошюры г. Юнгъ-Штиллинга, мы находимъ еще другое объясненіе незначительности эмиграціи. На стр. 82 и 83, онъ излагаетъ правила касате[льно] переселенія, правила до того стѣсняющія с[во]боду крестьянина двинуться съ мѣста, [что] самъ авторъ говоритъ: «9-го іюля 1863 г. с[во]бода покидать мѣсто жительства, временно [и] навсегда, была подвержена *множеству стѣ[сне]ній*". Если прибавить къ этому множес[тву] законныхъ стѣсненій множество стѣсненій [не]законныхъ, то цифра выселенія отнюдь не [мо]жетъ имѣть той цѣны, которую придаетъ ей [ав]торъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ еще то обсто[я]тельство, что когда, въ 1863 г., изданы б[ыли] новыя, менѣе стѣснительныя правила объ увол[ь]неніи членовъ волостныхъ обществъ, то циф[ра] выселенія въ слѣдующемъ же году разо[мъ] *учетверилась*. А что скажетъ г. Юнгъ-Шти[л]лингъ послѣ стремленія крестьянъ къ выселені[ю], обнаружившемуся въ концѣ прошлаго года [и] продолжающемуся до настоящаго времени, [не]смотря на мѣры остановить его?..

Переходя къ исторической части брошю[ры] Юнгъ-Штиллинга, замѣтимъ прежде всего, ч[то] самъ авторъ рекомендуетъ эту часть, ка[къ] „сжатую, но вѣрную". Подобныя рекомендац[іи] собственной своей особѣ мы считаемъ по мен[ь]шей мѣрѣ безтактными, ибо онѣ невольно за[]ставляютъ читателя осторожно относиться [къ] этой навязчивой вѣрности, точно также, как[ъ] и къ человѣку, который постоянно трубитъ [о] своей честности. Впрочемъ, первыя двѣ стра[]ницы располагаютъ въ пользу автора. Извѣстно, что правительство, въ видахъ бѣдственнаго поло[]женія эстляндскихъ и лифляндскихъ крестьянъ, возстановило, въ 1802 — 1804 годахъ, главныя положенія шведскаго законодательства о крестьянахъ, пришедшія въ забвеніе, именно, крестьянамъ предоставлялось неотъемлемое право наслѣдственнаго пользованія землею, всегда носившею названіе крестьянской, и опредѣлялись обязательными правилами виды и размѣръ ихъ повинностей, по количеству и по степени производительности отведенной имъ земли. Положеніе это, закладывавшее прочныя основы крестьянскаго благосостоянія, весьма не понравилось помѣщикамъ трехъ прибалтійскихъ губерній, и они, какъ люди практическіе, круто повернули начатую реформу въ другую сторону, отказавшись отъ крѣпостного права. Въ 1816—1819 годахъ крестьяне трехъ прибалтійскихъ губерній признаны были свободными, и съ того времени нѣмецкая и даже часть русской пе-

...ни не переставали возглашать о «великодушныхъ пожертвованіяхъ дворянства», о «благодѣяніяхъ», оказанныхъ имъ крестьянамъ. Что же мы видимъ теперь? Г. Юнгъ-Штиллингъ принужденъ сознаться, что «законъ 1819 года не только не улучшилъ, но даже *ухудшилъ* матеріальное положеніе крестьянъ», потому что отмѣнилъ положеніе 1802 — 1804 годовъ, ...ая исключительно помѣщику право собственности на землю и *неограниченнаго* пользованія ею, и отмѣняя нормы для издѣльной повинности. «Крестьянинъ, исключительно занимающійся земледѣліемъ, стѣсненный, при переходѣ изъ одного общества въ другое, множествомъ условій, былъ принужденъ соглашаться на всякое *предложеніе владѣльца, лишь бы оно давало ему возможность прокормиться*". Это говоритъ самъ г. Юнгъ-Штиллингъ, осуждая такъ называемыя «свободныя обоюдныя соглашенія», предписанныя закономъ, какъ такія, которыя ставили крестьянина въ полную зависимость отъ помѣщика. Такимъ образомъ, дворянство, отказавшись отъ крѣпостного права въ теоріи, на практикѣ еще болѣе закрѣпостило крестьянина, и нашъ авторъ такое положеніе дѣлъ считаетъ «выкупною цѣною свободы крестьянъ». Не напоминаетъ ли вамъ эта фраза другую, более извѣстную о цѣнѣ крови? Какъ бы то ни было, съ настоящаго времени мы можемъ не говорить о «великодушіи остзейскаго дворянства», потому что крестьяне *купили* себѣ свободу дорогою цѣною, десятками лѣтъ невыносимаго гнета, который привелъ ихъ къ волненіямъ сороковыхъ годовъ, когда они предпочитали ссылку въ Сибирь «свободнымъ обоюднымъ соглашеніямъ» съ помѣщиками, систематически отбиравшихъ у крестьянъ лучшія земли и обременявшихъ ихъ невыносимыми повинностями. Чтобъ ослабить произволъ, правительство вернулось отчасти къ шведской системѣ, ограничивъ размѣръ барщины высшею нормою, которую помѣщикъ не въ правѣ былъ переступать. И что же? Помѣщики вдругъ почувствовали такое же влеченіе къ арендѣ, нормы которой не были опредѣлены, какое чувствовали прежде къ барщинѣ безъ опредѣленной нормы. Положеніе 1849 года, составленное самимъ дворянствомъ и утвержденное помимо государственнаго совѣта, рекомендуется г. Юнгъ-Штиллингомъ, какъ вѣнецъ зданія крестьянскаго благосостоянія; оно, по его мнѣнію, вызвало «новый порядокъ вещей, совершенно обратный порядку, созданному закономъ 1819 г.»

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ это положеніе давало помѣщикамъ право, при регулированіи повинностей (крестьянской) земли, присоединять къ мызнымъ землямъ около трети земли, находившейся до того времени во владѣніи крестьянъ и окончательно отмѣнило опредѣленіе, по поземельной оцѣнкѣ, нормальной мѣры арендной повинности, признанной невозможной, будто бы на основаніи опыта, по необыкновенной *обширности* Лифляндіи и необыкновенному же разнообразію ея почвы. Такимъ образомъ, пресловутый принципъ «свободнаго обоюднаго соглашенія» былъ сохраненъ почти во всей своей неприкосновенности, говоримъ «почти», потому что нѣкоторыя ограниченія произволу помѣщиковъ были положены, однако далеко не въ такой степени, чтобъ отношенія крестьянина къ владѣльцу можно было считать за отношенія сколько-нибудь свободныя, и чтобъ порядокъ, созданный закономъ 1849 г., можно было считать «обратнымъ» порядку, созданному закономъ 1819 года. Принципъ закона 1819 г. былъ сохраненъ, какъ сознается и г. Юнгъ-Штиллингъ, онъ сохраненъ и до настоящаго времени, слѣдовательно и неудобства его сохраняются доселѣ, хоть и въ меньшей степени, благодаря дальнѣйшему законодательству по крестьянскому вопросу. Все же дѣло въ принципѣ, а ограниченія его всегда можно обойдти, какъ они и обходятся. О равновѣсіи между свободнымъ спросомъ и свободнымъ предложеніемъ при наймѣ и покупкѣ земли у помѣщиковъ, нечего и говорить, когда крестьянинъ находится подъ постояннымъ давленіемъ нужды, и когда въ Лифляндіи существуетъ большая несоразмѣрность между числомъ дворовъ и числомъ душъ, вслѣдствіе чего на каждое опроставшееся мѣсто является много охотниковъ, между которыми конкуренціи тѣмъ значительнѣе, что лифляндскій крестьянинъ не знаетъ почти никакихъ промысловъ, вѣчно оставаясь или земледѣльцемъ, или сельскимъ батракомъ. Нечего говорить о равновѣсіи между спросомъ и предложеніемъ, когда на сторонѣ помѣщика множество преимуществъ, а на сторонѣ крестьянина множество стѣсненій, заставляющихъ его подчиняться всякимъ требованіямъ, подъ опасеніемъ лишиться куска хлѣба. Нечего объяснять повышеніе арендной платы и большую

цѣну земли при покупкѣ крестьянами участковъ, какъ дѣлаетъ это нашъ авторъ, развитіемъ сельскаго хозяйства, когда существуетъ причина болѣе ближайшая, о которой г. Юнгъ-Штиллингъ тщательно умалчиваетъ. Мы говоримъ о драгоцѣнномъ правѣ балтійскаго помѣщика дарить тяглымъ дворамъ своего имѣнія рекрутскія квитанціи. Каждый хозяинъ, снимая въ оброчное содержаніе или покупая тяглый участокъ, освобождается отъ рекрутства, и, конечно, вотчинныя конторы значительно накидываютъ на доходность или стоимость земли, принимая въ соображеніе изъятіе крестьянина отъ самой тягостной изъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Это такъ просто, что еслибъ подобная привилегія дарована была русскому помѣщику, то цѣнность земли возрасла бы немедленно даже въ самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ. Въ концѣ концовъ мы должны сказать, что историческая часть брошюры г. Юнгъ-Штиллинга также одностороння, какъ и статистическая. Авторъ постоянно оберегаетъ права помѣщиковъ и, анализируя законоположенія, избѣгаетъ говорить о такихъ пунктахъ, которые выставляютъ въ настоящемъ свѣтѣ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Признавая законъ 1849 г. вѣнцомъ зданія, онъ слегка относится къ дальнѣйшему законодательству, считая его либо излишнимъ, «не истекающимъ изъ экономической необходимости», либо «не могущимъ быть оправданнымъ съ точки зрѣнія теоретической», либо «не согласующимся съ полнымъ правомъ собственности помѣщика на повинностную (т. е. крестьянскую) землю».

Если «Окраины Россіи» г. Самарина подвергаются упрекамъ въ односторонности, то еще съ бо́льшимъ правомъ такой упрекъ должно обратить къ г. Юнгъ-Штиллингу. Какъ первый выставлялъ остзейскіе порядки въ черномъ свѣтѣ, такъ второй старается изобразить ихъ непремѣнно въ свѣтломъ. Изслѣдователь безпристрастный долженъ взглянуть на обѣ книги какъ на матеріалы, изъ которыхъ книгѣ г. Самарина, во всякомъ случаѣ, должно быть отдано предпочтеніе, какъ такому труду, который заключаетъ въ себѣ много безспорныхъ офиціальныхъ документовъ и разсматриваетъ остзейскій край, не какъ привилегированныя губерніи, а какъ часть цѣлаго, именующагося Россійской Имперіею.

Безъ вины виноватые. Разсказъ въ двухъ главахъ. *А. К. Владиміровой.* Спб. 1869.

«Разсказъ въ двухъ главахъ» — доволь[но] объемистый романъ, имѣющій задачею изоб[ра]зить судьбу незаконнорожденныхъ. Въ само[мъ] дѣлѣ, если есть «безъ вины виноватые», то [на]званіе это какъ нельзя больше идетъ тѣмъ [не]счастнымъ, къ которымъ законъ и общество о[т]носятся съ неумолимою суровостью. Что зако[нъ] не одобряетъ внѣбрачныя связи — понятно, [но] самаго нехитраго размышленія достаточ[но,] чтобъ понять, какъ неосновательна суровос[ть] его, карающая слабѣйшаго и притомъ совсѣ[мъ] непричастнаго къ тому проступку, за котор[ый] несетъ онъ наказаніе. Главный виновникъ пр[о]исхожденія ребенка, безъ сомнѣнія, мужчин[а,] а между тѣмъ въ громадномъ большинствѣ слу[]чаевъ онъ не несетъ на себѣ никакой отвѣ[т]ственности, очень часто не зная числа свои[хъ] незаконныхъ дѣтей, а иногда даже хвастая[сь] большимъ ихъ количествомъ, какъ нѣкоторы[мъ] подвигомъ своей жизни.

Дѣтоубійство почти всегда есть слѣдст[віе] отчаянія, безвыходнаго положенія родивши[хъ] обманутой и оставленной своимъ любовнико[мъ] на произволъ судьбы. Итакъ, первое, что ждет[ъ] незаконнорожденнаго, существо еще болѣе сл[а]бое, чѣмъ женщина, и совершенно беззащитно[е,] и ждетъ довольно часто — насильственная смерт[ь;] смерть эта, впрочемъ, во многихъ случаях[ъ] еще лучшій исходъ, ибо ребенокъ умираетъ безсознательно, не испытавъ еще тѣхъ прел[е]стей жизни, которыя ожидаютъ его. Вѣрныхъ статистическихъ цифръ о такой смертности незаконнорожденныхъ въ Россіи не собрано, но сочиненіе г. Анучина «Матеріалы для уголовной статистики Россіи» даетъ намъ цифры сосланныхъ въ Сибирь женщинъ за дѣтоубійство: съ 1835 по 1843 г. такихъ женщинъ было 344; цифра эта, даже приблизительно, не можетъ выразить собою число дѣтоубійствъ за этотъ періодъ времени, въ чемъ убѣждаетъ насъ какъ сравнительная статистика, такъ и отчеты, доставленные врачебными отдѣленіями въ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ которыхъ видно, что число дѣтоубійствъ въ Россіи было въ 1864 г. — 170, въ 1865 — 194, въ 1866 г. — 161, то-есть, за три года 525. А сколько ускользаетъ подобныхъ невольныхъ преступленій не только отъ бдительности власти, далеко не всегда прозорли-

й, но даже отъ бдительности самыхъ близхъ людей къ преступницѣ, — объ этомъ суть невозможно. Если незаконнорожденный изгнулъ насильственной смерти въ моментъ своо рожденія, то большею частію не избѣгаетъ , вступивъ въ воспитательный домъ или сдѣвшись подкидышемъ къ чужой, негостепріимй семьѣ. Извѣстно, какъ велика цифра смертости дѣтей въ воспитательныхъ домахъ. Въ рвые четыре года существованія московскаго спитательнаго дома (1764 — 1768) поступило него младенцевъ 3141, умерло 2,588, то-есть льше 82%; за первые десять лѣтъ процентъ ертности равняется 81% (изъ 11,735 дѣтей ерло 10,072); впослѣдствіи смертность уменьилась, но все-таки была очень значительна. ще недавно, во второй половинѣ 1867 г., мы тали докладъ санитарной коммиссіи московаго губернскаго собранія о грудныхъ питомхъ воспитательнаго дома и довольно много зетныхъ статей, убѣждавшихъ насъ въ ужасмъ положеніи дѣтей, оставленныхъ своими дителями, дѣтей, по большей части, незаконхъ, сдѣлавшихся предметомъ промысла, предтомъ купли и продажи между деревенскими енщинами, бравшими ихъ на воспитаніе. Проітъ смертности такихъ дѣтей въ деревняхъ къ громаденъ, что нейдетъ ни въ какое сравніе съ смертностью крестьянскихъ дѣтей. акъ, въ одной волости родилось въ годъ 117, ерло на первомъ же году 35; въ туже вость поступило изъ воспитательнаго дома 197 тей и на первомъ году умерло изъ нихъ 135.

Въ немногихъ словахъ трудно представить изнь незаконнорожденнаго, посланъ ли онъ воспитательный домъ или выросъ гдѣ-нидь подкидышемъ. Эти люди безъ роду и плени доставляютъ обыкновенно сильный контингентъ во всѣхъ преступленіяхъ: будучи дѣтства измучены преслѣдованіями и оскорбленіями, озлоблены на общественную несправедливость, не связанные никакими нравственными связями, не знавшіе ни ласкъ и любви атери, ни поддержки отца, они растутъ, акъ отчужденные, какъ паріи, съ незаслуженнымъ клеймомъ на челѣ, и дѣлаются врами существующаго порядка. Въ деревняхъ ворятъ имъ: «ну ты, за поганою кадкою те ощенили»; прислушайтесь, какъ относятся незаконнорожденнымъ въ такъ-называемомъ бразованномъ обществѣ: тамъ прямо и откровенно ихъ не оскорбляютъ, но даютъ имъ, при всякомъ случаѣ, понять ихъ сиротство, озлобляютъ то пренебреженіемъ, то навязчивымъ сожалѣніемъ, то смѣхомъ и шопотомъ. На воспріимчивую дѣтскую душу все это ложится тяжело, ибо отъ наблюдательнаго взгляда ребенка ничто не ускользаетъ. Прежде чѣмъ онъ выростетъ, прежде чѣмъ закалится презрѣніемъ къ тупоумію однихъ и равнодушіемъ къ традиціоннымъ предразсудкамъ другихъ, онъ вынесетъ слишкомъ много за грѣхи родителей, чтобъ можно было считать его жизнь не отравленной даже при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ его развитія. Общество раскрываетъ свои гостепріимныя объятія только предъ тѣми незаконнорожденными, которые имѣли великую честь родиться отъ отцовъ высокопоставленныхъ. Въ такихъ случаяхъ и мать признается счастливицею, и сынъ можетъ гордиться сходствомъ съ своимъ незаконнымъ отцомъ и даже находитъ себѣ завистниковъ между тѣми, матери которыхъ остались вѣрными своему долгу и своихъ мужей не мѣняли на высокихъ любовниковъ. Измѣрять человѣческую глупость и непослѣдовательность — очень трудно.

Положеніе у насъ незаконнорожденныхъ передъ закономъ лучше, чѣмъ, напр., во Франціи, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, что оно хорошо. Незаконнорожденные крестьяне приписываются обыкновенно къ крестьянамъ, лица всѣхъ другихъ сословій къ мѣщанамъ. Отецъ можетъ усыновить свое дѣтище во всякое время; но законъ съ одной стороны какъ будто признаетъ это право за отцомъ, съ другой какъ будто его отрицаетъ. 144-я статья X тома говоритъ: «всѣ воспитанники и незаконнорожденные, сопричтенные къ законнымъ дѣтямъ по особымъ высочайшимъ указамъ, пользуются ненарушимо всѣми правами и преимуществами, силою тѣхъ указовъ имъ предоставленными». Въ примѣчаніи же въ этой статьѣ читаемъ: «высочайшимъ указомъ, объявленнымъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній 29 іюля 1829 г., всѣ приносимыя Е. И. В. прошенія объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей или воспитанниковъ, а также о сопричтеніи къ законнымъ дѣтей, рожденнымъ до брака съ настоящею женою, повелѣно, не внося въ коммиссію прошеній, *оставлять безъ движенія.*» Такимъ образомъ, прошеніе на высочайшее имя можетъ быть подано только по-

мимо той инстанціи, которая для этого предназначена, что влечетъ за собою и множество хлопотъ, и зависитъ отъ тысячи случайностей. Размѣры библіографіи не позволяютъ намъ дольше остановиться на вопросѣ о незаконнорожденныхъ, представляющемъ глубокій соціальный интересъ и рекомендующій вѣкъ прогресса съ весьма печальной стороны. Мы хотѣли только намѣтить тѣ черты, которыя могъ бы развить и психологъ, и юристъ, и романистъ, въ поученіе современникамъ.

Произведеніе г-жи Владиміровой уже потому заслуживаетъ вниманія, что старается разработать этотъ вопросъ въ такой формѣ, которая наиболѣе доступна массѣ. Эта писательница, имя которой въ первый разъ встрѣчается въ печати, рисуетъ передъ нами судьбу двухъ незаконнорожденныхъ дѣвочекъ, поставленныхъ, впрочемъ, въ довольно благопріятныя отношенія съ самаго дня ихъ рожденія. Онѣ дочери богатой помѣщицы, которая прижила ихъ, разойдясь съ мужемъ, отъ одного образованнаго, хотя и небогатаго молодого человѣка. Воспитываются онѣ въ роскоши и нѣгѣ незаконною матерью, а незаконный отецъ умѣряетъ эту роскошь и старается дать дѣвочкамъ разумное воспитаніе. Судьба ихъ могла бы быть завидна, еслибъ мать не умерла, а отецъ не увлекся бы какою-то кокеткой, для которой забылъ дѣтей и тратилъ ихъ состояніе. Дѣвочки отданы были въ одинъ московской пансіонъ, и тутъ испытали на себѣ, что значитъ быть незаконнорожденными. Страницы, посвященныя пребыванію дѣвочекъ въ пансіонѣ, самыя интересныя въ романѣ: г-жа Владимірова воспроизводитъ пансіонскую жизнь такими живыми, даже увлекательными чертами, что онѣ поглощаютъ все ваше вниманіе и не даютъ оторваться отъ книги.

Вторая половина романа гораздо слабѣе первой, такъ что интересъ его не возрастаетъ, а уменьшается. Писательница не представила намъ ни одного цѣльнаго характера, даже не исчерпала того положенія, въ которое ставитъ своихъ героинь, такъ что вопросъ о „безвинно виноватыхъ“ разработывается ею по большей части не въ образахъ, не въ драматическихъ положеніяхъ, а въ разговорахъ, часто мало идущихъ къ дѣлу. Непривычная рука видна довольно часто, какъ въ отсутствіи вѣрнаго анализа и оцѣнки поступковъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ нѣкоторой водяности и с[...] мленіи вложить въ свое произведеніе, безъ [...]кой надобности и вопреки всякому интер[...] все то, что знаетъ авторъ изъ разныхъ на[...] Независимо отъ этихъ недостатковъ, прои[...]деніе г-жи Владиміровой должно быть за[...]чено по той прекрасной гуманной мысли, [ко]торая его воодушевляетъ, и по тѣмъ стр[а]цамъ, которыя посвящены пансіону благо[род]ныхъ дѣвицъ.

Очерки Японіи. *М. Венюкова.* Съ картою. [...] 1869 г.

Отрывки изъ путешествій по восточнымъ [об]ластямъ Европейской Турціи. Составилъ *Мосоловъ.* Спб. 1868 г.

Японія очень близка отъ нашей восточ[ной] границы, но попасть въ нее, напр., изъ Пет[ер]бурга, гораздо труднѣе и утомительнѣе по р[ус]скимъ владѣніямъ, чѣмъ по океану и вла[дѣ]ніямъ иностраннымъ и притомъ самымъ от[да]леннымъ отъ насъ. Изъ Николаевска на Аму[рѣ] до Японіи—рукой подать, но изъ Николаевс[ка] отправляются въ японскія воды одинъ, рѣдко д[ва] корабля въ годъ, и то военные; можно ѣхать [че]резъ Кяхту, Пекинъ и Шанхай, но для это[го] надо имѣть предписаніе изъ Петербурга или [изъ] Иркутска къ кяхтинскому пограничному ко[м]миссару объ отправленіи изъ Россіи въ Пеки[нъ] по почтѣ; есть много и другихъ путей, но са[]мый удобный—почти кругосвѣтный: Германі[я,] Франція, Нью-Йоркъ, отсюда черезъ Панам[у] и Санъ-Франциско въ Іокогаму, Осаку и На[]гасаки. Но не думайте, что какъ скоро вы [въ] Японіи, страна эта откроется передъ вами с[о] всѣхъ сторонъ: по договорамъ съ европейцами только политическіе агенты, консулы и посла[н]ники могутъ путешествовать по Японіи [во] всѣхъ направленіяхъ, но и тутъ обстоятел[ь]ства сдѣлали все, чтобъ ограничить число [та]кихъ путешествій. Всѣ же прочіе европей[цы] стѣснены предѣлами двадцативерстнаго и [...] меньшаго разстоянія вокругъ тѣхъ городо[въ,] гдѣ имъ позволено жить. Имѣя намѣреніе [от]правиться въ Японію, г. Венюковъ сталъ [изу]чать ее по тѣмъ сочиненіямъ, которыя и[мѣ]лись въ европейской литературѣ; намѣре[ніе] своего ему осуществить не удалось, но резу[ль]татомъ всего прочитаннаго и строго про[вѣ]реннаго на основаніи позднѣйшихъ путе[шеств]ствій въ Японію, явилось настоящее сочи[неніе]

ъ, которое даетъ о Японіи весьма удовле-
орительное понятіе.

Известно, насъ никакъ нельзя упрекнуть въ
мъ, что мы съ особеннымъ усердіемъ ста-
емся изучать страны къ намъ близкія, а
жду тѣмъ такое изученіе не только интересно,
даже въ высшей степени поучительно. Намъ
нье, чѣмъ кому-нибудь, слѣдуетъ кичиться
оимъ образованіемъ и превосходствомъ надъ
угими народами, ибо повсюду можемъ мы
крыть то, чего у насъ нѣтъ. Смотря на фо-
сы японцевъ, которые пріѣзжали къ намъ
прошломъ году, многіе изъ насъ, конечно,
подозрѣвали, что въ странѣ этихъ дѣтей
льняго Востока опрятность и вѣжливость
звиты въ высшей степени, что женщины у
хъ на улицахъ пользуются полнымъ уваже-
емъ и что весь народъ грамотенъ. Да, въ
поніи нѣтъ безграмотныхъ и нѣтъ нашей муд-
й пословицы, гласящей, что „корень ученія
рекъ, а плоды его сладки"; тамъ умѣютъ дѣ-
ть такъ, что и корень ученія выходитъ сла-
къ, и наука не представляется ребенку въ
дѣ страшной буки; на этомъ дальнемъ Во-
окѣ съ дѣтьми обращаются до крайности
рпѣливо, съ любовью, никогда не наказы-
ютъ за медленность успѣховъ, а стараются
звить способности такъ, чтобъ дѣти сами
чали понимать и пользу ученія, и изучаемые
редметы. Оттого японскія дѣти никогда не
качутъ и учатся охотно, мальчики и дѣвочки
мѣстѣ; дѣти простолюдиновъ обыкновенно
канчиваютъ свое образованіе на чтеніи, письмѣ
основныхъ началахъ счета и японской исто-
іи; люди же зажиточные даютъ своему по-
омству болѣе обширный кругъ свѣдѣній. При
томъ въ дѣтяхъ стараются развить чувство
ружбы и чести и чувство презрѣнія къ жизни,
сли она не приносится въ жертву идеямъ о
ихъ. Конечно, японскія идеи о чести немножко
ригинальны: такъ, напримѣръ, оскорбленный
ли одураченный сановникъ считаетъ своимъ
епремѣннымъ долгомъ распороть себѣ животъ
ъ присутствіи своихъ друзей и домочадцевъ.

«Высшія и среднія учебныя заведенія Япо-
іи — говоритъ г. Венюковъ — до послѣдняго
ремени были преданы схоластической мудро-
ти, и все время пребыванія въ нихъ главнѣй-
е посвящалось китайскому языку, разнымъ
понскимъ азбукамъ, которыхъ пять, изученію
вѣтистаго стиля и конфуціевой философіи, совершенно, какъ въ Европѣ среднихъ вѣковъ, гдѣ господствовала латынь Квинтиліана и Аристотель». Совершенно какъ у насъ, можемъ мы прибавить, если примемъ въ соображеніе, что китайскій языкъ, китайская схоластика и конфуціева философія для японцевъ составляетъ свой классицизмъ, фундаментъ образованія. Но дальше мы опять встрѣчаемъ несходства: „едва японцы увидѣли превосходство надъ собою европейцевъ, какъ немедленно ввели въ свои университеты преподаваніе реальныхъ наукъ и отбросили на второй планъ китайскую грамматику и риторику".

Въ Японіи молодое поколѣніе, имѣющее, впрочемъ, во всѣхъ странахъ, передъ старымъ преимущество свѣжести силъ и энергіи, тотчасъ послѣ женитьбы получаетъ отъ отца управленіе домомъ и даже поземельною собственностію. Разумѣется, при этомъ опытность старшихъ лѣтами помогаетъ вести дѣла, и устанавливается такимъ образомъ порядокъ, который едва ли можно назвать дурнымъ: «когда старое поколѣніе стоитъ во главѣ общественной или даже только семейной жизни—говоритъ г. Венюковъ—послѣднее обыкновенно попадаетъ въ рутину, и молодое поколѣніе страждетъ отъ недостатка воздуха. Результатомъ же этихъ страданій, какъ извѣстно, бываетъ утомленіе, озлобленность и наконецъ нравственное паденіе, т. е. обращеніе къ рутинерству, предпочтеніе преданій и предразсудковъ голосу разума. Едва ли не въ этой сторонѣ японскаго свѣта можно искать объясненія той изумительной быстроты, съ которою японцы успѣли ввести у себя множество европейскихъ усовершенствованій». Японцы очень любятъ театральныя представленія: въ Іеддо тридцать театровъ, то-есть едва ли не больше, чѣмъ въ Парижѣ. Когда зрители довольны спектаклемъ, они рукоплещутъ; если онъ имъ не нравится, то поворачиваются къ сценѣ спиною. Въ послѣднемъ случаѣ занавѣсъ падаетъ, хотя бы пьеса была неокончена. Лучшихъ актеровъ одариваютъ, но не букетами и драгоцѣнными вещами, какъ у насъ, а одеждой, которую потомъ выкупаютъ у получившаго. Мы долго не кончили бы, еслибы хотѣли перечислять хорошія стороны японскаго быта. Между дурными сторонами его можно указать на страшное развитіе шпіонства. Во времена тайкуновъ шпіонствомъ рѣшительно наполнена

была Японія. Шпіоны дѣлились на нѣсколько разрядовъ: одни оффиціальные, другіе, и конечно важнѣйшіе, совершенно секретные. Въ 1858 г., при переговорахъ съ лордомъ Эльджиномъ, въ числѣ японскихъ уполномоченныхъ былъ одинъ, у котораго на визитной карточкѣ значилось: «императорскій шпіонъ». Быть хорошимъ шпіономъ, находчивымъ, ловкимъ, считалось не послѣдней заслугой, дающей право на видныя отличія. Понятно, что шпіонство главнымъ образомъ имѣло цѣлью служить политическимъ цѣлямъ, то, есть предупрежденію такъ-называемыхъ политическихъ преступленій, причемъ оказалось, что система эта привела къ результатамъ противоположнаго свойства: деморализируя націю, она только подготовляла всякаго рода заговорщиковъ, умѣющихъ ловко дѣйствовать изъ-за угла. Въ послѣдніе четырнадцать лѣтъ, два тайкуна, нѣсколько князей и множество иностранцевъ пали жертвою политическихъ заговоровъ, и шпіоны всегда узнавали объ этомъ послѣ другихъ. Дворецъ самого микадо былъ сожженъ, и шпіоны не предугадывали этого. «Трудно сказать, замѣчаетъ нашъ авторъ, какую участь постигнетъ шпіонство теперь, когда во главѣ Японіи сталъ не тайкунъ, а самъ микадо. Божественная власть его ничѣмъ не оспаривается, ни откуда не угрожается, и вѣроятно онъ безъ труда пойметъ, что достойнѣе его величія опираться на народную любовь и на открыто-вѣрныхъ слугъ отечества, чѣмъ на подпольныхъ агентовъ, всегда склонныхъ къ измѣнѣ, по самому ихъ нравственному характеру». Къ сожалѣнію, опытъ въ дѣлахъ подобнаго рода рѣдко служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ для тѣхъ, которые стоятъ слишкомъ высоко и отдѣлены отъ народа слишкомъ высокою стѣною слугъ сомнительной вѣрности и честности. Отдавая должную справедливость добросовѣстности, сжатости и занимательности труда г. Венюкова, мы никакъ не можемъ понять, почему онъ сдѣлалъ «намѣренный пропускъ одной главы» о правительственномъ устройствѣ современной Японіи.

Трудъ г. Мосолова, составившаго „Отрывки изъ путешествій по восточнымъ областямъ Европейской Турціи“, гораздо проще, чѣмъ трудъ г. Венюкова. Въ то время, какъ послѣдній изучалъ всѣ извѣстныя сочиненія о Японіи и приводилъ ихъ въ довольно стройную систему, г. Мосоловъ просто сдѣлалъ выборку двухъ европейскихъ путешественниковъ Европейской Турціи а путешествіе трет[...] перевелъ цѣликомъ. Изъ нихъ самое нов[...] Генриха Барта относится къ 1864 г., два [...] гія, Буэ и Іохмуса, къ 1853 и 1854 год[...] Всѣ три путешествія имѣютъ характеръ [...]графическо-этнографическій, а одно изъ н[...] кромѣ того, маршрутный. Но при бѣднос[...] насъ сочиненій о Европейской Турціи, [...]пиляція г. Мосолова можетъ принести с[...] пользу.

За Байкаломъ и на Амурѣ. Путевыя картин[...] *Д. И. Стахѣева.* 1869.

Драматическія сочиненія *Д. И. Стахѣева.* Сп[...] 1869 г.

Есть не мало русскихъ путешественнико[...] въ родѣ г. Стахѣева, и поэтому его «путев[...] картины» заслуживаютъ того, чтобъ сказа[...] о нихъ нѣсколько словъ. Г. Стахѣевъ не столь[...] интересуется природой края, его торговлею [...] промышленностію, его жителями, сколько сл[...]чайными встрѣчами и своей собственной осо[...]бой. Это, въ самомъ дѣлѣ, гораздо легче. [...] описанію страны нельзя приступать безъ нѣ[...]которыхъ предварительныхъ знаній, историче[...]скихъ, этнографическихъ, геологическихъ, ста[...]тистическихъ и проч., между тѣмъ какъ опи[...]сывать встрѣчи, гостинницы, разговаривать с[...] солдатомъ и ямщикомъ — на все это хватит[...] всякаго, лишь была бы охота терять на это время и записывать. Пріѣдетъ г. Стахѣевъ въ гостинницу и требуетъ себѣ закусить. Хозяинъ предлагаетъ ему солонины и огурцовъ—г. Ста[...]хѣевъ не хочетъ; хозяинъ предлагаетъ водки— г. Стахѣевъ «молчитъ», хозяинъ предлагаетъ самоваръ — г. Стахѣевъ говоритъ «пожалуй», изъ чего читатель заключаетъ, что г. Стахѣе[...] солонины не ѣстъ и водки не пьетъ, но от[...] самовара, какъ настоящій русскій человѣкъ, не прочь. Идетъ хозяинъ ставить самоваръ, [...] г. Стахѣевъ начинаетъ описывать гостинницу, ея стѣны, ея мебель,—и все это до малѣйшихъ подробностей; иногда путешественнику прихо[...]дятъ въ это время мысли о суетѣ мірской, он[...] и о суетѣ мірской напишетъ; услышитъ путе[...]шественникъ завываніе вѣтра—и о вѣтрѣ н[...]пишетъ страничку-другую, напишетъ плавно и опрятно; взгрустнется ему—онъ и о грусти своей сочтетъ долгомъ повѣдать читателю, [...]

этомъ еще поставитъ нѣсколько точекъ, чтобъ читатель знаʌъ, что путешественникъ еще что-то дѣлалъ, но писать объ этомъ невозможно. Встрѣтитъ г. Стахѣевъ китайцевъ въ Кяхтѣ и поговоритъ, такъ, о самыхъ пустыхъ пустякахъ поговоритъ, потому что китайцы плохо по-русски знаютъ, а г. Стахѣевъ по-китайски совсѣмъ не знаетъ, и, однакожъ, разговоръ запишетъ. Встрѣтитъ г. Стахѣевъ мужиковъ. Мужики ему кланяются и начинаютъ такой разговоръ:

«Добро пожаловать, почтенный.» — Откуда вы? спросилъ я. Мужики помолчали и, почесавъ затылки, переспросили: «Кто? мы-то»? — Да. Откуда, говорю. — «Мы изъ-подъ Хабаровки-и, отвѣчали они растягивая послѣдній слогъ. — Родомъ-то откуда? — «Кто? мы-то?» опять переспросили мужички, переглядываясь между собой. — Да. Откуда, говорю, родомъ-то? — «Родомъ-то»? — Да.—«Гм.» — Нѣсколько времени прошло въ молчаніи. Я опять спросилъ. — Откуда же вы, добрые люди? — «Кто? мы-то»?—Ну, да, конечно вы».

Неправда-ли, какъ все это глубокомысленно, какъ характерно, сколько юмору разсыпано образованнымъ писателемъ, чтобъ образованный читатель могъ сказать: «Господи! какое дурачье эти мужики, — съ г. Стахѣевымъ разговаривать не могутъ». Читаете дальше, перевертываете послѣднюю страницу и въ заключеніе встрѣчаете философское разсужденіе такого рода: «Тѣ впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ путешествія на палубной баржѣ, послужили мнѣ началомъ новыхъ литературныхъ работъ; но придется ли мнѣ когда нибудь ихъ окончить — я и самъ не знаю, потому что не знаю, куда бурная волна жизни унесетъ мой утлый челнокъ, не знаю, въ какія положенія я буду поставленъ роковою, неотразимою силою внѣшнихъ вліяній, рабомъ которыхъ считаю я каждаго человѣка, не признавая за нимъ сотой части той самостоятельной воли, которую онъ себѣ приписываетъ; не признаю я этой воли потому, что образованіе и происхожденіе ея зависятъ опять таки отъ роковой и неотразимой силы внѣшнихъ вліяній».... Не правда ли, разсужденіе хорошее, хотя и напоминаетъ стараго знакомаго, Павла Ивановича Чичикова, который постоянно уподоблялъ свою жизнь утлой ладьѣ среди волнъ.

Не все же, однако, у путешественниковъ въ родѣ г. Стахѣева, одна болтовня? Конечно, не все. Они говорятъ иногда и о дѣлѣ, но по немножку, словно боясь утомить читателя. Нѣсколько свѣдѣній болѣе или менѣе интересныхъ можно выжать изъ книжки въ 400 страницъ, но насколько вѣрны эти свѣдѣнія — вы поручиться никакъ не можете, потому что собраны они то отъ ямщиковъ, то отъ солдатъ, то отъ прохожихъ, то Богъ вѣсть отъ кого. Прохожій сболтнетъ ради краснаго слова, путешественникъ запишетъ; иногда прохожій правду скажетъ, путешественникъ не удосужится записать. Вообще путешественники подобнаго рода, а ихъ — повторяемъ — у насъ не мало, играютъ двусмысленную роль болтуновъ, наивно воображая, что изучаютъ страну и дѣлаютъ дѣло. Писаніямъ ихъ вѣры нельзя давать, и появленіе въ печати ихъ сочиненій можно объяснить только или „роковою, неотразимою силою внѣшнихъ вліяній“, или страстью къ печатанію.

Не смотря на это, мы все-таки предпочитаемъ «путевыя картины» г. Стахѣева его «драматическимъ сочиненіямъ». Въ первыхъ хоть что-нибудь есть, хоть повтореніе задовъ или нѣсколько дѣйствительно интересныхъ страницъ о «рысакахъ», т. е. бѣглыхъ въ Сибири, во вторыхъ же ровно ничего нѣтъ, кромѣ того либерализма, который мелко плаваетъ, но много пузырей на водѣ производитъ. Драматическія сочиненія г. Стахѣева состоятъ изъ двухъ «драматическихъ комедій», изъ которыхъ одна «Лучъ въ темномъ царствѣ» была играна въ нынѣшнемъ сезонѣ на александринской сценѣ и не имѣла успѣха; другая, «Знакомыя все лица», появляется въ первый разъ. Обѣ «драматическія комедіи» изображаютъ купеческій бытъ, въ жалкихъ сколкахъ съ г. Островскаго, хоть г. Стахѣевъ, въ предисловіи къ книжкѣ своей, утверждаетъ, что онъ прокладываетъ новый путь. Островскій, по его мнѣнію, «не даетъ намъ почти никакого понятія о купцѣ, какъ о человѣкѣ, не заглядываетъ въ его внутренній, духовный міръ», не показываетъ «священной искры божественнаго огня, которая долго, долго можетъ тлѣть на днѣ его (купца) души». «Намѣреніе мое было, продолжаетъ онъ, именно такое, чтобы показать въ человѣкѣ-самодурѣ того внутренняго человѣка, котораго не видимъ въ герояхъ Островскаго. Если не удалось мнѣ, то, можетъ быть, явится другой

талантъ (г. Стахѣевъ считаетъ себя талантомъ) и работа, начатая мною, найдетъ впослѣдствіи лучшихъ исполнителей». Вотъ какіе странные люди бываютъ: не видятъ они у Островскаго внутренняго человѣка и начинаютъ его отыскивать въ себѣ, отыскивать въ потѣ лица и производятъ внѣшняго человѣка, куклу безъ жизни и движенія, газетныя „отмѣтки" въ лицахъ, то-есть именно то, чего у Островскаго нѣтъ,—производятъ, и счастливы. Надо имѣть слишкомъ суровое сердце, чтобъ разрушать счастье, купленное столь дорогою цѣной.

Рабочій вопросъ въ его современномъ значеніи и средства къ его разрѣшенію. Сочиненіе *Эрнеста Бехера.* Переводъ (съ нѣмецкаго) подъ редакціею *П. Н. Ткачева.* Съ приложеніемъ уставовъ народнаго банка Прудона и уставовъ международной ассоціаціи рабочихъ. Спб. 1869.

Рабочій вопросъ ярко выдвигается впередъ въ общественной и политической жизни Европы и часто напоминаетъ даже людямъ равнодушнымъ къ соціальному движенію о болѣзни современнаго экономическаго организма. Возникнувъ въ глубокой древности, когда люди только что начали устраиваться въ общества, вопросъ этотъ развивался сначала ничтожно и почти невидимо, только изрѣдка заявляя о себѣ, какъ во время Спартака или въ періодъ реформаціи, весьма рѣшительнымъ образомъ. Въ наше время, когда въ общественное сознаніе болѣе и болѣе начала входить та истина, что съ рабочимъ вопросомъ связанъ весь строй соціальной жизни, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Русская журналистика очень часто занималась рабочимъ движеніемъ на западѣ, но никогда не трогала его въ своемъ отечествѣ. Существуетъ ли онъ? Изрѣдка мы слышимъ о стачкахъ на нашихъ фабрикахъ, о неудовлетворительномъ положеніи на нихъ рабочихъ, объ учрежденіи артелей, но все это является въ отрывочной, неопредѣленной формѣ, какими-то глухими, отдаленными намеками на значеніе въ будущемъ. Отечественная наука съ большой охотою обращается къ философіи Платона, къ значенію или, правильнѣе, къ ничтожеству какой-нибудь исчезнувшей стихотворной формы у римскихъ поэтовъ и проч., чѣмъ къ той кропотливой, но болѣе полезной работѣ, которая указывается современной дѣйствительностью. Въ этой дѣйствительности нельзя не видѣть, напр., развитія промышленности, образованія капиталовъ и ихъ силу, нельзя не видѣть и того, что при большемъ умственномъ развитіи рабочаго населенія и большей свободѣ, отношенія между капиталомъ и трудомъ подвергнутся критикѣ, и рабочій вопросъ всплыветъ на поверхность общественной жизни и предъявитъ свои права съ тою же неумолимою логикою, съ какимъ явилось право на поземельный надѣлъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Правда, условія нашей жизни быть можетъ, не совсѣмъ тѣ же, что на Западѣ, но не надо забывать, что извѣстныя историческія явленія неизбѣжны во всѣхъ странахъ, претендующихъ на участіе во всемірной цивилизаціи, и что явленія эти, подготовляясь незамѣтно, иногда выростаютъ словно разомъ, какъ случилось, напр., это въ Австріи въ послѣднее время именно съ рабочимъ вопросомъ. Конечно, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы имѣемъ преимущество передъ Западомъ въ томъ отношеніи, что можемъ располагать возможностью выбора между средствами, не нами выработанными, не нашими пожертвованіями возведенными; но чтобъ не ошибиться въ выборѣ, мы должны съ особеннымъ вниманіемъ прислушиваться къ тому, что дѣлается около насъ. Полнѣйшее отдѣленіе капитала отъ труда, вызванное промышленностью и крупнымъ производствомъ, разорвало на Западѣ всякія личныя отношенія между капиталами и рабочими, низведя послѣднихъ до степени орудія, на которое обращаютъ вниманіе только до тѣхъ поръ, пока оно къ чему-нибудь годно и лишь настолько, насколько этого требуетъ польза его хозяина.

Вопросъ, такимъ образомъ, сводится или къ соціальной революціи въ отдаленномъ будущемъ, конечно, или къ примиренію. Выборъ между этими двумя средствами сдѣланъ уже, какъ сторонами прямо заинтересованными, такъ и представителями соціальной науки, выборъ, конечно, на сторонѣ примиренія. Эта идея руководитъ и Бехеромъ; основательно изучивъ рабочій вопросъ въ его историческомъ ходѣ и современномъ движеніи, онъ представляетъ сжатую, но довольно живую и вѣрную картину, начиная съ древности до нашихъ временъ. Положенію рабочаго класса въ древности и средніе вѣка отведено въ книгѣ весьма

значительное мѣсто и главное вниманіе авра обращено на XIX вѣкъ, на рабочее двиніе въ Англіи, Франціи и Германіи. Это илучшая часть книги, хотя не достаточно лная. Такъ, говоря о рабочемъ движеніи Франціи, Бехеръ едва одну страницу помѣщаетъ соціалистическимъ и коммунистическимъ теоріямъ Сенъ-Симона, Фурье, Бюшеза, абе, и ни слова не говоритъ о ихъ предшественникахъ, не отрицая, однако же, «огромнаго вліянія» всѣхъ этихъ теоретиковъ на рабочее движеніе. При обзорѣ рабочаго движенія въ Англіи, онъ едва упоминаетъ о Робертѣ Оуэнѣ и его практическихъ примѣненіяхъ къ дѣйствительности своихъ соціалистическихъ идей. Вообще Бехеръ мало занимается теоретическою частью вопроса и отдается только практическимъ результатамъ. Какъ нѣмецъ, онъ останавливается преимущественно на Германіи, хотя справедливость требовала освятить больше мѣста англійскому рабочему движенію, гдѣ въ послѣдніе тридцать лѣтъ, по истинѣ колоссальная энергія рабочихъ, ихъ собственная инициатива и самодѣятельность, развившаяся при помощи высшихъ общественныхъ слоевъ и правительственной власти, сдѣлали то, что мирное разрѣшеніе рабочаго вопроса стало казаться возможнымъ. На такое же разрѣшеніе разсчитываетъ Бехеръ и въ Германіи, примыкая къ партіи Лассаля, которой онъ придаетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ партіи Шульце-Делича. По его совершенно справедливому мнѣнію, шульцеанизмъ можетъ помочь уничтоженію пролетаріата мелкихъ предпринимателей, которыми кишитъ Германія; самопомощь, рекомендуемая имъ и одобряемая либеральной буржуазіей, выводитъ изъ затрудненія только тѣхъ, кому есть что сберегать; массѣ же рабочихъ сберегать нечего.

Покончивъ съ исторической частью своей задачи, Бехеръ посвящаетъ другую часть своего труда, во-первыхъ, критикѣ нѣкоторыхъ частностей лассалевской программы, критикѣ довольно слабой, и во-вторыхъ, собственнымъ соображеніямъ къ рѣшенію рабочаго вопроса. Капитальнымъ средствомъ для этого онъ считаетъ, подобно Лассалю, производительную ассоціацію, которая вноситъ въ современную экономическую систему элементъ, необходимый для коренного уничтоженія ея недостатковъ. Соединяя массу рабочихъ въ одно цѣлое и противопоставляя ее единичнымъ предпринимателямъ-капиталистамъ, ассоціація эта даетъ возможность рабочимъ получать весь доходъ съ предпріятія въ свою пользу, способствуетъ увеличенію заработной платы вообще и возвышаетъ уровень матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія рабочихъ. Но для устройства такой ассоціаціи нужны средства, а у рабочихъ ихъ нѣтъ. Средства должно доставить государство, и именно такое государство, въ которомъ монархическая власть настолько сильна, что стоитъ выше партій и можетъ приняться за разрѣшенія трудной задачи наперекоръ тѣмъ классамъ населенія, противъ которыхъ главнымъ образомъ и направлено рабочее движеніе. Въ нѣсколькихъ словахъ Бехеръ такъ рекомендуетъ свою программу: «Проходящія передъ нами явленія современной жизни заставляютъ насъ признать въ образованіи—необходимое условіе, въ ассоціаціи—наиболѣе цѣлесообразную форму, въ сознаніи солидарности — прочную основу, въ самодѣятельности—здоровую силу, а въ государственной помощи—возможное средство осуществленія рабочей реформы». Программа эта не заключаютъ въ себѣ ничего особенно новаго, но нѣкоторыя частности ея и пути, которыя она себѣ избираетъ, подлежатъ спору. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о редакціи перевода.

Г. Ткачевъ сопроводилъ сочиненіе Бехера своимъ предисловіемъ и нѣсколькими подстрочными примѣчаніями; какъ то, такъ и другія довольно безполезны, ибо написаны кажется съ единственною цѣлью заявить о пылкости своихъ чувствъ и о томъ, что «независящія» отъ г. Ткачева „обстоятельства“ помѣшали ему подробно обсудить нѣкоторыя положенія Бехера, съ которыми онъ не согласенъ. Не понимая, какое можетъ быть дѣло до этого читателю, имѣющему полное основаніе не знать за г. Ткачевымъ никакихъ ученыхъ заслугъ, никакого авторитета даже съ микроскопическимъ значеніемъ, мы думаемъ, что „независящія“ отъ него „обстоятельства“ тутъ ни причемъ, тѣмъ болѣе, что книга издана безъ цензуры. Оставляя въ сторонѣ эти „независящія обстоятельства“, съ которыми онъ не однажды фигурируетъ то въ предисловіи, то въ примѣчаніяхъ, мы посовѣтовали бы г. Ткачеву по-

больше простой добросовѣстности въ томъ дѣлѣ, за которое онъ взялся. Вотъ довольно яркій примѣръ того невниманія, съ которымъ редактировалъ онъ „Рабочій вопросъ". Бехеръ говоритъ: „Фурье открылъ собою рядъ этихъ теоретиковъ (соціалистовъ), С.-Симонъ явился его оригинальнымъ послѣдователемъ". Фраза эта не отличается точностью, и поправить ее было легко въ самомъ текстѣ; г-нъ же Ткачевъ предпочелъ написать примѣчаніе и въ примѣчаніи излить свое негодованіе, въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, на нѣмецкаго экономиста, который будто бы совершенно незнакомъ съ исторіей развитія соціальныхъ идей во Франціи, потому что сказалъ, что „Фурье былъ *предшественникомъ* и *послѣдователемъ* С.-Симона", тогда какъ Бехеръ ничего подобнаго не говорилъ. Приписывать ученому то, чего онъ не говорилъ, и затѣмъ опровергать это—довольно счастливая манера для обнаруженія пылкости своихъ чувствъ, но отнюдь не добросовѣстности и знанія. Г. Ткачевъ поступилъ бы цѣлесообразнѣе, еслибъ, при редактированіи сочиненія Бехера, ограничился ролью корректора: быть можетъ тогда Рикардо не былъ бы названъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Рикордо, Бюшезъ — Бухецомъ, Кабе — Каба, реставрація — ресторацiей, палліативъ — полліативомъ, Нью-Ленаркъ — Нью - Ламаркомъ, и проч. и проч.

Русскія сказки *Н. Ахшарумова*, съ рисунками для дѣтей. Спб. 1869.

Новыя сказки *Эдуарда Лабуле*, съ рисунками Жана Д'Аржана. Спб. 1869.

Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣтное путешествіе. Соч. *Жюля Верна*. Въ трехъ частяхъ. Со 172 рисунками художника Ріу. Переводъ *Марка Вовчка*. Спб. 1869.

Въ предисловіи къ своимъ сказкамъ г. Ахшарумовъ счелъ нужнымъ поставить вопросъ: полезно или вредно давать дѣтямъ въ руки сказки? Какъ авторъ сказокъ, онъ, конечно, рѣшаетъ вопросъ въ пользу ихъ; мы не станемъ разбирать всѣхъ доводовъ г. Ахшарумова, потому что это заставило бы насъ написать столь же длинное разсужденіе, какъ и само предисловіе. Замѣтимъ только, что г. Ахшарумовъ весьма слабо опровергаетъ два положенія противниковъ сказокъ, какъ воспитательнаго средства: первое, что сказки развиваютъ въ дѣтяхъ суевѣріе, второе, что он[и], заставляя сильно работать воображеніе, ра[з]виваютъ эту способность въ болѣзненной [и] уродливой степени, и въ ущербъ разсудку. М[ы] не принадлежимъ къ числу гонителей сказо[къ] изъ воспитанія, мы не думаемъ, что, вмѣсто ихъ, ребенку непремѣнно надо разсказывать только исторію разныхъ букашекъ и что такія исторіи гораздо поучительнѣе. Мы думаемъ только, что необходимъ чрезвычайно строгій выборъ сказокъ для дѣтей, такой выборъ, гдѣ бы не было никакой «чертовщины», вредно дѣйствующей на нервы, раздражающей ребенка, наполняющей его головку страшными грезами. Только та сказка можетъ быть полезна въ воспитательномъ отношеніи, которая проникнута гуманной мыслью и въ поэтическихъ образахъ поясняетъ или явленія природы, или общественныя отношенія. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ лучшаго сказочника, какъ Андерсонъ. Русскія народныя сказки весьма мало пригодны для этого, а передѣлка нѣкоторыхъ изъ нихъ г. Ахшарумовымъ едва ли увеличила ихъ достоинства. Двѣ изъ собственныхъ сказокъ г. Ахшарумова («Вѣтрова хозяюшка» и «Маланьины стрѣлки») написаны для того, чтобъ представить дѣтямъ полезную силу вѣтра въ экономіи природы и промышленности и силу электричества; разсказаны бойко и живо, но лишены поэтическаго колорита.

„Новыя сказки Эдуарда Лабулэ" — пересказъ нѣкоторыхъ испанскихъ, норвежскихъ и итальянскихъ сказокъ, пересказъ не всегда удачный по формѣ, слишкомъ многорѣчивый и водянистый, но проникнутый по большей части здравыми идеями; нѣкоторыя изъ нихъ, совершенно пригодны для дѣтей, напр. „Паша-Пастухъ"; переводъ ихъ не совсѣмъ удовлетворителенъ, напр.: „отецъ пугался, словно монахъ, который забылъ обѣдню, перемѣнилъ разговоръ и вынималъ изъ кармана какой нибудь подарокъ, *имѣвъ его всегда въ запасѣ*".

„Дѣти капитана Гранта" могутъ быть также причислены къ сказкамъ, но къ сказкамъ безспорно полезнымъ, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Жюль Вернъ составилъ себѣ репутацію необыкновенно занимательнаго разскащика - популяризатора научныхъ свѣдѣній изъ области географіи, геологіи и астрономіи. Произведенія его по внѣшнему, сказочному интересу, могутъ быть сравнены только съ са-

мыми увлекательными романами, а по внутреннему достоинству, то-есть по суммѣ научныхъ знаній, остающихся послѣ такого чтенія, и нравственному впечатлѣнію, къ самымъ занимательнымъ путешествіямъ. Какой-то англійскій лордъ строитъ свой пароходъ и отправляется на немъ прокатиться по морю; мореходы ловятъ рыбу-молотокъ и находятъ въ ея внутренности бутылку съ исписанной бумагой; нѣкоторыя буквы стерты, но все же можно понять, что какой-то бригъ разбился и спасшіеся съ него капитанъ и двое матросовъ просятъ о помощи. По справкамъ оказывается, что разбившійся бригъ — „Британія", а капитаномъ на немъ былъ Грантъ. Лордъ хлопочетъ, чтобъ англійское правительство снарядило экспедицію для отысканія несчастныхъ; получивъ отказъ, онъ вызываетъ къ себѣ дѣтей Гранта, оставшихся въ Лондонѣ, и въ сообществѣ ихъ и нѣсколькихъ отважныхъ путешественниковъ пускается на своихъ пароходахъ отыскивать Гранта. Вотъ канва, которая дала Верну возможность совершить съ своими вымышленными героями кругосвѣтное путешествіе, исполненное самыхъ невѣроятныхъ приключеній. Переводъ не вездѣ гладокъ; нѣкоторыя географическія имена переданы г. Вовчкомъ на французскій ладъ; кое-гдѣ слѣдовало бы сдѣлать сокращеніе въ текстѣ, отчего книга выиграла бы въ интересѣ; рисунки по большей части совсѣмъ безполезные и только дѣлающіе книгу весьма мало доступною по цѣнѣ.

Очеркъ практической педагогіи. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Сочиненіе д-ра *Ф. Диттеса*, директора учительской семинаріи въ Готѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей *І. Паульсона*. Спб. 1869.

Воспитаніе человѣка многіе сравниваютъ съ воспитаніемъ растенія. Для развитія каждаго растенія необходимы извѣстныя суммы условій, изъ которыхъ одни прилагаются въ видѣ общаго правила; другія видоизмѣняются, смотря по разнообразію растительныхъ группъ; третьи, наконецъ, видоизмѣняются, смотря по разнообразію самыхъ видовъ, составляющихъ группу. Изучить эти условія по указаніямъ опыта и приложить ихъ на практикѣ въ мѣрѣ возможности — значитъ устранить въ такой же мѣрѣ случайность и найдти для развитія извѣстные законы; для человѣческой души нуженъ такой же уходъ, такое же изученіе, которое поставило бы ее въ среду, помогающую ея нормальному развитію. Благородныя усилія лучшихъ людей во всѣ времена были направлены въ эту сторону, и воспитаніе человѣчества пріобрѣтало все болѣе и болѣе прочную почву. Россія почти не принимала участія въ педагогическомъ движеніи; самое слово «педагогика» вошло въ довольно обширное употребленіе только недавно, да и то, большею частію, довольно безсознательно. «Всѣ мы, преподающіе педагогику, смѣло свидѣтельствуетъ г. Паульсонъ, изучали ее на скорую руку, гдѣ-нибудь и какъ-нибудь; а иные и совсѣмъ не изучали, а все-таки преподаютъ». О русской системѣ педагогики, стало быть, говорить нечего, и намъ приходится довольствоваться тѣмъ, что выработано на Западѣ. Г. Паульсонъ переноситъ на нашу почву сочиненіе Диттеса и рекомендуетъ его, какъ полезное руководство для такъ-называемыхъ педагогическихъ курсовъ, спеціально назначенныхъ для приготовленія учителей, и для старшихъ классовъ женскихъ гимназій и институтовъ, гдѣ преподается педагогика.

Мы готовы согласиться, что курсъ этотъ дѣйствительно можетъ принести пользу какъ учащимъ и учащимся, такъ и родителямъ, но польза эта будетъ весьма несовершенною до тѣхъ поръ, пока не примутся за серьезное изученіе педагогики лица, стоящія во главѣ учебнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, этого трудно ожидать, покрайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, а безъ того плоды, приносимые педагогикой, будутъ всегда тощи. Мы говоримъ не шутя, а какъ нельзя болѣе серьезно, и, для наглядности, проведемъ нѣкоторыя параллели. Педагогика научаетъ васъ не обременять дѣтей занятіями, для чего указываетъ minimum и maximum учебныхъ часовъ въ недѣлю; педагогика требуетъ значительнаго отдыха между учебными часами, который полезно посвящается развитію и укрѣпленію тѣла, и проч. и проч. Для чего вы усвоите себѣ эти правила, когда прилагать ихъ къ дѣйствительности вамъ не придется, когда эта дѣйствительность обременяетъ дѣтей и массою учебныхъ предметовъ, и массою учебныхъ часовъ, когда эта дѣйствительность не заботится о развитіи и укрѣпленіи тѣла, и предпочитаетъ все золотушное, но по-

глотившее латинскую мудрость. всему тому, что сохранило свѣжесть тѣла и духа, благодаря развитію на другихъ, болѣе раціональныхъ началахъ.... И какое чувство возникаетъ въ молодой дѣвушкѣ или молодомъ человѣкѣ, когда они, пройдя гимназическую мудрость, прочтутъ въ «Очеркѣ практической педагогики» слѣдующія строки:

«Если въ школѣ сообщается бо́льшая масса познаній, нежели дѣти въ состояніи преодолѣть, т. е. самостоятельно переработать, то результаты для жизни, даже матеріальные, окажутся гораздо скуднѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по количеству употребленныхъ средствъ. И если занятія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ почти исключительно состоятъ въ изученіи предписанной массы знаній, то нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ этихъ заведеній выходитъ, относительно, чрезвычайно мало производительныхъ талантовъ, которые возвышались бы надъ уровнемъ обыкновенной рутины и трудами своими содѣйствовали бы общему успѣху цивилизаціи».

Не блеснетъ ли имъ изъ-за этихъ строкъ тою истиной, которая отдается въ душѣ горькими сожалѣніями о напрасно потерянныхъ силахъ, о лучшихъ годахъ жизни, принесенныхъ въ жертву упорству или капризу какого-нибудь непризнаннаго и невѣжественнаго педагога, выдвинутаго изъ толпы рутинеровъ случаемъ?

А. С.

Опечатка и поправка. — Въ январьской хроникѣ вкралась опечатка; на стр. 979, четвертая строчка снизу, напечатано: 4 страницы — слѣдуетъ: 4 строчки. На той же страницѣ, при разборѣ учебника г. Шуфа, мы замѣтили, что въ его учебникѣ нѣтъ ни слова объ Уложеніи, между тѣмъ, какъ послѣ мы открыли пару словъ объ этомъ предметѣ; но эта находка, впрочемъ, не измѣняетъ сущности нашего взгляда на достоинство самаго учебника.

Въ № 43 „Судебнаго Вѣстника" помѣщена „Замѣтка по поводу мнѣнія „Вѣстника Европы" объ адвокатурѣ", которое было высказано нашимъ журналомъ относительно жалобы г. Дмоховскаго на г. Лохвицкаго, за личное оскорбленіе послѣднимъ перваго во время процесса г. Бильбасова (см. февр. 966 стр.). „Судебный Вѣстникъ", не возражая прямо „Вѣстнику Европы", ограничивается выводами изъ этого мнѣнія, сдѣланными не „Вѣстникомъ Европы", а самимъ же „Судебнымъ Вѣстникомъ", и, пораженный своими же выводами, восклицаетъ: „Все это очень мило и внушительно!" Намъ нельзя спорить съ „Судебнымъ Вѣстникомъ", потому что и онъ не споритъ съ нами, а только представляетъ обращикъ логики собственнаго издѣлія. По общечеловѣческой логикѣ, изъ цѣлости мнѣнія „Вѣстника Европы" можно вывести слѣдующее заключеніе: 1) „Вѣстникъ Европы" полагаетъ, что адвокатъ долженъ пользоваться въ судѣ свободою слова, и не подлежитъ другой отвѣтственности, кромѣ той власти, которая дана закономъ предсѣдателю суда; 2) что уродованіе дѣла на судѣ не представляетъ опасности, такъ какъ противная сторона имѣетъ своего адвоката, который не допуститъ такого уродованія; и 3) уродованіе же личностей противниковъ навлечетъ на адвоката, помимо власти предсѣдателя, кару общественнаго мнѣнія, а не мирового суда, какъ того хотѣлъ г. Дмоховскій. Итакъ, „Вѣстникъ Европы" не думалъ считать „совершенно дозволеннымъ и нравственнымъ уродовать дѣло", точно также, какъ онъ не желалъ бы видѣть свои мнѣнія уродованными логикою „Судебнаго Вѣстника", которую въ этомъ случаѣ можно назвать логикою ad usum delphini.

М. Стасюлевичъ.